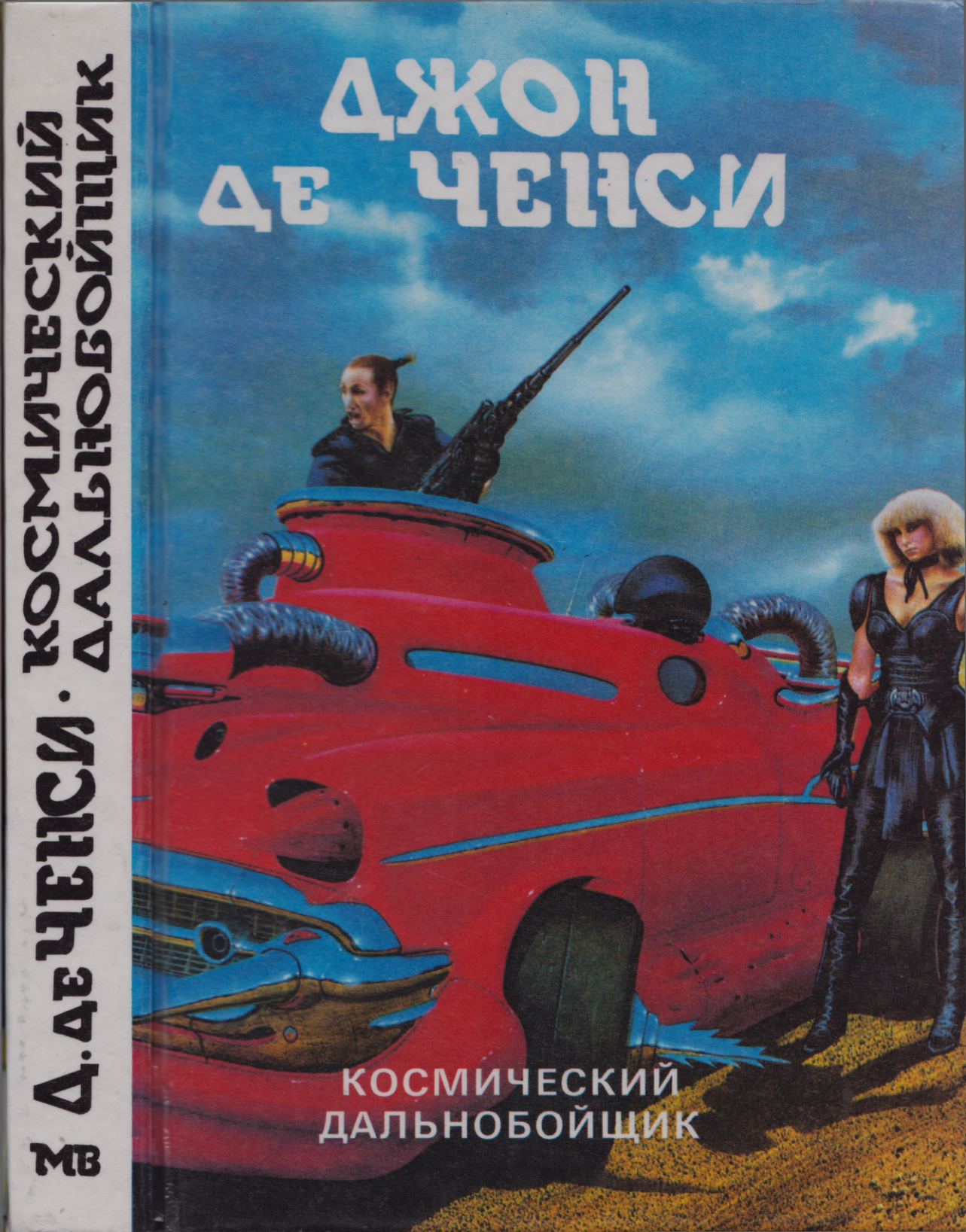

Д. де ЧЕНСИ · КОСМИЧЕСКИЙ ДАЛЬНОБОЙЩИК

МВ

МОСКВА
ТОО «ТРАНСПОРТ»
1994

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

18

ДЖОН де ЧЕНСИ

КОСМИЧЕСКИЙ ДАЛЬНОБОЙЩИК

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Главный герой романа — Джейк Мак-Гроу, водитель тяжеловоза, работающего на атомной энергии. Он перевозит грузы с Земли на другие планеты по удивительной дороге — Космостраде. Кто, когда и зачем построил космическую дорогу — на эти вопросы пытается найти ответ Джейк. Друзья и враги сопровождают его в путешествии, он открывает полные загадок другие миры, встречается с инопланетянами. Ему предстоит раскрыть тайну «черного кубика», совершить прыжок в пространстве и во времени, преодолеть на своей машине всю Галактику, чтобы в конце пути встретиться со строителями Космострады, понять цель и смысл её создания.

ISBN 5-85550-021-7

© Транспорт

КОСМИЧЕСКИЙ ДАЛЬНОБОЙЩИК

Глава первая

Впервые я подцепил ее на Тау Кита 11. По крайней мере, я почти уверен, что первый раз было именно тогда. Все зависит от того, как на это посмотреть.

Она стояла последней в обычной очереди звездных хичхайкеров, ну, знаете, тех, кто пробираются всюду автостопом и стоят, выставляя большой палец вверх возле въезда на Космостраду, там, где выезжают на трассу Эпсилона Эридана. Высокая, с короткими темными волосами, она стояла в серебристом костюме из Всеклима, предназначенном для суровых условий. Костюм пытался спрятать ее фигуру, но совершенно и полностью потерпел в этом неудачу. Она скромно держала свой зонтик от ультрафиолетовых лучей против слепящего солнца Тау, а палец ее торчал кверху знакомым с незапамятных времен жестом. Она улыбалась непреодолимо, уверенно, чертовски здорово зная, что ее сгребет в охапку первый же водитель мужского пола, чья эндокринная система в этот день подключена к организму. Моя-то работала полным ходом, и она это знала.

— Как ты думаешь? — спросил я Сэма. Он обычно имел четкое мнение по таким вопросам. — Что, звездная девочка-прилипала?

Он рассматривал ее какую-то микросекунду.

— Не-а. Слишком хорошенькая.

— У тебя какие-то допотопные представления. Но чему тут удивляться, они у тебя всегда были.

— Собираешься ее подобрать?

Я затормозил и стал отвечать, но, когда мы проехали чуть мимо нее, улыбка ее чуть потускнела, а брови вопросительно поднялись, словно ей показалось, что она меня узнала. Выражение ее лица только наполовину успело измениться, прежде чем мы пролетели мимо. Это и решило дело. Я как следует затормозил, направил грузовик к обочине, довел до полной остановки и подождал, глядя в параболическое зеркало заднего обзора, когда она побежала к нам.

— Что-то необычное? — спросил Сэм.

— Э-э-э... даже не знаю. Ты ее узнаешь?

— Не-а.

Я потер щетину на подбородке. Ей-богу, никогда у меня не получается быть гладко выбритым, когда это имеет значение.

— Ты считаешь, что с ней будут проблемы и хлопоты?

— Женщина с такой внешностью — всегда проблема. А если ты считаешь, что это старомодное представление, то вытри с губ молоко и поумней.

Я глубоко вздохнул, уравновесил давление в кабине с наружным, потом открыл пассажирский шлюз. Там, в пустыне, было потише, но ее шаги заглушал разреженный воздух. Она все еще бежала к нам, я ее обогнал на хорошее расстояние, потому что я всегда с ревом проношусь мимо хичхайкеров, чтобы их немножко поприструнить, сбить с них спесь, так сказать. Кое-кто из них, бывает, ведет себя довольно настырно, выходит на дорогу прямо перед тобой и пытается таким манером остановить тебя во что бы то ни стало. Чуть раньше я размазал одного такого на полклика дороги, был такой развеселый парень, что выскочил прямо перед носом. Колониальные менты составили протокол, сказали, что, дескать, как мне не ай-яй-яй, и не велели больше так поступать, по крайней мере, во время их дежурства.

Я услышал, как она, запыхавшись, влезает по тяжеловозу и карабкается по лестнице, вделанной в бок. Голова ее показалась над сиденьем, и, право слово, это была очень хорошенькая головка. Темно-синие глаза, чистая светлая кожа, высокие скулы, словом, симметрична, как манекенщица. Такую мордашку не каждый день увидишь, мне как-то всегда казалось, что таких вообще не существует, вот только разве в фантазиях фотографов модных журналов, которые свои модели создают на компьютере. Макияж у нее был совсем легкий, но очень эффектный, бил он прямо в десятку. Я был уверен, что раньше никогда ее не видел, но когда она сказала: «Так я и подумала, что это ты!», я усомнился.

Она сняла свою пластиковую прозрачную дыхательную маску и с удивлением покачала головой.

— Господи, вот уж не ожидала... — она не окончила фразу и пожала плечами. — Ну, если хорошенько подумать, то такая встреча была неизбежна, пока я оставалась на Космостраде.

Она улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.

— Тебе нравится эта атмосфера?

— А? О, извини, пожалуйста, — она протянула руку и захлопнула люк. — Воздух тут разреженный и попахивает озоном.

Она окончательно сложила зонтик, вывернулась из своего комбинированного рюкзака-респиратора и поставила его между колен на пол, потом открыла его и засунула внутрь зонтик.

— Попробуй постоять там пару часиков с непокрытой головой! Вся беда в том, что, — тут она натянула на себя капю-

шон костюма,— если ты надеваешь на себя эту штуку, никто не понимает, как ты выглядишь.

Что правда, то правда. Я включил мотор и выехал обратно на трассу. Мы ехали молча, пока я не выехал под выездную арку на Космостраду. Я приладил поток плазмы, и скоро мой тяжеловоз порол пространство со скоростью 100 метров в секунду, а может, и больше. Впереди Космострада простиралась черной лентой среди ядовито-желтых песков по прямой, уходя до линии горизонта, где и терялась. Примерно час езды до следующих постов дорожной службы, где взимают налог за проезд. Небо было чистым, фиолетовым, как это обычно на Тау Кита 11 и бывает. У меня в кабине сидела хорошенькая женщина, которая ехала на халяву, и мне было хорошо от всего на свете, пусть даже Сэм и я ждали неприятностей на этом маршруте. Если не считать мучительной загадки, почему она себя вела так, словно мы знали друг друга, в то время как я был уверен, что никогда в глаза ее не видел, все складывалось просто тип-топ. То, как она на меня смотрела, немного вгоняло меня в краску, но я все же хотел, чтобы она первая заговорила и подсказала бы мне, как себя вести. Я готов был играть эту музыку на слух и с импровизацией.

Наконец она сказала:

— Я ожидала, что ты можешь отреагировать на меня поразному, но что ты будешь молчать... никак не думала.

Я проверил информацию носовых сканнеров, потом дал сведения Сэму. Он принял управление на себя и подтвердил это.

Она повернулась к глазу Сэма на панели управления и помахала ему рукой.

— Привет, Сэм,— сказала она.— Сколько лет, сколько зим, и все такое.

— Как жизнь?— ответил он.— Приятно снова встретиться.

Сэм знал, как надо врать по нотам.

Я отклонил спинку капитанского кресла назад и повернулся на сиденье боком.

— А что ты ждала?— спросил я.

— Ну, сперва, может быть, приятной беседы, потом немного сожаления и досады в голосе. С твоей стороны, разумеется.

— Досада? С моей стороны?— нахмурился я.— Почему?

Она была озадачена.

— Ну... не знаю, мне так показалось.

Она медленно повернула голову и выглянула из иллюминатора, глядя на то, как катится мимо пустыня. Я внимательно изучал ее затылок. Наконец, не оглядываясь назад, она сказала:

— А разве... ты не растерялся, когда я взяла да и исчезла от тебя просто так, за здорово живешь?

Мне показалось, что я подметил нотку разочарования в ее

голосе. Я проехал метров с тыщу, прежде чем ответить, и осторожно сказал:

— Так оно и было, но я это пережил. Я же знал, что ты — вольная птица.

Я надеялся, что это прозвучало хорошо и правильно.

Под нами пролетел еще один добрый кусок Космострады, и я от нее услышал следующее:

— Мне тебя не хватало. Правда. Но у меня были свои причины, чтобы просто так ускользнуть и оставить тебя. Прости, если тогда это показалось тебе бесчувственным поступком.

Она прикусила губу и неуверенно посмотрела на меня, пытаясь понять, что же я думаю. Она не смогла прочитать по моему лицу почти ничего и сдалась.

— Извини, — сказала она со смущенным смехом. — По-моему, даже слово «бесчувственный» не вполне тут соответствует положению. Грубость и жестокость — вот как бы *я это назвала.*

— Ну, жестокой ты мне никогда не казалась, — импровизировал я дальше. — Я уверен, что у тебя были веские причины так поступить.

Я сказал это более лукаво, чем сам намеревался.

— Все же, наверное, надо было тебе написать, — она быстро повернулась ко мне и хихикнула. — Вот только адреса у тебя нет.

— В конце концов, всегда есть адрес конторы Гильдии.

— В последний раз, когда я видела твой стол, он был завален на шесть метров письмами, на которые ты не ответил.

— А я никогда не умел поддерживать порядок на письменном столе. Врожденное омерзение ко всякой бумажной работе.

— Ну, все же... — казалось, она сама не знала, как продолжать беседу дальше. У меня же не было никакого представления, как ей в этом помочь. Поэтому я встал и сказал, что собираюсь поставить кофе. Она отклонила предложение присоединиться.

А я пошел в кормовую кабину, поставил кофеварку, потом уселся в крохотную столовую нишу и хорошенько подумал над всем этим.

— Похоже на то, что она подкинула тебе Времянку, сынок, — прошептал мне в ухо Сэм по тайной связи. — Или, мне бы лучше сказать, что мы вот-вот войдем во Времянку.

— Угу, — пробормотал я. Я все еще думал. Парадокс времени дает вам очень небогатый выбор — или, наоборот, слишком много выборов, — все зависит от того, как на это посмотреть. Как бы я на это ни смотрел, мне такие штуки не нравились. Я провел так довольно много времени, сидя за столиком в кабине, думая над самой проблемой с омерзением. Вообще-то, я сам не знал, сколько времени вот так сижу, пока голос Сэма не прозвучал из усилителя кабины:

— Впереди таможенный контроль, налоговая инспекция.

Я отправился обратно в кабину и пристегнулся на сиденье водителя. Женщина свернулась на одном из задних сидений, закрыв глаза, но открыла их, пока я пристегивался. Я велел ей сделать то же самое. Она подошла ко мне, уселась в сиденье стрелка, как мы его называем, и послушно выполнила приказание.

— Порядок, Сэм,— сказал я.— Дай мне скорость приближения.

— Один-один-два-запятая-шесть-девять-три метра в секунду.

— Проверь. Пусть на счетчике будут какие-нибудь круглые цифры, и чтобы нам было полегче.

— А чего ж не сделать,— весело сказал Сэм.— Выезжаем на один-один-пять... вот! Нет... Чуть больше... ровнее... О'кей, нашел самое оно. Зафиксировано. Один-один-пять, ровно.

— Порядок.

Теперь мне были видны здания таможенного контроля и сбора дорожной пошлины. «Посты ГАИ», как мы их звали. На самом-то деле они называются «объекты Керра-Типлера», но у нас для них множество имен и названий — это титанические темные цилиндры, которые торчат в небо, словно невероятно большие силосные башни, некоторые до пяти километров высотой.

— Шесть километров, и мы там,— сказал Сэм.— Мы на луче.

— Проверяем,— сказал я. Знаки уже надвигались на нас. Я дал сигнал на английский язык.

ВЫ ПРИБЛИЖАЕТЕСЬ К АРКЕ ВЪЕЗДА НА МОСТ ЭЙНШТЕЙНА-РОЗЕНА ПОРТАЛ НОМЕР 564 МЕЖЗВЕЗДНАЯ ТРАССА 80 НА ЭПСИЛОН ЭРИДАНА 1 ОПАСНОСТЬ! ОГРОМНЫЕ ПРИЛИВНЫЕ СИЛЫ! КАРТА ВПЕРЕДИ — ОСТАНОВИТЕСЬ, ЕСЛИ НЕ УВЕРЕНЫ В СВОЕМ МАРШРУТЕ.

Карта — огромный овал покрашенного голубой краской металла — торчала из песка и выглядела новой и назойливой, точно так же, как и дорожные знаки, которые так разительно отличались от всего, что оставила древняя раса, построившая Космостраду. Строители Дороги не верили в дорожные знаки... да и карты тоже. Мы катились к въездной арке. Я оглянулся назад, чтобы проверить, правильно ли пристегнулась наша пассажирка. Правильно, как ни странно. Ветеран на дороге. Сэм продолжал считывать нашу скорость вслух, а я держал тяжеловоз наготове на въезд. Еще серия знаков засветилась на дороге.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВЫ ПРИБЛИЖАЕТЕСЬ К ПУНКТУ СТЫКОВКИ ДЕРЖИТЕСЬ ПОСТОЯННОЙ СКОРОСТИ

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ ОПАСНОСТИ! НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ, ПОКА НЕ ПРОЙДЕТЕ ПУНКТ СТЫКОВКИ

— Прямо в яблочко,— сказал Сэм.— Зеленая волна на проезд.

— Понятно.

Мерцающие красные маркеры пункта стыковки пролетели мимо нас, и мы оказались словно в центре каната, который перетягивают гравитационные силы, между вращающимися цилиндрами материи в коллапсе, которые и составляли мост ЭР. Они пролетели мимо, огромные черные монолиты, которые стояли на различных интервалах на дороге, их основания висели в нескольких сантиметрах от истоптанной земли, вращаясь на невообразимой скорости. Вся штука состояла в том, чтобы поддерживать постоянную скорость, так, чтобы цилиндры смогли сбалансировать конфликтные приливные напряжения гравитации, которые они сами и порождали. Если вы замедляли ход или останавливались, могло бы статься, что у вас снесло бы крышу или полправого борта. Еще хуже — можно было перевернуться или потерять управление и совсем сойти с дороги. В любом случае от вас не осталось бы ничего, что можно было бы отослать безутешным близким, кроме нескольких ядерных частичек и электронного газа, а для них порядочного гроба не подберешь.

В конце строя цилиндров было пятно размытой черноты, что-то вроде пространства, где ничего нет. Мы туда нырнули. И выбрались. Пустыня исчезла, и мы летели по густым зеленым джунглям под низким свинцовым небом. Перед нами был пятисоткилометровый кусок, прежде чем мы въедем в Маш-сити, где я хотел остановиться и проспаться. Сэм взял управление на себя, и я откинулся назад.

— Кстати,— прошептал Сэм,— ее звать Дарла. Я тут с ней маленько потрепался, пока ты ломал репу там, на корме. Я ей сказал, что меня прочистили и перепрограммировали, поэтому у меня в банке памяти не было ее имени.

Я кивнул.

— Ну что,— сказал я, повернувшись к ней,— как жизнь с той поры обращалась с тобой, Дарла?

Она тепло улыбнулась, и роскошные жемчужные зубки словно осветили кабину.

— Джейк,— сказала она,— дорогой Джейк. Ты еще подумаешь, что я хочу отомстить тебе за то, что ты все время молчал... но я совершенно измучена. Ты не будешь возражать, если я отправлюсь назад и постараюсь немного поспать?

— Черт возьми, конечно, нет. Будь моей гостьей.

Вот оно как, значит.

— Ты останавливаешься в Маш-сити? Мы поговорим за обедом. О'кей!

— Конечно.

Она секунду стояла и трепетала передо мной ресницами. Улыбка ее была, как вспышка сверхновой, но за всем этим мне виделась тень неуверенности, словно она сама сомневалась в том, кто я такой. Она явно не умела объяснить мое странное поведение. Дело в том, что почти невозможно притвориться, что ты кого-нибудь знаешь, когда это вовсе не так, или же, когда ты встретил человека, но не помнишь, кто он. На коктейль-парти это совершенно невозможная ситуация, просто невыносимая. Но в этом случае я совершенно точно знал, что раньше ее не встречал. Однако все ее сомнения были минутными. Она послала мне воздушный поцелуй весьма соблазнительным образом и пошла на корму.

И оставила меня в одиночестве смотреть на пробегающий мимо пейзаж и думать.

— Ну что, приятель? — Сэм предоставил мне докончить его фразу.

— Не знаю. Ей-богу, просто не знаю, Сэм.

— Может, она подсадная утка.

Я подумал над этим вариантом.

— Нет. Уилкс слишком тонок, чтобы сляпать такую грубую историю. И к тому же не станет ввязываться в такие штуки.

— И все-таки...— Сэм все еще сомневался.

— Она очень убедительно себя ведет для подсадной утки,— я зевнул.— Я бы тоже поспал.

Я откинул кресло и закрыл глаза.

Я не спал, просто думал о временах прошедших и будущих, о жизни на Космостраде. Может, на несколько минут я время от времени и засыпал, но слишком много мне надо было припомнить и пережить снова. Большую часть того, что мелькало у меня в голове, не стоит повторять. Обычные дорожные мыслишки. Однако я так убил почти час. Потом мимо пронесся знак, возвещающий Маш-сити, и я снова перенял управление.

Глава вторая

Мотель и ресторан «Сынок» стоит прямо у дороги возле портала Грумбриджа-34. Он довольно роскошный, полон чехлов на мебели, плюша и пальм — в таком вот стиле, но у него сравнительно недорогие цены, а жратва просто хорошая. Я запарковался и выключил мотор. Похоже было на то, что по местному времени тут раннее утро. Я разбудил Дарлу и сказал Сэму, чтобы караулил добро, пока мы пойдем и попытаемся найти чего-нибудь пожрать. Стоянка вся была забита машинами, и я предполагал, что столика нам придется ждать долго. Вместе с обычными разнокалиберными звездными тяжелово-

зами на стоянке были и частные автомобили, наземные, всех моделей и мастей, по большей части построенных не на Земле. На Космостраде рынок моделей машин давным-давно загнан в угол горсточкой рас, по крайней мере в этом уголке Галактики, и конкуренция такова, что человеку с его машинами трудно протиснуться и занять местечко.

Я остановился, чтобы осмотреть Сэма. Мы подъехали на стоянку и припарковались возле тяжеловоза Риккснанской марки, совершенно нового, с иголочки, с аэродинамическим кожухом, крикливо украшенным золотой филигранью. Сделано на заказ, по моему вкусу — чуть вульгарнее, чем надо, но Сэм рядом с такой цацкой показался просто больным, потому что весь был заляпан дорожной грязью, покрыт выбоинками от встречных камешков, летевших в нас на большой скорости. Эмульсионное покрытие, которым он сперва был покрыт, слезало с него клочьями возле плавников стабилизатора, тут и там — несколько вмятин. Его левый передний роллер был покрыт кристаллизационными заплатками, почти лысыми, так что способность регулировать сцепление с дорогой почти потерялась. Я уже коллекционировал штрафные квитанции за непройденный техосмотр, которые мне втыкали на стекло довольно давно, у меня уже собрался приличный букетик из них — хоть в петлицу втыкай, подарок от колониальной милиции с обещанием прислать еще и еще. Они, ей-богу, очень украшают бардачок.

Мы вошли в ресторан, и, конечно, очередь была длиннющая, как питон. Дарла и я почти не разговаривали, пока ждали столик. Слишком много народу было вокруг нас. Я почти приготовился уйти, когда робоофициантка пришла за нами и провела нас в кабинку возле окна, мое любимое место в любой забегаловке.

Положение прояснялось, солнышко светило, пока я не заметил Уилкса с несколькими его «помощниками» в дальнем углу. С ними был и какой-то инопланетянин из созвездия Сетки, ретикулянин. Причем Грабитель-Урыватель, насколько я знаю ретикулянцев. Эти рикки-тикки очень любят людей — просто подавай им общение. У нас такие чуткие нервные окончания, знаете ли, и визжим мы просто восхитительно. Если бы он был тут один (а это был он, мужского рода, потому что его пахучие выделения достигали через всю комнату, ударяя меня по носу едким запахом скипидара и миндаля), он бы и двух минут не прожил здесь или где-нибудь еще на человеческой планете. Им столь же вольно ездить по Космостраде, как и любой другой расе. Но в земном лабиринте их не привечают, да и во многих других районах Галактики их не шибко любят.

Но он был с Кори Уилксом, несомненно, по делу, что давало ему некоторую неприкосновенность. Никто на него не смотрел, кроме меня и Дарлы. Уилкс поймал мой взгляд, улыб-

нулся и помахал, словно мы были на церковном пикнике. Я ему дал лучший ракурс моих тридцати двух зубов в ухмылке и сунул нос в меню.

— Что кушать будем, Дарла? Я угощаю.

— Дай-ка я хоть раз угощу тебя обедом. В последнее время я работала, так что кое-что скопила.

— Это завтрак, а не обед,— миг спустя я воспользовался возможностью спросить.— И что же ты делала?

— Весь последний месяц была официанткой, чтобы душа с телом не рассталась. А до этого — пела, как обычно. Салуны, ночные клубы... У меня была действительно хорошая группа, множество крутых ребят, хоть и дураков, но они меня бросили ради другой певички. Они воспользовались моим контрактом, а меня оставили оплачивать их счет в мотеле на Кси Бу 111.

— Здорово,— официант подошел, и мы заказали завтрак.

В ресторане было еще несколько инопланетян. Бета Гидранец хлебал что-то слизистое в соседней кабинке вместе с приятелем-человеком. Большинство ресторанов на Космостраде обслуживают всех и могут похвастаться иноземной кухней, поскольку обслуживают и инопланетную торговлю. Это включает в себя различные удобства для инопланетян на дороге, учитывающие и человеческие потребности. Так сказать, удобно и нашим и вашим. Но вот атмосфера неприятия ретикулянца была такой ощутимой, что хоть топор вешай.

Я оглянулся в поисках знакомых лиц. Кроме Уилкса я заметил Реда Шонесси в углу вместе с его партнером, Павлом Короленко. Шонесси мне подмигнул. Ред был вице-президентом ТАВС в свое время, но перешел к нам, когда по горло был сыт Уилксом. Некоторые члены Гильдии до сих пор ему не доверяли, но он очень помог в те ранние деньки, когда Гильдия еще только боролась за существование. Эта борьба пока еще не закончилась. Мы все еще пытались отлучить водителей от Уилкса, когда для них было куда легче и безопаснее присосаться намертво к раздутым изобильным титькам ТАВС. Я еще увидел Джиля Томассо и Су-Чин Ченга, но они в мою сторону не взглянули, так что и не увидели. Они здорово сбились со своего обычного маршрута. Особый заказ, не иначе. Снова оглядев зал, я подумал, что увидел еще одну знакомую физиономию у стола возле Уилкса и его компании, высокого, тощего аристократического джентльмена с гривой седых волос, но я не мог вспомнить, что он такое и откуда. У меня было такое ощущение, что его физиономию я знаю по выпускам новостей. Возможно, такой тип — из средневысокого уровня бюрократов нашего ремесла. Инспектирует все и вся.

К тому времени, как нам принесли заказ, у меня наполовину пропал аппетит. Если бы у меня была хоть капля здравого смысла, я бы убрался отсюда при первом взгляде на Уилкса, и никто не мог бы обвинить меня в трусости. Но в нас всех есть ру-

димент инстинкта защищать свою территорию. Почему это я должен уходить? Почему не он?

Ред встал и подошел к нам. Я представил его Дарле, и мне показалось, что в его глазах мелькнул огонек узнавания. Он отказался от чашки напитка из кислых бобов, это такая местная бурда, которая по вкусу совершенно не похожа на кофе, зато здорово напоминает смесь корицы и йода. Он зажег одну из своих мерзких сигар.

— Плохи дела, Джейк,— сказал он.— По всей звездной трассе беда.

Я поковырял вилкой свою яичницу по-эриданси.

— Это я и так знаю. Что-нибудь новенькое?

— Марти ди Филиппо.

— А что с ней?

— Только что слетела с ленты. Она врезалась в «силосные башни» на Бернарде 11.

Ох, это было больно... Марти я хорошо знал — хорошая женщина, классный водитель. Она могла вести тяжеловоз лучше многих, всегда в точном соответствии с расписанием, всегда с улыбкой. Она была одной из горстки людей, которыми Гильдия Звездных Толкачей могла похвастаться. Я на миг выглянул из окна. У меня мелькнула фантастическая мысль о том, чтобы затеряться в бурной растительности этой планеты и пустить корни где-нибудь во влажной земле джунглей. Больше не будет ни печалей, ни радостей, а просто свет солнца, вода, покой. Я снова посмотрел на Реда.

— А что говорят менты? Свидетели есть?

Когда цилиндры заглатывают человека, нет никаких больше улик или остатков. Нет и другого способа, кроме свидетельских показаний, чтобы установить, что же именно произошло. Собственно говоря, вопрос был дурацкий, поскольку не было вообще никакого способа доказать, что это вообще произошло. Каждый год путешественники отправляются по автостраде, и сотни из них больше никогда не встречаются людям.

— За ней следом ехал тяжеловоз, когда все это произошло,— сказал мне Ред.— Он сказал, что ее левый задний роллер почему-то выбился из синхронного движения как раз в тот момент, когда она проезжала мимо маркера смычки. Она не могла вовремя выровнять скорость, и... так оно и происходит обычно.

— Кто сообщил о катастрофе?

— Имя не знаю. Водитель ТАВС, это точно, но не из прилипал Уилкса. Просто обычный парень, каких много. Вероятно, он ничего общего с этим не имеет.— Ред глубоко затянулся сигарой.— Мог быть и просто несчастный случай.

— Чертовски неудобный момент потерять синхронизацию роллеров прямо перед стыковочным пунктом,— сказал я, отложив вилку. Все, у меня не было уже никаких шансов поесть.

Однако Дарла наворачивала будь здоров, явно не прислушиваясь к нашей беседе.— А может, очень удобный момент, зависит от того, как на это смотреть.

Я взвесил все возможности, потом сказал:

— У нас никогда раньше не было свидетелей. Люди просто исчезали, и никаких тебе следов, никаких улик. Как же это? Маленький, бездымный взрывной заряд, установленный в синхронной тяге — а коробку эту очень легко достать рукой, если присмотреться. Взорвать такой заряд дистанционным управлением или взрывателем с сенсором, который чувствителен к перемене гравитации.

— Звучит весьма правдоподобно,— согласился Ред.— Я бы сказал, что идея с гравитационным взрывателем мне нравится, хотя я ни про что такое раньше не слышал. Водитель, который ехал за ней, потом получал первую помощь от взрывных ожогов и гамма-облучения.

— Ну и что? Просто для правдоподобия.

— Угу. Я понимаю, что ты хочешь сказать относительно переключателя синхронной тяги. Но я никогда бы не подумал устроить это таким образом. Мне-то казалось, что ты хочешь вывести из-под контроля тяжеловоз в нужное время, просто установить мину на пульсовом трансформаторе или что-нибудь в этом роде.

— Ну да, конечно, но металлические корпусные части тяжелее, и до них труднее добраться. Это же оборудование тяжелое. Кроме того, все, что тебе придется и удастся сделать, если ты заминируешь трансформатор,— это привести роллеры в состояние нулевого сцепления. Это будет похоже на очень лысые шины, страшно скользкие. Это очень серьезно на крутом повороте, но на прямом отрезке — практически никакого риска и, следовательно, никакого результата. Но вывести из строя переключение синхронной тяги на въезде в портал стыковки может быть фатально. На миг все роллеры независимо друг от друга будут выписывать свою собственную кривую, пока все они не перейдут от базового положения в положение максимальной тяги, пока они не зафиксируются в этом положении. Я слыхал, как случались такие штуки. Тяжеловоз начинает вилять задом, что при нормальном положении любой хороший водитель может выровнять. Но на въезде в портал стыковки...

Ред кивнул.

— Понятно.

— Вот почему водитель, едущий следом, подумал, что это левый задний роллер. Видимо, тяжеловоз занес свой зад вправо. Но в действительности просто все передние роллеры вошли в максимальное значение величины сцепления с дорогой раньше, чем задние. Ветер, видимо, определил направление заноса, а может, еще что-нибудь повлияло.

Ред пожал плечами, но поглядел на меня с уважением.

— Ты хорошо лепишь из этого дело, Джейк. Но мы никогда не узнаем.

— Я знаю. Я бывал с Марти, и мне доводилось видеть, как она въезжала в портал с тремя вышедшими из строя роллерами на восьми кликах в час при перпендикулярном ветре. Не было на свете такой ситуации, с которой она не могла бы справиться, кроме той, о которой я тебе сейчас сказал.

Ред кивнул.

Теперь, когда я доказал, что думал, мне страшно захотелось, чтобы кто-нибудь убедил меня, что это не так. Но и Ред, и я, оба знали, что я прав. Среди водителей Гильдии в последнее время очень возросли несчастные случаи, а вандализм преследовал нас постоянно. Никого, правда, не били — это было совершенно не в стиле Уилкса.

— Тебе надо помнить, Джейк,— сказал Ред, чтобы развеять неприятную атмосферу,— мы все же стоим за тебя. Я не знаю никого, кто хотел бы спаковать манатки и убраться обратно к Уилксу. Но если что-нибудь случится с тобой... ну, МЕРТЕ.

Он выплюнул кусок драгоценного, выращенного на земле табака. (Эти его страшные сигары, должно быть, стоили не меньше пятидесяти кредиток за штуку).

— С Гильдией тогда будет покончено. И это все, что нас волнует сейчас. А Гильдия сейчас — единственная альтернатива для независимого среднего владельца тяжеловоза.

Он откинулся назад и выпустил к небу струю резкого кислого вонючего дыма.

— Скажи мне, Джейк: почему ты все еще на дороге? С твоим жалованьем президента ты же мог бы...

— Жалованье? Где-то я слышал это слово... Пока что я обменял на наличные только два чека жалованья. Третий все еще в бардачке, где он так и прыгает на крутых поворотах.

Ред удивился.

— Ей-богу? Ну надо же, я не знал.

— Кроме того, есть же еще и Сэм. Я же не могу продать собственного отца, правда же?

Ред ничего не ответил, только посмотрел на сигару.

Что-то очень тощее, с водянистыми голубыми глазами похлопывало меня по плечу. Один из стволов Уилкса.

— Мистер Уилкс хотел бы поговорить с вами, если вы не против, сэр.

Ред кашлянул и посмотрел на часы.

— Джейк, я бы еще остался, но нам надо катиться. Не думаю, что он тебе сможет тут уж очень надоедать.

— Конечно, Ред. Конечно. Еще увидимся.

Стол Уилкса был возле дальней от меня стены. Кроме него и его рикки-тикки там сидели еще трое стволов, включая того, что подходил ко мне. Мне не понравилось соотношение сил, но было маловероятно, что Уилкс начнет что-нибудь в перепол-

ненном ресторане — по крайней мере, я так думал. Я вообще довольно много думаю — скверная привычка.

Он поигрывал с последними крошками омлета, улыбаясь мне при этом. Его серые зубы постоянно двигались за синими бескровными губами. У него такая манера — все время шевелить ртом. Тик, наверное. Его нельзя было назвать совсем непривлекательным человеком. Длинные белокурые волосы, широкие черты лица, глаза — как холодный зеленый огонь, все это сидит на крепком широком костяке. Кроме того, еще и пижонски одевается. Его болотно-зеленая бархатная курточка была сшита на заказ и в действительности была весьма со вкусом, особенно хорошо она сочеталась с белой рубашкой с пышным рукавом.

— Джейкоб, Джейкоб, Джейкоб,— пропел он с грустью, все еще улыбаясь.— Как приятно свидеться с тобой, Джейк. Присядь. Принеси ему, на что сесть, Брюси.

— Нет, спасибо, Кори,— ответил я. Брюси, кстати, даже не пошевелился.— Я лучше постою. Что ты задумал?

— Господи, совсем ничего,— удивленная невинность. Он очень хорошо изображал это, но немного переигрывал. Нервничал, что ли?— Вовсе ничего я не задумал. Просто радуюсь хорошему завтраку в хорошем ресторане. Правда, я был немного разочарован, когда ты и твоя дама не присоединились к нам, вот и все. Джейк, честное слово, тебе надо все-таки соблюдать правила светского тона хотя бы время от времени. Я понимаю, конечно, что у тебя есть обаяние этакого необработанного алмаза и он тебе весьма помогает, особенно с девочками, но когда ты видишь друга, который обедает в том же самом зале, ну, знаешь...

Он милостиво мановением руки отбросил тему.

— Но меня не так легко обидеть. Ты, наверное, спешишь? Правильно? Выпал из графика?

— Не люблю смотреть на блевотину, когда ем, только и всего.

Его это даже не задело. Он ухмылялся во время весьма щекотливой паузы в разговоре, потом сказал совершенно невозмутимо:

— У тебя есть определенная прямота высказываний, Джейк, которой я восхищаюсь, но это замечание было уж слишком резким. И грубоватым. Тебе не кажется? Но... в конце концов я сам виноват — не надо было с тобой разговаривать.

— А ты пытался это сделать?

— Ну, я тебя немножечко поддразнивал, если быть честным. Но мне действительно надо поговорить с тобой, Джейк. Мне кажется, нам наконец надо все выяснить.

— И о чем же это нам разговаривать? — теперь настала моя очередь вести себя противно.

— О кочанах, о королях, как в детской песенке, Джейкоб,—

он расплывчато помахал рукой, словно имел в виду всякие материи во вселенной.— Обо всякой всячине вообще...

— Угу. Но во всем многообразии проявления жизни во вселенной есть определенные вещи, которые тебя, очевидно, волнуют больше остальных.

— Совершенно верно,— постоянная улыбка стала необыкновенно благостной.— Ты уверен, что не хочешь сесть, Джейк?

— Забудь об этом.

— Замечательно,— он зажег тонкую маленькую сигаретку, завернутую в ярко-розовую бумажку, выдул на меня дым. Аромат был очаровательный, как у духов.

— Почему бы нам не слить наши соответствующие фирмы? Да-да. Пожалуйста, Джейк, не разевай рот так широко. Челюсть отвалится на тапочки, а поломойки тут станут использовать ее вместо совка. Гильдия Звездных Толкачей и Трансколониальная Ассоциация водителей-собственников. Вместе. Через черточку, а если хочешь, можно придумать всем вместе новое имя. Мне все равно. Зачем нам продолжать эту войну? Она НЕВЫГОДНА, разрушительна, конкурентна... и, честно говоря, я уже порядком от нее устал,— улыбка исчезла, а на ее место явилось выражение ИСКРЕННЕЙ ОЗАБОЧЕННОСТИ.— Союз в браке — вот что я предлагаю.

— Ах, Кори. Это так неожиданно... поговори с мамой-папой...

Морда его снова раскрылась в улыбке, как стручок.

— А знаешь, не такой уж ты неотесанный, как прикидываешься, Джейк. Как только мы сходимся вместе, мне страшно нравится перекидываться с тобой шуточками. Парирование выпадов, остроты, любовно отточенные шпильки...— он моргнул.— Но я серьезно говорю.

Я стоял возле его стола, не в силах решить, что мне сделать: просто плюнуть, повернуться и уйти, или пройти с ним все этапы разговора. Я никак не мог понять, за каким чертом ему все это надо.

— Простите меня, мистеррр Джейк,— протренькал ретикулянец сквозь свои жвалы,— я интерррресуюсь, можно ли мне спрросить, кто та особа женского пола, с которрой вы сидите?

— А тебе какое дело, муравьиная рожа?

Мне довольно трудно, если не сказать — невозможно, прочесть какие-нибудь чувства на лице инопланетянина. Видимо, мое оскорбление не возымело никакого эффекта, но я не был уверен. С этими рикки я никогда прежде дела не имел. Жвалы его все время ходили вперед-назад, как лапка у швейной машинки, это меня страшно раздражало. Ретикулянцы на самом деле совсем не похожи на муравьев, даже глаза у них не как у насекомых — можно было бы поклясться, что они носят очки, похожие на набор линз для телекамеры — вот только снять эти

очки они не могут. Но на первый взгляд рикки похожи на насекомых, а все потому, что у них скелет — наружный.

Кто знает? Может, не все ретикулянцы плохи. Если быть честным, то не их же это вина, что их внешность так хорошо перекликается со всякими панцирными ужасами, которые все время живут в подземелье нашего подсознания. Вопрос был вот в чем, если вообще был: почему это Уилкс угощает меня этим существом?.. Чтобы меня напугать? Неужели он и впрямь думает, что меня это испугает? Что я сдамся? И почему именно сейчас, когда прошло столько времени?

— Ну-ну,— нежно говорил Уилкс,— мы же не хотим привести к межпланетному скандалу? Я уверен, что вопрос, который задал твврррллл, шел от его неискушенности в земных вопросах. Ты что, узнал ее, твврррл?

— Прррекррасно узнал. Я не хотел иметь в виду интеррр-реса к особе женского пола. Если я нарррушил какое-нибудь... табу, прравильно? Если я нарррушил какое-то табу своим вопрррросом, то прррошу меня извинить.

Неужели эту девчонку знают все, кроме меня?

Инопланетянин отлично знал, что делает.

— Хорошо, хорошо,— сказал я резко.— Насчет слияния двух компаний...

— Ну вот, сам видишь. Паранойя, Джейк. Паранойя. Она в конце концов всех убивает. Мы сами делаем так, что наши мысли загоняют нас в раннюю могилу. Беспокойство и страх — вот что является этиологическим корнем всякой болезни.

Пауза на две секунды, потом снова.

— Насчет этого слияния. Ну разве тебе стоит чего-нибудь хотя бы просто подумать об этом? Ну продумай все как следует. Пусть ты упрям и очень, но ты же не можешь не понимать, что Гильдия доживает последние денечки. Все больше и больше водителей возвращаются к нам.

Вранье. Все, кому захотелось спаковаться и вернуться обратно к мамочке, давным-давно это сделали. Но он был прав в том смысле, что нас все меньше оставалось.

— Они взвесили все за и против и пришли к итоговому счету,— продолжал Уилкс,— ТАВС лучше для них для всех. Еще дюжина новых подписей на Основном продляющем контракте в этом месяце, а еще сколько их придет! Да, разумеется, условия Базового Контракта Гильдии получше, особенно в некоторых пунктах. Я в этом с тобой согласен. Но не так-то много это значит, когда подписантов Гильдии можно на шести пальцах пересчитать.

— На пяти,— поправил я.— Комбинированная Гидранская промышленность отказалась и перешла к тебе на прошлой неделе.

Уилкс развел руками.

— Надо ли еще что-либо говорить?

Мне наверняка ничего больше не надо было говорить. Я смотрел на морды трех стволов, ища там скрытый смысл всего происходящего. Тот, который ко мне подходил, все, словно крыса в ловушке, бегал глазами по залу. Из этого я сделал вывод, что назревает нечто. Но все же скандал казался невероятным.

Уилкс ждал моего ответа, потом сдался и сказал:

— Ну перестань же, Джейк. Гильдия просто пустой кокон, если она когда-то и была другой, то пустым коконом стала. Разве ты не видишь сам? Она уже сослужила свою службу. Ты показал мне, что среди моих членов есть очень много недовольных, но мы реагируем на это, поверь мне, реагируем. Разве ты не читал Пересмотренного Базового Контракта? Я имею в виду, приходилось тебе посидеть над ним и просмотреть его весь, пункт за пунктом?

— Боюсь, что у меня в последнее время не очень много находилось возможности для чтения.

Еще очко в мою пользу. Рот Уилкса одним уголком опустился. Выстрел попал в цель.

— А тебе бы надо его прочесть,— сказал он тихо.

— А что я там найду для себя?— спросил я, махнув на все рукой и продолжая разговор вопреки здравому смыслу.

Его это искренне удивило.

— Ну...— он красноречиво пожал плечами,— скажем... Межлокальный коммерческий агент, пожизненно? Называй сумму жалованья сам.

Это была поспешная импровизация, и он ждал моей реакции.

— Черт возьми, Джейк, не знаю. Чего ты сам хочешь?

— Чтобы ты отдолбался от нас на веки вечные!!! Вот как все просто,— я подчеркнул свои слова движением руки.— Хотя, прошу прощения, теперь уже совсем не так просто. Ты мне еще ответишь за Марти ди Филиппо, Уилкс. Если даже мне придется соскоблить себя с гравитационного цилиндра и вернуться, чтобы притянуть тебя к ответу, я это сделаю. НО Я ЗАСТАВЛЮ ТЕБЯ ЗА НЕЕ ОТВЕТИТЬ. И за других,— у ближайших столов затихла беседа.

— Да ладно, Джейк. Ладно,— голос его стал тихим и бесцветным.

Я сделал два шага назад, но остановился.

— И еще одно. Если Гильдия все равно отдаст концы, почему тебе так чешется с ней соединиться?— я хотел услышать ответ.— Почему, Кори?

— Потому что она меня раздражает,— по-моему, это было первое искреннее замечание за всю нашу сегодняшнюю беседу. Развеселенный этим, он продолжал:

— Твои последние попытки мне ответить и отомстить меня тоже раздражают.

— Что? — это было новостью.

— Ты отрицаешь это? Не оскорбляй мое серое вещество, Джейк. У меня в последнее время много груза было украдено, тяжеловозы повреждены, сделки не состоялись, потому что кто-то натравил людей против меня. Ничего особенного, но ты понимаешь, что меня это раздражает.

Я слышал за последнее время слухи о возросшем саботаже, кражах грузов и тому подобном. Я приписывал это вольным бандитам с большой космической дороги, как и средства массовой информации. У нас не было никаких возможностей их укротить. Несправедливость обвинения обожгла мне глотку.

— Джейк, ты странный человек,— продолжал Уилкс своим напевным, лирическим голосом.— Есть в тебе... этакая гейзенберговская неуверенность. Ты ускользаешь. Неуловимость у тебя особенная. Трудно тебя пригвоздить. Мы с большими трудностями в последнее время за тобой следили. Я получаю отчет, что ты в одном месте, а минуту спустя другой человек докладывает мне, что ты в совершенно другом месте в то же самое время. Ты скользкий, как электрон, Джейк. Трудно одновременно определить местоположение электрона и его массу. Либо одно, либо другое. Но не одновременно. И потом, СЛУХИ.

— Слухи?

— Странные истории, которые я про тебя слышал. Они завораживают, если только это правда. Особенно та, про...

— Послушай, Кори,— сказал я, перебив его,— было все очень здорово. Действительно здорово. Но я хотел бы еще спасти свой завтрак и съесть его. Спасибо за предложение.

В спину себе я услышал:

— Ты никогда не выберешься из Маш-сити, Джейк.

Я повернулся, остановился и выдал им непристойность.

Он рассмеялся.

— Собственно говоря, почему ты думаешь, что я тебя прямо сейчас голыми руками не возьму?

Трое стволов ели меня глазами.

— Не думай, что в общественном месте ты в безопасности,— предупредил Уилкс, сузив глаза до щелочек.— Кстати, я владею этой забегаловкой. Вся обслуга мне поможет. Свидетели и все такое.

— А посетители?

— Ты что, шутишь? Они выскочат отсюда вон, как только ты окажешься на полу.

Ресторан страшно притих. Уилкс мог просто хвастаться и блефовать, но мне стало не по себе. Они, если хотели, могли бы меня запросто взять.

— Кори, я не стану говорить, что ты на такое не способен,

но для твоего изысканного вкуса это просто грязновато. Слушание дела, свидетельские показания и все прочее...

Я решил разоблачить его блеф, и это было единственное, что я мог сделать на тот момент. Я повернулся, но боковым зрением поглядывал назад и поэтому смог уловить движение. Бледный тощий парень лез под стол рукой.

Я развернулся, но мальчик был побыстрее меня. Вероятно, пушка лежала у него на коленях все это время. Пушка была направлена на меня, но не выстрелила. Мой ствол уже наполовину торчал из-под манжета рубашки. Я упал на пол, но прикрытия тут нельзя было найти.

Прошло, может быть, три четверти секунды, прежде чем рука мальчишки и его пушка взорвались голубым пламенем. Выстрел прозвучал из другого конца зала. У инопланетянина и тех двоих были замедленные реакции, как мне показалось. Лучше смотрелось бы в отчете, если бы только двое были замешаны в драке. Кроме того, их приятель первым напал на меня. Все в ресторане решили одновременно со мной, что это прекрасная мысль. Ресторан словно взорвался, все полетело в стороны, а люди помчались прочь.

Моя пушка наконец соизволила вылезти из рукава — она просто зацепилась за складку рубашки, и я навел мушку на лоб Уилкса.

— Не стрелять! Брось оружие! — голоса раздались справа.

Я не смог увидеть, кто это. Уилкс вдруг поднял руки вверх. Он сидел, словно зритель.

— Все в порядке, все в порядке! — завопил он.

Бледноглазый тоже сидел, с ужасом глядя, как капли расплавленного мяса стекали с обгорелого скелета, который когда-то был его рукой. Он начал повизгивать, его жалобный и удивленный визг выдавал в нем садиста, который совершенно никогда не знал, как чувствуется боль с того конца, где ее испытывают, а не причиняют.

Я поднялся. Ресторан совершенно затих, если не считать причитаний ствола. Инопланетянин и двое остальных поднялись, люди подняли вверх руки, а ретикулянец скрестил перед собой передние лапки, у них это знак покорности.

Я рискнул посмотреть вправо. Томассо и Ченг стояли позади своих стульев, пушки были у них в руках, и смотрели они на Уилкса. Я отступил к ним.

— Здорово стреляешь,— сказал я Ченгу.

— А это не я,— он показал головой назад. Я посмотрел назад и увидел с изумлением, что Дарла присела за столиком, держа в руках дымящееся чудище — вальтер 20 КВ.

— Порядок, ребята.

Я оглядел зал. Примерно еще у четверых в руках были стволы. Тот, кто только что заговорил, был слева рядом со мной. Никого из них я не знал.

— Ты,— сказал мне человек слева,— уходи. А мы развлечем эту компанию, пока ты уходишь. Мы тебе даем пять минут. Потом мы их отпустим. Я имею в виду людей. А жука вон того можем на обед зажарить.

— Спасибо.

Мы быстренько дали задний ход после того, как Томассо выглянул за дверь и прокричал нам, что все чисто и можно сматываться. Я вынул ключ и просигналил Сэму, чтобы он подобрал нас на дороге примерно в полквартале отсюда.

На стоянке я поблагодарил Томассо и Ченга, но сказал им, что их долги, увы, не дадут им возможность получать зарплату до конца года.

— Вот черт, нам и так везде должны,— пожаловался Томассо.

— До следующего года!

Дарла и я нырнули в кусты, которые росли вокруг стоянки. Растительность под ногами разрослась, но мы пробрались через нее, выжигая себе дорогу здоровенным мушкетом Дарлы. Когда мы выбрались на дорогу, Сэм нас уже ждал. Мы благодарно залезли внутрь.

Глава третья

— Никогда бы не подумал, что Уилкс может закатить такую сцену в стиле третьеразрядного кабака,— сказал Сэм, когда мы обрыскали окраины Маш-сити, ища мотель поближе к выезду из города.— Он бы из тебя мученика сделал.

— Просто зови меня Преподобный Джейк и подай папе римскому петицию, чтобы меня причислили к лику святых. Мне кажется, он не хотел, просто так получилось. Его мальчик слишком разошелся.

— Наверное. Они прикрыли бы выходы и входы, если бы действительно хотели заманить тебя в ловушку. Однако...

— Если учесть, что из этого тропического рая только один выезд, а это у нас Космострада...

— Можно вполне сказать, что они перекрыли выходы к этому времени,— сказал Сэм.

— Готов поспорить. А за нами кто-нибудь следует?— спросил я.

— Ни души.

Мы проехали плантации, электростанцию, несколько одиноких вилл у дороги. Смотреть было не на что, кроме джунглей.

— А что там впереди?

Я прищурился. В массе нависающей буйной зелени было несколько крохотных домишек в кронах деревьев. Похоже было на какую-то декорацию к фильму. У дороги был знак.

— Грейстоук Гровз — Домики на деревьях, Абсолютно бесплатное Видео, Бассейн-Лагуна в Джунглях, Туры Сафари с Проводником, Разумные Цены — ЕСТЬ СВОБОДНЫЕ МЕСТА.

Очаровательно. Как раз в самый раз для уютного уикенда с чужой женой.

— Что ты скажешь, Сэм?

— А мне все равно. Я живу в тяжеловозе.

— Вот черт, тогда ты пропустишь сафари. Жалко.

— Ни за что на свете. А ну, держись!

Огромная стоянка для транспорта была окружена плотной стеной заросшей буйно травы и кустарника. Туда Сэм и врезался на полной скорости. По корпусу захлопали ветки, что-то заскрипело, застонало, хрустнуло. Сэм неумолимо пер вперед, прорезая в джунглях дорогу.

Ярко раскрашенные летучие зверюшки снимались с веток целыми стаями, слыша наше приближение. Мы ударились в нежданную яму, нас подкинуло вверх. Мотор взревел, застонал, мы выбрались оттуда, прорезая дальше сплошную стену лозы.

— Сэм, огромное дерево.

— Я сам знаю. Вот черт! Дай-ка мне разогнаться!

Роллеры взвизгнули, переходя на максимальное сцепление, потом завертелись.

— Черт и еще раз черт! Скользкое тут все и мокрое...

— Не случайно это все называется дождевыми лесами.

Мы отъехали назад и во что-то врезались.

— Ух ты. Держись.

После долгого и неудобного маневрирования мы наконец пробрались на стоянку. К нашему лобовому стеклу прилепилась какая-то гусеница-сороконожка, ей самой несладко было от того, где она оказалась. Она вытянула два набора антенн, передние и задние, вытянулась вверх, ища, куда бы ей убежать. Потом она выбрала наилучший путь и уползла.

Наконец мы выбрались и со скрежетом затормозили возле толстого ствола дерева. Сэм выключил мотор, и мы с минуту сидели в щебечущих и хрустящих джунглях.

Наконец Сэм сказал:

— Здесь что, поблизости один из этих древесных домиков?

— По-моему, да. Не видно ни черта.

— Ну хорошо, найди ближайший и посмотри, свободен ли он.

— Погоди минутку. Там, впереди, случайно, не просека? Можешь проехать несколько метров?

Сэм завел мотор, проехал чуть вперед.

Мы выехали на край вымощенной тропинки.

— Пошли, Дарла,— сказал я,— бери свой рюкзак. Будем выглядеть как туристы.

Женщина в конторе была приземистая и темноволосая, разговаривала она на малопонятном английском, но ее интерсистемный язык был так же плох, как и мой. Акцент у нее был испанский, глаза — восточного разреза, и я решил, что это недавно приехавшая филиппинка.

— Двадцать кредиток, пожалуйста. Вы иметь паспорт?

— Да.

Я показал ей свой паспорт на имя Алонзо Кв. Хрюка, должным образом подписанный и заверенный печатью, который я держу на те случаи, когда в душе я Алонзо Кв. Хрюк.

— А это моя подруга жизни,— сказал я, показав на Дарлу.

— Мисти, мисса Хрюк? Моя рада вы здесь. Есть чемоданы-сумки?

— Да, спасибо. Кстати, мы хотели бы особенную хижину,— сказал я ей, показав на карту на стене.— Мы тут прошлись, вот тут. Видели хижину. Она свободна?

— Номер семнадцать. Мило! Никого нет сейчас. СЮДА!

Мальчишка-бой выскочил из задней комнаты. Это было приземистое существо, крепко сбитое, жилистое, волосатое, один из туземцев, но человекообразный. Большинство ученых считает их почти разумными. У него были большие глаза, широко расставленные, как у совы, влажный рот с темными губами, который раздваивался в небольшой пятачок, висячие длинные уши. Ноги у него были похожи на лапы, пальцы широко растопырены, они были розовые, безволосые, и похоже было, что они хорошо развиты, чтобы хватать. Трехпалые руки были снабжены большими пальцами с двух сторон. У существа, однако, не было хвоста.

— Это Чита. Она вас проводит.

Чита схватила наши сумки, взяла у женщины ключ и промчалась рысцой сквозь покрытую лозой арку, которая вела в своеобразный туннель.

Мы же пошли за ней следом.

В конце туннеля была дверь лифта. Выглядела она обыкновенной, но шахты, как выяснилось, не существовало. Вместо этого мы обнаружили открытую кабину — кар, которая имитировала ветки и бревна. Более чем резонно было предположить, что у кара была металлическая конструкция, скрытая где-то под имитацией. Мы взобрались в нее и взлетели в кроны деревьев.

С верхней платформы мы высадились в массу крепких веревочных подвесных мостов, на которых были положены доски. Они вели от дерева к дереву, от хижины к хижине. Наша хижина оказалась крупнее, чем она привиделась нам с дороги, но

все-таки очень уютной, сидела она в развилке больших ветвей дерева, крепилась на трех мощных ответвлениях. Внутри весь интерьер вполне соответствовал тому, что было снаружи: этакая картинка плантации. Картины, стены, мебель — все было сделано из местного эквивалента лозы, раттана и бамбука.

Я плюхнулся в пестрое, словно павлин, ампирное кресло и вздохнул. Эриданское существо бегало вокруг, открывая жалюзи, зажигая свет, отворачивая покрывала на кроватях и взбивая подушки, и все это скоренько-скоренько, с гораздо большей ловкостью, чем приходилось бы ожидать от обычной земной обезьяны. Это довольно сильно впечатляло. Более того, существо повернулось ко мне и заговорило.

— Ась? — это было все, что я мог ответить.

— Это все, сэр? Или вам что-нибудь еще понадобится?

— Э-э-э-э... Дарла!

Дарла улыбнулась существу.

— Есть ли тут какой-нибудь сувенирный магазин или лавка? Мне понадобятся салфетки.

— Я пойти принести! Вам надо — я нести.

Дарла протянула ей кредитку. Чита отказалась.

— Нет-нет! Бесплатно! Мыло, полотенце, салфетка — бесплатно. Не надо деньги!

Чита ушла и тихо прикрыла за собой дверь.

— Зови меня просто Масса Джейк,— сказал я без особой претензии на юмор.

— Она умненькая. Я их и раньше видела на карнавалах и всяких таких событиях. На самом деле они очень умненькие.

— Хм-м-м-м. И честные. Она вполне могла бы присвоить себе эту десятку.

Дарла рассмеялась довольно насмешливо.

— Ты действительно всерьез думаешь, что ей нужны деньги?

— А почему она здесь работает?

Это ее ошеломило.

Я вынул ключ и просигналил Сэму.

— Сэм, мы тут обзавелись хозяйством.

— Ну, и как оно?

Я включил микрокамеру и обвел ею комнату, чтобы он смог увидеть.

— Как видишь, просто очаровательно. А как ты?

— Мне кажется, пускаю корни. Серьезно, мне кажется, что мне может понадобиться дополнительный камуфляж где-нибудь возле заднего конца. Ты меня оттуда можешь увидеть?

Я подошел к окну. За ставнями оно было глазуровано каким-то материалом, который не пропускал солнечное тепло. Хижина была совершенно отрезана от внешнего мира, поэтому на много градусов прохладнее, чем снаружи.

— Я ничего не вижу, кроме растений.

— То есть как? У меня зажжены мощные фары.

Я увидел блеск.

— А, вот ты где... Замечательно.

— Может, со мной будет все в порядке, если меня будет трудно заметить.

— А как насчет той дыры, которую ты оставил на пути к стоянке? Она же подозрительная! И приведет прямо к тебе.

— Я не смотрел, что там сзади. По-моему, трава снова поднялась, когда мы проехали. А сейчас я не могу отличить то, что передо мной, от вида сзади. Эти джунгли живые, можешь мне поверить.

— Повезло. Ладно. Теперь: что ты думаешь о нашей ситуации? У меня всякие разные мысли появились. Может, нам надо оторваться от них на Космостраде?

— Отрицательный тебе ответ, сынок. Слишком легко преследовать на Космостраде.

— Ну правильно, только я все равно хотел это предложить. А что теперь?

— Ну что же, мы знаем, что на наш след от ресторана они вышли довольно быстро, но мы это и так предполагали. Не слишком трудно идти по пятам тяжеловоза. И я почти уверен, что мы потеряли их в пригороде.

— Насколько ты уверен?

— В разумных пределах.

— Сэм, а откуда ты знаешь про ту проселочную дорогу, которая идет вдоль края болота? Я не думал, что ты так хорошо знаешь Маш-сити.

— В свое время провел тут множество хороших денечков. Были тут две знакомые женщины, мать и дочь, а я... ну да ладно, это тут ни к селу ни к городу. Во всяком случае, городские власти все время что-то болтали насчет того, что пора бы высушить болото. Я так и знал, что идиоты не собрались этого сделать до сих пор.

— Еще одно везение. Однако мы тут застряли.

— Пока — да. Но если мы сможем пробраться тайком к гаражу Али, то у нас появится шанс. Он мой старый друг. Мы зашьемся в его гараже, я получу новую покраску эмалью, как ты мне давно обещаешь, плюс еще какие-нибудь косметические перемены. А потом, если удача нас не оставит, мы сможем пробраться отсюда.

— Рискованно. Нас могут заметить, когда мы будем пробираться туда.

— Конечно, но я не вижу другого выхода. Мы бы сразу туда поехали, если бы не то, что пришлось бы разворачиваться и гнать через весь город, чтобы туда попасть. Они бы тогда наверняка с легкостью нас заметили бы.

— Тогда будем здесь сидеть... сколько?

— Пока они не устанут нас искать или пока не убедятся, что мы проскользнули сквозь их сети. Четыре эриданских дня.

— Это тоже рискованно.

— Еще бы. Уилкс тут развел множество связей. Черт, он может даже оказаться владельцем этой дыры. Но у тебя есть идеи получше?

— Пока нет.

Тут вернулась Чита с салфетками Дарле. Дарла завязала с ней беседу. Они уселись на одну из полуторных кроватей, чтобы поговорить.

— Ну ладно,— сказал я,— я тебе сообщу, если меня что-нибудь осенит.

— Порядок. Не отсоединяй связь по ключу.

— Ну знаешь, папаша...

— А? Извини. Забыл про Дарлу.

Я-то не забыл. Невзирая на мое нежелание верить в подобные вещи, возможность настоящего парадокса встала передо мной. Собственно говоря, если Дарла не придуривалась, парадокс был фактом таким же незыблемым, холодным и алмазно-твердым, как металл дороги, который его вызывал. Вызвал бы. Но это мне трудно было бы проглотить. На Космостраде каждый день можно услышать самые дикие истории. Я встречал людей, которые были готовы поклясться на любом количестве священных текстов, которые только перед ними положить, что однажды, на одном из одиноких участков дороги, они увидели самих себя, направляющихся в противоположную сторону... Или что их окликнул парадоксальный призрак родственника, который умер год назад... или что тот разбойник на дороге, который остановил Интерстеллар 95 «Остановись — Купи» на прошлой неделе, на самом деле был его временным двойником, а вовсе не им самим. Иногда такие сообщения делаются гвоздями сезона — когда журналистской братии больше писать не о чем. Я всегда думал, что им особо доверять не стоит. Но теперь передо мной встала возможная реальность ситуации, которая, в соответствии с тем, как должно быть все на свете, просто не могла существовать. Мне оставалось либо признать это как факт, или начать распутывать противоречия в ней всеми силами разума, который еще оставался в моем распоряжении. Но в последнем случае были различные проблемы. Если оставить в стороне то, что можно было бы ждать, пока я не поймаю Дарлу на каком-нибудь вранье, то я мог только убеждать себя, что она говорит правду. Но мне и в эту правду не очень верилось. А что еще можно было сделать? Применить к ней китайскую пытку водой? Безжалостно ее щекотать, пока она не признается? А как к тому же поймать человека на вранье, если не знаешь, что подкинуть ему в качестве проверки?

Казалось, у меня не остается выбора, кроме как признать, что парадокс — это правда... пока я не докажу обратного.

Я слушал повторение любовной темы, которая должна была бы быть мне очень знакомой. Но она была странной и новой, и чудной вдобавок. Не люблю все делать через задницу и навыворот, но парадокс не дает отступления от своих сумасшедших законов. И Космострада тоже. Если ты бродишь по ее путям, то принимаешь на себя риск. Ты платишь за это пошлину. Строители Дороги, кем бы и чем бы ни были, могли представлять себе последствия от гиперпространственной дороги, которая в один миг соединяет невероятно отдаленные точки и поглощает огромные расстояния. Они были великолепными физиками, фанатичными инженерами, но могли ли они избежать «патологических» аспектов (как выражаются некоторые ученые, любящие ходить вокруг да около), такого устройства — это вопрос, который еще предстоит решить, поскольку наши знания таковы, что им не хватает пары-тройки миллионов лет, чтобы прийти в соответствие со структурой Космострады.

Следовательно, моя задача состояла в том, чтобы найти причинный рычаг, которым можно было бы передвинуть все так, чтобы мне самому это понравилось в детерминированной системе. Приблизительно рассчитанные шансы достичь цели примерно те же, что у плевка в муссоне.

Но наша свободная воля — это иллюзия, в которой мы отчаянно нуждаемся, привычка, от которой мы не сможем отказаться. Мне пришлось действовать. Мне необходимо было потерять Дарлу теперь, чтобы потом «вернуть» ее, чтобы не появились две Дарлы там, куда одна уже ушла раньше. Или что-нибудь в этом роде. Передо мной вставали смертоносные возможности. Стук в дверь.

Это был маленький восточный человечек в соломенной жесткой шляпе плантатора и висящем на нем мешковато тропическом костюме, пахнущем ванилью. Он не очень-то дружелюбно выглядел, но вел себя вполне прилично.

— Простите, сэр... вы не видели?.. Ай, вот ты где! Что ты здесь делаешь, Чита? Гости! Гости! Простите мне, сэр. Она очень ленива, вечно куда-нибудь забивается.

Чита слезла с кровати и заковыляла к нам, потом тихонько проскользнула мимо своего хозяина, потом поскакала по веревочному мостику, который вел с нашего балкона.

— Простите, сэр. Она не причинит вреда, но она очень назойлива и любит навязываться.

— Нет проблем, мистер?..

— Перес.

— Перес. Она просто вернулась после того, как выполнила поручение моей подруги жизни.

— А-а-а... Наслаждайтесь отдыхом, сэр, мадам...

Он приподнял шляпу и исчез. Я подошел к окну и посмотрел, как он стал переходить по мосту. Он завопил на Читу, выругал ее по-испански. Она не обернулась, исчезнув в листве.

Дарла стояла сзади меня, глядя на листву мне через плечо.

— О чем вы обе разговаривали? — спросил я.

— О, про всякие вещи. Твой вопрос, почему она тут работает, меня заинтриговал. Поэтому я ее спросила.

— И что?

— Она торчит тут, потому что у нее нет дома. Читай «места», «территории» — можешь вложить в это любой смысл, который тебе понравится. Из того, что я могла из нее выудить, ее дом был разрушен. Тут рядом осуществляется проект по очистке джунглей, и то, что когда-то было ее домом, теперь стало голой землей.

— Она не могла переехать? Найти новое место? Тут же остались миллионы квадратных километров джунглей. Большая часть планеты до сих пор — девственная земля.

— Нет, переехать она не могла, не мог ее клан, племя, род, группа, расширенная семья — черт знает, как это на самом деле назвать. Как только такая семья теряет свою территорию, на которой живет и кормится, у нее больше нет жизни. Исключительная территориальность, привязка к одному традиционному месту, которое передается из поколения в поколение. Большая часть таких вот потерянных существ работает в городе. Однако не долго. Они вымирают очень быстро.

— Ты все это вытянула из нее?

— Нет, она-то как раз рассказывала неохотно. Я слышала про эту проблему. Для колоний она — больное место.

Она снова подошла к кровати и села.

— Странное дело. Она очень чувствительна... восприимчива. Она спросила меня, близко ли те люди, которые за нами гонятся.

— Что? — та мысль, что животное могло так точно разгадать все происшедшее, наполнила меня странным чувством. Я сел в ампирное кресло.

— Как это у нее получилось?

— Она сказала, что мы пахнем страхом.

Самое странное, что Чита была права. В основе всех действий, предпринимаемых человеком во имя спасения, лежит неприкрытый страх, это базовый компонент механизма.

— Она думает, что они близко?

— Она сказала, что пока нет.

— Ободряет.

— Я устала. Мне кажется, мне самое лучшее сейчас — пойти и освежиться.

Она встала, взяла свой рюкзак и пошла к ванной.

Прежде чем она подошла к двери, я сказал:

— Кстати... я так и не удосужился поблагодарить тебя... за тот, пришедшийся очень вовремя, потрясающий выстрел. Где ты, черт возьми, припрятала эту пушку?

— Я никогда не скажу, — ответила она хитро через плечо. —

Я это сделала ради того, что мы пережили в добрые старые времена.

Она вошла в ванную и закрыла дверь.

Я просигналил Сэму.

— Чего тебе?

— Кое-что, что сказал Уилкс. Он сказал множество странных вещей. Но там было что-то насчет историй и слухов. Слухов про меня и, как я понимаю, про тебя тоже, которые гуляют по людям.

— Слухи?

— Сплетни. Не знаю. Как тебе это кажется?

— Мне от этого не жарко и не холодно.

— Нам нужны сведения.

— Это правильно. Но как?

— Я собираюсь пройтись по общему залу и посмотреть, нет ли там кого.

— Будь осторожен. Кстати, есть какой-нибудь способ спуститься с этого птичьего домика?

— Да. Тут есть веревочная лестница, скатанная на приступку балкона. Как мне кажется, это пожарный выход. Я бы не стал тут останавливаться, если бы тут не было спуска вниз.

Я постучал по двери ванной и сказал Дарле, куда я иду.

— Ну и ладно, а у меня все-таки есть «Рыжая Бетти» *,— сказала она.

Пусть лопает на здоровье. Разделяться на этой стадии приключений, конечно, рискованно, но мне показалось, что на стоянке я заметил знакомый тяжеловоз.

Снаружи полоска неба, которая была видна сквозь зеленую крышу листвы, превращалась в серебряную, посылая вниз струи солнечного света. Воздух был густой, влажный, пропитанный миллионом запахов. Что-то зачирикало в ветках у меня над головой, когда я переходил мост, это существо не то упрекало меня, не то предупреждало.

Прежде чем я добрался до общего зала, мне пришло в голову, что я мог бы расспросить относительно проекта расчистки джунглей — где, насколько близко от нас,— чтобы потом, возможно, использовать это как средство к побегу. Обычно вокруг такой расчистки всегда строят неплохие дороги.

Никого за письменным столом в конторе не было. Я подождал несколько секунд, потом обошел кругом и открыл дверь за конторкой.

Перес стоял спиной ко мне, держа тонкую длинную деревянную палку над Читой, которая жалким комочком скорчи-

* «Рыжая Бетти» — род сладкого пудинга (*Прим. перев.*).

лась в углу офиса. Перес резко обернулся. Тут же спрятал за спину палку.

— Да?

— Простите меня. Моя подруга жизни хочет, чтобы ваша служанка выполнила еще одно ее поручение. Можете кого-нибудь послать?

— Да-да. Прямо сейчас.

— Она особенно полюбила вот эту Читу. Она, знаете ли, любит животных. Можно мне попросить пойти Читу?

Пересу этого не хотелось, но...

— Да, конечно.

Он сделал жест в сторону Читы, не отрывая от меня взгляда.

Когда она ушла, я сказал:

— Если вы не желаете иметь совершенно и качественно новый вид и иной взгляд на жизнь, вы не станете бить это существо, пока я тут гость.

Перес ощетинился.

— Вы мистер Хрюк, правильно? Это не ваше дело. Я должен просить вас...— я закрыл дверь.

Общий зал был довольно крупный, по стенам были развешаны маски-пугала шаманов, которые таращились со всех стен, съежившиеся препарированные головы свисали с потолочных балок, везде росли папоротники в горшках, а над баром была растянута и прибита полосатая шкура какого-то местного животного. Это была сумасшедшая мешанина Микронезии, Африки и местного туземного колорита. Воспоминания о Терре становились все туманнее год от года. Посетителей было немного, но Джерри Спаркс сидел в угловой кабинке с привлекательной молодой дамой. Я заказал изысканный, невероятный коктейль, который, казалось, целиком состоял из фруктов и бумажных зонтиков-игрушек, и подошел к ним, громко его прихлебывая.

— Джейк? Господи!

— Привет, Джерри.

— Э-э-э... Андромеда, это Джейк Мак-Гроу. Один мой приятель.

— Привет.

— Привет, Джерри, можно мне с тобой минутку поговорить?

Джерри поколебался, посмотрел в сторону.

— Да, конечно.

Девушка нашла приличествующую случаю причину и ушла от нас. Я сел.

— Черт возьми, Джейк, ты появляешься в самый неподходящий...

— Извини. Это займет действительно только минутку.

Кстати, ты пока еще член Гильдии? Я в последнее время не видел списков.

— Ты хорошо знаешь, что со своими взносами я на год запаздываю. Но мне теперь на это, собственно говоря, плевать — я теперь владелец трех тяжеловозов. И скоро смогу совсем отказаться от того, чтобы самому корчиться за рулем.

— А-а-а, переходишь в категорию работодателей? Хорошо,— я дал ему минутку попыжиться, потом сказал:— Джерри, этот вопрос может показаться тебе странным... но что ты в последнее время про меня слышал?

Джерри рассмеялся.

— А кто не слышал про перестрелку с «Сынка»? Это по всей стране разнеслось. А что ты тут до сих пор делаешь?

— Это не то, что я имел в виду. Что ты обо мне слышал — я хочу сказать, какие странные слухи?

Видимо, он понял, что я имею в виду. Он откинулся назад, закурил сигарету и искренне сказал:

— Джейк, я не верю девяноста процентам дорожных историй, которые слышу. А кто верит? Кто-то клянется, что видел транспорт самих Строителей Космострады, случается, слышишь, как кто-то напоролся на трассу, которая идет назад во времени, и оказался собственным дедушкой, и всякое такое. Я и про тебя слышал подобные слухи, такие же дикие.

— Например?

Он скептически пожал плечами.

— Ну хорошо, говорили, что ты и Сэм нашли выход из лабиринта расширенных ограничений и проехали по Космостраде до самого конца.

Это было чем-то невообразимо безумным. На Космостраде можно было передвигаться только до определенного предела, пока не исчерпаешь известные маршруты. Разумеется, можно было рискнуть и проскочить сквозь один из неисследованных порталов... и оказаться где угодно во вселенной. Если планета на другой стороне была снабжена двусторонним порталом, как тут, откуда можно было вернуться обратно на Тау Кита — тебе, считай, повезло. Если нет — то надо было выбирать: либо ты проскакиваешь сквозь следующий портал, который ведет тоже неизвестно куда, либо... помирать тут, где оказался. Вот почему никто не желает верить, что кто-то смог вернуться из случайно открытого двойного портала.

Я запихал в рот кусок какого-то кислого фрукта.

— Я могу тебе наверняка сказать, что ничего подобного мы не делали.

— Вот черт, это я и сам знаю. Но я еще слышал, что ты СОБИРАЛСЯ это сделать. Я слышал слухи и про то, и про это.

— Собирался такое вытворить? — Я подумал над этим.— И как мы намереваемся совершить это невероятное деяние?

Я случайно повернул голову. Перес заглядывал в комнату,

и наши глаза встретились. Он быстро убрал башку обратно. Слишком уж быстро.

— С помощью дорожной карты.

Я снова повернулся к Джерри.

— С помощью дорожной карты?

— Ну да. Подлинное создание Строителей Дороги. Как ты смог раздобыть себе такое сокровище — продолжение следует в очередном слухе, надо полагать.

Что мне всегда казалось примечательным, так это то, что Космострада порождает подобные страшилки. Космострада — сама наполовину легенда, наполовину реальность. Тем не менее есть многочисленные свидетельства, что Космострада продолжается и в другие регионы Галактики. Каждый день на дороге видны инопланетные транспорты, которые приходят из неизвестных мест и едут туда, куда только ведомо тем, кто этот транспорт ведет. Большая их часть не останавливается. Время от времени один из таких тяжеловозов останавливается, и тогда мы встречаемся с новой расой: Зета Ретикулянцы, Бета Гидранцы, Глиезцы 59, расы вроде Риккса, Кваа-джхина, и те существа, которые называют себя Людьми Железного Солнца, чьи родные звезды нельзя найти ни в одном каталоге Земли, и многие, многие другие. Всего существует примерно шестьдесят рас, чьи ограниченные лабиринты, маршруты, которые ведут из их родной солнечной системы в ближайшую, исследованы и нанесены на карту. Составь эти карты воедино — и получишь один большой ограниченный лабиринт, маленькие секции которого разбросаны по значительному куску многих спиралей Галактики. Но наверняка существует еще огромное количество того, что предстоит исследовать и открыть. Время от времени в эту маленькую глухую часть дороги попадает новая раса и останавливается, чтобы поболтать. Тогда мы получаем новый кусок информации — но процесс идет очень медленно.

— Скажи мне, где кончается Космострада? — спросил я.

— В начале вселенной.

Я выпил последние капли моего тошнотворного сладкого коктейля.

— А там есть хороший мотель?

Джерри рассмеялся.

— Джейк, ты же знаешь, как зарождаются эти рассказики. Чужеродное инопланетное пойло в человеческом брюхе. Случайное помешательство химического происхождения.

Мы еще немного поговорили, примерно еще минут пять, Джерри сказал мне, что он знал о проекте расчистки джунглей. Все это время мои задние мысли что-то терзало: то, как Перес на меня посмотрел.

— Джерри, огромное спасибо. Удачи тебе в твоем новом бизнесе.

— О'кей, Джейк. Дай мне знать, как дела у нас там.

— Я напишу.

Я вышел в общий холл.

Перес сидел за письменным столом, странно улыбаясь мне, а три гладких спортивных модели подъезжали на стоянку.

Я рванулся к лифту, а пока я ждал проклятую медленную телегу, вызвал Сэма.

— Сэм, старина, ситуация совсем швах. Будь готов катиться дальше.

— Куда катиться, господин?

— Ищи две дороги и желтый лес, куда мы сможем свернуть. Иначе — нам крышка.

Возле лифта был интерком для внутреннего пользования в отеле. Я нажал номер нашей хижины.

— Да?

— Дарла, пакуй вещи. Сбрасывай лестницу и беги к Сэму. Поскорее, и потом используй свой огнемет и сожги лестницу. Сожги!

— Хорошо!

Трое — один из стволов Уилкса и двое неизвестных, уже приближались к прозрачным входным дверям. Я посмотрел кругом и увидел двойные двери, которые, по всей вероятности, вели в кухню.

Я оказался прав, и три повара, один из них инопланетянин, Тот, подняли на меня глаза от своей черной работы. Я не остановился и рванулся к задним дверям. Они открывались в холл, который вел к ресторану. Отдельный вход вел на стоянку. Комната была темная и пустая. Из-за перегородки в отделении для официантов раздавался грохот посуды. Я тихо перешел через зал, присел у передней стены и выглянул из окошка.

Еще пятеро бежали к двери ресторана. Я нырнул под ближайший стол и замер там как раз вовремя, чтобы услышать, как дверь рывком распахнули, а ноги загремели по полу. Тяжелая скатерть мешала мне видеть. Я подождал, пока они ушли, потом поднялся и рискнул посмотреть еще раз. Еще трое ждали на стоянке, стоя возле бока одной из машин, а руки засунуты были под их тропические рубашки. Ясное дело, опять стволы.

Я был загнан, как животное отряда грызунов, сиречь крыса.

Мне надо было выбраться через дверь и вправо, к концу стоянки, где тропинка выходила из леса. Но, пока я смотрел, двое вышли через передний вход ресторана и пробежали мимо моего наблюдательного поста, вне сомнения, для того, чтобы как раз встать у моего облюбованного маршрута бегства. Теперь у меня оставалась возможность пробежать через стоянку и броситься в лес, используя ту тропу, которую проложил Сэм, как вход в лес. Трое на посту все еще стояли на страже.

Что-то двигалось на стоянке. Судя по звукам — тяжеловоз. Потом я увидел, что он выезжает задом между мною и ствола-

ми. Это был Джерри, который поспешно сматывался. Неважно, что я был здесь, ему тут быть не хотелось.

Когда для стволов на стоянке вид был совершенно заслонен тяжеловозом, я выскочил из укрытия, рванул вперед, вскочил на подножку тяжеловоза и постучал по боковому иллюминатору в трех дюймах от головы Джерри. Он подскочил.

Потом открыл окно.

— Привет, Джейк. НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО!

— Извини, Джерри. Привет, Андромеда. Можете подвезти меня до дальнего конца стоянки?

— Джейк, там парни, которые... Ладно, не обращай внимания.

Смирившись, Джерри повел тяжеловоз вперед. Я смотрел, когда мы проезжали главный вход. Никто не показался оттуда.

— Достаточно далеко? — надеялся Джерри.

— Угу. Останься здесь, пока я смогу убежать в лес. Ладно?

— Естественно.

Сэм был прав. Подлесок ожил до такой степени, что я едва мог различить хвост Сэма. Бежать там было просто страшно. Согнутые стебли травы путали мне ноги, шипастые лозы хватались за одежду. Я спотыкался о спрятанные в траве ямы, падал на встречные камни, я бежал уже две минуты и ничуть за это время не продвинулся.

Стало еще хуже. Я не был уверен, что не потерял дорогу. Похоже было на то, что все-таки потерял.

— Сэм! Отзовись!

— Где ты, черт побери?!

— Не знаю. Где-то позади тебя. А Дарла?..

— Ничего себе путаница! Дарла со мной, все в порядке. Я собираюсь завести мотор. Иди по звуку.

— Замечательно! Нет, погоди! — Мне почудился дым.— Веревочный мост.

Теперь я мог вполне положиться на свой нос. Но я ни фига не видел.

— Ладно, не обращай внимания. Заводи мотор.

Сэм так и сделал, и справа от меня раздался приглушенный рев. Я стал пробираться туда, колотя руками растительность.

— Ты можешь вернуться к стоянке?

— Пытаюсь. Почему-то выбраться оттуда было легче, чем въехать обратно.

— Угу, посмотрим, сможешь ли...— что-то ползло по моей ноге. Что-то теплое, влажное и резинистое. Я посмотрел вниз.

Безволосое, многоногое существо с центральной частью тела величиной с грейпфрут прижималось к моей ноге, сжимая икру в объятиях. Я завопил, ударил по страшной штуковине кулаком, схватил ее обеими руками и потянул. Острая боль пронзила мою ногу. Я дернул, мне удалось отодрать одну скользкую лапу, и она, пульсируя, свернулась вокруг моей руки. Я по-

тянул. Щупальце растягивалось, как жвачка, потом стало упругим и потянуло обратно. Я упал, запутавшись в густом подлеске, стал извиваться, а боль все нарастала. Я бил, рвал, проклинал эту зверюгу, а красные волны боли прокатывались сквозь меня. Зверюга не отпускала ни в какую. На какое-то время все замерло, и ничего кругом не было, кроме боли и маленькой вселенной, где эта боль жила, а я ругался и дрыгал ногами.

Потом я пришел в себя, когда в руках у меня невесть откуда взялась палка, и я колотил по зверюге, не обращая внимания на тот вред, который причиняю собственной ноге. Наконец тварь заверещала — звук был похож на скрипенье мела по доске,— отпустила меня и уползла обратно в траву.

Минуту я лежал в траве. Наконец поднялся на ноги. Нога онемела и не хотела слушаться моих приказаний, но я мог идти. Я огляделся в поисках ключа, который уронил, падая, но его нигде не было видно.

Сзади меня раздались звуки какого-то движения, я очень пожалел о своем вопле, но когда дело доходит до всяких мерзких ползучих вонючих, мне сразу же становится не по себе, кишка у меня тонка на этих тварей, я словно теряю все свои мужские принадлежности и превращаюсь в барышню кисейную.

Какая-то фобия, не иначе.

Нет времени искать ключ.

Сэм звучал все ближе, это уже было хорошо, но теперь у меня не было никакой возможности общаться с ним. Я барахтался в этих зеленых вечных миазмах, колотя руками по кустистым своим палачам, и у меня зародилась дикая сумасшедшая мысль вернуться обратно к отелю, попросить у мистера Переса его мачете и отплатить зеленым сволочам тем же, что они заставили меня пережить. Они не смягчились. Я рвал их всем, что у меня было: руками, здоровой ногой, просто ненавистью. Насекомые жужжали вокруг меня нарастающим облаком, они садились мне на лицо и плавали у меня в глазах, но, по крайней мере, они были настолько милосердны, что не жалили меня.

Я услышал хлопок пистолета. Кто-то прожигал тропку слева от меня.

Грохот раздавался прямо впереди. Сэм. Я рванулся, спотыкаясь, вперед, упал, подавил страшное ругательство и снова пополз вперед. Сэм был рядом, но я по-прежнему его не слышал. Моя нога подвернулась в какой-то ямке, несколько секунд я просто шипел, пока раскаленные добела шпильки боли простреливали меня. Но вскоре я опять прорывался вперед своим телом, прорубая тропинку в листве, продираясь к тому, что казалось мне звуками мотора. Я продвигался черепашьими шагами.

Наконец я сдался. В ногу вернулась острая пульсирующая боль, которая посылала заряды живого огня вверх по ноге. Я повалился назад от всего этого — от жары, усталости, боли.

Я выкопал из рукава пушку и лег, поджидая, а влажная листва лизала мне лицо. Мне было наплевать, я просто лежал так и ждал, глаза отдыхали на завесе зеленых темных листьев. Сэм все приближался, приближался. Я попытался сесть, понял, что могу это сделать, и посмотрел вокруг.

Что-то выскочило из джунглей прямо позади меня. Я повернулся и понял, что сижу как раз перед левым передним роллером Сэма. Он остановился как раз на том месте, где была моя голова минуту назад. Мотор снова взревел, роллер стал двигаться, и я бешено заколотил по брызговику со всей силы.

— Джейк?—раздался голос Сэма из динамика внешней связи.

— Да!!!

Люк открылся, и я мучительно медленно втянулся вверх внутрь.

Я упал на пол возле сиденья стрелка.

— О господи!—сказала Дарла над моей головой.

Я перекатился и увидел ее лицо, один из самых лучших пастельных рисунков господа бога.

— Привет.

— Где, черт возьми, ты шлялся, парень?—приструнил меня Сэм.

— Там, сорняки в саду полол. Дайте мне... а-а-а-а!

— Осторожно,—сказала Дарла.—О, твоя нога...

С небольшой помощью я встал и плюхнулся на переднее сиденье. Сэм катился влево, прокатывая, словно укладчиком, зеленую стену.

— Там есть ручей. Ага, тут неровный грунт. Наверное...

Мы не видели этого человека, одного из наших преследователей, пока не оказались на нем. У него еще было время повернуть голову и успеть сообразить, что ему угрожает опасность, когда мы переехали его. У него не было уже времени закричать. Дарла тоненько вскрикнула и приложила руку ко рту.

Немного помолчав, Сэм сказал:

— Ну, поехали.

Мы перевалились со звоном через набережную, поскользнулись и плюхнулись в мелкую речку, по дну которой была разбросана полированная галька. Сэм осторожно спустил свой хвост в ручей. Я услышал, как переднее сидение-гармошка сказало КРРАХ, когда его выгнули до пределов. Сэм резко повернулся влево и зашлепал по дну реки, подскакивая на гальке, а наши кости и зубы медленно превращались от тряски в порошок.

— Так мы сэкономим время,—сказал Сэм.

— Куда мы едем?

— Этот ручей идет параллельно грунтовой дороге чуть подальше. Дорога должна привести нас к просеке, которую рас-

чищают в лесу, где мы найдем еще одну дорогу, а она приведет нас прямиком к Космостраде. Так можно надеяться.

— Откуда ты все это знаешь?

— Просто следую указаниям Читы. Сам ее спроси.

Я оглянулся. Кучка мягкого черного меха поглядывала на меня из угла большими влажными глазами, ожидая моего одобрения.

Глава четвертая

Ручеек извивался по сводчатым, словно собор, джунглям, его берега заросли плакучими лозами. Мы пристегнулись и дали тяжеловозу возможность везти нас, а Сэм пер вперед, подскакивая и покачиваясь на камнях и проваливаясь в полуметровые ямы и выбоины. Ехать было страшно трудно и тряско, но не так трудно, как продираться сквозь дождевой лес. Постепенный скат вниз вскоре выровнялся, и ручей стал глубже. Потом стал просто очень глубоким.

Когда уровень воды, булькая, повысился до моего обзорного иллюминатора, я сказал:

— Я же знал, что эти жабры на вентиляторах в один прекрасный день пригодятся — не зря же их запроектировали.

— Мне кажется, глубже эта речушка не станет,— ответил Сэм.

Он был прав. Впереди вода уже мелела. Сэм на миг остановился, чтобы решить, куда идти, потом рванулся туда, где было помельче. Мы прокатились по гладкой гальке и выбрались на мель, словно огромное животное, которое приливом выбросило на мелководье.

Однако в этом была и своя хорошая сторона — тяжеловоз, наконец, получил давно полагавшуюся помывку. Чуть подальше ручей расширялся, и Сэм остановился, чтобы Дарла могла помыть треугольную рану на ноге у меня и перевязать ее. Я вдруг почувствовал какое-то странное ощущение.

— Тебе еще повезло,— сказала она.— Чита говорит, что Виига, то существо, которое тебя укусило, для людей не ядовито. К сожалению, яд этого животного по химическому составу напоминает хлорпромазин, если я правильно помню, это транквилизатор. Ты скоро ляжешь баиньки. Наверняка ты получил хорошую дозу.

— Я чувствую странное спокойствие, и все. А ты откуда все это знаешь?

— О, просто мимолетный интерес к ксенобиологии, особенно к экзотической зоологии.

— Если я умру, я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделала. Отправляйся в мою квартиру и убей там все растения.

— Как красиво звучит!

Но мой гнев стал абстрактным, когда меня охватило ощущение полной нирваны. Боль в ноге и лодыжке утихла до случайных покалываний, и я откинулся на спинку кресла, предоставив Сэму самому везти нас.

Примерно через полчаса мы выбрались на грунтовую дорогу, но чуть-чуть не влипли, выбираясь из воды. Мы царапали дно с тошнотворным звуком повреждаемого металла, потом добрались до ухабистой дороги, которая вывела нас от ручья и чуть выше по холму.

Мне страшно захотелось спать. Я велел Дарле принести стимулирующую таблетку из медаптечки, но она мне отсоветовала, утверждая, что взаимодействие яда той твари и таблетки может быть непредсказуемым, поскольку биохимия Виниги была инопланетной. Я согласился. Что поделать, она была тут доктором.

Прошел еще час, и мы выехали на просеку. Это было для нас потрясением. Примерно на площади в двенадцать квадратных километров джунгли просто содрали с лица земли. Словно кучу сорняков. На их месте лежали кучи взрытой земли, горы древесной пульпы и ряды за бесконечными рядами аккуратных вязок: кора, бревна, листва, семена, стручки, плоды и овощная масса — последняя в металлических контейнерах. Все полезные продукты в натуральном виде или подготовленные к дальнейшей обработке. Та штука, которая это проделала, стояла в отдалении.

Это был огромный Землескреб. Это была платформа примерно в километр длиной, передвигалась она на гигантских гусеницах, выкусывая своим ведущим концом огромные куски джунглей, сортируя, перерабатывая, переваривая огромные массы материала в своих металлических кишках, вываливая свои отходы позади. Когда-нибудь фермы, дома, фабрики последуют за нею. Очищенная земля на Деметре была драгоценностью (Деметрой по-настоящему и звали эту планету, хотя большинство людей игнорировало это название и прозвали ее просто Оранжереей).

Чита скорбно взирала на эту сцену, и я не мог удержаться от чувства жалости и стыда. Она смотрела на развалины своего единственного дома.

Дорога обходила край просеки примерно на клик или около того, прежде чем углубиться обратно в джунгли. В этот момент мы следили за тем, не появится ли кто по нашу душу с воздуха, но никаких летательных аппаратов не было.

Новая секция дороги была покрыта густой растительностью в некоторых местах, она извивалась по берегам болот и впадин, пока, наконец, не влилась в другую дорогу.

— Сюда! — взвизгнула Чита.

Сэм повернул влево, и под слоем густого покоя, сонливости и благодушия я подумал, насколько же это абсурдно, когда

тебя выводит из опасности существо, чей коэффициент интеллекта вообще не удается измерить — настолько он мал, по слухам. Но обычно мы пользуемся той помощью, которую нам удается получить.

Я заснул, все время просыпаясь, когда Чита выкрикивала новое указание, куда ехать, но в конце концов не осталось такой необходимости, и дорога перед нами бесконечно развернулась.

Спустилась ночь, что на Оранжерее наступает довольно рано, поскольку период обращения у нее только шестнадцать часов, и мы, как призраки, проскальзывали по лиственным коридорам, а наши фары играли в стволах деревьев. Пары крохотных глаз сверкали в тени, словно искры в замирающем огне, они пристально смотрели на нас. Время от времени раздавались звуки шороха и возни в кустах, ночные вопли зверей разносились эхом в чернильной тьме за нами. Я дремал, просыпался, снова плыл в сон, просыпался снова, а пейзаж передо мной был все тот же самый, сон и реальность слились. Я не знаю, сколько времени мы путешествовали. Тропа превратилась в бесконечную ленту Мебиуса, замкнутую саму на себя, словно Космострада, проложенная по поверхности шара.

Космострада. Парадокс. Причинность перевернута... живущие жизни, любящая любовь, умирающая смерть — все вне своей естественной последовательности... Мы рождаемся, проходим свои бессмысленные пути к могиле, но эти тропинки двусторонние... разрежь и наугад соедини линию жизни и получишь смерть прежде рождения, разочарование прежде надежды, исполнение до того, как наступило желание, результат прежде причины...

Дорога была долгой, и я ехал по ней, по Ветке Обратного Времени... назад на Терру, потерянную, голубую искорку в черноте, истощенную планету пятнадцати биллионов душ — невзирая на постоянный исход лишнего населения на путину миров, связанных Космострадой... Снова в детство, в вымирающий полудеревенский город в Северо-восточной Индустрии, некогда Пенсильвании, Федеративная Демократия Северной Америки... Маленький шахтерский городок, под названием Брэддок Крик, чьи шахты выдали последние капли битуминозной смолы примерно в конце четвертого десятилетия века, вскоре после того, как я родился... город полупризрак. Ряды домов, заколоченных досками, оставленных на растерзание грабителей и погоды, население, которого почти не осталось, и это в век переполнения планеты, жертвы Климатического сдвига... короткие жаркие лета, длинные зимы, от которых стыли щеки, и почти без сезона плодородия между ними... Карапуз, который проводил теплые месяцы босиком, играя на ку-

чах каменного мусора возле шахт, горы этого серо-голубого шлака вечно лежали и дымились от самовозгораний, спекаясь в так называемого «рыжего пса», шлака, который очень хорошо себя зарекомендовал при мощении дорог... Мальчик, который плавал в ямах, наполненных водой и кислотными вымываниями из почвы под шахтами... Мы никогда не ходили голодными в те дни, потому что отец работал, где только мог, выманивая фрукты и овощи у нашего садика на химической основе, когда у него не было работы. А когда ни одно из его занятий не могло оплатить счета, он делал таинственные вещи, пока я ждал его, он уходил по ночам, и тогда я спал на огромной двойной кровати с мамой, но я долго лежал без сна, прислушиваясь к тому, как в ветреной ночи лают собаки, я ждал, когда же придет отец, что он делает, думал я. Я ждал его, пока не засыпал, чтобы проснуться на следующее утро в собственной постели, в своем спальном мешке на старом матрасе в гостиной, смутно вспоминая, что отец принес меня туда, поцеловал и подоткнул одеяло... Смутные годы, проведенные в скуке и беспокойстве, когда я пропускал школу из-за недостатка топлива и отсутствия денег, дни без мяса, без хлеба, гордые счастливые дни, когда солнце выходило и согревало все вокруг и я мог визжать, кататься по земле и орать, играть сколько душе угодно, и не думать о мире, где миллионы, нет, биллионы голодали, и постоянные пожары в лесах разоряли землю, или думать о том, что очень здорово, что люди поселились на луне, сумели провернуть колеса своих повозок в космосе... Я помню, как мой отец говорил мне, что помнил, как при нем открыли первый портал на Плутоне, его открыл робот, и я тогда подумал: зачем они его построили, этот портал, на таком отдалении, на самом краю солнечной системы?.. Я смотрел видеопрограммы о том, как это произошло, слушал, как комментаторы говорили, какая это великая тайна: кто построил это все? Когда? Зачем? — годы пронеслись прочь слишком скоро, потому что, невзирая на лишения, это было детство не хуже и не лучше многих, обычное детство... А однажды отец рассказал нам, что надо бы переехать, что он подал заявление на эмиграцию, и что его приняли, и что как-то скопил 500 000 Новых Долларов, которые полагались всем североамериканским резидентам, как плата за эмиграцию, потому что экономически этот регион все еще считался одним из неплохих, если сравнивать с остальными... Путешествие гидросамолетом в Индию, невероятные массы народа там, мертвые тела на улицах, тела, которые еще не совсем умерли, но уже умирали, положенные, словно дрова, посыпанные каким-то химическим порошком, который делал их похожими на поленницу под первым снегом... Порт челночных кораблей в Кендрапаре на Бенгальском Заливе, окруженный палаточным городком брошенных там эмигрантов... Громовой полет на челночном корабле, моя первая звездная тошнота

и вид ослепительной Терры, которая уменьшалась под нами... Потом путешествие на борту «Максима Горького», корабля дальних перелетов, который достигал Плутона за восемнадцать месяцев. Я провел эти месяцы по большей части вместе с остальными пассажирами в полусне, электрически созданных сумерках полусознания, которые делали путешествие переносимым... Примерно час мы провели на Плутоне, прежде чем сели на автобус, который Космострадой перевез нас на звезду Бернарда, а оттуда на Сигни-А-11, оттуда на Струве 2398, оттуда на Сигму Дракона IV, которую звали Вишну, где я провел остаток своего детства на ферме в долине, которая зеленела благодаря воде, которая вытекала из расселин в скалах, работая так, как я никогда не работал — ни прежде, ни потом. Где я наконец стал взрослым мужчиной — слишком скоро, когда моя мать умерла, рожая моего брата Дональда — мертворожденного...

...Пока меня не разбудила очередная выбоина, и я увидел, что дорога выскочила из джунглей на полосу в десять метров шириной с каждой стороны автострады, где никакая растительность не могла существовать, кроме низенькой травки.

Сэм ждал, когда ему можно будет влиться в движение. Невероятно медленная телега с какой-то конструкцией роллеров, почти не дававшей сцепления с дорогой, виляя, проревела мимо, а ее фары показались просто светлячками в сравнении с блестящим парадом остальных машин. Сэм проверил сканнеры и выехал на дорогу, гладкую-гладкую дорогу Космострады. Ах, какое хорошее чувство! Меня нежно вдавило в сиденье, когда Сэм включил ускорение, и скоро мы мчались сквозь низко стелющийся туман, который пах влажными травами и влажной землей, запах джунглей, который я не хотел бы чувствовать у себя в ноздрях, влажный и гнилостный. Я закрыл вентили кабины и промыл ее чистым воздухом. Потом загерметизировал ее. Мы сделаем прыжок во множество световых лет на Грумбридж 34-Б, где была переходная дорога на безвоздушную луну газовой планеты-гиганта.

— Эй, посмотрите, кто проснулся. Тебе лучше? — Сэм говорил тихо.

— Более или менее. Сколько времени мы путешествовали по тому проклятому ботаническому саду?

— Почти всю ночь. Мы, однако, пропустим зарю. Мне кажется, мы примерно в ста кликах от портала.

— Роскошно. Чем скорее мы уберемся из этой салатницы, тем лучше для нас.

Я оглянулся и увидел Дарлу и Читу, которые скорчились вместе на заднем сиденье, заснув, как трехлетние дети. Я почув-

ствовал, что мне еще меньше лет, и снова провалился в небытие. Без снов.

Предостерегающее гудение портала разбудило меня. Я чувствовал себя еще лучше, но рот у меня словно был набит ватой, и все в теле болело.

— Лучше скажи этим двум, чтобы пристегнулись,— сказал Сэм.

Я завопил через плечо, и они проснулись, протерли глаза и пристегнулись. Мимо пролетали предостерегающие знаки, и вдруг мы оказались в тумане, который окутал весь подъезд к порталу. Коридор безопасности, полоса, отграниченная двумя белыми линиями, разматывался на нас из тумана.

— Ты на инструментах?— спросил я.

— Не-а. Использую наводящие маркеры.

Туман стал еще гуще, и линии потускнели — потом, как по маслу, туман мгновенно исчез, и мы проехали мигающий красный сигнал пункта стыковки и пронзили силовое поле портала. Поле держит атмосферу, но дает возможность твердому телу проехать насквозь. Мне всегда хотелось спросить, что произойдет, если машины, которые создают это поле, внезапно испортятся. Насколько я знаю, такого никогда не случалось и никому не приходило в голову беспокоиться об этом, кроме меня. Вообще-то никто не собирается проводить бессонных ночей, думая о том, что произойдет, если портал совершенно испортится и цилиндры упадут. Такое вроде как тоже никогда не случалось, по крайней мере, в известных Лабиринтах.

Мы почувствовали минутное притяжение неведомой силы, это с нами работали жадные пальцы гравитации.

— Смотри в оба, Сэм!

— Это всегда был тяжелый, поганый портал. Его надо откалибровать. БУУУМ!

Тяжеловоз словно упал, ударившись по Космостраде Грумбриджа. Джунгли пропали, и вокруг нас простиралась холодная плоская земля сателлита, омытая тусклым красным сиянием основного карликового солнца Грумбриджа 34-Б. Оно висело на огромной занавеске неба, покрытого звездами. Газовый гигант висел над нами справа и занимал сейчас примерно сорок пять градусов неба.

— Напомни мне подать жалобу в ближайший офис по техническому обслуживанию Космострады,— пошутил Сэм, отлично зная, что рекалибрация будет выполнена самим порталом, когда наступит время. Так же, как и поверхность дороги Космострады, порталы сами себя ремонтировали.

— В один прекрасный день мы материализуемся под поверхностью дороги,— сказал он, повторяя страшную сказку,

которая тоже принадлежала к фольклору Космострады.— Ей-богу, мне интересно, что тогда случится. Взрыв?

— Сэм, ты отлично знаешь, что этого случиться не может, я уже прошел все стадии этого спора сто раз в ста различных пивнухах. Переход через портал — это не вопрос передачи материи, это вопрос геометрии. Пространства по обеим сторонам портала соприкасающиеся, а не конгруэнтные. Мы только что пережили невыровненность, где вход оказался выше выхода.— Если бы ситуация была обратной, а разница не превышала бы нескольких сантиметров, то ощущение было бы такое, словно переезжаешь выбоину. Без проблем. Однако если бы несоответствие уровней было больше, скажем, метр или около того, то мы бы налетели на тот край металла дороги, которым кончается въезд в портал, и нас бы размазало по дороге. Но мы все равно бы остались на входе в портал. Но никакого взрыва бы не было. В энный раз я все это объяснял Сэму, и он смеялся.

— Я просто дразню тебя, сынок. Мне нравится видеть, как у тебя шерсть на загривке встает дыбом, когда ты споришь с этими тупыми водилами. Но скажи мне, почему мы ничего не слышим про такие происшествия?

— По той же причине, по какой все несчастные случаи с порталами очень трудно проверить. Но кто знает? Может быть, есть какие-то механизмы безопасности, а может быть, есть что-то в природе искаженного времени и пространства, что исключает подобные штуки. Я не знаю. Это чудо, что они могут вообще что-то выровнять с какой-то степенью точности на расстоянии дюжины световых лет. Есть многое в Космостраде, что мы не знаем. Одна из самых больших тайн — это то, зачем дорога вообще понадобилась.

— Ну,— ответил Сэм,— я так думаю, что им приходилось тащить тяжелое оборудование с одного места на другое, пока они от одного цилиндра добирались до места, где предстояло поставить следующий. Технология, которая так хорошо управляется с гравитационными силами, не нуждается в том, чтобы строить дороги для наземных средств транспорта. Разве нет?

— Тут ты меня прищучил. Черт, может, в бюджете отыскались лишние деньги и бюрократы не могли себя заставить отдать то, что уже раз попало им в лапы. Они просто должны были их потратить, поскольку бюрократы во всей вселенной одинаковы.

— Я так понимаю, что ты шутишь?

— Не совсем. В сравнении с потрясающей инженерной техникой, которая построила сами порталы, положить между ними дорогу, которая сама себя технически обслуживает — детская игрушка. Просто пришло в голову — и сделали.

— Я никогда не думал об этом таким образом,— сказал я, почесывая в затылке.— Но, черт возьми, почему они плюхнули

цилиндры просто на поверхность планет? Почему не оставили их в космосе?

— Слишком много вопросов, Джейк, а у нас нет ответов. Беседа подстегнула мою память.

— Кстати, это мне кой о чем напоминает. Я весьма интересно побеседовал с Джерри Спарксом там, в мотеле.

Я пересказал то, что услышал. Сэм сперва никак не комментировал сказанное, потом заметил:

— На мой взгляд, звучит, как обычная дорожная байка, Джейк.

— Что в точности соответствует моим чувствам,— я оглянулся на Дарлу, которая с интересом следила за нашей беседой.— А ты что думаешь?

— Насчет чего? Космострады или слухов о тебе?

— Все равно. И то, и другое.

— Я в это верю. Я хочу сказать, в слухи про тебя. Если кто-то и сможет найти дорогу обратно во времени, это вы, парни.

— Спасибо.

Я взглянул на газового гиганта. Он был огромный и величественный, раскрашенный параллельными пастельными полосами, на нем красовались словно бы мушки от второй луны, которая сейчас по нему проходила. Внизу пылевой реголит поверхности луны был сметен в плавные низкие кучки, которые здесь и там были испещрены кратерами с голубоватыми отверстиями.

Я повернулся к Дарле.

— Кстати, до сих пор этот вопрос как-то не возникал, но куда ты ехала, когда мы подхватили тебя на Тау Кита 11?

— Маш-сити,— ответила она без колебания.— Я там раньше бывала, когда пела. Но я искала работу менеджера в ночном клубе. Мне рассказали, что там имеется вакансия.

— Угу.— Тем, что я не знал про эту женщину, можно было бы перегрузить тяжеловоз или даже парочку.— Ладно, ребята, что теперь будем делать? Есть предложения? Высказываться могут все, даже вон Чита.

— У нас есть три возможности,— сообщил нам Сэм,— поскольку на той планете три портала. Один — мы можем вернуться туда, откуда пришли. Как вам такая мысль: будем за нее голосовать?

Несколько придушенных воплей от Дарлы и Читы, а мой вопль, кажется, оказался еще громче.

— Так, это не пошло. Второе: мы продолжаем наш первоначальный маршрут и доставляем наш груз научного оборудования на Ураниборг, в Чандрасекарскую Обсерваторию глубокого космоса, что потребует от нас немалого риска, поскольку Уилкс, вне сомнения, знает, что мы туда и направляемся. Что оставляет нам портал номер три?

— Который ведет нас черт-те куда в земном лабиринте,— вставил я.

— Но ведь мы можем направиться на Ураниборг и не останавливаться,— предложила Дарла.— Можем оставаться на 12 маршруте и проехать сквозь земной лабиринт.

— Хм-м-м... Тоты довольно дружелюбно к нам относятся,— размышлял я.— Но что мы там будем делать?

Ответа не было.

— Вот черт, получается, у нас вообще нет выбора.

— В пользу последнего решения — единодушное «да»,— объявил Сэм,— но это в данном случае не имеет значения, потому что нечто очень быстро садится нам на хвост. И если я говорю — «очень быстро», я именно это имею в виду.

Я отстегнулся от сиденья стрелка и почти разбил голову о крышу, пытаясь перебраться на водительское сиденье и забыв об уменьшенной силе притяжения. Я проверил сканнеры.

— Я понял, что ты хочешь сказать. Слишком быстро для гражданского транспорта, это не тяжеловоз. Либо инопланетянин, либо патруль колониальной полиции.

— Это и есть патруль,— подтвердил Сэм,— и почему только у меня странное ощущение, что он хочет прижать нас к обочине и остановить?

— И у меня такое же подозрение. Однако мы тут мало что можем поделать.

— Но мы вполне можем с ним помериться пушками.

— Нет, Сэм. У нас уже на счету Уилкс. Не хочу связываться с колониальными властями.

— Угу, у него уже сирена вовсю вопит. Я ее тебе дам послушать. МЕРТЕ!

— Ну...— я вздохнул и приготовился смириться с неизбежным, притормозил и стал подтягиваться к обочине. Я сбрасывал скорость как мог быстрее, и, естественно, менты перегнали нас, словно они были единственными удалыми перехватчиками Маш-сити.

Сэм рассмеялся:

— Ты только посмотри на них, этаких чайников!

Дорога впереди нас покрылась синевато-белым от их задней отдачи при торможении, и бедные лапочки оказались в полуклике от нас, опередив нас на такое дикое расстояние просто из-за неумения водить машину. Им пришлось медленно пятиться задним ходом, что, конечно, немедленно привело их в прекрасное настроение.

— А они становятся все нахальнее, верно?— спросил Сэм.— Я имею в виду, вот так ни за что ни про что нас остановили...

— Не в первый раз,— ответил я.— И не в последний. Менты просто обязаны время от времени делать что-то подобное.

Это традиция. Им не по себе, когда они не могут арестовать кого-нибудь на дороге.

Мегафон патруля издал писк: плинк!

— Джейкоб Пол Мак-Гроу? — голос был женский.

Я надел наушники.

— Да, а что?

— Привет, Джейк! Как дела?

— О господи, только не Мона! — простонал Сэм.

— Просто прекрасно, — ответил я. — А у тебя как жизнь?

— Роскошно, — констебль Мона Бэрройс сказала это своим чистым птичьим щебетом. — Джейк, боюсь, у меня для тебя плохие новости.

— Мона, я уже и так за сегодня получил немало удовольствия, когда ты меня таким манером перегнала и показала мне прелестную попку твоей машины. Теперь меня ничто не может вывести из себя. Пока что.

— Джейк, ты всегда умел говорить приятные вещи. И все же, мне кажется, от того, что я скажу, твой мотор погаснет и сдохнет. На Оранжерее выдали ордер на твой арест.

Обратите внимание. У нее этого ордера не было, и она меня не собиралась арестовывать. По крайней мере, не здесь, не на Космостраде.

— Вот как? А по какому обвинению? Они что, собрали воедино все мои штрафы на дороге за предыдущие годы?

Но на сердце у меня было муторно. Я знал...

— На сей раз очень скверно, Джейк. Убийство с помощью транспортного средства повышенной мощности.

— Разумеется.

— Есть и другие обвинения. Отъезд без оказания помощи, нападение со смертельным оружием в руках и куча всякой мелочи.

— А, черт с ними, говори уж все сразу.

— О, нелегальное вождение машины по бездорожью, потом ты еще чего-то там не сделал... Джейк, слушай, неужели надо тебе все это выдавать?

Патрульный крейсер затих. Я, например, не мог найти выхода из такой ситуации. Я сидел и гадал, что станет делать Мона, если, например, мы попытаемся от нее рвануть. Это не было таким уж трудным делом, полицейские теперь редко встречаются жестче, чем Мона.

— Должен ли я понимать так, что это арест, констебль?

— Господи, откуда у тебя такие мысли? Но я просто официально тебя уведомляю, что в округе моей юрисдикции против тебя выдвинуты обвинения. Мое предложение тебе — сдаться.

Слово «предложение» было резко подчеркнуто и выделено голосом.

— Тогда почему ты нас остановила, а? Можно спросить?

— Ох, Джейк, ради бога не изображай космострадского адвоката в суде. Не умею разговаривать и вести машину одновременно. Кроме того, ты сворачивал на Эту Кассиопею, и мне не хотелось бы, чтобы ты потом ехал обратно по такому куску дороги. Мне еще надо сделать кучу вещей, и я спешу. Ну вот, теперь ты знаешь, что тебе надо сдаваться или приходить с повинной, Джейк. Почему бы не сделать этого прямо сейчас и избавить себя от массы неприятностей? А? Ладно?

— Я с большим удовольствием услужил бы тебе, Мона, но утром я сам себя уважать перестану.

— Эй, Джейк,— предупредила она.— Только не вбивай себе в голову всякие глупости. Я буду ехать за тобой до тех пор, пока тебе не понадобится выйти из тяжеловоза, хотя бы, чтобы пописать.

— У меня для этих целей под сиденьем пятигаллонная бутыль из-под виски «Старая привычка», лапушка. Так что я плевать хотел на офицеров полиции, которые сгоняют меня с дороги, просто чтобы поболтать.

— Не шути. Ты знаешь, что я хочу сказать. Ты вскоре остановишься, чтобы поесть или заправить машину или что-нибудь в этом роде.

Она не могла так долго ждать. Но вопреки браваде Сэма, она могла пересидеть нас. Если в этом безвоздушном окружении мы окажемся без топлива или еды, потребуется так называемое «спасение», и тут она с нами расправится.

— А если я покину земной лабиринт?

— Это твое право. Но тебе придется оставаться вне его постоянно. Не очень-то это хорошо для твоего бизнеса, а?

— С этим я должен согласиться.

— Так что ты скажешь?

Я выключил связь на миг.

— Что делать будем, Сэм?

— Пойдем пока за нею. Мы что-нибудь придумаем к тому времени, когда попадем снова в Оранжерею. Может быть, Чита найдет нам еще какие-нибудь безопасные дороги в джунглях.

Сама мысль о такой возможности заставила меня сказать:

— Даже не надейся, Мона. Мона, лапочка, не знаю, как совесть дает тебе спать по ночам. Ты же знаешь, что обвинения сплошь придуманные, и, мне кажется, ты отлично знаешь, что произошло в Грейстоук Гровз и у «Сынка».

— Милый, я просто выполняю свой долг. Это Уилкс сообщил в полицию про то, что произошел инцидент со смертельным исходом и подал жалобу за нападение. Я только следую предписаниям, как поступать в подобных случаях. Правда, я знаю, что Уилкс мечтает, чтобы ему подали твоей крови в хрустальном графинчике... но у меня на него нет никаких данных! Тебе бы надо подать на него встречную жалобу, чтобы я

тебе помогла! Но мне кажется, что ему пока что хуже, чем тебе. У него один человек погиб, а другой в изоклинике отращивает новый палец.

— Иными словами, если я случайно подвернусь мертвым, моральное преимущество будет на моей стороне?

— Извини, Джейк, но я уже сказала, что у меня есть приказ, и я должна ему следовать.

Я оглянулся на Дарлу.

— Дарла, тебе решать. Она ничего не упомянула про подозрительную женщину. Скажи только слово — и мы поедем обратно, а ты совсем не будешь фигурировать в этом деле.

— Я готова рискнуть и рвануть к тому, третьему порталу,— сказала она, и ее голубые, как ионосфера, глаза странно заблестели.

— Джейк, ты меня слушаешь? Я хочу тебя убедить, что ты получишь всю необходимую защиту от Уилкса или кого-нибудь другого, я тебе это лично гарантирую... погоди секунду.

Радио затрещало, и она прекратила передачу.

— Что это, Сэм?

— Что-то впереди надвигается. И мне кажется, что я знаю, что это такое.

Я посмотрел на передний вид, включил телескопический обзор и вывел его на главный экран. Огромный автомобиль необычной конструкции тормозил с огромной скоростью. Я посмотрел на датчики сенсоров.

— Два, запятая, три и тормозит на пятнадцати Г,— заметил я.— И это не телега с реактивным двигателем.— Я посмотрел на экран внимательнее.— Это может быть только одна штуковина...

— Мона влипла по уши,— сказал Сэм, и в голосе у него звучало настоящее беспокойство.

Машина, которая появилась на экране монитора, была почти без особых внешних черт, этакая низкая, удлиненная половинка арбуза на роллерах, сияющая ясным серебром. Когда она приблизилась с поразительной и страшной скоростью, она смотрелась как гигантский жук, как детская игрушка невиданных размеров, этакая бибика на колесиках. Одновременно она была комична и страшна.

Мона, очевидно, намеревалась убежать, но эта штука надвигалась слишком быстро. Мона затормозила в ста метрах от нее или около того, пытаясь казаться невиновной.

Миг спустя «Патруль Космострады» встал около нее, налетев бесшумно, как коршун, и скатился на обочину между патрулем полиции и нашим тяжеловозом.

Загремел громкоговоритель. Голос заговорил на интерсистемном языке.

— НАЗОВИТЕ ПРИЧИНУ ПОМЕХИ ДОРОЖНОМУ ДВИЖЕНИЮ.

Вообразите только самый нечеловеческий голос, какой только возможен, добавьте к этому все самые устрашающие нюансы выражения голоса и тона, потом увеличьте громкость, пока у вас не начнут разрываться барабанные перепонки. Я повернул ручку громкости как можно дальше в сторону выключения.

— Мы оказываем помощь,— сказала Мона как можно тверже, скрывая нервозность. Не было никакого сомнения, к кому обращался Космострадский патруль.

— НАЗОВИТЕ ПРИЧИНУ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ.

— Машина позади вас испытывает механические трудности с управлением.

Пауза. Потом:

— МЫ НЕ МОЖЕМ ОБНАРУЖИТЬ ТАКОВЫЕ.

— Проблема уже решена.

— ОПИШИТЕ ПРИРОДУ И СПОСОБ ИСПРАВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ С УПРАВЛЕНИЕМ СРЕДСТВОМ ТРАНСПОРТА.

Мона была рассержена.

— Почему бы вам их не спросить?

— ЛИЧНОСТИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В КОММЕРЧЕСКОМ ТЯЖЕЛОВОЗЕ: ВЫ МОЖЕТЕ ПОДТВЕРДИТЬ ЭТИ УТВЕРЖДЕНИЯ?

— Да, можем. У нас была потеря магнетического поля из-за неисправной электронной детали. Деталь заменили.

— ЛОЖЬ,— в голосе не было никаких эмоций.— МЫ ОБНАРУЖИЛИ ДВА ИСТОЧНИКА ЭМИССИИ НЕЙТРИНО ПРИ ПАТРУЛИРОВАНИИ СЕКТОРА. НИКАКОЙ ПОТЕРИ РЕАКЦИИ В ЯДЕРНОМ РЕАКТОРЕ МЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ.

Все, это был конец.

— Прости, Мона, я сделал все, что мог,— этого я передавать не стал.

— ВОДИТЕЛЬ ТРАНСПОРТА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО ОРГАНАМ ЗАКОННОЙ ВЛАСТИ: ТЫ ЗНАЕШЬ ПРАВИЛА, КОТОРЫЕ ЗАПРЕЩАЮТ ОСТАНАВЛИВАТЬ ДВИЖЕНИЕ НА ЭТОЙ ДОРОГЕ?

Хотя слова и были вопросительными, это не было вопросом.

— ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ЦЕЛЕЙ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КАТАСТРОФЫ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ПРИЧИН, ПО КОТОРЫМ МОЖНО ОСТАНАВЛИВАТЬ ТРАНСПОРТ НА ЭТОЙ ДОРОГЕ. ИСКЛЮЧЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ. ВЫ ОТДАЕТЕ СЕБЕ ОТЧЕТ В ТОМ, КАКОВЫ БЫВАЮТ ПОСЛЕДСТВИЯ. НАКАЗАНИЕ ВАМ ИЗВЕСТНО. ПРИГОТОВЬТЕСЬ ПРЕКРАТИТЬ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ. ВАМ БУДЕТ ОТВЕДЕНО ВРЕМЯ НА ИСПОЛНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЦЕРЕМОНИИ. НА ПЯТИДЕСЯТОМ УДАРЕ ГОНГА ВАШЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ БУДЕТ ПРЕКРАЩЕНО.

Начались удары гонга.

Мона была все равно что мертва, и она это знала, но зад ее машины словно взорвался голубым пламенем, и она рванула с места. Вместо того, чтобы ехать дальше по дороге, она резко развернулась так, что пыль от поверхности планетоида поднялась столбом. Она попыталась добраться до ближайшего холмика, чтобы укрыться там, в надежде, что патрульная машина не сможет за ней последовать. Никто не знал относительно этих «дорожных жуков», как мы их прозвали, столько, чтобы сказать наверняка, каковы их возможности. Ни одного из них никогда не видели вне дороги. Это был единственный шанс, который у Моны был, и она им воспользовалась.

Но ее моторы заглохли, прежде чем она проехала двести метров. Длинный черный перехватчик колониальной полиции зарылся в пыль. Потом последовало долгое молчание, если не считать страшного гонга.

Наконец Мона передала мне:

— Джейк, скажи им. Скажи им, что я тебе помогала. ПОЖАЛУЙСТА!

— Мона, извини.— Я не мог сделать ничего, абсолютно ничего.

— Я не хочу умирать вот так,— сказала она, голос ее дрожал,— не хочу, чтобы меня убил такой вот жук. О господи!

Почти не думая, я выставил снаряды на панель орудия, зарядил пушку и навел на цель. Когда на панели управления вспыхнул зеленый огонек, я выстрелил. Невидимая рука цапнула мою ракету и отбросила в сторону.

Она без всякого вреда взорвалась на лунном грунте.

... гонг... гонг... гонг...

— Джейк?— теперь голос ее звучал странно спокойно.

— Да, Мона?

— Мы... мы ведь провели вместе много хороших минут, да?

— Да. Да, Мона, так и есть.

Один всхлип прорвался сквозь ее маску спокойствия, но его быстро заглушил горький голос.

— Он даже не дал мне умереть от твоей руки, скотина.

... гонг... гонг... гонг... ГОНГ!

— Прощай, Джейк!

— Прощай.

Мое зрение было обожжено, багровые пятна гонялись друг за другом по всей сетчатке. Когда я снова смог видеть, перехватчик исчез. Черная яма дымилась там, где он только что был.

Дорожный жук уезжал прочь.

— ПАССАЖИРЫ КОММЕРЧЕСКОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА! ВЫ МОЖЕТЕ СПОКОЙНО ПРОДОЛЖАТЬ ВАШ ПУТЬ.

Космострадский патруль оставил нас под крохотным красным солнцем и на невыразимой красоте пейзажа.

— У тебя нет никакой причины чувствовать себя виноватым,— ободрял меня Сэм, когда мы катились по направлению к очередным цилиндрам.— Ты сделал все, что мог. Ты попытался. Я немного испугался, как отнесется «дорожный жук» к твоей ракете.

— Я знаю. Я тоже испугался,— сказал я.— Мне не надо было так делать. Это было бесполезно, и я это знал. Я не имел права рисковать жизнью Дарлы и Читы.

— Я бы сделала то же самое,— сказала тихо Дарла.

— Спасибо, Дарла. И все же...

— Ну хватит, сын. Мона знала, чем рискует. Она знала, что на этой дороге существует только одно правило: не смей блокировать дорогу или прерывать движение ни в одной ее части! И она знала, что «дорожные жуки» соблюдают это правило буквально и очень следят, чтобы таких нарушений не было.

— Какое право они имеют так поступать, карать или миловать?— яростно возразил я.— Кто они такие, черт побери?

Сэм не ответил, потому что на это ответа быть не могло. Еще одна тайна, можете занести ее в список тайн. Две теории пока что самые модные. «Дорожные жуки»— либо машины, которые были созданы самими строителями дороги, или они управлялись водителями, которые хотели, чтобы дорога была свободна для их собственных нужд. Лично я предпочитал последнюю теорию. Все указывало на то, что Космострада насчитывает миллионы лет, а машины — неважно, какие они суперсовременные и сложные — просто не могут функционировать столько времени, по крайней мере, мне так казалось. Но если внутри были существа из плоти и крови, они пока что не показались, и я сильно сомневался, что они покажутся.

Цилиндры были тут повсюду, и мы чувствовали их настойчивое притяжение. Нас поглотил портал.

Следующая планета была крупная, мир с высоким притяжением планеты, как предупреждал нас знак перед порталом. Но переход от нуля целых трех десятых к одной целой сорока пяти десятым гравитации показался нам тяжеловатым. Притяжение планеты прижало нас к сиденьям. Я застонал и попытался выпрямить спину, которая внезапно превратилась в желе.

— Уф-ф-ф!— Дарла упала на сиденье, Чита стоически терпела.

— Иисусе, даже я это каким-то образом чувствую,— пожаловался Сэм.

Мы прибыли на огромную саванну сухой травы и голых пыльных проплешин. Коротенькие деревья там и сям торчали на равнине. Справа от нас, подальше, за переливающимся от жары воздухом паслось стадо приземистых толстых животных. Солнце заходило слева от нас, но усердно палило. Небо было

голубым, усеянным прозрачными потеками яркого сияния. Следы переходов стад испещрили дорогу. В одном месте травка почти влезла на саму Космостраду и проела в ней дыру, так что пятиметровый кусок металла был съеден почти до основания. Прореха в металле была не такая большая, но все же. Как такие вещи происходят — для меня еще одна загадка.

Огромные черные птицы, если только это были птицы, кружили в белесом небе возле солнца, рыща в поисках еды. Никакой добычи или падали вблизи не было заметно. Тут и там по сторонам дороги виднелись кучки пушистой земли: ульи? Норы? Не было никакого признака обитания человека, хотя планета была в списках, предназначенных для колонизации. Но это место настолько негостеприимно выглядело, что заселить подобный мир означало смириться с тем фактом, что любое усилие, которое придется делать, будет стоить человеку в полтора раза больше. Будь то поднять вязанку хвороста, занести над головой топор, подняться по ступенькам лестницы. Но люди привыкли и к худшим условиям жизни на многих планетах. Я представил себе, как будут выглядеть будущие поколения этого мира — коротышки, смуглые, с мощными мускулами, любящие одежду цвета хаки, вросшие в свои широкополые шляпы, консервативные, уверенные в себе, гордые. Может быть, и так. Наверняка разнообразие воцарится, если человек распространится среди звезд, а различия в один прекрасный день станут куда сильнее, чем просто культурное разнообразие. Организм — это продукт окружающей среды, а когда окружающая среда такая разная...

Дорога рванулась вперед, не сворачивая никуда в сторону, указывая на широкую черную ленту, которая обрамляла горизонт, горы.

— Как называется эта планета? — спросил я.— Что говорит карта?

— Голиаф,— ответил Сэм.

— А-а-а...

Мы какое-то время молча ехали, пока я не сообразил, что мне безумно хочется есть.

— Кто-нибудь голоден? Есть хотите?

— Я! — пискнула Дарла.

— Суп сейчас закипит, кто войдет, будет сыт!

Мы отправились назад, в камбуз, и приготовили быстрый ленч: сандвичи с ветчинным салатом, огромные маринованные огурчики — деликатесы, это я привез из нового сиона, («Деликатесные огурчики и ветчинный салат? — спросила Дарла.— Мы же просто упадем на месте от несварения желудка!» — «Ешь быстрее!» — сказал я), картофельный салат, вишневый йогурт, все только что из холодильника. Я хорошо заправился на Тау Кита, прежде чем двинуться в путь по нашим-то маршрутам.

Мы хорошенько поели.

Я остановился с огромным куском маринованного огурца во рту.

— Какая же я скотина! Я забыл про Читу!

— Не волнуйся, с ней все в порядке. И это не ее имя.

— А? Что? Дарла, она же не может есть человеческую еду — полипептиды с ней совершенно не согласуются!

— Она принесла с собою свою собственную еду — вот, посмотри.

Я прошел вперед, в кабину, и точно, там сидела Чита, жевала какой-то салат для вомбатов или что-то в этом роде, маленькие такие зелененькие побеги с розовыми мясистыми головками. Я вернулся обратно.

— Когда она нашла время нарвать всего?..

— Я так и не нашла времени тебе объяснить, почему Чита с нами, правда? А ты так и не спросил. Вот что мне в тебе нравится, так это то, Джейк, что ты никогда не задаешь вопросов, никогда не жалуешься. Ты идешь по течению событий и ничего не предпринимаешь, пока обстоятельства не заставят или на тебя не нападут напрямую. Во всяком случае, дело обстояло так: когда ты позвонил мне по интеркому в хижину, мы как раз с ней разговаривали, и она сказала, что, мол, ее время приближается. Я так поняла, что это означало конец ее жизни, но она не стала распространяться. Я почувствовала, что она очень несчастна. Отчаянно несчастна.

— Она наверняка пережила множество плохого в мотеле и обращались с ней там просто пакостно, — сказал я. — Собственно говоря, маленький гнойный пролежень, по имени Перес, которого я там встретил...

— Знаю. Я поняла это по тому, как он с ней разговаривал, — она откусила кусок сандвича и задумчиво прожевала. — Чита сказала мне, что ни один из ее соплеменников никогда не покидал планеты — «не проходил между краем неба и большими деревьями», как она это называет. И что однажды, перед концом своей жизни, она очень бы хотела быть первым таким путешественником.

— Мне-то казалось, что я видел ее сородичей на других планетах.

— Правильно, но она-то этого не понимает, — Дарла подумала над теми словами, которые ей тогда говорила Чита. — Нет, я просто ее неправильно поняла. Она имела в виду свой род, а не свою расу. Я же тебе говорила, как крепко они привязаны к своим семьям.

— Понял.

— Так вот, когда ты мне позвонил, я предложила ей поехать с нами. Так все просто. Я с тех пор, конечно, не раз подумала, правильно ли я поступила. Я действительно понятия не имею, что с ней делать. Я сперва подумывала о том, чтобы

найти ей дом, но, будучи человеком с практическим складом ума, ты тут же указал на химическую несовместимость.

— Это не такое уж непреодолимое препятствие,— сказал я.— Ее новая семья, какой бы она ни была, просто потратит деньги на биомолекулярный синтезатор и запрограммирует его так, чтобы он производил белковый материал, который ей подходил бы. Мы, конечно, знаем, каково это — лопать эту бурду, любой, кто путешествовал за пределами земного пространства, знает про такую гадость, но она, может, и выживет, если ее будут немножечко любить и достанут ей кетчупа с Оранжереи, чтобы ей не было так муторно жрать баланду.

Дарла задумалась над моими словами.

— Да, надеюсь, что ты прав. Я уже к ней привязалась. Она такая теплая и открытая... кстати, ты занимаешь очень высокое место в ее пантеоне великих существ. Ты спас ее от побоев, и она навеки тебе благодарна.

Я вытер руки о рубашку.

— Ну, это пустяки, в день у героев таких приключений — тыщи. Спасать, понимаете ли, прекрасных девушек, визжать, как резаный поросенок, когда укусит противная тварь, падать в обморок, чуть не попасть под дуло пистолета, просто потому, что проявишь гордость вместо разума... мне бы надо тогда было просто уйти из-за стола Уилкса.

— Вот-вот Джейк. Это весь ты. Глупый, но гордый.

— Спасибо. Но ты мне начала рассказывать про Читу и про то, почему она здесь.

— А разве я не дорассказала? Ах, да. Я сказала ей, что она может поехать с нами, и пока я упаковывала вещи, она исчезла. Когда я закончила паковаться, она вернулась с охапкой плодов и всего такого прочего. Я сунула эту зелень себе в рюкзак и...

— Она знает про биохимию?

— А? Нет, конечно, нет. Может быть, она путешествовала раньше. Может, ее племя время от времени мигрировало. Я не знаю.

— Мне-то казалось, они крепко сидят на родной почве.

— Тогда я не знаю, откуда она знала, что надо захватить с собой еду. Но я ее спрошу.

Я допил остатки кофе. Он был из хорошего зерна, выращенного на Нуова Коламбиа.

— Ты еще что-то говорила про настоящее имя Читы. Каким образом ей приклеили кличку легендарного земного шимпанзе?

— Это ее так прозвали люди в мотеле,— она иронически подняла брови.— Остроумно, правда? Подходит к общему стилю мотеля, как они полагали. Ты себе представить не можешь, насколько популярны эти книги Берроуза после... бог знает скольких лет... двести или около того? Как бы там ни было, ее настоящее имя винва-хах-вии-вахви. Она сказала мне,

что это означает «мягкая зелень, там, где она спит». По крайней мере, так я передаю ее перевод. Ее перевод своими словами невозможно было понять.

— Ладно, понял. Отныне она Винни, и не более того.

Я встал и потянулся. Затекшие мышцы постепенно разрабатывались.

— Еще одно,— сказала Дарла.

— Насчет Чи... то есть, я хотел сказать, насчет Винни?

— Да. Это что-то насчет Сэма и тебя. Она сказала, что сперва не поняла, что такое Сэм, то есть что именно он из себя представляет, пока не поняла, что он... ну, дух, который пронизывает весь тяжеловоз, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Она сказала, что почувствовала в тебе нечто, что ей не понравилось.

Я пожал плечами.

— Ну и ладно. Человек, которого ненавидят детки и маленькие пушистые зверюшки, не обязательно должен быть весь такой плохой.

— Не говори глупостей. Она тебя просто обожает — я же тебе сказала. Нет, это что-то, что связано с тобой. Что-то случилось с тобой или случится... не могу сказать точно.

— Предчувствие?

Она пожевала нижнюю губу.

— Нет,— она покачала головой.— Нет, забудь насчет «случится». Она не этими словами говорила. Это не было предсказание, интуиция или что-то в этом роде. Это просто «нечто» «вокруг» тебя. Вот как она это описала. Единственное разумное высказывание, которое я от нее могла получить, что она не любит запаха твоей куртки, потому что он плохой.

Я понюхал подмышки.

— Ну что же, говорят, что если тебе твои друзья об этом не скажут, то кто же сможет сказать?

Она закатила глаза к небу.

— Джейк!

— Прости. Но все-таки то, что она сказала, довольно расплывчато.

— Да, наверное. Но она-то была так уверена.

— Что она почувствовала, наверное, была моя устойчивая аура развратничества и дебоширства.

Дарла хихикнула.

— Ты хочешь сказать, твоей жизни, полной фантазий. Я случайно знаю, что ты недалек от монаха в этих вопросах. Ты даже не попробовал меня поцеловать.

— Не попробовал? Ну что же...

Я взял ее за плечи и притянул к себе, впившись в эти сочные губы совсем не монашеским поцелуем хорошего дорожного качества. После первой секунды она стала целовать меня в ответ. (Мне кажется, я ее удивил). Мы занимались этим еще долго.

Когда дело зашло настолько далеко, насколько могло при этих обстоятельствах, мы разжали объятия. Дарла немедленно начала ритуал приведения себя в порядок: пригладила волосы, поправила одежду, проверила, как ее губная помада, в искаженном зеркальце блестящей коробки с сахаром. Лицо ее было на веки вечные с макияжем, даже в самые худшие времена. В ней была определенная сосредоточенность, собранность и спокойствие — это привлекало меня, должен признаться. Обратите внимание: она была спокойна, но не холодна. Прекрасное самообладание. В ней не было никаких глупостей — но зато было хорошее чувство юмора, — никаких лишних движений, никаких колебаний. Я чувствовал, что она не может сказать ничего даже отдаленно нелепого или глупого. То, что сдерживало ее, было не интеллектом, а, скорее, опытом, житейским опытом, выучкой, искушенностью — хиповостью, что ли, если использовать такое древнее слово. Она была ветераном Космострады, но на ней не было потрепанности. Мне трудно было сказать, сколько ей лет: где-нибудь от девятнадцати до тридцати. Но в ее глазах сверкала особенная мудрость, это были глаза, которые видели больше, чем рассказывали об этом. Если использовать еще одно старое выражение с земли, то она многое повидала. Да, она многое повидала.

— Не хотел бы вмешиваться в неподходящие моменты, — осторожно объявил Сэм по внутренней связи, — но, ребята, что-то впереди.

Я пошел вперед. Мы продолжали гнать к горному кряжу, который теперь возвышался над горизонтом, словно серо-коричневая масса с легким левым краем. Это были покрытые снегом вершины. Они были похожи на формы с пудингом, которые день простояли на жаре, а украшения из взбитых сливок растеклись и засохли.

Какая-то старая телега волоклась перед нами и потом свернула на обочину, поскольку у нее, как мне показалось, были какие-то механические закавыки. Группа людей собралась возле машины на обочине.

Когда я поравнялся с ними, я инстинктивно затормозил, как я обычно делаю, когда вижу поломку на дороге. Однако недавние события с Моной настолько меня перепугали, что мне пришло в голову даже проехать мимо. Но нет. Один из пассажиров поломанной колымаги умоляюще замахал рукой — бородатый мужчина в просторном одеянии, которое смахивало на сутану. Я совсем съехал с дороги на всякий случай, переехав один из мостиков, которые были перекинуты через высохший ручей.

— Ну ладно, придется попробовать нюхнуть то, что они здесь называют воздухом, — сказал я неохотно. — По слухам, тут качество воздуха почти соответствует мировым стандартам. Сэм, на этих людях были респираторы или дыхательные маски или что-нибудь в этом роде?

— Нет, но возьми с собой баллончик углекислого газа. Очень легко перевентилировать легкие под таким сильным физическим напряжением. По-моему, у тебя в бардачке несколько штук валяется.

Помпы высосали из кабины хороший воздух и плохой впустили. Заметьте, вы, земляне: ничто не может сравниться с первым вдохом инопланетной атмосферы, причем неважно, насколько она близка к земной. Странные запахи поражают больше всего. Странные инертные газы, которые никогда не предназначались для человеческого обоняния, бродят по вашим носовым мембранам в саногах с шипами. В лучшем случае, вы просто станете кашлять или давиться рвотой. В худшем — потеряете сознание и придете в себя в дыхательной маске, которую какая-нибудь добрая душа нашлепнет вам на физиономию, если повезет, но атмосфера Голиафа совсем не такая плохая. В ней был словно след иодного запаха и разлагающихся фруктов, странная комбинация, если не сказать еще сильнее, но фруктовый запах немного смягчал медицинский, по крайней мере, делал его переносимым. Однако в поле зрения не было ни одного фруктового дерева. С плохой стороны, был в воздухе какой-то щекочущий в носу элемент, раздражитель какой-то что ли, который постоянно заставлял чувствовать себя так, словно вот-вот чихнешь, а все не чихалось. Но... по-моему, можно привыкнуть ко всему, к чему угодно. На самом деле, чем дольше я дышал этой дрянью, тем менее противной она мне казалась, тем меньше я замечал все ее недостатки. В этом воздухе было очень приличное содержание кислорода, хотя под несколько высоковатым давлением. Может быть — не стану говорить более уверенно — можно привыкнуть к тому, чтобы прогонять через легкие такой вот суп.

С таким воздухом я еще мог жить. Вот жара — совсем другое дело, я к ней не был готов, даже после Оранжереи. Я открыл люк, и это было похоже на то чувство, которое испытываешь, когда открываешь дверцу духовки. Одни разговоры о сухой жаре и влажной, только коэффициент мучений от той и от другой никак нельзя применить к тому, что чувствуешь тут. Было просто с т р а ш н о ж а р к о, и это все, что можно в таком случае сказать. Жара меня просто подавила. Планета терзала мои ноги своим притяжением, солнце стало поджаривать мне кожу в соусе обильного пота.

— Дарла! Брось мне свой зонтик, пожалуйста! И поскорее!

Она так и сделала, и я открыл его и наставил на скворчащее жаром небо.

Я медленно прошел через мостик, на миг остановившись, чтобы осмотреть один из придорожных столбиков, обрушившихся в канаву. Я не рисковал наклоняться вниз слишком далеко, чувствуя, что могу потерять равновесие и упасть.

Меня встретил черный человек. Он был не совсем черноко-

жий, скорее шоколадный, высокий, с округлыми плечами, очень тощий. Большая рука с длинными пальцами совершенно поглотила мою.

— Привет! Очень мило с вашей стороны остановиться и мне помочь. Я не думал даже, что вы остановитесь.

Акцент у него был британский, манеры очень приятные. После того, как я назвался только именем, он ответил:

— Я Джон Сукума-Тейлор. Крайне неподходящее место для всяких поломок и аварий. Жара почти доконала нас. Это слишком напоминает мне об Африке. А я прожил в Европе большую часть своей жизни. И это мне очень нравилось.

— А почему же вы уехали? — спросил я, получилось слишком грубо. Что поделать, мне было жарко!

Он принял это за шутку.

— Иногда я и сам себе задаю этот вопрос! — он фыркнул.

— Извините. Я не хотел задать этот вопрос так грубо, как он прозвучал.

— Не беспокойтесь. Кое-кто из наших готовы пооткусывать друг другу головы. Жара всех нас окончательно доконала. Мы попали в весьма неприятную заварушку. Как вы думаете, можем мы вас просить помочь нам?

— Естественно. А что стряслось?

Мы пошли обратно к колымаге, которая стояла на домкратах, причем весьма ненадежно. Колымага была старьем из старья, но в свое время ее построили, чтобы она развивала большие скорости и брала хорошие повороты. У нее был хороший бампер вокруг всего корпуса, чтобы она не могла перевернуться, и это приводило к тому, что под нее трудно было подлезть. Встроенные домкраты едва-едва ее держали, особенно в таком притяжении. Любой человек, которому взбрело бы в голову под нее забраться, рисковал бы тем, что много тонн металлолома с низким клиренсом приземлились бы ему на грудь. Чтобы устранить такую вероятность, многие пассажиры подкладывали под края машины мешки, наполненные землей. Землю брали лопатами из ближайшей конусообразной кучи, одной из многих на равнине. Поблизости не было никаких крупных камней, которые могли бы облегчить задачу. Работа шла медленно.

— Все, что я могу вам сказать, — сказал Сукума-Тейлор, беспомощно разводя руками, — это то, что машина просто отказала, вот взяла и отказала. Мотор заглох, и она остановилась посередине дороги, да еще тут, где нет никакой помощи. Несколько из наших людей отличаются талантом к механическим работам, но никто из них пока не смог как следует понять, что же с ней такое. Мы вытащили несколько сидений и попытались добраться до мотора изнутри, но болты, которые держат кожух мотора, не отвинчиваются, а у нас нет никаких мощных инструментов.

— Как плохо... именно так и надо было бы добраться до нутра такой штуковины. Лезть под нее — никакого толку. Но все зависит от того, чем колымага приболела.

— Я тоже так думаю. Приборы мониторинга мотора все еще действуют, но они ничего особенного не говорят. Для меня, по крайней мере.

— Дайте-ка я взгляну,— сказал я.— Пока я этим занимаюсь, я бы предложил вам убрать эти мешки с песком из-под бампера и подложить их под оси. Если колымага все-таки упадет, бампер все равно погнется.

Крупный чернокожий мужчина нахмурился.

— Вы знаете, вы абсолютно правы,— он устало покачал головой.— Невежество так мешает в жизни! Особенно когда речь идет о машинах.

— Тут оно может оказаться просто смертельно,— я доплелся до люка.

Приборы ничего мне не сказали, поскольку они были без малого просто игрушечными огоньками. Никакого следа от плазмодиагностической системы, даже пусть эта махина когда-то была торговым грузовиком.

Сукума-Тейлор аккуратно спустил в люк свое длинное тело и сел возле меня.

— Что-нибудь нашли?— спросил он с надеждой.

— Нет, немного пока. Похоже на то, что у вас в полную силу работает передатчик, но кроме этого я ничего не могу сказать по таким приборам. Она заводится?

— Да, но мотор никак не хочет работать. Все остальное вроде в порядке.

— Угу. Ну что же, это может быть все, что угодно, если потеря плазмы — это весьма серьезно. Я тогда здесь на месте ничего поделать не смогу.

— Я этого и боялся,— смущенно сказал Сукума-Тейлор.

— Вам повезло в одном смысле. Эти старые фургоны пока среди тех немногих корыт, построенных на земле, которые еще бегают по Космостраде. Мой тяжеловоз сделан на другой планете, но построен по заказам земли и с учетом требований человека. Поэтому я хорошо знаком с таким оборудованием. Однако я все-таки не механик. Тут надо быть специалистом.

— Все, что вы сможете сделать, Джейк, будет оценено по достоинству.

— Ладно, попробую.

Я промокнул лоб уже влажным рукавом.

— Не помню, пользуются ли эти старые колымаги источниками ионного газа. Если так, то вам нужна щепотка титана в топливе. Иначе между импульсами у вас будут всюду проскакивать нейтральные частицы. Я забыл, есть там такой источник или нет. Какое топливо вы используете?

— Дейтерий-тритий высокой пробы.

— Ага, так я и думал. Мой тяжеловоз ездит на двойном топливе. Более новая конструкция.

— А-а-а...

— Когда вы в последний раз заправлялись?

Африканец почесал в затылке.

— Вы знаете, не помню. Мне кажется, этих вещей надолго хватает, чуть ли не на вечность.

Продолжая свою линию, я вытащил тестер и спросил:

— Отвертка у вас есть?

Сукума-Тейлор завопил, чтобы принесли отвертку, и один из пассажиров, молодой восточный юноша, принес ее. Я взял отвертку, открыл панель приборов, засунул туда тестер и прочел результаты. Конечно.

— Я понял, в чем ваша беда,— сказал я, ставя панель на место. Естественно, она не желала становиться туда, где только что так крепко сидела. Я попытался впихнуть ее силой, но ничего не получилось.

— Правда?— он был потрясен.

— Ага. У вас топливо кончилось.

— Как! Вы шутите!

— Нет. Просто перегорел показатель уровня топлива.

Африканец хлопнул себя по лбу.

— Вот черт. И после всех наших мучений и ползанья под машиной...— Он высунулся из люка и прокричал:— Люди! Оставьте то, что делаете! Наш друг показал нам, какие мы глупцы.— Он снова повернулся ко мне.— Старина, простите, что побеспокоили вас. КАКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ тупость с нашей стороны!

— Да это в принципе может... ух-х-х!.. случиться с каждым. Помогите-ка мне вот с этим, ладно?

Мы общими усилиями затолкали панель на место. Прорези для болтов, эти вредные существа, естественно, не хотели выравниваться по прорезям для гаек. Я протянул ему шурупы, и он недоумевающе на них посмотрел.

— Я вот что хотел спросить,— спросил я небрежно,— вы что, какая-то религиозная группа?

Он просиял.

— Да! Мы телеологисты. Церковь телеологического пантеизма. Вы про нас слышали?

Человек, который гордится своей религией, заслуживает того, чтобы им восхищались.

— Нет, не слышал.

— Э-э-э. Ну хорошо, так мы как раз телеологисты и собираемся заселить эту планету. Мы как раз направляемся в Максвеллвилль.

Мы вышли наружу. Всего в этой компании было семь человек, не считая африканца, который, как я предположил, и был главой. Четверо из них — женщины, принадлежащие к разным

расам. Одного из них, из оставшихся мужчин, я принял за австралийского аборигена.

— Для колонии вас тут не так уж и много.

— А мы передовой отряд. Остальные из нас потом появятся следом, по нашим стопам. Мы ответвляемся от коммуны на Хадидже, в конечном итоге мы надеемся перетянуть всех на Голиаф. Наше присутствие на Хадидже вызывает... м-м-м-м... досаду.

— Понятно. Вы собираетесь здесь завести хозяйство?

— Надеемся. — Сукума-Тейлор сказал мне, когда мы стояли и смотрели, как его люди опустошают мешки с песком и вытаскивают их из-под машины. — Собственно говоря, нам пообещали дать землю...

Со стороны одной из конических куч донесся вопль, который прервал наши рассуждения. Мы повернулись и посмотрели в ту сторону. Один из мужчин, который перекидывал землю лопатой, лежал на земле неподалеку от кучи. Он сражался с чем-то, что, по-видимому, схватило его. Его сотоварищ колотил это странное существо лопатой. Мы рванулись — вернее, попытались рвануться при повышенной силе тяжести — к этой группе.

Существо оказалось животным в полметра длиной, в металлическом на вид панцире, разделенном на отдельные сегменты. У него были клешни, как у краба, но на каждой лапе таких клешней было не по две, а больше. Три отдельных элемента были специально расположены природой для хватания и резания. Существо схватило щиколотку человека, который лежал на земле, в тесную хватку. Еще страшнее было увидеть, что в другой лапе существо сжимало лезвие, острое и блестящее, и им старалось раз за разом проткнуть ногу человеку. Тот, в чьих руках была лопата, отказался от попытки избить существо плоской стороной и стал пользоваться лопатой, как рубящим инструментом. После десятка ударов ему удалось разрубить существо надвое. Передняя половина продолжала сражаться. Подбежало несколько человек, и мы все одновременно постарались ухватиться за это страшное существо. Мы разодрали скотину, словно вареного рака. Я увидел, как еще один человек, тот самый австралийский абориген, сумел оторвать то щупальце, которое размахивало лезвием, ценой кровоточащего пореза на ладони.

Мне достался в драке боковой член этой твари, и я стал его рассматривать. То, что оказалось на вид чем-то вроде чеканного металла цвета меди, было обернуто вокруг мягкой, резинистой кожи существа. Миниатюрная броня. Собственно говоря, металл и был весьма похож на медь, может быть, с легким добавлением жести. Может, бронза. Броня была прикреплена чем-то вроде липкого черного клея, который показался, когда

я отодрал броню от ноги. Кожа была песочного цвета, мягкая. Я стоял и сосредоточенно изучал ее.

— Их много!

Я поднял голову. Пока мы боролись с первым существом, множество их выскочило из той самой конусообразной кучи. Они выскакивали из нее, как капли лавы из вулкана, соскальзывая по крутым бокам конуса, кое-кто из них безумно кружился на солнце, но некоторые сразу установили, что нападать надо именно на нас, и они полетели навстречу, а лезвия сверкали на солнце. В одно мгновение их оказалось на месте около сотни.

Мы отступили к автобусу. Я сжег одного, который рванулся на нас с таким видом, как самурай, когда рвется в бой, крича «банзай!». Он вращал лезвием, а в глазах горела чистая лютая ненависть. После этого в пушке осталось на два выстрела. А эти все наступали. На нас шла волна. Двоих я застрелил, третьего затоптал в грязь, но сперва он пронзил мне щиколотку и ущипнул до крови за левую икру другим щупальцем. Я поднял его оружие. Это был меч, другого слова тут не найдешь, неправильной формы и довольно грубо сработанный, словно та же броня, но у него было острое лезвие, с которым надо было считаться. Щиколотка стала пульсировать болью.

Существа передвигались очень быстро. Они уже отрезали нам путь отступления к автобусу и вверх по мостику. Мы только могли отступать параллельно автостраде.

— Мы, кажется, потревожили их гнездо,— сухо заметил Сукума-Тейлор.

— Ты хотел сказать, их казармы, да?

Мы побежали, на миг схватки один на один прекратились. Они не отставали от нас, когда мы отступали, и, оглянувшись, я с изумлением увидел, что они выстраиваются в ряды для организованного преследования.

Что-то просвистело мимо меня.

Я услышал вопль и оглянулся. Чернокожая женщина лежала на земле, схватившись за затылок. Мы бросились назад, и я наклонился над нею. Снаряд оставил на коже ее головы кровавую рану. Рядом я увидел нечто блестящее и нагнулся. Это был кусочек мягкой меди величиной с виноградину. На более близком расстоянии девушка могла бы получить и более серьезную рану. А так она отделалась просто легкой контузией. Я посмотрел на море ползущего на нас металла в поисках источника артиллерийской атаки. Из того, что я видел, они стреляли в нас из орудия, похожего на пращу, которым управляли три существа. Двое держали концы длинной эластичной ленты из черного материала, возможно, какая-то разновидность того же вещества, из которого они делали клей для своей брони, а третий оттягивал середину ленты назад метра на три. Сила отдачи от ленты была вполне достаточна, чтобы превратить ее в грозное оружие.

Еще один шарик прожужжал мимо моего уха. Артиллерия надвигалась, прыгая огромными скачками вперед после каждого выстрела. Я помогал нести девушку, которая почти потеряла сознание. Кругом не было никакого подходящего места для укрытия, только другие гнезда-конусы. Жара была такая, что она перестала просто оглушать меня — она вытягивала прочь мои силы. Остальные выглядели так, словно вот-вот упадут, теперь никто из них не потел, потому что все жидкости тела достигли кожи и испарились. Они слишком давно находились на открытом воздухе. Во мне все еще был пот, но кран, что называется, был вовсю открыт. Чувство полета и нереальности навалилось на меня — это действовала гипервентиляция.

Сэм как раз разворачивался.

Пехота пошла в атаку. Они легко настигли нас, поскольку наше отступление тормозила девушка. К тому времени, когда мы на ходу более или менее привели ее в себя и поставили на ноги, они напали на нас. Девушка снова упала.

Ни у кого из нас не было огнестрельного оружия в рабочем состоянии, но мы отбивались чем только могли: обеими лопатами, домкратом, различными орудиями, оказавшимися под рукой. Я колотил их зонтиком, пока он не разлетелся на кусочки, потом стал отбиваться от них своими сапогами одиннадцатого размера, военными сапогами колониальной милиции, жалея, что не надел сегодня высокие сапоги этой марки. Никому из нас не удавалось легко отделаться. Справа от меня упал мужчина, потом женщина. Я увидел, как Сукума-Тейлор лягает этих тварей, пока одна из них не ухватила его за ногу и не стала резать ее своим лезвием. Он закричал, развернулся и побежал, а существо висело на его ноге. Он попробовал сбросить его пинком, однако оно продолжало держаться мертвой хваткой, и ему пришлось упасть и только так бороться с ним.

Существа столпились над первой упавшей женщиной, той, которой в голову попал медный снаряд. Она страшно пронзительно вопила, но никто не мог к ней пробраться. Я попытался было продвинуться вперед, пиная этих тварей, раскидывая их в стороны, но я не мог пройти ни шагу. Один заполз мне на ногу сзади, и я почувствовал обжигающую боль в бедре. Я оторвал животное прочь и откинул его. Я отступил назад и споткнулся о частично погруженный в землю кусок металла, вероятно, колышек от палатки. Не тратя времени на размышления, кому же это пришла в башку такая блажь разбивать лагерь прямо в сердце ползучего ада, я вытащил колышек и стал размахивать им на врагов, что не дало практически никаких результатов, кроме того, что вышибленные лезвия полетели из нескольких щупальцев, а враги не могли слишком близко насту-

пать. Я отступал и размахивал, отступал и размахивал, и у меня не было времени повернуться и посмотреть, где Сэм. Я слышал, что он приближается.

В конце концов нападающие несколько смешали ряды передо мной, и я поднял взгляд. Сэм ехал через мост, раздавливая и приминая живой ковер брони и тел. Звук был такой, словно он ехал по куче яиц и металлолома.

Что-то скользнуло у меня между ног. Это было существо из конуса, но оно появилось сзади. Я резко развернулся кругом. У нас в тылу была вторая армия, и она успешно надвигалась на нас. Что-то в этих существах выглядело слегка по-иному, и я понадеялся, что это другая армия, на наше счастье, возможно, враждебный сосед первой. Похоже было на то, что так оно и есть, поскольку напавшие на нас совсем от нас оторвались и отступили на короткое расстояние, ожидая, когда первая волна ударных войск с другой стороны минует нас и достигнет их. Мы стояли посреди военных действий, глядя на то, как горстка самоубийц из напавшей армии рванулась на вражеские ряды. С ними было покончено очень быстро: их разодрали на кусочки и оставили судорожно дергаться остатками жизни на песке. Эти малые, почти символические нападения, казалось, были прелюдией к главной атаке. Героически? Глупо? Может быть, в этом была какая-то своя цель.

Нас осталось пятеро. Три тела лежали в кипящей массе тел и брони странных существ.

— Эй, вы все! — завопил я. — Стойте смирно!

Как только я успел это сказать, восточная армия атаковала. Мы стояли, словно быки моста в бешено бурной реке. Несколько тварей остановились, чтобы принюхаться к моим ногам, прежде чем они рванулись вперед.

Сэм двигался к нам, прорезая линию боевых действий. Дарла открыла люк и нацелила свое ружье на землю.

— Не надо! — закричал я. — Дружественные войска!

Я сделал знак выжившим, чтобы они следовали за мной, пока я аккуратно пробирался между кишащими везде наступавшими солдатами. Наконец я добрался до машины и протянул руку вверх, чтобы Дарла помогла мне забраться внутрь. Я скользнул на водительское сиденье и помог остальным залезть. Сукума-Тейлор был последним, и мне странно было видеть его в живых. Я откинул водительское сиденье на место, забрался в него и загерметизировал кабину.

Вел тяжеловоз Сэм. Мы развернулись и рванулись к дороге. Голова моя откинулась на иллюминатор.

Я увидел, как твари тащат прочь оторванную человеческую ногу.

Одна из женщин впала в истерику, но Дарла скоро нашла на нее управу, вкатив ей что-то из аптечки, что ее успокоило. Женщина обмякла и застонала.

Гипервентиляция прекратилась, и голова моя наконец опять прояснилась, но я закрыл глаза и не мог открыть их снова.

Глава шестая

Когда я пришел в себя, Дарла переходила от раненого к раненому, делая все, что было в ее силах, с помощью барахла в медицинском ящичке. Большинство из нас получило ссадины и царапины, от небольших до серьезных. Один из мужчин, аскетического вида блондин, получил такую глубокую рану в ногу, что она чуть было не отрезала ему ступню возле щиколотки. У него, кроме того, были еще колотые раны на груди. Для его ноги Дарла составила импровизированный турникет из тряпки и отвертки. Африканец и я отделались легче всех, я — всего лишь порезом и колотыми ранами нижних конечностей, а он — тем же самым плюс колотые раны в предплечье. Мы были весьма жалким зрелищем. Кровь яркими струями текла по полу. Дарла наконец добралась и до меня.

— Те твари, которые на тебя нападают, словно помешаны именно на ногах,— сказала она.

— Ну, такие вопросы меня не волнуют: пусть у каждого будут свои причуды,— ответил я.

— Нам куда ни погляди — чего-нибудь не хватает. Через сколько времени мы доедем до Максвеллвилля?

— Примерно часа два,— ответил Сэм.— Но это по прямой дороге. Эти горы очень предательского вида. Карта говорит, что эти склоны в некоторых местах достигают сорока пяти градусов. Кроме того, нас с противосолнечной стороны поджидает такой дерьмовый ураган...

Я взглянул. Грозовые тучи собирались на мрачном горизонте. Массы горячего воздуха скапливались целый день, поднимаясь на ледяные высоты, а теперь возвращались с избытком, воплотившись в раздутые от дождя тучи, черные от накопленной ярости.

— Выглядит пакостно, это точно. Там могут быть всякие разные ловушки. Куда они направляются?

— Я последние десять минут специально сканирую их. Ураган направляется на нас и немного наискось, если на него смотреть, то он идет слева направо. Если мы сможем вовремя добраться вон до тех холмов, то самое скверное пройдет мимо нас.

— Хорошие новости. Включи вспомогательные горелки.

— Покажи мне, где переключатель. Я сделаю все, что смогу, надеюсь только, что машина не разлетится.

— А что такое? Проблемы?

— А ты не собираешься спросить, почему я столько времени добирался до тебя там, у моста?

Я тяжело вздохнул.

— Нет, Сэм, не собирался. Я так думаю, что у тебя была для этого хорошая причина. Разумеется, если никаких причин не было, я возьму ломик и горелку и применю их к тебе с самыми серьезными намерениями и исключительной изобретательностью.

— Мне трудно было завестись, и на мосту я дважды заглох.

— Это плохо. Мне это совсем не нравится.— Я почувствовал страшное головокружение.— Но сегодня я не собираюсь об этом думать. Я собираюсь сидеть тут и переживать нервный кризис, который мне давно полагается. Спасибо. До свиданья,— закрываю глаза и все.

— Я только хотел вам сказать,— раздался голос у меня над ухом.

Я повернул голову. Это Сукума-Тейлор присел возле моего сиденья, лицо его было напряженным, нижняя губа дрожала.

— Мне очень и очень неприятно... простите, пожалуйста... страшно стыдно, что мы впутали вас во все эти неприятности. Это моя вина...

Он совсем расклеился и разрыдался. Когда он немного собрался с силами, то пробормотал:

— Я отвечаю за их смерти.

— Нет. Вы попали в ту же самую ловушку, куда попадали многие до вас. Мы совершенно не были готовы к инопланетянам. Одинаковость Космострады на всех мирах убаюкала вас, и вы потеряли бдительность. Очень многие из-за этого погибли.

— Книга-проводник,— сказал он, и голос его прервался от сожаления,— путеводитель... мне... мне надо было знать, надо было прочесть все, что там говорилось! Я же читал ее, читал! — Он безнадежно и беспомощно покачал головой.— Но по другую сторону гор, где будут находиться наши поселения, экология совершенно другая. Радикально другая. Я очень тщательно прочел эти разделы! Я просто не обратил внимания на прочие аспекты планеты.

— Как я и сказал, это обычная ошибка, свойственная многим. Мы вообще не позаботились ничего узнать об этой планете, прежде чем сюда ввалились. Но все мы чему-то учимся и, если повезет, выживаем.

— Моим друзьям не повезло.

— Они не последние, кого вы потеряли и потеряете еще на новой планете. Это опасная вселенная, Джон.

— Да, я знаю. Мы и других теряли раньше.— Он на миг замолчал, потом перешел назад, чтобы найти место, где можно было бы сесть, в переполненной кабине.

Мы ехали в полном молчании, пока небо не заволокло серыми и темными ураганными тучами, и первые капли дождя не полились на лобовое стекло иллюминатора. Прошло очень не-

много времени, прежде чем дождь обрушился на нас со всей своей силой, к тому же дождь бушевал под ветром, дувшим нам в спину наискосок. Мы ехали примерно со скоростью ста пятидесяти метров в секунду, и тяжеловоз подскакивал, трясся, и его заносило влево, а Сэм пытался держать нас на курсе. Розовые молнии раскалывали и разрывали черный мрак над нами.

Нижняя часть моих ног словно горела, то же самое происходило с моим левым бедром. Я думал, что какое-то время смогу сдерживаться и переносить боль, но кого я мог обмануть? Я сказал Дарле, чтобы она зарядила шприц коктейлем из стимуляторов и транквилизаторов: один миллиграмм раствора гидроморфона с пятью миллиграммами сульфата амфетамина, чтобы я не спал и мог контролировать ситуацию.

— И, пожалуйста, никаких фармакологических лекций.

— Я сделаю все, как ты просишь, если ты сможешь после этого удержать тяжеловоз на дороге.

— Сэм, отдай мне руль.

Я взял рулевые рычаги в руки.

Снаружи гром и дождь шагали по равнине огромными шагами, от которых тряслась земля. Передний иллюминатор превратился в плотную пленку расплющенной ветром воды, которая искажала картину того, что находилось перед нами. Ветер становился все сильнее. Свет все меркнул, пока видимость не снизилась почти до нуля. Я включил передние прожекторы, потом сфокусировал их на дороге. Потом, поскольку это не помогало, противотуманные фары тоже пошли в ход. Свет помог, но видимость оставалась почти не существующей. Не в том дело, что было темно, было как-то грязно-темно, потому что в свете фар все время возникал зеленоватый мутный дождь, который светился странным рассеянным огнем. Я взглянул вверх и увидел, что сияние идет от неба. Это было небо-обманка.

Чуть позже Сэм подтвердил мои подозрения.

— Джейк, у меня на сканнерах что-то довольно страшное.

— Обманка?

— Ну, если это обманка, то это прабабушка всех обманок. Электростатический потенциал в области гигавольт. Чудовище какое-то.

— Господи Иисусе, Сэм, где она?

— О, она параллельно нам примерно в клике от правого борта.

— О-о-о...

— Лучше поторопиться, сынок.

— Да, сэр.

Я выжал газ до упора, сукин сын акселератор...

— Всем держаться покрепче! — проорал Сэм.

Предупреждение прозвучало не совсем вовремя, потому что как раз в тот момент я потерял дорогу и мы бабахнулись в грязь, потом провибрировали сквозь целую цепь ухабов, а за-

тем врезались во что-то, что заляпало весь лобовой иллюминатор грязью. Что бы это ни было, нас это не остановило, но зато дворники долго работали, прежде чем очистили нам стекло.

— Сэм! Найди мне дорогу!

Еще взрывы ухабов, и мы снова на дороге. Я выпрямил на ней тяжеловоз и немного ослабил свой натиск на акселератор.

— Ну вот, пожалуйста,— сказал спокойно Сэм.— Ну, а теперь как будем: наденешь термальные инфракрасные очки или будешь продолжать развлекать нас аттракционами?

— Ну ладно, ладно... у меня от этих проклятущих штук голова всегда болит.— Я стянул вниз кронштейн с этим приспособлением и сунул в него морду.

Расплывчатое трехмерное изображение дороги в прелестных переливчатых цветах появилось перед моими глазами. Края были все-таки нечеткими. Кроме того, картину туманили импульсы от самого дождя — но все равно, видно было получше.

— А во что это мы там раньше врезались? — спросил Сэм.

— Видимо, в одно из треклятых гнезд тех самых сухопутных крабов, не иначе. И я очень надеюсь, что в банке им откажут в ссуде на постройку нового. У тебя есть новые данные об обманке?

— Пришло время сделать вам укол, мистер Мак-Гроу,— это Дарла зашептала мне в ухо.

Я стал закатывать рукав. Она покачала головой.

— Не-а.

— Что?! Женщина, ты что, всерьез полагаешь, что я стану спускать штаны посреди ревущего шторма?!

— Ну-ну, мистер Мак-Гроу, вы же знаете, как мы поступаем с пациентами, которые упрямы и не желают помогать доктору их вылечить. Мы их сажаем в камеры, обитые мягкими матрацами.

— Сэм, возьми управление на себя.

Он так и сделал, как было велено, и я сделал, как мне было велено, тогда и она выполнила свой укол.

— Вот черт, больно... и кто это прозвал шприц такого размера «комариком»?

— Насчет обманки,— продолжал Сэм.— Джейк, я не знаю, что это за штука, но, похоже, мы сможем перегнать ее, потому что ее края движутся со скоростью примерно вдвое меньше нашей.

— Это довольно быстро для обманки.

— Это больше, чем обманка. Это какое-то воронкообразное облако, но по анализам получается, что оно качественно отличается от доморощенного канзасского торнадо.

— Тетушка Эмили! Тетушка Эмили! — взвизгнул я тоненьким фальцетом, стараясь подражать героине «Волшебника изумрудного города».

— До чего ты всегда был странным мальчиком...

Мы обогнули бурю еще на несколько десятков километров, прежде чем добрались до подножий холмов. Ветер утих, но дождь все еще лил ручьями. Теперь сгущались сумерки, а небо было словно адская картинка красно-оранжевых тонов. Видимость прояснилась. Дорога неуклонно шла в гору, извиваясь через крутые холмы, но делала она это очень странно. На этом участке Космострады дорога лежала, как небрежно брошенная лента, складываясь в сложнейшие фигуры, перекручиваясь и возвращаясь к уже пройденным местам. Создавалось впечатление, что ее проложил топограф, который был под сильнейшим влиянием наркотиков. Дорога карабкалась по склонам, которые явно были слишком крутыми для нее, шла с опасностью для жизни вдоль гор, в которые ей полагалось бы по логике вещей врезаться, перелетала по мостикам через горные пики, где должен был быть проложен вместо этого туннель. Это был кошмар, который терзал бы по ночам любого инженера-градостроителя. Объяснений могло быть два. Или строители дороги тщательно избегали порчи рельефа местности, стараясь никак его не нарушать, возможно, из каких-то консервативных убеждений, причем до такой степени, что этим повредили дороге... или же дорога была построена так давно, что под ней успели подрасти горы. Последняя теория предполагала, что дорога может развивать недюжинную способность к адаптации, приспосабливаться, находить себе новые возможности оставаться на месте, пока медленные, но неуклонные геологические силы изменяли в течение эпох положение земли под дорогой. Тем самым надо было предположить, что Космострада могла расти, удлиняться, чтобы компенсировать все изменения высоты и длины, чтобы перекинуться мостиком через эти пропасти и ущелья между пиками. Поскольку из таких явлений, как самостроящиеся мосты, можно было сделать вывод, что Космострада не была инертным куском строительного материала, но зато была чем-то вроде вечно продолжающегося процесса, нетрудно было представить себе, что дорога могла сама найти себе самый лучший путь по изменяющейся территории и устроиться как можно уютнее. Но, во всяком случае, тут, казалось, дороге совсем не было уютно. Она могла перебросить себя через пропасть или полезть в гору, но не могла вырыть себе туннель.

Сгустилась тьма, а дождь все равно продолжался. Я все время был настороже, чтобы не попасть в потоп. Целые стены воды обрушивались на дорогу и размывали ее, пока мы прокладывали себе путь в потоках, все вверх и вверх, медленно взбираясь, следуя извилистой ленте дороги на самом крутом склоне холма. На некоторых участках угол крутизны склона доходил до сорока градусов, а роллеры пришлось установить в положение максимального сцепления с дорогой. Этого едва хватало, чтобы не обрушиться в пропасть. Фактор скольжения

на некоторых роллерах доходил до максимума на самых опасных участках дороги. То есть, если перевести это на человеческий язык: они скользили и проворачивались на дороге вхолостую, не в состоянии продвинуть нас дальше.

Все пытались хоть немного поспать, найти местечко, где не так подбрасывало и швыряло на ухабах. Дарла уложила самого тяжелораненого на постель и напичкала его болеутоляющими. Я спросил ее, как у него дела, и она ответила мне, что чем скорее мы доберемся до Максвеллвилля, тем лучше. Я мог бы и сам догадаться, он потерял много крови. Честно, между нами говоря, мне казалось, что он не выживет.

Сукума-Тейлор подошел и уселся рядом со мной на сиденье стрелка, объявив, что ему не хватает места, где бы он мог вытянуться. Кроме того, ему не хочется спать. Винни скорчилась под приборной доской как раз на его стороне. Он случайно ткнул ее ногой, и она подскочила. Африканец извинился.

— Простите! Простите! — извинилась Винни, видимо, за то, что оказалась под ногами.

Если она была типичной представительницей своей расы, то как могла столь неагрессивная порода выжить так долго? Я подумал о проекте расчистки джунглей. Нет, ей-богу, они и впрямь не могли выжить.

— Э-э-э... нас так и не представили друг другу,— сказал Сукума-Тейлор.— Я и не знал, что он может говорить... ах, это она? О, простите. Эрадинка, правда?

— Ага. Винни, познакомься с Джоном.

— Привет!

— Как поживаете, Винни?

Она свернулась клубочком и снова заснула.

Подъем стал еще круче, и дорога резко изогнулась налево. Нас приветствовала временная речушка, образовавшаяся из-за дождя. Роллеры завертелись, потом врезались в дорожное покрытие.

— Заставляет задуматься, правда?.. Я имею в виду Космострады,— сказал Джон.

— В каком отношении?

— Ну, с одной стороны, почему люди вообще путешествуют по дороге между цилиндрами, вместо того чтобы летать.

— Тому есть пара причин,— сказал я ему.— Одна из них та, что пока никто еще не придумал, как сделать передвижение по воздуху дешевле наземного транспорта, даже после всех этих лет. Мне кажется, так и останется на веки вечные. Это вопрос физики. Второе — воздушное судно должно быть спроектировано с учетом определенных факторов, как, например, сила тяжести на планете, давление воздуха и тому подобное. Переправляться с планеты на планету таким образом, следователь-

но, создает немалые трудности. Я видел кое-какие модели воздушных судов с переменными конфигурациями крыльев и еще какими-то подвижными конструкциями, но все они оказались ненадежными и неуклюжими. И совершенно бесполезными, если попадается на пути планета с безвоздушным пространством. Разумеется, сквозь такие участки можно было бы просто катиться на шасси, но это кажется мне нелепым и глупым. И, к тому же, есть еще антигравы.

— М-м-м... Это те, которые с вечным двигателем, да?

— Ну да, насколько это известно. Никто еще не разобрался с этим вопросом достаточно хорошо. О, конечно, всегда ходят слухи, как где-то, когда-то, какая-то раса у себя разработала настоящую машину-антиграв. Но я никогда не видел такой штуковины ни на одном отрезке Космострады. Даже «дорожные жуки» бегают на роллерах.

— Казалось бы, кто-то уже должен был решить эту проблему за все эти годы.

— Да, почему-то это кажется обязательным и неизбежным. Но, видимо, на пути этого открытия лежат монументальные камни преткновения.

— Но между планетами есть воздушное сообщение, правильно?

— Да уж, у нас, водителей, есть мощная конкуренция, да только сообщение это весьма ограничено.— Я ехидно хихикнул.— Хотел бы я посмотреть, как такой летун проберется через чертову дыру вроде Ветряного Туннеля.

— Это планета?

— Альфа Манси 11. Ураганы силой до двухсот метров в секунду, песчаные бури, которые окутывают планету, как одеялом.

Великан-африканец был потрясен.

— Это кажется очень опасным, даже в такой великолепной колеснице, как твой тяжеловоз.

— Так оно и есть.

Курвиметр склонялся уже к пятидесяти градусам крутизны. Я сам не мог в это поверить, хотя, как мне казалось, я уже все на свете повидал.

— О господи!— выдохнул африканец, когда мы глянули из иллюминатора прямо в бездонную пропасть неба, черного, как смоль.

Роллеры бешено завращались, потом вцепились во что-то, и мы перевалили через вершины на относительно ровную поверхность.

— Опять-таки,— сказал я, переводя дух,— есть и положительные стороны в воздухоплавании.

— Еще одно замечание,— сказал Сукума-Тейлор, продолжая разговор. Совершенно очевидно было, что от трепа ему становилось лучше.— Даже если принять, что при наличии

высокоскоростных средств транспорта преодоление расстояния между точкой прибытия и следующим порталом — это вопрос только часа или двух (по крайней мере, на остальных планетах, кроме этой), возникает вопрос: почему они не поставили порталы въезда и выезда поближе друг к другу? Ведь можно же было поставить эти порталы на таком расстоянии, чтобы время и пространство из-за случайных накладок не завязывалось узлами, ведь, как я понимаю, это и есть причина, по которой порталы должны отстоять друг от друга на какое-то расстояние? Если бы их поставили хоть чуть поближе, можно было бы скакать с планеты на планету без того, чтобы столько времени проводить за рулем. Только нужно было бы проезжать какое-то маленькое расстояние от портала до портала.

— Мне невозможно вам объяснить,— ответил я,— почему нужны большие промежутки времени и пространства между точкой вхождения на планету и точкой исхода с нее, так же, как между порталами, пусть даже точка входа — это просто пустой участок дороги, на которой вы материализуетесь, но я могу сказать вам, что причина заключена в целой куче греческих букв и охапке цифр. И все это страшно теоретично! Держись!

Еще одна страшно крутая гора показалась в лобовом иллюминаторе. Мы снова стали карабкаться.

Вдруг позади нас вспыхнули предупредительные сигналы, и проревела сирена. Старая, очень старомодная автомобильная сирена-клаксон. Я прижался к обочине, и маленький жучок-машинка прополз мимо нас, с быстротой молнии рванувшись вверх по холму. Это была очень странная машинежка, вполне под стать звуку своего клаксона. А клаксон наигрывал: ля-ля-ля, ля-а-ля-а-а...

А сама машинка, насколько я мог разглядеть в водянистой тьме, была американской моделью середины двадцатого столетия, которая в свое время приводилась в движение мотором внутреннего сгорания, который питался топливом либо спиртовым, либо какой-то фракцией от перегонки нефти, забыл, что именно там было. Цвет машинки был красный, отливал каким-то лаковым отблеском.

— Привидение,— сказал Сукума-Тейлор.

— Надеюсь, что эта штука остановилась в Максвеллвилле. Эти ее колеса очень похожи на пневматические шины... это ведь не роллеры, но просто даже не верится, что это настоящие шины. Так что вы говорили?

— А? Да нет, ничего особенного. Ничего.

Мы молча ехали, терпеливо взбираясь на крутой холм. Он вдруг сказал:

— Джейк Мак-Гроу! — словно это было для него по меньшей мере открытием или прозрением.

— Ну, я самый,— ответил я озабоченно и смущенно.

— Мне это только что пришло в голову. Я же про вас слышал! Ну да, я помню имя,— он улыбнулся.— Вы должны меня простить, старина. То, что я так это выпалил. Но вы же должны знать, что на Космостраде вы что-то вроде живой легенды.

— Я — легенда?

— Но ведь вы же Джейк Мак-Гроу, правда же?

— Я единственный человек с таким именем, насколько мне известно.

— Разумеется. Да, но... встретиться с вами вот таким образом... ну, понимаете, просто... я что хочу сказать: человек начинает сразу вспоминать про Одиссея, Язона, Энея, героических персонажей... а вы кажетесь...— он поморщился.— О господи. Я вечно говорю не то, что хочу сказать, а уж сейчас и подавно.

— А я кажусь таким обыкновенным подтирателем задницы. Это вы мне хотите сказать, Джон?

Он рассмеялся.

— Не совсем. Но то, что про вас рассказывают, весьма примечательно.

Он наклонился ко мне с насмешливо-таинственным выражением лица.

— Я так понял, что все они, эти рассказы — как выражаются американцы — просто «тянут Тома Кокса», то есть врут?

— Все зависит от того, что это за случаи и рассказы,— сказал я с абсолютно серьезной миной.— Если говорить про тех шестнадцать женщин на Альбионе, то полная правда: они все разродились на протяжении шести дней.

— А, это как раз та история, которую я хотел бы услышать,— он хитро посмотрел на меня,— я так понимаю, что вы шутите, но, может быть, лучше мне таких предположений не делать.

Он снова рассмеялся, но быстро посерьезнел, потому что смерть троих его товарищей убивала в нем всякую попытку к веселью.

Наконец он сказал:

— Это ваш компьютер заставил меня задуматься, что же такого знакомого в вас. Потом я услышал, как ваша... подруга назвала вас по имени, ну, во всяком случае, я заметил, что компьютер разговаривает с вами необыкновенно по-человечески. Каким образом вы заставили его стать таким необычным? Земные машины могут иногда имитировать людей, они даже довольно успешно подражают человеческой личности, но тут перед нами нечто совершенно иное.

— Сэм — больше, чем компьютер,— сказал я.— Его логическое ядро содержит Влатузианскую энтелехическую матрицу. Это компонент размером с ваш большой палец.

— Я про них слышал. А с кого был взят образец?

— С моего отца.

— Понятно.

Людям часто такое кажется чем-то болезненным, просто гробокопательским. Мне кажется, я знаю, почему, но я об этом не думаю.

— Он погиб при несчастном случае на Каппа Форнакис V. Я привез его тело на родную планету влатузианцев, которая, как и Земля, не связана непосредственно с Космострадой, и оставил его тело с техниками планеты. Они держали его у себя почти год. Когда я получил тело обратно, на коже головы не было никаких насечек, а мозг был нетронутым. Потом его похоронили на планете Вишну, на нашей ферме.

Сэм вставил свое слово.

— Ты про меня так разговариваешь, словно бы меня тут вообще не было. Мне от этого весьма чертовски неловко.

— О, простите, пожалуйста,— сказал Сукума-Тейлор.— Джейк, извините, вы не возражаете, если я задам ему вопрос?.. Ну вот, снова я говорю не то... Сэм. Не будете ли вы так добры ответить на несколько вопросов?

— Валяйте,— ответил Сэм.

— Как вы сами себя воспринимаете? Я вот что имею в виду: каково ваше представление о себе с точки зрения физического присутствия, телесной оболочки? Вы меня понимаете?

— По-моему, да. Ну, это зависит от разных вещей. Иногда мне кажется, что я — часть тяжеловоза, а иногда просто кажется, что я в нем еду. Большую часть времени меня не покидает ощущение, что я сижу как раз на том месте, где сейчас сидите вы, на сиденье стрелка. Нет-нет, не вставайте. Это чувство остается у меня независимо от того, занято сиденье кем-то другим или нет.

Сукума-Тейлор приложил палец к подбородку.

— Это очень интересно. Есть и еще один вопрос, но я, право, не знаю...

— Вы хотите знать, как это выглядит для человека, когда он умирает? Про это вы хотели спросить?

Африканец кивнул.

— А черт его знает, как это, потому что про катастрофу я ничего не помню. Мне с тех пор рассказывали, что тот сукин сын, который налетел на меня прямо в лоб, был пьян в стельку и что он отделался легко и выжил. Не думаю, что это влатузианцы стерли мою память, они таким не занимаются, но почему-то я совсем этого не помню.

Ответ Сэма вогнал африканца в глубокое раздумье.

Тем временем мы добрались до вершины очередного подъема, и ветер с дождем стали стихать. Темные стены скал обрамляли дорогу. Космострада наконец счастливо влилась в естественный перевал. Именно в этот момент прожекторы на миг потускнели, потом к ним вернулась прежняя яркость. Мотор стал жаловаться низким укоризненным журчанием.

— Джейк, у нас нестабильная плазма,— объявил Сэм.

— Ну надо же, как вовремя,— вздохнул я.— По-моему, отсюда мы все время будем катиться под гору. Какие у тебя данные?

— Все, что я могу прочитать на приборах, говорит нам, что у нас самая капризная нестабильность и она усугубляется. Температура падает. Ага, и долготное течение в плазме давным-давно перешагнуло предел Крускаля. Погоди-ка, все вспомогательные витки обмотки вроде бы приходят на выручку... ну вот, теперь снова все нормально... постой... еще минутка... черт, снова сбой. Выключи эту штуковину, Джейк.

— Сколько у нас мощности в аккумуляторах?

— Мы по горлышко заполнены. Можем выбираться пока на вспомогательном моторе, если только мы пока что преодолели последний холм на этой дороге.

Глава седьмая

Мы выбрались.

Мы скатились по противоположной стороне хребта холмов. В свете наших фар земля выглядела совсем другой, скалистой и дикой. Коротенькие, широкоствольные деревья свешивали темные кроны над дорогой. Мы ехали через широкие плато, ползли по краю темных глубоких провалов, которые, похоже, были каньонами. Дождь перестал, и температура снаружи упала резче некуда. Показались звезды, и впечатляющий замороженный взрыв звездной газовой туманности был словно нарисован на широком полотне неба. Не было никаких узнаваемых созвездий, потому что мы находились в восьмистах или около того световых годах от Земли или Ориона, если считать по часовой стрелке по спирали. Голиафа не было даже в небольших каталогах звезд.

Не звездочки, а просто костерки в ночи.

Мы даже потеряли Космостраду. Она внезапно оборвалась под массивным скальным обвалом, но не раньше, чем нас об этом предупредил новый, сияющий и мигающий предупредительными огнями дорожный барьер, который оповещал нас, что нам нужно переместиться дальше на такую новенькую, с иголочки, автостраду Департамента Колониального Транспорта. Дорога привела нас в Максвеллвилль через полчаса.

Больница была поразительно хорошо оборудована. Серьезно раненный наш спутник был наполовину в коме и в шоке, но в него напихали достаточно трубок, чтобы разбудить и труп, и подняли ему гемоглобин с помощью плазмы, крови и кровезаменителей. Они даже ухитрились спасти ему ногу. Остальных из нас обработали и отпустили после того, как заново перевязали и заварили кожным пластиком на месте наши раны, а еще влив в нас полный спектр антибиотиков и антиксенобиотиков.

Чтобы до конца убедиться, что ничего вредного в нас не осталось, они загнали нас под проверочный луч, который быстро поджарил все инородные тела в наших организмах, которые не могли представить паспорт, что их вырастили и выкормили на земле.

Потом нам представили счет. Я сглотнул слюну и вытащил свою страховочную карточку Медицинского страхования Гильдии, которая уже была просрочена. Они проверили номер контракта, но их это не устроило. Сукума-Тейлор настаивал, что он сам этим займется. Поэтому я позволил ему это сделать, настояв, что заплачу ему потом и возмещу все расходы.

Я отправился обратно в кабину.

— Джон пригласил нас заехать на их ранчо,— сказал я Сэму.— Что ты об этом думаешь?

— Для тебя это замечательно. Я же буду в гараже.

Я нахмурился.

— Я забыл. Мне не хотелось бы быть на таком удалении от тебя. Но мотели нам не светят. А когда почтовый тяжеловоз придет в город, констебль может начать уже нас искать.

— Лучше тогда пойти и узнать, когда приходит следующий почтовый.

— Правильно,— я глубоко вздохнул.— Сэм, мы по-прежнему накапливаем гору вопросов, на которые нет ответов.

— Например?

Я пошел назад, чтобы забрать парочку вещей из кормовой кабины, запаковал сумку и застегнул на ней молнию.

— Ну, например, чего ради была устроена вся эта потеха у «Сынка». Если Уилкс хочет видеть меня мертвым, почему бы ему просто не сделать соответствующий шаг? Зачем вся эта болтовня насчет слияния компаний? Что общего у всей этой дряни с рикки-тикки, то бишь ретикулянцем?— Я схватил рюкзак Дарлы и пошел вперед, потом уселся на водительское сиденье.

— И почему, черт побери, если они хотели застать нас врасплох в том мотеле, почему они подъехали с такой помпой, словно колониальная милиция в поисках наркотиков? Они что, никогда не слышали, что можно бесшумно подкрадываться? Они могли бы так легко нас поиметь, но нет, они врываются туда с визгом роллеров и пушками наперевес. И откуда они знают, что мы там?

— Менеджер отеля мог быть на побегушках у Уилкса. Про нас могли пойти слухи, и он сообразил, что босс будет нас искать.

— Да, вполне возможно, но все-таки в этом по-прежнему нет никакого смысла, ни в чем нет никакого смысла, включая дикие истории, которые, как выясняется, слышали все, кроме нас.— Я устало покачал головой.— Ну и дикие денечки, последние два.

Я вспомнил про потерянный ключ и вынул из коробки запасной. Я зарядил пушку свежими зарядами. Взял со спинки сиденья свою кожаную куртку и надел ее. Ночь была холодная, но рассвет был уже не за горами. Мы провели большую часть ночи в больнице. Я сунул запасной ключ в карман куртки.

— А где все остальные? — спросил Сэм.

— Ждут в вестибюле больницы. Я скажу Джону, что мы поедем с ними после того, как тебя сводим к доктору.

Пришла заря, и Максвеллвилль ожил.

Мы подъехали к ближайшему прокатному гаражу, где Сукума-Тейлор нанял «шмель-вихря», машину, которая ходит на водороде, для того, чтобы доехать на ранчо, которое, как они полагали, находилось километрах в пятидесяти к югу от города. Он и его группа последовали за нами, пока мы ездили вокруг в поисках платного гаража. Один такой мы нашли, и название его отдавало чем-то знакомым.

Гараж оказался надувным куполом, политым отвердителем, где рядышком стоял трейлер-фургон, который служил хозяину одновременно и домом и офисом. Дома никого не было (грязь и запустение там царили страшные). Купол был брошен, так я по крайней мере подумал. Одинокая спортивная модель стояла на домкратах возле дальнего конца двора. Когда я подошел поближе, из-под нее выползла пара сапог, потом ноги, а потом и остальное туловище Вонючки Гонсалеса.

— Джейк? — он прищурился, словно хотел меня получше разглядеть. — Джейк! Какого хрена ты тут делаешь? И как ты, хрен тебя возьми, поживаешь?

Вонючка говорил на интерсистемном лучше, чем любой человек, которого я знал в своей жизни. Собственно говоря, он был единственным человеком, который мог говорить на этом языке гибко и красочно, с идиомами. Однако его владение разговорным жаргонным английским было не меньше, чем просто мастерским. Он родился и вырос на планете, где интерсистемный был своего рода наддиалектным койне, языком для общего пользования, для того, чтобы договориться с соседом, у которого родной язык был иным, чем твой. Кроме того, интерсистемный применялся там и в качестве официального языка. Есть несколько таких планет. Однако, когда я в последний раз его видел, это было на Обероне, англоговорящем мире, населенном, однако, испаноязычными людьми, превратившими английский в своеобразный говор.

— А ты какого хрена тут делаешь? — ответил я ему по-английски, хотя и придерживаясь его любимого словаря. — Ты в конце концов довел людей на Обероне до того, что они тебя выгнали?

Он рассмеялся.

— Ах ты, долбаный сын хреновой суки. А какого хрена, как ты думаешь, я тут делаю? Пытаюсь заработать себе на хреновую жизнь! Эй, а как твои дела шли? Ты хоть что-нибудь от жизни получал?

— Свою долю и больше ничего. Ты занят?

Он выразительно обвел рукой пустой гараж.

— О да, я настолько долбано занят, что у меня не хватает времени даже отчехвостить все это как следует. А эти сволочи тут вообще расплодились, да еще не хуже цирковых акробатов отрабатывают это все в моем гараже.

Последнее касалось интересного животного, которое обитало на этой планете: у него было не два пола, а несколько, и поэтому его брачный ритуал напоминал больше партерную акробатику.

— О чем ты, черт побери, говоришь? Я тут обосновался всего две недели назад, а то и того меньше. Приходится отвести хоть немножко времени на то...— тут он неожиданно посмотрел на меня, сузив глаза.— Эй... что за чокнутые МЕРТЕ я тут про тебя слышал?

— А какие именно чокнутые МЕРТЕ, Вонючка?

— Не знаю. Всякую долбаную дорожную чушь насчет того, что у тебя вдруг якобы появилась карта Космострады или что-то в таком роде. Бредятина собачья, больше ничего.

— Вот именно, я тоже придерживаюсь того же мнения,— я хлопнул его по плечу.— У меня для тебя кой-какая работенка. Сэм чего-то прихворнул.

— Ладно, швырнем его об стенку и посмотрим, может, прилипнет. Заводи его сюда.

Я вышел наружу и сказал Джону, чтобы он отвел всех на завтрак. Небольшая забегаловка, где подавали завтраки и обеды, была неподалеку. Потом я аккуратно загнал Сэма в гараж. Ей-богу, он только-только поместился.

Двадцать минут спустя Сэм превратился в запасные части, разбросанные по всему гаражу. Мотор ободрали от всех кожухов и оболочек и разложили нагишом для осмотра. Во время этой процедуры я обнаружил к своему острому носовому недомоганию, что Вонючка все еще вполне заслуживал своего прозвища, которым его могли безнаказанно называть только друзья.

Вонючка постучал по мотору своим гибким гаечным ключом, а на лице его отразилось сосредоточенное внимание врача-диагноста.

— Не знаю, не знаю, Джейк. Может быть, всю эту пакость придется удалить.

— Торус?! — завопил я.— Иисусе Христе, ты же говоришь про работу, которая стоит больших денег, Вонючка!

— А что, ты хотел бы, чтобы я тебе рассказывал всякие долбаные сказки, или тебе нужна правда? Долбаный трубопро-

вод плазмы горячее, чем (тут ссылка на весьма оригинальные сексуальные обычаи обитателей планеты Свободной) во время Недели Экстаза.— Он скрестил на груди руки и посмотрел на тяжеловоз весьма критически.— Слушай, Джейк, каким это образом ты заполучил себе инопланетный тяжеловоз? Эта штуковина — кусок МЕРТЕ,— он покачал головой.— А, впрочем, тебе и земная МЕРТЕ не очень-то понадобится. Вот посмотри на эту штуковину.

Он протянул руку и постучал по какой-то цилиндрической детали.

— Огмический разогреватель.— Он фыркнул.— Такое добро даже на земных машинежках больше не устанавливают. Это же просто шутка какая-то.

Он скрестил на груди руки и неодобрительно зацокал языком.

— Не знаю, как тебе удается еще ездить на такой груде металлолома.— Он посмотрел на меня и поспешно добавил:— Черт, я не хочу ничем оскорбить Сэма.

Мне не терпелось.

— Правильно. Так что, по-твоему, приключилось, с колымагой-то?

Он воздел руки к небу.

— А какого черта я могу это так сразу угадать? Мне надо пристегнуть сенсоры и только тогда поглядеть на эту штуковину. Ну хорошо, у тебя была дискретная нестабильность плазмы. Это ведь только симптом. Что, если это как раз вон тот разогреватель? Они больше не делают таких частей, я имею в виду производителей запчастей. Мне придется кустарно что-нибудь изготавливать, а, может, это и вовсе вакуумный насос. Может быть, это подхватчик тока, возможно, преобразователь частот или еще тысяча и одна штуковина. Черт долбаный, это же может быть все, что угодно.— Он пожал плечами, словно сдаваясь.— О черт, Джейк, я сделаю все, что смогу. Должно быть, что-нибудь я сумею придумать. После того, как я с ней справлюсь, я ее для тебя специально ионно почищу.

Я хлопнул его по спине.

— Я знал, что могу рассчитывать на тебя, Вонючка.

— Я знаю, что я такой вот весь из себя долбаный гений,— он посмотрел на счетчик радиации на своей грязной рубашке.— Э-э-э... мне б лучше надеть свой противорадиационный костюм, а тебе — убираться отсюда, пока нам обоим яйца не припечет.

— О'кей. Сэм со мною будет держать контакт. Дай ему знать, если что, хорошо?

— Ладно, Джейк.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Джейк! — окликнул меня Вонючка.

— Чего?

— Ты что-то ходишь как-то странно. С тобой все в порядке?

— Да, встретили тут парочку странных жуков на равнинах. Такие штуковины примерно вот такой величины...

— А-а-а, прыг-скокающие крабы. Не знаю, почему их так называют, но называют их именно так.

— Правильно, прыг-скокающие крабы. Нам то же самое сказали в больнице.

— Насчет этих тварей приходится держать ухо востро.

— Да, мы... ну да ладно, еще увидимся.

Вся группа ждала меня возле «шмеля», взятого напрокат. Я залез в машину и тут почувствовал, что по мне словно ползет что-то мерзкое, противное. Я всего себя по возможности осмотрел, но ничего не нашел. Что-то за последнее время слишком много противных маленьких существ стало по мне ползать. Отсюда и испорченные нервы.

После того как мы выполнили в городке кучу вещей, главным образом закупку провизии и всего такого прочего, мы выехали из города. Вопрос почты решился сам собой, когда мы проезжали мимо максвеллвилльского почтового отделения, и я увидел, как почтовый тяжеловоз разгружается у доставочного входа. Вне всякого сомнения, там было и коммюнике насчет нас.

Прежде чем мы уехали, мы высадили двоих из группы, австралийского аборигена и женщину-индуску, возле гостиницы. Они вполголоса спорили насчет Сукумы-Тейлора. Этим двоим не понравилось, как разворачивались события. Они хотели немного подумать — соприкоснуться с жизненным планом, как они это назвали — и переждать. Какая-то многозначительность в их словах меня смутила. Сукума-Тейлор не попрощался с ними, но его, как я понял, не особенно огорчил их уход.

Короткий отрезок колониальной автострады заканчивался на грунтовой дороге, которая по ухабам довела нас до ручки, потому что в течение, как нам показалось, многих часов она извивалась вокруг высоких рощ и утесов, пока не раздвоилась на две дороги.

Сукума-Тейлор остановил машину и воздел руки к небу.

— Как обычно,— сказал он сардонически,— указания как найти дорогу едва соответствуют тому, что видишь на самом деле, когда этим указаниям следуешь. Кто-нибудь может догадаться, куда именно нам надо направляться и какой путь выбрать? — он повернулся к восточному человеку на переднем сиденье.— Роланд, ты?

Роланд выставил голову в окошко, пытаясь найти солнце.

— Трудно сообразить, как определить дорогу не на твоей

родной планете... особенно, если не знаешь угол наклона ее оси вращения. У тебя есть путеводитель, Джон?

— Угол наклона чего?

— Погоди, дай подумать,— сказал Роланд, прикрывая глаза ладонью.— Солнце вон тут. Стало быть, это означает... э-э-э...— он почесал в затылке.

— Ну да,— вставил я,— Максвеллвилль в противоположном направлении от того места, куда нам надо направляться, поэтому это — Космострада.— Не зная почему, я повернулся к Винни.— Где Космострада, лапочка?

— Туда!— пропищала она, показывая рукой вправо.

Все повернули взгляды назад. Чуть поколебавшись, Джон снова завел «шмеля» и поехал по левой дороге.

К этому времени наш экипаж сильно поубавился: я, Дарла, Винни, восточный юноша, белая женщина, которые были нам в первый раз за это время представлены, Роланд и Сьюзен Дархангело, плюс наш африканский вождь. Человека, который оказался в больнице, звали, как мы узнали, Стен Хансен.

Сьюзен была светловолосая, тоненькая, с ореховыми глазами и прелестным вздернутым носиком, который очаровательно морщился, когда она улыбалась. Лицо ее было молодым, но я решил, что ей больше тридцати, поскольку она, видимо, отказалась от своей первой серии антигеронического лечения из-за финансовых, религиозных или этических соображений. У меня пока что было только весьма слабое представление насчет того, что именно было сутью или ядром телеологического пантеизма. Йи был моложе, ниже ростом, его прямые и жесткие черные волосы торчали во все стороны на голове. Он был очень приятным и легким в общении молодым человеком, как и все они.

Винни была права, и в конце концов мы выбрались на «ранчо», которое Сукума-Тейлор узнал по картинкам. Посредине широкого плоского пространства, похожего на крышку стола, стояло только одно строение, дом, плюхнутый как попало. Вокруг росло несколько странных деревьев. Эту усадьбу только наполовину достроили. Дюроформовая скорлупа, которую оставили расти, стояла только с половиной окошек на своем месте, остальные пока даже не были приготовлены, не то что вставлены. Все готовые окошки были почему-то слева. Непогода повела себя, как бомж, который находит пристанище там, где оно есть, и поселилась лужами и пылью внутри, не говоря уже о местной фауне. Полы и потолки были отмечены потеками воды, пылевые холмы отметили все углы. Гуано всяческих животных придавало ранчо вполне скотоводческий вид. (Если хотите знать, все экскременты на Голиафе ярко-желтого цвета). Люди здесь тоже побывали. Дыра, прорубленная топором в вершине крыши дома из дюроформы, служила дымоходом для тех костров, которые здешние постояльцы разводили прямо на

полу. Чёрные выбоины пола были полны золы. Пустые картонки из-под еды украшали дом.

Была тут и кухня, вернее, для нее было приготовлено место, но ничего похожего на кухонные приспособления не было даже поставлено.

— Люди, которые владели этим местом, проели все строительные фонды,— сказал мне Сукума-Тейлор,— жертвы последнего кредитного кризиса, примерно два стандартных года назад. Систем-Банк закрыл строительство, а нам, понимаете, понравилась цена за это место, и мы его купили.

— Какая тут по ночам бывает температура, а?

— Чуть меньше десяти градусов. Редко когда она опускается ниже точки замерзания.

— Но все же не совсем райские условия.

— Согласен. Как вы смотрите на то, чтобы возглавить команду по сбору хвороста для костра?

— Смотрю плохо, но все-таки ничего другого мне не остается.

Местный вариант горючего материала было весьма правдивое подобие дерева, полученное от растения, которое я прозвал «дерево Вурлитцера». Никто не понял шутки, потому что никто никогда не слышал о знаменитом в свое время изготовителе театральных и консерваторских органов раннего двадцатого столетия. Из своего детства я помнил, как наш эксцентричный сосед восстановил древний орган, настоящий вурлитцеровский, в своем подвале. Дерево выглядело точь-в-точь как расположение диапазонных труб этой странной штуковины, вертикально поставленные пустые трубки разной длины и диаметра, от крохотулечных пикколо до басовых педальных труб, ноты которых потрясали крышу. И все эти трубы вырастали вверх от маленького образования, похожего на клавиатуру органа, только подковообразной формы. В пустынном дворе усадьбы таких деревьев было множество. Маленькие трубы становились хорошими лучинами на растопку, а из больших, распиленных пополам, получалось приличное топливо — настоящие дрова.

Остаток дня мы провели за расчисткой дома и превращении его во что-то жилое. Мы даже нашли небольшую уборочную машину в одном из чуланов, и она оказалась просто незаменимой. Телеологи потеряли все свое снаряжение, а то, что они купили в городе, не очень-то им помогало. Они возместили себе некоторые из утерянных личных вещей, вроде самонадувающихся спальных мешков яйцеобразной формы или всякого такого, но им не хватало полезных инструментов. Это место требовало уймы работы, а они совершенно не были экипированы для того, чтобы ее выполнить. Но пока все были заинтересованы только в том, чтобы сделать эту штуковину пригодной для ночлега.

Я как раз чистил маленькую спальню на задней половине

дома, когда услышал, как кто-то завизжал. Я вышел в бывшую столовую и увидел, как Сьюзен стоит над чем-то, что лежит на полу, осторожно толкая это что-то метелкой. Существо было похоже на помесь змеи с гусеницей, разрисованное яркими красно-зелеными полосами, длиной примерно сантиметров двадцать пять. Пары ног, вроде тех, что у сороконожки, украшали все тело от начала до конца. Тело не имело никаких сегментов, просто было толстой колбасой. На концах ног были крошечные присоски. Однако голова была довольно странной, ничего рептильного в ней не было — глаза были большие и смотрели так, словно в них светился разум. Из отверстия в черепе торчало что-то маленькое и розовое, вроде рожка. Это что-то было закручено, а по виду напоминало мозг. Животное конвульсивно дрожало в предсмертных корчах. Часть его тела была раздавлена прямо за головой.

— Ик! — невольно вырвалось с омерзением у Сьюзен, которая смотрела на существо с болезненно-завороженным видом.

— Откуда оно появилось? — спросил я.

— Не знаю. Мне показалось, что я ударилась метелкой во что-то мягкое, когда мела здесь. Должно быть, я на нее потом наступила, — она с отвращением сморщила лицо. — Фу-у-у, из нее мозги вытекают...

— Оно что, сидело на моей куртке? — сказал я, указав поодаль, где куртка лежала, упав, видимо, с гвоздя. На рукаве был след от ноги.

— Ох! Извините. Да, наверное, так и получилось. Но я не могу понять, почему я эту штуковину не заметила, когда наступила на нее.

Животное перестало дергаться и умерло.

— Ик! — снова сказала Сьюзен.

Я поднял тело на палку и выбросил его наружу, в кусты.

К вечеру я и Дарла решили пройтись по равнине. К этому времени повышенная сила тяжести казалась почти нормальной. Мы прошлись среди вурлитцеровских деревьев, пока большое желтое солнце Голиафа закатывалось и становилось тускло-красным полукругом, который сидел на низеньком холмике далеко на горизонте. Небо становилось кобальтово-синим, безоблачным и девственным. С нами рядом совсем не было никаких звуков, кроме шума ветра, который поднимался с заходом солнца. Вскоре на небе вышли несколько сияющих звездочек, а густая атмосфера добавила к их сиянию дополнительный блеск, а потом небула выплыла на небо, такая же величественная, как и предыдущей ночью.

Мы не так много разговаривали, потому что до самых косточек прочувствовали усталость от того, что всю предыдущую ночь не спали, а нервы наши просто онемели от всех наших последних приключений. Но все же что-то постоянно давило мне на мозги.

— Дарла, есть одна штука, которая все время меня терзает и не дает покоя, если не считать еще с полдюжины таких же загадок. Это насчет Винни опять.

Дарла старательно зевнула, потом извинилась.

— Совсем я скапутилась,— сказала она.— А в чем дело с Винни?

— Да, собственно говоря, никакое это не дело. Я просто подумал, как это ей удалось выбрать сегодня правильную дорогу — и насчет того, как она помогла нам выбраться из джунглей там, на Оранжерее.

Дарла подавила еще один зевок.

— Мне кажется, врожденное чувство направления.— Она сдалась в неравной борьбе с зевотой и уступила еще одному зевку, совершеннейшему раздирателю челюстей. Потом пришла в себя и сказала:

— Может быть, она всегда обладала этим даром... я хочу сказать, из-за жизни в джунглях.

— А сегодня?

— А может быть, просто счастливая догадка?— предположила Дарла.

— Довольно просто, но опять-таки я вспоминаю, что ты рассказывала мне насчет того, что ее народ не любит покидать свою территорию.

— Спасибо за напоминание. Но это не означает, что сама Винни никуда не перемещалась. В конце концов, поехала же она с нами. Кто знает? Может быть, она работала с той компанией, которая расчищает джунгли, прежде чем пришла в мотель.

— Ты хочешь сказать, что она помогала разрушать собственный дом?

Дарла сдалась, наклонив голову.

— Тут ты меня поймал.— Она посмотрела на небо и остановилась.— Ты знаешь, твой вопрос вполне разумен. Мы же, должно быть, проехали не меньше восьмидесяти кликов после того, как приехали на планету, и до того, как добрались снова до Космострады.

— Вот поэтому я тебя и спросил.

Дарла собиралась что-то сказать, но потом сделала вид, что валится в обморок, и прислонилась к моей груди.

— Джейк, я так устала,— сказала она.

Я обнял ее и зарылся лицом ей в волосы. Они пахли скошенными лугами, теми, на которых я играл ребенком, это была живая память, запрятанная в запахе. Таких воспоминаний много у каждого человека. Она теснее прижалась ко мне всем телом и положила руки мне на шею, а ветер поднялся со слабым холодным стоном, как всегда бывает, когда ветер поднимается на открытых пространствах. Мы обнялись. Я поцеловал ее в шею, и она вздрогнула от удовольствия. Я поцеловал ее снова. Она

подняла на меня глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, одарила меня сонной и довольной улыбкой и нежно меня поцеловала. Потом она поцеловала меня снова, на сей раз с испытующей страстностью. Я пальцами нашел глубокую ложбинку ее позвоночника и провел по нему под ее курткой до самого начала ягодиц, дразняще замедлив там движение. Она ответила мне, толкнув меня бедрами о бедра, и я стал ласкать ее сзади, потом вернулся назад, проведя рукой по бедру, и положил согнутую ковшиком ладонь между своей грудью и ее. Груди у нее были маленькие и твердые.

Но ветер становился все холоднее, и настало время идти обратно домой. Мы начали обратный путь.

Вернувшись, мы нашли телеологистов на заднем дворе, где они сидели кружочком в молчаливой медитации. Мы стояли и смотрели на них. Никто не разговаривал, потом неожиданно заговорила Сьюзен.

— Иногда я не ладила с Кирсти,— это прозвучало, как часть беседы, но никто ей не ответил.

Прошло много времени, прежде чем Роланд сказал:

— Зев был хорошим человеком. Мне будет его не хватать.

Теперь настала очередь Джона.

— Сильвия знала, что мне придется идти туда, куда укажет моя совесть. Это была часть моего Плана, она знала об этом...

Он не докончил фразу.

Так продолжалось некоторое время. В конце концов Джон посмотрел вверх на нас.

— Наверное, вы двое хотите есть. Ну вот, мы-то не голодные.

Все они встали и подошли к нам.

— У нас было воспоминание,— объяснил Джон. Я стал извиняться, но Джон остановил меня.

— Нет-нет. Мы уже закончили,— сказал он.— Давайте поедим.

Ужин не потребовал от нас долгих приготовлений, поскольку главные съестные припасы оказались родом из саморазогревающихся упаковок, но Роланд снял с петель ненужную заднюю дверь и сделал из нее обеденный стол, поставив ее на обломки скалы. Стол накрыли приборами и тарелками для всех, которые Джон привез с собой, купив по дороге дорожный столовый сервиз. В качестве центрального украшения стоял биолюмовый фонарь, огонь весело потрескивал, и мы уселись за добрый ужин.

Я сорвал крышку со своей саморазогревающейся упаковки и стал ждать, пока содержимое ее не станет дымиться и булькать, потом выплеснул бурду себе на тарелку. Вся бурда выглядела скорее как Романов после казни в Екатеринбурге, чем как бефстроганов, как гласила этикетка, но было на удивление вкусно.

Беседа была вполне веселой. Телеологисты разговаривали в основном именно о телеологизме, но Джон был настолько любезен, что включил в беседу и нас, объясняя нам по ходу разговора то, что было непонятно. Оказалось, что Джон и его компания были сектой, которая откололась от главной церкви в Хадидже, хотя сами термины «секта» и «церковь» тут не совсем подходили. Телеологический пантеизм все больше походил не на догматическое представление о вещах, а на свободную черту, в пределах которой человек мог отдаваться любой области теологии. Как я понял, разрыв между основной сектой и компанией Джона оказался больше личным, нежели догматическим.

Я попросил Джона дать мне определение телеологическому пантеизму слов так в двадцать пять или поменьше, полностью беря на себя ответственность за то, что такое определение будет сильно упрощенным и несправедливым.

— Ну что же,— ответил Джон,— как мне кажется, я спокойно могу это сделать. И определение не окажется слишком упрощенным.

Он сделал паузу, чтобы собраться с мыслями, словно собирался родить какой-то рифмованный стишок.

— Телеологический пантеизм, если рассматривать его как акт веры, есть вера в то, что у вселенной есть цель, а во всем есть План. Вера эта не поддерживается разумными доводами. Под «актом веры» я понимаю нечто вроде «прыжка» Кьеркегаарда, поскольку нет никаких эмпирических доказательств, чтобы поддержать такую веру.

— Тогда почему вы в это верите?— спросил я.— Простите. Продолжайте.

— Нет, вопрос правильный, но я не мог бы ответить на него абзацем или двумя. Даже в пятидесяти страницах трудно было бы уместить ответ. Я наверняка поговорю с вами об этом позже, если вам захочется, но вот вам, по крайней мере, телеологическая часть всего этого. Теистический компонент веры включает в себя идею, что вселенная больше, чем сумма ее составляющих, что общность того, что является, если хотите, реальностью, есть проявление чего-то высшего, чем совокупность ощущений, которые мы от нее получаем.

Он остановился, проанализировал собственные построения в риторике и покачал головой.

— Нет, это не вполне передает то, что я хотел бы сказать. Все, что тут есть, относится к расплывчатой метафизике, а я совсем не то хотел сказать. Давайте попробуем сначала.

Он постучал по столу длинными тощими пальцами.

— Мы также принимаем на веру, что у реальности есть некий Унифицирующий принцип, который проявляется далеко не полностью в естественных законах бытия, которые просто указывают направление поиска сердцевины вещей и бытия.

Он поерзал на окаменевшем полу из пенорезины.

— Вот, более или менее, в чем суть вопроса, но я хотел бы подчеркнуть, что главная разница между нами и любой другой религией, которая включает в себя божество, состоит в том, что мы не стремимся навязать этому принципу никакой структуры, не стремимся представить его антропоморфно или как-нибудь еще. Мы не говорим про него как про бога и вообще отбрасываем всяческие этикетки. Мы считаем, что мы очень мало можем знать о самом принципе, поскольку он всегда находится в движении и развитии, он постоянно преображается. По мере того, как разворачивается и преображается Универсальный План. Мы отличаемся от классических деистов в том, что мы не можем представить положение вещей, когда создатель кое-как создает космос, запускает его по часовой стрелке, а потом просто бросает его.— Он глотнул кофе.— Мне кажется, мы не уложились в двадцать пять слов.

— Джон,— сказал ему Роланд.— Ты и пукнуть не сможешь меньше, чем в двадцать пять слов.

Джон первым захохотал.

— Я принимаю обвинение и признаю себя виновным, милорд,— и с хитрой улыбкой он добавил: — Но, в конце концов, и выпускать воздух — это тоже человеческая черта.

Стон и хохот.

— Ты хоть мог бы быть оригинальным, Джон,— укорил его Роланд.— Это было ужасно, и я никогда бы тебя не простил, если бы ты мне не предоставил это вот жилище,— добавил он, показав рукой на дом.

Дрожь прошла по присутствующим.

— Кроме шуток,— сказала нам Сьюзен, видимо, желая извиниться за то наказание, которому нас подвергали ее сотоварищи.— Телеологисты просто обожают поговорить. И хорошо, потому что в нашей религии, пожалуй, ничего другого и нет.

— Сьюзен права,— сказал Роланд.— Мы не служим мессу в традиционном смысле. У нас есть несколько церемоний, ничего даже отдаленно похожего на литургию, и очень мало с точки зрения священных книг. Мы верим, что и в этих вопросах мы должны быть гибкими, а книги меняются.

— Мышление — уже богослужение,— вставил Джон.— Точно так же, если говорить о том, что ты думаешь. Но не все думают одинаково.

— Да, вот именно,— согласился Роланд.— Мы хотели бы получить религию, которая была бы лишена всякой догматической жесткости и жестокости, шкурной ортодоксальности, папских булл, безгрешных наставлений и увещеваний... и всякого такого сброда.

— Мы отвергаем откровение как источник истины,—

сказала Сьюзен.— Больше всего крови в истории было пролито при спорах, чья книга святее.

— Книги пишут люди,— сказал с ударением Роланд.— А не боги.

— Разумеется,— сказал Джон,— есть еще очень много вопросов. Из телеологического ручья вытекает множество течений. Мы верим, например, в коммунальное житье. Опять же, в этом нет ничего нового...

— Единственное, чего мы не делаем,— вставила Сьюзен,— это не обращаем никого в нашу веру. Мы хотим обращать людей только личным примером или чем-то вроде осмотического проникновения в общество, но не убеждением. Только не раздачей памфлетов на углах улиц.

— Похоже на то, что такая религия для меня,— сказал я наконец. Собственно говоря, для моих ушей это прозвучало как Кант, Шопенгауэр и Гегель, которых прогнали через синтезатор белка и наперчили радикальной теологией середины двадцатого века.— Где мне расписаться во вступлении в члены?

— Прямо тут,— сказал Джон, обводя рукой собравшихся,— и ты это уже сделал, задав этот вопрос.

Я прислонился к рюкзачку Дарлы, расплел ноги и положил их под стол.

— Ну, единственное мое возражение сводится к тому, что я не люблю жить коммуной. Я очень страшный по утрам, и я по ночам рыскаю в кладовке. И вообще-то я очень несговорчивый и не любящий помогать коллективу сукин сын.

Джон сахарно улыбнулся мне.

— Но я уверен, что на свой лад ты очень обаятельный человек, и тебя легко полюбить. Однако совершенно не обязательно жить с прочими телеологистами, чтобы им быть.

— Просто надо еженедельно опускать свою лепту в тарелку для сбора пожертвований, а?

— Нет. Прибавь к своему списку того, что мы не делаем, то, что мы не собираем членские взносы.

— И не берем ни от кого пожертвований,— добавил Роланд,— а равно и не вымогаем их.

— А кто платит за жилье?— спросил я, потрясенный. Может быть, это и впрямь мой любимый вариант древней религии.

— Наша финансовая поддержка идет от фонда Шуйлера, он был основан австралийским мульти-биллионером, который довольно рано обратился к телеологии. Он прочел книги основателя религии Ариэли Маккензи-Дэвис,— Джон растянулся на полу, опираясь головой на руку.— Она очень интересно пишет. Я тебе дам прочесть ее первую работу, то есть,— сказал он, а голос его тут же стал несчастным,— если я не настолько рассеян и не забыл ее в своей котомке, что осталась в автобусе.

Это воспоминание привело на ум и остальные события, и беседа замерла. Я попытался ее возобновить.

— Кроме того,— сказал я,— я не отношусь к тем людям, которые могут совершить «прыжок» к вере. Я пытался читать Кьеркегаарда, но у меня это пошло не под гору, а в гору.

Только Сьюзен, американка, привыкшая к подобного рода шуточкам, поняла, в чем дело и что я хотел сказать. Лицо ее исказилось, словно от боли.

— Не надо, Джейк, после такого дня,— упрекнула она меня.

Роланд подозрительно посмотрел на нас.

— Я что — чего-то не допонял?

— О господи,— сказал Джон,— до меня только что дошло. Ну конечно, просто американская шутка, когда название или имя разделяют на отдельные кусочки и всем придают какой-то смысл.

Роланд заинтересовался, и Джон объяснил ему. Роланд покачал головой.

— Джейк, иногда твои культурные аллюзии и намеки, не говоря уже о большей власти твоей лексики, весьма странны и устарели. По крайней мере, я далеко не всегда тебя понимаю. Ты, конечно, из Северной Америки. А из какой ее части?

— Западная Пенсильвания, старые Соединенные Штаты Америки. Она довольно изолирована, и там примерно столетнее культурное отставание от современности. Еще и лингвистическая атрофия. Большая часть выражений из разговорного языка родом из середины двадцатого столетия, даже раньше. Это был мой родной язык, всосанный с молоком матери, и я никогда не отучусь от него.

— Но ведь ты кажешься образованным человеком?

— Это уже пришло потом, здесь.

— Понятно. Дарла, а у тебя акцент, который я никак не могу опознать. По звучанию похоже на... средне-колониальный, но я знаю, что это не совсем то. Просто не могу найти лучшего слова.

— Моя мать работала в колониальном управлении много лет,— сказала Дарла.— И таскала меня с планеты на планету. Она была канадкой, а мой отец — голландцем. Поэтому дома по очереди — английский и нидерландский, в школе — интерсистемный, а еще португальский, тагалогский, бенгальский, шведский, африкаанс, финский...

Мы все рассмеялись. Обычный языковой салат.

— Слава богу, что есть интерсистемный и английский,— сказал Джон.— Иначе у нас тут был бы Вавилон.

Он зевнул.

— А уж если говорить насчет горок, так мы все катимся с ног долой...

Все согласились. Мы быстренько убрали мусор от ужина

и приготовились провести холодную ночь в скорлупке из металла посредине Восточного Иисуса (так окрестил это место Роланд).

Но прежде чем мы легли спать, необходимо было поговорить с Джоном.

— Джон... мне надо было бы сказать тебе об этом раньше, но как-то не было возможности... за мою голову назначена цена. Ты и твои люди могут из-за меня оказаться в опасности.

— Так я и думал. Колониальные власти?

— Да, и они тоже, но это наименьшее зло.

— Понятно.

— Откуда ты знал? — спросил я удивленно.

— Те самые слухи, которые мы упомянули. В них говорится, что за тобой все гоняются.

И снова — словно за нами действительно следует некая неотвратимая тень. Мне уже было от нее тошно.

— Все? — я потеребил нижнюю губу. — Может быть, нам следует уехать?

— Я не собираюсь в такое время ночи гнать машину в город. Я никогда не смогу найти дорогу назад.

— Мы могли бы пройти ее пешком.

— Что? Пешком через эту дикую пустыню? На чужой планете? — он хлопнул меня по плечу. — Джейк, мы тебе обязаны нашими жизнями, понимаешь — жизнями! Роланд будет нести первую вахту. Мы бы все равно стояли на вахте. Ты сам знаешь, почему. Слишком много разбойников шастает по Космостраде.

— Правильно. И еще, Джон... — Он повернулся ко мне. — Спасибо.

— Не всегда получается, что принимаешь в гостях живую легенду. — Он оглянулся. — Не столько в гостях, сколько в сарае, правильнее было бы сказать.

Дарла и я смотрели, как раздувается ее спальный мешок-яйцо. Он рос и рос до тех пор, пока не стал похож на гигантского зеленого жирного червяка. Я ей так и сказал.

— Он такой большой, что может съесть нас обоих, — сказала она.

Мы заползли внутрь, химическое тепло уже превратило нутро мешка в теплую, пышную зеленую матку, чудесную и уютную, мягко освещенную биолюмовыми панелями. Однако раздеваться было довольно трудно. Я почувствовал холодное дуло «вальтера» Дарлы всей своей спиной.

— Ну нет, сдаюсь.

— Ой, прости.

— Дарла, держи эту штуковину под рукой.

— Обязательно, — ответила она.

— А как насчет Винни?

— Я ей дала еще одно одеяло. Она сказала, что ей не хочется спать.

— А тебе?

— Хотелось, но уже нет, дорогой мой. Иди сюда.

Музыка...

Музыка, такая негромкая...

Музыка, такая негромкая, но вездесущая и поглощающая, единственный огромный, переливающийся аккорд, полный нотами от нижнего до верхнего конца клавиатуры, покрывающий октаву за октавой. Он звучал над равниной, как хор потерянных душ, которые оплакивают свою судьбу, мрачный и неотвязный. С этими голосами пели скрипки, флейты, гобои, струнные — плачущие виолы, угрожающие контрабасы... арфа, челеста, которая жалобно постанывала. Структура аккорда менялась, а лады перестраивались, и теперь словно сам господь бог играл на органе вселенной, прекрасные и священные звучные аккорды вырывались из-под его пальцев, отражаясь от крыши мира...

Дарла вздрогнула и проснулась, ухватившись за меня.

— Джейк!

— Да это просто вурлитцеровские деревья,— сказал я,— все в порядке, моя красавица.

Она обмякла в моих объятиях, внезапный страх растаял, как иней в пламени свечи.

— Мне что-то снилось,— сказала она потерянным, сонным голосом.

Спальное яйцо было теплым и тихим. Я нежно провел большим пальцем по ее закрытым векам, поцеловал теплую, влажную щеку. Она выдохнула воздух, и все напряжение спало с нее. Я пил ее дыхание, держа ее в объятиях.

Снаружи аккорды переливались из минорных в мажорные, потом снова в минорные, потом снова переменились и зазвучали в модальной гармонии, пока ветер перебирал воздушными пальцами среди труб дерева-органа. Это были сольные пассажи, виртуозное исполнение. Концерт. Потом ветер сдул все прочь и оставил нас в атональном хаосе, который все вибрировал от неопределенности бытия... спутанный, таинственный, под конец непонятный мир...

Огромная жилистая рука зависла над беззвездной тьмой... в ожидании? Подкарауливая? Рука дирижера. Или композитора. Или и того и другого? А может, это ни тот, ни другой? Пустота была бесформенна и включала в себя то, что должно было быть, и то, чему не суждено было случиться... бесконечные возможности. Клубки хроматических тонов развертывались в темноте, в сыром материале бытия. Построения стали сами возникать, когда им навязали диатонический порядок. (Но кто

это сделал? или что?) Фуги рождались из глубин, классические симфонии сливались с сонатами. Рука исчезла, и мощный гимн зазвучал на небосводе, воспевая единство, полноту, положительность, закономерность жизни, организующие принципы...

Странный свет, охапка тепла и мягкости в моих объятиях, моментальное странное чувство, будто сам не знаешь, где находишься. Яйцо было темно, но сквозь тоненькие стенки проникал зыбкий свет.

Рука... рука среди пустоты и тьмы, в самом сердце вещей и сути, матка времени...

— Да-а-а-ла! Джейк! Да-а-ала! Джейк!

Там, в тайном ядре, в непроницаемой сердцевине...

— Да-а-ала! Джейк! Да-а-ала! Джейк!

... Ничего... Там ничего... Нет ничего...

— Джейк! Да-а-ала! Просыпаться! Встать! Встать!

Я рванулся и проснулся, ища ощупью биолюмовые панели. Я провел рукой по одной из них и увидел, как она засветилась перед моим лицом.

Музыка прекратилась.

Я толкнул Дарлу.

Глаза ее немедленно широко открылись.

— Что такое?

— Винни, это ты?— прошептал я хрипло и невнятно, расширяя выход из яйца, словно плод — родовой канал. На мордочке Винни отражалась серьезная тревога.

— Большие машины! Большие машины! Вставать! Вставать!

Дарла провела двумя пальцами по шву быстрого выхода, и яйцо раскололось, вылупив нас двоих нагишом в мир, в ледяную ночь.

Костер был кучкой мерцающих углей. Роланд лежал возле костра, он спал, закутавшись в одеяла. Я подошел к нему и один раз резко дал ему пинка, потом схватил другое спальное яйцо и раздернул швы.

В нем было два тела. Хорошо.

— Дарла! — сказал я.— Выбирайся из дверей, бери свой рюкзак и пушку!

Внутри спального яйца стоны и бормотанье.

— Джейк. Я не пойду без тебя.

— А ну! — скомандовал я.— Беги вон туда! — Я показал на задний двор дома.— Я тебя найду.

Дарла схватила какие-то вещи, швырнула мне мой пистолет и побежала.

— Вставайте! — завопил я.— Джон! Сьюзен!

Роланд мучительно пытался подняться на ноги, глаза его были налиты кровью и припухли, он совсем потерял представ-

ление, где находится. Снаружи поисковые лучи прожекторов шарили по земле у дома, а сама темнота шипела выхлопами флиттеров.

Роланд выпрямился.

— Я просто...— тут он увидел свет, услышал звуки приближающихся воздушных судов.— Господи! Кто это?

— Хочешь остаться и узнать?

— Джейк?— это Сукума-Тейлор, одна голова торчит из спального яйца.

— Беда, Джон,— сказал я ему.

Яйцо раскололось и открылось, и Сьюзен встала на ноги, нагая, руками она обняла себя, чтобы спастись от холода, гримасничая от пронзительного мороза.

— Всем выскочить из дома и в кусты! Быстрее! Рассыпьтесь!

Джон неуверенно поднялся на ноги. Сьюзен нагнулась, чтобы найти свою одежду, но я накинулся на них обоих, схватил одеяло и накинул его на Сьюзен, потом вытолкал их обоих оттуда. Сьюзен крякнула, споткнулась, и я поймал ее.

— Извини, нет времени, Сьюзи. Бегите! Оба!

Они побежали прочь.

На пути к заднему двору я попытался схватить спальное яйцо, промахнулся, но случайно зацепил свою куртку ногой. Я подхватил ее и помчался, на ходу надевая куртку.

У задней двери я налетел на Роланда, вытолкал его прочь, схватил за плечи и направил примерно на девяносто градусов в сторону от того направления, которое выбрал для побега сам. Поисковый луч ударил по дому, отбрасывая резкие тени на землю.

Кусты были расчищены примерно на десять метров от дома, и я бросился к краю еще уцелевшей полосы кустарника. Я почти уже скрылся в ней, когда диск света бешено заплясал справа и впереди от меня и накрыл меня совсем. Я бросился в укрытие за вурлитцеровским деревом, но я знал, что меня засекли. Зажигательный луч ударил с пламенем и дымом в землю очень близко от меня. Свет на меня не падал, но они примерно знали, где я нахожусь. Я переждал секунды три и помчался влево, чувствуя, как маленькие колкие частицы на земле впиваются мне в подошвы. Я прижался за другим деревом и стал ждать, глядя, как резкий круг света прометает землю. Дыхание флиттера теплом отдавалось на моей коже, вихрило пыльные смерчи у ног. Летательных аппаратов было больше, чем один-два. Целые созвездия красных и зеленых огоньков испещрили ночное небо, они зависали, метались по сторонам, перескакивали туда-сюда. Поисковые лучи обшаривали территорию перед домом и за домом.

Еще один заряд взорвался возле меня, разорвав бочкообразное растение в веере брызг, превратив его в пар.

Быстрая мысль: ведь у них же есть приборы ночного видения. Зачем им поисковые прожекторы?

Ключ от Сэма был у меня в кармане. Я вытащил его и вызвал Сэма. Я не пробовал это сделать раньше, потому что мне казалось, что мы находимся за пределами расстояния, на котором действует связь, но теперь решил попробовать.

— Джейк?..— Треск.— Это ты?

— Сэм? Можешь меня записать?

— (Треск)... Джейк? Поближе!..(кр-р-рак!)

— Сэм, если ты можешь меня записать, то меня вот-вот заметут колониальные власти. Колониальные власти. Записал? Я буду в отделении милиции в городе. Подтверди запись, Сэм.

Ключ плюнул, затрещал статическим электричеством и — все.

Еще один заряд зашипел сзади от меня. Я снова побежал, на сей раз в противоположную сторону, к дому, но стоило мне оказаться на открытом пространстве, как еще одна шипящая молния ударила в землю меньше чем в метре от меня. Я остановился в грязи, как вкопанный. Они загнали меня в ловушку. Видимо, эти выстрелы намеренно не попадали в цель. Я встал на ноги, и прожекторы ударили в меня ослепительными снопами света.

— Джейк! — это голос Дарлы сзади.

— Дарла! Стой, где стоишь!

— Эй! Там! — она не слышала меня из-за грома флиттеров.

— Дарла, оставайся там, где ты есть! Они держат меня на прицеле.

Там, на равнине, стрелы света отыскали остальных. Я увидел, как Джон поднимает руки в знак того, что сдается, Сьюзен рядом с ним кивает головой, скорчившись от холода. Я посмотрел налево. Роланд, единственный из нас полностью одетый, плелся обратно к дому, подняв руки, а прожектор высветил его, как солиста на сцене в казино Лас-Вегаса.

Громкоговоритель проревел:

— ДЖЕЙКОБ МАК-ГРОУ?

— Это я! — я помахал рукой.— Я тот самый человек, который вам нужен!

— КОЛОНИАЛЬНАЯ МИЛИЦИЯ! ТЫ ПОД АРЕСТОМ.

— Так я и понял,— ответил я, обращаясь к мертвым осколкам вурлитцеровских трубок под ногами. Флиттер слетел вниз и приземлился. Я поднял руки и бросил пистолет.

Сзади Дарла открыла огонь по спускающемуся воздушному судну, ударив его из пушки по переднему левому пропеллеру. Искры поднялись от металла, и статические заряды заиграли там, где удар Дарлы пришелся по металлу. Вальтер сработал здорово: заряды плясали, как дервиши.

Ответный огонь был немедленным и точным. Харканье пламени и струйки дыма взвились от того места, откуда Дарла

только что стреляла. Вальтер не ответил на огонь. У моих ног упали куски срезанных веток кустарника.

Я окаменел душой и телом. Я таращился на гаснущее пламя там, где наверняка лежало тело Дарлы, и вспомнил свой сон как раз перед тем, как проснуться, насчет странной руки. Мне так хотелось, чтобы эта рука появилась бы снова, схватила бы меня за шкирку и вытащила бы из этого кошмарного метасна, который на деле называется жизнью.

Глава восьмая

Менты одинаковы всюду и во все времена.

Я стоял перед письменным столом в отделении милиции с голой задницей, но в кожаной куртке.

Какой-то шутник, проходя мимо, остановился, чтобы с насмешкой прошептать мне в ухо:

— У вас что, новый портной?

Полицейский у стола показал огромные желтые лошадиные зубы в ухмылке. Ему показалось, что шутка была просто хоть куда. Те менты, которые притащили меня из флиттера, посчитали эту хохму просто ядром остроумия.

Шутник прошелся по коридору, все время оглядываясь через плечо.

— А? Как насчет портного? — спросил он, пытаясь выжать свою хохму до последней капельки сока. Он открыл дверь в свою комнату, не дожидаясь ответа. Но, честное слово, ответ у меня был наготове.

— Место постоянного жительства? — внезапно мент за столом стал страшно деловитым.

— 221-Б, Бейкер-стрит, Лондон, Англия.

— Планета? — тут его осенило: дошло.

— Слушай, Мак-Гроу, — сказал он, поднимая на меня усталые, но честные глаза полицейского. — Я спросил у тебя твой адрес. Когда вернутся те, кто обыскивает твое логово, я все равно спишу те же данные с твоих документов. Поэтому давай-ка покончим с этим легким путем. Ладно? — он выпрямил плечи за столом. — А теперь... постоянное место жительства?

— Изумрудный город, Волшебная страна.

— Название плане...

И снова он замедленно соображал. Потом он оскалился на меня и зарычал.

— Слушай, ты, грязный кусок МЕРТЕ, я еще раз спрошу тебя про твой постоянный адрес, а потом ты очень пожалеешь, что причинял мне хлопоты.

— Факата теуйс фамилос проксимос, — это была фраза на интерсистемном, которая предлагала ему пойти и поиметь се-

ксуальные отношения с различными членами своей ближайшей родни, преимущественно с семьей.

Этим я заслужил ловкий удар ребром ладони по рту. Ржавый вкус крови просочился сквозь зубы в рот.

У них у всех замедленная реакция. Только тут второй мент схватил его за руку и сказал:

— Ты что, его нельзя бить. Они не хотят. У нас же есть приказ.

Тот, кто сидел за столом, свирепо отдернул руку.

— Не смей делать этого снова, Фрейзер,— предупредил он.— Подальше от меня свои паршивые лапы.

— Фред, извини. Но у нас же есть приказ. Мы должны держать его здесь, пока не появится полковник. Мне даже думается, что нам не надо заносить его в журнал арестов. Лучше стереть эту запись.

— А тогда за каким чертом он тут стоит?

— Не знаю. Привычка, наверное. Они сказали, что...

— Тогда уведите его с глаз моих долой!!!

Бормоча что-то себе под нос, Фрейзер подтолкнул меня к креслу, сиденье было металлическим и очень холодным.

Там я ждал примерно минут десять, пока кто-то очень большой и очень важный не прошелся по коридору к письменному столу, а вслед ему целая орда шишек рангом пониже вытягивалась в струнку по дороге. То был крупный мужчина, мясистый и жирноватый, на его мундир в полосочку, ярко-голубую и белую, пошло больше ткани, чем понадобилось бы на целый палаточный городок беженцев. Рыжие усы расцвели буйным цветом и курчавились под прямым носом. Глаза были ледяного синего цвета, полные решимости и холодной сдержанности. Он промаршировал мимо меня, неся в руках какую-то папку, зажав под мышкой тросточку, и полуголый человек, мимо которого он прошел, просто для него не существовал.

Когда он прошел мимо письменного стола, прозвучали три слова:

— Ин лей аменаta — проведите его ко мне.

Через минуту или две меня провели снова по лабиринту коридоров в офис размером с небольшой вокзальчик. Меня поразили размеры отделения милиции. Голиаф — планета пограничная, из того, что я мог видеть своими глазами, ее только что начали заселять. Однако эта планета была прямо между двумя мирами с перекрестками Космострады, это положение было стратегическим.

Знак на дверях гласил на двух языках:

ТЕНЕНТА ИНСПЕКТА лейтенант-инспектор Элмо Л. Рейли.

У меня было ощущение, что я не встречу человека по имени Элмо. Это оказалась маленькая комнатенка без окон, с металлическим письменным столом, металлическими полками, не-

сколькими картами и плакатами на стене, на книжной полке стояла фотография семьи, а сама полка была чистая и не захламленная. Химический свет с потолочной панели слегка смягчал суровость помещения, но это все равно было холодное и стальное место. Крупный человек уселся у письменного стола, положил тросточку направо, папку налево. На нем все еще была белая фуражка с кокардой, полной каким-то пышным гербом.

— Вас допросит полковник-инспектор Петровски,— сказал Фрейзер и плюхнул меня на холодный металлический стул.

— Это не допрос,— поправил его Петровски.

Фрейзер выскользнул за дверь. Интерсистемный язык Петровски был тяжело гружен славянским задумчивым акцентом.

— Тогда что это такое?— спросил я на самом отчетливом системном языке, на какой меня только хватило.

— Это будет зависеть от многого. Вы можете оказаться, правда, не обязательно, серьезным и важным свидетелем преступления. Вы можете оказаться и подозреваемым. Это тоже от многого зависит.

— А от чего, могу я спросить?

Синие глаза просверлили во мне дыру.

— От того, что вы мне скажете и что я восприму как правду.

— Тогда это допрос,— решил я.

— Нет. Встреча по обмену информацией.— Нет, он положительно был влюблен в сложные и запутанные определения вещей.

Я переключился на английский.

— Это эвфемизм.

— Кверос?— он поморщился от раздражения.— Вы плохо говорите на интерсистемном. Вы ставите глагол в начале или в середине предложения, как это делают все англоговорящие. Очень хорошо, я стану разговаривать с вами по-английски.

— Отлично. Мне трудно вести разумную беседу на свинской латыни.

— На «свинской латыни»? Это означает, что вы не одобряете официальный язык колоний?

— Как большая часть искусственных языков, это лингвистический, культурный и политический компромисс. Эсперанто или интерлингва гораздо лучше, пусть даже и они не совсем адекватны своим задачам. Линкос гораздо лучше подходит для общения с инопланетянами. И, что бы ни говорили лингвисты, интерсистемный все-таки очень сильно склоняется в сторону привычек индоевропейских языков.

Он крякнул.

— У нас получается очень интересная академическая дискуссия. Как бы там ни было...— он открыл свой портфель и вытащил аппарат-чтец и набор пипеток. Потом заправил чтеца,

постучал по панели управления, пока не добился нужной ему настройки.

Потом он резко перевел на меня взгляд.

— Что вы знаете об исчезновении констебля Моны Бэрройс?

— А что я должен знать?

— Не играйте словами. Вы что-нибудь знаете?

— Да.

— Она остановила вашу машину на участке Грумбридж?

— Да.

— Потом произошла встреча с патрульной машиной?

— Да.

— И патрульная машина сожгла машину констебля Бэрройс?

— Да. Вы и сами это знали.

— Знали,— сказал он спокойно.— Оружие на вашем тяжеловозе не способно причинить такие разрушения. Мы нашли следы перехватчика, его радиоактивные выбросы. Показатели приборов сказали нам, что это была патрульная машина.

— Тогда зачем вы меня спрашиваете?

— В таких вопросах свидетели, если они есть, обязательно должны быть допрошены,— сказал Петровски.

— Лучше всего сказать вашим дорожным фараонам, чтобы не делали того, что сделала Бэрройс.

— Она следовала приказам. Закон должен выполняться. Мы не можем продолжать действовать под диктовку внешних сил, причем не имеет значения, насколько они технологически превосходят нас.

— Ну, опять же, Космострада не принадлежит нам,— сказал я.

Петровски поглядел на стол. На экранчике его прибора пробегали тоненькие крохотные символы. Не поднимая от них глаз, он сказал:

— Что вы можете рассказать мне о событиях, которые имели место на Деметре три стандартных дня назад в мотеле под названием «Грейстоук Гровз»?

— Простите мне, если я спрошу, какие события вы имеете в виду?

— Те,— прочел он с экрана,— которые касаются смерти человека по имени Джоэл Дермот.

— Я никогда про него не слышал. Как он умер?

— Он стал жертвой наезда, когда водитель скрылся с места происшествия без оказания помощи.

— Увы. Должно быть, это случилось, когда я уже уехал.

— Вы не выписались из мотеля.

— Верно. Я очень спешил.

— Куда вы спешили?

— По делу.

— Куда именно?

— Сюда,— ответил я.

— На Голиаф? Но ваше место назначения — Ураниборг.

— Да, окончательное место назначения. Но сперва я хотел заехать сюда.

— С какой целью?

— Чтобы обсудить свои дела с людьми, которых ваши подчиненные вытащили из постелей прошлой ночью.

— Та религиозная группа? Это было неизбежно. Что за дело у вас к ним было?

— Оно вас не касается,— сказал я ему.

Ледяной взгляд приморозило еще на пару градусов.

— Отказ сотрудничать с нами вам не поможет.

— Я официально нахожусь под арестом? Будет ли мне предъявлено какое-нибудь обвинение?

Секундное колебание.

— Технически — официально — вы не под арестом. Вы находитесь под защитой...

— Что?! — я сам удивился молнии гнева, которая пронизала меня. Я вскочил на ноги, не обращая внимания, что все мои принадлежности качаются нагишом перед глазами полковника.

— Тогда я требую моего немедленного освобождения. Вы немедленно прикажете снять с меня эти молекулярные наручники и вернуть мне всю мою одежду.

Он невозмутимо сказал:

— Мистер Мак-Гроу, ваше положение не таково, чтобы...

— Мое положение таково, что плевать я на него хотел,— выпалил я ему.— Мне не предъявили постановления на арест, мне не предъявили никакого обвинения, меня не задерживали по обвинению, чтобы можно было арестовать меня на трое суток. Мне не дали возможности переговорить со своим адвокатом. Я вполне хорошо оценил свое положение, чтобы подать в суд на вас и на всех участников этого фарса.

Петровски откинулся на спинку стула, его вполне устраивала возможность дать мне выкричаться.

— Более того,— орал я дальше,— у вас нет никаких улик и никакой разумной причины, чтобы оправдать ваше поведение и то, что вы меня взяли под стражу.

Петровски потрогал рыжие кудри, украшавшие его верхнюю губу.

— Улики можно получить. Например, кусочки тканей с вашего тяжеловоза.

Что означало: они пытались именно это и сделать, но у них ничего не получилось. Сэм потом будет мне про это рассказывать долгими зимними вечерами. Должно быть, Вонючка совсем быстро собрал Сэма воедино, а то Петровски весьма ловко нашел бы свои доказательства и улики.

— Можно получить? Значит, вы арестовали меня просто по предположению?

Я сам не собирался поднимать этот вопрос, но в разговоре совсем не прозвучало имя Уилкса или кого-нибудь из свидетелей. И вообще не говорилось ни о каких жалобах, которые подавал Уилкс.

— Пожалуйста, сядьте, мистер Мак-Гроу. Вид оттуда, где я сижу, мне не нравится.

— Я также сделаю все, что в моих силах, чтобы открыть дело по расследованию об убийстве моей подруги Дарлы...

Тут я резко запнулся. А как фамилия Дарлы? О господи, я не знал. Тут мои паруса окончательно потеряли ветер, и я стоял молча, помаргивая.

Петровски вдруг испытал прилив великодушия.

— Я вам вот что скажу, мистер Мак-Гроу. Вас развяжут и... э-э-э... дадут какую-нибудь одежду при условии — одном условии,— что наши разговоры будут продолжаться.

Он повернул ко мне мозолистую ладонь.

— Может быть, мы сможем говорить на более дружеских тонах. Согласны?

Я молчал. Он нажал большим пальцем кнопку вызова на панели коммутатора.

— Вы ведь со мной не были абсолютно честны и искренни, мистер Мак-Гроу. Но и я, должен признаться, не полностью откровенничал с вами.

— Вот как? — это все, что я мог сказать.

Фрейзер просунул в дверь голову.

— Да, сэр?

— Снимите молекулярные наручники,— приказал Петровски.— И найдите ему пару брюк.

— И ботинок,— сказал я.

— И ботинок,— согласился Петровски.

— Да, сэр, да, полковник-инспектор,— Фрейзер вошел и освободил меня от наручников.

Петровски вытащил пачку сигарет, по которой ползали каракули на кириллице. Потом зажег одну сигарету старинной зажигалкой с колесиком и фитильком. Он толкнул пачку и зажигалку через стол ко мне. Я мечтал о сигарете и закурил. Сделал одну затяжку, пожалел, что вообще ее взял, зашелся кашлем и сел на место.

С минуту мы глядели друг на друга. Потом Петровски тяжело выпустил воздух и откинулся назад, отступив в терпкую голубоватую дымку своих сигарет. Он нашел что-то интересное на потолке.

Прошла минута, потом Фрейзер приоткрыл дверь и бросил в щель пару серых форменных штанов.

— Ботинки ищем,— сказал он.

Петровски встал и стал изучать карту Максвеллвилля. Я на-

тянул штаны. Они довольно хорошо на мне сидели, пусть даже были немного коротки в штанинах.

Я уселся и ждал, затягиваясь сигаретой.

Наконец Фрейзер вернулся и протянул мне ботинки.

— Это мои собственные запасные,— сказал он мне.— Когда тебе принесут свои собственные, ты мне вернешь эти.

— Спасибо.

— Ладно, не за что.

Дверь закрылась, и Петровски снова уселся.

— А теперь, мистер Мак-Гроу, я не стану задавать вам никаких предварительных вопросов и сразу перейду к делу весьма серьезному и важному.

— А именно?

— Тот артефакт, который оставили строители Космострады.

Сплетни, слухи, дорожная чушь, бред — все это стало совершенно незыблемой, алмазно твердой реальностью, как только прозвучало из уст официального чиновника. Меня это потрясло.

— Что-что?

— Артефакт. Карта. Карта Космострады.

Я медленно покачал головой.

— Я ничего подобного не знаю.

Петровски погладил крышку стола, глядя на меня, пытаясь определить степень моей искренности.

— Тогда почему,— спросил он меня ровным голосом,— все думают, что она находится в вашем распоряжении?

Я не видел никакой пепельницы и уронил наполовину выкуренную сигарету себе под ноги.

— Вот это, мой ненаглядный блюститель закона,— я свирепо растер окурок,— и есть вопрос на биллион в полосочку кредиток. Мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь объяснил мне то же самое.— Я уселся обратно и скрестил ноги.— Кстати, а кто такие эти «все»?

— Представители различных рас, различных профессий, и мы, колониальные власти, я должен сказать.

— Ну а кто еще конкретно, за исключением властей?

— Я не могу представить себе ни одной расы внутри Расширенного лабиринта, которая не мечтала бы завладеть такой картой, особенно сейчас, когда мы знаем, что ретикулянцы мечтают ее захватить, и мы специально стремимся им в этом помешать. И рикксы, и кваа-джхины. У них есть свои агенты. Это мы знаем. Но все указывает на то, что есть многое, чего мы не знаем.

Я взял еще сигарету. Я бросил курить много лет назад, но есть такие кризисные моменты, которые просто просят никотина.

— Почему? Вот мой единственный вопрос,— сказал я, ще-

лкая зажигалкой, чтобы погасить в ней огонек.— Почему этот вымышленный артефакт настолько важен?

Я мог догадаться, но мне нужны были те причины, которые он назовет.

— Да просто сами подумайте, мистер Мак-Гроу. Подумайте о том, что это означало бы.— Его тон был больше академическим, нежели восторженно фанатичным.

— Есть ли у вас представление, насколько это продвинет наши попытки разрешить загадку Космострады? Разве это не стало бы открытием веков?— Он оперся о стол и поднялся на ноги, а лишняя сила тяжести для него самого превращала его массивное тело в изрядную обузу.

— В какую сумму вы оценили бы карту, мистер Мак-Гроу?— он стал расхаживать по кабинету, сложив на груди массивные руки.

— Ну ладно, допустим, такая карта пользуется большим спросом, чем горячие пирожки,— я чуть не поперхнулся затяжкой.— Допустим, вы узнали с ее помощью, что Космострада разветвлена по всей вселенной, вы найдете миллионы прочих рас, живущих во всех ее уголках. Чем больше, тем веселее. Мы бы и так их нашли раньше или позже.

Петровски поднял палец и помахал им.

— Подумайте. Подумайте, к чему еще могла бы привести находка такой карты.

Я был уже окончательно сыт по горло всем этим. Я не ответил. Все, что я мог в данный момент придумать — это то, что в один миг Дарла была в моих объятиях, а в следующий момент я смотрел, как она погибла. Петровски начал говорить снова, но я его не слышал. Дарла...

— Вы можете представить себе все это? Вы же должны понять, что возможности просто потрясают.

Он остановился и стал раскачиваться взад-вперед на каблуках, немного рассерженный, что я не обратил на него должного внимания.

— Я сказал, что есть возможность предполагать, что карта приведет нас к самим строителям Космострады.

Я глубоко затянулся, мои легкие уже получили достаточно яда, чтобы выдержать такой удар.

— Ага. А они себе спокойно держат магазинчик придорожных товаров на Межзвездной улице, 84.

— Магазинчик?— он зашел за свой стол.— Разумеется, это шутка. Но разве вы не видите, что такая возможность делает карту бесценной?

— Но ведь строители Космострады давно мертвы, по крайней мере, так гласит молва.

— Да, но остатки их цивилизации? Наверняка что-нибудь да уцелело. Уцелела же Космострада? Подумайте только обо всех тайнах, мистер Мак-Гроу. Тайны самой технологически

совершенной расы во вселенной. Может быть, вообще такой больше не существует и не будет существовать.

Ну что же, теперь я знал цену мифической карты. Причем оценка полковника совпадала с моей.

Он наклонился над письменным столом, подпершись руками, огромные волосатые лапы разлеглись по крышке стола. Он внимательно посмотрел на меня.

— Кто сконструировал порталы? — продолжал он.— Только та раса, которая смогла взять верх над самыми основными законами жизни во вселенной. Рассмотрим цилиндры. Такие плотные массы, как эти, могли бы существовать только в черных дырах. И тем не менее цилиндры явно дело чьих-то рук, это не самопроизвольные образования. Как их сконструировали? Почему они не разрушают тех планет, на которых находятся? Какие титанические силы поддерживают их в нескольких сантиметрах от земли? Все это вопросы, мистер Мак-Гроу. Тайны. А вам самим никогда не приходилось задумываться над этим?

— Да, приходилось, частенько,— сказал я.— Но у меня есть еще один вопрос — к вам. Почему во имя священной вселенной все на свете думают, что именно я — тот человек, у которого есть ответы на все ваши вопросы? Почему вы так думаете?

Петровски тяжело опустился в скрипучее вертящееся кресло, вынул еще одну сигарету и прикурил ее.

— Я-то, кстати,— сказал он между одной бешеной затяжкой и другой,— так и не думаю.

— Вы — нет? — я затянулся трижды.— Вот как?

— Но это мое личное мнение, понимаете? — он выпустил бледный дым метра на четыре через всю комнату.— Я отношу карту Космострады к таким же явлениям, как, скажем... копи царя Соломона, золото Монтесумы, философский камень и так далее. Как это по-английски говорится? А, сказки для маленьких детишек. Нет, есть еще одна поговорка...

— Достаточно будет сказать, что это — «погоня за несбыточным». Я понимаю, но это не ответ на мой вопрос. Почему я? Почему вы думаете, что эта вещь именно у меня?

— У вас, возможно, есть что-то. Или, если выражаться точнее, возможно, вы хотите, чтобы люди считали, что у вас что-то есть. Убедительная подделка — хотя мне даже трудно представить, как она может выглядеть — может принести вам немалую сумму денег. А что касается вашего вопроса, я могу только говорить про колониальные власти. Мы занимаемся вами именно на основе этих слухов.

— Что?! Я такому поверить не могу.

Петровски вытащил рывком сигарету из ее уютного гнездышка в усах и выпустил на меня дым.

— Может быть, я вас ввел в заблуждение. Я мог случайно создать у вас впечатление, что все сильнейшие ведущие силы

колониальных властей собрались идти на вас походом. Нет. Я возглавляю специальное разведывательное подразделение внутри милиции. Наша главная роль состоит в том, чтобы расследовать все вопросы, которые относятся к тайне Космострады. У меня есть штат из пяти человек и несколько, если можно так выразиться, полевых агентов. Мой ранг и положение позволяет мне иногда для служебных целей набирать силы, необходимые для такой операции, свидетелем которой вы были сегодня рано утром.— Он снял фуражку и бросил ее на свою папку. Короткие его волосы были цвета свежей моркови.

— Это расследование — одно из многих. Многих. Нам приходилось рассматривать множество рапортов о различных необъяснимых событиях, замеченных, но неопознанных предметах, феноменах... слухах. Ни один из них не принес нам ничего большего, чем обычный набор фантазий, «погоню за недостижимым», как вы это очень удачно описали.

Он бросил на пол окурок, все еще довольно длинный, и сразу же наступил на него. Мне показалось, что и ему стало тошно наконец от собственных сигарет.

— Я буду еще более откровенным с вами, сэр. Мне не нравится моя работа, но это мой долг. Что же касается карты Космострады, у меня нет своего мнения относительно ее существования или несуществования, когда я увижу ее своими собственными глазами, я в нее поверю. Понимаете? — глаза его на кратенький миг оттаяли.

— Да.

— Так вот,— он хлопнул ладонями по столу.

— Скажите мне,— начал я, пытаясь перевести его на другие вопросы,— а почему такой рейд против нас? Почему вы не могли просто прийти в дом с ордером? Или без такового?

— Я как раз собирался об этом сказать,— ответил он,— как я уже вам сказал, в своем интересе к вам, равно как и в своей слежке за вами, мы не одиноки. Мы также следим за теми, кто следит за вами. Нас особенно интересуют ретикулянцы. Мы следуем за ними, следим очень внимательно за сферой их интересов, а они приводят нас прямехонько к вам. Весьма примечательно. Но кто может понять инопланетную психологию?

Он улыбнулся, в первый раз за это время. Улыбка была мимолетна, но искренна.

— Как я уже сказал, мы проследили ретикулянцев сюда, отсюда наш интерес к вам. Они не направились в Ураниборг, как направились мы. Мы потеряли их след в Максвеллвилле. Как бы там ни было, констебль, который совершал обычное патрулирование, наткнулся на них на Космостраде, где они встали к востоку от города. Естественно, он не мог ничего сделать. Он спросил их, может, им нужна помощь по части починки машины, но они ответили, что у них все в порядке. Однако констебль все равно внес их в рапорт. Та машина-тяжеловоз, на которой

они ехали, вполне могла перевозить внутри маленькую легковушку, в то же примерно время мы сумели отыскать вас у телеологистов. Это было не так трудно, но заняло изрядно много времени. Однако было вполне очевидно, что эти инопланетяне станут делать. Они встали на Космостраде в точке, удаленной примерно на семьдесят километров от фермы. Я немедленно приказал провести «рейд», как вы его назвали,— он снова улыбнулся.— Вы видите, мистер Мак-Гроу? Этот рейд был предназначен для вашей же защиты. Мы, если признаться, уже ждали того, что ретикулянцы полностью захватили вас. К счастью, мы приехали вовремя.

— Понятно.— Почему-то с ним было трудно спорить. Если учесть, что Роланд заснул, а мы все были до смерти измучены, у нас не было ни малейшего шанса противостоять рикки-тиккам. Но оставался еще вопрос Дарлы.

— Где теперь мои друзья?— спросил я.

— Не знаю. Их тоже расспрашивают. Мы ими не интересуемся.

— Вы предупредили их насчет ретикулянцев?

— Ну, не совсем такими словами. Мы сказали, чтобы они ожидали вторжения посторонних. Мне кажется, они уехали и отправились в город.

И снова — никакого упоминания об Уилксе в этих речах, что само по себе весьма примечательно. Но у Уилкса на всяких высоких постах есть приятели. Вне сомнения, Петровски знал, что Уилкс был замешан в историю с картой Космострады, но мне непонятно было, каким образом Уилкс был связан с ретикулянцами.

На экране чтеца затанцевали символы. Петровски прищурился на экран, стальные мышцы его челюстей напряглись. Он ткнул в панель управления пальцем, похожим на сардельку, и кассета начала прокручиваться назад.

Он перевел взгляд на меня.

— Мне кажется, сэр, что наша беседа окончена.

— Угу. Так что, я могу идти?

Он не ответил. Чтец издал что-то вроде «фырк-динь», и Петровски поднял аппаратик, надел снова фуражку, открыл папку, бросил в нее чтеца. Он откинулся подальше назад в кресле и соединил ладони на животе.

— Боюсь... что пока нет.— Металл кресла застонал, словно собирался сломаться и распасться от усталости на мелкие кусочки.

— У меня здесь нет возможностей продолжать свое расследование дальше. Вам придется последовать за мною на Эйнштейн, где это расследование, возможно, закончится.

— Тогда, значит, вы имеете в виду прогнать меня через дельфийскую серию?

— Если это понадобится.

Извращенная логика завязала мои мозги в узлы.

— Послушайте,— сказал я, пытаясь убрать из голоса нотку раздражения, которая, как я понимал, все равно прорывалась наружу.— Вы же почти ясным языком сказали, что не верите, что у меня есть карта Космострады. И все же вы хотите прогнать меня через дельфийскую серию, чтобы убедиться, что ее у меня нет.

— Я должен следовать правилам ведения расследования, невзирая на свои личные чувства. Если вы что-нибудь знаете, это узнаем и мы. Если карта Космострады действительно реальность, то мы будем это знать, и вся эта история — просто бредни или политическая интрига, мы тоже будем это знать.

В слове «политика» прозвучали странные тона, поэтому я был заинтригован.

— Политическая интрига? Как такое может быть?

— Все возможности надо принимать во внимание,— сказал он, немного отводя взгляд, словно жалел, что вообще упомянул политику.

— Во всяком случае,— сказал я, думая о том, что хорошо бы как раз сейчас и сбежать,— дельфийская серия была бы совершенно нелегальна в такой ситуации.

— Без должного разрешения — да. Но у меня есть такое полномочие,— руки его расплелись, и он развел ими, а потом снова сплел.— Техника дельфийской серии не причиняет постоянного вреда. Вы и сами это знаете.

Неужели Фрейзер был у дверей? Наверное, был.

— Да, конечно, но на время я превращусь в калеку. Как после лоботомии.

— Это преувеличение.

— А я-то думал, что колониальные власти недавно издали закон, который объявлял дельфийскую серию нелегальной.

— Да, но есть и исключения. Язык закона весьма ясно это объяснял.

Да кому какое дело, как Ассамблея колоний нашла выход из этого положения? Они там все бюрократы, им бы только печатями шлепать.

— И все же,— продолжал я,— у вас нет ничего, чтобы задерживать меня.

Сколько, интересно, человек за дверями? Двое? Трое? Один? Наверное, двое. Фрейзер и еще один.

— Вы неправы,— говорил мне Петровски.— У нас есть показания менеджера мотеля.

— Переса? А что он мог вам сказать?

— От него мы составили вместе картину того, что произошло.

— У меня есть такое чувство,— догадался я,— что Перес на самом деле не был свидетелем дорожного происшествия.

Петровски наклонил голову набок.

— Правильно.

Мне приходилось признать, что в некоторых вопросах этот человек был скрупулезно прям и честен.

— Однако его показания дают нам так называемую вероятную причину происшествия, которое вы упомянули раньше. Кроме того,— он беспомощно пожал плечами,— есть мертвое тело, которое необходимо объяснить. Вы должны понять.

— О да, конечно.

Петровски был искренен, но в руках у него были все козыри.

— Разумеется,— продолжал он, играя большими пальцами где-то возле своего солнечного сплетения,— если у вас есть какие-либо сведения, которые могут меня заинтересовать, и вы добровольно передадите их мне, дельфийская серия, конечно, не понадобится.

— Замечательный пример средневековой логики.

Петровски нахмурился.

— Не понял.

— Я думаю, что поняли. Кстати, вот вам стульчик.

Я поднял стул между ног и швырнул его через письменный стол прямо ему в физиономию. Мощная рука заслонила лицо и пыталась защититься от удара, но немного поздно. Спинка стула попала ему в переносицу, и он опасно откинулся назад, зажав руками нос, пока он не перекинулся через спинку стула и не упал со стулом вместе на металлическую книжную полку, уставленную призами, чашами и кубками. На него с громом и грохотом посыпались полки. К этому времени я уже скорчился возле дверей. Двери с треском распахнулись, и Фрейзер влетел внутрь, держа руку на пистолете. Я дал ему войти, но зато дал ребром ладони по шее его напарнику, который влетел за ним по пятам. Мент обмяк у меня в руках, и я подпер его одной рукой, а второй схватился за его пистолет. Фрейзер был у письменного стола, все еще копался в кобуре, пытаясь вытащить пистолет.

— Эй,— сказал он, и это все, что он смог сказать, прежде чем его напарник полетел прямо к нему, подгоняемый одним из запасных ботинок Фрейзера, который пришелся напарнику как раз пониже спины.

Друзья обнялись и упали вместе на письменный стол. Я выглянул в коридор, вышел и захлопнул дверь.

Я уже прошел половину коридора влево, когда услышал, что кто-то вот-вот выйдет из-за угла коридора, который пересекал мой. Я выпалил с полдюжины зарядов в стену возле угла, посылая каскады дюропены в физиономию старого Фреда, как раз когда он выходил из-за угла. Он отпрянул, закрыв лицо руками. Я рванулся по коридору назад, прикрывая свой зад выстрелами через каждые три шага, а пока я мчался, то встретил бедного Фрейзера снова как раз в тот момент, когда он выбегал из кабинета, наконец выхватив свой пистолет. Я остановил его

собственным телом, добавил ему удар локтем в зубы для ровного счета и отправил его падать обратно в кабинет, а его пистолет уже катился, подскакивая по коридору. Я повернулся на углу и увидел, что этот коридор свободен. Я бросился в темный кабинет, чтобы прислушаться и переждать, думая, что пропущу таким образом все вспомогательные силы, когда они встретятся на том месте, с которого пошла вся заварушка.

Я проверил свой пистолет. Это был «горбатов» стандартного образца, стреляющий дробью. В магазин входило восемьсот зарядов, и он был почти полон, но зато энергия была почти на нуле. Я немного поудобнее пристроил пистолет в руках и высунул нос за дверь. Я услышал грохочущие шаги, вопли. Не мешало бы еще узнать, в какую сторону выход. Я потерял ориентацию. Вон туда по коридору и направо — нет, та дорога вела к письменному столу в холле и к выходу, через который меня привели. Задняя дверь должна вести на стоянку и к машинам отделения. Но где она?

Двое прошли за угол справа от меня, и я прикрыл дверь и стал ждать, пока они пройдут. Я прождал еще примерно секунд пять, потом выбрался и на цыпочках прошел туда, откуда они пришли, надеясь таким образом отыскать задний вход. Я оглянулся на бегу и увидел, как тень легла на пол и метнулась по полу. Я развернулся, упал на пол и выстрелил, причем «горби» зажужжал, как сердитое шмелиное гнездо. Человек за углом встал на ноги.

— Бросай!..— но это было все, что он успел сказать.

Пистолет вылетел у него из кисти, а потом и несколько пальцев.

Остальные части его тела были защищены стеной, кроме колена и ноги. Его брюки разлетелись облаком кровавых ошметков, а закаленная дюропена стены задымилась, когда «горби» выхаркнул свои пятьдесят зарядов в секунду. Я перестал стрелять и перекатился на другую сторону холла, прижавшись там к стене. Я услышал стон и глухой стук.

Мне не нравилось то место, где я был. Я поглядел на холл за своей спиной, но никого не было видно.

Приглушенные спорящие голоса. Потом хриплый шепот:

— Не хочу, чтобы вы его убивали! — Петровски.

Я воспользовался преимуществом их колебаний, чтобы вскочить и побежать, поливая коридор за своей спиной мощным потоком выстрелов. Я пробежал через следующее пересечение коридоров и застиг врасплох двух ментов, которые планировали напасть на меня сзади. Я продолжал стрелять назад на бегу, бросился вправо, пробежал мимо полок с картонными коробками, мимо ряда шкафчиков для одежды, а потом нашел двойные двери. Я присел и аккуратно и осторожно приоткрыл одну из дверей. Огромные двери гаража были закрыты, несколько патрульных машин стояло на домкратах, но не было

никаких механиков и ни одной машины, которой можно было бы воспользоваться. Однако в углу была еще и маленькая дверь, и я промчался к ней, прекрасно зная, что я потерял время и теперь наверняка все выходы будут под прицелом.

Я прижался к стене и схватился за ручку двери, аккуратно приоткрыв ее. Огонь автоматов прорезал то место, где я должен был бы стоять, если бы хотел совершить самоубийство. Луч сконцентрированной энергии прорезал воздух и зажег небольшой пожар среди полок с коробками вдоль одной из стен. Это одна из причин, почему такое оружие нельзя применять внутри зданий и помещений. На меня бросили в бой все, что можно. Пули высокого давления впивались в дюропену, рикошетивший свинец и сталь пели песни по всему гаражу.

Одна из дверей повисла на петлях: кто-то вошел. Я оглянулся в поисках убежища, но был в десяти шагах от чего-нибудь подходящего.

— Порядок, камрада. Все кончено. Бросай оружие.

Это снова был старый Фред, который нацелил на меня снайперскую винтовку поверх прозрачного фонаря полицейской патрульной машины. Он злорадно усмехался, и что-то подсказало мне, что совершенно безразлично, брошу я пистолет или нет. Но выбора у меня не было, поэтому я бросил пистолет на пол так, что слышен был стук. Фред поднял прицел до уровня глаз, наслаждаясь своим переживанием, он набрал воздуха в грудь, словно участвовал в финале турнира милицейских снайперов, он все делал, как полагалось, как надо было по книжкам, он уже видел мысленно очередной платиноиридиевый трофей для своей коллекции на каминной полке, потому что все, что от него требовалось,— это как следует нацелить свой выстрел, только нажать курок, и потом можно идти праздновать вместе с мальчиками и девочками, с соевым пивом и хрустящей картошкой...

Петровски, словно пуля, ворвался в двери и врезался прямо во Фреда, так что тот полетел через весь пол и врезался в стеллаж с инструментами. Когда прекратились грохот и звон, Фред лежал на спине под грудой металла, вырубившись насмерть. Задолго до того, как я сделал хоть долю движения, чтобы нагнуться за своим пистолетом, Петровски уже нацелил на меня свою пушку. Я был поражен его быстротой, тем, какие ловкие у него оказались и ноги, и руки.

— Так вот, Мак-Гроу,— сказал он.— Хватит нам рассуждать над тем, почему мы вас задержали, теперь всему есть причина. Правильно?— в его голосе не было никакого триумфа, просто окончательность и решимость.

— Я рад, что все так чудесно устроилось. Ей-богу, так оно и было.

Обрывок разговора донесся до меня как раз в тот момент в блоке камер, когда прозрачная дверь в мою ячейку захлопнулась и отрезала интересный разговор.

— Полковник-инспектор, я понимаю, что ваш ранг и ваши особые полномочия от центрального командования требуют от нас нашего полного содействия и сотрудничества, но я должен вам указать, что...

Тот, кто говорил, носил лейтенантские погоны и шел в той торжественной процессии, которая меня сюда привела. Он как раз и выглядел так, словно был тем самым Элмо, чье имя значилось на двери. Я растянулся на койке. У Петровски были свои проблемы, у меня — свои, но мне не хотелось думать ни над теми, ни над этими. Мне хотелось пока просто лежать здесь и дать воздуху, профильтрованному сквозь вентиляцию, омывать меня. Я слушал, как шумят машины по очистке воздуха, заглушая тишину камеры. Матрас был комкастый и вонял мочой и плесенью, но мне и на это было, в общем-то, наплевать. Я дал своим мозгам как следует отдохнуть, позволил им встрепенуться и посчитать секунды, которыми измеряется отведенное мне время, каждую порцию крови, которой сопровождается наша печаль, наша радость. И потом мне пришла в голову одна мысль: можно очень легко подсчитать хорошие минуты и радости моей жизни, потому что они так легко выделяются во всей пакости и дерьме. Хорошие вещи — это преимущественно негативные понятия: отсутствие боли, когда нет горя, нет беспокойств. Любовь, отсутствие ненависти. Удовлетворение, то есть, смерть лишений.

И я сказал себе: к черту все это.

Я решил попытаться активно думать снова, поскольку была пара-тройка таких вещей, на которых стоило попробовать свои мысли, например, парадокс — если таковой действительно существовал. Парадокс, казалось, говорил мне: ты выберешься отсюда, ты снова увидишь Дарлу, только для того, чтобы снова ее потерять. И это будет на сей раз окончательно. Мне это не нравилось, но это была правда, чего бы она ни стоила. Пока я продумал эту идею до конца, мне пришло в голову, что и это — очередная порция дерьма. Так мало я знал, чтобы продолжать всерьез это продумывать. Неужели у меня здесь действительно был двойник, будущее «я», которое действительно нашло путь в прошлое? Неужели у моего парадоксального «я» была карта Космострады? Вопросы, вопросы... и еще вопросы: кто сказал Томассо и Ченгу в тот день быть у «Сынка»? Ведь это место отстояло на несколько световых лет от их обычного маршрута. Неужели кто-то все-таки им подсказал? Тайны не прекращались, их было столько, что можно было бы загрузить ими тяжеловоз. Уилкс, ретикулянцы, власти, химера карты Космострады — кто? где? когда? почему? что? И что общего у этих проблем с политикой?

То, о чем проговорился Петровски, было самой значительной частью нашей с ним беседы. Разумеется, карта Космострады была бы замечательным трофеем для любого, кому удалось бы ее захватить.

Но колониальные власти обладали полномочиями только в земном лабиринте, и только слабая Ассамблея риторически время от времени пыталась противостоять им. Внутри Ассамблеи тоже были оппозиционные и диссидентские элементы, верно, но за ними велась тщательная слежка, они постоянно компрометировались, нейтрализовывались, уничтожались и все такое в том же роде, по крайней мере, так гласили дорожные байки. О, конечно, все говорили о том, как придет славный день и колонии достигнут какой-никакой независимости от материнской планеты, но об этом не так много разговаривали, как о том плачевном факте, что колониальные власти уже достигли де-факто определенной независимости и правили колониями так, словно именно они, власти, были колыбелью человечества, а не просто заместителем и наместником земли в земном лабиринте. Колониальные власти были обыкновенной бюрократией, раздутой, озабоченной только поддержанием собственного благополучия, как и Советы, которые ее породили, и они крепко окопались на всех планетах, которые были поближе к родной планетной системе, если ехать Космострадой, и хватка властей постепенно ослаблялась, чем дальше от Космострады находилась планета.

Но я очень мало знал обо всех событиях в последнее время, потому что поклялся не слушать новости по радио и видео очень давно. Слава богу, земной лабиринт — очень большой, и пухлые пальцы колониальных властей не могут дотянуться повсюду, не могут они контролировать и Космостраду, у которой есть своя собственная жизнь. Там, разумеется, тоже были свои подводные течения бунта и непокорности, на самых корневых уровнях, но все дело о карте Космострады пахло чем-то гораздо более глубоким и серьезным. Шла какая-то борьба за право обладания этой картой, и она простиралась не только за пределы лабиринта, она шла и в самом лабиринте. Это была охота, и многие скакали с борзыми собаками.

Кроме того, можно было бы подумать про Дарлу...

Над умывальником было небольшое зеркало. Оно было врезано в стену и отдавало пустотелым звуком, если по нему постучать. Вне всякого сомнения, его сюда поставили не с мыслью о косметических потребностях узника. Я смотрел на слепую сторону наблюдательного окошка, но это меня не беспокоило. Какое мне дело до отражения моего тридцатипятилетнего лица на теле пятидесяти трех лет от роду, которое постепенно проигрывает войну, проигрывает потому, что лекарства от старения оказались не на его стороне. Лицо слегка постарело. Люди говорят, что я постоянно выгляжу мальчишкой, но

ребенок, о котором шла речь, был папашей того старого джентльмена, на которого я смотрел сейчас. В уголках глаз — морщинки, черные волосы, пусть и курчавые, стали суше и реже, щеки немного отвисли и расслабились, кожа стала напоминать дубленую шкуру, вся в пятнах, линия подбородка — более определенная, а щетина, двухдневной давности, гораздо менее привлекательной, чем раньше.

Опять-таки, подумал я, может быть, все, что мне надо — это принять горячий душ и побриться. Я повернул лицо в профиль.

— Хороший профиль,— всегда говорила мне мама,— сильный.

Но что это за пухлый кусочек вон тут — начало второго подбородка?

Хватит. Я лег на койку. Самокопание — это не мой род невроза, кроме того, я почувствовал, как у меня начинает болеть голова.

Я подумал, могу ли я себе позволить такую роскошь, как пожалеть о своей попытке к бегству. Тот мент, в которого я стрелял, вероятно, выживет, если они направили его вовремя в больницу. Но обвинение одновременно в сопротивлении властям и попытке к бегству окажется достаточно трудным, чтобы выкрутиться. Единственное, что я мог сказать в свое оправдание — это что меня задержали незаконно, но у меня было такое ощущение, что меня это ни к чему не приведет. Кроме того, у меня еще было то обвинение, которое они мне уже попробовали предъявить: то, что я сбил человека и уехал с места происшествия, не оказав ему помощи. Совершенно верно, вел не я, но водители отвечают за свои системы автопилотирования...

Вот черт, эта головная боль явно торопилась. Я слышал, как из задней части головы, от самого затылка, идет какое-то странное жужжание, и это жужжание оставалось там независимо от того, куда я поворачивал голову. Оно все быстрее становилось все громче и громче. Я сел, чувствуя внезапную тошноту и головокружение. Я постарался свесить голову между колен, но от этого мне стало только хуже. Жужжание становилось оглушительным, словно кто-то пытался прорезать металл вибропилой прямо у меня на шее. Кровь колотилась у меня в голове, и я словно видел ее пульсацию перед глазами.

Ну что же, ничего не поделаешь. Сердечный приступ или удар. Лечение от старости имеет свои преимущества, но тело все-таки находит способ воздать вам по заслугам. Я надеялся, что кто-нибудь смотрит через окошко. Вроде как Петровски хотел, чтобы я был жив. Может быть, ему удастся убедить Элмо, что меня стоило бы отвезти в больницу.

Я сполз по стене.

... Оставить меня в живых, ведь Петровски фанатичный профессионал, но как я буду жить с каким-нибудь изосердцем... понятия не имею. Ладно, я и так ничего об этом не знаю... они до сих пор не усовершенствовали их, эти ученые. Сердца время от времени впадали в фибрилляцию без всякого предупреждения. Они не знали до сей поры, в чем дело: может быть, какой-нибудь случайный энзим, который не воспроизвелся как следует...

Я был совершенно свеж и бодр. Дверь камеры была открыта.

Я вскочил на ноги. Кто-то только что был здесь и что-то делал со мной. Что именно? В моем правом плече было жжение, что говорило за то, что мне сюда вкатили шприц чего-то, какого-то лекарства. Следа не осталось, но моя куртка была стянута с левого плеча. У меня все еще не было рубашки. Я не совсем вырубился — состояние было вроде полусна, какому подвергают в космолетах, но оно сперва очень неприятно: что-то вроде тошнотворной нирваны. У меня было абсолютно ясное воспоминание о том, как кто-то наклонился надо мною, пока я сидел тут, а я даже не удостоил его взглядом, словно это было настолько неважно, что можно было не беспокоить собственную персону. Но краем глаза я все-таки увидел какой-то частью своего восприятия очень знакомую личность, знакомое лицо. Очень даже знакомое, но лицо оставалось белым пятном, дырой в когнитивном поле, недостающим звеном. Я попытался заполнить этот пробел, но не мог. Сигнал распознавания был каким-то образом блокирован, застрял в подсознании. Я знал, черт побери. Я знал, кто это, но не мог сказать.

Но времени теперь не оставалось. Я вышел из камеры.

Возле своего письменного стола сидел вахтенный охранник, но лицо его было в тарелке рагу, глаза открыты и таращились на стену. Очень тихо я взял ключ от всех дверей, помахал им перед кодировочной пластиной и выпустил себя из блока камер.

Все в участке вырубились, кроме меня. Коридоры были завалены телами с широко раскрытыми глазами, чиновники валялись у панелей управления. Менты сидели вдоль стен, тупо уставясь на вытащенные пушки, окаменевшие и неподвижные. В одной из комнат принтер был оставлен включенным, и теперь непрерывно плевал рулон копий, рассыпая их прямо на пол. Судя по размерам этой кучи бумаги, все они были без сознания примерно минут тридцать.

Я искал контору Петровски, а если не найду, то такие места, где они хранят ценности, изъятые у арестованных, или какие-нибудь улики. Мне нужен был ключ от Сэма. Никто не проявлял пока признаков жизни, но я торопился, пробегая сквозь лабиринт белых антисептических холлов, заглядывая в комнаты и снова удирая. Офис Рейли был пуст, и нигде не было никаких признаков Петровски.

Я попробовал еще полдюжины комнат, наткнулся на комнату отдыха для персонала, где два мента были расстелены на столе, который просто тонул в пролитом напитке, нашел коммутатор, архив, набитый картотечными ящиками, библиотеку, но ничего даже отдаленно похожего на ту грозную комнату под ключом, где хранятся улики. Может быть, Петровски как раз просматривал мое имущество, когда их всех вырубили — если бы мне только его найти...

Я нашел его в еще одной комнате, где он сидел за столом прямо и неподвижно, глаза его остекленели, он смотрел в одну точку, как рыжеголовый будда, в трансе, фуражка была у него в правой руке, белый носовой платок — в левой, обе руки протянуты через стол, словно он собирался о чем-то просить. Голова его склонилась набок, взгляд был направлен в вечность.

А на полу перед письменным столом лежала Дарла.

Глава девятая

Она лежала лицом вниз, причем голова покоилась на согнутой руке. Я перевернул ее, чтобы невидящие глаза уставились на меня. Она переменила одежду и теперь была в темно-зеленом комбинезоне из эрзац-бархата, а на ногах были сапоги до колен. Она выглядела совершенно иначе. Я поднял ее, чтобы она села, и она как бы ответила на это, начав двигаться, словно под водой, руки и ноги — как мороженое в жаркий день на солнце, но когда я поднял ее на ноги, она не могла идти, не могла выполнить всю последовательность движений, которые надо было выполнять. Я прижал ее к себе, наклонился через стол и впихнул Петровски снова в его кресло. Потом открыл верхний ящик стола и стал искать ключ к Сэму, но нашел только «вальтер» Дарлы. Я взял его, потом протянул руку во внутренний карман мундира Петровски, чтобы достать его пистолет. Я остановился, подпер плечом Дарлу в живот, потом резко выпрямился, и она повисла у меня на плече, как мешок с картошкой. Ее рюкзак был возле перевернутого стула, и я бросил ее пистолет в рюкзак, а потом подхватил его.

Когда я пронес ее по полицейскому участку, я все время думал, сколько времени у меня осталось. У меня было такое ощущение, что все очень скоро начнут приходить в себя. Я не забивал себе голову размышлениями над тем, что могло вызвать такое странное явление, поскольку я мог назвать сразу несколько методов для выполнения такого плана, но меня впечатлили интенсивность и масштаб эффекта. Попозже — если это время для меня вообще наступит — я напишу торжественное благодарственное письмо на красивой бумаге и подумаю, кому его послать.

Я добрался до гаража, прошел сквозь маленькую боковую

дверцу, думая о том, как странно, что никто не зашел внутрь, удивляясь тому, что же такое могло тут произойти — например, полицейские, которые могли возвращаться с патрулирования, возвращаться с обеда, и все такое прочее. Я приоткрыл дверь и выглянул на стоянку. Двое крепких, как сталь, констеблей развалились в своей патрульной машине неподалеку, их загипнотизированные пушки целились в никуда. Теперь я действительно находился под глубоким впечатлением от случившегося. Даже более того, когда снаружи я нашел еще одного полицейского, который въезжал на стоянку, когда эффект парализовал всех — или он тоже поддался влиянию парализатора, либо у него была привычка сворачивать свою машину вокруг пожарного крана, когда он ставил ее на стоянку.

Это напомнило мне, что нам немедленно нужен был транспорт. Украсть милицейскую машину? Невозможно. Нет времени, чтобы дезактивировать отпечатки пальцев полицейских, которые их водят, или выключить наводящий маяк. Кроме того, они бы прекрасно знали, на какой машине я сбежал, вплоть до серийного номера. Потом на миг я забыл про эту проблему, обалдев от того факта, что пешеходы на противоположной стороне улицы тоже поддались парализующему фактору. Трое лежали и на нашей стороне улицы. Нечего сказать, здорово. Я бросился в боковой проход, параллельно улице позади участка.

Дарла вряд ли весила больше шестидесяти килограмм на планете с обычной силой тяжести, но на Голиафе она была обузой. Ее рюкзак — тоже не мелочь. Я нашел проход между двумя домами, положил Дарлу и прислонил ее к стене. Я крепко похлестал ее по щекам несколько раз, аккуратно переходя болевой барьер, потом потряс ее изо всех своих сил. Щеки ее раскраснелись, как зимняя заря, глаза затрепетали, и она вздохнула, но все еще никак не могла прийти в себя и спала на ногах. Ну что же, настало время снова идти. Я подхватил ее на плечо, взвалил на другое рюкзак и стоял там, думая, куда же мне идти. Потом я почувствовал позади себя движение и резко развернулся, чуть не упав.

Два риксианца стояли в проходе, пялясь на нас, а их тощие птичьи ноги упирались в асфальт под странным углом. Их страусиные тела еле выстаивали при почти двойной тяжести по сравнению с той, которая была на их родной планете. Прозрачные вспомогательные дыхательные маски покрывали их лица. Лица не соответствовали птичьим телам, кислые старые физиономии, похожие на морды земных верблюдов, но глаза были гораздо больше, и их было четыре, два над основанием пятачка-носа, а два в основании тонкой длинной шеи. Они очень тщательно следили, куда ставят свои тонкие птичьи ножки. Одеты они были обычным образом, в тесные прилегающие к телу комбинезоны из цветного материала с богатой золотой

вышивкой в тех местах, где прорези обрамляли вырезы для нижних глаз. Их огромные костлявые руки — руки, которые когда-то были костяком мембраны крыльев — были очень сложно и аккуратно сложены по бокам.

Я прощелкал подходящее приветствие, которое, если не написать, читалось бы так:

— Ррикс-ррикс-ррикс — щелк — ррикс.

При этом каждая морфема произносится слегка в другой тональности.

Если учесть мои лингвистические неспособности, я, вероятно, попросил их передать мне соль.

Один, справа, ответил приветствием на приветствие, а второй заговорил на интерсистемном:

— Тебе привет, брат по дороге.

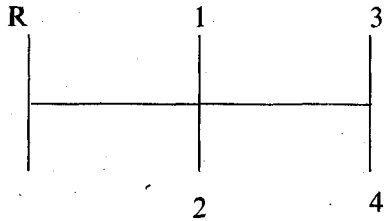
— И вам тоже, братья по дороге,— сказал я,— большое спасибо, если именно вам я обязан своей свободой.

Я повернулся и пошел прочь после того, как решил, что они не собираются ответить мне или переменить выражение своих лиц, чтобы показать мне, они или не они освободили меня. Я не оборачивался, зная, что они следует за мной на приличном расстоянии.

Я вышел на улицу, на которую выходил и милицейский участок, только чуть подальше. Это было рискованно, но я автоматически шел прочь от риксиан, пусть даже они и не делали никаких попыток мне помешать или загородить дорогу. Я стоял на входе в закоулок рядом с магазинчиком «Остановись — Купи». Мимо проходили поселенцы, смотрели на стройную молодую девушку, переброшенную через мое плечо, хмурились и шли дальше. Но я на них и не смотрел.

Вот оно. Древний автомобиль, припаркованный возле магазина. Мотор был включен.

В нем был ключ! Не электронный сигнал-радар-радио, как ключ от Сэма, а к л ю ч, господи помилуй, кусок металла, который подходил к механическому отверстию, к замку. Я подивился интерьеру машины, металлической решетке приборной доски, голубому меху на сиденьях, розовым мохнатым коврам на полу, парочке мохнатых побрякушек, которые висели на зеркальце заднего обзора... и руль-то, руль! Настоящая баранка. Матерь божья, руль, а на нем какая-то блестящая кнопка. Что же это такое? Так, это переключатель скоростей, который торчит из примечательного горба в полу и разделяет нутро машины на две части, старый большой переключатель скоростей, украшенный ручкой с луковицеобразным наконечником, на котором было выгравировано какое-то изображение. Вот оно:

Переключатель скоростей? Рулевое колесо? Окна, которые приходится открывать вручную? И к тому же кажется, что их сделали из стекла. Это была машина, которая не стоила космострады. Погодите минуту. Ну да, вот они, под приборной доской, датчики. Не такое забавное фуфло вроде давления масла или температуры воды, а настоящие приборы, просто спрятанные от глаз: температура плазмы, дельта потока, все, что надо. Это была машинка, которая ездила на плазменном топливе. Разумеется, внешний вид был просто имитацией, а не настоящим древним автомобилем. Но все-таки: где она включается? А это что такое? Батюшки, сцепление! Как раз как в книжках. Не может такого быть, но я не видел никакого другого способа воздействовать на эту штуку.

Давайте-ка попробуем... если я правильно помню... выжать педаль сцепления — выпустить сцепление,— и оно должно быть в нейтральном положении. Где ты буква «н»? Нет буквы. Ладно, хорошо, линия, которая соединяет две вертикальные на ручке. Нейтральное положение. Так, перевести туда. Теперь повернуть на 1. Первая скорость. Правильно... теперь...

Машина рванулась вперед, и я почувствовал, как мотор заглох. Я снова прижал педаль к полу, и машина остановилась, но что-то словно напрягалось, чтобы удержать ее на месте. А это что, ручка у меня рядом? Ах, механический тормоз. Я правильно догадался. Ну конечно. Я порылся в нем до тех пор, пока ручка не отскочила назад, в дырку, где ей и положено быть, под приборной панелью. Машина медленно покатилась вперед, разгоняясь на легком наклоне улицы. Я наконец поставил машину на скорость, и мы начали двигаться. Дарла лежала на сиденье рядом со мной, лицом вверх, проявляя некоторые знаки того, что просыпается. Она слабо стонала и мотала головой из стороны в сторону.

Когда мы отъезжали прочь, молодой человек со странной прической выскочил из магазинчика с воплем:

— Эй! Что вы, черт возьми... Эй!!! Вернитесь!!!!! Вернитесь!!!

Я нажал педаль газа, и машина рванулась вперед с пугающей скоростью, а звук мотора поднялся до высокого визга.

— Ах вы, вшивые ублюдки! — вопил парень, пока мы, ревя, удалялись по улице прочь.

Вшивые? Я многие годы не слышал такого выражения. Оно было явно американским и архаичным.

Мотор, протестуя, завыл, требуя от меня сменить скорость. Я отпустил сцепление, и мотор бешено заработал вхолостую, пока я не сообразил, что хорошо бы убрать ногу с газа. Я боролся с переключателем скоростей, пока не нашел то углубление, куда должен соскальзывать переключатель, и потом осторожно отпустил педаль. Машина слегка встряхнулась и полетела вперед на второй скорости. Владелец перестал бежать за нами следом и стоял, уперев руки в боки, посередине улицы. Я помахал ему рукой.

Машина обладала поразительной силой. Самое примечательное было то, что нутро машины было переделано, чтобы она могла работать так, как если бы действительно была колымагой с мотором внутреннего сгорания и механической трансмиссией. Я повернул за угол влево.

— Джейк! — это Дарла пришла в себя.

Она уселась, опершись одной рукой о приборную доску, а другой на сиденье. Она смотрела то на меня, то на машину, и лицо ее выражало изумление.

Наконец она ахнула.

— Джейк, что произошло?

— Доброе утро. Понятия не имею, но мы выбрались из одного безобразия и попали в другое.

— А где ты?..— до нее дошло то, на какой странной машине мы едем.— Что это за штуковина?

— Это чье-то представление об истории на колесах. Я украл ее, если хочешь знать. Но сперва скажи мне, почему ты не превратилась в хорошо прожаренный бифштекс с корочкой там, на ранчо.

— А?— она нахмурила лицо, протерла кулаками глаза и откинулась обратно на сиденье.— Извини, я все еще чувствую себя немножко странно. Как я что?.. Ах, да.

Она резко повернулась ко мне.

— А они тебе не сказали? Ты хочешь мне сказать, что все это время ты думал, что я умерла?

— Я думал, что ты — кусок горелого мяса.

— О, Джейк. Извини, пожалуйста.

— Неважно. Так ты мне лучше скажи, как у тебя все это получилось. Молния попала прямо в цель,— я неодобрительно цокнул языком.— Довольно глупо стрелять в упор в милицейский флиттер, тебе не кажется, дурочка?

Она смущенно усмехнулась.

— Глупая, но гордая, мне кажется.

Выражение ее лица переменилось.

— Черт побери, Джейк, я не хотела, чтобы они тебя забрали. Я стреляла в панель управления, думала, что они на миг потеряют контроль над флиттером, чтобы ты мог убежать из полосы света.

Я свернул на боковую улочку, убравшись с главной аллеи.

Шины завизжали. Они не трещали, как роллеры, они вопили, как щенок, которому отдавили лапу.

— Это не сыграло бы никакой роли. С их приборами ночного видения для них всюду был ясный день. Поисковые прожекторы были включены для нас, чтобы произвести впечатление. Человеческая жертва инстинктивно думает, что темнота ее прячет.

— Я об этом и не подумала,— она прикусила губу и задумалась, потом пожала плечами.

— Как бы там ни было,— продолжала она,— у их флиттера была дополнительная броня, поэтому глупо спорить по теоретическим вопросам. Я выстрелила, потом немедленно бросилась на землю и покатилась по ней. Даже при такой уловке я едва избежала поражения.

Она оттянула широкий воротник комбинезона, чтобы показать мне мягкое обнаженное плечо, обожженное красными горящими следами.

— Мне уже помазали их чем-то. Да и не такие они страшные. Второй степени.

— И все же,— сказал я,— это было глупо, но я тебя за это люблю.

Я наклонился вбок и поцеловал ее плечо.

Она улыбнулась и обняла меня.

— Джейк, дорогой, я так рада!

— Фу-у-у! Я же должен вести эту штуковину.— Она тем не менее не обратила на мои слова никакого внимания, просто накрыла мой рот своим и закрыла от меня всякую видимость на дороге. Руки мои были прижаты к телу ее объятиями, и мы вильнули вправо к тяжеловозу, который как раз разгружал каркас надувного дюропенного домика на пустынном участке.

— Эй!— проорал я, когда мой рот наконец был свободен, схватился за блестящую кнопку на рулевом колесе и передвинул ее вправо. Женщина, которая разгружала тяжеловоз, отскочила с дороги, потом выругала нас очень старательно на, как мне показалось, нидерландском языке.

— Ух ты! Извини!— Дарла слезла с меня. Она снова привела себя в порядок — это превратилось почти в ритуал. Потом она посмотрела на меня.

— Куда мы едем?— спросила она.

— Если бы я знал, где Сэм, я наверняка быстро убрался бы из города. У меня такое ощущение, что эта штука могла бы перегнать любую машину милиции, даже перехватчик. Но...

— О господи, я совсем забыла,— перебила она меня и, сунув руку в правый боковой карман, протянула мне ключ от Сэма.

— Петровски пытался убедить меня вызвать Сэма, выманить его из укрытия, чтобы они смогли обездвижить его и обы-

скать. Из-за карты, как мне кажется. Я сумела сунуть ключ в карман, прежде чем вырубилась.

Я схватил черную продолговатую коробочку и нажал кнопку вызова.

— Джейк! Господи Иисусе, где ты?!

— Разъезжаю по Максвеллвиллю, ищу тебя. А ты где, черт побери?

— Да в кустах неподалеку от Космострады на Семь Солнц и портала на эту планету. Ищу это проклятое ранчо, или Джона, или Дарлу, или любого, кто сможет... (треск)... да что, черт побери, происходит?

— Все в городе. Можешь назвать мне свое местоположение более точно?

— Не совсем. Вокруг Голиафа нет навигационного сателлита. Но я примерно в двадцати кликах к северу от Космострады... (кр-р-р-рак!)...

Остальная часть передачи безнадежно проглочена статическим электричеством.

— Сэм, ты у меня пропадаешь. Повтори.

— ...В десяти кликах от дороги... используй луч...

— Сэм, я тебя не могу понять, ничего не слышно, но ты оставайся там, где ты есть, и включи луч. Повтори, остановись и включи луч. Подтверди прием.

— ...Включить луч, понятно. Я хорошо тебя слышу и...

— Джейк,— сказала Дарла. Она смотрела назад, в овальное окно заднего обзора.— Милицейская машина только что пересекла тот перекресток, через который мы проехали, направляется вправо от нас. Не знаю, увидели они нас или нет.

— Хорошо. Ну что же, они и так тут ползают в округе, кроме того, тот парень наверняка уже доложил, что у него украли лошадку с коляской.

— Мне бы надо было тебе прямо сразу отдать ключ, но я была совершенно заморочена, ничего не соображала.

— Это не имеет значения,— сказал я.— Для того, чтобы выбраться из города, нам нужен неприметный транспорт. Самое скверное, что если мы украдем другую машину...

В этот момент мы увидели Джона и всю компанию, когда они выезжали на своем «шмеле» в противоположном направлении. С ними была Винни. Я опустил окно и заорал в их сторону, но безрезультатно. Потом вспомнил про сигнальный гудок. Где он может быть? Кнопка? Нет, вот, как раз тут, мягко обитая кнопка в центре рулевого колеса. Клаксон пропел свой нелепый смешной сигнальчик, и в зеркале заднего обзора я увидел, как Джон выглянул из окошка возле водительского сиденья, оглядываясь назад. Я резко развернулся, подъехал к ним и снова нажал сигнал. Они подкатили к пустому месту возле обочины тротуара. Дарла вытащила свой пистолет, и я огляделся кругом. Максвеллвилль напомнил мне маленькие город-

ки штата Джерси, где мы отдыхали, когда времена были неплохие — равнина, низкие пастельных тонов здания, но здесь были многочисленные свободные, незастроенные участки и много открытого пространства. Я надеялся, что пройдет не так много времени, прежде чем городишко застроится.

Винни выбралась из «шмеля» и бросилась к нам. Я выскочил из машины, и она обняла мои ноги, потом подпрыгнула, чтобы обнять Дарлу. Я велел Дарле внимательно следить за тем, что происходит вокруг, а потом подошел к «шмелю».

— Джейк! — радостно приветствовал меня Джон.— Вас выпустили!

— Ненадолго, если я не уберусь из города.

Улыбка его пропала.

— О-о-о... мы чем-нибудь можем помочь?

— Да, одолжите мне свою машину.

— Э-э-э...— его лицо помрачнело.

— Я знаю, что прошу слишком многого,— сказал я, быстро заполняя паузу в разговоре.— Я вам вот что скажу. Почему бы вам не зайти в эту маленькую забегаловку, якобы на завтрак, оставить ключ в «шмеле». Я его украду. Дайте мне примерно полчаса, потом сообщите об этом в полицию. Я оставлю машину на Космостраде, и не будет никаких проблем.

Сьюзен сидела на заднем сиденье. Она наклонилась вперед и заговорила на ухо Джону, так, чтобы я вроде бы не мог подслушать, но мне все равно было все слышно.

— Джон, не делай этого,— умоляла она,— мы и так попали в страшные передряги. Полковник Петровски сказал,— тут она остановилась и виновато посмотрела на меня,— прости, Джейк, но нам бы не хотелось больше в это вмешиваться.

— Я могу понять,— сказал я, размышляя, хватит ли у меня жестокости и наглости вытащить Джона силой с водительского сиденья, выгнать из машины Роланда и Сьюзен... или просто выгнать их под дулом пистолета. Но, черт побери, с друзьями таких штучек просто не делают.

Джон угнетенно посмотрел на меня.

— Ей-богу, не знаю, что делать,— сказал он, устало покачивая головой.

В моральном тупике ничто так не поднимает ваш дух, как вид ретикулянцев. Они, словно призраки, промчались мимо в своем низко посаженном ярком синевато-зеленом спортивном автомобиле. Это была крупная для своего класса машина, а за собой она тащила еще и домик на колесах, который был прикреплен к машине с помощью соединения-гармошки. Трейлер этот был очень большим для самой машинежки. Но машинка все-таки была целой поэмой аэродинамического дизайна, она чувственно изгибалась в нужных местах, сияла лаком, изобиловала кнопками, крохотными башенками, прозрачными капсулами и прочими штучками.

Инопланетяне на меня не смотрели — этим я просто хочу сказать, что голов они не поворачивали, — но я знал, что глаза их, похожие на линзы, были повернуты под самым крайним углом.

Неужели они следили за мной с самого участка? Как? Я их не видел. Незаурядно — услышал я мысленно голос Петровски. Но кто может понять инопланетян? И где бы ни были ретикулянцы, милиция будет за ними неподалеку.

— Джейк, мы бы действительно очень хотели тебе помочь, — говорил в это время Джон.

Мне кажется, никто из них не заметил ретикулянцев.

Я повернулся к нему.

— Джон, для меня это может означать мою жизнь.

— Но я... о господи... — Джон выглядел совершенно растерянным.

— Сделаем так, как он просит, — сказал с нажимом Роланд, — с точки зрения морали, у нас нет выбора.

— Но власти, — колебался Джон, — какова будет наша ответственность...

— Мне кажется, вопросы морали тут вполне ясны, — сказала Сьюзен. — Джейк помог нам, прошлой ночью мы помогли ему. По крайней мере, пытались помочь.

— А ты что, ведешь счета в отношении того, кто кому сколько должен с точки зрения морали и долга? — оскорбился Роланд. — Это с каких же пор этические вопросы стали заменяться понятиями дебета и кредита?

— Я не занимаюсь бухгалтерией, — огрызнулась обиженная Сьюзен. — Мне просто думается, что неразумно вмешиваться во все эти дела больше, чем мы уже влипли. Мы собираемся жить на этой планете...

— Джейк, насколько это касается меня, — сказал мне Роланд, высовываясь в окошко возле Джона, — ты можешь забирать «шмеля».

— Ты мне не дал закончить того, что я говорила, — сказала оскорбленно и гневно Сьюзен.

— Тогда, мне кажется, вопрос должен решать я, — жалобно сказал Джон, потому что решения в такой демократической обстановке давались ему с трудом.

— Джейк, неужели ты действительно считаешь, что это справедливо, — воззвала ко мне Сьюзен, — вот так просить нас рисковать и быть втянутыми в какое-то темное дело, куда уже влип ты?

— А? Что? — я смотрел на ретикулянцев.

Они завернули налево за угол и остановились, задний конец трейлера торчал из-за угла хозяйственного строения какого-то склада сельскохозяйственных орудий. Меня они в данный момент не очень интересовали. Ретикулянцы явно отчаянно рисковали, путешествуя открыто по земному городу. Дарла уже на-

целила свой страхолюдный мушкет где-то в их сторону. А она сперва выпалит, а потом спросит, что именно случилось. Я одним глазом посматривал в сторону складского здания.

— Прости, Сьюзен, что ты сказала?

— Сьюзен высказала свое мнение,— сказал Роланд.— Джон, как насчет тебя?

Джон начал было что-то говорить, когда Сьюзен выпалила:

— Вы двое меня всерьез разозлили!— щеки ее пылали, и она была на грани слез.— На меня здесь никто не обращает внимания, и каждый раз, когда я что-нибудь говорю...

— Никто тебя не обижал,— резко сказал Роланд.

Сьюзен совсем вышла из себя.

— Вот ты опять начинаешь!

— Люди, люди, вы что...— попытался урезонить их Джон.

Дарла снова смотрела на меня, словно спрашивая: как дела?

Хороший вопрос. Мне надо было принять собственное моральное решение, а времени оставалось в обрез. Я потрогал рукоять пистолета Петровски в кармане куртки.

— Мы, как всегда, должны подойти к этому рационально,— сказал Джон своей пастве.— Ей-богу, нам незачем спешить возвращаться обратно на ранчо. Я предлагаю вам пойти в закусочную... и не оставлять ключа, поскольку Джейк весьма хитроумный, предприимчивый и изобретательный человек...— он посмотрел на меня, ища поддержки.

— Это было бы прекрасно,— сказал я. Но это значило бы, что потребуется больше времени, времени на то, чтобы обойти систему безопасности, а микросхема таких систем достаточно сложна. И как насчет инструментов? Где я их возьму?

— Одно-единственное,— сказал я,— они вам дали набор инструментов к этой штуковине? Для поломок и аварий?

Роланд открыл ящик-багажник под сиденьем и стал копаться в нем.

— Таким образом,— продолжал Джон,— мы можем доказать, что у нас не было ни малейшего намерения помогать Джейку скрыться. Насчет укрывательства преступника и тому подобного не возникнет и тени подозрения.— Он с надеждой повернулся к Сьюзен.— Для тебя это приемлемо?

— Тут куча мусора,— сказал Роланд, бешено роясь в ящике.— Не могу, кажется, найти... а это еще что?— Он вытащил замасленную штуковину, из которой торчала проволока.

— Старая часть от мотора,— сказал я ему.

— Нет, это неприемлемо, Джон, и ты это знаешь,— сказала сердито Сьюзен.— Они нам никогда не поверят. Я немедленно выхожу из этой машины.

— Ну погоди минутку, пожалуйста,— сказал Джон.

Роланд поднял глаза.

— Да никуда она не пойдет,— сказал он презрительно.

— Сам увидишь,— ледяным тоном сказала Сьюзен и пере-

двинулась по сиденью к той двери, которая примыкала к тротуару.

Джон протянул руку назад и схватил ее.

— Ну пожалуйста, Сьюзен,— стал умолять он.

Я же схватил за руку Джона.

— Люди, честное слово, на это у меня нет времени.

Джон повернулся ко мне с раздражением.

— Э-э-э... погоди минуточку, ладно?— Сьюзен попыталась вырвать свою руку, но Джон держал ее крепко.

— Роланд, поговори с ней!

— Инструментов нет,— сказал мне Роланд.

Я крякнул. Что же, выбора практически не оставалось...

Сьюзен уже открыла дверь и одну ногу свесила наружу, пытаясь оторвать пальцы Джона от своего плеча.

— Пусти меня!— сказала она сквозь стиснутые зубы.

— Роланд, пожалуйста, поговори с ней!

— Перестань вести себя как ребенок,— рявкнул Роланд, подняв на нее взгляд, пока он все еще пытался найти что-нибудь полезное в ящике с инструментами.

— Иди к черту! Джон, пусти меня!

— Сьюзи, пожалуйста,— сказал Джон, голос его был тихий и умоляющий.— Мы разберемся в этом. Просто подожди минутку, прежде чем ты...

— Ох, да пусть идет,— сказал с отвращением Роланд.— Куда она пойдет-то?

— Куда угодно! Если только смогу выбраться отсюда. Я тебя предупреждаю, если ты...

— Сьюзен, иногда ты бываешь таким абсолютным дерьмом... Ты это знаешь?

Она перестала сопротивляться Джону и яростно посмотрела на Роланда.

— Ах ты, сволочь! Да как ты смеешь так со мной разговаривать!

— Тогда скажи мне, как это мы сможем основать тут колонию, когда люди разбегаются, как тараканы, при первом же признаке неприятностей!

— Первом же признаке...— ярость Сьюзен превратилась в изумление.— Как будто эта экспедиция не была катастрофой с первого же дня, как мы покинули Хадиджу! Трое из нас уже м е р т в ы, господи помилуй.

— Да, знаю,— сказал Роланд.— Но мы и раньше теряли людей. Новая планета, новые опасности...

— А ты когда-нибудь слышал о том, что к ним полагается готовиться? Сперва эта идиотская поломка... А чья идея была потревожить и разворошить те гнезда или как они там называются? Разве не является первейшим правилом на неизвестной планете...

— Да, первое правило гласит «никогда не полагайся на свое

представление о том, что может быть опасно»,— сказал Джон,— я же его нарушил. Я беру на себя полную ответственность за это.

— А кому от этого легче? Кого это может воскресить?

— Никого...

— Отпусти ее,— Роланд был сыт по горло. Джон вздохнул.

Сьюзен воспользовалась тем, что беседа затихла, и вырвала свою руку прочь. Роланд немедленно протянул руку назад и схватил ее за запястье.

Дарла глазами говорила мне: что эти идиоты теперь вытворяют? Я беспомощно пожал плечами.

— Слушай, прекрати, перестаньте вы все меня хватать... сию секунду прекрати! — Сьюзен ударила кулаком по руке Роланда.

Ситуация совершенно выходила из-под контроля. Кроме того, по мне снова начинали как бы бегать мурашки. Я повел плечами. Что это такое? Нервы? Вши?

— Сьюзен, пожалуйста, успокойся,— говорил Джон.

— Пустите меня.

— Роланд, пусти ее.

— И куда ты собираешься, как тебе кажется? — спросил ее Роланд.

— В мотель, где находятся Роджер и Шари.

— Мы тебя туда отвезем, ладно?

— Нет, спасибо, предпочитаю дойти туда пешком.

— Сьюзен, будь же разумна. Пусти ее, Роланд.

— Не будь идиоткой,— сказал Роланд.

— Да убери свои подлые лапы, говорят тебе!

— Нет, не уберу, пока ты не прислушаешься к умным словам хотя бы на минуту.

— Я ТЕБЕ СКАЗАЛА УБРАТЬ С МЕНЯ СВОИ ПОДЛЫЕ ЛАПЫ!!!

— Джейк! — это Дарла, которая стояла возле нашего автомобиля с открытой дверцей, показывала на что-то важное и срочное у меня за спиной. Я резко повернулся и увидел перед патрульной машины, который торчал из-за кучи мусора на пустом участке через улицу.

— Всем ложиться,— я нырнул за моторный капот «шмеля», скользя по лакировке, аккуратно скользнул к другому концу машины и присел поближе к земле. Телеологисты смотрели на меня так, будто я потерял разум. Я прополз дальше и открыл дверцу, где сидел Роланд.

— Ложись! Ложись!

Роланд первым сообразил, в чем дело, схватил воротник смешной серой рясы Джона и стащил его вниз на пол. Я как раз пытался проделать то же самое с Сьюзен, когда ударил первый залп. Аэростекло «шмеля» превратилось в расколотый лед.

Сьюзен все еще сидела, как сидела,— чудом не раненая,— покачивая головой и ничего не понимая.

— Почему... почему они в нас стреляют? Мы же не...

Я выволок ее из машины и бросил на асфальт как раз в тот момент, когда следующий залп пропорол «шмеля». Воздух был полон пулями высокой плотности, и сверхзвуковой треск отдавался громче, чем тот выстрел, который их послал. «Шмель» трепетал, как лимонное желе, пока в него впивались заряды аж с трех направлений. Джон и Роланд вывалились из передней двери на улицу.

— Лежите пониже,— приказал я им.— Тихо!

Оглянувшись вокруг, я так и не увидел места, где можно было бы укрыться. Участок на этой стороне улицы не мог ничего предложить, кроме сухого кустарника и нескольких вурлитцеровских деревьев.

Я услышал, как Дарла завела автомобильный мотор. Шины завыли, когда она выжала сцепление и подскочила на краю тротуара. Она подъехала к нам, бешено виляя. Очень трудно привыкнуть к рулевому колесу. Она пересекла дорогу, загнала машину в рыхлую песчаную почву, срезала боком вурлитцеровское дерево, потом выправила машину на дороге и подлетела к нам, шины выбрасывали фонтаны грязи и пыли. Она остановила машину возле «шмеля» и не выключала мотор. Потом она чуть было не стала переключать скорости, не выжав сцепления, чем едва не убила мотор. Но все же она держала машину на ходу. Когда она стала открывать дверь со стороны водителя, пуля высокой плотности отлетела от «шевроле», завизжав от рикошета. У меня не было времени удивиться, почему это старинная машина не пропускает пуль. Теперь дверь успешно блокировала угол обстрела полиции, и мы были в относительной безопасности. Я помог Джону пролезть, потом пришла очередь Роланда.

— Всем в машину!— сказал я.— И будьте пониже!

Я пропихнул Сьюзен в дверь, Дарла помогала мне изнутри. Теперь подделка под старину притягивала на себя большую часть огня, но нас частично защищал еще и «шмель», который теперь просто разлетался на куски под ураганным огнем. Как раз в этот момент еще один выстрел попал в дверь, отрезав ее, словно бритвой, так что удар почти сбил меня в сторону. Роланд пролез в машину, потом Джон протащил на сиденье свое тощее тело. Я подтолкнул худую задницу Джона, чтобы он поскорее пролез в то, что я теперь понял, было пуленепробиваемым транспортным средством, то есть чудом из чудес. Ей-богу, пулю высокой плотности трудно остановить.

На переднем сиденье была мешанина тел. Я втянулся внутрь, пытаясь найти себе местечко и одновременно пробраться ногой сквозь змеиное гнездо рук и ног к педали газа. Я до нее наконец добрался и нажал. Мотор завыл, но телега не двину-

лась с места. Мне надо было переключить на первую скорость, но я не мог дотянуться до переключателя скоростей. Моя левая нога застряла между дверью и передним сиденьем. Я нагнул голову и сунул ее под рулевое колесо, мучительно извиваясь, чтобы дотянуться до переключателя и педалей руками. Кто-то вогнал локоть мне в ухо.

— Дарла! Переключатель! Поставь эту чертову рукоятку на номер один.

Я почувствовал, как переключатель зашевелился и огрел меня по шее. Я дал возможность сцеплению выскользнуть у меня из руки и прижал акселератор предплечьем. Мотор завыл, и сила гравитации прижала мою шею к переключателю скоростей. Мы двигались.

— Веди! — завопил я. Краем глаза я увидел, что Дарла наклонилась через спинку переднего сиденья, чтобы схватиться за руль.

Внезапная вспышка и взрыв. Они притащили в подмогу зажигательную пушку. «Шмеля» больше не существовало. Это еще к тому же означало, что у нас не было шансов. Секундой позже нас обволокло раскаленным добела облаком сияния. И тут же мы из него выехали. В нас ударил прямо в яблочко зажигательный снаряд, а мы были целехоньки.

Колымага содрогалась от попадания за попаданием, снаряды отскакивали от нас, как камни от стальной стены.

Дарла свернула влево, и мы во что-то врезались, но это нас не остановило. Мотор вопил и требовал второй скорости, но я не хотел рисковать и пробовать ее сменить.

Потом до меня вдруг дошло, что у нас все-таки было время. Мы приняли на себя все худшие удары, которые они могли нам причинить.

— Всем слезть с меня! — завопил я довольно-таки глупо, потому что я и был на самом верху.

Я выпустил акселератор и выпутался из мешанины рук и ног.

— Ух! — раздался голос Роланда.

Чья-то рука попыталась ухватиться за мою физиономию.

Дарла сняла руки с руля и помогла вытащить меня из кучи телеологистов. Сьюзен выпуталась сама и заползла на заднее сиденье, оставив меня, Джона и Роланда разбираться, кому принадлежит та или иная рука и нога. Мы наконец разобрались с этим, и я выбрался наверх глотнуть воздуха, приоткрыл дверь, чтобы высвободить ногу, потом снова ее захлопнул. Мы мчались сквозь кустарник на другой стороне свободного участка. Мы добрались до тротуара, отлетели от бордюра, но к тому времени я загнал трансмиссию на вторую скорость. Я прижал педаль до самого пола, и мы вынеслись с ревом на улицу, а шины визжали, как гончие собаки, выследившие жертву.

— Куда нам ехать на Космостраду? — спросил я, но ответа

не получил. Две патрульные машины, которые высунулись из-за угла на улицу, представляли собой куда более неотложную проблему. Мой собственный ответ на события был совершенно безмятежный. Со всей уверенностью в мире я направил наш анахронизм на колесах прямо в острие треугольника, который образовали полицейские машины, попытавшиеся блокировать нам дорогу.

— Держитесь, люди!

Выстрелы отскакивали от стекла, которое вовсе не было стеклом, и перекрестные зажигательные лучи играли на крутых блестящих боках автомобиля. Непроницаемый. Мы ударились в патрульные машины с громким лязгом, но внутри толчок был едва ощутим, небрежно отмели патрульные машины в сторону и помчались дальше по дороге. Мы проехали остальные полицейские машины, бронированный транспортер, потом прорвались через оцепление, устроенное милицией. Их вторая линия обороны была совершенно достойна презрения: деревянные барьерчики. Я превратил несколько штук в зубочистки, проревел, сворачивая вправо за угол, потом свернул влево, потом снова вправо, и наконец, повиливая задом, вывалился на широкую аллею, которая, казалось, вела из города вон.

Поразительная, пугающая мощь дрожала под педалью акселератора. Я никогда еще не водил ничего подобного, что было бы способно на такую отдачу. И по-прежнему машина шла всего лишь на третьей скорости. «Спидометр» показывал что-то девяносто в час. Девяносто миль? Наверное. Подходяще для стиля машины.

В течение следующих нескольких минут — примерно двадцати — я вел машину, а передо мной не было ничего, кроме чистого воздуха. Максвеллвилль разредился до пригородов, потом пошли строительные подходы и дороги, потом ничего уже кругом не было, кроме дороги, а с обеих ее сторон — только голая земля. Никаких заградительных патрулей на дороге — у них просто не было на это времени. Все сидели в ошеломленном молчании. Телеологисты были ошеломлены, пустые лица тупо глядели, как мимо катится столбовая равнина.

Впереди мигающие барьеры, новая секция колониальной автострады. Потом знак. К КОСМОСТРАДЕ И ПЕРЕКРЕСТКУ С КОСМОСТРАДОЙ НА СЕМЬ СОЛНЦ — МАРШРУТЫ 85, 14 НАПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЬ ПО СПИРАЛИ.

Я каким-то образом сумел не задеть барьеры. Мы промчались через ограждение дороги и выскочили на новую маклитовую поверхность шоссе шириной в шесть рядов. Я вызвал Сэма.

— Теперь я тебя нашел, парень.

— Это здорово, — сказал я. — Ты где?

— В кустах возле звездной тропки. Но ты не волнуйся, я тебя подберу. Ты на чем едешь?

— Ты не поверишь, но ты узнаешь в тот же миг, как только увидишь. Старый земной автомобиль. Разумеется, подделка. Но Сэм, мне же надо знать, где ты. Нам придется быстро пересаживаться, но где-нибудь не на дороге, там, где нас никто не увидит. Все силы в Галактике бегут по моему следу.

— Вот как? Держись! — пауза. — Ага, теперь они у меня нарисовались. Они слишком далеко, не могу тебе сказать, сколько их... Эй, ты что делаешь? Пытаешься сжечь поверхность дороги?

— Примерно такая общая идея.

— Какая у тебя скорость?

— Двести миль в час.

— Что-о-о? А, понял. Погоди минутку, если это подделка, спидометр не может давать такие показания, это слишком много для старинной машины.

— Указатель застыл на ста, потом снова перескочил в начало шкалы, а сама шкала поменялась. Эта колымага подделка под старину только по внешнему виду, а на самом деле под кожухом мотора — я хотел сказать, под капотом — она совершенно иное существо. Я мечтаю выбраться на Космостраду, чтобы посмотреть, на что она способна.

— Лучше начни ее проверять сейчас. Что-то догоняет вас, и довольно быстро.

— О'кей.

Я подумал, что настало время применить четвертую скорость. Я мягко ее переключил, и машина рванулась вперед, нежно прижав нас к сиденьям. Числа на спидометре теперь стояли от 200 до 300. Я стал гнать машину вперед, и стрелка подползла к двумстам пятидесяти.

— Господи, не могу поверить, чтобы эта старая куча металлолома... — я посмотрел на спидометр снова и не поверил собственным глазам.

— Что такое? Теперь эта штука служит махометром!

— Ты уверен? — спросил Сэм.

— Угу. Это махометр.

— Стало быть, это не двигатель внутреннего сгорания?

— Нет. Я на мах-запятая-три и держусь этой величины. Сэм, что ты скажешь насчет того, как там дальше Космострада насчет вождения на высокой скорости?

— До самого портала все чисто, но будь осторожен. Ты же знаешь, что по этому поводу говорится. Ни один наземный вид транспорта не может быть в безопасности, если превышает скорость мах-запятая-пять.

— Правильно, но пусть сперва пыль за мной поглотают.

— Они все еще сближаются с тобой.

— Вот как? Сэм, давай двигай!

— Повтори!

— Сэм, начинай двигаться! Если они все еще будут сближа-

ться с нами, значит, это перехватчик милиции, и я точно знаю, кто за рулем.

Засада не была делом рук Петровски. Это Элмо пытался восстановить свой пошатнувшийся авторитет. Но Петровски теперь сам мог действовать, поскольку его широкий славянский нос раздувался от моего свежего запаха.

— Никакого шанса для нас, Сэм, пересесть к тебе на Голиафе. Двигай к порталу на Семь Солнц, и там будем разыгрывать эту партию в зависимости от того, как повезет.

— Теперь держись, потому что у меня не только один автомобиль засечен на радаре. Нарисовался один перехватчик, но за ним едут еще две машины, чуть помедленнее.

— Ретикулянцы со своими машинами?

— У них же на хвосте еще один на хорошем расстоянии от них.

Возможно, рикксиане.

— А за ними...

— Еще что-то? А, ладно, один черт. Хватит, Сэм. Выезжай. У тебя на другой стороне будет гораздо больше скорости. Вакуум.

— Ты же не знаешь, что со мной сделал Вонючка. Я чувствую себя другим человеком. Я еще не открывал тебе, что моя крейсерская скорость возросла по меньшей мере на тридцать процентов. Вонючка на сей раз сам себя превзошел.

— Хорошо, но передвигай роллерами!

— О'кей, все в порядке!

В мгновение ока мы достигли старой Космострады, которая действительно указывала, не сворачивая, на горизонт. Махометр полз вверх — но как насчет аэродинамики? Форма автомобиля была закругленной, «обтекаемой» — вот какое слово первым делом приходило на ум,— но поверхность, казалось, не способна была разрезать воздух на скорости мах-запятая-один. Не было ни стабилизаторных плавников, ни чего-нибудь подобного. Впереди будут серьезные вихревые потоки, если я буду так пороть вперед, и, возможно, нас в таком случае ждет катастрофа. Но каким образом тогда машина держалась на дороге на той скорости, на какой мы мчались сейчас? К тому же в густом, как суп, воздухе Голиафа? Сказать, что в этой машине было больше, чем кажется на первый взгляд, означало весьма и весьма занизить ее оценку.

— Сэм, ты уже на Космостраде?

— Тут я, сынок. Я выслеживаю тебя на скорости мах-запятая-четыре. Где огонь?

— У меня в сердце. Кстати, что произошло у Вонючки?

— А, долгая история.

— Перескажи в сокращении.

— Ладно. Вонючка работал надо мною весь вчерашний день, потом весь вечер. Он сказал, что это вызов его искусству.

Уже давно было темно, когда он закончил работу, и я настоял, чтобы он пристегнул меня к трейлеру и дал мне возможность втиснуться в гараж. Я ничего от тебя не слыхал и подумал, что так даже к лучшему. Он не хотел пускать меня в гараж, но сдался. Как же я трудно влезал! Как бы там ни было, примерно час спустя я услышал, как кто-то вламывается в гараж. Поэтому я снялся с места, не позаботясь о том, чтобы открыть двери. Теперь гараж у Вонючки с естественной вентиляцией.

Я поморщился. Вонючка зубами вцепится мне в сонную артерию в следующий раз, когда меня увидит.

— Понял. Что дальше?

— А потом ничего особенного. Я направился, примерно сказать, в направлении ранчо Джона, но не мог ничего найти. Подумывал о том, чтобы связаться с тобой, но мне показалось, что это не самая лучшая идея.

— И ты оказался прав. Тем самым ты бы себя выдал. Кроме того, я выключил сигнал вызова. Бог знает, почему, но мне показалось, что у них займет много времени, чтобы проследить нас до ранчо Джона, думал, что мы в безопасности. Но ты продолжай.

— Ну вот, и рассказывать особо нечего. Я шлялся всю ночь по кустам. Пару раз на радаре у меня нарисовались какие-то подозрительные сигналы, я притаился и притворился скалой. Это оказались воздушные пираты, и они прошли надо мною, так меня и не заметив. Это что, в конце концов оказались полицейские?

— Они самые. Сэм, ты был ближе к нам, чем тебе кажется. Но если это правда, то я не могу понять, почему мне было трудно с тобой связаться.

— Наверное, потому, что я спрятался в глубоком овраге. Я черт знает сколько времени потратил, выбираясь отсюда. Что еще хуже, ты меня вызвал на ультракоротких волнах.

— МЕРТЕ. Напомни мне так перепрограммировать ключ, чтобы ультракороткие и длинные волны оказались на разных концах панели управления.

Молчание в машине доконало меня.

— Кто-нибудь хочет задать вопросы? — спросил я и немедленно почувствовал, что мой игривый тон не к месту.

Я повернул голову и увидел, что Сьюзен злобно на меня смотрит.

— Извините, — сказал я.

— Теперь ты расскажи мне свою биографию, — попросил Сэм.

— Эта история куда длиннее, Сэм. Позже.

— Черт побери, ты мне ничего никогда не рассказываешь!

— Ладно, в сжатом варианте примерно так. Два мента меня прищучили, а потом кто-то меня вызволил. Не знаю кто, но мне думается — рикксиане.

— Рикксиане? А какого черта они делают в твоей истории?

— Я этого тоже не знаю, но у меня есть идея. Как я уже сказал, ты все узнаешь, но попозже.

Роланд удивил меня вопросом:

— Джейк, а каким образом тебя... э-э-э... освободили?

Я рассказал ему о нейтральном скремблерном поле.

— Потом кто-то пощекотал меня чем-то, чтобы привести в чувство, и я выбрался.

— Ты можешь описать мне симптомы?

Дарла и Винни стали разговаривать на заднем сиденье, а я рассказывал ему, что со мной произошло.

Роланд ударил кулаком по ладони.

— Тогда это значит, что я не заснул на часах!

— Что-что?

— Я же знал это! Я никогда не засыпал на вахте, а я их отстоял больше, чем солдат.

— Ты хочешь мне сказать, что та же самая штука ударила в нас прошлой ночью?

— Вне всякого сомнения. Я помню, как сидел возле огня и чувствовал, как надвигается головная боль. Потом жужжание... а потом наступило странное промежуточное состояние. Я не спал. Это было похоже на рассеянные мечты. Словно я и спал и не спал. Потом я пришел в себя от того, что ты меня пинал, а над нами кружились флиттеры.

Что означало, что мое бегство из участка было подстроено ретикулянцами. Еще один кусок головоломки, который ни к чему не подходит. А головоломка все растет и разрастается.

Дарла наклонилась через спинку сиденья.

— Джейк, из того, что мне говорит Винни, Роланд, получается, прав. На нее поле не повлияло, поле или что там это было.

— Наиболее вероятно, что поле было настроено на человеческие нейронные схемы,— рискнул я высказать предположение.— Мне кажется, это самое разумное. А что она еще говорит?

— Она сказала, что слышала, как кто-то подошел к дому. Она испугалась, попыталась нас разбудить, но мы совершенно не слышали, словно умерли. Потом она убежала и спряталась в кустах.

— Она что-нибудь видела?

— Нет, но она говорит, что знает, что два человека вошли в дом и еще один не-человек. Она говорит, что не-человек очень ее напугал. Запах от него был плохой.

— Она представляет себе, что они сделали?

Дарла спросила ее. Я понял, что в то время, как я никогда почти не мог понять, что такое говорила Винни, Дарла без всяких проблем понимала ее.

— Она не знает,— отрапортовала Дарла. Она заглянула

мне через плечо и спросила: — Джейк, на какой скорости мы идем?

Я посмотрел. Стрелка только что перешла границу мах-запятая-пять.

— Ого-го! — это все, что я мог сказать.

— Иисусе Христе! — завопил Джон.

Я посмотрел вперед. Впереди был Сэм. Я свернул чуть влево, и мы проехали мимо него, словно он был нарисован на щите вдоль дороги.

— Помедленнее, ты, демон скорости, — голос Сэма раздался из бардачка под лобовым стеклом, куда я бросил ключ вызова.

— Ах вы, сумасшедшие ребятишки, — продолжал он. — Никакого чувства ответственности.

Он хихикнул и заговорил дальше.

— Ты был прав. Эта штуковина — дуновение ветра истории. Я думаю, что это середина двадцатого столетия. Похоже, что модель — «шевроле». Однако я в этих вещах мало что понимаю.

Я немного отпустил педаль, и стрелка упала до более разумной скорости.

— Как погоня за нами, Сэм?

— Он теперь бежит изо всех сил. Знает, что не поймает тебя.

— Да, но тебя он может поймать, Сэм. Брось груз. Отцепи трейлер.

— Ни за что в жизни, сынок. Нам заплачено, чтобы мы доставили товары, а не за то, чтобы мы их раскидали на сто кликов дороги. Кроме того, он охотится за тобой, а не за мной.

— Сэм, я в этом не вполне уверен. Если бы у меня был какой-то бесценный артефакт, разве я не оставил бы его с тобой? Скажем, карту? Как ты думаешь, почему они хотели тебя обыскать? Петровски может попробовать обезвредить тебя и провести именно обыск.

— А что за черт этот Петровски?

— Извини. Тот тип, который как раз сидит у нас на хвосте.

— Я могу справиться с любым ментом, которому покажется, что он может нарушить мои дорожные права.

— Сэм, ты отлично знаешь, что это не в твоих силах. Поэтому кончай нести чушь и брось груз.

— Ай-ай-яй-яй! Разве можно так разговаривать с собственным отцом? Более того, мой неуважительный сынок, ты кое-что забываешь. Я все-таки машина по большей части. Собственно говоря — давай не будем уходить от факта — я не что иное, как машина, по крайней мере, мне так говорят. Машины должны слушаться программирования. И я не могу обойти твою хитрую программу от взломщиков. Только ты можешь отделить трейлер отпечатком большого пальца.

Он был прав, я об этом совершенно забыл.

— Извини, папаша.

Откуда-то изнутри машины прозвучали сигналы тревоги, отчего все вздрогнули. Потом мы вытаращенными глазами следили за тем, как происходили странные вещи на панели инструментов. Магически смешные циферблаты и приборы превратились в самые современные приборы, словно невидимая рука скульптора сперва смяла их и превратила в глину, а потом слепила из них самые новые по последнему слову техники приборы. Заняло это всего несколько секунд, но в результате перед нами была панель управления такая, словно с ней поработал дизайнер, который сделал все так, что хоть сей момент проезжай через портал.

— Примечательная и впечатляющая картина,— сказал Джон, подтянув к груди острые коленки.

— Роланд, поменяйся местами с Джоном. Ты мне поможешь считывать приборы.

Они так и сделали. Джону стало легче дышать, и он вытянул ноги, довольный тем, что может позволить себе хоть немного избавиться от той судороги, которую явно породила у него в ногах езда в таком неудобном положении. По крайней мере, мне так показалось...

Я пропустил предупредительные знаки, которые слились в одно сплошное пятно при дороге. Цилиндры раскололи небо перед нами, огромные колонны неизвестной энергии и материи. Пока мы смотрели на них, страшный палец молнии сверкнул на чистом и ясном небе и притронулся к головке левого цилиндра. От этого из цилиндра вырвались еще петли огненных щупалец, которые протянулись к цилиндрам рядом, и на миг светло-голубая паутина света опоясала все цилиндры портала, потом пропала.

Я видел, как такое случается, только один раз до этого. Можно разделить свою жизнь на периоды, которые можно отмечать такими событиями, как то, что мы только что видели: портал вызвал молнию с ясного неба. Все выдохнули воздух, потому что не смели дышать, пока длилось таинственное явление.

— Привязные ремни безопасности,— выкрикнул я.— Есть тут какие-нибудь ремни безопасности?

— Нет,— ответила Дарла.— Я никаких ремней тут не вижу, кроме какой-то странной петли возле окна.

Странно...

— Ну хорошо, хватайся за нее или за что-нибудь другое. За что-нибудь, неважно!

Потом я вспомнил, что было на другой стороне портала.

— Окна! Все окна закрыты?

Все ли окна закрыты... я не мог поверить, что говорю нечто подобное. Может ли быть, что эта штуковина способна выдержать вакуум? Но нет. Настоящий владелец проехал мимо нас

по Космостраде, стало быть, он мог приехать только из Грумбриджа, единственный портал, который ведет на Голиаф — именно Грумбридж. Если только он не катался по равнинам просто так. Но ведь там не было ничего особенного, кроме тех крабов-попрыгунчиков, да еще всеобщего несчастья. Ведь была, была возможность, что эта машина — прелесть, тем более что окна были явно не из стекла...

— Все окна закрыты, Джейк,— сказала Дарла.— Собственно говоря, заднее окно со стороны Сьюзен было открыто как раз на щелочку, и я увидела, как оно закрывается само собой, когда стрелка перемахнула за сто. Теперь мое окно отказывается отвечать на нажатие ручки и остается закрытым.

Все это происходило слишком быстро, и я не смог пока сориентироваться. Маркер начала въезда в портал мелькнул мимо нас, и под нами замелькала направляющая полоса. Мы мчались по самому краю безопасной зоны на скорости, которая была слишком велика для реагирования. Сквозь рулевое колесо я чувствовал еще какую-то силу, которая контролировала меня, какую-то помогающую руку — видимо, это была автоматическая система какого-то типа. Панели инструментов светились ободряюще зеленым светом, и все, казалось, идет просто замечательно.

Цилиндры просвистели мимо единым мазком серого цвета за окном, и мы проскочили сквозь отверстие портала.

Мы гладко прибыли в мир зеркально-плоского и гладкого льда, который нарушался только острыми черными скалами и провалами в ледяных равнинах. На планете была глубокая ночь, но сияние миллионов звезд давало льду такой блеск, что можно было отчетливо различить мельчайшие подробности ландшафта. Почти прямо над нами словно висела люстра из семи ярчайших звезд, которых я не видел ни над одной планетой. Я прижался лицом к стеклу и секунду или две упивался этим зрелищем.

Не было никакого рывка скорости, когда машина оказалась в вакууме. Я проверил махометр. Да, только легкое увеличение. У машины были необыкновенные аэродинамические свойства.

Я попытался вызвать Сэма, но безрезультатно. Слишком рано. Я и понятия не имел, на каком расстоянии сзади нас он был, и теперь я начинал волноваться.

Снова прозвучали сигналы тревоги. На сей раз звук был иной. Экран сканнера показался на панели, показывая движение впереди, и я замедлил ход. Вскоре мы оказались ниже скорости маха-запятая-три и снижали скорость дальше. Мне не хотелось оказаться сильно впереди Сэма. Теперь надо было принять решение: куда ехать? Семь Солнц могли похвастаться тремя порталами с тремя отдельными входами, которые в них вели: один из Голиафа, другой из двух остальных межзвездных

маршрутов. Один портал вел обратно в сердцевину земного лабиринта путем прыжка во много световых лет, а другой на территорию Риккса. Третий портал был неизведанный, поэтому у нас на самом деле было только два выбора, разве что нам очень хотелось бы испытать судьбу.

— Сэм, отзовись. С тобой все в порядке?

— Со мной все о'кей, капитан. У меня, правда, на хвосте сидит мент.

Я принял решение и притормозил.

— Я останавливаюсь.

— Неправильно! Не смей! Продери свою задницу через тот самый портал на Риккс! Выбирайся из земного лабиринта! Это твой единственный шанс.

— Мне кажется, я с ним справлюсь. Эта машина — какое-то инопланетное чудовище, в которое встроено множество самых невероятных вещей. Я еще не нашел вооружения, но мне кажется, что я смогу перестрелять даже перехватчик. А вот ты...

— Сынок, подумай минуточку. Что может сделать со мной этот жалкий персонаж Петровски? Если он меня остановит, то что? Если он меня обыщет, то что он сможет найти? А ты тем временем сможешь удрать.

— Он может задержать тебя как материальный залог.

— Опять-таки: ну и что? Я немного дам роллерам отдохнуть, пока ты не вернешься назад.

В этом был свой смысл.

— Ладно, думаю, так сойдет.

Мне все-таки это не нравилось.

— Собственно говоря, я, можно сказать, надеюсь, что он остановит меня и заставит съехать на обочину. Может быть, приедет патруль на «дорожном жуке», и... погоди-ка!

Ключ с полминуты молчал. Потом я сказал:

— Сэм? Что происходит?

— Он проехал мимо меня. Я говорил же тебе, что гонится он за тобой!

— Ага,— я набрал такую скорость, какую мог только себе позволить при плотности движения на этой планете. Теперь я вихлялся между разными рядами движения, проезжая тяжеловозы, спортивные модели, родстеры, инопланетные машины всяческого вида и цвета.

— Есть одна проблема с тем, чтобы проскочить в риккситский лабиринт. Одна из тех машин, которые нарисовались у тебя на радаре,— как раз риккситская машина.

— Они тебя освободили, а теперь за тобой же сами и гоняются? Где логика?

— От телеологистов я узнал, что меня освободили не риккситцы.

— А кто же? Ты меня совсем запутал.

— Тогда мы трижды запутаны, потому что я вдвое больше сбит с толку, чем ты. Мне кажется, это были ретикулянцы.

— Ну да, это все объясняет...

— Ясно, как куча дерьма, правильно? — кое-что пришло мне в голову.

— Единственное, что меня сбивает с толку, — это то, что ретикулянцы очень быстро проследили меня на ранчо Джона. Милиция сделала это за счет того, что навела справки в городе, но ретикулянцы этого сделать не могли. А Петровски сказал мне, что он следовал за ретикулянцами.

Я сообразил, что Сэм ничего этого не знает.

— Извини, Сэм. Я тебе все расскажу, когда у нас будет время.

— Ну уж нет, давай сейчас. Я все это записываю. Как насчет Уилкса?

— Никакого понятия. Насколько я знаю, он не влип во всю эту пакость.

— Ну и ладно, одной мухой меньше на навозной куче. — Пауза. — Джейк, ты бы лучше посмотрел, какими пушками сможешь пригрозить ментам.

— Это будет нелегко, если мы будем продолжать двигаться с такой же скоростью, но, как я сказал, ты не поверишь, на что способна эта штуковина.

Поворот на портал к земному лабиринту проскочил мимо нас. Космострада разделилась на две ветви, одна из которых постепенно закруглялась влево, а вторая продолжала идти совершенно прямо. Большая часть движения поворачивала влево, но я держал нас прямо и непоколебимо.

— О'кей, вот за нас решен уже один выбор, теперь — либо к рикксианам, либо в никуда.

— А ты уверен, что рикксиане тоже в этой охоте принимают участие?

— Сэм, я знаю со слов властей, что они в этом тоже замешаны.

— Угу... тогда я понятия не имею, что тебе делать. Может быть, тебе надо было свернуть к земному лабиринту.

— Тут куда ни кинь, все клин. Если я проскочу на Терон, это будет означать еще одну погоню на бешеной скорости и всего несколько мест, где можно будет спрятаться при дороге — все из-за болот. Затем идет прямая, которая вся состоит из соляных равнин и никаких совершенно убежищ на ней нет. Потом дорога, где еще одна база милиции, причем очень мощная. Если помнишь, мы там однажды гостили.

— О да! Помню. Хм-м-м...

— Поэтому я лучше попытаю своего счастья с рикксианами. Кроме того, у тебя там были когда-то друзья. Может быть, Крк(свист-щелк) знает про эти тайны хоть что-нибудь. Ведь его так звали, правильно?

— Приблизительно. Разумеется, теперь это не «он», а «она». Они все меняют пол к концу жизни. Но ее гнездо в десяти тысячах кликов вовнутрь лабиринта. И там царил форменный ад уже давным-давно.

У нас оставалось очень мало возможности для выбора. Я почти приготовился к тому, что нам придется съехать с дороги и проехаться по льду, чтобы найти дорогу обратно к земному лабиринту, но мне приходилось считаться с тем, что я везу пять безвинных жизней. Я даже еще не задумывался над тем, что мне делать с телеологистами. Может быть, сдаться было бы, в конце концов, лучше всего. Наконец, расчистить это безобразие. Только вот...

Только вот ма-а-а-аленькая проблема дельфийских серий. Но опять же, может, все и не будет такой гадостью. Черт. Ну и что, если это означало бы просидеть черт знает сколько в психушке, пуская слюни и размазывая собственное дерьмо пальцем по стенам? Пара месяцев уйдет на то, чтобы снова приучиться к горшку и помахать ручкой. Смог бы я с этим справиться, а? Я бы вышел оттуда другим человеком.

М-м-м... нет, спасибо.

Движение несколько разредилось. Территория еще сильнее уплощилась, низкие холмики стали попадаться реже. Машина стала маленьким насекомым, который пробирался по огромному бильярдному шару. Над головой звезды сияли чисто и ясно, словно чистенькие маленькие дырочки, которые проткнули в черном бархате. Вокруг нас простирался самый большой хоккейный ринг, лед блистал в межзвездной ночи.

Снова прозвучал предупреждающий сигнал, на сей раз низкий гудок, который сказал: «Боевые установки!»

Панель с инструментами претерпела еще одну трансформацию, пока на экране сканнера быстро двигалось какое-то пятнышко.

Оно было похоже на снаряд.

— Роланд, посмотри, что ты можешь сделать с этой панелью управления оружием.

Роланд изучил панель, неуверенно потрогал несколько рукояток.

— Трудно сказать, что здесь происходит,— сказал он.— У всех этих систем странные обозначения. Что такое, например, может быть «гашение захватывающего поля»?

— Я могу сообразить,— удивленно сказал я.

— Эта штука приближается к нам довольно быстро. Какая у тебя скорость?

— Запятая-три.

— Ну, я посоветовал бы пришпорить ее.

Я уже именно это и делал. Машина рванулась вперед, вжимая нас в сиденья машины.

— Мне кажется, эта штука в двух километрах и все приближается.

— Запятая-три-пять.

— Все еще ближе.

— Иду на запятая-четыре.

— Все приближается.

Я прижал педаль к полу. Мотор послал бешеные вибрации в рулевое колесо, а оттуда мне в руки и плечи. Высокий визг, едва слышный, пронесся по машине — и это было все. Она продолжала работать и гнать нас вперед.

— Запятая-четыре-пять.

— Все ближе, боюсь. Наверное, у этого снаряда переменная отдача. Его наверняка подталкивают вперед аварийные бустеры. Ох, черт. Вот она, эта штука. По-моему, она: противоторпедный прибор. Господи, с ума сойти можно.

— Запятая-пять.

— Приближается. Наверное, в этом снаряде рано или поздно кончится топливо.

— На это не рассчитывай,— сказал я.— Запятая-пять-пять.

— Все приближается. Примерно в километре.— Роланд крякнул.— От силы тяжести трудно нагибаться вперед — все время отбрасывает назад.

Он напрягся, пытаясь прочесть показания инструментов на панели.

— Это, наверное, автоматическая система. Все в порядке, я ее вооружил. Теперь что?

Мне пришло в голову, что Роланду должно было бы быть еще труднее нагибаться вперед при нашей скорости. Наше ускорение было настолько быстрым, что гравитация должна была достигать трех Г, но это почти не чувствовалось.

— Запятая-шесть.

— Приближается, но медленно.

Еще минутка. Ускорение возрастало все сильнее.

— Запятая-шесть-пять.

— Приближается.

— Запятая-семь! Помогай нам бог...

— Приближается. Полклика.

— Запятая-семь-пять!

— Приближается! Но еле-еле.

Все снаружи превратилось в смазанное пятно. Машина убийственно виляла, и каждое случайное движение моих напряженных мышц могло послать ее в смертельный вираж.

— Не знаю, сколько я еще так выдержу,— сказал я.

— Я работаю над тем, как тебе помочь,— сказал спокойно Роланд.— Все в порядке, все, кажется, настроено, но что включает всю систему?

— Запятая-восемь!

— М-м-м-м... погоди минутку. Нет, не то. «Противоракет-

ный прибор», странный способ назвать такую штуку. Что такое? Не могу понять... «прямо в глаз» и «пусть этим Джо занимается».

Роланд озадаченно посмотрел на меня.

— Что это может значить?

— Христа ради, Роланд!!! ПУСТЬ ЭТИМ ЗАНИМАЕТСЯ ДЖО!!!

— А? А-а-а, о'кей.— Он нажал на светящуюся клавишу, и что-то покинуло зад машины во вспышке зеленого огня. Несколькими секундами позже яркая вспышка озарила дорогу за нами беззвучным взрывом.

Роланд просмотрел сканнеры.

— Снаряда больше нет,— сказал он удовлетворенно.

Он повернулся ко мне и улыбнулся.

— Это было так легко,— он оглянулся назад и озабоченно сказал: — Но нас нагоняет более крупный предмет. Мне кажется, это перехватчик. Похоже на то, что он на вспомогательных горелках.

— Мне кажется,— серьезно сказал Джон мрачным голосом,— что мы только что проскочили поворот на портал в риксианский лабиринт.

Глава десятая

Никто не смел говорить, пока все пытались осознать, что произошло. Мы мчались прямиком в никуда с двумя альтернативами, и не больше: развернуться на дороге и встретиться лицом к лицу с нашим преследователем, или же заскользить по метано-водяному льду и рискнуть провалиться в скрытые щели, геотермальные провалы и случайные кратеры. Я автоматически затормозил, потом сам подивился тому, что делаю и куда, черт побери, я еду? Что делать? Сдаться? Я не увидел никаких приборов, которые могли бы управлять суперсцеплением роллеров, и сомневался, что машина сможет проехать по поверхности металлического метана — может быть, по водяному чистому льду она и проехала бы, но не по воде, которая поймала в клетку мерзлого газа. Опять же, у меня не было никаких оснований просто так, априорно, устанавливать границу возможностей этой тележки.

Джон нарушил молчание.

— Джейк? Что нам делать?

Все глаза устремились на меня: я хочу сказать, глаза телеологистов. Дарла и Винни разговаривали приглушенными голосами. Я проверил сканнер. Петровски очень быстро догонял нас, потому что я притормозил. Я немного нажал на газ, чтобы дать нам всем, а в особенности себе, немного времени. Дорога все еще была совершенно прямая, территория безжалостно

плоского ландшафта. Я не отрывал глаз от того, что было передо мной. На таких скоростях внезапные препятствия — это смерть.

— Джейк... — тихо напомнил о себе Джон.

— Ага, — я выдохнул с силой, потому что принял решение. — Джон, я не собираюсь останавливаться. Не проси меня обосновать моральность такого решения. Я не могу, могу только разве что сказать, что не имею возможности сдаться властям. Я собираюсь прорваться сквозь портал, который ведет на неизвестную территорию.

Сьюзен ахнула. Джон воспринял это молча. Роланд вовсю занялся панелью с приборами.

— Если у вас есть пистолет, — продолжал я, — я посоветую вам приставить мне его к виску немедленно. Портал почти перед нами.

Высвеченные слабым зодиакальным светом на горизонте, цилиндры поднимались надо льдом, словно темные ангелы в судный день.

— Дайте мне сказать вот что, — продолжал я. — Я не стал бы прорываться сквозь этот портал, если бы я считал это самоубийством. Вы можете мне поверить, можете не верить. Примите это с той искренностью, с какой я это говорю, но я не стал бы, ей-богу, прорываться в незнакомый портал, если бы считал, что у меня нет никаких шансов вернуться обратно.

Роланд посмотрел на меня.

— Разумеется, Джейк. Все знают, что ты вернешься обратно — если верить дорожным байкам.

— Я-то основываю свою уверенность на более здравых рассуждениях, чем треп за пивной кружкой. Опять же, примите на веру, что я собираюсь вылететь оттуда с другой стороны, но обязательно вернуться обратно. Собственно говоря, я почти знаю, что смогу это сделать.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джон.

— Не могу пока что объяснить. Просто знаю — и все.

Джон внимательно на меня посмотрел.

— Джейк, я прошу тебя подумать над этим еще раз.

— Извини, Джон. Приставь к моей голове пистолет — и я остановлюсь. Мне самому не очень хочется прорываться в незнакомый и неизвестный никому портал, но я это сделаю, если никто меня не остановит. — Это прозвучало безумием даже в моих собственных ушах.

Сьюзен тихо всхлипывала на заднем сиденье.

— Угрожать собственному водителю на скорости чуть ниже, чем мах-запятая-семь, — кисло сказал Роланд, — мне представляется слегка абсурдным.

Он повернулся к Джону.

— Разве ты не можешь понять, что Джейк — в Плане?

Я поймал выражение лица Джона в свете приборной пане-

ли, когда на миг оторвал глаза от дороги. Очень редко приходится видеть человека, которому предлагается вот так, буквально, проверить на жизненность догмы своей религии. Джон покачал головой.

— Роланд, тут не просто вопрос...

— Ох, да перестань, Джон,— сказал Роланд, которому надоело поведение его недавнего вождя и учителя.— Как же ты можешь быть таким близоруким? Мы включены в План Джейка, а он — в наш. Ты же не можешь отрицать, что существует какая-то связь. Ну, скажи честно?

— Может быть,— сказал Джон, но лицо его противоречило его собственным словам.— Возможно, так оно и есть.

Он внезапно сдался, словно устал от спора.

— Господи, да не знаю я. Я действительно не знаю, что делать.

— Я знаю,— сказал Роланд с нажимом.— Это же очевидно. Неважно, что мы делаем, наши пути и Джейка, кажется, все равно пересекаются. Я скажу, что надо дать Джейку возможность вести нас за собой. Ясно же, что его План сообщает нечто новое нашим.

Дарла колотила меня по плечу.

— Смотри вперед!

Посреди дороги лежала темная лужа. Я резко затормозил, но это было бесполезно. Мы моментально перемахнули по воздуху через естественную впадину на дороге и как ни в чем не бывало оказались снова на твердом льду.

— Извини, Джейк, ложная тревога.

— Ни в коем случае! Следи внимательно и дальше! Мне нужны не два глаза, а четыре.

Роланд снова наклонился над сканнером. Вдруг он развернулся и вгляделся назад через овальное окошко заднего обзора.

— МЕРТЕ! Мне бы надо было смотреть! Он снова тут!

В зеркале заднего обзора я увидел мерцание огней перехватчика.

— Джейк! — голос Сэма.— Все у тебя в порядке?

Времени отвечать не было. Я нажал на газ.

— У меня тут что-то на сканнере! — Роланд ткнул пальцами в панель управления оружием. Замерцали красные и зеленые огоньки.

— Давай, Джо, кто бы там ни был!

Джо не ответил. Что-то ударилось в заднюю часть автомобиля с глухим шмяком. Я не смог увидеть огоньков перехватчика. Темная масса закрывала окно заднего обзора. Я знал, что это такое, поскольку и раньше оказывался на месте того, кто принял на себя удар мяча-липучки. АДГЕЗОСФЕРО на интерсистемном. Теперь липкая масса расползлась по всему окну, размножаясь и шипя, образуя неразделимую молекулярную связь с металлом корпуса машины. Хотя снаружи температура

была близка к абсолютному нулю, эта дрянь не замерзнет, потому что ее химические реакции дают достаточно тепла, чтобы сперва закончить свою грязную работу. Петровски теперь выпускал слабину каната, пока не сформируется связь липучки и машины.

Потом он начнет подтягивать нас к себе.

— Что случилось с противоракетной системой? — хотел узнать у меня Роланд.

— Наверное, прочла приближение этой дряни как медленный снаряд,— сказал я.— Липучкой стреляют из чего-то вроде ракетницы. Теперь не беспокой больше Джо.

Но я сам беспокоился все больше. Я по-прежнему прижимал педаль газа к полу, надеясь размотать всю длину каната, на который Петровски привязал нас, прежде чем неразрывная связь успеет сформироваться. Но увы, мальчики и девочки из милиции намотали какую-то рекордную длину на его катушку. Кроме того, в липучку добавили какую-то сверхкатализаторную дрянь, потому что прошло всего несколько секунд — и все было кончено. Русский держал нас на крючке.

— Роланд,— сказал я,— у этой штуки должно быть какое-нибудь оружие лучевого типа, так найди его!

— Я ищу, Джейк. Но эти обозначения на каком-то странном языке.

— Этот язык — древнеамериканский. Читай мне все это вслух!

— О'кей, скажи мне, что означает: «Взять их, бобик!»

— По буквам! — Он стал начитывать мне, как это пишется, и я остановил его на третьем же слове.— Господи помилуй! Это означает: «Огонь! Пли! Атаковать! Нажми эту кнопку!»

Роланд так и сделал, но ничего не произошло.

— У этой штуки должна быть цель! — завопил я.— Найди прицельную фиговину!

— Прицельную что?

Дорога за нами озарилась бело-голубым огнем, когда русский попытался дать выхлоп из всех задних дюз, чтобы затормозить, и мы поехали вперед на своих сиденьях. Роланд и Джон ударились о лобовое стекло, мне рулевая колонка влетела в грудь. Но я все равно с маниакальным упорством вгонял педаль газа в пол, находя в машине все новые и новые резервы силы. Нога моя словно проваливалась в пол машины. Машина рванулась, а потом ускорение понесло нас наоборот, назад, вдавливая в спинки сидений. Я быстро оглянулся назад. Сьюзен, Дарла и Винни были одной перепутанной и перепуганной кучей на полу. Босая нога Сьюзен комично торчала вверх.

Началось перетягивание каната между нами и русскими, задние дюзы и моторы перехватчика против рычащей мощи псевдошевроле, которую во всей глубине невозможно было постичь. Но русский здорово продумал свои ходы. Он выпу-

стил всю длину каната и дал мне тянуть себя за моей машиной, а потом включил задние дюзы и смотал часть каната и еще немножко, вываживая меня, словно глубоководную рыбу на рыбалке. Он перехитрил меня, и я это знал. А когда он подтащит нас достаточно близко, он опрыскает нас быстро твердеющей дюропеной, замотает нас в иммобилизирующий, обездвиживающий кокон — чертовски эффективная техника против даже той машины, которая намного превосходит тебя по мощности мотора и скорости. Если только достаточно приблизиться, то возможно сделать почти все, что угодно... если не считать «дорожных жуков», то, когда менты хотят тебя замести, не придумать лучшей техники, и делают они это с удовольствием. Однако теперь нас и никакой «дорожный жук» не спасет, если и появится.

У меня был в запасе только один ответный ход. У рыбки есть острые плавники, поэтому хватать ее надо с осторожностью. Я рассматривал, какие последствия могут быть у моего хода, секунду или две, потом резко всадил в пол почти до упора тормозную педаль. Этот мой жест поймал нашего преследователя врасплох, и он просвистел мимо нас, волоча за собой слабину графитового каната. Невидимая струна натянулась до предела, заставила нас самих вильнуть хвостом вперед, но в процессе этого маневра липучка отскочила от нашего заднего окна. Для Петровски это было слишком поздно. У него не хватило ни времени, ни присутствия духа, чтобы отрезать раньше канат. Его передние фары развернулись к нам и на миг ослепили меня, потом закружились в бешеном вращении. Что-то странное происходило у нас: я почувствовал, как незримая сила сражается с тем, как нас занесло вперед задницей, словно включилось инерционное стабилизирующее поле. Я резко стал вращать руль, чтобы помочь нам выровняться, но этого было бы маловато. Мы теперь скользили бортом к дороге, однако что-то стабильно подталкивало нас в правильное положение. Машина Петровски продолжала вращаться, испуская от роллеров струйки дыма и пара — холодный газ из антиспиновых дюз, но машина безнадежно вышла из-под контроля и со свистом слетела с дороги, пролетела через ограждение и выскочила на лед.

Посреди всего этого мы виражом, словно призраки, промчались сквозь светящийся знак. Департамент дорог и сообщения не желал разных там ошибок и четко все написал.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!
ВПЕРЕДИ ПОРТАЛ НЕИЗВЕСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ!!!
ВОЗМОЖНО ПОПАДАНИЕ В ДРУГУЮ ЭПОХУ
ПРОДОЛЖАЙТЕ СЛЕДОВАТЬ ДАЛЬШЕ ТОЛЬКО ПРИ УСЛОВИИ ВАШЕЙ ПОЛНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВСЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!
ВПЕРЕДИ ПОРТАЛ НЕИЗВЕСТНОГО...

Перехватчик стал раскалываться надвое от вращения, заворачиваясь в смертоносную паутину буксирного троса, сверхсильную, сверхтонкую струну, которая прорезала металл, как проволочная резка в магазине режет сыр. Во все стороны полетели куски, какие-то из них поскакали по дороге впереди нас. Я не мог ускользнуть от них, поскольку пытался изо всех сил выправить рулем новый занос, теперь уже в другую сторону, в который мы попали по инерции. Нам снова помогала выправить машину какая-то странная сила. Мы выпрямились, потом нас снова отбросило вправо, на сей раз недалеко, колебания гасли с каждым новым заносом. Огромный кусок металла от стабилизатора выбросило на дорогу, он едва не попал в нас. Я мельком увидел бесформенную массу липучки, которая скакала за раскуроченной машиной по ледяному мерзлому морю, словно совершенно бесполезный якорь, а вес липучки запутывал канат в смертельные петли и узлы. Сражаясь за то, чтобы удержать машину на ровной дороге, я увидел, как впереди замерцали красные огоньки портала. Я наконец полностью поставил машину на ровный ход и обнаружил, что мы едем по краю почти рядом с машиной Петровски, наши левые роллеры на льду, а правый маркер въезда в портал прямо у нас на дороге. Я свернул влево так резко, как только осмелился. Перехватчик теперь был уже просто вращающейся кучей металлолома. Он щедро разбрасывал вокруг куски себя самого... потом он вроде как взорвался, однако я сообразил, что это катапультировалось сиденье Петровски. Он все равно не смог бы выжить, он был слишком близко к цилиндрам, и они так и так его засосут. В лакированном капоте шевроле отразились яркие огни спусковых ракет Петровски: они зажглись, чтобы помочь ему приземлиться. Мы промчались мимо правого маркера входа в портал, еле-еле миновав его.

Теперь началась настоящая гонка. Мы пытались обогнать развалины перехватчика, которые тоже притягивались к цилиндру, прорваться сквозь портал до того, как произойдет страшный обратный взрыв и перехватчик будет разорван на атомы жадными когтями притяжения цилиндров. Дистанция может быть хоть в секунду, но нас она спасет.

Все это и так происходило в течение считанных секунд или даже долей секунды, но для меня течение событий происходило словно в замедленном прокручивании пленки. В ледяной ночи бесконечно крутился перехватчик, его прожекторы все время освещали по кругу пейзаж, словно светил сумасшедший маяк на арктическом берегу. Я посмотрел по сторонам в поисках направляющих маркеров портала, ища знакомые белые линии,

образующие коридор безопасности в портале, но не видел их. Красные огни вспыхивали на приборной панели.

— Джейк? Джейк, что происходит? — голос Сэма звучал слабо, далеко.

Неожиданно подо мною оказались направляющие коридора, и мы, как оказалось, ехали не по центру. Наши левые колеса были на белой линии. Я резко скорректировал положение машины, думая, что настал конец, что просто невозможно проделать такую штуку и остаться в живых, а потом я почувствовал, как жадные пальцы притяжения сомкнулись на нас, машина приподнялась на всех четырех колесах. Мы ехали по диагонали на дороге... каким-то образом, наверное, уголком сознания, я среагировал в эти последние секунды, не раздумывая, крутнул руль резко вправо и нажал на газ...

А потом время резко вернулось к обычному течению, и мы — «бамм!» — встали на все четыре колеса, промчавшись по темному коридору линии безопасности, цилиндры стали черными на черном фоне, а потом меня ослепила яркая вспышка, за ней последовал громкий хлопок, как только мы оказались на воздухе, и мотор машины заревел у меня в ушах. Я увидел свет, чистый, золотой и теплый, потом зрачки мои сузились, и поле зрения разделилось на верхнее, светло-синее, и нижнее, зеленовато-голубое. Кто-то нагибался над моим плечом, и я почувствовал, как чьи-то руки ложатся поверх моих на руле.

— Джейк, тормози!

Дарла помогала мне вести машину. Я затормозил, пытаясь не делать этого панически, чтобы избежать заносов. Я был наполовину слеп, но еще различал дорогу, полоску черного на зелено-голубом. Космострада была здесь подвешена над водой, и ограничительных барьеров не было. Еще несколько секунд — и я увидел, что возвышение над водой было минимальным. Мы были на автостраде, которая пересекала неглубокий участок воды.

Но наша скорость все еще была фантастической. На нас стремительно надвигалась спереди какая-то земля, возможно, остров или риф. Казалось, дорога там и кончается, но в этом я не был уверен. Я видел и другие машины, припаркованные на острове. Я нажал изо всех сил на тормоз, и шины взвыли, как побитые собаки, а зад машины стал вилять. Нас стало относить к обочине, и я отпустил тормоз, чтобы выровняться, потом стал то нажимать, то отпускать педаль, но берег быстро приближался к нам. Я прекратил нажимать урывками и встал на педаль покрепче, визг шин отдавался у меня в ушах, небо, море и дорога скакали у меня перед глазами. Дарла теперь не могла мне помочь — я сражался и с рулевым колесом, и с нею. Я оттолкнул ее и сам перехватил управление, зрение, нормальное зрение, еще не вернулось ко мне, но его было вполне достаточно, чтобы справиться с машиной при ярком солнечном све-

те. Мы снизили скорость до жалких ста пятидесяти миль в час, но берег острова был прямо перед нами. Мы промчались мимо широкого, огромного пляжа, все еще по Космостраде, и проскочили весь остров, как одно смазанное пятно в окнах, пока не оказались на противоположном его берегу возле еще одного пляжа. Дорога перешла в автостраду и вывела нас к морю.

Недалеко от пляжа дорога стала постепенно спускаться, пока не оказалась ниже уровня моря, под волнорезами.

Мое окаменевшее тело было перпендикулярно тормозной педали, и я с силой оттолкнулся от рулевого колеса. Зад машины снова заносило, но я не мог рулить, чтобы выправить машину, просто не мог, поэтому предоставил неведомой силе выправить нас, как давеча. Так и получилось, шины взвизгнули в последний раз, и мы остановились в нескольких метрах от ласковых волн, которые омывали всю широкую дорогу.

Долгое время никто не мог пошевелиться. Я сидел просто так, давая ласковому солнцу успокоить мое лицо, а больше я ничего не чувствовал. Я окоченел, мои руки лежали мертвыми колодами на коленях, тело обмякло и было сейчас совершенно бесполезно. Снаружи доносились странные скрипучие голоса морских птиц и звуки воды, которая лизала тонущую дорогу.

Наконец кто-то застонал. Сьюзен. Я сделал над собой усилие и поглядел через плечо на заднее сиденье. Сьюзен лежала где-то внизу, как и Винни. Дарла сидела на сиденье, но вид у нее был ошеломленный, обрадованный, ей просто приятно было от того, что она жива, ее удивляло, что она осталась жива, и в то же время она совершенно вымоталась. Все это сразу отражалось в выражении ее лица. Наши глаза на миг встретились, и слабая улыбка мелькнула у нее на губах. Потом она закрыла глаза и откинулась назад. Роланд и Джон стали подниматься с пола. Это у них заняло довольно много времени.

Мы еще долго сидели вот так, пока я не почувствовал, что мое тело снова способно что-то ощущать, и тоненькая струйка прежней силы снова потекла в мое тело. Тогда я снова положил руки на руль. Никогда еще у меня не занимало столько времени поставить машину на задний ход, но наконец я сообразил, как это делается, отъехал немного, потом развернулся и поехал назад, в глубь острова.

Никто не произнес ни слова.

Остров был буквально забит машинами разной масти и моделей, они были припаркованы и ждали своих хозяев. Мы доехали до конца пляжа, и я поехал вправо, сойдя с дороги на песок и жесткую ржавого цвета пляжную траву, пытаясь найти путь сквозь толпу припаркованных машин. Тут было всякой твари по паре, многие из этих моделей впервые попадались мне на глаза. Люди тоже были среди машин, как и инопланетяне, они курили сигареты, стояли кучками, смеялись, разговарива-

ли. Остальные устраивали на песке пикник. Где-то под толстым слоем усталости я почувствовал удивление, что вижу здесь людей, но не стал размышлять над тем, что это означало. Все, казалось, чего-то ждали. Я мог догадаться, чего именно, но не стал думать и над этим. Я продолжал объезжать пляж. Остров был узкий, но длинный и в форме полумесяца, чуть больше песчаной полоски, куда натыканы какие-то растения, пучки странных кустов, которые выглядели как водоросли, приспособившиеся к жизни на земле, несколько высоких мохнатых деревьев с тускло-красной листвой. Больше на этом острове ничего особенного не было. Не видно было и никакой другой земли.

Вблизи от одного конца острова, который я произвольно назвал северным, еще один кусок Космострады проходил на мостике с северо-запада. Он по диагонали пересекал остров и тоже исчезал под водой, его пересечение с веткой, которая шла с Голиафа, очевидно, тоже было где-то дальше от нас. В этом месте движение было весьма и весьма существенным, оно было почти пробкой на полклика или около того. Страшно подумать, что было бы, если бы мы, да на нашей скорости, съехали бы именно там... ну ладно, над этим тоже не стоит так отчаянно задумываться.

Движение тут было довольно оживленным, поэтому я развернулся и вернулся обратно, держась западного берега, пока не нашли места, которое было относительно свободно от машин, движения и людей, маленькое возвышение над пляжем, на котором стояло одинокое высокое дерево. Прежде чем остановиться, мы проехали пожилого человека в ярко-голубом комбинезоне, который стоял возле своего родстера, покуривая и с любопытством глядя на нас. Когда я проехал мимо, он показал себе пальцем на нос, желая дать нам понять, что воздух здесь был вполне хорошим для дыхания. Спасибо. Я опустил окна вниз, и липко-тягучий воздух Голиафа со свистом вырвался наружу и впустил в машину вкусный соленый воздух и запах моря, весьма похожий на воздух земли. По долгому опыту я мог сказать по звуку ворвавшегося воздуха, что давление было практически таким же, как и в машине, поэтому за это не приходилось беспокоиться. Здесь атмосфера тоже была довольно густая. Несколько раз у меня кружилась голова, и я знал, что мне следовало бы проверить воздух на содержание кислорода, но не хотелось возиться и искать в машине соответствующие приборы. Я словно спал наяву, мне было все равно, словно меня здесь и не было. Я остановил машину на краю легкого склона к пляжу, поставил на нейтральную позицию переключатель скоростей и потянул на себя ручник. Я не выключил мотора. Потом открыл дверь. Мне пришлось весьма постепенно заставлять свои ноги двигаться — они превратились в домашнее повидло. Потом я все-таки вылез, проковылял по склону

к пляжу и упал на колени. Я повалился вперед и растянулся на теплом песке.

Дарла спустилась вниз и легла на спину возле меня. Она сняла свой комбинезон и была только в лифчике и трусиках, золотистая кожа ее сияла на солнце, а она подставляла ее лучам, словно хотела еще больше загореть. Дарла с легкостью могла бы быть блондинкой. Пушок на ее теле был очень светлый. На плече была родинка темно-красного цвета в форме сердечка.

Я закрыл глаза и перестал думать. Морские птицы, уж не знаю, как их называют здесь, скрипели над головами. Я не смотрел на них, не думал о том, что надо бы посмотреть. Я просто слушал, как они вопят, слышал, как волны лижут песок, время от времени где-нибудь рокотал мотор, шуршание роллеров по Космостраде. Мои закрытые веки светились на солнце оранжево-красным. Постепенно мне стало очень тепло в моей кожаной куртке. Я лежал так до тех пор, пока мог все это вынести, потом сел и снял куртку, снял ботинки — рубашки у меня до сих пор не было — и повернулся, чтобы лечь головой рядом с Дарлой. Небо было мглистое, в легкой серебристой дымке, на нем висели ленточки длинных, перистых облаков. Я видел всякие летучие существа. Оказалось, это рыбы. По крайней мере, они выглядели, как рыбы: у них были длинные серебристые тела и огромные, похожие на крылья, грудные плавники, словно сделанные из прозрачной пленки, растянутой на каркасе из острых косточек. Они на самом деле не летали, а парили. Я смотрел, как одна из них несется в воздушном потоке прямо над нами, она словно бы и не двигалась, скользя по мягкому океанскому бризу. Она повисела там минуту или две, потом потеряла высоту и стала нырять к воде. На полдороге она сложила крылья и ринулась головой вниз в воду за волноломами. Я услышал плеск и поднял голову. Неподалеку от того места, где нырнула первая рыба, другая подняла голову и рванулась из воды прямо в воздух, выстрелив на добрые десять метров, прежде чем она развернула крылья с таким звуком, словно внезапно раскрыли зонтик. Она поймала восходящий воздушный поток и стала подниматься.

Потом я заметил останки потерпевших аварию. Куча покинутых автомобилей, некоторые из них земного происхождения, кучей валялись в прибое, возле волноломов, а некоторые были разбросаны по пляжу, по песку, некоторые из них так занесло песком и они поросли пляжной травкой, что я сперва принял их за дюны. Видимо, эта планета долгое время уже была тупиком. Те, кто не имел воздушного пространства, оставались тут, им либо приходилось плыть, чтобы достичь цели, либо вымолить, чтобы их перевезли, либо помирать. Но наверняка же должен был быть выход из этого положения! Только вот какой...

Я откинул голову назад. Конечно, выход должен быть. Ина-

че почему тут такое движение? Что, все обречены тут остаться? Перестань думать.

Но я не перестал, и стал вместо этого беспокоиться насчет Сэма. Он, по меньшей мере, был на час позади нас. Станет ли он прорываться сквозь неизвестный портал? Знал ли он, что я поехал именно этим путем? Может быть, мы оказались далеко за пределами видимости сканнера, но ведь он наверняка проследил нас до поворота на выход в лабиринт риккси-ан и увидел, что мы его проехали. Я снова поднял голову. Я мог видеть выезд из портала, который вел с Голиафа. Ладно, поживем — увидим. Я снова лег. Я беспокоился обо всем, что нам немедленно требовалось, проследил, чтобы все, что я мог сделать, было сделано, и теперь мне было наплевать на ментов, ретикулянцев и даже на телеологистов. В данный момент прохладный соленый ветерок слегка охлаждал мою воспаленную кожу, Дарла была со мной рядом, и мне было совершенно наплевать на то, как все будет, потому что сей момент все было тихо и спокойно.

На лицо мое упала тень, и я открыл глаза. Это Дарла смотрела на меня. Она улыбнулась, и я улыбнулся в ответ. Потом она хихикнула, и я ответил тем же.

— Пусть этим занимается Джо,— сказала она.

Это было похоже на то, как человек повторяет последнюю фразу из нашумевшего и очень смешного анекдота. Мы не могли удержаться от хохота.

— Взять их, бобик! — проговорил я между двумя волнами веселья.

Мы все смеялись и смеялись, и наше напряжение моментом спало. Дарла повалилась на меня, я был совершенно беспомощен, мы катались в судорогах от хохота, два идиота на песке. Мы так себя вели минут пять. Это была сверхреакция, в ней были нотки истерии, на нас свалился весь этот ужас, но мы отмели его воплями и хохотом.

Потом все прошло, и мы, обессилев, лежали на песке, посерьезнев. Мы посмотрели друг на друга, и в первый раз я увидел тонюсенькую трещину в этой скорлупе, гладкой и спокойной, увидел ранимость в глазах Дарлы. Рот ее был полуоткрыт, нижняя губа чуть-чуть дрожала, глаза расширились и искали что-то в моих глазах, искали подсказку.

«Я боюсь... это ничего? Ты мне позволишь?» — вот что говорили ее глаза.

Мне хотелось сказать:

— Да, любимая, все в порядке, можешь расслабиться, не бойся чувствовать страх, когда это оправдано, и, конечно, ради тебя я буду сильным, так что в следующий раз тебе совсем нечего будет бояться... А может быть, в следующий раз ты позволишь бояться мне...

Но вдруг она свернулась клубком в моих объятиях, и говорить было больше нечего.

Очень быстро мы разделись донага, ее трусики и лифчик каким-то образом материализовались в моих руках. Они были такими незначительными вещами, просто кусочками мягкой ткани, и тут, не успел я оглянуться, мы занялись любовью, не думая о том, что рядом могут находиться люди. Это было внезапное, отчаянное соединение, нечто бо́льшее, чем просто физическая связь. Нам надо было сказать друг другу, что мы все еще были живы, что мы все еще были на этом свете, способные чувствовать, касаться, ощущать друг друга, нам нужно было доказательство, что у нас еще были целые, не искалеченные тела, которые пульсировали жизнью, сияли теплом и могли чувствовать удовольствие и боль, радость и печаль, и усталость. Нам надо было убедить себя, что мы не были кусками безжизненного тела, которое разбрызгало по всей Галактике, что мы не были мертвы. И, как всегда бывает после тесного соприкосновения со смертью, нам надо было почувствовать, как драгоценно каждое ощущение, каждый миг, надо было осознать, какое чудо — жизнь.

Потом мы лежали совершенно спокойные и умиротворенные. Птицерыбы скрипели свои странные песни над нами. Положив голову Дарле на грудь, я смотрел на странные моллюскообразные существа, которые ползали по песку — они совершенно не были похожи на крабов, больше они напоминали крохотные розовые грибы на трех ножках. Неподалеку от нас какое-то животное с ярко окрашенной раковиной частично торчало из песка, потом оно выстрелило струйкой воды в воздух около нас — поп! — и снова закопалось в песок. Я в первый раз заметил, что в белом песке вокруг нас и под нами были сверкающие вкрапления, миллионы сверкающих стеклянных бусинок. Чистые силиконовые тектолиты, продукты метеоров, которые ударяли в эту планету давным-давно. А может быть, совсем не так давно. Что-то изменило геологию этой планеты с тех пор, когда строители проложили тут Космостраду.

Я услышал легкий шум и поднял голову. Инопланетное воздушное судно, которое по спирали поднималось в небо, набирая скорость. Оно взлетело с северного конца острова. Вот счастливый сукин сын. Потом я высказал про себя надежду, что он знает, где входной портал, и что дорога к нему позволит ему сесть. Иначе ему придется разворачиваться, снова лететь сюда и смешиваться с толпой тех, кто ждет здесь и глотает пыль. Вероятно, без топлива он не останется. С ядерными моторами это огромная редкость, но иногда на Космостраде можно увидеть такие странные вещи, такое примитивное оборудование, что диву даешься. Должно быть, оно принадлежит таким расам, которые трудно назвать стремящимися к техническому прогрессу.

Много позже я встал и стоял над Дарлой, глядя на стройное золотистое тело. Она открыла глаза и улыбнулась. Потом я посмотрел на пригорок. Человек в голубом комбинезоне смотрел вниз на нас, но он стоял так далеко, что мне трудно было сказать, что играет у него на лице: блудливая усмешка или приятельская улыбка. Мне было абсолютно все равно, если он стоял здесь все это время, что мы там лежали.

— Как вода? — завопил я ему. — Купаться безопасно?

— Да, конечно! — заорал он в ответ. — Давай вперед!

Дарла встала, не стыдясь своей наготы. Я взял ее за руку, и мы побежали к волнам, влетели в воду в фонтане брызг, потом нырнули в первую же набежавшую волну. Вода была теплой, как молоко, но было так приятно смыть в ней пот и песок. Мое первое купание за... сколько же времени прошло? Дарла, по-моему, тоже давно не купалась, разве что она успела это сделать тогда, пока я был... ну, конечно, в мотеле телеологистов. Погодите-ка. А разве она туда с ними пошла? Она ничего не говорила. Собственно говоря, она не рассказала ничего из того, что с нею произошло после того, как ее не поджарили в кустах. Я предположил, что она отправилась в город с телеологистами после того, как менты уехали, прихватив меня с собой, но я этого точно знать не мог. Она скажет мне об этом чуть позже, значения не имеет. Я наклонил голову в море, зафыркал, как следует растерся, чтобы смыть с себя тюремный запах. Это как запах целой организации. Вода была очень упругой, прекрасно держала тело, она была слегка слизистым солевым раствором. Это было примерно так, как если бы мне пришлось плавать в курином бульоне. Дарла уплыла подальше, чем я, лениво лежа на спине и иногда гребя руками. За нею еще одна птицерыба ракетой взвилась в небо и распахнула крылья.

Ладно, возьмемся за этот вопрос. Каким, черт побери, образом Дарла оказалась в отделении милиции с Петровски? Они что, пришли и забрали ее? Или она пришла и попыталась настоять, чтобы меня отпустили? Она сказала, что Петровски хотел допросить ее, но Петровски сказал...

Что-то темное и огромное двигалось в глубокой воде за спиной Дарлы. Я встал и внимательно всмотрелся. Мне эта штука не понравилась, а Дарла была слишком далеко от берега. Я позвал ее и велел ей возвращаться жестом. Она ответила мне вопросительной улыбкой.

— Ну же, Дарла!

Она сообразила и выстрелила вперед австралийским кролем, быстро добравшись до мелководья. Ее гребки были длинными и сильными. Потом налетевшая волна подтащила ее ко мне. Я поднял ее на ноги и показал ей в море. Как раз в этот момент что-то разбило водную гладь с кипеньем воды. Я увидел только огромную темную массу и разинутую пасть, где было больше зубов, чем было мыслимо вместить. Потом пасть

погрузилась под воду, закрывшись с треском. Море кипело от движений страшного чудища, плавники и прочие штуки то показывались, то исчезали под водой на обширном пространстве. Вроде как боролись два крупных животных.

Дарла, конечно, на самом деле не была в опасности, но если бы она заплыла чуть дальше...

— Эта сволочь! — горько сказала Дарла, поворачиваясь к пляжу. — Он же сказал, что тут...

Я посмотрел. Человек в комбинезоне исчез.

Она повернулась ко мне и обхватила себя руками, словно ей вдруг стало холодно.

— Странно и дико, — сказала она с кислым видом.

Сохрани нас бог от улыбчивых свихнувшихся сволочей.

Глава одиннадцатая

Когда мы добрались обратно до машины, Джон сидел на переднем сиденье, свесив ноги из двери, ухмыляясь нам. Винни играла в песке совсем рядом, рисуя узоры куском раковины. Я улыбнулся в ответ, довольный тем, что у Джона изменилось настроение.

— А где твои двое камрата? — спросил я наполовину на интерсистемном.

Он показал на ближайшее дерево, в тени которого Роланд и Сьюзен лежали, свернувшись в клубок.

— Вроде как они помирились, — заметил я.

— Так и есть, — одобрительно сказал он. В его словах не было ни малейшего намека на ревность. — Как водичка?

— Замечательная, только подводная жизнь и фауна здесь слишком оживленные.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, на самом деле нет, — я присел на переднее сиденье, мечтая о сигарете. Я пытался об этом забыть, посмотрел по пляжу в сторону дороги. Пока что никакого движения. А что, если он, Сэм, не прорвался? Мне будет его не хватать, но средство передвижения у нас было. Но то, что нет еды... м-м-м... и денег нет. Что, интересно, находилось в обращении за пределами известных лабиринтов? Вне сомнения, мы это выясним. Еда. Господи, как же мне хотелось есть. Интересно, как долго я не ел? Ужин прошлой ночью, и с тех пор — ничего. Я вздохнул, потом сунул ключ от Сэма в карман штанов.

Чуть позже Сьюзен и Роланд встали и подошли к нам.

— Привет, — сказала Сьюзен, улыбаясь чуть сконфуженно.

— Привет, Сьюзен.

Она казалась такой спокойной, даже довольной. В ней произошла примечательная перемена.

— Ну что ж,— сказала она,— мы, кажется... прорвались, и у нас это получилось, а?

— Да, так и есть. Извините.

Она покачала головой.

— Никакой надобности извиняться. Я все теперь прекрасно понимаю. Роланд прав в отношении тебя. Ты явно какой-то поворотный пункт в наших судьбах.— Она рассмеялась и сморщила нос.— Ну вот, мы тебя замучили телеологической болтовней. Это значит, что...

— Мне кажется, я понял,— сказал я. Потом, сообразив, что я снова ее перебил, я сказал: — Прости, Сьюзен. Ты же объяснила. Говори дальше.

— Да это не имеет значения. Меня перебивают главным образом потому, что я слишком много болтаю. Я тебе потом скажу.

— О'кей, но я прошу прощения еще раз.

Она подошла поближе ко мне и закинула руку мне на шею, наклонилась и почти готова была меня поцеловать, но сперва посмотрела на Дарлу, словно желая убедиться, что та на нее за это не обидится. Дарла присела возле Винни, глядя, как та рисует. Тогда Сьюзен сладко поцеловала меня.

— Ты сделал то, что ты должен был сделать, Джейк,— сказала она.— Это не твоя вина. У тебя тоже есть План.

— Правда? Я-то тут думал, что я блестяще импровизировал.

— Нет-нет. Твоя задача состоит в том, чтобы сперва открыть План, потом идти по его предначертаниям, принять его.

— Угу. Карма.

— Нет, не карма. Карма — это еще одно слово для судьбы, предрешенности. А план есть план. Схема, структура, что-то, чему можно следовать. Планы могут меняться, но только в том случае, если перемены связаны со всей структурой мира в целом.

— Понятно. О'кей. Попробую.

Что еще я мог сказать?

Она снова поцеловала меня, потом пошла посмотреть, что там замышляли Дарла и Винни.

— Хм-м-м-м-м...— раздался за моей спиной голос Роланда.

Я повернулся на сиденье. Он снова изучал панель с приборами.

Он взглянул на меня.

— Мне кажется, я наконец сообразил, где лучевое оружие, если я правильно все это понял,— он обвел рукой все циферблаты на панели управления оружием.— Кстати, ты заметил, что все это исчезло после того, как мы пролетели сквозь портал?

— Нет,— сказал я, не очень удивленный тем, что у Роланда

хватило присутствия духа заметить что-нибудь среди всего возбуждения и страха.

— Должно быть, это автоматическое. Выскакивает, когда оборонительные системы улавливают угрозу — это устройство для запуска снарядов, например. Но водитель может заставить эти штуки появиться в любой момент.

Он показал мне маленькую кнопочку на левой колонке.

— Не беспокойся. Все были в стороне от машины, когда я ее нажал. Это очень пригодится, поскольку может заставить панель управления оружием появиться тогда, когда водитель заметил опасность, а машина — нет.

Он показал на панель управления лучевым оружием.

— Взять их, бобик...— повторил он. Потом повернулся ко мне с ошеломленной улыбкой.— Правда, странно?

— Ну, не совсем,— ответил я.— Владелец, вероятно, хотел сбить с толку любого, кто украл бы машину. Как мы. Как я.

— Тогда зачем вообще навешивать на все ярлыки?

— Хороший вопрос. Плохая память? — собственно говоря, тот факт, что у владельца, вероятно, было неплохое чувство юмора, должно быть, объясняло эти вопросы гораздо лучше.

— Ну, кто знает. Во всяком случае, цель можно выбрать просто вот так.

Он коснулся пальцем экрана сканнера, накрыв точку своим указательным пальцем, потом убрал палец. Линии на экране сошлись, и точка оказалась в мигающем красном кружке.

— Это замыкает систему на отслеживание цели, а переключатель выстрелов — вот тут.

— А тут у тебя что?

— Дерево, как я понял. Эта штука, вероятно, так откалибрована, чтобы игнорировать растительность, но дерево это слишком высокое.

Я оглянулся в поисках этого дерева. Несколько машин были припаркованы довольно далеко от нас. Родстер Свихнувшейся Сволочи уже куда-то убрался, и все из нашей группы были сзади машины. Потом я посмотрел на дерево. Это было мохнатое неказистое деревце, не такое, которое можно было бы назвать привлекательным. Машина стояла чуть левее него.

— Я так понял, что положение машины не имеет значения.

— Сомневаюсь,— сказал Роланд.

— О'кей. Ладно, не стреляй минутку.

Я выбрался, пошел к дереву и писал так долго, как никогда в жизни. Я просто везун, что мне удалось терпеть так долго. Там, на Космостраде, были такие моменты...

Я пошел обратно к машине и скользнул снова за руль.

— Ладно, сержант артиллерии. Стреляйте, когда будете готовы.

— Есть! — он включил кнопку.

Что-то вылетело слева из-под машины, что-то большое и сияющее, извивающийся шар красного огня, который визжал, словно чудище из ада, отпущенное на волю. Этот звук заставил дрожь пробежать у меня по хребту. Форма была не совсем шаровидная, скорее расплывчатая, но в ней был намек на нечто живое, на извивающиеся члены, ноги, которые двигались по земле, но существо менялось в полете, вертясь, как пылевой смерч. Оно было огромное, по крайней мере, раза в три больше машины, и двигалось быстро и стремительно, как кошка, мгновенно покрыв расстояние от машины до дерева. Бешеное пламя поглотило дерево, потом огненные лапы окружили его и разодрали на части, вырвали с корнями из земли. Швырнули его в воздух, закрутив так, что оно завертелось волчком, бешено сгорая. Пылающие ветки полетели во все стороны. И все это время форма облака менялась, а звуки издавались такие, что, если их раз услышать, больше этого не захочешь. Дерево было разорвано на клочки, взвихряясь пеплом демонического сожжения. Оно еще некоторое время горело.

Когда ничего не осталось, странное пламя рассеялось, пропав в воздухе. Все, что осталось — это были дымящиеся куски на земле. Потом дым поднялся с того места, где было дерево.

Я обнаружил, что все это время очень крепко сжимал руль. Я расслабился и откинулся.

После долгого молчания Роланд сказал:

— Стало быть, это и был бобик...

— Угу,— я подавил дрожь. Эта штуковина действительно крепко подействовала мне на нервы.— И какие у тебя идеи?

Роланд подумал и сказал:

— Энергетическая матрица своего рода.

Что меня действительно достало, так это то, что у этой дьявольской штуковины была маниакальная целеустремленность. Верно, ее цель была всего-навсего дерево, но у меня было такое ощущение, что это существо поступило бы точно так же со всем, что только живет во вселенной. Со всем, с чем угодно. И не остановилось бы, пока не выполнило бы работу.

— Я так понимаю, что под матрицей ты имеешь в виду энергию, сформированную каким-нибудь полем, вроде статичного?

— Либо это, либо это какая-то невообразимая форма жизни.

— Форма жизни?! Господи помилуй,— именно тогда я сам себе признался, что от этой машины меня мурашки по коже продирают.

— Собственно говоря,— сказал Роланд,— я не могу даже толком придумать, что такое это могло быть.

— Угу.— Я тоже не мог ничего придумать, и мне хотелось снять эту тему.

Я выбрался из машины, немного пошатываясь. Всюду, по

всему берегу люди и инопланетные существа залезали в свои машины и уезжали куда-то. Я не мог их обвинять в поспешном бегстве после того, что они видели. Джон, Сьюзен, Дарла и Винни лежали ничком на песке, глядя на меня вверх с изумлением и испугом, кроме Винни, которая зарылась физиономией под мышку Дарле.

— Извините, ребята,— сказал я,— мне бы надо было вас предупредить, но мы не ожидали ничего подобного,— я показал рукой через плечо,— кой черт это был — мы и сами понятия не имеем.

Они все стали потихоньку вставать. Я пошел обратно посмотреть на заднюю часть машины, где было нечто вроде склада. Есть еще один старый термин, который обозначает склад всяких вещей в машинах этого типа, но я забыл его. Черные куски затвердевшего мяча-липучки, которые прилипли к металлу, все еще висели на заднем окне. Я ударил их ребром ладони. Это было рискованно, но я ставил на то, что металл этой машины не допустит перманентного сцепления с чем бы то ни было. Я выиграл спор сам у себя. Эта штука, из которой делают липучку, прилипла только поверхностно, но не была рассчитана на то, что на нее будет направлено срезающее усилие. Я все думал, будет ли конец тем сюрпризам, которые были в запасе у машины.

Я прошел снова к передней части, переступая через картинки, которые Винни рисовала на песке, теперь они частично стерлись. Из того, что я мог видеть, картинки были все составлены из спиральных линий.

Я забрался за руль. Теперь Джон сидел там, где был Роланд.

— Ну что же,— сказал я,— по-моему, нам придется здесь какое-то время поболтаться.

Как раз в этот момент я заметил кое-что и насторожил уши.

— Эй, слушайте, а это не моторный шум?

Мотор работал вхолостую, но так тихо, что трудно было сказать.

— Я выключил мотор,— сказал мне Джон.— Когда ты вышел после того, как мы остановились, ты выглядел так, словно не собирался... извини, я что-нибудь не так сказал?— он выглядел смущенно и потерянно.— Снова я что-то напортачил?

— Нет-нет. Я должен был кое-что сказать. Просто я подумал о том, что в этой колымаге должны быть всякие противоугонные средства. Но я не могу понять, как действует это оружие. О-о-о, понятно.

У ключа была позиция с надписью ВСПОМ. Джон не повернул ключ до конца.

— Хм. Интересно, что произойдет, если я попробую завести ее снова?

У Джона был такой вид; словно он не понял всех нюансов

положения. Невзирая на глубокие сомнения, вопреки здравому смыслу, я все же повернул ключ.

Воздух был полон кошек, огромных пушистых кошек, чей мех стоял дыбом, треща от статических зарядов, которые кололи каждый квадратный дюйм моего тела. Я выскочил из машины в тот же миг, но, хотя явление это моментально прекратилось, как только я оказался снаружи, все у меня чесалось и щекотало. Я посмотрел на машину и увидел, что она просто ожила. Двери захлопнулись, окна поднялись, и в один миг наша машина оказалась герметично закрыта. Только внутри были Джон и я. Вскоре он вышел из-за машины, стряхивая песок с груди. Волосы его были присыпаны тоже песком, и он наклонился и вытряхнул его из волос. Я медленно поднялся на ноги, думая, ну почему я иногда вытворяю вот такие идиотские вещи.

Джон подошел ко мне.

— Джейк...

— Да, Джон.

— Я только хочу сказать...— он подыскивал слова.— Ты самый... нескучный человек, которого я когда-либо встречал. Я не знаю, как еще это сказать.

Он заковылял прочь.

Что это? Неуклюжий комплимент или ловкое оскорбление?

Опять же, если подумать, я ничего такого и не делаю. Просто со мной такое случается...

Глава двенадцатая

Я чувствовал себя двояко, потеряв шевроле. С одной стороны, я почти радовался тому, что потерял эту проклятую штуковину и ее бездонный мешок сюрпризов. С другой стороны, я ненавижу ходить пешком, а нам именно это и пришлось делать. Мы доскакали на собственных копытах до того места, где въезд в портал Голиафа разделял остров почти надвое. Дальше к югу плотность движения была больше, и мне пришло в голову, что если что-нибудь приезжает для того, чтобы забрать всех с острова, то это должно быть как раз там. Я был прав. Примерно в трех четвертях пути по внутренней кривой полумесяца на восточном берегу была пристань. Теперь я знаю, что моя интуитивная ориентация, по крайней мере, немного была правильна. Солнце теперь заходило на другой стороне острова, а для меня то место, где заходит солнце, называется западом. Странно, что большая часть планет вращается к востоку.

Я стоял, глядя на запад вдоль отрезка дороги на дальний берег, вдоль того места, где дорога закругленно вливалась в море. Мне казалось, что я могу оттуда видеть выезд из портала.

— Роланд, как по-твоему, насколько далеко от того места, где мы выехали на планету, до того места, где мы остановились?

Он заслонил рукой глаза от солнца и посмотрел на запад, потом взглянул на ближайший берег, потом опять назад.

— Два клика, может быть, меньше.

— А во сколько ты оцениваешь нашу скорость, когда мы пролетели насквозь через портал?

— Мах-запятая-восемь, но я не смотрел.

— Я тоже не смотрел, но звучит здорово. Значит, мы перешли от примерно двухсот пятидесяти метров в секунду к нулю меньше чем за два клика. Что это означает в переводе на силу тяжести, такую работу, от которой глаза на лоб должны вылезти, а? И ведь учти, я не сразу стал тормозить.

Я почти чувствовал, как шевелятся электроны в мозгу у Роланда, либо Роланд был естественным молниеносным счетчиком, либо у него в мозг был вживлен микрокалькулятор. Временами — просто на несколько секунд — глаза его становились холодными и словно силиконовыми. Он быстро ответил.

— Слишком много. — Потом покачал головой, изумленный и озадаченный. — Не могу подсчитать. Это не может происходить.

— Я как раз именно это и думал, но волей-неволей приходится признать, что это правильный подсчет.

— Но мы не почувствовали такого страшного торможения. Нормальные нагрузки обычного панического торможения, да, но... — он подумал над этим. — Это означает только одно — что этот странный шевроле не чувствует себя связанным какими-нибудь там естественными законами физики. Вроде как сохранение энергии или движения.

— Правильно, но это невозможно, по крайней мере, мне так говорили в школе. — Я кое-что вспомнил. — Еще одна вещь — мне никак не удалось подумать над этим прямо тогда, но я почувствовал волну жара, когда только что выбрался из машины. Сперва я подумал, что это солнце, но стало прохладнее, когда я отошел от машины. Это, конечно, могло быть всего лишь мое воображение...

— Нет, ты прав. Машина испускала тепло какое-то время после того, как мы остановились. Оно было очень и очень заметным, но когда я потрогал корпус, он был только слегка теплым.

— Сверхрадиационная субстанция, вероятно, но это не удивительно, если принять во внимание скорости, которые машина может развить в атмосфере. Скажи мне, как тебе кажется, могла машина превращать неизрасходованную энергию прямо в тепло?

Он пожал плечами.

— Почему нет? Превращение энергии движения и инерции

в тепло — пожалуйста. Я склонен поверить во что угодно после встречи с этой машиной.

Я почесал свою трехдневную щетину.

— Ага. Диковато, правда?

— Хм-м-м... диковато, это точно, да.

Остальные поджидали нас на другой стороне дороги. Это была длинная тропа, и нам надо было еще идти и идти, если мы хотим попасть на пристань, так нам, по крайней мере, сказали.

— Неприятности, Йи? — спросила нас одна пожилая женщина. — Фаша машина сломалься?

— А-а-а, да. Скажите мне, это правда, что отсюда нет пути обратно в земной лабиринт?

Она рассмеялась, показав золотой клык во рту. Вид этой штуки потряс меня, пока я не понял, что это было. Когда это дантисты прекратили применять эту технику? Сто лет назад? Двести?

— О, найн, найн, каррада, нет, нет, нет, — видимо, вопрос был страшно глупый. — Майн готт, нет, — сказала она, все еще смеясь. — Невозможно. Фы ехать не тот портал? Йи? Ошибка?

— Да, мне кажется, так все и получилось. Спасибо.

— Фы идти там, — сказала она, показывая рукой на юг. — Мы там стоять, пока лодка не прийти, — продолжала она, показывая с презрением к нижнему краю острова. — Слишком много люди. Инопланетяне.

Ее спутник жизни улыбнулся мне. Он был чуть постарше, лысый и носил на глазах линзы... очки, вот как они называются. Мы оставили их хихикать друг с другом, словно они только что услышали замечательную хохму. Отходя в сторону, я сообразил, что тут в округе довольно много людей пожилых и почти старых. Здесь что, нельзя получить лечение от старости? Золотые зубы, очки... о'кей, вещи эти были примитивны, но как насчет средств транспорта?

— Джейк! — это Джон позвал меня через дорогу. — Женщины хотели бы найти туалет. Нам бы найти хоть укромное местечко.

— Правильно.

— Кто-то едет, — сказал Роланд, показывая на западную дорогу.

— Сэм!

— Нет... родстер... даже два.

Я заслонил глаза от солнца и посмотрел. Две зеленые точки направлялись к нам. Ретикулянцы, абсолютно вовремя.

Я чуть не перебросил Роланда через дорогу. Нам тут же нужно было убежище, но поблизости не было ничего подходящего, кроме небольшого пригорка, до которого надо было бы бежать еще с минуту. Я завопил всем, чтобы они бежали так, словно за ними черт гонится, и они помчались, не задавая вопросов. Они быстро учились, как надо себя вести.

Распластавшись в песке за вершиной холмика, я смотрел, как два зеленых родстера, словно насекомые, проехали по острову и остановились на краю восточного пляжа. Впереди был тот автомобиль, который тащил трейлер, а тот, что ехал сзади, был покрупнее, с дополнительным задним сиденьем, плюс еще складское пространство впереди. Смутно очерченные фигуры за подтемненными иллюминаторами сзади не показались мне ретикулянскими, но я не мог сказать, люди это были или нет. Оба автомобиля съехали с дороги, вероятно, для того, чтобы переговорить между собой. Через минуту-другую они пересекли Космостраду и направились на север, возможно, идя по нашим отчетливым следам. Только действительно ли они шли за нами? Нет, дорога, которая огибала пляж и так изобиловала движением... Наши следы должны были бы к тому времени уже стереться. Когда они увидели наполовину потонувшую дорогу, шансы были пятьдесят на пятьдесят, что они поедут на север. И все же...

Когда они пропали из виду, я встал и стряхнул песок с груди. Теперь я был без куртки и без рубашки, поскольку моя коричневая вторая кожа осталась в шевроле вместе с пистолетом Петровски. Сила привычки спасла для меня ключ от Сэма, потому что я вообще-то не оставляю его валяться где попало. Я благодарил всех богов, какие только есть во вселенной, за то, что вовремя переложил его в карман штанов.

Я прошел на другую сторону холма и слегка дал волю чувствам. Дарла смотрела, как я пинаю песок, поднимаю палку и избиваю ни в чем не повинный куст растительности до состояния пюре. Потом я бросил палку.

Она подошла ко мне.

— Тебя наконец тоже достали?

— МЕРТЕ! — сказал я. — Дерьмо вонючее!

Я еще пару раз пнул песок.

— Черт побери и в ад спусти!

На большее у меня не хватило дыхания.

Она подумала, что это довольно забавно. И я тоже с ней согласился через пару минут. Я посмотрел на нее. Она была в трусиках и лифчике, на ней были ее сапоги до колен, а свой комбинезон она свернула в узел, который несла под мышкой. Роланд нес ее рюкзак. Если мои мозги не были бы заняты всякими проблемами, мне тоже трудно было бы на нее не таращиться. Роланд таращился так, что глаза вылезали из орбит, и я не мог его упрекнуть. Трусики Дарлы были совсем прозрачные, Сьюзен была тоже по всем стандартам радостью для глаз, тем более, что сверху на ней вообще ничего не было, но для него Сьюзен была уже, так сказать, известной величиной.

— Дарла, каким образом эти проклятые клопы выслеживают нас?

— Не знаю. Это очень странно. Но они ведь команда Ловушки, разве не так?

Остальные насторожили уши. Я пожалел о том, что Дарла так сказала, но теперь они все поняли, даже если раньше им это не пришло в голову. Ловушки охотятся только за одной жертвой и только за одной, так что телеологисты не были в опасности, если только ретикулянцы не собирались использовать их в качестве приманки, чтобы до меня добраться. Но это, как я понимал, была вполне реальная возможность.

— О'кей, значит, они команда Ловушки, но как они проследили нас через случайный портал... и почему?

— А могли они проследить нас сканнером?

— Они были позади Сэма, и даже он, наверное, потерял нас. А Сэм не пролетел через портал, поэтому они не за ним сюда проехали. Нет, у них какая-то более экзотическая техника слежения, которую знают только ловушечники. Но что это за техника?

Дарла подумала над этим.

— Химические следы? Феромоны?

— Возможно, но разве могут они выследить крохотные количества этих веществ сквозь бесчисленные безвоздушные километры?

— Некоторые земные насекомые могут чувствовать молекулы — одну или две — в кубических кликах воздуха, так что может быть...

— Да, но рикки-тикки — не насекомые. Они высокоразвитые формы жизни. Они даже рождают своих детей так же, как мы.

— Я собиралась сказать, что с помощью высокоразвитой технологии они могут делать то же самое через вакуум.

Я погладил ее плечо.

— Извини, родная, я просто вредничаю. Я знаю, ты правильно заметила... но...— я посмотрел на небо и помассировал шею.— Господи, как я устал.

Я зевнул и почувствовал, что не могу остановиться.

— Извини,— сказал я, наконец придя в себя.— Еще одна вещь. Когда они меня взяли на крючок?

— В ресторане? У «Сынка»?

Я раздумывал над этим довольно долго.

— Ага. В ресторане. Но я никогда не подбирался близко к этому ретикулянцу. Если бы они поливали меня какой-то дрянью, она попала бы и на других людей. Запутала бы им следы.

Дарла прикусила губу и покачала головой.

— Не знаю, но они как-то должны были это сделать, Джейк. Мы же знаем, что они охотятся не за Сэмом, что они его даже не маркировали. Каким-то образом это оказался ты, твоя личность.

— А что они делали на ферме, снова поливали меня каким-

то особым отмечающим средством, потому что первое не привилось или выветрилось?

— Вполне возможно. А может быть, они просто искали карту. Ты спросил, почему они последовали за нами через случайный портал. Это могло быть только потому, что они уверены, что у тебя есть карта, или же ты знаешь, где можешь заполучить ее.

— Ага, все теперь абсолютно убеждены в этом. Мне кажется, что выглядело это так, словно мы специально промчались через этот портал, а Петровски буквально старался нас втянуть обратно. Ну ладно, может быть, что этого никто толком не видел, но мы действительно не колебались ни секунды, прежде чем в этот портал проскочить.

— Вот именно, что мы даже не колебались, а теперь миф о карте Космострады стал реальностью.

Я кивнул. Так оно и было. Только я сам доказал ее мнимое существование, пытаясь убежать от преследования.

Я вздохнул.

— Давай двигаться.

— Хорошо. Я собираюсь описаться, если мы не найдем укромного местечка.

Роланд спустился с гребня холмика, где он смотрел на дорогу.

— Еще одна машина проехала мимо,— возвестил он.

— Рикксиане?— спросил я.

— Нет, за рулем люди, один человек. Странно, колымага показалась мне знакомой. Мне кажется, я видел ее на Голиафе, но не могу вспомнить, где.— Он почесал в затылке.— О, я вспомнил. Это было на распродаже подержанных автомобилей. Старый кусок МЕРТЕ. Продавец пытался нам его всучить, продать за наличные, вместо того чтобы дать напрокат.

— Один человек, ты говоришь? Кто бы это мог быть, черт побери?

— А, пошли вы все к черту,— сказала внезапно Дарла и присела в кустиках.— Я не могу больше терпеть. Джентльмены, вы не будете так любезны?..

— А?— сказал я.— О!..— потом повернулся к Джону и Роланду.

— О'кей, взвод, кру-гом!

— Господи, везет же мужчинам,— сказала Сьюзен, занимая место рядом с Дарлой.

Везет? Ну ладно, мы можем, писая, написать свое имя на песке. Но это же не жанр искусства.

По мере того как мы приближались к пристани, мы встречали все больше инопланетян, большинство из них были герметически закупорены в своих машинах, не в состоянии выйти на воздух этой планеты без технологической помощи. Сквозь иллюминаторы машин мы видели спрутообразных существ, ко-

торые плавали в среде, похожей на водную, куски желатина, которые комфортабельно сидели в тумане желтого газа, еще многие формы жизни, которые мы вообще никогда не встречали. Некоторые существа загадочно помахивали нам, пока мы проходили мимо них, поднимали вверх щупальца или когти. Другие просто поворачивали за нами глаза на стебельках, следя, что мы будем делать. Большинство вообще никак не реагировало.

Остров был словно салон-выставка моделей машин. Кругом валялись различные предметы, которые вообще не были похожи на средства передвижения, расплавленные останки, по которым вообще невозможно было догадаться, как они передвигались. Тут были и люди, ожидая терпеливо, они двигались в медленном потоке машин, как и все. И тяжеловозы тут тоже были, что было весьма странно.

Я спросил одного снабженца, толкача с тяжеловозом, когда придет паром.

— Он обязательно придет, а вот когда...— сказал он и сплюнул на песок.

— Спасибо,— сказал я и отошел прочь.

Пристань была большая, гавань тоже, но казалась неглубокой, хотя чистота воды могла просто искажать глубину. Я был поражен тем, что поблизости не было причала или дока или чего-то в этом роде. Вместо этого на самом глубоком месте, где гавань образовывалась в изгибе острова, песок резко уходил в воду. Там он казался твердым и утрамбованным.

— Как ты это понимаешь?— спросил я Роланда.

— Гидроскиф?

Я потер свою колючую щетину.

— Смешно, но когда я услышал слово «паром», я подумал как раз об этом, о какой-нибудь штуке, которая плывет прямо по воде, нарушая ее поверхность. Кроме того, понадобился бы плоский кусок берега, чтобы пристать к нему.

— Правильно. Тут, кажется, весьма примитивная технология, по крайней мере там, где дело касается людей. Может быть, это лодка.

— Ну ладно,— зевнул я.— Мы в конце концов увидим.— И я плюхнулся на песок.

Винни снова рисовала, и на сей раз я за ней следил. Она нарисовала одну большую спираль, рядом с ней были маленькие, и она соединяла их линиями. Я был заинтригован и спросил Дарлу, объяснила ли ей Винни, что она рисует.

— Это что-то связанное с ее племенной мифологией,— сказала мне Дарла.— Я не поняла, про что это все.

Ее ответ заставил меня подумать, что она уклоняется от того, чтобы прямо рассказать мне, в чем дело, но нет, она просто устала и не хотела, чтобы ее дергали из-за всяких глупостей.

И все же я был заинтригован. Теперь Винни рисовала линии внутри спирали. Я подошел к ней, встал на колени на песке и спросил ее так четко, как только мог, что она делает.

— Де-ево... много де-евьев,— сказала она, показывая на большую спираль.— Но не как де-ево... как свет! Много бойсое де-ево как свет.

Она показала на меньшие спиральки.

— Много свет, много свет, свет много-много...

Я не мог понять остальное, что она стала говорить, но она говорила о галактиках и Космостраде, которая их соединяла, так мне показалось. Вот уж примечательная была бы мифология, если бы только не тот факт, что такие мифы могли зародиться только в контакте с человеком. Это могло быть самым вероятным объяснением ее религиозных представлений. Более сенсационная интерпретация была та, которую многие антропологи долгое время обсасывали, но в ней не было, на мой взгляд, ни смысла, ни правды. Много света, много света...

Винни прошла через великие деревья, которые растут на краю света, и теперь была в стране богов, идя по тропинкам среди звезд. Или как-нибудь еще. Пока я смотрел на нее, я почувствовал долю вины за то, что сделали люди с ее естественной средой обитания, и подумал, не было ли какого-нибудь способа избежать этого. Наверняка на Оранжерее было больше джунглей, чем те, которые включали в себя дом Читы. Наверное, все население этого вида не превышало на планете нескольких сот тысяч, хотя я не был в этом уверен. Разумеется, Оранжерея не вся была покрыта джунглями. Совершенно верно, там были и километры дождевого леса, но у планеты было больше океанов на поверхности, чем у земли, плюс обычный ассортимент климатов. На ней были и ледяные полярные континенты, хотя и маленькие, пустыни, равнины, все на свете. Проблема была в том, что множество тропических регионов были иссушены и необитаемы, а более мягкие регионы были не в изобилии, потому что массы земли Оранжереи были сосредоточены вокруг экватора.

Обдумывая все это, я вскоре пришел к такому выводу: народ Винни, естественно, расположился в регионах, богатых едой, которую можно было собирать. Те же самые регионы джунглей поставляли большие урожаи органического сырья, которое использовалось для производства большого диапазона продуктов — включая лекарства от старения. Это было самое прибыльное дело, которое только можно было бы себе представить. Оранжерея была одним из немногих источников таких продуктов.

Я посмотрел на паутину линий внутри большой спирали. Она аккуратно и, казалось, точно выполнила рисунок. Линии пересекали всю картину, и я поразился, как она может вдохнуть в рисунок такую точность, если линии эти были чисто вообра-

жаемые. Ну хорошо, схеме этой она от кого-то научилась, который, в свою очередь, выучил этот узор у кого-то еще, а тот еще у кого-то?.. Неужели у Читы, которая начала эту традицию, было такое богатое воображение... или рисунок-схема основан на каких-то фактах? Если быть более точным, то могло ли так быть, что народ Винни был в контакте с инопланетными культурами задолго до того, как люди поселились на их планете? Да, не только возможно, но и вероятно. А могли ли племена Винни подхватить от них какие-то скупые указания насчет того, куда вели основные пути Космострады в Галактике? Да, это было вполне возможно, и мне надо было подумать об этом сразу.

Что-то меня озарило, и сама мысль об этом заставила меня рассмеяться вслух. Ведь правда, абсурдно? Рисунки Винни на песке... карта Космострады? Может быть. Нет, не может быть. Это была не карта, а только стилизованный ее рисунок. Поразительное культурное явление, да. Но точная карта самой запутанной системы дорог во вселенной? Даже и рядом не лежала. Сперва надо было бы узнать, через какие порталы проезжать, и для этого нужны были бы вспомогательные карты планет. Всякое такое вроде: первый поворот направо, проехать столько-то километров, и все такое прочее. А потом надо знать, какие звезды по дороге, в какой части Галактики ты находишься и так далее. Есть граница точности, которую не превзойдешь с песком и палочкой. Нет, мне казалось, что точная карта Космострады должна быть не только трехмерной, но и гиперпространственной. Возможно, это невероятно и невыполнимо графически, но придется включить какой-то математический элемент времени во всю схему, чтобы стало понятно, каким образом время работает в этой системе. На долгих маршрутах это очень важно, поскольку каждый прыжок через портал включает в себя и временное смещение. Простая относительность. А на этой дороге, если верить легендам, геодезический элемент где-то создавал таинственные короткие соединения пространства, из-за чего время как бы схлестывалось петлями, заставляя человека возвращаться в свое прошлое или еще что-нибудь похлеще.

Но чем больше я об этом думал, тем больше эта идея меня завораживала. Нет, я не мог бы себя никогда убедить, что это была та самая карта Космострады, но что, если все думали, что она существует? Я попробовал продумать все последствия этого. Может быть, ретикулянцам нужна была Винни — может быть, они пришли на ранчо специально, чтобы ее украсть. Но как могли они узнать про ее картографические способности, если я сам только что это понял? Если они это знали еще до меня, они могли бы схватить Винни в мотеле в любое время. Если только не... если только не... смехотворно! Это все чушь собачья. Ну, а что еще? Давайте порассуждаем так: может, они думают таким образом? Они увидели, как я пронесся сквозь

портал, который никому не известен. Они знают, что на мне карты нет, потому что в милиции ее у меня не нашли... и они думают: а что это парень делает? У него, должно быть, есть карта. У Сэма ее нет, потому что Сэм не полез в портал, черт, может, они разобрали Сэма и обыскали его? Значит, Сэм отпадает, и они думают: что же такое, черт возьми, у него есть, раз он выбрался из милиции почти нагишом? Чита! Наверное, это она, потому что зачем еще ему тащить ее с собой? Ну да, так оно и есть, Чита. Взять их, бобик. Достать и принести карту.

Ох, черт. Сэм по ту сторону, беспомощный калека, а я тут, по эту сторону ничейной земли. Нет, подумай минутку. Разве они не дали бы возможность Сэму проскочить через портал и только потом решили бы обыскать его? Потому что, если они увидели бы, как Сэм повернулся и не стал проезжать в портал, или как он заколебался на пороге въезда, они не стали бы возиться с ним. В этом случае у меня должна быть карта, потому что иначе я ждал бы, что Сэм пролетит через портал за мной. Но если это правда и они оставили Сэма в покое, то почему Сэм не проехал портал? Что с ним случилось?

Я сдался, потому что не мог придумать ничего разумного, упал на песок и закрыл рукой глаза.

— Дарла?

— Да, Джейк?

— Ты посматриваешь, как дела?

— Угу.

— Хорошая девочка. Спокойной ночи.

— Спи крепко...

Глава тринадцатая

Это был паром.

Скорее, это выглядело, как паром, когда оно впервые появилось над горизонтом, потом оно стало очень странно выглядеть. Это, конечно, была лодка, по крайней мере, надстройка у этого создания была как у лодки, но впечатление было такое, что на самом сооружении тоже едет лодка. Из воды постепенно появлялись другие предметы — округлые прозрачные шары или пузыри; когда все странное и непонятное сооружение приблизилось, то впечатление, которое у меня создалось, было такое, словно разбитый корабль плюхнули поверх острова. Кое-где даже росла какая-то растительность.

Сооружение, которое напоминало лодку, было довольно большим, и остров был внушительным по сравнению со многими виденными мной островами, но для водного средства транспорта это было просто нечто огромное, заполнившее всю гавань, пока с обеих сторон едва осталось место, чтобы спустить ялик. Надстройка типа корабельной оказалась имен-

но надстройкой — корпуса практически не было. Прямо посреди острова были три большие палубы, а конструкция отдавала последним столетием, а может, даже еще более ранними временами, восходящими к середине девятисотых годов. Конструкция казалась новенькой, она сияла красными и золотыми украшениями, направо и налево от надстройки простирались красивые мостики, и на этой посудине было целых три дымовых трубы, из которых шел беленький дымок. Что эти трубы делали на корабле, можно было только догадываться. Матросы бегали всюду по палубам. По большей части это были люди, но и несколько инопланетян тоже там сновало. Сам остров, на котором стояла надстройка, тоже кипел бурной деятельностью, но там не было людей. Животные — какие-то существа — скользили по земле острова к ближайшему берегу, сливаясь там, где громадина почти вплотную подходила к нему. Это были существа, похожие на тюленей, насколько мы могли понять, с гладкими влажными телами, тремя наборами ластов, а передняя пара ластов выглядела крупной и весьма гибкой, почти хватательной. На них было что-то вроде пальцев. Тела их были темно-оранжевого цвета.

Что было очень странным, так это поверхность острова. Это была не земля. Между пучками водорослей и выростами, похожими на облепившие громадину ракушки, лежало пространство коричневато-серого морщинистого материала, который был покрыт беловатыми шрамами и морщинами, было на что посмотреть. По всему острову были разбросаны куполообразные структуры, сделанные из морской растительности, сцементированной грязью или песком. Эти тюленеобразные существа жили в этих хатках. Кое-кто из них все еще выползал из дыр в крышах и присоединялся к остальным.

Форма острова теперь была более понятна. Она была примерно овальной, сжатый круг с шестью воздушными мешками, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Мешки состояли из нескольких маленьких мешков, что очень напоминало кучу воздушных шариков, которые были погружены в воду и связаны вместе в пучки. Был ли в них воздух или какой-нибудь газ полегче, невозможно было понять, но мешки наверняка обеспечивали плавучесть. На переднем конце острова было шишковатое возвышение.

Берег постепенно пробудился к жизни. Люди потягивались и зевали, давили сигареты каблуками, выбивали трубки. Люки захлопывались, и заводились моторы. На вершине берега стали образовываться очереди. Мы прошли по внутреннему изгибу гавани и смотрели, завороженные.

— Надо ли это понимать так, — сказал Роланд, — что все заедут на эту штуку на машинах и припаркуются?

Я осмотрел остров. Никаких поручней-лееров, куча препят-

ствий, никакого пути, чтобы въехать на палубу, множество закругленных скользких поверхностей.

— Не могу себе представить,— сказал я,— но не могу предложить и ничего другого.

— Это большая рыба, и она всех заглатывает,— сказала Сьюзен. Мы все остановились и на нее посмотрели.

Она хихикнула.

— А что еще?— спросила она.

Примерно пятнадцать минут спустя мы стояли на узенькой полоске песка сбоку от того, что, как мы поняли, будет погрузочным трапом.

— Чтоб я сдох,— сказал Джон.

Примерно от семидесяти пяти до ста тюленеобразных существ столпились за костистым наростом, который венчал переднюю выпуклость, словно гигантский нахмуренный лоб. Существа использовали свои передние плавники, чтобы ритмично колотить по наросту. Казалось, ими руководит дирижер. Часть существ выбивала синкопированный ритм, в то время как остальные выстукивали подголоски. Потом первая группа прекращала выстукивание, вторая продолжала играть, зато присоединялся как бы третий ансамбль. Пока продолжался концерт, высокий и широкий нос странного острова все ближе двигался к гавани и к берегу, так что под конец практически не осталось никакого зазора. Однако это заняло немало времени. Наконец плавучий и неподвижный остров сошлись, и существа стали выстукивать в унисон единый ритм: один-два-три... один-два-три, то есть три долгих, три коротких стука, выдерживая замечательный ритм и такт. Передняя выпуклость стала подниматься, поднимая вместе с собой и оркестр.

Мне думается, именно Сьюзен громко ахнула, когда из воды поднялся гигантский глаз. Я знаю, что меня это просто потрясло. Одно дело спокойно рассматривать существо такого размера, другое дело думать над тем, как оно существует. Меня стали одолевать мысли о его биофизике. Сколько же, интересно, времени займет путешествие нервного импульса с одного конца существа до другого? От мозга к нужному органу и опять к мозгу? Тридцать секунд? Минуту? Как насчет внутреннего тепла? Избавиться от него для этого существа — проблема. Опять же движение. Если эти воздушные пузыри развились из плавников, то как эта тварь передвигалась? Но все же было и странно и страшно, когда на тебя таращился такой величины глаз, к тому же глаз явно чуждого происхождения. Внешне он был похож на многоугольник, красный, с шестиугольными фасетками. В центре каждого шестиугольника был зрачок с шестью сторонами, и весь глаз был пронизан плотной паутиной рыжевато-красных вен. Я забыл насчет биофизики и весь просто отдался изумлению.

Когда первое изумление прошло, нам пришлось ухватиться

друг за друга, чтобы не упасть, потому что пришел черед открытой пасти. То, что сразу же представилось нашему взгляду, была перетирающая поверхность, составленная из розовато-белых кусков прозрачного хряща, шестиугольного по форме. Дальше, если смотреть в эту пасть, можно было разглядеть и небо, но уже хуже, потому что свет туда проходил плохо. Однако нам удалось рассмотреть бледные ткани, которые окружали вход в глотку, а под ними, словно водопад, спускался огромный язык. Он поплыл вперед, словно самодвижущийся ковер. Он облизал розовые перетирающие поверхности и вылез наружу, чтобы коснуться берега. Язык был фиолетовый.

Самое коронное началось тогда, когда изнутри вышла группа матросов из экипажа и ступила на песок. Они заняли места в нескольких метрах от пасти и стали пропускать внутрь машины и тяжеловозы.

Мы все рассмеялись.

— Как библейски это выглядит,— сказал Джон.

— Я же тебе говорила! — торжествующе сказала Сьюзен.

Плевать я хотел на биофизику. Как они спариваются?!

— Ладно...— я кое-о чем подумал.— У кого есть деньги?

Телеологисты наградили меня только беспомощными взглядами.

— У меня кое-что есть,— сказала Дарла.— Так что за проезд заплачу я.— Она нахмурилась.— То есть, если тут на всех хватит.

— Интересно, берут ли они в рейс тех, кто может заплатить работой.

Мы пробрались сквозь цепочку машин, которые двигались по трапу. Матросы у входа брали плату за проезд. Я подошел к тому из них, кто стоял поближе. По-английски он не говорил, а наш обмен репликами на интерсистемном ни к чему нас не привел. Он что-то залопотал и нетерпеливо махнул рукой следующему в очереди, чтобы тот проезжал. Все начали двигаться, не обращая на меня внимания.

— Простите... матрос, можно вас?

— А? — этот был молоденький, пухловатый, с редкими светлыми волосами. На верхней губе у него пробивался пушок. Его форма была безукоризненно чиста, изобиловала красной и золотой вышивкой, на нем была шапочка в тон с черным козырьком.

— Камрада, я офицер. Трюмный инспектор Краузе. Что вы хотите?

— Простите, мистер Краузе. Как нам заплатить за проезд на этом... судне?

— А у вас нет билетов?

— Нет. Где их приобрести?

— У меня. Где ваша машина?

— Она сломалась. Сколько стоит просто пассажирский проезд?

Он повернул голову и посмотрел на нас, потом снова отвернулся, чтобы взять деньги за проезд у следующего в очереди.

— Э-э-э... это составит...— он снова повернул голову и заметил Дарлу.— Угу. Сотняжку консолей.

— Консолей?

— Ну да, консолей. Консолидационных Золотых Сертификатов. КЗС. Консолей.

Он взял голубой квадрат пластика из руки инопланетянина, затянутой в перчатку. На лицевой стороне карточки было изображение, стилизованное, конечно, корабля верхом на острове-зверюге.

— Вы не принимаете универсальные торговые кредитки?

Он рассмеялся.

— Не на этом участке дороги, камрада.

— Простите. Но мы только что приехали...

— Да, я понял, вы только что проскочили через неизвестный портал. Правильно?

— Да... так оно и было.

— Ну что же, добро пожаловать в Консолидацию Внешних Миров, камрада. Твои кредитки и куска дерьма тебе тут не купят.

Манеры этого парня производили на меня такое впечатление, словно на мне постепенно вырастала бородавка, к тому же страшно зудящая.

— А что вы берете от инопланетян?

— Золото, драгоценные металлы — все, что угодно. Слушайте, мне надо принимать билеты. Ладно?

— Простите, что причинил вам беспокойство, но у нас у самих неприятности.

— Да-да... одна тройская унция золота заплатит за проезд. Конечно, унция с каждого.

— Джейк! — это Дарла протягивала мне какие-то золотые монетки. Я их взял. Это были очень старые монеты. Южноафриканское золото. Пораженный, я повернулся к ней и собирался спросить, откуда она их взяла, но она улыбнулась улыбкой сфинкса, и я понял. Снова ее бездонный рюкзак. Я посмотрел на монетки. Они, вероятно, стоили больше в качестве коллекционных экземпляров, чем как золото,— разумеется, на черном рынке. Золото теперь было монополией государства. Я вручил монеты Краузе.

— Иисусе Христе.— Он подбросил монеты вверх, чтобы прочувствовать их вес.— Где вы это стащили, в музее?— Он укусил одну из монет, проверил крохотный отпечаток зуба. Чистое золото всегда можно опознать.

— Ладно, их хватит. Но... э-э-э... тут у вас еще двое, а монет всего три?

— Боюсь, что это предел наших возможностей. Есть ли вероятность, что нам как-то удастся договориться? Иначе мы застрянем тут.

— Извините, никаких кредитов. Но... может быть, нам удастся что-нибудь придумать. Понимаете, что я имею в виду?

— То есть?

Он разглядывал Дарлу.

— Я бы хотел угостить вашу подружку выпивкой. В моей каюте, разумеется. Мы не можем заводить приятельские отношения с пассажирами, кроме как за капитанским столом, но то, чего старик не знает, ему не повредит, правильно?..— он взял билеты у следующих в очереди.— Ага. В моей каюте... Особенно ваши ФЕМАМИКАС...— он решил устроить себе двойное удовольствие — наконец заметил и груди Сьюзен.— Я с удовольствием их...

— Слушай, приятель...

— Джейк, спокойно,— сказала Дарла и обратилась к Краузе: — *Я с удовольствием выпью с вами, офицер, но моя приятельница* Сьюзен вообще не пьет. Однако мы с вами, просто вы и я, можем очень приятно провести время.— Она даже подмигнула ему.— Идет?

Он рассмеялся:

— Не знаю, иногда три головы лучше, чем две.

Наверное, он заметил, как почернело мое лицо, и посерьезнел.

— Ладно, идет. Просто вы да я.

Я протянул вперед руку.

— Верни наши деньги, пожалуйста.

Дарла взяла меня за руку.

— Погоди минутку.

— Отдайте деньги, *офицер. Лучше уж мы автостопом по* Космостраде.

— Да ради бога,— сказал Краузе, неохотно возвращая мне монеты,— но тут автостопом никто никого не берет. Тут установлен предел — четыре пассажира на средство транспорта, и очень много пошлины берут за остальных.

— Ничего, мы рискнем.

— Ох, и пожалеешь об этом, камрада...

Когда мы снова вернулись на пляж, Дарла была готова меня убить.

— Автостопом, да? Кто возьмет нас *пятерых плюс инопланетного антропоида*?

— Мы поедем разными машинами.

— Ты что, чувствуешь сегодня необыкновенный прилив везения? Я — нет.— Она топнула ногой в сапоге по песку.— Черт побери, Джейк, иногда я тебя не понимаю, неужели ты всерьез подумал, что я подпущу этого кретина к себе? Разумеется, я по-

шла бы с ним в его каюту, даже хлебнула бы с ним парочку рюмок. Но ты бы очень удивился, если бы узнал, что у меня есть в этом рюкзаке. Маленькие прозрачные капсулки, которые заставят человека очень неприятно и долго болеть. Будет очень тошнить, рвать, головная боль и прочее. Конечно, они никого не убьют, но все же... понял? Кроме того, даже если бы мне пришлось переспать с ним...— она не закончила.

Она была права.

— Извини, Дарла. Мне надо бы вести себя тоньше.

— Но ведь тебе непременно надо всюду сунуться, а?— она была в бешенстве от меня— и все же мной гордилась.

— Джейк, Роланд?— Джон стоял у воды, маленькие волны плескались ему по ногам.— Это мое воображение, или вода и впрямь прибывает?

— Он прав,— сказал Роланд.— Я это и сам заметил. А вот причина.

Он показал на восточное небо.

Край огромного белого диска показался над горизонтом. Луна, огромная, в два раза больше земной луны, как я мог определить на глаз. Приливы тут должны быть свирепыми, высокий прилив означал бы абсолютный потоп. Здорово.

— А что мы будем делать?— спросил Джон.

— Я снова вернусь к тому типу,— сказала Дарла.— Надеюсь, у него не пропало настроение на нашу сделку.

Она была настолько права, что я готов был ее задушить.

— Минутку. Должен быть и еще какой-нибудь выход. От того типа добра не жди.

— Да нет, он не из той породы. Я ему подобных и раньше встречала. Это пухленький мелкий гаденыш. Ты оставайся здесь. Я с ним и сама справлюсь.

— Может быть, кто-нибудь из остальных моряков...

Она посмотрела на меня так, словно устала от жизни.

— Джейк...

— Ладно,— я сдался.

Наши отношения были настолько же четкими и ясными, как призраки в тумане. У меня не было никакой соломинки, за которую я мог бы с ней ухватиться.

— Что это за шум?— спросил Роланд.

Я выхватил гудящий ключ из кармана штанов.

— Сэм!!! Сэм, это ты?!

— А какого черта ты еще ждал? Председателя колониального политбюро, что ли? Из всех идиотских вещей, которые ты до сей поры натворил, это, должно быть, просто призовая глупость. Есть три вещи, которые даже самый последний идиот научится не делать в первую очередь, чтобы не осложнять себе жизнь, но вот до тебя как-то все не может никак дойти. Хочешь знать, что это за правила? Я тебе скажу. Не плюй из иллюминатора машины, когда скорость мах-запятая-один, не ешь го-

лубого снега на Бета Гидры IV и никогда не суй нос в неизвестный портал! Это же здравый смысл, правда? Казалось бы, любой, кто ест, пьет и дышит, с легкостью усвоит такие простые истины — но только не ты, мальчик мой, только не ты, ни в коем случае...

Мы хохотали и хохотали и не могли остановиться.

Глава четырнадцатая

И еще кое-что говорил Сэм, когда мы наконец его нашли:

— Что за идиотская мысль — не сказать мне, куда вы проскочили? — он был сердит, как кошка.

— Слишком много было в то время переживаний, Сэм.

— Ладно, может, ты и прав,— проворчал он.

— Мне очень не хотелось об этом спрашивать, но где, черт побери, был ты?

— Спасал Петровича, или как там его зовут.

— Петровски! Я думал, что цилиндры размазали его во вселенной. О господи, Сэм, как это получилось? И почему?

Остальные столпились в кормовой каюте, пытаясь обнаружить, сколько человек может сразу поместиться в кабину сауны — кроме Дарлы, которая готовила быстрый ленч. Все они страшно шумели. Хорошо снова попасть домой.

— Ну, дело было так,— сказал Сэм.— Вот он я, еду себе спокойно, наматывая мили на кардан. Наверное, я был около скорости мах-запятая-четыре-пять. Вонючка, знаешь ли, гений в своем роде, кстати. Потом стал вызывать тебя. Вызываю-вызываю — никакого ответа. Потом увидел вспышку, и надо же — гамма-радиация! Ладно, думаю себе, можно списать на нет своего единственного потомка мужского рода, но я думаю — может, не все так плохо, если принять во внимание то, какую странную машинку ты вел. Подумал, может, ты просто ранен и не можешь позвать меня на помощь. Поэтому я стал сканировать пространство в инфракрасном спектре, чтобы найти тех, кто выжил. Откуда я знал? Я совершенно не ожидал, что вы проскочите в неизвестный портал. Ну да ладно, что-то такое мне попалось в кликах трех от маркеров въезда, я съехал с дороги на лед и решил посмотреть. И на тебе — мент в скафандре лежит на спине посреди неведомо чего, никакого признака его машины в пределах видимости, но его катапультировавшее сиденье раскидано кусками по всей равнине. А он замерз в ледышку, а с его левой рукой и вовсе что-то странное.

— Рукой? — спросил я.

— Ну да, кисти у него совсем не было. Вместо этого большая замерзшая сосулька крови на конце предплечья, словно вишневое мороженое. Ей-богу, такой жути тебе никогда не до-

водилось видеть. Но остальные части тела были при нем... и он был жив.

— Господи Иисусе.

И я мог догадаться, что сделал Петровски. Он так направил под углом огонь дюзских ракет приземления, чтобы они отнесли его в сторону от цилиндров, вместо того, чтобы опустить его поудобнее на лед. Но как он выжил после такого колоссального риска, я понять не мог. Отрезанную руку тоже довольно легко можно было объяснить. Чудеса, что запутавшийся буксирный канат вообще не перерезал его надвое.

— Как ты затащил его в каюту?

— Сперва мне надо было отморозить его ото льда. Я поставил зажигательный пистолет на широкий луч и поджаривал его до тех пор, пока он не смог двигаться. Потом он сам втащился внутрь. Ей-богу, в его теле не могло остаться ни одной не сломанной косточки, но он это сделал! Потом оставалась проблема его отрезанной руки. Если бы я поднял температуру в кабине до нормальной, он бы истек кровью насмерть. Если я оставил бы в кабине вакуум, он замерз бы. Он и так наполовину был льдышкой, хотя его костюм оставался почти герметичным. Поэтому мне пришлось придумать способ, как загерметизировать кабину и одновременно держать в ней температуру ниже нуля. Просто-напросто не делают таких систем жизнеобеспечения. Пришлось мне повозиться, обходя разные микросхемы.

— Он что-нибудь сказал?

Сэм немного помялся, потом сказал:

— Не особенно. Просто стонал себе и стонал.

Я как раз в этот момент оглянулся назад и заметил, что Дарла стоит на пороге кухни, внимательно вслушиваясь — собственно говоря, подслушивая.

— Давай дальше,— сказал я.

— Ну вот, я понесся по дороге обратно к риккcианскому порталу, но там вообще никакого движения не было. Пришлось мне мчаться весь путь назад к дороге на земной лабиринт. Вопил, как дьявол, всем шоферюгам, и два тяжеловоза наконец взяли его с собой. Кстати, по дороге я видел наших риккcианских друзей.

— Я знаю, они здесь. Как ты думаешь, он выжил?

— Он вырубился совсем, когда до него добрались шоферы тяжеловозов, поэтому не могу знать. Но он, ей-богу, чертовски живучий тип, я таких встречал.

Сэм сделал паузу.

— Как тебе кажется, я ничего неправильного не сделал?

— Да нет, черт возьми, ты сделал именно то, что нужно.

— Ну что же, моя совесть, по крайней мере, чиста. Так или иначе, он уже в этих гонках не участвует.

Дарла шагнула вперед и принесла мне миску говяжьего бу-

льона и кракерсы. Я сказал ей спасибо и накинулся на еду, прикончив ее за рекордное время. Я запил все это банкой пива «звездное облако». Рыгал я отчаянно громко. Я улыбнулся Винни, которая сидела на сиденье стрелка, приканчивая остатки своего травяного обеда. Она рыгнула и улыбнулась мне в ответ. Есть вещи, которые действительно распространены по всей вселенной.

— Позор, как в наши дни разгуливают молодые девушки, даже не краснея от того, что на них ничего нет,— сказал Сэм.

— Я это уже слышала, Сэм,— откликнулась Дарла.— Скажи мне только, что тебе это не нравится.

— Я старею. Черт, я и есть старый. Собственно говоря, я мертвый.

— Сэм, кончай нести чушь,— сказал я.— Ты никогда не умрешь, и ты это знаешь. Разве я тебе не говорил, что тебя надо три раза похоронить, прежде чем ты согласишься остаться под землей? Ты же будешь возвращаться обратно, как Джон Ячменное Зерно.

— Что за разговоры! Где твое уважение к умершим?— хихикнул Сэм.

— Дарла, я просто подшучивал над тобой. В мое время ханжи говорили, что мораль уже не может пасть ниже. Я, кстати, с этим согласен. Это был декадентский период, если такой термин тебе о чем-то говорит. Проведи со мной уикенд на новой Веге, и я тебе про это расскажу такое...

— Назови время, когда тебе удобно, Сэм — и я с удовольствием.

Он рассмеялся.

— Джейк, расскажи мне еще про того кита, который собирается нас проглотить. Похоже на то, что он побил рекорд даже той ледяной рыбы на Альбионе. Я тебе никогда не рассказывал про то, как я отправился в экспедицию, чтобы проследить их миграционные маршруты? Это было, когда ты еще в школу ходил. Должно быть, двадцать пять... нет, тридцать стандартных лет назад...

Сэм продолжал плести историю, которой много раз надоедал мне за все прошлые годы, и мне даже странно стало — к чему это он клонит, пока я не услышал его голос по внутрикостным проводникам в ухе.

— Сынок, мужайся. Дарла — агент. Мне кажется, она работает на Петровски.

Ну что же, вот и начались неприятности, и шило наконец вылезло из мешка. Мне, наверное, трудно было бы держать про себя все свои подозрения на этот счет. Я понял, что и сам понимал, что давно уже что-то не в порядке.

— Вот так, молодцом,— продолжал Сэм,— держи бесстрастную физиономию. Нет никаких доказательств, но ты послушай запись того, что говорил в кабине Петровски.

Тут раздался голос Петровски, который долго бормотал что-то по-русски прямо мне в ухо.

— К тому времени он уже начинал бредить, сынок. Вот послушай.

Бормотание, потом имя... потом еще какое-то бормотание, потом снова имя, снова и снова. Имя прозвучало, как Дарь-я. Я учил русский очень и очень давно, но мне думается, что Дарья — это не русский эквивалент Дарлы. Если такому имени могло быть вообще соответствие на русском. Я повернулся к тому месту, где горел на панели глаз Сэма, и молча покачал головой.

— Нет? Господи, сынок, извини. Я потратил страшно много времени и сил, пытаясь разобрать по-русски какие-то слова, очень трудно это было, он же, носитель языка, говорил быстро, и мне показалось, что это было «Дарла». Но только звучало как-то странно.

Но это слово и могло быть «Дарла», подумал я, слыша, как Петровски снова и снова повторяет «Дарьюшка, Дарьюшка...», а потом еще одно имя, совершенно неожиданно: «Мона».

— А что ты про это скажешь, а, сынок?

По нашим шоферским каналам я слышал такие слухи, что у Моны в последнее время был роман с офицером милицейской разведки, к тому же весьма высокопоставленным, по крайней мере, так поговаривали ребята. Так что это мне было даже понятно. Но мог ли Петровски страстно, безумно и немедленно влюбиться в Дарлу, как только ее увидел? Поскольку я все-таки знал этого человека, пусть очень и очень мало, мне это показалось маловероятным.

— Ну что же, Джейк, тут все равно есть над чем подумать.

Такое осторожное выражение Сэма про то, что я тут услышал, еще раз подчеркнуло для меня, что задача нуждается не в том, чтобы ее больше продумывали, а в том, чтобы узнать побольше фактов.

— Сэм, — сказал я вслух, — прости, что перебиваю твой потрясающий рассказ, но я хотел бы, чтобы ты для меня кое-что поискал.

— Я как раз дошел до самой потрясающей части. Ну да ладно, чего тебе надо?

— Ты все еще записываешь программы новостей, когда есть возможность?

— Каждый раз, когда мне выпадает шанс, как гласит моя программа. У меня даже есть шестичасовые новости с Голиафа. А что?

— Сколько времени ты их хранишь?

— Тридцать стандартных дней, потом я их выкидываю.

— МЕРТЕ. Ладно, слушай. Я хочу, чтобы ты выискал в своих записях все из новостей с такими ключевыми словами:

«Кори Уилкс», «разведка», «Колониальная Ассамблея», «ретикулянцы», «милиция» и... э-э-э... сейчас, что еще?..

— Карта Космострады?

— Это маловероятно, но все равно — давай!

— А почему «Колониальная Ассамблея»?

— Так, мне просто кажется, что это имеет значение.

— Правильно. Уилкс наверняка будет мелькать в новостях, как паршивая кошка, которую гонишь в дверь, а она лезет в форточку. Он обожает общаться с сильными мира сего и не самыми сильными, лишь бы известными, поэтому постоянно лезет в новости и на экран. Ладно, давай-ка я спущусь в тот пыльный подвал, где хранятся мои старые газеты. Если хочешь, могу начать прямо сейчас.

— Хочу,— сказал я.— Но пока не зачитывай, пока я тебе не скажу. А пока что я просто обязан принять душ.

Все остальные к тому времени уже выбрались из сауны, свеженькие и вычищенные до блеска, и уселись есть. Я пошел к заветному шкафчику, вытащил литр «старой привычки» и тяпнул как следует. Приливные силы были чудовищные. Потом я полез в сауну, тоже не больше шкафчика, чтобы сперва попариться, а потом принять туманную ванну. Стоя в клубящемся тумане, я отключил свои мысли, и вся схема, весь узор и смысл последних дней ярко высветились передо мной. Тонких деталей я, конечно, пока не замечал, но в основном я понял общие закономерности. Я стал видеть и понимать, что происходило. Если мне повезет, дальше я начну соображать больше. Самой большой неизвестной величиной была Дарла, но даже она постепенно принимала четкие очертания, как силуэт в тумане. Туман частично прояснился там, на берегу. Что же я, собственно увидел? Могла ли ее внезапная ранимость оказаться горем, а ее страсть — утешением вдовы?

После того, как я побрился и сменил одежду,— еще одна стопка родного напитка сопутствовала этому — я снова превратился в нечто человекообразное. И прошел вперед.

Мы провели еще двадцать минут в очереди, прежде чем подобрались к ряду моряков, которые брали плату за проезд. Если я хотел увидеть Краузе, то очередь мне не подходила, поэтому я перестроился и, к возмущению кого-то позади себя, попал в нужную мне очередь. Сердитый сигнал клаксона инопланетного автомобиля раздался сзади меня, но я не обратил на это внимания.

— Эй, там, внизу!

Краузе смотрел вниз, перебирая билеты в руке. Он посмотрел вверх и сказал:

— Как дела, камрада?..— потом он меня узнал.— О-о-о... Я-то думал, что у вас поломка...

— А мы починили нашу машинку как следует. Теперь насчет платы за проезд. Ты ведь собирался нам рассказать, как мо-

жно обменять металл на здешнюю наличность на борту корабля, правда же?

— Да-а-а-а... Я просто забыл об этом упомянуть. Простите.— Он вытащил красный диск из кармана, аккуратно прикрепил его к переднему иллюминатору и тщательно его разгладил.

— Ну да, конечно, вы просто заезжайте внутрь, запаркуйтесь, потом поднимитесь наверх в кабину стюарда и там поменяете деньги. Он вам даст квитанцию, и вы ее отдадите, когда будете высаживаться на берег. Да, и еще... эта наклейка не сотрется без специального средства.

— А мы и не думали пробовать ее снимать. Как ты думаешь, сколько с нас причитается за проезд и этот тяжеловоз?

— Э-э-э... трудно сказать так сразу, сэр.

— Попробуй догадаться.

— Примерно пятьдесят консолей,— он еще подумал.— Может, и меньше.

— Тут множество пассажиров. Как насчет тех сверхоплат за лишних пассажиров, про которые ты говорил?

Он посмотрел в сторону.

— Не в этом рейсе. Только в особых случаях.

— Вот как, значит...— я показал на зияющую пасть.— Это что же, нам прямо туда и въезжать?

Он хрюкнул от смеха, вдруг приняв очень дружелюбный вид.

— Ага. Здорово потрясает с непривычки, правда? Ну ничего, мы со своей старушкой плаваем уже пятый год, а она еще никого не переварила. Особенно пассажиров. Ты к ней привыкнешь.

— Вот сюда и въезжать?

Он обернулся и показал.

— Да, сэр, в такое большое отверстие вон там...

Я сорвал с его башки шляпу.

— Хороша шляпа,— сказал я.

— Э-э-э, сэр...

— Вот так — оп! Прости,— когда он наклонился, чтобы поднять упавшую шляпу, я схватил пригоршню немытых сальных белесых волос и прижал его физиономию к входному люку во всего размаху. Он поцеловался со стеклом как следует.

— Джейк, не надо было так...— сказала Сьюзен, когда мы двинулись дальше.

— Я знаю. Но мне это доставило чрезвычайное удовольствие.

Я повел тяжеловоз прямо в пасть морской твари.

Глава пятнадцатая

Глотка оказалась зияющей пещерой, которая сужалась к пищеводной трубке, которая, в свою очередь, уходила туннелем в нутро этого морского зверя-острова. Стены этого прохода были бледными и влажными, по ним время от времени проходила дрожь перистальтики. Ехать было трудно, потому что роллеры очень скользили, но держались мы довольно неплохо. Примерно через четверть клика или около того труба открылась в огромную темную камеру. Там уже были припаркованы сотни машин, многие другие продолжали искать себе место, их фары видны были вдалеке от того места, куда приехали мы. Я последовал за машинами, въезжающими в этот гигантский холл.

— Чтоб мне...— сказал Сэм. Потом добавил: — Не могу придумать даже подходящего ругательства, чтобы оно подошло к этому случаю. Я потерял дар речи.

Мы тоже. У нас заняла довольно много времени попытка добраться до места парковки, и мы проехали все это время в молчании. Наконец мы увидели матросов в белых куртках и красно-белых полосатых шароварах — они управляли движением и распределением автомобилей по стоянкам. Их мощные фонари рассекали тьму, словно ножи. Я подкатил к одному из них, тощему, невысокому парнишке с детским личиком, и приоткрыл иллюминатор. Повеяло слабым запахом разложившейся рыбы плюс еще застойной водичкой, но общий запах этого места был не столь плох. Просто пахло морем.

— Куда нам, матрос? Похоже, что у вас не хватает места.

— Во-о-он туда, звездный толкач! — прокричал матрос, оказавшийся молоденькой девчонкой, и показал нам фонариком, осветившим в бешеной пляске лучей стену зеленовато-белой живой ткани.

Я медленно подкатил тяжеловоз вперед, пока перед машины, ее моторное отделение, не коснулось стены. Ткань задрожала, слегка отпрянула, потом медленно снова вернулась на место и стала наплывать на моторный кожух, потом движение остановилось.

— Вгоните машину в нее! — прокричала девчонка, перекрывая шум мотора.— Толкайте стену!

Так я и сделал. Стена уступила нашему нажиму, отпрянув, словно занавес в театре под ветерком. Немного погодя я почувствовал, что стена сопротивляется, и подал назад, нажав к тому же на тормоз.

— Вперед! — сказала мне девчонка высоким звонким голосом.— Эта штука на клик растянется, прежде чем порвется хоть на сантиметр. Ну давай же, вперед толкай свой свиномобиль!

— Есть, капитан! — я поддал газу, стена затрепетала и подалась. Я гнал тяжеловоз вперед, пока не услышал: «Хватит!».

— Интересно, мы главное блюдо или только закуска?— спросил Джон.

— Тут, наверное, около пятисот машин,— заметил Роланд.

— Больше,— рискнул возразить я.

Кто-то ловко забарабанил по входному люку. Я повернулся, и луч фонарика ослепил мою сетчатку.

— Эй, ты, морская швабра!— зарычал я.— Хочешь, покажу, как тебе будет, если я с тобой то же самое сделаю?!

— Полегче, шоферюга,— это была та самая девчонка-матрос, которая нашла нам место на стоянке. Она была совсем молоденькая — такая молоденькая, что невозможно было даже себе представить,— лет шестнадцать, не больше. Антигероние-ческие лекарства не могут дать вам такой детской кожи. Она дается только юностью. Волосы она носила коротко под традиционной морской шапочкой-блюдцем, но они были не белобрысыми, а золотистыми.

И она совсем не была такой худышкой, как мне сперва показалось. Она просто цвела под этой грубой матросской формой.

— Вам здесь, знаете ли, оставаться нельзя,— сказала она.

Я заморгал и огляделся.

— А как насчет тех, кто не дышит кислородом?

— На них мы плевать хотели, но все человеческие существа должны покинуть трюм. Таковы правила техники безопасности,— она повернулась, чтобы уйти.

— Погоди минутку,— окликнул я ее.— Не задирай так носа. Ответь на пару вопросов.

— Только покороче. Мы и так уже опаздываем.

— Консолидированные Внешние Миры — это лабиринт, занятый людьми?

— По большей части, да.

— Хм-м-м-м.... и еще — мы что, уже в желудке этой твари?

— Нет, это предпищеварительный мешок. У Фионы два таких мешка и двенадцать желудков, но мы стараемся ими не пользоваться, разве что груза очень много. Их приходится опрыскивать ингибиторами пищеварения — а они так плохо пахнут, не говоря уже о запахе в самих желудках.

— Фиона? А это самка?

— Трудно сказать с уверенностью, самка или самец.

— Вот как? Мда-а-а...

— Это все?

— Пожалуй, все, если не считать вопроса, все ли матросики такие красивые, как ты.

— А, заткнись,— ответила она и зашагала прочь.

— Эй! Еще одно!

— Что?— нетерпеливо ответила она.

— Как нам выбраться наверх?

— На лифте.

Лифт. Он оказался неподалеку, круглая шахта, закованная

в металл, восходящая к дыре в крыше, если только можно назвать живую ткань крышей. Соединение крыши и шахты было окружено и герметизировано губчатым белым воротником, видимо, поставленным для того, чтобы не травмировать окружающие живые ткани. Кабина лифта была овальной и прозрачной, подвешенной на толстых тросах.

— Любая конструкция, которую придется ставить в такой вот зверюшке,— сказал Роланд,— больше будет похожа не на инженерную операцию, а на хирургическую.

— Да, но пациент достаточно крепок, чтобы пережить ее,— сказал я, а потом добавил вполголоса: — Ты поставил передатчик?

— Да, в основание рамы.

— Ты как считаешь, по этой шахте сигнал Сэма до нас дойдет?

— Не вижу причин, по которым мог бы не дойти. Но как ты выведешь сигнал из шахты и через двери — если тут вообще будут двери.

— А мы, разумеется, поставим еще один передатчик сверху — и все.

Кабина заполнялась, и нас прижали к задней ее стенке. Высокий глуповатый инопланетянин с перепонками между пальцами на ступнях наступил мне на ногу, отступая назад, потом повернул свою рыбью башку и прохрипел что-то явно извиняющееся.

Путешествие наверх было очень длинным. Внешняя дверь наверху шахты была декоративной откидной решеткой, которая открывалась во что-то вроде плюшевого фойе древнего земного отеля. Там стояли кожаные пуфики и кресла, подходящие по цвету и стилю диваны, кофейные столики, пепельницы повсюду и масса растений в горшках. Стены были отделаны красно-золотой тканью. Это была сцена из прошлого — и весьма искусно имитированная, ничего похожего на быстро создаваемый и функциональный декор, который сейчас заполонил земной лабиринт. Это было огромное декоративное пространство, до краев заполненное разумной плотью.

— Вот это настрой,— сказал Джон.

Я повернулся к Дарле.

— Ты кого-нибудь знакомого тут заметила?

Она долго осматривала помещение, потом сказала:

— Нет, вроде бы никого.

— Ну да, пока, однако они тут или скоро тут появятся. Все, кто за нами гонялся. Даже, возможно, Уилкс.

— Он-то здесь будет,— сказала она так, словно наверняка знала, а может, так оно и было.

Еще одно длинное ожидание, на сей раз, чтобы получить каюту, и это после того, как мы отстояли в кабинет стюарда. Я дал Дарле ее монеты назад, заплатил тридцать восемь с по-

ловиной кредиток за наш проезд, отдал Джону деньги, чтобы частично возместить то, что он потратил на меня в больнице еще на Голиафе, и обменял примерно четверть своего золотого запаса на консоли. Когда подошло время записаться в судовой журнал для получения каюты, я приготовил свое фальшивое удостоверение личности, но клерк отмахнулся от него.

— Нам не нужно вашего удостоверения личности, сэр, просто назовите свое имя. Это свободное общество.

Я посмотрел на пластиковую карточку, которая утверждала, что меня зовут Т. Квакки Карп, эсквайр, и я подумал, что есть время убежать и время остановить свой бег. Настало время мне развернуться и посмотреть в лицо борзым, какими бы они ни были. Я отложил удостоверение в сторону.

— Джейк Мак-Гроу с друзьями.

Он наклонился над клавиатурой компьютера, потом быстро выпрямился.

— Как вы сказали?.. Джейк Мак-Гроу?

— Правильно.

— Тогда мы рады приветствовать вас на борту «Лапуты», сэр.

— Я-то рад сейчас очутиться где угодно. Скажите, когда мы доберемся до цели нашего рейса? И куда мы, собственно, направляемся?

— Мы должны добраться до Морского Дома завтра во второй половине дня, сэр. Это самый крупный город здесь, на Плеске.

— Плеск? Так называется планета?

— Ну, понимаете ли, официального названия у нее вроде как нет, и уж каждой языковой группе для нее есть собственное имя, но на интерсистемном она зовется Акватерра.

— Довольно понятно. Я так понимаю, что здесь имеются значительные массивы суши?

— Довольно крупные, но все равно не тянут на то, чтобы называться континентами.

Добро пожаловать на Плеск, но к воде не подходите.

«Лапута»?

Неся только свой рюкзак (Дарла настояла, чтобы ее собственный остался при ней), стюард провел нас к еще одному лифту. Мы поднялись на палубу Б, где шли за стюардом по лабиринту коридоров. Роланд плелся за нами, шлепая передатчики в различных неприметных местах.

Наши соединенные между собой каюты были изысканными, просто-таки как дворцы, в ванных были вделанные в пол ванны из камня с золотыми прожилками, который немного напоминал мрамор. Современных удобств было немного, но очарование обстановки возмещало отсутствие привычного комфорта. Я стал вспоминать, когда же это я в последний раз пользовался ванной.

Джон постучал по двери, которая нас соединяла, и вошел.

— Я не видел такой системы водопровода и сантехники с тех пор, как жил в Лондоне,— сказал он.

— Правда?— рассеянно сказал я.

Я все еще не был абсолютно уверен, что мне приятно, что по соседству со мной живут телеологисты, и беспокоился я больше за них, чем за себя. Настало время отделить их от меня. Мне бы хотелось, чтобы между нами была, по меньшей мере, половина корабля, но Роланд настоял, чтобы они тоже были рядом.

— Не хотелось бы потерять тебя сейчас, Джейк. Ты — наш обратный билет домой.

— Обратный? И куда же это, позвольте спросить?

Он согласился с таким замечанием.

— Конечно, трудно сказать, что сейчас можно назвать домом. Но наши люди все-таки дороги нам. Мы как-нибудь должны будем выбраться обратно.

— Извини, я понял,— может быть, Роланд был прав.

Тогда без меня они окажутся более уязвимыми.

Вошла Сьюзен с подавленным видом. Она снова надела рубашку и шла в своих коротких бежевых бриджах, но босиком, потому что оставила сандалии в шевроле.

— На борту есть магазины, Сьюзен,— сказал я ей.— Тебе надо бы что-то купить из обуви. У Джона есть деньги.

— Хорошо,— ответила она тускло и шлепнулась в бархатное кресло.

Джон подошел к ней.

— Что случилось, Сьюзи?— спросил он, поглаживая ее плечи.

— Нет, ничего, просто я думала про Стена, который где-то там, на Голиафе, лежит в больнице. Он, наверное, до смерти извелся, думая, что же такое с нами случилось.— Она посмотрела на меня.— Мы как раз ехали в больницу, когда ты...— она нагнула голову и заплакала.

Мне, естественно, от этого стало просто необыкновенно приятно...

Дарла взяла ее за руку, повела ее в другую комнату и закрыла дверь.

— У нее часто бывают такие перепады настроения?— спросил я Джона.

— Сьюзен действительно очень эмоциональна и переменчива. Но ты должен понять, Джейк, что вся эта история была для всех нас большим потрясением.

— Извини, извини...— мне пришло в голову, что я очень много в последнее время извиняюсь. Мне пришлось прибегнуть ко всем моим моральным ресурсам, чтобы напомнить себе, что я не сделал ничего такого, чтобы заслужить то, что со мной произошло и происходит. Нельзя сказать, чтобы в чем-то была моя вина. Чувство вины за расплывчатые и по большей

части воображаемые проступки — это груз, который шмякают на плечи человеку, причем довольно рано. Большая часть людей проводит свою жизнь в поисках того, на кого можно было бы свалить это чувство.

— Джон, не оставишь меня на минутку одного? Я хотел бы поговорить с Сэмом.

— Разумеется.— Он подошел к двери и открыл ее, потом повернулся, чтобы что-то сказать, но, очевидно, передумал.— Мы поговорим потом,— добавил он, потом вышел и прикрыл дверь. У него было собственное чувство вины, с которым ему надо было разобраться.

Винни лежала на кушетке, свернувшись в клубок, сплетя руки вокруг колен, и смотрела на меня влажными вопросительными глазами. Я подмигнул ей, и она ответила мне гримаской-ухмылкой. Смешно и странно, что она ответила на подмигивание. Я никогда не видел, чтобы она прикрывала собственные веки, она даже не моргала. Только когда она спала, веки ее немного закрывались.

— Я прекрасно тебя слышу,— сказал Сэм, когда я вызвал его ключом.— Как ты это устроил?

— Это все придумал и воплотил в жизнь Роланд, но самое главное, что помогло выполнить задачу — это передатчики, крохотные, как кнопка. Мы их поставили по всему кораблю. У тебя для меня что-нибудь есть?

— Ну вот, когда я добрался до подвала, то просто пережил потрясение. Там тонны материала от многих лет. Я проверил свою программу записи новостей. Она, к сожалению, весьма нелепо составлена. Она приказывает мне стереть весь мусор, который я хранил в последние тридцать дней, но позволяет мне хранить то, что я записал в тот день, когда наводил в записях порядок. Когда подпрограмма делает такую штуку, она автоматически лепит ярлык защиты на все, что было записано именно в этот день. Когда подходит очередь снова вычищать все накопившееся, то, на что приклеен ярлык, списывается в библиотеку ссылок. В результате у меня скопилась куча древнего дерьма за все годы.

— Придется мне прекратить покупать эти дешевые готовые программы и самому заняться для разнообразия их составлением. Ты нашел что-нибудь интересное?

— Да, и причем весьма и весьма. Вроде этой заметки в газете «Правда» года три назад,— фыркнул Сэм.— Меня всегда веселит, как они думают, что, переменив одну букву в русском слове, могут заставить это слово выглядеть как часть интерсистемного языка.

— Для них так легче. Так что там?

— Ладно. Цитирую:

«Циолковскиград, Эйнштейн, десятое октября 2103. Премьера сезона в Большом театре, как всегда, собрала много публи-

ки, но в прошлый вечер даже места в проходах были заполнены до отказа, чтобы люди могли увидеть смелый и отчаянный...» и так далее, и тому подобное... пропускаем шесть абзацев. «Среди видных деятелей, посетивших премьеру, были товарищ Большая Шишка, товарищ Генеральный как-его-там, такой-сякой-немазанный... и — господи, где же это! — а, вот: министр интерколониальных дел доктор Ван Вик Ванс, его дочь Дарья Петровски-Ванс и некоторые выдающиеся гости властей, включая лидера рабочего движения, товарища Кори Уилкса». Я хочу увеличить изображение из газеты. Ты его увидишь?

Я приставил один конец ключа к глазу и всмотрелся в крохотный экран. Микроэкран показал мне ложу, полную скучных морд, одна из них принадлежала Кори Уилксу. Он сидел рядышком с... ну да, конечно, это был он! — ... с тем самым джентльменом, похожим на Патриция, которого я видел у «Сынка» и которого, как мне показалось, тогда узнал. Ван Вик Ванс. С ним рядом сидела белокурая женщина, которая повернула голову и разговаривала с женщиной, которая сидела позади нее. Лица не было видно, и волосы были длиннее и, наверное, естественного цвета, но...

— Сэм, увеличь мне блондинку.

— Вот так?

— Чуть поближе, камеру вправо.

...Но винного цвета родимое пятнышко на голом плече сказало мне, что это была Дарла.

— Теперь мы знаем, — сказал Сэм, — кто такая «Дарь-я».

— Более того, Сэм. Это Дарла. И я видел ее папашу у «Сынка» в ресторане.

— Как это ты смог?.. А, ты имеешь в виду маленькое пятнышко у нее на плече? Я как-то совсем упустил из виду, но теперь припоминаю. Это большое преимущество, то, что в наши дни женщины бегают почти нагишом, если не говорить об очевидных преимуществах этого.

Я вытянулся на шелковом покрывале на кровати и положил ключ на ночной столик, оставив его на связи. Потом закрыл глаза.

— Что это значит, Джейк? Из того, что ты мне сказал, похоже на то, что она все время была агентом Петровски. Теперь мы знаем, что она — его жена. Но если она дочь Ванса, а Ванс в одной лодке с Уилксом... то что же она такое вследствие этих связей? — Я не сразу ответил. — Джейк, а Джейк?

— Не знаю, нам нужно больше сведений.

Сэм вздохнул.

— Черт, иногда очень паршиво быть машиной.

Я поднял ключ и приложил его к губам.

— Сэм, все было сделано для того, чтобы заставить нас б е ж а т ь. И мы поджали хвост и бежали. Та драка в «Сынке»

была только для того затеяна, чтобы запустить эту машину в ход, а также для того, чтобы выслеживать меня таким методом, который я сперва даже не понял. Они как раз очень хорошо знали, где мы были, когда мы спрятались в Грейстоук Гровз. Но разве они нас взяли с поличным и застали врасплох? Нет, они выманили нас оттуда, просто спугнули и последовали за нами, следя, как собаки, за каждым нашим шагом, каким-то образом предугадывая каждое наше движение, а сами все это время отставали от нас на планету-две. И все это с одной целью: следить за нами, пока мы не нырнули в неизведанный портал. Так мы и сделали. Для них это означало, что у нас есть карта Космострады. Так оно и есть. Она у нас была все это время. А я этого даже и не знал.

— Агг-га. И что же это за карта?

— Это не «что», а «кто». Это Винни.

— Что-о-о?

Я рассказал ему о рисунках на песке, потом пересказал ему свои соображения, почему эти рисунки можно рассматривать как «убедительную подделку», про которую упоминал Петровски.

— Убедительную! Кого убедят каракули на песке?

— Видимо, всех. Это единственный способ, которым можно собрать эти детали головоломки воедино. Вспомни, они могут не знать, что знания Винни основаны на мифе. И, кроме того, мы этого тоже, кстати, не знаем. Эта линия может быть подлинной, а может быть и поздним добавлением. У меня не было времени убедиться, так это или не так. Я пробовал там, на берегу, но Дарла, кажется, единственный человек, который ее понимает.

— А как Уилкс и компания узнали насчет Винни? Через Дарлу?

— Не знаю. Мы знаем, что она давала отчет Петровски там, в отделении милиции. У Уилкса может быть шпион в разведывательном подразделении Петровски. Другое дело, что мы ничего не знаем относительно того, насколько сама Дарла знала насчет знаний Винни в тот момент, когда отчитывалась перед Петровски. Рисовать Винни не рисовала, пока мы не приехали сюда, но Дарла все это время с ней разговаривала, поэтому она могла рассказать и о таких способностях Винни. Оставить какое-нибудь тайное сообщение или передать это по радио.

— А ретикулянцы?

— Это команда Ловушки, которая работает на Кори Уилкса, но только почему рикки-тикки работают на человека и за какое вознаграждение — вот что тут неясно.

— Еще бы! Ну ладно, ладно, только я не понимаю двух вещей,— он засмеялся.— О чем это я говорю! Мне непонятна целая куча вещей. Скажем так: у меня две главные непонятые

проблемы. Первое: каким образом вообще пошли все такие слухи про нас? И каким это образом мы ничего не знали о них вплоть до недавнего времени?

— Сэм, как долго мы не появлялись на дороге перед этим маршрутом?

— Господи, понятия не имею. Пару месяцев, а что?

— Пару месяцев, чтобы привезти урожай с фермы, дома, правильно? И выполнить пару неотложных дел. А до этого где мы были?

— В Гидранском лабиринте, умоляя этих водомерок не рвать контракт с Гильдией и не перебегать к Уилксу.

— Сколько времени это заняло?

— Не напоминай мне. Вроде долгих лет, особенно когда мы ждали три недели, пока какая-то бюрократка пройдет свой эстрогенный цикл, чтобы мы могли получить у нее аудиенцию. Сколько времени это все заняло? Да месяца три, все вместе взятое.

— Сэм, ты даже не скрываешь своего предубеждения против инопланетян.

— Вовсе нет. Просто я сыт по уши.

— Значит, шесть месяцев нас не было на дороге,— сказал я.— О'кей, вот тебе чокнутая теория номер раз. Каким-то образом мы выберемся из этой заварухи. Мы попадаем на часть Космострады, которая идет во времени обратно, и возвращаемся в земной лабиринт прежде, чем уехали из него... примерно за шесть месяцев до того, как уехали. Каким-то образом пошли слухи. Есть карта. Достать карту! — говорят все. И всем позарез понадобилась эта карта. И вот комбинация из рикксиан, властей, Кори Уилкса и ретикулянцев пытается каким-то образом заполучить карту... каким-то образом. Наши будущие «я» тихо сидят, давая нам возможность бегать от преследователей... они прекрасно обо всем осведомлены.

— Если бы только у них хватило честности рассказать нам, что и как.

— А у них могут быть свои причины ничего нам не сообщать. В любом случае, мы бежим, находим Винни, покидаем лабиринт, попадаем в заварушку, выбираемся из нее, отправляемся назад во времени и так далее. Вот тебе парадокс. Каким-то образом все это должно сработать.

— Это сколько же раз ты сказал «каким-то образом»? Я и счет потерял.

— Слишком много, но я готов изложить тебе чокнутую теорию номер два. Если ты готов слушать.

— Не знаю. У меня просто прибавилось вещей, которые я не могу понять.

— То есть?

— Почему же они, черт возьми, не сграбастали нас попросту там, в земном лабиринте, и не выбили из нас душу и дерь-

мо, пока мы не согласились бы отдать им карту? У нас ничего не было, но они же этого не знали?

— Они умны. Они понимают, что существует парадокс. Уилкс сказал мне это почти открытым текстом там, у «Сынка». Они так понимают, что я получил карту в какой-то момент в этом путешествии, но они сами не знают, в какой момент. Оттого они выжидают, пока не станет похоже на то, что мы намеренно проскользнем в какую-нибудь дыру на авось.— Я глубоко вздохнул.— Ну, а что ты думаешь?— спросил я, зная, что все это время он из принципа будет подыскивать аргументы против моих соображений.

— Ну, я никогда еще не покупался на горшок дерьма намеренно, но куплюсь на твой, если ты ответишь мне еще на один вопрос, а именно: если у нас уже есть карта... я имею в виду, у наших будущих «я», разумеется... если мы уже вернулись шесть месяцев назад с картой или с Винни, или с чем-то там еще, почему, черт побери, они пытаются отнять у нас эту карту сейчас? Все уже сделано, все готово. Они что, надеются изменить то, что уже произошло, что ли?

— Это серьезный вопрос. Крепкий орешек. Но ты все-таки купишься на мой горшок дерьма, если я тебе скажу, что не знаю?

— Да, но я-то доверчивый простак.

— Ты что-нибудь еще нашел в записях?

— Да, под словами «Колониальная Ассамблея» я нашел обычные старые новости, кроме одной заметки, где еще встречалась «разведка».

— Давай ее сюда.

— Я ее перескажу. Это насчет двух членов Ассамблеи— собственно говоря, это были мужчина и женщина— так их полномочия были приостановлены властями в силу расследования, касающегося их участия в деятельности, которая выходила за рамки сферы интересов Ассамблеи. Вероятно, они просто хотели подтереть задницу без того, чтобы спрашивать разрешение у Ассамблеи в письменной форме.

— А каким образом это относилось к «разведке»?

— Сведения были основаны на рапортах милицейской разведки.

— Похоже на дымовую завесу— сама история, я имею в виду. У тебя есть какой-нибудь фон к этой заметке, я хочу сказать, сведения вокруг да около?

— Немножко. Если помнишь, какое-то время назад были сплетни на дороге насчет того, что в Ассамблее существует секретное разведывательное подразделение. Тайные агенты, особые операции, такая вот штука. Фонды на это дело вроде как маскировали как оплату по трудовому соглашению различным комиссиям по расследованию.

— Ба-а-тюшки. И кто же это выболтал?

— Разумеется, подсадные утки властей в Ассамблее. Они специально ведут такую кампанию болтовни в барах и постелях. А когда такие рассказы как следует расходятся, власти начинают действовать. Таким образом подсадки себя не выдают. Собственно говоря, власти могут куда угодно так подсадить своего человека.

— Двойной агент?

— Правильно.

— О'кей.— Я сел на постели.— Сэм, ты отлично поработал. У нас есть еще один кусок головоломки. Пока что я не знаю, где его место, но он подходит. И он здоровенный. Я с тобой потом поговорю.

— Связывайся со мной почаще, ладно?

— Конечно.

Я встал и пошел к двери в смежную комнату, приложил к двери ухо. Роланд, Джон и Дарла тихонечко разговаривали за дверью.

Я повернулся к Винни и сказал:

— Пойдем-ка немножко погуляем. Просто мы с тобою, ты да я, солнышко.

Глава шестнадцатая

Без колебаний она пошла за мной к двери. Мы выцли в коридор после того, как я его проверил. Я тихонько закрыл дверь. Она взяла меня за руку, ее кисть с двумя большими пальцами как-то странно держала мою руку, но ее пожатие было крепким и доверчивым, и мы пошли по коридору с красными коврами и золотыми обоями. Я никогда не был на настоящем наводном корабле таких размеров, но это все напомнило мне картинки, где изображались старые здания на земле. Тут было ощущение пространства, никакой экономичной тесноты, которую можно было бы ожидать, не говоря уже о кошмарной клаустрофобии кораблей глубокого космоса. А из того, что я видел в лабиринте внешних миров, в этом самом лабиринте, где мы сейчас были, корабль своей роскошью казался не на месте среди примитивной технологии. Когда мы подошли поближе к холлу, я открыл причину этого изобилия. Там было казино. Я не остановился, чтобы поглазеть, но я краем глаза увидел оживленную деятельность, то, как летали фишки за добрым десятком столов, где играли во все известные мне игры. И инопланетяне там тоже были.

Прежде чем мы попали во все еще переполненный холл, я оставил Винни в маленькой комнатке, где было полно машин-пищераздатчиков, спрятав ее за одной из них. Я сказал ей, чтобы она подождала, пока я не вернусь. Возле стола администратора я спросил клерка, где находятся кабины команды. Он

смерил меня изумленным взглядом, прежде чем вежливо ответил на мой вопрос, и я про себя мимолетно подумал, не было ли суровое запрещение общаться с пассажирами, про которое упоминал Краузе, чистой правдой. Но клерк не спрашивал, почему я ищу каюты команды. Он показал мне план палубы и корабля в целом и сказал, что помещения команды находятся на кормовом конце палубы, самой нижней из трех.

— А вы ищете кого-нибудь конкретного, сэр?

— Да, девушку. Молоденькую, вот такого примерно роста, короткие золотистые волосы, довольно тоненькую.

Он минутку подумал.

— О, кажется, понял. Наверное, это Лорелея. Наверняка она. Она мичман подпалубной команды, но сейчас мы, в общем-то, все равны. Мы вот-вот отправимся в море, поэтому она, должно быть, уже сменилась с вахты.

— Замечательно. Спасибо.

Я пошел обратно и забрал Винни.

Было очень приятно убраться из холла и попасть в относительно тихие и пустые коридоры. Мне казалось, что я очень приметный, особенно с Винни, и я старался внимательно следить, не попадется ли где по дороге знакомое лицо. Никто не показался. Я все еще чувствовал себя настороже, но, как мне казалось, мог бы рискнуть пройтись по палубе. Мне хотелось посмотреть, как они заставят чудище покинуть пристань и гавань.

Мы прошли через незапертую дверь на пустынную часть внешнего фордека. Это было место для отдыха и развлечений, на деревянном настиле палубы были нанесены разметки для различных игр, под навесом стояли кучей парусиновые кресла, несколько столиков стояли под зонтами. Мы встали у поручней и смотрели, как корабль-животное, пятясь, отступало от берега, а за ним тянулась полоска вспененной воды. Теперь меньший оркестр барабанщиков занялся делом на носу, но теперь там все равно трудились не меньше пятидесяти. Они выбивали медленный ритм. Должно быть, это был тонкий и сложный пример навигационного и штурманского искусства. Все удары и ритмы были четко продуманы и рассчитаны. Мы наполовину уже вышли из гавани, оставив позади покинутый остров, который озарялся пылающим оранжевым солнцем. Казалось, это остров отходит, а не мы. Внизу мне была видна добрая часть самого зверя. Тюленеобразные существа были на всей верхней части зверюги, таща кучи водорослей своими передними плавниками, они вылезали из своих хаток и снова лезли туда, стараясь четко выполнить любые задачи, которые перед собой поставили. Я вскоре понял, что всякое сходство с земными тюленями было только поверхностным. Головы были больше, а морщинистые морды — более плоские. Пятачков у них практически не было. И глаза у них были странные. Они были на слишком бо-

льшом расстоянии от нас, чтобы можно было говорить с уверенностью, но казалось, что по структуре их глаза были почти такими же, как глаза огромного монстра, в чреве которого мы плыли.

Мы были на главной верхней палубе, но над нами была еще надстройка с капитанским мостиком. Офицеры наклонились через поручни, наблюдая за тем, как корабль отваливает. Я подумал, как мостик передает команды лоцманам-барабанщикам, и как вполне может оказаться, что никаких команд с мостика вообще не поступает. Совершенно верно, что капитан передает командование лоцману, когда корабль входит в гавань или покидает ее, но как насчет открытого моря?

Я почувствовал, что на меня кто-то смотрит, и посмотрел на крыло мостика правого борта. Приземистый бородатый человек в золотом мундире таращился на меня. Капитан. Нет, собственно говоря, он не таращился, он оценивал меня, смотрел, чего я стою, и блестящий козырек его фуражки был ослепительно освещен солнцем. Я не видел под козырьком его глаз, но чувствовал его диагностический холодный взгляд.

Я взял Винни за руку, и мы вошли снова внутрь. Мы прошлись по всему кораблю, избегая главных мест, где кипел народ. Мы прошли возле столовой, которая постепенно заполнялась голодными пассажирами, прошли мимо увеселительного зала, бального зала и темного театра, обогнули стороной торговый участок палубы, а потом нашли узенький трап, который вел на палубу С. Внизу мы наткнулись на пустой лазарет на шесть коек, в котором, на первый взгляд, было весьма мало оборудования и медикаментов, нашли кладовые и сейфы, и, что очень странно, знак, который гласил: ВЕРХНИЕ ТРЮМЫ 5—10. Я-то думал, что груз будет переправляться под палубами, но, возможно, некоторые хрупкие вещи были слишком непрочны для звериных потрохов.

Мы наконец пришли к помещениям команды. Я осмотрелся, нашел шкиперский чулан, полный метелок и ведер, и сказал Винни, чтобы она подождала внутри. Она нервно посмотрела на меня, потом заползла внутрь и уселась в углу, а большие ее глаза сияли в темноте. Я ободряюще прошептал ей, что вернусь немедленно и чтобы она не боялась. Я надеялся, что она поняла. Однако, как я понял, мои проблемы в общении с ней были односторонними, то есть все трудности понимания выпали на мою сторону.

Помещения для команды были разделены на маленькие каюты на четыре-пять коек каждая. Большая часть их была закрыта, но я увидел, как несколько матросов спят на койках, даже не закрыв двери. Вахта, видимо, была длинная. К счастью, на дверях были таблички с именами тех, кто проживал в той или иной каюте. Как назло, были упомянуты только фамилии, а вместо имен были проставлены инициалы. Ну неужели было

трудно подумать и спросить ее фамилию? Любой идиот догадался бы, только не ты, Джейк. Я прошелся по запутанным коридорам, щуря глаза в тусклом свете. Я нашел всего четыре Л. Кто-то там? Лорелея Михайлович? Маловероятно, но кто знает. Лорелея Суфанувони? Невероятно. Тем самым я сократил выбор до двух. Л. Финкельгор и Л. Питерс. Пусть будет Питерс. Я постучал.

Приглушенный ответ. Я постучал вновь. Бормотанье и жалобное ворчанье.

Дверь открылась, и на пороге стояла Лорелея в потрепанном синем халате с припухшими глазами.

— Да? — она прищурилась, пытаясь меня разглядеть.— Вы кто?

— Неужели мое лицо так легко забыть?

Минутой позже она сообразила.

— Ах да, шоферюга...— в глазах ее появилась настороженность.— Что вам надо?

— Окажите мне любезность... одновременно это возможность воззвать к вашей совести.

— Это как же?

— Я в беде, и мне нужна ваша помощь.

Она озадаченно нахмурилась, потом пожала плечами.

— Заходите, что ж стоять в коридоре,— сказала она, распахнув дверь.

— Сперва я хочу вам кое-что показать. Вернее, кое-кого.

— Кого? — спросила она.— Эй, куда вы идете?

— Хочу показать вам своего приятеля, вернее, приятельницу,— сказал я, идя по коридору. Я остановился и поманил ее пальцем.— Идемте же.

— Я не уверена, что мне пойдет на пользу такое знакомство,— сказала она кисло.— Ведь вы тот самый тип, который хотел ткнуть мне в зад фонарем?

Я собирался объяснить, что по ошибке принял ее за мужчину, но вовремя остановился, прежде чем такая оплошность вылетела из моего глупого рта.

— Простите меня ради бога. Я был просто как на иголках. Я первый раз сунулся в морское чудовище.

Это ее немного смягчило. Она вышла в проход.

— Ладно. Но если только станете делать что-нибудь непонятное и дикое — закричу, что меня насилуют. Вам не понравится то, что после этого с вами сделают.

Наверное, не понравилось бы. Она прошла за мной все расстояние, отделявшее нас от чулана с метелками. Я открыл дверь. Это заставило Лорелею вытаращить глаза. И посмотреть на меня с еще большим недоверием.

— О'кей, Винни,— позвал я.

Когда Винни высунула мордочку из чулана, с Лорелеи свалилась вся ее циничная маска, как сморщенная кожура со све-

жего апельсинчика. Она мигом преобразилась, засияла совершенно детской улыбкой и оказалась еще моложе, чем сперва показалась мне. Улыбка шла ей гораздо больше, чем обычная капризная гримаса.

— Ой, какая она прелесть! — просияла Лорелея.— Это ведь «она», правда? А откуда она?

— Винни,— сказал я, показывая пальцем,— это Лорелея.

— Привет, Винни!

— Пьивет! Пьивет!

— Винни родом с планеты, которая называется Оранжерея. Ты про эту планету когда-нибудь слышала?

Она подошла поближе и погладила Винни по голове, запуская пальцы в густой блестящий мех.

— Нет. Это что, в земном лабиринте?

— Да. Ты родилась здесь? Я имею в виду, на Консолидации Внешних Миров?

— Угу. Посмотрите только на эти ушки. Ой, какая она лапочка... она ваша?

— Э-э-э... Винни не домашняя зверюшка. Но она путешествует со мной, и я отвечаю за нее. Как ты отнесешься к тому, чтобы присмотреть за ней?

Лорелея хихикнула. Винни, казалось, была заворожена цветом и фактурой халатика Лорелеи. Она все время трогала и обнюхивала ткань.

— О, я с большим удовольствием...— начала она, потом прикусила губу.— Э-э-э, не знаю. Я на этом рейсе все время должна стоять двойную вахту. У нас не хватает людей, и я не знаю, когда у меня будет время.

— Вам много времени не понадобится. Винни вполне может сама о себе позаботиться. Собственно говоря, я имел в виду нечто совсем специфическое.

— Что такое?— Потом, вспомнив, она сказала:— А, ведь вы говорили, что попали в какой-то переплет.

— Это Винни попала в переплет.

— Она?!

— Да. Я хочу, чтобы вы ее спрятали. Наверняка вы знаете каждую щелку и уголок на этом корабле, где она могла бы остаться, а ее никто бы не нашел. Правильно я говорю?

— Ну да, конечно, но почему?

— Лорелея, на этом корабле есть люди, которые хотели бы похитить Винни. Может быть, даже хуже. Она в большой опасности.

Лорелея была поражена.

— Да кому понадобится причинить зло этому существу? И почему? Господи...

— Это трудно объяснить, но в основном ситуация такова. У Винни есть кое-какие ценные сведения, и эти люди очень хотят их заполучить. А для этого им надо заполучить Винни.

Лорелея, словно защищая, обхватила Винни за плечи.

— У нее есть сведения? Да что такого она может знать, что...

— Винни — разумное и даже очень разумное существо. Не позволяйте ее внешнему виду вас обмануть. Как я уже сказал, она — личность, а не животное.

— Хм.— Она скептически посмотрела на меня, ее цинизм начал возвращаться.

— А откуда я знаю, что это не вы ее похитили?

— Спросите Винни.

Она было скорчила мне презрительную гримасу, чтобы ответить мне по достоинству, но передумала. Она наклонилась над Винни и показала на меня:

— Он твой друг, Винни? Вот этот человек? Друг?

Винни повернулась ко мне и обожательно улыбнулась.

— Дъюг! — сказала она и протянула руку, чтобы покрепче ухватиться за мою.— Джейк дъюг! — она стала лизать мою руку.— Дъюг-дъюг-дъюг-дъюг!!! — мне стало только слегка не по себе.

Лорелея смущенно улыбнулась.

— Что же, полагаю, вы не обманываете меня,— она выпрямилась и протянула мне испачканную пылью руку.— Рада познакомиться с вами, Джейк.

Я взял ее за руку, но тут мы услышали голоса в соседнем коридоре.

— Быстрее, сюда,— прошептал я. Мы забрались в чулан.

Когда два матроса прошли мимо, я спросил:

— Что вы скажете, Лорелея? Вы нам поможете?

— Конечно. Я знаю как раз такое место, какое надо. Я могу приносить ей воду и еду, когда у меня будет время... но ей придется сидеть тихо и не мешать.

— Винни никому не мешает и не нервничает. Она будет вести себя образцово.— Тут я кое о чем вспомнил.— Еда все же может оказаться проблемой. Ей нужна еда с ее планеты, как всем инопланетянам. Как и нам тоже.

Я вздохнул и прислонился к переборке.

— Наверное, этому ничем нельзя помочь, вот только если...

Однако маленькая надежда была.

— Лорелея, вы не знаете, в команде нет никого с Оранжереи? Он, возможно, знает, какая пища может стать заменителем. Что может оказаться пригодным в пищу Винни. Биохимия очень странная штука. Что, все в команде родом с внешних миров?

— Нет, полным-полно таких, что пробились сквозь неизвестный портал, но я никогда не слышала, чтобы кто-то говорил, что он родом с Оранжереи.

— Хм-м-м... а как насчет Деметры? Так называется это место по-научному. Нет? А кто-нибудь когда-нибудь, может, говорил, что он родом из Маш-сити? Это самый большой город.

— Нет, не то чтобы я такое слышала...— в свете, который падал из дверей, я увидел, как она трет лоб ладонью, пытаясь вспомнить.— Маш-сити... погодите... где я видела это раньше?..

— Вы это видели? Именно видели?

— Да, где-то, на чем-то было написано. Вот черт, не могу вспомнить, где это было,— она щелкнула пальцами.— Ну да, конечно! Это было помечено на контейнере, который мы подняли из-под палуб.

— Груз?

— Ага. Мы положили все это в верхний трюм. Барахло какое-то экстракласса. Контейнер не был помечен, но кое-какие доски отвалились от обшивки в грузовом лифте. Там внутри были большие связки чего-то, завернутые в пластиковые простыни, а на этих простынях как раз было название. Какая-то компания... не помню, что это было, что-то насчет химикатов, но там было написано Маш-сити. На интерсистемном ПОЛЛА ДЕИ МАШ. Я помню, потому что спросила, где это такое, а Ларри, который со мной работает, и говорит мне: «Ты дурочка, это просто город, где живут Маши». Он все время каламбурит... но он ничего парень. Вот почему я запомнила название. Мы везем кучу таких контейнеров.

Так. Так-так-так-так...

— Лорелея, есть ли какая-нибудь возможность добраться до этих контейнеров?

— Ну конечно. Трюмы и кладовые закрыты, но для меня это не проблема. А что?

— Может быть, Винни сможет есть что-нибудь из этой мешанины. Есть еще вполне вероятный шанс, что...— не то что шанс — верняк! Я знал, что находится в этих связках.

— Лорелея, слушай...

— Зовите меня Лори.

— Хорошо, Лори. Возможно, я не смогу долгое время спускаться сюда. Не могли бы вы запустить сегодня ночью Винни в трюм и дать ей самой попытаться выискать себе то, что она сможет съесть? Она знает, что она может есть, а что нет.

— Ага. Это я точно смогу.

— Отлично. Теперь: можете ее спрятать прямо сейчас?

— Да, но мне придется вести себя очень осторожно.

— Вы хотите подождать до ночи? Продержать ее в вашей каюте до той поры?

— Да нет. У меня же есть соседи по каюте.

— Вы им можете доверять?

— Двоим — вполне, но одна из них — трепло.

— Тогда лучше уведите ее сейчас. И еще одно,— я поколебался, думая о том, насколько разумным было это решение.— Не говорите мне, где вы ее держите.

Она очень удивилась.

— Не говорить вам?

— Мне кажется, так будет лучше. Но это может поставить вас в определенную опасность. Вы все еще не боитесь и хотите нам помочь?

— Я могу за себя постоять,— сказала она спокойно.

— Мне кажется, что да. Я не думаю, что те люди, которые охотятся за Винни, захотят вести себя необдуманно с членом команды. Это им не принесет ничего, кроме неприятностей.

Я поискал в темноте на ощупь Винни. Она нашла мою руку и вцепилась в нее. Я присел перед ней и сказал:

— Винни, я хочу, чтобы ты пошла с Лори. Ты с ней пойдешь, ладно? Она пустит тебя в такое место, где ты сможешь спать. Ты будешь одна, но тебе там нечего бояться. Джейк придет позже и возьмет тебя оттуда.

Она крепко схватила меня.

— Нет, Винни, я тебя не забуду. Но ты должна быть очень тихой, сидеть спокойно и быть хорошей девочкой. Лори будет к тебе приходить, навещать тебя и отводить тебя туда, где ты сможешь раздобыть еду. Но ты не должна бояться. Понимаешь? Ничего с тобой не случится. Никто не причинит тебе зла. Ладно?

— Ла-а-адно!

— Будешь хорошей девочкой?

— Бу-у-у-уду!

— А? Ну ладно, хорошая девочка,— я приоткрыл дверь и выглянул наружу, потом прикрыл дверь снова.

— Чуть не забыл. Нам нужен способ общаться. Я не доверяю комнатным телефонам в наших каютах. Вы сможете передать мне письменное сообщение?

— Думаю, да.

— Отлично. После того, как вы ее спрячете, пошлите это сообщение в комнату 409-Б. Поняли? 409-Б. Пошлите так: «Ваш костюм будет готов завтра утром».

Она повторила сообщение.

— Правильно. Это сообщение на сегодня. Если случится что-нибудь непредвиденное или какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства, то пошлите... мм-м-м... дайте подумать... пошлите такое сообщение: «Камбуз сожалеет, что заказанного вами вина нет».

Она повторила это и сказала:

— Все понятно.

— Теперь такое — можно ли мне оставлять записки в вашей каюте?

— Да, просто подсуньте их под дверь. Я буду там, когда сменюсь с вахты. Я так устаю, что в любом случае большую часть времени сплю.

— О'кей. Значит, здесь.— Я взял ее руку и вложил в нее пачечку денег.

— Нет, это лишнее...

— Возьмите, и никаких гвоздей. Вы принимаете на себя большой риск, и вам за это надо платить. Никогда не будьте альтруистом. Это вас в конце концов убьет.

— Что такое альтруист?

— Это такой человек, которым хотели бы считать себя все, кто живут во вселенной, но вселенная их такими не считает. Ладно, это не важно.— Я снова выглянул наружу.— Порядок. Можно идти, и пусть никто вас не увидит вместе с Винни, если только это возможно.

— Правильно. Пошли, Винни.

Я посмотрел, как они на цыпочках идут по коридору, потом и сам повернулся и пошел.

Глава семнадцатая

И кого, как вы думаете, я увидел, когда пошел обратно? Кого, как не Чокнутую Сволочь, который вышел из каюты, посмотрел на вашего верного слугу и скользнул обратно в свою нору, словно змеюга. Я прыгнул вперед и припер дверь плечом, вставив ботинок между дверью и дверной рамой.

— Можно вас на пару слов, сэр?

— Убирайтесь отсюда!

— Нам, правда, надо поговорить.

Он, как мог, налег на дверь и чуть не выбил мой ботинок из нее, но я снова вставил его в щель.

После недолгой борьбы он перестал пытаться и налег на дверь.

— Я вызову службу безопасности!— сказал он.

— А вы можете дотянуться до телефона отсюда?

Он продумал этот вопрос. Видимо, ответ был отрицательным.

— Что вы хотите?

— Как я уже сказал, несколько слов с вами.

— Ну и говорите свои слова.

— Собственно говоря, я хотел сводить вас на обед. У меня есть друзья, с которыми я хотел бы вас познакомить. Они живут в океане, и у них большие, противные зубищи.

Неожиданно его вес исчез с двери. Я рывком распахнул дверь и рванулся в комнату, где он уже пытался до чего-то докопаться в сумке на кровати. Я дал ему как следует по почкам, потом забрал его в полный нельсон, убедился, что он еще не успел схватить ружье, или пистолет, или что у него там было, потом швырнул его о переборку. Он ударился об нее с громким шмяком и сполз вниз. Я порылся в сумке и нашел то, что не на-

шел он. Прелестный маленький пистолетик «Смит и Вессон» — компактный, легкий, смертельный.

Он лежал на полу, привалившись спиной к переборке, стонущий, но в сознании, он смотрел на меня встревоженным взглядом. Я подошел к двери, закрыл ее и запер, потом подошел к нему, поигрывая пистолетом.

— Может быть, вы хотели бы объяснить маленький эпизод на пляже? — сказал я. — Пока ваш рот еще в силах говорить и в рабочем состоянии?

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Ну нет, даже притворяться надо уметь лучше.

Он провел рукой по своим непослушным волосам с проседью. Потом потратил массу времени, чтобы отскрести себя от пола. Я стоял как следует поодаль, настороже на тот случай, если ему вздумается делать какие-нибудь внезапные телодвижения. Он был крупным человеком, но, если я мог судить, в нем не было ни капли бойцовского духа, просто хитрость, которую он пытался скрыть угодливой усмешкой дерьмоеда.

— Ах, да. Да. Теперь припоминаю. Я видел вас на острове. Конечно.

Он пожал плечами и широко развел руки.

— А что у вас за вопрос? Может быть, возникло какое-нибудь недоразумение?

— Я спрашивал вас, безопасно ли здесь купаться, и вы сказали, что безопасно. Однако все оказалось наоборот.

Невинность расцвела на его роже, как плесень.

— Я не знал! Я видел, как люди плавают здесь все время!

— И насколько их хватает?

— А?

Разумеется, он врал. Но именно в этот момент мне пришло в голову, что мне не нужен еще один враг на борту. Он мог мне пригодиться в другом качестве.

— Вы не знали относительно опасности?

— Нет, клянусь. Послушайте, камрада, это просто недоразумение. Поверьте мне.

Я не потрудился спросить, почему же тогда он ринулся бежать при одном моем виде, решив пережить это его вранье.

— Ладно, — сказал я, — если вы говорите правду, похоже, я должен перед вами извиниться.

— Клянусь, что это правда, — сказал он. Он отошел от стены и поправил на себе одежду. — Я сам не купаюсь, но время от времени я видел, как люди плавали там.

— Угу, — я одарил его примирительной улыбкой. — Ладно, будем считать, что произошла ошибка. Надеюсь, вы примете мои извинения.

Он весь превратился в радостную улыбку, тело его обмякло от облегчения.

— Никаких проблем, все в порядке, — сказал он. — Я могу

понять, наверняка вы страшно рассердились. Не могу вас винить. Ей-богу. Такие вещи случаются.

— Ладно,— я вернул ему пистолет.— Надеюсь, никакой обиды?

— Нет-нет, что вы. Как я сказал, я совсем вас не виню. Я бы и сам на вашем месте чувствовал то же самое.— Он сунул пистолет в карман своего ярко-голубого комбинезона.— Знаете что? Давайте я поставлю вам выпивку.

— Отлично.

Я дал Полю Хогану угостить меня выпивкой. Бар был переполнен, шумел, а выпивка была дорогая. Мы приятно поговорили над кружками местного пойла. Оказалось, что он был работорговцем по профессии.

— Контрактная служба, можно и так сказать,— сказал Хоган.— Есть контракт и срок службы, который заранее оговорен. Но контракт в любое время может быть выкуплен тем, кто нанимался служить. Рабство? — Он с возмущением покачал головой.— Нет, вовсе нет. Это чисто деловые отношения. Множество людей пролетает через неизвестный на той стороне портал буквально с голой задницей, с машинами и карманом бессмысленных, ничего не стоящих тут денег. Им нужна работа, а я могу им такую работу обеспечить. Я брокер... агент, больше ничего.

Он зажег странную, ярко-зеленую сигару.

— Вы когда-нибудь такие пробовали? Честное слово, настоящее наслаждение — такой дурман.— Он выдул дым из угла рта.— Нет, причина, по которой я к вам подошел на пляже, была совершенно иная. Это из-за существа с Оранжереи. Из-за Читы.

— Правда?

— Они превращаются в замечательных домашних слуг. Их очень немного в этом лабиринте, и я хотел спросить вас, не согласились бы вы ее продать.

— Продать Винни? Мне бы это не пришло в голову.

— Я мог бы предложить неплохую цену.— Он глубоко затянулся сигарой и отхлебнул из стакана, глядя на меня, как на образчик на предметном стекле микроскопа.— Мне показалось, что вы пролетели сквозь портал... как бы это сказать... совсем налегке. Как у вас с деньгами? Вам не надо одолжить?

Аг-га... вот она, приманка.

— Нет, спасибо, пока у нас все в порядке.— Разумеется, нам, возможно, понадобится заработать, но это потом,— сделаем вид, что немножко приманку покусываем.

— Скажите мне, как это вас угораздило пролететь сквозь неизвестный портал? Мне просто интересно. У разных людей разные причины к этому.

— Правда? В нашем случае это просто ошибка. Я пропустил знак, и, прежде чем мы успели сообразить, на нас уже мчались маркеры въезда.

— Ну да, ну да...— он задумчиво попыхивал сигарой.— Некоторые люди специально так делают. Вы это знали? Собственно говоря, с каждым днем у нас прибавляется именно таких. Не спрашивайте меня, как это в земной лабиринт просочились слухи, что здесь есть куда сбежать, но что-то заставляет их приходить к нам. Они хотят иногда выбраться из-под каблука колониальных властей. Свобода, вот что у нас здесь есть. Развитая технология? Забудьте. Что касается современной медицины — то же самое. Тут очень многого не хватает, но если вы не возражаете против более скромной жизни — лабиринт широко открыт для всех. Мы молоды и растем. Множество возможностей себя проявить.

Он откинулся назад и скрестил ноги.

— Вы правы насчет того, что вам в конце концов придется что-то делать насчет денег. Тут высокие цены, поверьте мне. Вам придется всерьез подумать над тем, чтобы продать Читу, я бы даже сделал эту продажу для вас приемлемее. Я собираюсь предложить вам незаурядную сделку. Тут будет над чем подумать. Я заплачу часть цены в наркотиках.

— Наркотиках?!

— Ну, в этих лекарствах против старения.— Он фыркнул.— Не думайте, что здесь вы получите их так же легко, как и в земном лабиринте.

— Я не могу представить себе, чтобы какие-нибудь лекарства были бы под более жестким контролем, чем антигероические лекарства,— сказал я.— Мое последнее лечение прошло после четырехлетнего ожидания и кучи всяких разрешений. И стоило это целое состояние.

— Иногда их тут нельзя раздобыть ни за какие деньги, и можно помереть, не дождавшись своей очереди. Но у меня хорошие связи.

— И о какой сумме мы говорим?— спросил я, водя его за нос подольше.

— Я бы мог вам дать, скажем, четверть полного курса. Полную оральную серию.

В темном углу бара квартет музыкантов заиграл немного похожий на латиноамериканский мотив. Инструменты все были прекрасные, настоящие акустические: маримба, маленькие барабанчики и контрабас — кроме свинцового омниклавера. Я какое-то время просто слушал музыку, глядя в окна, которые простирались от пола до потолка, на тихую ночь, на небо и озаренное серебром луны море.

— Пол, четверть курса не окажет на меня никакого влияния, если я не смогу воспользоваться остальным.

— Это все, что я смогу сделать, Джейк. Мы все-таки обсуждаем большие деньги.

— Если ты не сможешь устроить полное лечение, забудь про деньги. Я возьму только лекарства.

— Я не могу этого сделать, Джейк. Как я говорил, мои связи неплохие, но запас лекарств невелик.

— А кто тебе их поставляет?

Он хитро улыбнулся.

— Мой поставщик, просто поставщик, друг. Он хорош. Но условия сделки только таковы. Подумай.— Он выхлебал остатки из своего стакана и вытер пасть рукой.— Давай я тебе свою карточку оставлю.

Он дал мне свою карточку, на которой значилось: «ПОЛ ХОГАН АССОШИЭЙТЕД. Специалист по трудоустройству». Там был еще и адрес в Морском Доме. Я покончил со своим пивом, извинился и убрался восвояси.

Когда я добрался обратно в каюту, там никого не было. Я постучал по смежной двери, но никто не отозвался. Я открыл дверь. Там никого не было.

Я растянулся на одной из широченных двуспальных кроватей, вызвал Сэма.

— Я тут!— отозвался он.

— Чем занимаешься? Есть что-нибудь интересненькое?

— Да, конечно, смотрю, как стенка желудка истекает какой-то жидкостью.

— Истекает?

— Да, но они тут прыскают все какой-то химией. А у тебя как дела? Есть неприятности?

— Все вроде бы назревает, так что у меня ощущение, что я главный прыщ.

Я рассказал Сэму относительно Лори и Винни, потом рассказал ему все новости, особенно те, которые я услышал от Хогана.

— Все это становится интереснее и интереснее,— сказал Сэм.— К тому же кое-что начинает проясняться.

— Да, хотя еще остаются темные пятна, но мне кажется...

— Что именно?

— Сэм, просто мысль. Мне кажется, что мы тут довольно крепко застряли, но мог бы ты выбраться отсюда силой, если бы тебе попробовать?

— Никаких проблем. Чтобы вылезти из трюма, мне вполне достаточно раскатать в блин несколько машинежек, а что? Куда мы в таком случае направимся?

— У меня безумная идея.

— О господи...

Я услышал, как открывается дверь. Это Дарла, она вошла, открыв дверь ключом.

Она остановилась, как вкопанная, когда увидела меня.

— Джейк! Где, черт побери, ты был?

— Сэм, поговорим потом.

— Пожалуйста,— ответил он и отключился.

— Привет, Дарла.

Она подошла и села на кровать рядом со мной.

— Ты исчез...

— Извини. Мы пошли гулять.

— А где Винни?

— Я хотел с тобой об этом поговорить. Я ее кое-кому отдал.

Лицо ее не меняло выражения, но по нему пронесся ветерок изумления, только на миг, и потом все исчезло.

— Ты ее кому-то отдал? Кому?

— О, типу по имени Пол Хоган. Он занимается экзотическими животными для зоопарков и всякого такого. Мне показалось, что так будет лучше.— Я небрежно подложил руки под голову.— Ведь с ней надо было что-то решать, раньше или позже, правильно?

— Зоопарки? У них тут есть зоопарки?

— Видимо, да. Ну нет, он не сказал конкретно — зоопарки. Я припоминаю, он говорил что-то совсем уж невероятное — что-то насчет экзотических домашних животных.

Она, нахмурившись, глядела на меня.

— Дарла, мне это нравится не более, чем тебе, но рано или поздно надо было что-то решать. Мы же сами говорили, что ей надо найти хороший дом.

Ей это не понравилось, но она ничего не сказала. Она думала.

— Где остальные?

— А? Что? Пошли по магазинам.

— А ты пошла с ними?

— Нет, я искала тебя.

— Мне бы надо было тебе сказать, но мы так себе ходили и ходили, потом встретили Хогана, а потом... понимаешь, мне очень хотелось как-нибудь решить эту проблему. Извини.

Она не совсем понимала, как ей следует прореагировать.

— А где ты?..

Голоса в соседней комнате перебили ее. В смежную дверь раздался стук.

Джон сунул голову к нам.

— Привет!

— Заходи,— сказал я.

Джон вошел в комнату, одетый в костюм для сафари. Он был похож на жердь цвета хаки.

— Как вам это нравится? — спросил он, поворачиваясь, как балерина.

— Прекрасный костюмчик,— сказал я.— И твой тоже, Сьюзи.

Сьюзен была одета в более классический костюм на все климаты и погоды, к которому подобрала сапоги до колен.

— Мы и рюкзаки купили тоже,— сказала она, гордо демонстрируя их.— И кое-какое туристическое снаряжение, новые спальные яйца и все такое.

— Да,— сказал Джон.— Мы подумали, что надо нам стать настоящими звездными туристами. Потратили уйму денег. Ох и цены!

Роланд вошел, одетый в костюм, похожий на тот, что украшал Сьюзен.

— Джейк! Где ты, бес тебя подери, шлялся? Если, конечно, мне позволено спросить.

— Я был с Винни. Я нашел кое-кого, кто захотел ее взять.

— Ой, Джейк, не может такого быть,— Сьюзен была потрясена.

Джон в неожиданной рассеянной задумчивости сказал:

— Странно... Я-то думал, откуда берется все это барахло. Мне в голову не пришло проверить этикетки. Они все, эти вещи, хорошего качества.

— Я их проверил,— сказал Роланд.— Все этикетки из земного лабиринта. Откуда же еще?

Джон нахмурил брови.

— Но я был под впечатлением...

— Ты получаешь приз за сообразительность, Роланд,— сказал я.— Внешние миры не так далеко, как ты думаешь.

— Масса вещей просто не имеет тут смысла,— сказал Роланд.

— Ты хочешь сказать, что сюда переправляются товары из наших миров?— сказал Джон.

— Именно,— ответил Роланд.

— Но как платят поставщикам? Я хочу сказать, каким образом?..— Джон погрузился в мысли.

— Не знаю,— ответил я.— Но никто не стал бы швырять товары просто в дыру, из которой нет выхода, правильно?

— Да, такое маловероятно,— сказал Роланд.

— Значит, есть путь назад?— сказал Джон, потрясенный своими собственными мыслями.

Сьюзен стояла, округлив глаза, на лице ее проступала недоверчивая надежда.

— Вероятно, кое-кто знает выход,— сказал я,— но они, возможно, и не скажут.

— Но если бы мы могли найти его,— сказал Джон.

— Если этот лабиринт такой же огромный, как большая часть лабиринтов,— сказал Роланд,— это может занять годы. Столетие. И у меня сильное подозрение, что этот лабиринт неисследован.

— Ну что же,— вздохнул Джон и сел.— Пища для размышлений.

Сьюзен выглядела совсем убитой.

— Кстати, о пище,— сказал Роланд, похлопывая себя по животу.— Мне кажется, что мы можем воспользоваться вызовом прислуги в каюту.

— А я за столовую,— сказал я, за что Дарла подарила мне

весьма странный взгляд.— Мне хочется хорошей еды, цивилизованной беседы, вина и остроумия.

Стук во внешнюю дверь из коридора, и все окаменели.

— Войдите,— выкрикнул я.

Вальтер Дарлы оказался у нее в руках прежде, чем я увидел, что она сделала движение.

— Джейк! Что ты делаешь?— ахнула она.

— Роланд, открой дверь, ладно? Я все время забываю, что эта штука запирается автоматически.

Роланд ответил мне озадаченным взглядом, потом пошел открыть дверь.

— Дарла, убери эту штуковину. У нас гости.

— Мистер Мак-Гроу?

— Нет, он вон там, на кровати.

Вошел корабельный офицер.

— Мистер Мак-Гроу?

— Да.

— Добрый вечер. Жан Лемэтр, старший офицер.

— Бон суар, мсье Лемэтр. Коман са ва?

— Бон, мсье. Э ву? Коман алле-ву сэ суар?

— Тер бьен. Э ки — а-тиль пур вотр сервис?

— Ле капитэн презан се комплиман... Простите меня. Все тут говорят по-французски?

— Я как раз исчерпал свои запасы,— сказал я.

Он рассмеялся.

— Тогда я стану говорить по-английски. Капитан Прендергаст выражает вам свое почтение, сэр, и просит вас оказать ему честь отобедать сегодня вечером за его столом.

— Скажите капитану,— сказал я,— что мы с восторгом принимаем его предложение.

— Восемь склянок — удобное для вас время?

— Замечательно.

— Тогда прекрасно,— сказал он.— Капитан будет вас ждать. Тогда до восьми, мадам и мсье.

Он щелкнул каблуками и удалился.

— Ле плюм де ма тант э сюр ле бюро де мон онкль,— сказала тупо Сьюзен.

Это означает: перо моей тетушки лежит на письменном столе моего дядюшки.

Глава восемнадцатая

Мне нужно было оружие. В последнее время я добывал себе оружие и снова терял с поразительной скоростью. Еще одна пушечка — это как раз то, что мне было бы нужно, но я сомневался, что мог бы найти себе искомое прямо сейчас. Такие штуки вряд ли сочтешь распространенным товаром. Совершенно

верно, карманным пистолетиком ванадиевой стали не прорежешь, но я знаю очень немного опасных вещей, которые сделаны из стали. Из пушечки размером в ладонь можно сделать всего несколько выстрелов, но зачастую это решает дело. Однако и тут была своя закавыка. Из той перестрелки у «Сынка» все уже наверняка знали, что мое любимое оружие — карманный пистолетик, знали, что я его прячу, если раньше и не знали. Ладно, неважно. Обзаведусь и пистолетом побольше.

Участок на палубе, отведенный под магазины, был весьма большой, разделенный на лавчонки, которые продавали все, что угодно, не делая упора на каком-то одном виде товаров. Я прошелся по тем, которые предлагали одежду, туалетные принадлежности, снаряжение для туристов и полки многочисленных безделушек. Они и оружие продавали. Симпатичная женщина средних лет провела меня к витрине-стенду. Выбор был не очень большим: примерно с полдюжины старых моделей, среди них «Смит и Вессон», вроде как у Хогана. Я подумал, не стоит ли действительно приобрести такую штуку, чтобы можно было прожигать стены. Может быть, достаточно будет десятикиловаттной горелки. Женщина специально для меня вытащила ее из витрины. Практически эта штучка была такой же моделью, как у Хогана его пистолет, но батарея аккумулятора была другой модели, более ранней, и поэтому гораздо крупнее, почти до неуклюжести. Мне она не понравилась, но выбора практически не было. Были два русских пистолета с тяжелыми пулями, колониального изготовления лучевой пистолет и одна подделка под старину, которую можно было бы назвать ручным пулеметом, если, конечно, вам не помешает, что она стреляет едва-едва на звуковых скоростях...

— Дайте-ка мне ее посмотреть,— попросил я.

Она хихикнула.

— Вы что, собираетесь на дуэль с шерифом?

— По-моему, вы ошиблись в определении периода, к которому принадлежит эта штука. Однако весьма симпатичная подделка. Какой у нее этот... как его... калибр?

— Ох, сэр, не знаю,— сказала она.

Я осмотрел штуковину.

— А вот, прямо тут и сказано. Сорок четыре, магнум. Хм-м-м-м... а заряды у вас к нему есть?

— У меня есть только одна коробка с патронами. Их там двадцать штук. Извините, но я дала кому-то уговорить себя взять эту дрянь на продажу. Думала, что за нее заплатит какой-нибудь коллекционер. Увы, желающих не находится.

— Это настоящая модель?

— О да. Немного подреставрированная, обновленная, но это подлинный товар.

Честно говоря, я в этом сомневался. Собственно, было по-

хоже, что с этой штукой поработали так, чтобы современный пистолет мог выглядеть, как настоящий старинный. Бедную женщину здорово накололи, но теперь она пыталась спихнуть эту штуку на меня.

— Не шутите?— сказал я наивно.

— И она к тому же очень здорово стреляет,— сказала женщина.— Я в свое время стреляла из него по каркалам-воронам, но, правда, не попала.

— Угу... я его возьму. А сколько она стоит?

Она дала бы мне вырвать эту древность у нее из сердца за пятьдесят консолей. Я бессовестно утащил его за тридцать пять, но по ее глазам видел, что она рада была получить за этот пугач столько, сколько я дал. Она даже добавила мне кобуру. Я надел кобуру на себя, и она сунула туда пистолет.

— Как приятно было иметь с вами дело...

Она мило улыбнулась.

— Меня зовут Белла. Белла Шапиро. Э-э-э... вы же не собираетесь расхаживать с этой штуковиной по кораблю?

— А почему бы и нет?

Она пожала плечами.

— Против этого нет никаких правил. Большая часть людей предпочитает просто-напросто не афишировать такие предметы, держать их в укромном месте.

— Я прямой и нескрытный человек.

Ее улыбка стала еще шире.

— Мне тоже так показалось. Тогда мы с вами родственные души. Не хотите потом присоединиться ко мне и выпить немножко? Я почти готова закрыть магазин.

— Я бы с наслаждением присоединился к вам, Белла, но меня ждут за капитанским столиком, и что-то мне говорит, что у меня впереди непростой вечер.

— Жалко. Ну хорошо, как-нибудь в другой раз.

— Вы уверены, что меня никто не оштрафует за то, что я ношу оружие?— спросил я, вынимая пистолет из кобуры и заряжая его пятью патронами, оставив боек над пустой ячейкой барабана. Я видел, как старые пистолеты вроде этого стреляли и сами.

— Нет, хотя старик угрожал начать проверять все лучевые пистолеты на палубах. У нас в последнее время была просто эпидемия пожаров. Но это займет слишком много времени, а никто пока не придумал, как по-настоящему эффективно просматривать багаж пассажиров. Не можем раздобыть настоящее, стоящее оборудование.

Пока она рассказывала все это, меня осенила дикая мысль, неизвестно откуда взявшаяся.

— Белла, а на борту есть аптека?

— Да нет, настоящей аптеки нет. А что вам нужно?

— Не знаю точно. Что-нибудь, что помогло бы мне взбодриться и не заснуть.

— О, это... у меня полным-полно взбадривающих таблеток,— она пошла в заднюю комнату магазинчика и принесла две большие банки, полные таблетками всяких цветов и размеров. Она сняла крышку с одной из банок и стала рыться в ней.

— Ну-ка, посмотрим... По-моему, вот эти зелененькие такие хорошие... Вы говорите, что хотели бы взбодриться и не заснуть?

— Да, хотел бы стать совсем бодрым.

— Ну ладно, тогда, наверное, эти розовенькие — то, что надо.— Она прикусила губу.— Нет, это антинеоплазмики широкого действия. По-моему.

Она посмотрела на меня снова.

— Вы хотите взбодриться или, так сказать, совсем не спать.

— Чтобы во-от так!— сказал я, сделав глаза круглыми, огромными и безумными.

Она хихикнула.

— Даже так? Погодите, может, у меня что-то и есть.

Она открыла вторую банку и сунула туда руку, совсем как ребенок, который пытается найти тот самый вкусный оттенок мармелада-горошка.

— А вы знаете, что в этих капсулах?

— По большей части,— сказала она.— Я в свое время вела список того, что у меня есть, но потом я его потеряла. Вот они.— Она вытащила большую ленту залитых в пластик огромных, лошадиного размера капсул ярко-лилового оттенка.— Я не знаю, что в этих, но там какой-то мощный антидепрессант.

— Вы не знаете химическую сторону этих штуковин?

— Нет, но они лечат все мерехлюндии и хандру, это уж я вам говорю точно. Они очень распространенный товар.

— Я приму штучку. Вы не могли бы принести мне стакан воды?

— Да, конечно, лапочка.

Она принесла мне воду, и я смог с большим трудом заглотить пилюлю. Потом выбрался из магазинчика.

Я опаздывал на обед.

Глава девятнадцатая

Стюард объявил мой приход.

— Мистер Мак-Гроу, сэр.

Меня пригласили в личную столовую капитана.

В сравнении с ней остальная часть корабля выглядела просто как угольная баржа. Стены были просто закутаны в золо-

тую ткань с красно-белой отделкой, на стенах висели красивые и со вкусом подобранные морские пейзажи. Ковер был красный и доходил бы карлику до колен. Над огромной равниной стола нависала изысканная и богатая хрустальная люстра, бросая переливчатый свет на серебряные приборы и золотые подсвечники. Тарелки сервиза были из великолепного фарфора бледного, почти мелового цвета. Шелк скатерти был белоснежен и чист. Я был потрясен и минуту неподвижно стоял у двери.

— Входите, мистер Мак-Гроу,— капитан Прендергаст вытер рот аккуратным жестом золотистой салфеткой,— прошу вас,— сказал он тепло, показывая мне на стул.

Остальные гости взглянули на меня. Там были Дарла, Джон и компания, но я больше никого за столом не знал, кроме почтенного мистера Краузе. Дарла и Сьюзен были единственными женщинами за столом.

— Извините меня за опоздание, капитан,— я кивнул остальным гостям, но Краузе даже не поднял головы.

— Вовсе нет, мистер Мак-Гроу, ничего страшного. Пожалуйста, садитесь.

Темно-синие глаза Прендергаста следили за мной, пока я не сел на несколько мест дальше от него. Я развернул салфетку и положил ее на колени, как настоящий джентльмен, потом я вспомнил, что не люблю сидеть за столом, когда ткань покрывает мои ноги, и снова положил салфетку на стол.

— Я хотел бы предложить вам попробовать блюдо из даров моря, мистер Мак-Гроу. Я надеюсь, что вам нравится еда моря.

— Я бы хотел, чтобы вы называли меня Джейк, капитан. Еда из местных морей?

— Как вам будет угодно, Джейк.— Его интерсистемный язык был резкий, с тевтонским акцентом и слабым оттенком голландского акцента.— Да, это местный улов. Некоторые люди считают это деликатесом, хотя питательные свойства этой морской еды весьма ограничены.

Уголки его рта поднялись слегка кверху.

— Но ведь мы же не всегда едим, чтобы жить, правда?

— Мне всегда нравится есть,— ответил я.— И я всегда надеюсь, что доживу до следующей еды.

— Да, вселенная — опасное место,— сказал он.— Для уроженцев этой планеты вот эта рыба — настоящий яд. Странно, правда? Если не хотите ее пробовать, то вот вам целый выбор закусок.

— Я бы хотел попробовать рыбу,— сказал я стюарду, который терпеливо стоял сбоку от меня. Он тихо вышел из комнаты. Я повернулся к Прендергасту.— Вы упомянули уроженцев планеты, ее аборигенов. Вы можете с ними общаться?

— С некоторыми, правда, трудностями, но можем.

— Как вы их называете?

— Мы зовем их племя... мы называем их командой...— он словно бы тявкнул два раза, потом улыбнулся.— Как видите, языковой барьер весьма значительный. Большая часть англоговорящих народов называет их арфбарфсами.

— Арфбарфсами?

На другом конце стола Сьюзен хихикнула в бокал вина.

— Да, еще арфи. Собственно говоря, они акватерранские аборигены или просто акватерранцы.

— Они разумные?

Прендергаст пригладил свою темную шевелюру.

— Я оставлю судить об этом экзопологам, которые занимаются изучением инопланетных рас. Выпейте вина, Джейк.

Молодой офицер слева от меня налил вина в бокал на длинной ножке.

— Скажите мне, капитан,— сказал я,— как правильно назвать...

Тут мой интерсистемный язык подвел меня, и я стал подыскивать слова.

— Не лучше ли для вас будет, если мы станем говорить на вашем родном языке, Джейк?— Английский в устах Прендергаста звучал еще лучше, чем интерсистемный. Как обычно, способности других людей перескакивать с языка на язык заставили меня в очередной раз почувствовать себя немым кретином.

— Это будет просто замечательно,— сказал я.— Спасибо, и мне очень неудобно причинять вам такие хлопоты.

— Да тут ничего такого нет. Как я понимаю, на вашей родной планете на интерсистемном не говорят. А планета эта?..

— Вишну. Там говорят либо по-английски, либо на хиндестани.

— Понятно.— Он неодобрительно посмотрел на меня.— Но интерсистемный так легко учится.

На этом он оставил тему и снова начал есть.

Это, конечно, привело меня в замечательное настроение. Я отпил большой глоток вина, почти безвкусного и слегка кислого.

— Кстати, хотя и совсем некстати,— сказал лысый толстяк в розовом официальном костюме, который сидел напротив меня.— Вы знаете, что корень «системный» в слове интерсистемный никак не соотносится с понятием солнечной системы?

Все глаза устремились на него.

— Вот как, доктор Гутман?— сказал еще один молодой офицер.

— Да. Это обычное заблуждение.— Гутман с хирургической точностью разрезал грудку чего-то смутно птицеподобного у себя на тарелке.— В действительности корень относится к лингвистическим, языковым системам.— Он сунул кусочек мяса в рот и стал медленно жевать.— Просто у всех теперь мышление скорее связывает это слово с планетами,— сказал он,

обращаясь больше к самому себе, чем к кому-то конкретному. Его взгляд медленно остановился на мне.— Разве не любопытно?

— Потрясающе,— сказал я и допил вино.

— Джейк, вы хотели узнать, как правильно называется что-то, и не закончили свою мысль,— сказал капитан, чтобы вернуть разговор к прежней теме.

— Да, название того, на чем едет ваш корабль. Это животное-остров.

Прендергаст застыл с вилкой над тарелкой, озабоченно поглядывая на то, что в тарелке было.

— Мы обычно думаем и о металле, и о плоти в этом корабле просто как о двух неразрывных частях одного целого. Стюард!

Стюард ворвался в каюту, словно пуля. Прендергаст протянул ему тарелку, словно на ней лежала какая-нибудь гниль.

— Скажите коку, что если бы я хотел, чтобы мою рыбу настолько прожарили, я бы отдал ее артиллеристам, чтобы они на ней попрактиковались. Принесите что-нибудь съедобное.

— Да, сэр!

— Капитан как раз рассказывал нам кое-что про корабль, когда ты вошел, Джейк,— сказал мне Джон. Прендергасту он сказал:— Мы все пытались понять, как корабль... м-м-м... управляется. Это правильное слово?

— Это так примитивно, что мне почти что неловко вам рассказывать,— ответил капитан.— Между капитанским мостиком и кормой натянут до отказа стальной кабель, а кормовой конец вживлен в череп мегалевиафана. Рулевые — арфи, которые посылают сигналы в мозг мегалевиафана, когда стучат по кабелю. Разумеется, я даю им команды. Но, как бы там ни было, в таких маневрах, как швартовка, мы целиком и полностью должны полагаться на команду.

— Примечательно и впечатляет,— сказал Джон.— Мегалевиафан? Это так вы называете это существо-остров?

— Как все на Акватерре,— сказал доктор Гутман,— или на Плеске, как ее все зовут, нет официального названия. Научного, так сказать. У нас нет ресурсов и денег, чтобы начать здесь развивать науку.

— Но в один прекрасный день мы именно так и сделаем,— сказал с энтузиазмом один из молодых офицеров.— Правильно, капитан?

— Будем надеяться, мистер Понсонби,— сказал капитан, намазывая рогалик. Он посмотрел на Краузе и замер.— Мистер Краузе! Что такое с вашей губой? Ударились о дверь?

Все посмотрели на раздувшуюся багровую губу Краузе. Краузе больше всего хотелось бы сейчас провалиться сквозь землю или вскочить и убежать, но он что-то пробормотал насчет случайного падения.

Мне показалось, что достойным поступком будет прийти ему на помощь и спасти от дальнейшего обсуждения.

— А кому первому пришла в голову мысль,— спросил я капитана,— использовать зверюгу в качестве парома?

— Мне,— ответил прямо Прендергаст.— На этой переправе раньше плавал обычный корабль, и он затонул. Доктор Гутман сказал, что невозможно сделать такой паром с животным без солидного научного подхода. Тут он был неправ. Если имеющиеся данные получены на практике, ими можно воспользоваться. Я возглавил первую экспедицию по изучению мегалевиафанов. Для меня было совершенно ясно, что мы сможем прийти к соглашению с арфи и использовать эту тварь, чтобы перевозить машины и людей через этот участок затопленной Космострады.— Он глотнул вина.— Это стало тем более очевидно, когда мы выяснили, что мегалевиафан питается только раз в году...

— И заглатывает чуть не пол-океана, когда кормится,— вставил один из молодых офицеров, за что Прендергаст наградил его мрачным взглядом.— Простите, сэр,— сказал он и смущенно кашлянул в руку.

— А все остальное время,— продолжал капитан свой рассказ,— пищеварительная система животного пребывает в покое — примерно на девяносто процентов. Пришлось нам, правда, потрудиться, чтобы найти правильные аналоги земному гистамину — ингибитору пищеварения, который мы используем, чтобы совершенно остановить пищеварение.

— А почему вы не построили еще один обыкновенный корабль?

Мудрые улыбки расцвели по всему столу.

— Моря тут очень опасные,— сказал доктор Гутман.

— Да,— сказал я.— Мы это обнаружили, когда отправились поплавать там, на острове.

Вокруг все подняли брови.

— Да, повезло вам,— сказал Гутман.— Еще вина, дорогая моя?— спросил он у Дарлы.

— Да, с удовольствием, спасибо.

— Наверное, цикл воспроизводства этого животного — нечто поразительное,— сказал Роланд, предвидя мой следующий вопрос.

— Так и есть,— ответил Прендергаст.— Из того, что мы об этом знаем. Но чтобы ответить на ваш подразумеваемый вопрос... нет, мегалевиафаны не спариваются в обычном смысле этого слова. Они гермафродиты, но тут и кончается любая параллель с земной биологией. Доктор Гутман, вы больше понимаете в этом вопросе.

Гутман пошел рассказывать довольно долго про половую жизнь мегалевиафанов. Несомненно, лекция была давным-давно накатана и отработана. На протяжении всей этой болтов-

ни я чувствовал, что больше глаз приковано ко мне, чем к нему, и это чувство не покидало меня с тех пор, как я сел за этот стол.

— ...и через различные промежутки времени,— рассказывал Гутман,— совершенно без какого-либо предупреждения, мы видим, что мегалевиафан рождает относительно небольшую форму жизни, которая несколько похожа на земного дельфина. Это результат некоего партеногенетического процесса, который остается для нас абсолютной тайной. Животное рождается абсолютно сформированным и отплывает прочь. Рано или поздно оно приплывает обратно и вплывает в главное влагалищное отверстие мегалевиафана, но больше уже никогда не выплывает обратно. Примерно через год после того, как это происходит, мегалевиафан отрыгивает яйцо из того же влагалищного отверстия. Яйцо падает на дно и прячется в иле. Кстати, яйцо очень большое, примерно с дом. Через шесть лет после этого из яйца появляется новый мегалевиафан.

— Звучит так, словно весь процесс — закрытый виток, с генетической точки зрения,— прокомментировал Роланд.— Каким образом гены перемешиваются?

— Сомнительно, что дельфиноид возвращается, чтобы оплодотворить того самого мегалевиафана, который его породил, разве что по чистой случайности,— сказал Гутман.— Простое кольцевание помогло бы решить, так это или не так, но маленьких чертенят страшно трудно поймать.— Он улыбнулся.— Кроме того, это же чистой воды научное исследование, разве нет?

— Ну что же, если это так и есть, цикл открывается на дельфиноиде,— сказал Роланд.— И все же, это поразительно.

— Правда же?

— А мне,— вставила Дарла,— куда более интересны арфи. Я пыталась вспомнить, есть ли еще пример такого поразительного сотрудничества между видами животных. По-моему, нет таких известных примеров.

— Странно, что вы говорите «сотрудничество»,— сказал Прендергаст.— Большая часть людей считает, что мегалевиафаны просто несущие существа и что их контакт с арфи — просто симбиоз.

— Вот как?— сказал Джон.— А что получает от этого мегалевиафан? Легко увидеть что арфи... то есть арфбарфсы...

Сьюзи фыркнула в новом приступе смеха.

— Простите,— сказала она, покраснев,— но название уж очень смешное.

— Тогда акватерранцы,— продолжал Джон.— Конечно, жизнь на таком животном очень выгодна для амфибий вроде них, но что получает от этого мегалевиафан?

— Я это суммирую одним словом,— сказал Прендергаст.— Морские уточки.

— Морские уточки?

— Ну да, местный их эквивалент. Морские моллюски, которые прилипают к килю и бокам зверя-корабля. Они страшно быстро размножаются в этих водах. Через очень маленькое время они своим весом могут затянуть мегалевиафана на дно, и если акватерранцы не счистят их и не съедят, то зверь в конце концов потонет и погибнет.

— Понятно,— сказал Джек и уселся, а стюард стал наливать кофе.

Наконец пришла и моя еда, как раз во время для десерта. Я попробовал серовато-зеленоватую массу на тарелке. Это было что-то ужасное, я бы лучше пропустил главное блюдо и перешел бы прямо к десерту.

— Это вишни в вине?

— Да. Они, разумеется, свежемороженые, но бренди — местное.

— Я в душе патриот.

За все время обеда Дарла время от времени бросала на меня взгляды, словно пыталась выяснить мое настроение. Наверное, ей было трудно, поскольку глаза у меня потихоньку вылезали из орбит, так как настроение и состояние стремительно скакали вверх. Пурпурная пиротехническая пилюля давала себя знать.

Обрывочная беседа шла между прочими гостями, пока Роланд не повернулся к капитану и не сказал:

— Вы объяснили, каким образом аборигены и мегалевиафаны общаются между собой и согласно несут свои повинности, но где тут находится место для корабля и его требований?

— Дайте мне теперь попробовать объяснить вам все одним словом,— сказал Гутман, сглотнув свой десерт в три глотка.— Пища.— Он передал свою пустую креманку стюарду, чтобы тот дал ему вторую порцию.

— Вы удивлены? Вам кажется, что, если море кипит жизнью, не должно быть проблем с едой. Но это не так. Команды аборигенов подразделяются в зависимости от разделения труда. Есть подразделение, которое очищает от моллюсков мегалевиафана, есть штурманы, есть рыбаки — им нужна рыба для разнообразия питания, есть класс, который воспитывает маленьких — так сказать, смену, и прочие мелкие подразделения, включая класс офицеров. В результате относительно немного аборигенов собирают пищу для остальных, и перейти классовые границы невозможно. Табу. Когда команда становится социологически перегруженной на вершине, проблема собирания еды становится гигантской. Очень трудно обдирать моллюсков, как вам может сказать любой моряк, даже начинающий. А что касается рыбной ловли...

— Объяснение в одно слово?— саркастически переспросил Прендергаст.— Я бы сказал это куда проще, мистер Ии. Мы не станем вместо них обдирать киль, но мы помогаем им рыба-

чить, используя сети, которые аборигены пока делать не научились. Если вы умеете рано вставать, то можете застать нас завтра за вытягиванием трала.

— Спасибо, капитан,— сухо сказал Гутман.

Где-то на корабле взвыла сирена, заставив меня слегка подскочить. Сквозь крышу промчался лифт.

— Немного послеобеденных развлечений, леди и джентльмены,— сказал Прендергаст.

Он поднялся и прошел к нескольким двойным дверям в противоположной стене. Он открыл их и вышел на маленькую наблюдательную палубу. Мы все встали и прошли за ним следом.

Поисковые прожекторы метались по рыбе-острову, прорезая ночь, забрызганную соленой морской водой, но яркий лунный свет и так достаточно хорошо показывал нам, что происходило. На остров взобрались массы каких-то красных спагетти. Багровые щупальца пробирались к кучкам куполов-хаток, и сотни акватерранцев сражались с ними, нанося по щупальцам удары заостренными раковинами. Даже при том, что арфи были в большом количестве, им приходилось весьма туго, пока они отражали нападение чудищ. Еще несколько щупалец перевалились через край рыбы и стали передвигаться поближе к середине рыбы-острова. Еще несколько амфибий рванулись в бой с щупальцами, рубя и режа с большим энтузиазмом. Это была кошмарная сцена, оранжевые облака над ней светились от света огромной пухлой луны. В первый раз я услышал, как тявкают акватерранцы. Звук был похож на тройное сочетание собачьего лая, кваканья лягушки и доброй отрыжки. Имитация Прендергаста была замечательно точной, хотя ударение ставила на собачий элемент, а тут всех трех было поровну.

— Не смотрите слишком долго, леди и джентльмены,— предупредил Прендергаст.— Взгляд осьминога-горгоны превратит вас в камень.

Повернувшись ко мне, он сказал:

— Теперь вы можете понять, почему обычный корабль практически не может плавать в этих водах, даже гидроскиф. А это весьма средненьких размеров горгона.

Еще группа щупалец закипела в воде примерно на четверти периметра острова, скользнув по берегу и забравшись на него, чтобы присоединиться к бою.

— Похоже, эта тварь достаточно большая, чтобы заставить беспокоиться и мегалевиафана,— сказал я.

Он покачал головой.

— Они большие, но не такие, чтобы уволочь мегарыбу на дно. Она охотится на аборигенов.

Акватерранцы терпели потери. Мы видели, как отчаянно извивающиеся тела уволакивались щупальцами на дно. Я услышал сигнал зуммера, повернулся и увидел Прендерга-

ста, который вынул маленький коммуникатор из кармана жилетки.

— Правые бортовые батареи готовы, сэр.

— Отлично. Придержите пока огонь, не стреляйте.— Он посмотрел на меня и сказал, заметив мое удивление: — Мы не любим вмешиваться, разве что это становится необходимо. Это естественный отбор в их населении.

Я уверен, что арфи все руками и ногами проголосуют за экологию, но все же...

Мы смотрели примерно минут пять. Арфи сражались с горгоной, пока битва не стала приобретать затяжной характер, однако постепенно чудовище стало побеждать, пусть даже сотни отрезанных щупалец валялись повсюду, источая темную жидкость. Наконец страшная огромная голова поднялась из воды чуть дальше от края рыбы-острова, а потом страшные фасетчатые глаза показались над водой, отражая свет луны. Прендергаст поднял коммуникатор к губам.

— Выколоть ей глаз,— приказал он.

— Есть, сэр!

Зажигательный заряд просвистел с корабля, вылетев слева из-за наших спин. Глаз взорвался, зашипев, и жидкость из него потекла по бокам гигантской головы. Слизистые потеки затопили всю голову. Высокий булькающий визг потряс ночь. Чудище стало убираться прочь, таща свои щупальца прочь от множества яростно сражающихся арфи. Через минуту вся горгона сползла и убралась обратно в воду.

Когда все кончилось, а мы снова были в салоне, расслабившись над бренди и сигарами, я заметил Прендергасту:

— Я бы сказал, что нет никаких сомнений насчет того, что акватерранцы разумны. Они же пользуются орудиями.

— Многие породы и виды животных пользуются орудиями,— сказал он, словно защищаясь.— У некоторых даже есть языковые способности. Например, земные обезьяны, если вы вспомните старые эксперименты, в которых их учили пользоваться языком глухонемых,— но никому не придет в голову объявить их действительно разумными. В конце концов...

— Я не делал никаких заявлений, которые отдавали бы политикой,— сказал я, чтобы загладить неловкость, которую, видимо, допустил.— Но также совершенно очевидно, что арфи занимают определенную нишу, которую человеческие существа никак не могут заполнить. Нет, я просто думаю, что весьма трудно понять, почему Космострада вообще пришла сюда. Казалось бы, что у арфи есть, по крайней мере, потенциал, чтобы развиться в технологически прогрессивную расу. Тот, кто строил Космостраду, казалось, старался избегать напрямую соединять технологически развитые планеты. Ни одна из рас, которые мы знаем, не имеет прямого доступа к Космостраде со

своих родных миров. Порталы входа, как правило, находятся не менее, чем за пол солнечной системы в стороне.

— Я понял,— сказал Прендергаст, потягивая бренди из большого низенького бокала.— Но я не могу дать вам удовлетворительного ответа на этот вопрос.

— Что заставляет меня упомянуть еще один вопрос,— продолжал я.— Кому принадлежит этот лабиринт?

Еще одна любимая мозоль, если судить по напряженным физиономиям вокруг стола.

— Мы думаем, что это, должно быть, часть первоначального земного лабиринта,— сказал доктор Гутман,— потерянная часть. Я так понял, что вы заметили, что здесь мы можем дышать без помощи искусственных приборов.

— Так могут и некоторые инопланетяне. Что заставляет вас думать, что это потерянная секция земного лабиринта?

— А что заставляет вас сомневаться?— отпарировал Гутман.— Уж, наверное, не то, что планета удалена от первоначального лабиринта.

— Я не подвергал ничего сомнению, я просто спрашивал,— Гутман был совершенно прав, но почему этот вопрос был таким щекотливым?

Совершенно прав, если говорить о евклидовой геометрии, то части лабиринта совершенно хаотично раскиданы, некоторые планеты удалены от родной солнечной системы на тысячи световых лет.

— Есть только один портал на Акватерре,— вмешался капитан,— однако есть и еще один отрезок Космострады, который ведет в тупик. Там попросту нет портала. Мы думаем, что это была предполагаемая строительная площадка двойного портала обратно на Семь Солнц. Вы же должны были заметить, что на Семи Солнцах есть входной портал, которым никто не пользуется.

— А может портал оказаться под водой?— спросил я.

— Нет. Его просто никогда не установили. Почему этого не сделали, можно гадать до бесконечности.

— Наверное, потратили все заложенные фонды,— пошутил Гутман, поблескивая глазами.— А заявление с просьбой выделить дополнительные средства просто не прошло.

— Кажется, сегодня вы полны вопросов, Джейк,— заметил капитан.

— У меня есть еще один, возможно, самый важный из всех.— Я обвел жестом комнату.— Откуда появляется все это? Вы сказали, что бренди — здешнее. Неужели это означает, что вы получаете что-то по импорту? Откуда вы можете импортировать что-либо, и кто вам это поставляет?

— Мои поздравления,— сказал Прендергаст.— Вы задали вопрос, который не приходит в голову большинству из тех, кто случайно проскочили через неизвестный портал. Они видят,

что у нас тут есть кое-какая промышленность, и сразу решают, что все это должно быть местного производства. Возьмите, например, титаний, из которого сделан корабль. У нас тут есть своя сталь, но пока что не нашли тут никаких запасов руды. Вне сомнения, они просто под водой. У нас тут не хватает многих вещей. Но то, что мы не можем произвести, нам продают риксиане.

— Риксиане? — ахнул Джон. — Вы хотите сказать, что отсюда есть выход в риксианский лабиринт?

— Не через Космостраду. Но через обычное пространство — да.

Джон посмотрел на него непонимающими глазами.

— Обычное пространство?

Я сказал:

— Вы хотите сказать, что риксиане тащат сюда товары через Космостраду, а возвращаются космическими кораблями?

— Да. — Прендергаст закурил тонкую сигару ярко-зеленого цвета. — Их отдаленный мирок-планетка лежит только в двенадцати световых годах отсюда, что делает путешествие на скорости ниже световой невероятно долгим, но им, кажется, все равно. — Он улыбнулся. — Никто на Космостраде вообще не принимает во внимание космические перелеты, поскольку вам даже не приходит ничего подобного в голову, когда вы можете просто переехать десять парсеков, не отрывая колес от земли. Но риксиане никогда не оставляли развитие космической техники и перелетов. Это дает им возможность соревноваться с нами в этой области.

— А что они увозят взамен? — спросил я.

— Вы в настроении угадывать загадки? — спросил капитан с дьявольской ухмылкой. — Что это такое: выглядит как золото, желтое, и стоит того, чтобы за ним как следует поездить?

— Понятно. — В этом был смысл. Золото и остальные драгоценные металлы всегда стоят того, чтобы ради них поездить. — Тут у вас есть золото, как я понимаю.

Все засмеялись.

— Вот именно, — сказал капитан, осмотрев богатый салон. — Вам бы никогда и в голову не пришло, правда? У нас есть золото, но мы же не можем его есть. Совершенно бесполезная субстанция, которая, однако, служит замечательным меновым средством, даже среди инопланетян.

Вошел стюард и прошептал что-то на ухо капитану. Прендергаст посмотрел на меня.

— Кажется, кто-то звонит вам, Джейк. Телефон ждет вас в холле.

Глава двадцатая

Я очень тревожился, пока шел в холл. Только Лори могла звонить, а это означало неприятности. Я получил ее зашифрованное сообщение как раз перед тем, как ушел за покупками. Я беспокоился и по другим причинам. С обеда я ушел со смутным ощущением, что Прендергаст был посвящен во все и на все способен. Это могло означать, что на корабле могли содержаться и пленники. Я особенно беспокоился за телеологистов. Я велел им пропасть с глаз долой после обеда, выбраться посмотреть на ночную жизнь корабля, пойти в казино, пойти на танцы, что угодно. Лишь бы они держались в общественных местах. Но куда им теперь идти?

Дежурный администратор поставил передо мной телефон, громоздкое сооружение, сделанное из грубозернистого дерева, как и те телефоны, которые стояли в комнатах. Я поднял трубку.

— Да?

— У меня ваш пиджак,— сказал мужской голос.— Хотите прийти и забрать его?

— Кто это?

— Владелец машины, которую вы украли.

Пилюля заставила мою пасть сработать быстрее, чем я сообразил, что я говорю.

— Значит, владелец машины, которую я украл. Ну что же, без дураков. Что я могу для вас сделать?

— Можете прийти в мою каюту и забрать ваш пиджак, а заодно дать мне на вас посмотреть.

— Это самое меньшее, что я мог бы сделать. Правильно? Но позвольте задать вам один вопрос: откуда вы знаете, что это я украл вашу машину и вообще, что я что-нибудь украл?

— А мне сказала маленькая птичка.

Это выражение я уже много лет не слышал. Собственно говоря, сам акцент заставил меня вспоминать давно прошедшие годы моего детства. Это был настоящий американский акцент, и для меня это звучало именно так, как про меня самого говорят люди — анахронизм, и все. Я вспомнил, что он проорал нам, когда я уезжал в его машине: подонки вшивые...

— Ваша маленькая птичка полна МЕРТЕ.

— Слушай, Мак. В следующий раз, когда будешь угонять машину, не оставляй в ней кучу документов в куртке с твоим именем... да еще на переднем сиденье. Дошло?

Дошло... надо же, какое слово.

— Да ладно,— сказал я.— Ты меня поймал. А что теперь?

— Как я и сказал, приходи и забери ее. Я все равно хотел бы с тобой встретиться. Не каждый человек может управляться с моей машиной и при этом выжить,— он фыркнул.— Не беспокойся, я не стану махать на тебя кулаками. Это было страш-

но — вот так гоняться за тобой, но я получил свою машину назад. Поэтому никаких плохих чувств и никакой обиды у меня на тебя нет. Я и так собирался рвануть через этот неизвестный портал.

— Серьезно? Как ты сюда добрался? И откуда ты знал, что я рванул через неизвестный портал?

— Откуда я знал? Да ты, наверное, шутишь. Пол-Макс-веллвилля было у тебя на хвосте, приятель. Я просто пристроился в эту очередь. Как я сюда попал? Просто купил старую развалюху на продаже подержанных машин, вот как. Заплатил дикую цену за эту проклятую телегу. Она меня просто разорила. Если подумать, то мне из тебя надо дух вышибить хотя бы за одно это.

Я восхищался грамматикой, словарем. «Развалюха» — про старую машину, «дикая» цена — естественные для меня выражения, которые так легко срываются с его уст. Это был голос из моего прошлого, целые эпохи тому назад, сто световых лет назад...

— Ну что? Проявишься?

— Какой у тебя номер каюты?

— Триста двадцать два, палуба Б. Дошло?

— Дошло.

— Я жду,— он повесил трубку.

Сперва мне самому надо было позвонить. Я автоматически сунулся пальцем в основание аппарата, но обнаружил, что нет кнопок. Я спросил клерка, как мне позвонить.

— Оператор, сэр. Просто повесьте трубку и поднимите ее снова.

Я так и сделал, и женский голос заговорил в трубку, спросил у меня номер каюты. Я назвал номер Поля Хогана.

— Да? — голос его звучал хрипло и беспокойно.

— Пол? Это Джейк. Хотел узнать, вы уже пообедали?

Молчание. Потом он хрипло спросил:

— Это вы их подослали?

— Подослал кого?

— Врете!

— Да нет, ей-богу. Что произошло?

Его дыхание шумно отдавалось у меня в ушах.

— Трое мужчин. Они хотели забрать вашу Читу. Думали, что она у меня.

— Понятно. Нет, я их не посылал. Вы их узнали?

Еще одна пауза.

— Да.

— Это мальчики Кори Уилкса, правильно?

— Ах ты, сукин сын!

— Я сказал, что это не я. Он же ваш приятель — правильно?

Взрыв непристойных ругательств, потом он повесил трубку.

— Чокнутая сволочь,— пробормотал я в замолкший телефон.

Я просто летел. Пурпурная Пиротехническая Пилюля играла финал своего концерта, когда я оказался перед дверями каюты 322. Мне даже понадобилось время, чтобы успокоиться. Я постучал, и дверь распахнулась, немного меня испугав. К тому времени меня настораживали даже швы в ковре — так ясно я их различал. Но мое эмоциональное состояние менялось, словно карты в тасуемой колоде.

Дверь открыл молодой человек. Он был высокий, со светлыми коротко остриженными волосами, на нем были белая водолазка и черные брюки с черными сапогами. Он выглядел очень молодым, без всякого лечения от старости, лет ему было около двадцати. Когда я его увидел, то забыл про настороженность и мне просто стало хорошо. Он выглядел весьма дружелюбно, но потом я снова насторожился и не очень хотел входить в каюту, даже когда он спокойно улыбнулся, отступил в сторону и сделал мне приглашающий жест.

Потом я снова решил, что все в порядке, и вошел.

Но как только я одной ногой переступил порог, у меня возникло непреодолимое желание прижать дверь к стенке до самого упора. Я так и сделал изо всех сил, и дверь ударилась обо что-то, скорее всего о тело, которое там пряталось. Я вытащил свой пистолет и налег всем весом на дверь. Парень отскочил к другому концу комнаты, но за него я не беспокоился. Похоже было, что он пока что на моей стороне. Он перелетел через кресло и застал врасплох еще одного типа, сидевшего в засаде как раз за этим креслом. Пока что я налегал плечом на дверь и давил кого-то за нею. Дав ему как следует задохнуться, я отбросил дверь в сторону. Один из телохранителей Уилкса, Кори Уилкса, стоял за дверью, покачиваясь на каблуках и бессмысленно глядя на меня. Потом белки его глаз закатились, и он съехал по стене на пол, упираясь головой в обои, потом секунду посидел и упал. Я пинком отшвырнул упавший пистолет и повернулся, чтобы посмотреть, как парнишка борется еще с одним гадом за спинкой перевернутого кресла. Я подошел к ним и дал охраннику по башке, когда он оказался наверху, а пилюля заставила меня неправильно оценить силу собственного удара. Я ударил его очень крепко. Башка его треснула, словно картонная упаковка под ударом металла.

Парень поднялся с пола, и я пошел проверить, что происходит в коридоре. Я закрыл дверь и одним глазом посматривал на паренька, пока проверял, как дела у моего придушенного дверью. Этот просто-напросто вырубился и уснул, но его приятелю потребуется медицинская помощь. Парень поднял пистолет, заткнул его за пояс и потом подошел ко мне.

— Хороший ход,— сказал он,— а откуда вы знали, что он торчал за дверью?

— А я и не знал,— ответил я.— Еще какие-нибудь тут валяются?

— Был и еще один, но он ушел. Эти двое приставили мне пистолеты к вискам в течение всего телефонного разговора. А в чем тут вообще дело, в этой каше, куда вы попали?

— Хотел бы я сам как следует знать,— ответил я.— Но суть дела в том, что они хотят заполучить нечто, что у меня есть.

— Вот как? А я-то думал, что они возжелали мою машину.

— Шевроле?

Он слегка удивился.

— Вы понимаете в древних машинах? Большинство людей ни черта не разбирается.

— По-настоящему, конечно, нет. Но я мечтал поговорить с вами насчет этой вашей красавицы. Где вы ее такую раздобыли?

Он подошел к безалкогольному бару и налил себе чего-то.

— Хотите имбирного пива?— спросил он.

— Нет, спасибо. Это что, инопланетная машинка?

— Это длинная история,— сказал он,— как-нибудь в другой раз.

Он подошел к кровати, на которой лежала груда одежды, откуда он вытащил мою кожаную куртку.

— Держите,— сказал он, перебросив ее мне.

Я дал ей упасть на пол, все еще держа пистолет в руке.

— Спокойней,— рассмеялся он, отойдя снова к бару и наливая себе еще стаканчик.— Если эти шутники собираются вас все равно прищучить, я выражаю вам свое сочувствие. Не обязательно декларирую вам помощь, но сочувствие и поддержка вам обеспечены. Кроме того, что я должен вам дать по морде, у нас нет с вами никаких счетов. Оставьте свой пистолет в покое.

Я так и сделал и уселся на кровать.

— Еще одно. Это они сказали вам, чтобы вы позвонили администратору и разыскали меня?

— Ага. А что?

— А вы сперва не пробовали позвонить мне в каюту?

— Нет, потому что они упомянули, что вы должны обедать с капитаном. Это для вас какая-нибудь улика?

— Да, спасибо.— Я подобрал куртку и надел ее. Странно было снова почувствовать ее на себе.— Простите меня насчет вашей машины. Я был в страшном состоянии — это вопрос жизни и смерти.

— Так я и понял. А я был настолько глуп, что оставил ее возле обочины с включенным зажиганием. Если бы вы пробовали заводить ее...

— Поверьте мне, мы поняли, что происходит в таком случае.

— Так я и понял. Вам пришлось бы обезвредить противоугонные средства, прежде чем вы смогли бы завести ее. Это поэтому вы ее бросили?

— Бросили? Ну да, можно и так сказать, хотя, скорее, это она нас выперла.

Я посмотрел, как он наливает себе еще один стаканчик безалкогольной бурды из темно-коричневой бутылки, глотает напиток, потом морщится.

— Кишечная гниль,— выдохнул он с омерзением.

— Вы сказали, что все равно собирались пробраться через этот неизвестный портал на Семи Солнцах. Почему?

— Я пытался и пытаюсь пробраться обратно домой,— сказал он, как будто это все объясняло. Я никак не откомментировал его высказывание.

Через несколько минут я сказал:

— Когда вы ставили вашу машину, вы не заметили, поблизости никто не крутился? Ретикулянцы, может быть?

— Да, собственно говоря, я видел там две машины риккитикков, но это было возле... А в чем дело?

Я вскочил на ноги, сдирая с себя куртку. Я швырнул ее на пол и уставился на нее. Как только я ее надел, как почувствовал, как по мне снова ползает что-то щекотное. На сей раз это ощущение было сильнее и не такое, как раньше. На этой куртке что-то было. Клопы? Нет. Не клопы. Что-то еще, но я не мог разглядеть, что именно. Однако что-то там точно было. По мне пробежала судорожная дрожь.

— Эй, с вами все в порядке?

Я сел и попытался взять себя в руки, вернуть себе чувство контроля над собой и ситуацией.

— Вы что-нибудь видите?— спросил я, а в моем голосе прозвучала паническая одышка.

— Глаза у вас какие-то странные. Вы что, чего-то нализались или нанюхались?— Он оглянулся.— Где?

— Прямо здесь,— сказал я, показывая пальцем.— Куртка.

— Нет,— ответил он,— я ничего не вижу. А что вы увидели?

Я с трудом оторвал взгляд от куртки.

— Да нет, ничего, забудьте об этом.

Я сидел и сидел, а мой мозг работал вхолостую. Мне страшно хотелось встать и бегом удрать из комнаты, но как-то я не мог принять решение и заставить себя встать.

— Наверное, мне все же следует что-нибудь выпить,— сказал я.

— Конечно. Вы такой... не в себе. Нельзя сказать, чтобы это можно было поставить вам в упрек.— Он пошел к бару и налил мне стаканчик.— Эти два гада хоть кого привели бы в такое состояние...— он добавил:— Вот извращенцы!

Тут он рассмеялся.

— Знаете, там, откуда я приехал, это слово не всегда озна-

чает то же самое, что и тут. Иногда мне приходится следить за собой, когда я говорю, особенно при женщинах.

— Что означает?— спросил я, почти не слушая.

— Извращенец. То, как я узнал это слово, не давало мне оснований думать, что оно имеет что-нибудь общее с сексом. Так у нас говорили, только если кто-то пытался приставать к чьей-нибудь сестренке.

Я с трудом вернулся к разговору.

— А откуда вы? Я имею в виду, где вы родились, на земле? Вы же не отсюда родом.

— Я из штатов. Лос-Анджелес, Санта-Моника.

— «Штаты»? Немногие сейчас называют эти места таким образом.

— Мне тоже так думается.— Он принес мне выпить. На сей раз в стакане явно была не безалкогольная бурда.— Я никогда не привыкну называть тот край, где я родился, «Новым союзом демократических республик».

Я взял стаканчик виски и опрокинул его в рот. Я совсем не почувствовал вкуса.

— Нам надо уходить,— сказал я.

Тот, кто лежал возле двери, начал стонать.

— Вы правы. Только вот что нам с ними, черт возьми, делать?

— Оставить их как есть. Упаковать вещички, вы отправитесь в холл к администратору, закажете другую каюту. Скажите, что у вас шумные соседи. Если вам не найдется каюты, можете поселиться с нами в наших апартаментах.

— Хорошая мысль. Спасибо.— Он выволок из-под кровати матерчатый чемодан и стал запихивать кучи туалетных принадлежностей и мятой одежды.— А что, там, откуда пришли эти типы, найдутся еще?

— Да,— ответил я.— И рикки тоже.

— Господи Иисусе, вот от этих меня прямо мороз продирает по коже. Я слышал, что, стоит этим начать за тобой гоняться, они уже не остановятся. Я еще слышал, что...— он остановился, выпрямился и вытер пот со лба рукавом.

— Что такое?

— Проклятая головная боль,— сказал он с болезненной гримасой.— Иисусе! Надо же, как быстро навалилась! Наверное, обо что-то ударился.

Я вскочил на ноги и застыл.

— Пошли отсюда! Сию минуту,— сказал я.

— Да вы просто комок нервов, знаете ли, давайте полегче. Разве вы не заперли дверь?— он нахмурил брови, потер затылок и заднюю часть шеи, потом огляделся.— Вы что-нибудь слышите?

— Вроде чего, например?— спросил я, затаив дыхание.

— Такое противное жужжание. Что за черт?

Глава двадцать первая

Следующие несколько минут... а может, часов... мне трудно сказать, чего именно, были словно припомненный сон, потом я словно снова видел сны. Последнее, что я ясно помню, это то, как паренек прижал руку ко лбу и медленно сел на кровать. Я прирос к полу. Постепенно я стал соображать, что вокруг меня были люди, потом — что мои руки схвачены как бы в плотные тиски, потом меня повели по коридору, по бесконечным коридорам. Затем, наконец, привели в другую комнату.

Голоса. Я сидел в кресле, но не мог двигаться, глядя на красивые цветные облачка, которые проплывали у меня перед глазами после яркого света ламп над головой. В первый раз я заметил, что это были не биолюмовые панели, а светящиеся трубки, яркие трубки, утопленные в потолок.

— Как ты думаешь, он знает? — прошептал кто-то.

Еще голос.

— Осторожнее. Он может выходить уже из своего состояния.

Второй голос я узнал. Кори Уилкс.

— Дарла-дорогуша, — сказал первый голос, — ты можешь хотя бы примерно предположить, где находится это существо?

— Нет, — ответила Дарла. — Прендергаст ищет?

— Я понял так, что да. Кори?

— Да, ищет, но экипаж занят, как сто чертей, — сказал Уилкс. — Что-то насчет еще одного корабля, который преследует нас по пятам.

— По-моему, жизненно важно, чтобы мы нашли ее прежде, чем мы доберемся до Морского Дома, — сказал первый голос. — Она могла бы в порту легко убежать с корабля.

— Ты абсолютно прав, Ван, — сказал Уилкс. — Но меня беспокоит одна вещь. Та история, которую он рассказал Дарле насчет Хогана, была специально придумана для того, чтобы сбить нас со следа, разумеется, но он мог отдать ее кому-нибудь из других пассажиров.

— Тогда, значит, то, что нам рассказала девушка — это неправда?

— Нет, она-то, вероятно, говорит правду. Но Джейк мог забрать ее из укрытия, эту обезьяну, и потом отдать ее кому-нибудь еще просто для того, чтобы запутать следы. — Уилкс невесело рассмеялся. — Разумеется, все это основано на предположении, что это существо и есть карта Космострады, но у нас в этом отношении только мнение Дарлы. Честно говоря, я весьма большой скептик в этом отношении.

— Дарла! — сказал Ван Ванс. — Ты можешь его убедить?

— Она и есть карта Космострады, — сказала твердо Дарла. — Но, прежде чем вы получите что-нибудь полезное от Винни, я хочу получить доказательства, что вы его отпустите.

— Таково было наше соглашение, Дарла-дорогуша, но... Кори, мы же не можем ручаться за ретикулянцев, правда же?

— Нет, — сказал Уилкс. — Он — их священная добыча на охоте. Должны быть выполнены церемонии, совершены обряды и так далее.

— Тогда как же быть с нашим соглашением — неужели вы его отрицаете?

— Не мы, Дарла.

— Я вас уверяю, — сказала холодно Дарла, — что вы не получите от меня в дальнейшем никакой помощи как от переводчика, когда дело зайдет о Винни.

Уилкс даже не побеспокоился.

— О, с этим, возможно, никаких проблем не будет. Конечно, я признаю, что это твоя область работы и все такое прочее, но я смогу найти кого-нибудь другого.

— В этих-то внешних мирах?

Я почти слышал в голосе Уилкса его обычную улыбку чеширского кота.

— Не волнуйся, Дарла, мы его отпустим. Я почти уверен, что смогу убедить ретикулянцев отпустить его с миром. Они обожают охоту, едва ли не больше, чем они любят самоубийство. Но они по-прежнему будут стараться его поймать и убить.

— Тогда мы договорились, — тихо сказала Дарла.

Передо мной мелькнула какая-то тень, но я не отвел глаз от света.

— Я хочу побольше услышать про карты, — сказал Уилкс. — Ты сказала, что тебе удалось кое-что записать.

Шуршанье бумаги. Потом Уилкс сказал:

— Да, это похоже на ответвление Персея... а это Орион, я полагаю.

— Ага... замечательно. Значит, это упрощенная карта этой части Галактики, насколько можно судить. А эти линии — основные направления Космострады?

— Да.

— А как насчет этих всех крестиков, что раскиданы по всей карте?

— Это открытые пересечения, насколько я понимаю. Винни называет их «местами, где спутано много деревьев». Пересечения.

— Как прелестно. Но в этом должно скрываться нечто большее. Как насчет той эпической поэмы, которую ты упомянула? Ты можешь процитировать что-либо из нее?

— Попробую. Пиджин-Инглиш, на котором разговаривает

Винни, страшно трудно превратить во что-нибудь разумное. Но частью там такой примерно текст: «Вот Тропинки сквозь Лес Огней, и туда ты уйдешь, чтобы найти дорогу домой. В стране ясной воды вечером повернись так, чтобы солнце было у тебя по правую руку и иди по тропе к огромным деревьям на краю неба...»

— Я так понимаю, что это портал?

— Да. «Пройди через них, но не касайся их, потому что они хватают тебя...— тут непереводимое слово, которое означает хищное растение, которое питается мелкими животными,— и ты придешь в мир белых скал, которые так холодны на ощупь».

— Это похоже на планету Снежок,— сказал Ван.

— Да,— Уилкс все еще не был уверен.— Продолжай, Дарла.

— «И снова на вечерней заре встань к солнцу, такому маленькому и слабому, так, чтобы оно было у тебя по правой руке, и следуй по тропе к огромным деревьям, которые вырастают там из белой скалы. Пройди сквозь них, но не касайся, ибо они хватают тебя, как...» — эта строка повторяется постоянно, что-то вроде рефрена в поэме.

— А ты говоришь — невразумительный текст! — расхохотался Ван.— Столько поэзии, что хоть рифмуй.

Молчание, тишина, если не считать звука шагов.

Наконец Уилкс сказал:

— Я все-таки не уверен, что я в это верю.

— Кори, Дарла говорит только правду.

— Так я в ней и не сомневаюсь, Ван, я просто сомневаюсь, что это можно назвать картой. Почему никто до сей поры не разнюхал про это? Винни не может быть единственным членом своего племени, который владеет этой мифологией.

— Нет,— ответила Дарла.— Однако она может принадлежать к касте избранных, к тайному ордену, каких много и у примитивных человеческих племен.

— Я понял, что ты имеешь в виду. Тогда почему экзопологи не пронюхали до сих пор про это?

— Отсутствие основных полевых исследований,— объяснила Дарла.— Весьма трудно получить разрешение что-нибудь изучать на Оранжерее.

— И мы знаем, почему это так,— сказал Ван.— Власти не хотят никаких научных подтверждений тому факту, что Читы по-настоящему разумны и заслуживают защиты.

Шаги, шаги...

— Но до каких пор эти сведения останутся тайной?

— Я не тревожусь насчет этого,— сказал Ван,— я сомневаюсь, что власти когда-нибудь снимут фактический запрет на полевые исследования в области экзопологии на Оранжерее до тех пор, пока планета остается источником лекарств от старе-

ния. Разумеется, всегда можно ожидать, что случайно что-нибудь выйдет наружу, но это рассчитанный риск.

И снова какая-то тень пересекла мое поле зрения.

— Кори, у тебя могут быть свои сомнения относительно карты Винни, а у меня есть свои сомнения насчет того, самый ли лучший это способ предотвратить эту карту от того, чтобы ее стали распространять. Я имею в виду вопрос парадокса.

— Ты все еще думаешь, что мы можем что-нибудь сделать в земном лабиринте, там?

Ван вздохнул.

— Нет, полагаю, что нет. Из того, что Дарла сказала мне, я понял, что Григорий был отнюдь не ближе к тому, чтобы найти карту, чем мы сами. Вот почему он отправился в погоню за Джейком. Правильно, Дарла?

— Григорий никогда не считал, что карта не относится к области мифов,— сказала Дарла.— Но совершенно справедливо, карта находится в руках диссидентов. Джейк, можно сказать, просто отдал ее им в руки тогда, когда плюхнул ее на стол члена Ассамблеи Миллер.

— А почему, черт побери, он именно это и сделал?— подивился Уилкс, обращаясь больше к себе самому, чем к кому-нибудь другому.— Во всяком случае, это было после того, как он вернулся из своего... похода, героического путешествия, обратно из прошлого, или из будущего, или куда он там отправлялся в прошлом-будущем.

Уилкс снова стал расхаживать.

— Но Миллер в психушке, правильно?

— У нее нет карты, и она не знает, где карта,— сказала Дарла.— Но теперь с карты наверняка сняли копии и сделали это не один раз, а сто. Невозможно сказать, в руках скольких людей она теперь находится.

— Вот почему,— сказал с нажимом Уилкс,— мы делаем все так, как делаем. Оставьте Джейка здесь, перехватите его и возьмите карту — и она никогда не попадет обратно в земной лабиринт. Все вернется к тому распорядку, каким шло раньше.

— Или же вся вселенная исчезнет, а мы вместе с ней,— сказал мрачно Ван.

— В этом случае, мы так никогда и не узнаем, что нас убило. Смерть настолько безболезненная, что о такой можно просто мечтать. Но это сомнительно. Парадокс встроен в Космостраду, если вы верите в легенды так, как я в них верю. Вселенная может легко пережить парадокс или даже парочку.

— Но ведь... это же случилось, уже случилось,— настаивал Ван, которого невозможно, видимо, было убедить.— У них есть карта. Я просто не вижу, как мы можем изменить этот незыблемый факт. До тех пор, пока карта есть у диссидентов и нет ее у властей, все в порядке. Зачем вмешиваться в это?

— Как ты можешь так думать, когда, по меньшей мере, две-

надцать вожаков диссидентов были арестованы всего несколько дней назад? Власти постепенно сужают кольцо, Ван.

— Да, наверное, так оно и есть,— сказал потерянно Ван.— Я все-таки надеялся вопреки надежде, что нам удастся избежать всего этого.

— И я тоже,— сказал Уилкс.— Но даже если Дарла говорит, что это правда и что пока власти ничего не знают про карту, наверняка Григорий сможет убедить их рано или поздно.

— Это как раз то, чего я не понимаю. Как он может убедить их, если его самого никак не убедишь? Дарла?

— Ты должен понять,— объяснила Дарла,— что Григорий действовал почти исключительно от своего имени. Его пихали в зад сапогом, чтобы дать ему это почетное и высокое задание, он ненавидел его, но его профессиональная преданность оставалась неколебимой. Ты же знаешь, какой он человек, Ван. Это же в основном работа, связанная с отношениями между его конторой и всем народом. Он должен был расследовать странные явления и фабриковать объяснения для того, чтобы публика могла их проглотить. Не проходит и дня, чтобы кто-нибудь не принес рассказа о том, что ему нанесли визит строители Космострады. Ты же слышал сам эти истории. Обычно нет никаких надежных свидетелей, никаких улик, которые могли бы что-то подтвердить. Просто дикий бред и россказни. Дескать, строители Космострады в один прекрасный день вернутся и сделают дорогу свободной для всех, сметут с лица земли все диктаторские режимы, откроют проезд по Космостраде для всех рас. Такой вот треп. Если верить этим рассказам, то строители выдали сотни карт человеческим и нечеловеческим расам без различия, но пока что не проявились никакие подлинные артефакты. Именно на долю Григория выпало разоблачать все такие россказни, убивать надежду, которая их порождает, надежду, которую люди питают на то, что в один прекрасный день они сбросят власти со своего хребта. И как раз именно поэтому власти не могут заставить себя поверить в то, что карта существует, разве что им ее сунут под нос, да потом еще и носом в нее ткнут. Я согласна с Ваном, что Григорий — если он, конечно, жив, в чем я сомневаюсь,— не сможет убедить власти, даже если он сам и поверит в ее существование, в чем я тоже сомневаюсь.

Уилкс сказал:

— И это эриданское существо — ключ ко всей разгадке. Это как раз то, во что ты хочешь заставить нас поверить?

— Насколько я могу сказать, она и есть разгадка.

— Ну, у меня нет никаких сложностей в том, чтобы в это поверить,— сказал Ван.— В этом ее рисунке что-то, безусловно, есть. Может быть, это не вся карта, а какая-то ее часть, может быть, она не очень точна, но это, несомненно, карта.

— Как я сказала,— ответила им Дарла,— у меня не было

пока ни времени, ни возможности изучить рисунки Винни. Вам придется решать окончательно, основываясь на тех доказательствах, которые у нас есть.

— Если бы только их у нас было больше...— пожаловался Уилкс.

— Только Винни может дать нам дополнительные сведения,— сказал Ван.— Но сперва нам надо ее найти.

— Мы ее найдем,— сказал уверенно Уилкс.— Дарла, можешь ли ты с уверенностью сказать, что поэма Винни про путешествие ясно говорит, что тут существует обратный путь в земной лабиринт через риккснанскую территорию?

— Нет. Этот кусочек, который я вам прочитала,— это все, что я успела перевести. Но там, на острове, я специально спрашивала ее, знает ли она, как попасть отсюда домой. Именно тогда она стала цитировать поэму.

— Путь домой,— повторил Уилкс,— хм-м-м-м...

— Мне кажется, он приходит в себя.

Это было примерно так, как если бы во мне сфокусировалась камера, вдруг, внезапно, и передо мной оказался высокий седоволосый человек, которого я видел у «Сынка». Доктор Ван Вик Ванс, одетый в темно-синий комбинезон. Он курил сигарету, завернутую в темно-коричневую бумагу, и поглядывал на меня, выпуская дым в мою сторону. Я посмотрел на него. Это было так же, как в прошлый раз. Я неожиданно вдруг стал ясно видеть и мыслить... но на сей раз я мог припомнить, что происходило вокруг меня, когда я находился под наркозом. Вся предыдущая беседа отложилась в моем сознании, словно она была записана на пленку и введена туда специально.

Уилкс сидел в кресле справа от меня. Дарла — на кровати у противоположной стены комнаты. Ванс стоял передо мной.

— Привет, Джейк,— сказал Уилкс.

Я кивнул, потом повернулся к Вансу.

— Не думаю, чтобы нас представляли друг другу,— сказал он,— я Ван Вик Ванс.

— Я знаю,— ответил я ему.— Я имел честь встречаться с вашей дочерью Дарьей. Она очень хорошо о вас говорит.

Они повернулись к Дарле, которая молча покачала головой.

— Откуда вы узнали?— спросил Ванс.

— Маленькая птичка мне сказала.

Ванс задумчиво затянулся сигаретой, потом пожал плечами.

— Ну что же, вы говорили мне, Кори, что он очень остроумный, смекалистый и изобретательный человек.

— Так оно и есть,— сказал Кори.

Дарла сказала:

— Джейк, Дарья — это очень нелюбимое мною имя, и я редко им пользуюсь. Ван всегда звал меня Дарла.

— Имя ей дала ее мать,— сказал Ванс, садясь рядом со своей дочерью.— Мне оно никогда не нравилось. Я помню, было время, когда она приходила домой в слезах — ее одноклассники дразнили ее, называя ее «диарея» — расстройство желудка, помнишь, Дарла-дорогуша?

— Я рада сказать, что успешно вычеркнула это воспоминание из памяти.

Ванс рассмеялся.

Я сидел в кресле, ничто меня не связывало, и мне показалось, что сейчас было бы самое время подняться. Я начал именно это и делать.

— Карта Космострады! — резко сказал Уилкс.

Я был настолько удивлен, что плюхнулся обратно, потом огляделся вокруг в поисках человека с пистолетом, который бы держал меня на мушке. Голова у меня была словно комок пуха на плечах.

— Ты не сможешь встать, Джейк,— уведомил меня Уилкс.— Я вживил тебе постгипнотическое внушение, пока ты был под наркозом. Мне бы надо было сказать постгипногогическое. Эта штука не приводит к стандартному гипнотическому трансу.— Он поднял тонкую ярко-зеленую трубку длиной примерно полметра.— Пациенты раз в десять более внушаемы под действием этой штуковины. Даже если человек осознает, что ему дали такое внушение, он не может от него освободиться.

— Ретикулянцы очень хороши в такой технологии, которая помогает управлять человеческим мозгом,— сказал Ванс.

— К сожалению,— сказал Уилкс,— они не знают человеческую психологию по-настоящему хорошо, чтобы сделать вот такой аппаратик совсем, по-настоящему полезным. Тввррлл говорил мне, что над этим работают, но такие штуки для них самих такая же загадка, как и для нас. Если бы ты был ретикулянец, Джейк, ты стал бы моим униженным слугой и рассказал бы мне все, что я хотел бы знать, или сделал бы все, что я заставил бы тебя сделать. А пока что эта трубка-жезл либо погружает человека в полное беспамятство или превращает их в дрожащую скорлупу от человека, которой очень легко внушить все, что угодно,— но я слишком мало знаю психологию или психометрию, а также гипнотизм, чтобы всегда добиваться нужных мне результатов.— Он помахал в мою сторону жезлом точно так же, как директор машет линейкой в сторону нерадивого ученика, которому надо погрозить.— Ты, однако, весьма крепкий орешек, мистер. Я совсем не уверен, что смогу заставить тебя рассказать, где ты спрятал своего инопланетного приятеля, вернее, приятельницу, и даже если бы я мог, у меня есть тонкое подозрение, что мне понадобится твое активное сотрудничество, чтобы все-таки заполучить ее физически. Ты наверняка оставил ее с какой-то группой людей на борту — в этом я готов поклясться. Кучка буддийских монахинь... орда бой-

скаутов... проклятый архиепископ Морского Дома и его приспешники — словом, все те, с кеми я не мог бы грубо обойтись. Я не удивился бы такому твоему ходу. Ты очень скользкое существо, Джейк. Скользкое. Нет, боюсь, мне придется прибегнуть к более старомодным методам убеждения. А пока что...— он любовно погладил жезл.— Эта штуковина удержит тебя там, где я хочу тебя видеть.

Ванс сказал:

— Я полагаю, сыворотка правды тоже тут не поможет?

Уилкс презрительно покачал головой, продолжая поглаживать жезл.

— Остроумная маленькая штучка,— продолжал он.— Очень мощная. Эффект может распространяться даже в пределах городского квартала. Силу поля можно регулировать вот здесь,— он покрутил один конец жезла, который был окольцован широкой серебристой полосой.— Эта фигня вот тут. Единственная беда заключается в том, что эффект ослабляется и даже совершенно снимается приемом обычного транквилизатора. Разумеется, если подопытный об этом ничего не знает...

— Транквилизатор?

— Да. Можно было бы подумать, что, наоборот, возбуждающие средства должны были бы помогать, правда? Пилюля — взбадривающего толка. Антидепрессант. Но, как я понимаю, это как раз совсем не оказывает никакого воздействия.

— Вот как,— сказал я глупо.

— Как это, ты что-то принял? То-то ты мне казался наполовину в сознании, когда мы тебя обрабатывали. Хорошая попытка, Джейк.

— Показалось мне в то время, что идея была бы очень неплоха. Однако, значит...

— А мне все-таки любопытно. Ты что, действительно знал про этот жезл гипноза, Джейк? Ты что, не спал в ту ночь, когда мы пришли на ранчо в коммуну?

— В коммуну?

— Ну, то место, где остановилась та самая религиозная группа. Когда у человека естественный сон, он вообще не отдает себе отчета, что его погружают в гипноз.

Я бросил быстрый взгляд на Дарлу. Она смотрелась немного потерянной и смущенной, поэтому я решил, что лучше не упоминать, как кто-то воспользовался жезлом в отделении милиции.

Уилкс понял, что я посматривал на Дарлу, и посмотрел на нее, а потом на меня.

— Что такое?— спросил он.

— Нам еще надо объяснить, как Джейк сбежал из отделения милиции,— напомнил Ванс.

— Ах, да. Твврррлл убежден, что он засек там излучение

еще одного такого жезла в действии. Но это, по всей вероятности, были рикксиане. Разве вам так не кажется?

— А каким образом они заполучили жезл мечтаний?

— О-о-о, рикксиане — мастера и асы торговли. Они наверняка заплатили нужную цену ренегату-ретикулянцу и получили свое. Или, может быть, у них своя техника, весьма схожая с этой. Кроме того, мы же видели нескольких рикксиан поблизости.

Ванс странно крякнул.

— Кто знает? — уступил Уилкс.— Может быть, они этого не делали, но у них есть столько же оснований желать, чтобы карта оставалась тайной, сколько и у нас. Честно говоря, трудно понять, почему они не сграбастали Джейка в тот же момент, как он оттуда вышел, или, по крайней мере, не попытались этого сделать. Но они этого не сделали, и я не собираюсь тратить попусту время, раздумывая, почему так получилось. Кто-то вытащил его оттуда по причинам, понятным только этому человеку.

Я сказал:

— Можно мне задать вопрос?

— Конечно,— сказал Уилкс.

— Почему в ту ночь вы пришли на ферму телеологистов?

— Это надо увидеть, чтобы понять. Дарла, позови, пожалуйста, твврррлла.

Дарла даже не поднялась. Ванс встал и сказал:

— Я это сделаю.

Он подошел к соседней двери, открыл ее и позвал инопланетянина. Через минуту вошел твврррлл. Меня снова поразило, какой он высокий, какие у него тошнотворно тоненькие ручки и как они противоречат его семипалым мощным кистям, которые могли бы обхватить и раздавить человеческую голову. Ноги его были с такими же огромными ступнями. На нем не было никакой одежды, кроме переплетенных полосок материала вроде кожи, которые обхватывали его грудь как упряжь.

— Чем могу ссслужить? — спросил инопланетянин.

— Джейк хотел бы посмотреть на мрррловхаррра,— сказал Уилкс.

— Очень хорррошо.

Очень странно было видеть, как он развернул со своих плеч нечто невидимое и положил в сложенные ковшиком ладони. Еще более странно было видеть, как он поглаживает это невидимое и нежно что-то ему щебечет. По мере того, как он это делал, происходило нечто потрясающее с моим аппаратом восприятия. Нет, дело было совсем не так, словно что-то одним движением возникло у него в ладонях из воздуха. Нет, совсем не так. Потому что эта штука все время была в ладонях ретикулянца. У нас у всех было похожее переживание. Ищешь и ищешь положенный не на место предмет, скажем, ручку на

письменном столе, ищешь, куда положил ее минуту назад. Ищешь-ищешь, не можешь найти, пока кто-нибудь не показывает на нее пальцем, и оказывается, что все это время она была у тебя под носом, перед глазами. Эта штуковина в руках инопланетянина существовала там все это время, просто факт ее пребывания там не регистрировался в моем сознании. Внезапно животное материализовалось, но я знал, что оно там было все это время. Я его видел, но просто не воспринимал его как данность.

— Это до сей поры даже меня потрясает, Джейк,— сказал Уилкс.

Это была такая же штука, не то змея, не то гусеница, которую Сьюзен случайно убила на ферме. Влажный мозговой купол розовато поблескивал в свете ламп над головой. Мне стало тошно, я отчаянно надеялся, что мои самые худшие опасения не оправдаются.

— Эта штука была с тобой все время, Джейк. На твоей куртке, большей частью. Наверное, прямо под воротником, устроившись там уютно и в безопасности.

Мне захотелось вывернуть желудок наизнанку.

— Каким образом?— спросил я придушенным голосом.

— Странная тактика выживания, Джейк. На самом деле просто потрясает не визуальный камуфляж, а камуфляж восприятия. Одному богу ведомо, как это делается, но животное заставляет хищников забыть, что оно здесь. Какие-то экстрасенсорные возможности, вне всякого сомнения. Твое восприятие этой штуки шунтируется непосредственно в подсознание, обходя первичные каналы восприятия. Это примерно так работает, твврррлл?

— Да. Мы бы воспользовались несколько иной терминологией. Но в основном, да.

— Вся беда в том, что мрррлловарр очень медленно ползает, что делает его ранимым и уязвимым, когда он попадает под ноги. Разве на ферме не произошло нечто подобное?

Я с трудом оторвал глаза от твари.

— Дарла?

— Да. Один из телеологистов наступил на него.

— Мы так и надеялись, что произошло нечто подобное, что ты не увидел это существо каким-то образом. Его владение чужим мозгом не абсолютно. Мы не могли найти тело первого зверя, но твврррлл убедил нас попробовать еще раз и оставить еще одно животное, самца, как раз того, которое погибло. Мы положили его на твою куртку, которую ты так любезно оставил за пределами твоего спального яйца.

— Зачем?— только это я и мог сказать.

— Он оставляет психические следы, Джейк. Ретикулянцы могут последовать по ним куда угодно. Даже через неизвестный портал.

Инопланетянин ушел и закрыл за собой дверь, оставив за собой запах скипидара и миндаля.

— Вся эта чушь в ресторане,— сказал я, когда мой желудок успокоился,— это было затеяно только для того, чтобы напустить на меня эту тварь?

— Правильно, и я чуть не исчерпал весь свой запас болтовни, прежде чем эта тварь заползла на тебя, пока она медленно-премедленно ползла по полу.

— Тогда зачем вся пушечная стрельба?

Триумфальная улыбка Уилкса растаяла.

— Ах, это...— он крякнул.— Это было ошибкой. Рори — тот, кто вытащил пушку,— он немного умственно отсталый. Он приятный парень, но недалекий. Я сказал что-то вроде того, что нам надо тебя как следует напугать. Для Рори это означало, что у него наготове должна быть пушка. Я, э-э-э, естественно, не мог вовремя его остановить. К счастью, там была Дарла и спасла положение.— Он изучал мое лицо, словно то семя, которое он там посадил, наконец укоренялось и давало всходы.

— Я не знала, Джейк,— сказала тихо Дарла.— Насчет мрррлловарра. Я этой штуки не видела.

— Кори, честное слово,— сказал презрительно Ванс,— мнение Джейка о моей дочери, должно быть, и так достаточно упало. Неужели тебе надо специально сыпать соль на рану?— Мне он сказал:— Тогда Дарла не работала на нас.— Он повернулся к ней с ледяной улыбкой:— И я даже сейчас не уверен, что она с нами, Дарла-дорогуша. А?

— Ты знаешь, Ван, где моя верность и кому она принадлежит,— сказала Дарла с досадой.

— Вот как? Может быть, ты хотела бы мне еще раз напомнить?

— Это не важно. Договор был таков, что я отдам вам Винни... Правда, этот уговор был до того, как Винни исчезла. Теперь наш уговор таков, что я помогу вам ее найти в обмен на то, что Джейка не тронут. Я отправлюсь обратно в земной лабиринт с вами, используя ваш тайный проезд по территории ретикулянцев.— Дарла посмотрела на меня.— Ты был прав, Джейк. Отсюда существует выход.

— Но мы никому про это не говорим,— сказал Уилкс театральным шепотом.

— Я знаю,— сказал я.— И я знаю относительно лекарств против старения, которые вы тайком переправляете во внешние миры. Аккуратная маленькая интрига и огромный рынок, на который вам удалось пробиться.

— Ничто от тебя не ускользнет, правда?— в голосе Уилкса было даже что-то вроде восхищения.— Продолжай, Дарла.

— Когда мы вернемся обратно, я подниму диссидентов по тревоге, чтобы они уничтожили все копии карты. Любой, кто имел с этим дело, должен будет уйти в подполье, начать коле-

сить по дороге, пока все не утихнет. Движение от этого, конечно, пострадает, но власти не получат карту. А пока что тайна с нами будет в безопасности.

— А как насчет Винни?

— Ее можно будет переправить обратно на Оранжерею и оставить с ячейкой движения там. Насколько я знаю, про нее пока что никто не знает, даже диссиденты. У них может быть карта, но они понятия не имеют, откуда она взялась. Я не могу быть абсолютно уверена, но мне кажется, что даже Григорий никогда не понимал значения Винни. Он никогда ее при мне не упоминал.

— Хм-м-м-м...— Уилкс сложил ладони вместе и приложил указательные пальцы к губам.— У нас тут есть кой-какие вопросы. А именно: ты сама объявлена в розыск властями. Если тебя поймают, тебе придется очень долго и старательно объяснять, как это ты попала обратно через неизвестный портал.

— Мне не придется ничего такого делать. Никто не видел, как мы туда пробирались, никто не знает, что нам это удалось, кроме тебя и твоих партнеров.

— И Григория.

— Григорий мертв.

— А мы это знаем наверняка?

— Я рассказала тебе, что произошло на Семи Солнцах.

— Да, но ты не сыграла свою роль горюющей вдовы уж так убедительно.

— Ты должен знать, что я подписала брачный контракт с ним по иным мотивам, нежели личное чувство.

Ванс сказал:

— Когда в лабиринте все будет сделано, как надо, Дарла вернется сюда со мной.

Уилкс задумался.

— Все очень хорошо, но все-таки...

Где-то в комнате загудел ключ от Сэма.

— Разве ты не собираешься ответить, Дарла?— спросил Ванс.— Только вежливо.

Дарла вынула ключ из кармана и перебросила его мне через комнату.

— Отвечай ему,— сказала она.

Я положил ключ в карман и посмотрел на Уилкса.

— На этой штуке есть камера, Джейк?

— Да.

— Тогда установи ключ на столе, ладно? И положи его так, чтобы камера смотрела на меня.

Я так и сделал, потом включил связь и уселся на место.

— Привет, Кори! Давно не виделись, и все такое дерьмо...

— Привет, Сэм. Твой сын — наш гость.

— Так я и понял. Что произошло?

— Нам нужно то существо с Эридана.

— А-а-а... ничем не могу помочь, Кори.

— Это очень плохо.

— Извини. Эти матросики, которые рыщут внизу, должны были бы тебе сказать, что она не появилась.

— Они были туда поставлены уже после того, как мы узнали про девушку. Она могла притащить туда эту зверюгу еще до всей кутерьмы.

— Кто? Девушка?

— Ну да, девушка-матрос, которой Джейк заплатил кучу денег! Он нанял ее, чтобы она помогла ему спрятать это существо. Прежде чем мы это узнали, мы решили, что Винни — ведь ее так зовут? — мы решили, что она по-прежнему приоритет для Джейка. А тогда Джейк просто сбил нас со следа. Прелестный ход.

Он повернулся ко мне.

— Где ты, черт побери, встретил Хогана, из всех людей на свете?

— На литературном вечере,— ответил я.

Уилкс хохотнул.

— Ну, как бы там ни было, Сэм, она нам все еще нужна. И мы ее достанем откуда угодно, или кой-кому придется плохо.

— Да-да, Кори, а кто-нибудь тебе говорил, что ты самый скользкий кусок дерьма, который когда-либо смывали в унитаз?

Глаза Уилкса сверкнули.

— Да, много раз, и даже более цветистым языком. А кто-нибудь когда-либо тебе говорил, что я — тот самый человек, который тебя убил?

— Ты? Как это?

— О, это было прекрасно. Люди, которые получили этот заказ, уверяли меня, что все прошло, как по маслу. Человек, который вел ту самую машину, наехал на тебя намеренно. У него была специальная противоударная обивка кресел, всякие там противоаварийные штучки. Он ас. Никто даже не подозревал, что это было сделано специально.

— Поздравляю. Ну и что?

Уилкс ударил кулаком по ладони, а потом в грудь жестом отчаяния.

— Ну, Сэм, ты меня поражаешь даже из могилы. Вот он я, может быть, первый убийца, который имеет удовольствие покуражиться над своей жертвой после убийства, а ты даже и ухом не ведешь.

— Ты знаешь, что разговариваешь с машиной.

— Неужели? Я же слышал, что энтелехическая матрица переносит в машину душу человека.

— Душу, как бы не так. Слушай, давай прекратим всю эту

словесную перепалку и перейдем к делу. Что именно должно произойти, если вы не получите Винни? Отвечай, как если бы я не знал.

— А ты и не знаешь,— вздохнул Уилкс.— Ну ладно. Пошли, Джейк, я хочу, чтобы ты посмотрел кое на что.

Он поднялся и поманил меня пальцем, подойдя к двери между каютами. Он открыл ее и показал.

Я поднялся и пошел туда, как робот. Я заглянул в комнату. Глаза мои немедленно приковались к Лори... она была раздета донага, брошена в кресло в углу, под влиянием такого же жезла снов. Потом мой взгляд перешел на четырех ретикулянцев, которые стояли вместе с тввррррллом. Они бесстрастно смотрели на меня, стоя вокруг странного предмета мебели из черного кованого железа, который напоминал помесь стола с кроватью. Ножки превратились в ноги инопланетных животных, и их украшали рунические символы. Изысканная спинка-изголовье была выполнена в том же самом стиле. На столе лежала целая сеть поддонов, корытец и прочего, это было похоже на поддон в духовке, куда стекает жир. На этих поддонах были сделаны такие трубки, которые должны были отводить со стола любые жидкости тела в специальные черные контейнеры, которые стояли возле стола и были украшены таким же образом. Поодаль стоял маленький столик, на котором лежали острые странные инструменты.

— Карту Космостражды!— сипло прошептал мне в ухо Уилкс. Наэлектризованное напряжение покинуло меня, и я обмяк, покачиваясь на ногах.

— Ретикулянцы всегда были охотниками, Джейк. Они не утратили этого инстинкта, как мы. Это до сей поры движущая сила их культуры. Интересно, правда? Давным-давно они истребили на своей планете всю «дичь, достойную внимания», как они сами это называют. Потом они обнаружили Космостраду. Можно было думать, что пятьдесят или шестьдесят новых планет удовлетворят на время их аппетиты. Но ретикулянцы — древняя раса, Джейк. Одна из самых старых на Космостраде. Совсем недавно, несколько сот лет назад, они стали охотиться за пределами всего лабиринта. Их боятся и ненавидят везде, как они того и заслуживают.

Он вытянул шею и зашептал мне в другое ухо.

— Ты можешь себе представить, каково это — подвергнуться вивисекции? А, Джейк? Вот таким образом тебя будут чествовать ретикулянцы, потому что ты их священная добыча. Если ты отдашь нам Винни, в этом случае я смогу уговорить их отпустить тебя еще на какое-то время. Они, наверное, посчитают это вызовом их искусству — проследить и выследить тебя без мрррлловарра.

Он закрыл дверь, потом толкнул меня к креслу. Я тяжело уселся.

— Кори, ну разве мне поможет, если я тебе совершенно честно скажу, что я не знаю, где она?

— Боюсь, ты прав: тебе это не поможет,— сказал беззаботно Уилкс.

Он вытащил сигарету из золотого ящичка на столе и зажег ее, выдувая к потолку дым.— Твоя маленькая подружка говорит то же самое.

— А что она сказала?

— Она сказала, что спрятала Винни в радиорубке, которой не пользуются, на одной из палуб. Она потом пошла ее проведать, а животное исчезло.

— Ты ей не веришь?

— Ей-то я верю, но я не могу, знаешь ли, верить вам обоим.

— Винни могла испугаться чего-нибудь и убежать.

— Замечательно. Тогда люди Прендергаста в конечном счете ее найдут, и все будет в порядке. Но я тебе даю еще только час, Джейк. А потом уже...

— Это крупный корабль, Кори,— сказал Ванс, играя моим недавно купленным револьвером.— Может быть, тебе надо было бы оставить им два часа.

— Ладно, пусть будет два часа.— Уилкс воздел руки.— О черт, я бы ждал хоть всю ночь. Я покладистый. Но кто-то знает, где она, и я лично думаю, что это ты, Джейк. Но мы подождем.

Глава двадцать вторая

Мы ждали.

Беседа была отрывочной и вялой. Ванс и Дарла сидели за столом в другом конце комнаты и пили кофе, который принес один из телохранителей Уилкса. Время от времени все они глотали таблетки, чтобы предохранить себя от губительного влияния жезла. Уилкс сказал мне, что жезл до сих пор был включен на минимальную мощность.

В один из моментов Дарла подошла ко мне, неся чашку с блюдцем.

— Нет, Дарла,— сказал ей Уилкс.

Она остановилась.

— Ты сам сказал, что он твой гость,— сказала она саркастически.

— Не хочу, чтобы ты ему подмешивала какие-нибудь транквилизаторы.

— А ты думаешь, я стала бы это делать?

— Не знаю, но рисковать не хотелось бы. Но я не хочу и быть негостеприимным. Я ему сам налью чашку,— он встал и подошел к столу, налил мне кофе и принес.

— Пей на здоровье, Джейк.

— Спасибо.— Я стал прихлебывать кофе и обнаружил, что это вовсе не кофе, а какой-то зерновой напиток с горьким вкусом.

— Кори,— сказал я,— есть одна штука, которая меня волнует с того самого времени, как все это началось.

— А именно?

— Почему ты меня просто не убил?

Уилкс посмотрел на меня поверх той газеты, которую читал.

— Хороший вопрос. Ты не можешь сказать, что у меня не было по горло возможностей это сделать.

Он сложил газету и отложил ее в сторону, потом снова стал постукивать по губам пальцами.

— Этот проклятый парадокс заставил меня думать. Если я просто убью тебя, очень запросто может оказаться, что это ничего не меняет. Ты будешь убит, а карта все равно будет ходить по рукам, привезенная ниоткуда тем твоим «я», которое никогда не было убито. Парадокс. А может быть, не было на самом деле никакого парадокса, и карту привез обратно кто-то другой — например, один из твоих религиозных друзей. Они могли быть посвящены во всю эту историю.

— Они ничего не знают,— сказала с уверенностью Дарла.

Уилкс печально покачал головой.

— Еще одно утверждение, которое я не могу просто принять на веру. Насколько я знаю, они могут оказаться частью твоей диссидентской сети. Может быть, они привезли карту и сделали из образа Джейка легенду. Кто знает? Нет, я придумал своего рода план. Я должен был выследить тебя и застукать момент, когда ты пролетишь через неизвестный портал. Тогда я мог быть уверен, что у тебя есть карта. В конце концов, ни один из рассказов не говорил точно, где именно ты ее раздобыл.

— Поэтому ты загнал меня в неизвестный портал.

— Правильно, и не по чистой счастливой случайности ты выбрал портал на Плеск.

Если ты продумаешь, какие возможности у тебя были тогда, ты поймешь, что их было весьма немного. Ты мог поехать куда-нибудь еще, однако именно для этого и нужен был мрррлловарр.

— Но там, в мотеле — это ты послал свою команду, чтобы она спугнула меня отсюда?

— Да, чтобы ты все время бежал. Я знал, что ты найдешь способ убежать, и ты так и сделал. Я же сказал, Джейк, что ты скользкая личность.

Он все время скрещивал и расплетал ноги резким, постоянным движением, почти как тик.

— Ну как бы там ни было, мне очень нужна была эта долбаная карта, мне надо было узнать... нет! Сперва мне надо бы-

ло убедиться, что такая карта существует, потом обнаружить, откуда она взялась.— Он смущенно посмотрел на меня.— А я все еще этого не знаю.

— Я тебе скажу, откуда она взялась, Кори,— ответил я.— Ты сам ее создал.

— Это как же?

— Если бы ты оставил меня в покое, я никогда не спрятался бы в этом мотеле, никогда бы не встретил Винни, и так далее, и тому подобное.

Он рассмеялся.

— Ирония этого не ускользнула от меня. Поверь мне. Я об этом думал. Но что мне было делать? Вот тебе и вопрос того, какой выбор был у меня. Неважно, что я сделал бы, это все равно обрекало меня начать именно эти действия, и тем самым я был с самого начала обречен...— он замолк и посмотрел на потолок.— Ну ладно, это неважно,— сказал он небрежно.

После паузы Ванс сказал:

— Мне бы хотелось, чтобы ты закончил все это, Кори. Я все еще в неведении насчет того, как наше обладание картой изменит реальность, и тот факт, что она попала в руки к диссидентам...

Он встал из-за стола и подошел к Уилксу, встал над ним и сказал ему с нажимом:

— Мне, честное слово, очень хотелось бы прояснить все это раз и навсегда.

Голова моя стала понемногу собираться в единое целое, но мне все равно пришлось думать целую вечность, прежде чем я сказал то, что сказал:

— А тут нечего прояснять, Ван,— вырвалось у меня,— потому что вся ваша роскошная авантюра с лекарствами против старости кончится, да и все.

Он медленно перевел взгляд на меня.

— Что вы имеете в виду?

— Он просто хочет вогнать клин между нами, Ван,— сказал мягко Уилкс.— Самый старый трюк в истории. Не попадайся на эту удочку.

— Знаешь, мне вдруг стало очень интересно, что же он все-таки хотел сказать. Что именно вы имели в виду, Джейк?

— Сперва скажите мне кое-что. Как вы наткнулись на все это и почему стали этим заниматься?

Он был очень раздражен моим вопросом.

— Мне кажется, это не имеет никакого значения.

— Тогда и играть не будем.

Он прошел к кровати и сел на нее, поднял револьвер, стал им рассеянно играть, поглядывая на меня.

— Вы думаете, кого пристрелить?— спросил я.

— А?— тут он сообразил, что именно взял в руки, и сказал:— Нет. Я даже не знаю, как работает такая штука.

Он отшвырнул револьвер в сторону и посмотрел на Уилкса, потом снова на меня.

— Ладно, вы выиграли. Немного истории. Уже год или два как ходят слухи, что меня собираются выполоскать как личность. Устроить этакую промывку мозгов. Ну да, все это, разумеется, устарелые слова. Они там, в верхах, хотели бы перевезти меня обратно на землю для «оценки дальнейшей пригодности». К счастью, мельницы администрации мелют медленно, и у меня было немного времени. Но куда мне деться? Ответ очень прост — в какое-нибудь место вроде внешних миров. Но тут стоимость жизни довольно высока. И, кстати, только наличные, никаких сберегательных книжек или кредитных карточек властей. У меня практически нет никакого золота, накопленного на черный день. Разумеется, можно отправиться в месторождение и буквально промыть его, и находятся люди, которые до сей поры так делают, но я, увы, не гожусь в золотоискатели — тип не тот. Кори обратился ко мне относительно лекарств. Это показалось мне вполне прибыльным, учитывая рынок и все такое. Я был ему нужен, сказал он, чтобы проработать, как именно вытаскивать сырой материал из планет типа Оранжереи и перевозить его сюда, потихоньку пряча.— Он пожал плечами.— У меня, ей-богу, не было выбора. Я согласился.

— А почему сырье? — спросил я.— Почему не законченный продукт?

— Собственно говоря,— сказал Уилкс,— это и было моей первоначальной идеей. Ван отговорил меня.

Ванс кивнул.

— Контроль над такими вещами слишком жесткий. Власти охраняют свою монополию, как звери. Если внимательно проанализировать, это и есть источник их власти.

— О'кей,— сказал я.— Поэтому вам пришла в голову идея перерабатывать эти штуки здесь.

— С моей стороны были большие вклады капитала,— напомнил Уилкс Вансу.— Вам, Ван, надо помнить про это.

— Так я и делаю. У нас есть маленькая фабричка и лаборатория возле Морского Дома, и они скоро заработают.

— А как насчет ретикулянцев? Каковы были их мотивы в том, чтобы дать вам перевозить ваше золото через их территорию обратно?

— Те же самые мотивы, что и у любого другого,— ответил Уилкс.— Им нужно золото точно так же, как и любой расе для межлабиринтовой торговли. Я знаю, что это звучит приземленно, но их экономика совершенно по-царски перекручена и отдает концы. Их социальная структура перегружена наверху непродуктивными правящими классами, которые заняты замечательными вещами вроде охоты на священную добычу или выездке восьмилапых животных под седло, прогулки по лесам и все такое. Они не собираются опуститься так низко, чтобы

испачкать свои руки работой. Большая часть технологии оставлена на попечение рабской прослойки. Только «дорожные жуки» пока что предотвратили их нашествие на все лабиринты, на которые они только могли бы напасть. Поэтому они очень нуждаются в наличности.— Он извиняющимся жестом протянул руку к Вансу.— Извини. Ты рассказывал...

— Я собирался сказать, что, когда мы услышали слухи про карту Космострады, мы знали, что это только вопрос времени, прежде чем власти ворвутся во внешние миры. По крайней мере, я этого боялся. Мне нужно место, где я могу спрятаться.— Он снова поднял револьвер и стал крутить его на пальце.— Ну а теперь объясните мне, почему весь план должен оказаться пустышкой.

Я осушил свою чашку до конца и поставил ее на столик под лампу, но промахнулся, и чашка упала с шумом на ковер.

— Простите. Могу я как-нибудь уговорить вас выключить эту проклятую штуку? По мне лучше, если вы на меня наставите пистолет или свяжете меня.

Ванс неуверенно посмотрел на Уилкса, но Уилкс покачал головой.

— Ван, у меня не хватает людей, а Джейк имеет привычку слегка грубо обходиться с моими охранниками.

Он посмотрел на меня так, словно хотел живьем изжарить.

— Нет? Ну, ладно. Ван, у меня такое впечатление, что вам предстоит плыть по целой реке дерьма, не имея даже весла. Уилкс не хочет менять никакой реальности, ему просто хочется заполучить карту. Как только карта у него окажется, он продаст ее властям. Или риккснанам, или гидранцам, или тому, кто даст большую цену.

— Замечательно, Джейк, замечательно,— восхищался Уилкс.

Ванс опустил глаза и глубоко задумался. Когда он обдумал ситуацию, он кивнул и громко выдохнул.

— У меня отчетливое ощущение, что я был очень-очень глуп.

Открылась дверь, и охранник Уилкса втолкнул внутрь Прендергаста.

— Где, черт побери, девчонка Питерс?— зарычал капитан на Уилкса.

В первый раз я видел Уилкса немного растерянным и смущенным.

— Джордж, погоди минутку.

— Она член экипажа, Уилкс. Ты можешь сколько угодно заниматься лекарствами и командовать этим парадом, но я все еще капитан этого корабля. Если ты с ней что-нибудь...

Уилкс встал и поспешил ему навстречу, вытянув примирительно руку.

— В коридоре подожди, Джордж...

— А, капитан? — раздался голос Сэма.— Могу я с вами поговорить?

Прендергаст развернулся на месте.

— Это еще что за черт с ведьмами?!

Даже я забыл, что ключ Сэма все еще лежал на кофейном столике.

Уилкс показал жестом своему охраннику.

— Выключи эту штуку.

Капитану он сказал:

— Это ничего особенного. На связи компьютер с тяжеловоза Мак-Гроу.

Прендергаст плечом проложил себе дорогу в комнату.

— Что вам надо — кто бы вы ни были? — сказал он, оглядывая комнату.

— Скажите мистеру Уилксу, что произойдет с брюхом кита, если его пробьет водяная торпеда. Пожалуйста, скажите ему.

Лоб Прендергаста покрылся глубокими вертикальными морщинами. Он медленно повернулся к Уилксу.

— Вы говорите, это компьютер?

— Энтелехическая матрица,— пробормотал Уилкс,— он тут, на столе.

Глаза капитана наконец нашли его.

— Я скажу, что случится,— рявкнул он на Сэма.— Весь пищеварительный тракт животного забьется в конвульсиях. Вам не выжить...— он остановился, онемев от той глупости, которую только что сказал.— Сукин сын! — пробормотал он.

— А, вы хотите сказать, что я даже могу перестать дышать? — издевался Сэм.

— Что вы хотите? — спокойно сказал Прендергаст, подойдя к столику.

— Сперва я хочу, чтобы этот трюм очистили от вашей команды. Чтобы все ушли. И при этом я имею в виду и лифт, и все, что находится в пределах досягаемости сканнера. Во-вторых, я хочу, чтобы моего сына и его товарищей доставили ко мне сюда живыми и невредимыми.

— Вашего сына?

— Мак-Гроу,— подсказал Уилкс.

— Это будет сделано,— сказал Прендергаст.

Уилкс отошел подальше в глубь комнаты.

— Капитан, пока что мы не можем этого сделать. Он просто блефует.

— Ты меня достаточно хорошо знаешь, чтобы понять, что я не блефую, Кори.

— Я не собираюсь полагаться на волю случая там, где дело касается этого корабля! — заорал Прендергаст.

— Сэм,— сказал Уйлкс,— ты их всех получишь, когда мы получим это существо с Эридана.

— Я сказал, что я хочу получить моего сына и его товарищей, и при этом я имею в виду их всех.

— Ты их получишь,— сказал Прендергаст.— И вы все получите возможность беспрепятственно покинуть корабль. Но я гарантирую, что вы никогда не сможете покинуть Плеск.

— Мы попробуем рискнуть.

— Джордж,— сказал успокаивающе Уилкс, положив ему руку на плечо.— Ты забываешь, что мы пока не получили это существо. Кроме того, техника, с помощью которой ретикулянцы следят за ним, сейчас выключена. Мы тогда потеряем его, и, может быть, насовсем.

Глаза Прендергаста вытаращились, и он резко повернул голову в сторону двери, которая соединяла две соседние каюты.

— Она что, там?— выдохнул он.— С ними?!

— Тебе не о чем беспокоиться, капитан,— вставил я, потому что в моем восприятии произошли существенные перемены. Вещи потеряли расплывчатость, события перестали происходить во сне. Теперь я сообразил, почему у кофе был горький вкус.— Они ее не разорвут на кусочки. Она для них не священная добыча.

Прендергаст прошел к двери и свирепо распахнул ее.

— Нет, но ты как раз и есть добыча, Джейк,— сказал с ненавистью Уилкс.

Капитан бросился на Уилкса, но на дороге встал телохранитель. Прендергаст локтем отпихнул его прочь, но парень зловеще вытащил пистолет. Прендергаст остановился, лицо его потемнело от ярости.

— Ты думаешь, что можешь мне угрожать?— зарычал он на Уилкса.

— Джордж, отнесись к этому спокойнее. Я подумал, что она что-то скрывает, когда ты с ней разговаривал, и так оно и оказалось. Джейк заплатил ей кучу денег, чтобы она спрятала эту зверюшку. Я сам должен был ее допросить. Она совершенно в безопасности.

Прендергаст приложил руку ко лбу, его ярость вдруг спала.

— Что происходит?

— Магический жезл, Джордж. Ты не принимал противоядие.

Снова завыла корабельная сирена.

— Что такое, Джордж?

— Пиратский мегалевиафан,— сказал Прендергаст отстраненным голосом.

— Пиратский?

— Да. Мы за ним следили. Мы ожидали нападения на заре.— Он покачал головой, чтобы прояснить ее, и стал потирать виски. Его карманный коммуникатор снова стал пищать, но он не обратил на это внимания. В глазах его было рассеянное выражение, словно никого из нас тут не было.

— Я должен немедленно идти отсюда. Я нужен на мостике. Наверное, ветер переменился,— пробормотал он, потом нетвердыми шагами покинул комнату.

— Джимми, закрой дверь,— сказал Уилкс. Он подошел к кофейному столику и поднял ключ Сэма.

— Прости, Сэм, но он, наверное, совсем забудет про твою угрозу, по крайней мере, на какое-то время.

— Кори,— ответил Сэм,— иногда мне даже трудно понять, как ты можешь быть тем самым человеком, с которым вместе я основывал Торговую Ассоциацию водителей-собственников.

— Все мы меняемся, мой друг.

— Все раскрывается, ты хочешь сказать, Кори.

— Пока еще нет,— сказал сквозь зубы Кори и выключил связь.

— Скажи твврррллу, чтобы он отпустил девчонку,— велел он Джимми,— и того второго тоже.

— Это правда, Кори?

Уилкс повернулся к Вансу лицом.

— Что — правда?

— Что ты готов продать карту тому, кто больше за нее даст?

— Нет,— Уилкс уселся в кресло.— Не тому, кто больше даст. Я был бы идиотом, если стал бы продавать ее нечеловеческим расам. Как ты думаешь, какие шансы были бы у гомо сапиенса в Галактике, которой завладеют какие-нибудь инопланетяне, которые к тому же получили в свои руки секрет строителей дороги? Да еще и их технологию? Что, если, например, они,— он показал на соседнюю комнату,— получат все это? Нет, я отдам ее властям.

— Мне кажется, ваши друзья рикки решили отправиться в погоню за картой уже очень и очень давно,— сказал я.

— Вне всякого сомнения,— согласился Уилкс.

Ванс все время силился понять.

— Но... ты понимаешь, что вернуть карту — означало бы путешествие обратно по двенадцати тысячам километров ретикулянского лабиринта?

— Я не собираюсь возвращаться этим путем.

Ванс совсем был сбит с толку.

— Это как?

— Я собираюсь вернуться обратно звездным кораблем рикксиан.

— Что!!!

— Да, они свели расширение времени к трем годам, если считать по времени корабля. Ты увидишь. Да разве ты не знал, что рикксиане не возражают против того, чтобы взять на борт человеческий род в качестве пассажиров? Это, конечно, дорого, и они не так много берут пассажиров, но...

— Да, я знал. Но рикксиане тоже хотят заполучить карту!

— Да, однако откуда им знать, что у меня есть карта? Или что она у меня будет? Они гоняются за Джейком, а не за мной. Они не знают меня и не отличили бы меня от человека номер один на земле, то бишь Адама. Насколько я могу сказать, они не знают и насчет Винни. Откуда им знать, если то, что говорит Дарла — правда?

— А что заставляет тебя думать, что ты можешь что-нибудь продать властям? — спросил Ванс, не веря тому, что слышит. — Власти отбирают, а не покупают.

— У меня — купят. Ты должен знать, что твоя дружба — не единственная, которую я тщательно поддерживал с высокими личностями и власть предержащими. Некоторые из них даже относились к твоим друзьям, по крайней мере, до того, как ты стал персона нон грата. Сделка уже обговорена. И частью цены будет отсутствие преследования, если в ходе получения карты мне придется сделать что-нибудь незаконное.

Ванс побледнел.

— Что?!!

Уилкс обратился ко мне.

— Ты можешь вспомнить, как я тебе рассказывал насчет того, что кто-то постоянно стал подкладывать мне в сделках свинью. До меня дошли слухи, что кто-то разнюхал о нашей операции с лекарствами. Честное слово, я понятия не имею, кто за это дело должен был бы ответить и кто мне столько напортил. Как Сэм сказал, есть вещи, которые постепенно раскрываются. Ван, ты по очевидным причинам ничего из этого не знал. Но наша сделка была совершенно бессмысленна и бесполезна задолго до этого.

— Поэтому можно сделать вывод, что власти знают про карту Космострады, — сказал я.

— Разумеется, и они прекратили всякие попытки получить ее из рук диссидентов — во всяком случае, с этим они уперлись пока что в тупик. Я сказал им, что могу раздобыть для них карту.

— Но тебя же не будет двенадцать лет! — сказал Ванс. — Даже больше!

— Подумай еще разок. Большая часть людей никогда не раздумывает над обратным скачком времени, под влияние которого ты попадаешь, когда проходишь портал. Но, когда ты проходишь все то же самое расстояние по нормальному пространству, тебе приходится наверстывать все это время. Я должен появиться снова в земном лабиринте почти в то же самое время, когда я отправился оттуда. Никакого парадокса здесь нет, и все срабатывает просто замечательно.

Уилкс облизнул губы, и глаза его застыли, вглядываясь в какую-то отдаленную точку где-то в пространстве.

— А может быть, — продолжал он рассеянно, — ...а может быть, я просто постараюсь найти ту самую дорогу на Космо-

страде, которая ведет обратно во времени. Ты так сделал, Джейк,— по крайней мере, ты это сделаешь... Тьфу ты, эти проклятые времена — где будущее, где прошлое... от них у меня голова болит! По крайней мере, если ты мог, то и я смогу, как только у меня в руках будет карта.

— А как насчет ретикулянцев? — спросил я.

Лицо Уилкса расплылось в серозубой ухмылке.

— Мы расстанемся с ними в Морском Доме, где я найму машину для дальних перевозок и как можно быстрее перегоню ее туда, где рикксиане стартуют свои корабли. Уж можешь быть уверен, что всю машину я сперва так продезинфицирую, чтоб там ни один мрррлловарр не завелся! Я поставлю всю машину на фумигацию.

Молчание.

Ванс был глубоко подавлен. Наконец он сказал:

— Прендергасту будет очень интересно все это услышать.

— Но ведь ты же ему не скажешь, Ванс.— Уилкс вытащил пистолет Дарлы из-под своей куртки.— Прости, но пока твоя последняя доза транквилизаторов не выветрится, это будет необходимо. Дарла! Ты бы лучше села возле своего папаши.

Дарла встала и пошла через всю комнату, но остановилась, когда в дверь постучали.

— Открой,— приказал Уилкс.

Именно тогда Джимми вошел в дверь, которая соединяла две каюты, толкая перед собой Лори, все еще под влиянием жезла. Он толкнул ее на кровать, и она растянулась там, голая и по-прежнему абсолютно безвольная.

Дарла открыла рывком дверь.

За дверью оказался Джон.

— Дарла! С тобой все в порядке? Ты пропала так неожиданно... О господи! — он увидел голую Лори на кровати и выпучил глаза.

— Входите! — весело окликнул его Уилкс.

Джон поспешно отвел глаза от Лори, потом нервно улыбнулся.

— Я полагаю, вы мистер Уилкс. Я много слышал про вас...

Джимми протянул руку, схватил его за воротник и втащил его в комнату. Он проверил, не видел ли их кто-то из коридора, и запер дверь.

— А вы, простите?..

— Джон Сукума-Тейлор. Друг Джейка.

Уилкс встал.

— Джон, я рад с вами познакомиться. Однако вы застали нас в неподходящее время. Вы не присоединились бы к вашим друзьям вон там, на кровати? Джимми, проверь его.

Джимми похлопал его по карманам и толкнул его в сторону кровати, убедился, что его босс держит всех на прицеле, и потом отправился в каюту, которую занимали ретикулянцы. Се-

кунду спустя он появился, таща еще одно зомби. Это был тот самый парень, владелец шевроле. Джимми усадил его, и парень повалился на подушку.

— Неужели вы не могли ее одеть? — отругал Уилкс своего телохранителя.

— А вы когда-нибудь пробовали одевать труп? — огрызнулся Джимми.

— Проверь коридор еще раз и потом принеси ей какую-нибудь одежду, бога ради.

— Ладно.

Те пилюли, которые Дарла развела в кофейнике, потихоньку начинали полностью действовать, но я пока не был уверен, что оказался полностью свободен от влияния жезла. Тем не менее я был готов сделать свой ход, когда Джимми ушел — но мигом, как только Джимми закрыл за собой дверь, Ван поднялся и трясущимися руками наставил пистолет в спину Уилкса.

— Брось пистолет, Кори.

— Ван, сядь,— сказал Уилкс раздраженно через плечо.— Ты только себе причинишь вред этим старым... Ван!!!

Челюсть Уилкса отвисла, когда палец Ванса стиснул спусковой крючок. Ванс сжал зубы, когда понял, что нажать на спуск без того, чтобы предварительно взвести курок, очень сложно. Левой рукой он стал помогать себе.

Пораженный Уилкс не сообразил сразу воспользоваться своим пистолетом, но Джимми оказался быстрее. Его выстрел молнией пронзил череп Ванса, масса седых волос взорвалась. Но курок старого пистолета тоже сработал. Громовой взрыв потряс комнату, и начался зловещий танец тел. Уилкса выстрелом развернуло, словно марионетку на веревочках, и он упал на стол. Тело Ванса шагнуло назад, словно призрак с огненной головой, он ударился о стену, отлетел от нее и упал на пол. Я был на полу, стараясь поднять упавший пистолет, которым Ванс пристрелил Уилкса, стараясь при этом сделать так, чтобы между мною и Джимми была хоть какая-нибудь мебель. Однако к тому времени, когда я наконец поднял пистолет, Роланд — который ворвался в дверь — и Джимми кружились, словно в вальсе, и каждый при этом держал ту руку другого, в которой было зажато оружие. Это продолжалось, пока Дарла не рубанула Джимми ребром ладони по шее, отчего тот отправился в нокаут. Когда Уилкс упал на стол, кофейные чашки, ложки и прочее полетело на пол и на стены со страшным грохотом. Я встал на ноги и бросился к нему. Пистолет все еще был у него в руках, но как только он стал поднимать его, я вышиб оружие у него из рук. Я поднял пистолет Дарлы и встал над ним. Дарла содрала одеяло с кровати, отчего завертелась на ней Лори, пока не упала на пол, потом бросилась к Вансу. Уилкс посмотрел

на меня, лицо его было пустым и удивленным, а на белой шелковой рубашке расцветал кровавый цветок.

— Роланд! — позвал я.— Закрой дверь!

— Погоди.— Он подошел к двери и посмотрел в коридор, потом сделал кому-то знак. Сьюзен сунула голову в каюту, и Роланд втащил ее внутрь, захлопнув за ней дверь. Сьюзен увидела, что все, кого она знает и любит, в порядке, залилась слезами и бросилась на шею Роланду.

Джон постепенно поднимался с пола. Я подошел к двери, которая соединяла каюты, и повернул механический замок. Потом я взял руку Джона и сунул туда рукоять пистолета Дарлы.

— Поглядывай на дверь,— сказал я ему.— Если ты только что-нибудь услышишь, стреляй не задумываясь.

Джон кивнул.

Я подошел к жезлу и поднял его с пола. Он слегка вибрировал в моей руке, и я поворачивал серебристую полоску, пока вибрация не прекратилась. Лори стала визжать, поднявшись на ноги, руками она отгоняла каких-то призраков, которые были видны ей одной, а я содрал простыню с кровати и закутал ее в эту простыню.

— Это все сон, лапушка, просто плохой сон,— шепнул я ей в ухо, пока вел ее к перевернутому кофейному столику. Я поднял ключ и позвал Сэма.

— Сэм, это Джейк.

— Иисусе Христе! Что там у тебя происходит?

— Все и всё в порядке. Как у тебя?

— Что за кошачий визг у тебя там стоит?

— Мы в полном порядке, не обращай на этот визг внимания. Что происходит возле тебя?

— Все ушли. Пошли наверх, как я понял. Что-то там такое особенное происходит.

Как раз в этот момент я услышал донесшиеся из холла крики.

— Ну да, по-моему, на корабль напали. Кто или что — у меня не было времени узнать. Ты можешь освободить себе дорогу там, внизу, как ты говорил?

— Естественно.

— Тогда сделай это и жди меня. Нам надо найти Винни, и...

— Винни тут.

— Что?! За каким чертом?.. А, ладно, это не важно, хорошо. Слушай.— Я быстро прикинул.— Мы попробуем как-нибудь спуститься вниз. Будь готов двигать.

— Замечательно. Куда?

— Мы собираемся найти место, где можно было бы спрятаться, пока не сможем найти дорогу с этой банки консервированного тунца.

— Но куда?

— Положи побольше лекарства от изжоги в свои запасы.

Парень наконец проснулся, поглядывая на окружающих и помаргивая.

— Доброе утро,— сказал он.

Он встал с кровати, и я вручил ему все еще завывающую Лори и велел ему как угодно ее успокоить. Потом подошел к Дарле. Она стояла на коленях, свернувшись в комок над неподвижным, завернутым в одеяло, телом ее отца. Запах паленого мяса и волос наполнял комнату.

— Ван,— стонала она,— Ва-а-ан...

Я схватил ее за плечи.

— Дарла, нам надо идти. Ретикулянцы.

Она стала рыдать, страшные судорожные всхлипы потрясали ее тело, но ничего не было слышно.

— Дарла, нам надо уходить,— я дал ей немного поплакать, потом взял ее за плечи и осторожно оттащил ее прочь. Тело ее напряглось, потом вдруг обмякло. Я поставил ее на ноги и повернул ее лицом к себе. Лицо ее стало сплошной искаженной маской боли. Я повел ее в другой конец комнаты и надел на нее ее рюкзак, который нашел возле стола. Роланду я велел проверить, нет ли кого в коридоре. Сьюзен успокоилась, и он отодвинул ее в сторону.

— Порядок,— сказал он, выглядывая наружу. По коридору издалека разносились вопли и звуки общей паники и хаоса.

— Все в порядке,— объявил я.— Всем можно выходить.

Лори явно устраивала себе гипервентиляцию легких такими криками. Я помог Джону перекинуть ее через плечо и держал ее, пока он не сбалансировал ее тяжесть на плече. Я подобрал пистолет Джимми и отдал его парню — владельцу шевроле, потом вернул Дарле ее пистолет. Все-таки довольно много времени ушло на то, чтобы подготовиться к выходу, но наконец они все под моим контролем вышли и повернули направо, осторожно вышагивая по стеночке. Роланд шел впереди. Все, кроме Джона и Сьюзен, были вооружены. Я был последним, кто вышел из каюты. Я постоял у двери и посмотрел на Уилкса. Глаза его умоляюще смотрели на меня.

Я почти готов был что-нибудь ему сказать, когда низкий гудящий звук потряс пол, и соединительная дверь разлетелась на щепочки. Сквозь отверстие ворвался ретикулянец, неся странное серебристое ружье, все словно состоящее из изогнутых поверхностей, с расширенным дулом. Я скользнул за угол стены, вытащил свой здоровенный пистолет и выстрелил. Башка инопланетянина взорвалась розовым дымом, куски хитинового панциря полетели в стороны, а безголовое тело продолжало идти на меня. Я попятился прочь, вышел в коридор, поворачиваясь на всякий случай обратно каждые несколько шагов.

Я остановился, чтобы взглянуть в последний раз, и увидел, как обезглавленное тело вывалилось в коридор, ноги его все еще продолжали судорожно подергиваться. Никто больше оттуда не выходил. Остальные поглядывали на меня. Я рявкнул на них, чтобы они не останавливались.

Чуть подальше, впереди, телеологисты остановились, чтобы забрать свои рюкзаки, которые они оставили в коридоре. Я схватил рюкзак Джона и натянул себе на спину, пока мы бежали дальше. Я бросился в голову нашей колонны и велел Роланду подгонять остальных сзади.

В коридоре был дым, откуда-то впереди доходили звуки падения, выстрелов и прочей потасовки. По мере того, как мы все приближались к источнику суматохи, дым становился все гуще, пока у нас не оставалось иного выбора, кроме как повернуть назад или задохнуться. Мне не хотелось сталкиваться лицом к лицу с ретикулянцами, и, насколько мне было известно, в этих местах не было лестницы или трапа, который вел бы вниз, в трюмы. Но сбоку я увидел коридорчик, и было похоже, что он вел как раз куда-то на палубу. Я бросился в коридорчик и убедился, что все остальные последовали за мной, прежде чем я снова оказался во главе колонны. Я открыл дверь в конце коридорчика, убедился, что он выходит на палубу с правого борта, но я не знал, стоит ли туда выходить.

На горизонте, в море, за перилами палубы сидела кроваво-красная луна. На ее фоне чернел силуэт чего-то, что я сперва не признал, и только потом понял, что это был еще один мегалевиафан. На нем не было только корабельной надстройки, как это было сделано на нашем корабле. Он медленно приближался к «Лапуте» по правому борту. Над ним весь воздух был полон летающими искрами огня. Какие-то страшные тени скользили по лунному диску, что-то вроде гигантских летучих мышей, кожаный шорох крыльев разносился по всему морю. Искры огня окружали «Лапуту», словно стаи светлячков, некоторые внезапно падали на палубу. Я услышал звук падения и посмотрел вправо. Один из шариков ударился о палубу и отлетел к составленным вместе креслам под тентом. Это был пылающий шар размером с дыню, сделанный из чего-то вроде дегтя, за ним тянулся шнур из огнеупорного материала, заплетенный косичкой. Деревянные шезлонги, обтянутые тканью, немедленно загорелись. Я выглянул подальше, чтобы лучше рассмотреть, что же происходит. Огни от шаров вспыхивали везде, на верхней палубе, на нижней, всюду, куда только падали шары. За ними с воплями гнались члены пожарной команды, таща за собой белые пожарные рукава, словно упирающихся змей. Мне очень не хотелось выходить именно туда, но выбора у нас не было. Я посмотрел вокруг в поисках ближайшей лестницы на палубу Б, ничего не увидел, и решил, что самое лучшее — пробираться на корму.

— Пусти меня, я сама пойду, черт возьми!

Это была Лори, и орала она на Джона. Я закрыл дверь и пошел обратно. Джон поставил Лори на ноги и рассыпался в извинениях. Она замахнулась на него, не попала, а потом я взял ее за руку, и она попыталась замахнуться и на меня. Я поймал ее запястье.

— Лори! Успокойся! Это же я, Джейк! Помнишь?

Глаза ее сосредоточились на мне, и истерическая ненависть ушла с ее лица. Она моргнула и посмотрела снова.

— Кто? Ах, да... да...— она потерянно огляделась вокруг.— Что случилось? Где мы?

Потом она увидела, что на ней нет ничего, кроме простыни, и стала возмущаться:

— Какого долбаного черта?..

— Пиратский мегалевиафан напал на наш корабль,— сказал я ей, думая, что лучше сосредоточить ее внимание на теперешней проблеме, чем на обстоятельствах этой ночи. Тем более на душевных травмах, которых она вообще может и не помнить.

— Нам придется идти вниз, в трюмы, Лори.

Это привело ее в чувство.

— Они что, бросают зажигательные бомбы?

— Да, и похоже на то, что они подтягиваются, чтобы взять нас на абордаж.

— Где мы?

— Верхняя палуба, правый борт, ближе к носу.

— Сюда — и побыстрее!

Мы вышли на палубу и прошли на корму, внимательно следя, чтобы не попасть под зажигательные бомбы. Бомбардировка продолжалась, но большая часть тех шаров, которые носились в воздухе, уже попадала на палубу. Похоже было, что нападение на нас было тщательно продумано, видимо, бомбардировка должна была закончиться до того, как будет сделана попытка взять нас на абордаж. Теперь я увидел, что зажигательные шары сперва просто кружили несколько раз в воздухе, прежде чем упасть на палубу. Когда же два прожектора с нашего корабля скрестили в воздухе свои лучи, я увидел, что же несло эти шары на нас. Это были не просто летучие рыбы. Это были гигантские летающие животные, которые были весьма похожи на мифических морских змей, у них были длинные вытянутые тощие тела и мощные крылья, которые молотили воздух. На их спинах ехали животные поменьше, насколько я мог понять, арфбарфсы. На каждом животном летело по одному акватерранцу, они служили бомбардирами и раскручивали горящие бомбы над головой, прежде чем сбросить их в воду. Зажигательные батареи корабля тоже не дремали и пожинали свою жатву. В скрещенных лучах прожекторов один из летучих змеев превратился в сноп огня, и его собственная сила разгона по на-

клонной дуге унесла его пылающие останки в море. Но таких чудовищ вокруг было слишком много, и у нас на корабле, увы, были только две батареи.

— Осторожно!

Это крикнул Роланд, и я оглянулся. Что-то летело прямо на нас сверху и сзади. Мы все рухнули на палубу, и я почувствовал, как воздух пронесся по мне вихрем, когда животное промелькнуло у нас над головами. Оно врезалось в палубу впереди нас, обрушилось на тенты столовой и только потом остановилось. Мы встали и огляделись, но, прежде чем кому-нибудь из нас пришла в голову мысль, что надо бежать, крупные силуэты выскочили из темноты — арфи, их было четверо, вооруженные грубыми топорами и прочими, еще более странными орудиями. Я выстрелил в одного из них, вероятно, промахнулся, а может, это животное очень трудно было убить. Роланд и Дарла стали стрелять. Первый же выстрел Дарлы отстрелил передний плавник — или ласт — у одного из них, но зверюга продолжала атаковать нас, перебросив свое оружие в другой ласт и бешено тявкая. Роланд извел ползаряда, пытаясь выстрелить и уложить другого, потом перевел луч на того, в которого не попал я, с тем же самым результатом. Но те, кто остались, двигались чрезвычайно быстро, и они были очень крупными. До тех пор я видел акватерранцев только на большом расстоянии. Это были крупные создания, с огромными складками жира, которые защищали их нижнюю сторону, а по бокам у них были мощные мышцы, которые управляли ластами. Они почти что совсем теперь не были похожи ни на моржей, ни на тюленей — они скорее напоминали священных быков Брахмы. Мы отступали, отстреливаясь. Я еще пару раз выстрелил без особого эффекта, но Дарла наконец порезала свою мишень почти на кусочки, и она повалилась неподвижно. Я выстрелил свой последний заряд в оставшегося арфи, потом бросил в него своим теперь уже бесполезным пистолетом. Роланд теперь копался в карманах в поисках зарядов, у Дарлы пистолет тоже выстрелил уже все, что возможно. Однако мой последний арфи все еще надвигался на нас, и мы все бросились врассыпную, но арфи помчался за мной, стараясь преследовать меня по пятам. Я подумал, что случилось с тем парнем, владельцем шевроле. Он был справа от меня, яростно колотя пистолетом по поручням.

— Не фурычит, сволочь! — проорал он.

Я заорал в ответ, чтобы он выбросил бесполезную штуковину, и он так и сделал. Это была старая модель, которая была снабжена предохранителем, я узнал его, потому что у меня самого когда-то была такая же игрушка. Я вырвал у парня пистолет, дернул за предохранитель и выпустил весь заряд в башку существа, оно было мертво к тому времени, когда обрушилось на меня, но зато вес у него был, как у сорвавшегося с тормозов тяжеловоза.

Потом я осознал только то, что мне помогают подняться на ноги. Я был потрясен, но пока что еще одним куском, не в осколках.

— Ты чуть не вылетел с палубы,— сказал мне Роланд, вручая мне жезл, который я до того затолкал в свой задний карман.

— Спасибо.— Я взял жезл и сунул его в боковой карман рюкзака Джона. Я посмотрел на корму и увидел, что летучая морская змея все еще валялась на раздавленной столовой, ее крылья безнадежно запутались в полотне, и она бессмысленно извивалась из стороны в сторону.

— Туда нам проход закрыт, разве что мы сами захотим с нею сражаться. Лори, ты можешь провести нас в трюмы другим путем?

— Тогда нам придется идти обратно через весь корабль.

Мы нашли ближайшую дверь и прошли в нее. Дым густой завесой висел в коридоре. Отовсюду доносились крики, а пассажиры пробками застревали в проходах, пытаясь добраться до трапов. Везде царил форменный бедлам. Лори взяла меня за руку. Мы пошли тем же путем, каким шли вначале, несколько раз повернули, потом скользнули в маленький чуланчик, который, видимо, использовался для хранения постельного белья. Я посмотрел вниз. Лестница вела из каморки в самую глубину корабля. Лори сказала нам, что это были шахты быстрого доступа и ими пользовалась только команда. Мы начали спускаться вниз. У нас это заняло немало времени и к тому же несколько раз идущие следом наступали на пальцы тем, кто спускался первым, но в конце концов мы оказались на палубе С, очутившись в кладовой, полной ящиков и различного оборудования.

— Куда теперь? — спросил я Лори, снимая рубашку и отдавая ей. Она сбросила простыню, прежде чем спускаться по лестнице.

— Спасибо. Вам придется идти по вентиляционным шахтам, чтобы забраться в трюм. Они уже отключили лифты.

— Вентиляционные шахты?

— Да. Иначе вы не сможете там, внизу, дышать, по меньшей мере, трудно было бы.

В этом был свой смысл, но у меня был вопрос.

— А этот воздух не вредит пузику Фионы?

— Иногда. Время от времени она рыгает, и тогда все вылетает наружу. Вот почему там, внизу, нельзя оставаться.

— Ты хочешь сказать, что она способна срыгнуть машину или две?

— Иногда так и происходит, но мы опрыскиваем ее мешки перед желудком спазмолитическим средством, чтобы она не так часто это делала.

— Ладно, пошли.

Это оказалась длинная дорога через весь корабль. Мы прошли еще несколько кладовых, потом помещения для команды, где Лори остановилась, чтобы взять кое-какую одежонку и привести себя в приличный вид. Я снова взял обратно свою рубашку. Мы продолжали идти на корму, мимо лазарета и верхних кладовых, через кубрик команды, камбуз, какие-то мастерские, потом через каюты третьего класса, наконец в помещения контрольной рубки вентиляции и отопления. Машины все еще работали, но огни вышли из-под контроля и недолго оставалось до какой-нибудь катастрофы.

— Что происходит, когда оборудование выключают?— спросил я нашу проводницу, пока она помогала нам отыскать дорогу в хитросплетениях трубок.

— О, тут достаточно воздуха, чтобы хватило дышать какое-то время. Но если Фиона испугается нападения, она может начать срыгивать.

— Ох ты.

Вход в шахту был через крохотную дверь в металлическом цилиндре, который шел через лабиринт труб.

— Это выводная шахта. Входная снабжена целым коридором фильтров. Так что осторожнее с восходящими воздушными потоками.

Лори придержала дверь для меня.

— Туда идут скобы в стене.

Я сунул голову внутрь и увидел круглую шахту, которая падала вниз во тьму. От восходящего воздушного потока я едва не ударился головой о дверь. Я вытащил голову обратно и спросил:

— А как насчет освещения?

— У меня есть фонарь в рюкзаке,— сказал Джон.— Я могу пристегнуть его к хлястикам на рубашке. Роланд тоже покупал фонарь.

Я дал ему его рюкзак и потом сказал Лори:

— Ты идешь с нами?

— Нет, мое место здесь,— ответила она твердо.— Я должна следить за огнем и явиться в пожарную команду.

— Ну ладно. Мне кажется, что теперь тебе не угрожает опасность, но тебе придется отвечать перед Прендергастом за то, что ты спрятала Винни.

— Я с ним справлюсь,— она нахмурилась и сказала:— А что вы там, внизу, собираетесь делать?

— Найдем место, где спрятаться,— сказал я,— пока я не смогу убедить твоего капитана, что мы не представляем для него угрозу... ни для него, ни для внешних миров.

— Но вы никогда не сможете найти дорогу там, внизу. Вы можете в конце концов превратиться в фионино дерьмо.

— Ну и ладно, меня в жизни и похуже обзывали.

— Но вы и ей можете повредить! — противоречивые порывы искажали ее хорошенькое личико. Потом что-то поразило ее, и она застыла с открытым ртом.

— О господи! А ГДЕ ЖЕ ВИННИ?!!!

— Она в безопасности, в моем тяжеловозе.

— Да-а-а? Как же она туда добралась? И почему она сбежала из радиорубки? Я же ей сказала... — она ударила себя по лбу. — Сирена! Сирена, которая раздается для общей части корабля, как раз была над ее радиорубкой! Наверное, она испугалась, когда сирена включилась во время атаки горгон! Господи, какая же я глупая.

Лори застонала.

— Не думай об этом. Оказалось, что все к лучшему. Теперь просто позаботься о себе самой. — Я поцеловал ее в щеку. — И спасибо тебе.

Я наклонился, чтобы полезть в шахту, но она поймала меня за руку.

— Нет, погодите. Я хочу убедиться, что с Винни все в порядке. Я пойду вперед.

Как ни странно, спускаться в восходящем воздушном потоке оказалось легче, но скобы, к сожалению, оказались скользкими и маленькими, а шахта стала наклоняться под очень неудобным углом. Я остановился и посмотрел, чтобы проверить, как двигаются дела у остальных. Дарла и мужчины пробирались как полагается, но Сьюзен со своим тяжелым рюкзаком справлялась с трудом. Я увидел, как она несколько раз поскальзывалась, и Дарла поддерживала ее под зад, чтобы та не свалилась совсем. Мы продолжали наш длинный спуск. Воздушные потоки стали слабее по мере нашего спуска, потом странный угол наклона только ухудшился, пока не стало настоящей проблемой удержаться на такой странной плоскости, потому что приходилось использовать скобы только как возможность держаться руками, а ногами мы изо всех сил упирались в скользкую стену, чтобы не сорваться. Угол наклона был крутой, но пониже он начинал выравниваться. Прежде чем мы добрались до этого места, шахта начала двигаться, иногда резко вздрагивая, местами она выгибалась против нас, и нам трудно было решить, за какую скобу хвататься дальше. Я услышал вопль, но прежде чем я смог оглянуться, Сьюзен проскользнула мимо меня, исчезнув в темноте. Потом шахта дернулась еще раз, и Джон оказался следующим, кто скользнул вниз. Я протянул было руку, чтобы задержать его, но упустил эту возможность, и он упал дальше. Теперь скобы находились почти у нас над головой, и за них невозможно было ухватиться, если начинаешь скользить. Гибкая шахта танцевала, как веревка на ветру, дико изгибаясь во всех мыслимых направлениях. Теперь настала

очередь Дарлы. Ее я поймал, когда она скользила мимо, но потерял тут же.

При этом я и сам обрушился вниз. Очень скоро мы слетели с гладкого пластика трубы на влажную и теплую органическую ткань, которая скользила под нами, как ледяная дорожка. В полной темноте я уперся ногами, чтобы как можно скорее затормозить, потому что не знал, куда именно мы скользим, но почти сразу же увидел впереди свет. Потом наклон выровнялся, стал почти ровной поверхностью, и мы промчались примерно метров десять, прежде чем затормозить. Мы насквозь промокли. Луч фонаря ударил по мне, потом переметнулся к Дарле. Это был Джон, и он шел к нам. С ним была Сьюзен.

— Интересная мысль для устройства аттракциона в луна-парке,— сказал он.

Я встал и помог подняться Дарле.

— Где мы?— спросил я его.

Он показал лучом фонарика вперед, и я увидел на небольшом расстоянии несколько припаркованных машин.

— Хорошо,— сказал я, вынул ключ от Сэма и собирался вызвать его, когда что-то ударило меня под коленки и сбило с ног. Это был тот самый парень, владелец шевроле. Он сперва извинился, потом застонал, как застонал бы каждый, на кого обрушились бы девяносто кило водителя тяжеловоза. Я слез с него. Джон перевел луч фонарика в направлении шахты, и мы увидели Роланда и Лори, которые мчались к нам, как чемпионы по санному спорту, потом они аккуратно и ловко затормозили, как только оказались поблизости от нас.

— Вы, ей-богу, поторопились,— сказала весело Лори.

— А что это были за конвульсии в шахте?— спросил я.

— О, это ничего страшного. Мы не стараемся опрыскивать всякими средствами пустые пространства. А пол тут такой скользкий потому, что тут не стелили резину.

— Вот оно что...— я стал вызывать Сэма.

— Где ты?— завопил Сэм.

— Включи свои большие прожекторы.

Он был менее чем в минуте ходьбы от нас.

После меня именно Лори бросилась обнимать Винни, когда мы все залезли в тяжеловоз, и мне страшно трудно было объяснить, как Винни почувствовала, что Дарла каким-то образом ее предала. Но именно так дело и обстояло. Вообще-то она сперва отказалась признать своего закадычного приятеля и переводчицу. Может быть, она правильно прочла чувство вины на лице Дарлы, которого я сейчас не видел, но я понимал, что Винни явно обладает эмпатией — теперь мне этого не надо было бы доказывать. Я только думал, какова сила ее восприятия. Одна-

ко, какими бы ни были способности Винни, она смогла очень скоро разобрать, что Дарла горюет, что она сожалеет о том, что ей пришлось использовать Винни как пешку в сложной игре, потому что она тут же стала обнимать и Дарлу тоже. Видимо, способность прощать и сочувствовать у Винни была больше, чем все ее остальные способности. Для меня это было моментом открытия, потому что до тех пор у меня практически не было ощущения от Винни как от личности, я не мог по-настоящему отнестись к ней, как к думающему существу, которое умеет чувствовать так же, как мы, а может быть, и лучше. Не знаю, какие предрассудки этому помешали. Естественно, у меня есть определенная настороженность в отношении к инопланетянам, но думаю, что тут все дело было просто в недостатке внимания. Тонкая натура Винни и ее разум и особенности личности так легко терялись среди оружейных выстрелов, фантастических погонь, интриг и всего такого прочего. Ее внутренняя робость и необщительность тоже не способствовали тому, чтобы мы все могли лучше узнать ее. Все время я замечал тот свет разума, который прятался под ее странной внешностью, под мягкой шерстью, но у меня не было времени и желания посмотреть, какая же она под этой своей меховой шкурой. А она сияла мягким теплым светом. Да и теперь мне было некогда. Нам надо было выбираться, но куда?

— Пищеводная труба между этим мешком и желудочным комплексом по правому борту Фионы будет самым лучшим выходом,— сказала Лори.

— Звучит очень уютно,— заметил я, понимая, что звучит это кошмарно.

Но прежде, чем мы могли оправиться, нам надо было убедить еще и парня. Он заупрямился до невероятия, что сперва надо найти его шевроле, и без своей машины он никуда не уедет.

— Не хочу, чтобы мою шеви срыгнули как какую-нибудь пиццу,— сказал он нам.

— Там, куда мы едем, она в конечном итоге может оказаться пищей для китов,— ответил я.

— Только не моя машина, приятель.

Мысленно я согласился с ним. Эта машина хоть какому киту могла сделать язву желудка. Парень одолжил фонарик Джона и ушел на поиски. Лори сказала, что ей тоже надо тут кое-что поискать, и удалилась во тьму. Остальные решили воспользоваться этой возможностью, чтобы избавиться от нашей сырой одежды. Пищеварительная жидкость начинала проедать нашу одежду и раздражать кожу. Сьюзен стонала, что ее новый костюм испорчен. Я сказал ей, что тогда ей надо немедленно засунуть все наши грязные вещи в химчистку, и она замолчала.

Лори вернулась первой, таща кусок оборудования, который очень напоминал два акваланга, надетые на спину, их соединя-

ла трубка, а на конце был пульверизатор. Она объяснила, что в одном резервуаре — гидроокись алюминия, а во втором — спазмолитический препарат.

— Это заставляет кишки Фионы онеметь, так что ее больше не тошнит,— сказала она.

Примерно минут через десять странная машина парня приехала к нам. Кругом лежали раздавленные машины, результат того, как Сэм проталкивался сквозь них, расчищая себе дорогу. Я надеялся, что Прендергаст платит страховку на случай повреждения груза. Я убедил парня, что самым лучшим выходом будет загнать его машину в трейлер Сэма. Наш груз для обсерватории занимал только четверть пространства и размещался в специальном отсеке, который мы прозвали корзинкой для яиц. У нас было множество места. Сэм выпустил трап из трейлера и впустил парня вовнутрь. Я пошел назад, чтобы осмотреть трейлер и проверить, нет ли каких повреждений груза. Приборы для того, чтобы глазеть на звезды, были в прекрасном состоянии, невзирая на то, что им пришлось перенести. Но, в конце концов, Сэм и я специализируемся на том, чтобы возить нежное оборудование, особенно научные приборы. Я придумал специальные подкладки для шевроле, чтобы он не катился во время нашей езды, специально поставив его в отсек, где было побольше пространства, потом я стал переплетать специальные веревки, чтобы установить машину намертво.

— Эй! Как вы называете вот эти штуки?

— Бамперы,— ответил парень.

Так вот, я стал заплетать веревки за бамперы. Потом привязал их как можно крепче, и мы были готовы. Я завел машину и хотел ее отогнать в ту часть пищеварительного мешка, в котором не было машин. Там пол снова стал скользким и постепенно стал клониться вниз. Лори предупредила меня, чтобы я двигался осторожнее, и я внял ее предупреждениям. Поток стал ниже, пока проход не превратился просто в туннель. Стены источали жидкость, которая блестящим слоем покрывала их, стены перекатывались волнами. Проход стал изгибаться под разными углами, потом стал извилистым, как змея. Мы проскальзывали по нему, пока не наткнулись на препятствие. Это был белый вид ткани, который отсекал проход от остальной части тела. Это оказался клапан. Лори велела мне медленно подъехать к нему и тихонько толкнуть, я так и сделал. После нескольких толчков клапан расширился, и мы проехали дальше. Оттуда мы продолжали прокладывать себе дорогу по извилистому каналу, несколько раз встретив другие клапаны, которые точно так же нас пропускали. Мы еще несколько минут ехали по главному пути, пока Лори не велела мне остановиться. Она надела свое опрыскивательное оборудование и вышла. Когда дверь открылась, страшный, тошнотворный запах проник внутрь. Все стали давиться. Стены здесь были более ак-

тивны, они возбужденно перекатывались маленькими волнами, которые проходили по трубе вперед-назад. Лори опрыскала стены белой мазью, и через минуту-две все успокоилось. Лори забралась обратно вовнутрь. Воздуха в компрессорах было достаточно, чтобы прокачать его через кабину и избавиться от тошнотворного запаха, но осталось еще немало для того, чтобы заставить нас дергаться от отвращения. Но мы все равно ждали.

— И сколько нам тут оставаться? — спросил Джон.

— До тех пор, пока не прекратится битва, каким бы ни был исход,— ответил я.— Но если корабль захватят... ну что же, тогда остается только догадываться, как поступать дальше.

— Мы выиграем,— ответила уверенно Лори.— Мы всегда побеждали.

— А почему пираты хотят захватить еще одного мегалевиафана?

— Наверное, их собственная уже старая. Мегалевиафанов немного. Кто знает? Может быть, они просто ненавидят людей.

— Очень вероятно,— ответил сардонически Джон.— Люди — это такие существа, которых просто приятно ненавидеть. Сьюзи, можешь ты чуть-чуть подвинуться?

В кабине было очень тесно. Все старались поерзать на сиденьях, чтобы найти самую удобную позу. Дарла и Винни были в кормовой кабине.

— Странно найти пиратов на...— начал было Джон.

Неожиданно тяжеловоз задрожал, потом наклонился вперед и покатился. Я затормозил, но это не дало никакого результата. Мы скользнули вперед на несколько метров, прежде чем труба снова стала ровной. Теперь стены сжимались вокруг тяжеловоза, постепенно проталкивая его вперед.

— У Фионы спазмы,— сказала тревожно Лори.— Нападение, наверное, ее напугало. Мне надо ее опрыскать.

— Погоди,— сказал я, когда труба снова сжалась и расслабилась, протолкнув нас еще немного вперед. Мы подождали, пока судорога пройдет.— Вот теперь о'кей.

Мы смотрели, как Лори опрыскивает туннель возле нас, не жалея смеси. Тяжеловоз снова прокатился немного вперед, и мне пришлось дать Лори сигнал на клаксоне, чтобы она была осторожнее. Она повернулась, поскользнулась и упала, но вовремя выползла подальше от колес Сэма. Она продолжала прыскать, пока у нее не кончилась смесь. Потом она влезла по скобам, чтобы войти в кабину. Как только Лори сунула в кабину голову, тяжеловоз снова качнуло вперед, поскольку Фиона пережила новый приступ спазм. Край двери кабины ловко ударил Лори как раз в висок. Роланд успел поймать ее, прежде чем она упала под колеса. Он втянул ее в кабину, и дверца захлопнулась сама. Труба сжималась и разжималась вокруг нас, пол

под нами то выпячивался, то опускался вниз, и мы скользили по пищеварительной трубе, словно непереваренный кусок пищи, каким мы и были для этой гигантской рыбы. На сей раз мы не остановились. Мне не хотелось переключать на заднюю передачу, мне казалось, что царапанье роллеров только еще больше раздражит Фиону. Стены продолжали свое неумолимое движение, складываясь поверх тяжеловоза, словно кусок мокрой ткани, оставляя на поверхности иллюминаторов влажные следы.

— Держитесь все! Пристегнитесь, как только можете! Пристегните Лори к койке!

Временное затишье дало им возможность привязать Лори к койке покрепче, потом спазмы возобновились. Роланда швырнуло вперед, он ударился о мое сиденье.

— Держитесь за что-нибудь! — завопил я. — Не хочу больше никаких травм и потерь!

Потом я про себя рассмеялся. Стать дерьмом Фионы было теперь нашей неотвратимой судьбой, и нам никак нельзя было ее избежать.

Это было бесконечное роковое путешествие. Нас швыряло, ударяло, качало. Стены пищеварительных органов безжалостно нажимали на нас, обсасывая корпус тяжеловоза. Мы катились против часовой стрелки, нас переворачивало почти под сорок пять градусов, потом мы снова встали вертикально, прокатились почти на девяносто градусов в другую сторону и остались так лежать.

— Сэм! — завопил я. — Мы что-нибудь можем сделать?

— Я как раз думал, что это самая комичная ситуация, в которую ты мог бы себя загнать.

— Что?

— Я говорю, что как раз думал...

— Это я слышал! Ты просто подарок небес с таким умением помогать, знаешь ли...

— Что?

Мы прошли через клапан, и я совершенно перестал ориентироваться, где нахожусь. Насколько я знал, мы вообще могли бы сейчас быть вверх ногами. Чья-то нога ударила мне по плечу, и я подбородком отбросил ее в сторону. Кто-то завопил. Видимость была нулевая, передние фары отражались от зеленовато-белой ткани и почти слепили меня. Я хотел было их выключить, но побоялся снять руки с панели управления, хотя сейчас она была абсолютно бесполезна. Начались мощные сокращения мускулов, нас словно выталкивали наружу в каком-то адском подобии рождения. Подкидывание и качка уменьшились, поскольку Фиона твердо наметила вытолкнуть нас как следует из своего мира кишок. Через несколько минут — казалось, что прошла вечность, — нас вытолкнуло сквозь еще один клапан, а потом — о чудо! — все кончилось. Мы ударились о воду и бы-

ли совершенно погружены в нее. Тяжеловоз опустился на что-то мягкое, потом за ним последовал трейлер. Я слышал, как застонали сервомоторы, выпрямляя трейлер после того, как он повис над дном. Потом мы снова задвигались вперед, на сей раз аккуратнее, нас тащило неумолимое течение воды.

Мои пассажиры рассортировали свои руки и ноги и вылезли подышать в кабину. Все было в порядке. Джон подошел к переднему сиденью рядом с водительским и пристегнулся. Я пытался удержать тяжеловоз на прямой линии, однако течение уносило его так, что он постоянно складывался с трейлером, как две половинки перочинного ножа, чего сервомоторы уже не могли выдержать. Попытки править рулем против такого заноса не давали никаких результатов, поэтому я сказал, что пошлю все это к черту, и ударил по противозаносным дюзам. Через боковой иллюминатор я видел, как воздух бурлит в воде. Но оказалось, что мы просто в другой, большей трубе, и стены у нее более твердые.

— Где мы, черт возьми?—спросил Сэм.

— Не знаю, но могу сказать, что мы явно вывалились из пищеварительной системы.

— Как это мы смогли?

— У Фионы есть, наверное, свой способ отсортировать, что она хочет переварить и что не хочет,—сказал я.—Наверное, мы не годимся в качестве пищи.

— Дерьма не стоим мы, а?

Течение становилось сильнее. Время от времени мы просто плыли. Нас смывало вперед, как мусор в канализации. Я откинулся на спинку сиденья и пытался держать тяжеловоз так ровно, как только мог, но тяжеловоз все-таки все время порывался перекатываться через крышу. Мы так ехали какое-то время, пока проход не стал сужаться, а давление воды усилилось. Я потерял всякий контроль, но держал саму машину в правильном положении, заставляя ее отскакивать от стенок трубы. Ткани, которые окружали трубу, были темнее, чем раньше, они к тому же казались жестче. Тяжеловоз с глухим стуком отлетал от нее.

Вскоре урчащий и рычащий звук усилился, давление и пульсация воды тоже стали сильнее, вода как бы закипела и стала пузыриться. Нас потрясали потоки, но, в сравнении с действием желудка, это не могло даже считаться за помеху. Постепенно звук воды усилился до глухого грохота.

— Температура обшивки корпуса все растет,—сказал Сэм.

— Да? Ну, мне кажется, теперь я знаю, как Фиона двигается. У нее есть система, которая гонит по ней воду, пока та не вылетит на заднем конце. Система эта должна выносить наружу и лишнее тепло,—я посмотрел и увидел впереди темное отверстие.

— Звучит вполне логично,—ответил Сэм.—Беда в том, что этот тяжеловоз—не подводная лодка.

После последнего рывка и взрыва громового звука мы покинули Фиону, оказавшись в более спокойных водах. Вода снаружи была сперва ураганом пузырьков, они постепенно расходились, по мере того, как мы удалялись от Фионы и ныряли вниз носом в глубины. В свете прожекторов я видел, как мутное илистое морское дно постепенно поднимается к нам. Я панически оглядывался кругом, нет ли рядом чего-нибудь такого, что позволило бы нам не зарыться носом в ил, но ничего не мог найти. К счастью, дно шло под уклон от нас, поэтому передние роллеры чисто встали на грунт. Машина аккуратно встала на дно, а трейлер последовал за ней. Мы остановились.

— Насколько глубоко внизу мы сидим, Сэм?

— Примерно восемьдесят метров.

— Ну что же, это не самое плохое.

— Естественно, нам просто надо поплыть...

— Ладно, давай посмотрим, не сможем ли мы найти что-нибудь получше в наших возможностях.

Я нянчил мотор до тех пор, пока передние роллеры не стали медленно крутиться, потом повернул ручки контроля сцепления с поверхностью, и роллеры вцепились в дно. Мы стали двигаться вперед сквозь озеро ила. Потом дно превратилось в какое-то корыто, а потом дно стало снова медленно подниматься, только для того, чтобы снова опуститься — словно на дне лежала череда холмов.

— *Как дела у Лори?* — *окликнул я через плечо.* Минутой позже Дарла вышла вперед.

— Она все еще без сознания. Явно контузия, но зрачки отвечают на свет. Но никогда нельзя с уверенностью говорить... — ее перебил вопль Лори, и она бросилась назад.

— Сэм, каким образом с тобой оказалась Винни? — спросил я.

— Я собирался задать тот же самый вопрос. Тут вокруг меня шныряла целая куча матросиков, а она, должно быть, пробралась каким-то образом между ними. Я все время слышал какой-то слабый стук, но никак не мог понять, что это такое, а на наших мониторах ничего не было. Поэтому я решил рискнуть и приоткрыл кабину. А Винни забралась вовнутрь.

— Поразительно, — сказал я.

Обращаясь к телеологистам, я сказал:

— Кстати, люди, вы все большие молодцы — большое вам за это спасибо. Но каким, черт возьми, образом вы поняли, где меня искать?

— А мы и не знали, — сказал Джон. — Но Дарла рассказала нам про Уилкса и твои приключения. Она не так много нам сказала, что-то насчет диспута между твоей гильдией водителей и другой организацией. Но когда Дарла пропала, мы дали как следует на чай нескольким стюардам, и кое-кто из них помог нам получить сведения. Мы их не так много получили, но

мы нашли номер каюты Уилкса. Мы решили, что произошло самое худшее.

— Опять же, большое спасибо.

— Ей-богу, ничего особенного. У меня был только небольшой сердечный приступ.

— Джейк,— сказал Сэм,— если только я не особенно ошибаюсь, мы, кажется, поднимаемся.

Катящиеся холмы еще несколько минут продолжали колыхаться под нами, потом дно моря стало подниматься, ил уступил место грязи, а потом утоптанному береговому песку. Мы были в зоне прилива. Никакой растительности, о которой можно было бы говорить.

Лори перестала вопить и стала плакать. Она вспомнила ретикулянцев. Дарла и Сьюзен успокаивали ее.

Прошло еще примерно полчаса, прежде чем мы добрались до берега. Я вывел машину сквозь волны-барашки на сухой песок. Потом закатил ее за дюны и остановился. Фары я выключил, как только мы выбрались из воды. Потом я выбрался из машины.

Примерно в десяти километрах от берега «Лапута» пылала оранжевым пламенем на темном горизонте. Я уселся на песок и стал смотреть, как она горит.

Наконец в моем сознании приобрело очертания лицо, которое было все это время в моей памяти пробелом: лицо кого-то, кто наклонялся надо мною в камере в отделении милиции. Это было мое лицо.

Я сам.

Глава двадцать четвертая

Это была мужественная заря, край диска расплавленного солнца только показался из-за горизонта над исчезающим краем Космострады. Земля была плоской, поразительно, замечательно плоской равниной, такой, какие очень любили строители Космострады. Пленка низенькой, ржавого цвета травы покрывала все от неба до неба, рассеченного надвое черной лентой Космострады, отважная заря, безоблачная и ясная.

Мы отдыхали перед тем, как двинуться дальше. Мы провели всю ночь, отыскивая дорогу с помощью Винни, а теперь она водила пальцами с карандашиком по листам грузовых накладных, рисуя свои картинки. Роланд научил ее, как правильно пользоваться карандашом. Он и телеологисты смотрели, как она рисует, сидя с нею вместе на траве у дороги. Парень из шевроле был в кабине, присматривая за Лори, которая теперь чуть поуспокоилась и стала менее истеричной. Я велел ему присматривать, чтобы она не уснула. Похоже было на то, что с ней все будет в порядке.

Все было тихо, совсем не было ветра, а земля была пуста вокруг нас. Перед зарей мы увидели в стороне от дороги какие-то огоньки. Наверное, это были фермы, но их было очень мало. Земля пока была еще девственная.

Я отвел Дарлу в сторону.

— Расскажи мне по возможности короче, Дарла. Кто ты? И что ты такое?

— Меня зовут Дарья Ванс,— сказала она, потом глубоко вздохнула.— Здравствующая дочь покойного доктора Ван Вик Ванса.

— И законная супруга Григория Петровски. Нет?

— Григория Васильевича Петровски. Да. Вернее, его вдова.

— Это что, горе? А может быть, надежда?

— Ни то, ни другое,— ответила она тихо.

— Ладно, примерно это я и сам знал. Чего я не знаю, так это того, у кого карта Космострады.

— Ты имеешь в виду настоящую карту?

— Я имею в виду ту, которую я привез. Это была не Винни.

— Нет, не Винни. Вот почему я готова была отдать ее Уилксу в обмен на твою жизнь.

— Но разве карты Винни не точные?

— Я этого еще не знаю. Кажется, довольно точные. Джейк, ты не понимаешь. Винни для меня была полной неожиданностью, и когда я сконтактировалась с диссидентской сетью на Голиафе, никто про нее не знал.

— Контакт. Это не Петровски?

Иронический горький смешок.

— Нет.

— Почему ты стреляла во флиттер?

— По тем причинам, о которых я тебе уже говорила.— Она повернулась, чтобы посмотреть на рассвет.— И, конечно, я не хотела попасть Григорию в плен.

— Попасть к нему в плен?

Она внимательно и напряженно посмотрела на меня, ее маленькие ноздри раздувались.

— Ни одного разу за все это время я не работала на Григория.

Я уселся на траву.

— Дарла, почему ты не начнешь сначала? Расскажи мне историю своей жизни.

Она рассказала мне все. Примерно три года назад она была выпускницей университета в Циолковскиграде, она вступила в движение диссидентов, сперва она занималась этим не особенно серьезно, потом глубоко прониклась их задачами. Она обнаружила, что движение было организовано гораздо сильнее, чем она считала. Но, как и большинство революционных движений, оно было ограничено небольшими кадрами активистов, в этом случае обычным набором довольно богемной публики,

которой много вокруг университетов: всякие художники-неудачники, исключенные студенты, странные типы и всякое такое. Вместе с ними были и подлинно идеалисты, молодые студенты и серьезно преданные делу люди. Из этого интеллектуального центра движение расходилось, как спицы колеса, по колониям, где включало в себя людей самых различных образов жизни, самых своеобразных представлений. В политическом отношении это движение было весьма пестрым, куча разных идеологий, от свиномордых и консервативных правых до бородатых и швыряющих бомбы левых. Они включали в себя все оттенки политических учений, которые можно было найти между этими двумя крайностями, даже религиозные группы. (Уилкс частично был прав, подозревая телеологистов, хотя Дарла была почти уверена, что у них нет никакого формального соединения с движением). Потом, на одном из приемов, которые устраивал ее отец, Дарла встретила Петровски, который немедленно ею заинтересовался. Интерес, однако, не был взаимным. Как бы там ни было, диссиденты решили, что будет просто замечательно, если у них будет возможность иметь пару собственных ушей в постели с милицейским офицером разведки высокого ранга. Дарлу спросили, не пожертвует ли она собой. Она была готова на все. Не прошло много времени с момента подписания брачного контракта, как к Дарле пришли начальники ее мужа и попросили ее стать осведомителем — попросили, собственно говоря, доносить как раз на тех друзей, которых подозревали в том, что они попали под влияние движения. Почему-то, возможно, из-за того, что отец Дарлы был такой видной фигурой, им не пришло в голову, что сама Дарла может оказаться диссиденткой. Почему бы ей восставать против собственного отца и ее класса? (То, что бюрократия была социальным, общественным классом, не вызывало сомнений, хотя говорить об этом таким образом было бы политической ересью). И разве она не вышла замуж за члена правительства?

— Иными словами, ты стала чем-то вроде двойного агента?

— Правильно,— подтвердила она.— Именно на это и надеялось движение. Теперь мы оказались в таком положении, что могли давать дезинформацию властям.

— Порядок,— сказал я.— Теперь, как я понял, карта Космострады — это реальность, как и мое путешествие во времени обратно. Ладно. Когда я вернулся обратно? И кому я отдал карту?

— Примерно восемь месяцев назад ты ворвался в кабинет члена Ассамблеи Марсии Миллер и положил карту ей на письменный стол. Мне кажется, твои точные слова были: «счастливого дня рождения, лапочка».

— Я так сказал? И это все?

— Нет, иначе она просто приняла бы тебя за помешанного. А эта штука осталась бы на ее столе только в качестве пресспапье. Ты упомянул мое имя. И то, что ты знал про меня, насчет моего двойного агентства, и что ты знал все «насчет движения диссидентов»,— и ты сказал ей, какой ценности был тот объект, который ты положил ей на стол.

— Погоди минуту. Ее кабинет был без подслушивающих устройств?

— В то время да, по крайней мере, мне так сказали. А поскольку власти не схватили ее и карту немедленно, вероятно, так оно и было.

— Ладно. У меня есть еще вопросы относительно карты, но сперва дай мне прояснить кое-что еще. Каким образом тебе дали задание меня найти? И кто тебе велел это сделать?

— Сеть движения. Примерно в то же самое время, когда ты появился на сцене, мое положение по отношению к властям стало невыносимым. Мы узнали, что проникновение властей в нашу организацию было очень глубоким, факт, который даже я не была в состоянии открыть, но ты должен помнить, что моя главная задача состояла в том, чтобы распространять у властей самые ложные сведения о движении. Когда моя деза стала выделяться на фоне правильных сведений, как дерево на болоте, я была скомпрометирована. Я должна была уйти в подполье.

Она слабо улыбнулась и покачала головой.

— Неправильно. Нет подполья как такового. Я просто ударилась в бега по Космостраде, как делает каждый, кто не хочет, чтобы его схватили.

Она осторожно провела руками по траве.

— Это было тогда, когда Григорию дали это задание.

— И когда твой отец стал персона нон грата?

— Нет. Эти его проблемы старше.

Я обдумывал все это, потом сказал:

— Есть один большой вопрос. Когда ты в первый раз села в мой тяжеловоз, почему ты вела себя так, словно мы уже встречались раньше?

— Я не притворялась. Первый раз был тогда, когда ты отдал карту Миллер, примерно через два месяца после этого. Мы за тобой следили. Почему-то это оказалось очень легко, и, с тех пор, как мы познакомились, я не могу отделаться от впечатления, что тебе хотелось, чтобы за тобой следили.

— Куда я отправился?

— С планеты на планету, без особого специального маршрута.

— Я был один?

— Да. Только ты и Сэм.

— А ты пыталась выведать у меня насчет карты и всего такого, но ничего у тебя не получилось?

— Вот именно. Я бросила это занятие и удрала от тебя, тогда мы в основном прекратили наблюдение. К тому времени наши технологи смогли разобраться с тем предметом, который ты нам передал. Тогда им стало ясно, что это продукт неизвестной технологии.

— Но они не были уверены, что это карта?

Она кивнула.

— Они-то как раз были уверены. Но природа закодированных там данных настолько сложна, что практически невозможно их расшифровать. К тому времени оказалось, что почти все во вселенной знают про тебя и карту ну буквально все. Потом нам донесли, что тебя видели в Гидранском лабиринте. Тебя проследили оттуда до Бернарда, где ты взял груз, тот, который сейчас везешь. Мы обнаружили, что ты собирался доставить его в Ураниборг. На пути ты подхватил меня во второй раз. То есть в первый.

Парадокс оказался реальностью.

— А как Уилкс впутался во все это?

Она опустила глаза.

— Через меня. Я рассказала моему отцу про карту.— Она виновато поглядела на меня.— Власти стягивали петлю все туже. Недавно были целые волны арестов. Про это ничего не говорили в новостях, только слабые намеки. Эту карту, как горячую картошку, передавали из рук в руки, нигде она долго не задерживалась, иногда все делалось за считанные минуты до стука в дверь. Казалось, что карта в конце концов окажется в руках властей. Именно тогда я ему сказала. Он собирался взять меня с собой — сюда.— Одинокая слеза скатилась по щеке.— Я пыталась спасти его... я пыталась спасти движение... и то и другое... я...— она упала на траву и стала горько плакать.

Я дал ей выплакаться, потом взял ее за плечи и поднял с травы, осторожно отвел ее руки от лица.

— Мне нужно узнать еще одно, Дарла. Что это? Сам предмет, я хочу сказать. И у кого он теперь?

На нее спустилось спокойствие. Она перестала дрожать, и дыхание ее стало медленнее. Она пригладила волосы и привела в порядок одежду, потом глубоко вздохнула. Потом протянула руку к своему рюкзаку, вынула обыкновенную косметичку и открыла крышку. Там были всевозможные краски для лица, вполне пригодные для тех масок-кабуки, которые женщины нынче рисуют на своих физиономиях. Такую косметичку жена высокопоставленного лица из властей вполне может взять с собой в оперу. Она запустила в ящичек два пальца и вытащила черный предмет. Она вытерла его рубашкой из рюкзака, потом положила его мне в руку. Это был черный-пречерный кубик с ребром примерно в пятьдесят миллиметров.

— Вот, Джейк. Теперь он у тебя.

Я ошеломленно таращился на эту штуку. Цвет был такой

глубоко черный, какого я никогда раньше не видел. Из него не получилось бы пресс-папье. Он был легким, как воздух.

— Тронь два любых ребра и получишь последовательность бинарных чисел, которые появятся сериями. Никто пока не сообразил, как эта штука работает, но, вероятно, это многомерная система координат. Нет сомнений, что, если просто касаться ребер, мы вряд ли получим полноценную информацию.

Я поднялся на ноги, потрясенный так, что не мог говорить, я только покачивал головой.

— Я знаю,— сказала она,— это замкнутая петля. Парадокс. Будущее «я» дает тебе — прошлому «я» — что-то, что оно получило от будущего «я», когда оно само было прошлым «я»... это классическое противоречие. Но откуда эта штука взялась сперва? — Она встала, подошла ко мне и положила руку мне на грудь.— Никто не запланировал этого события таким образом. Мы бросили попытки выяснить что-то из этого кубика. И всего несколько дней назад, когда власти наконец стали работать над тем, что они вытащили из Миллер, которую они подвергли дельфийской серии, не было никого, кто бы мог взять карту, кроме меня. Я не могла оставить кубик где-то. Когда ты меня подобрал во второй раз, я не была уверена насчет парадокса. Тогда это просто были слухи. Я думала, что ты... что ты тот самый «я», который отдал кубик. А ты оказался другим.

Я отошел от Дарлы, потрясенный, держа кубик так, словно он собирался взорваться у меня в руках. Не знаю, сколько времени я смотрел на него просто так. Потом я сообразил, что рядом стоят Винни и остальные.

Роланд подошел ко мне с возбужденным выражением на лице.

— Джейк, это фантастика! — бормотал он.— Карта Винни, я имею в виду. Тут есть кольцевой проезд, Джейк. Он охватывает Галактику. Он по спирали доходит до самого ядра. И, насколько я могу судить, примерно в десяти тысячах световых лет есть соединение, которое связывает Космостраду с местной группой,— он схватил меня за плечи.— Местная группа! Джейк, ты можешь поверить, что эта дорога ведет прямо на Андромеду?

Он прищурился на кубик в моих руках.

— А это что еще?

Я не ответил и отошел прочь.

Солнце теперь наполовину взошло, раскрасив небо в розовый цвет обещаний, и черная дорога упиралась прямо в него.

АВТОСТРАДА ЗАПРЕДЕЛЬНОСТИ

Памяти Джина де Ченси

Глава первая

Там они и были — Деревья на Краю Неба.

Так их звала Винни. Остальные люди звали их по-разному: объекты Керра-Типлера, таможенные будки, некатастрофические единицы, портальные колонны...

Я-то всегда звал их цилиндрами. Они и были цилиндрами, некоторые такие огромные — высотой до пяти километров. Они выстраивались по обеим сторонам дороги, словно невероятно крупные дорожные указатели, невозможно черного цвета, чернее, чем межзвездное пространство, которое они искривляли, искажали и склеивали по желанию своих создателей и для нашего блага. Все в них было невероятно. Говорили, что они вращаются с невероятной скоростью, хотя их гладкие поверхности не давали тому никакого подтверждения. На них провели несколько экспериментов, измеряя допплерову переменную входящих частиц и хокинсову радиацию исходящих. Но колониальные власти наложили почти постоянный запрет на публикацию данных и даже теоретических работ, которые касались порталов. У нас только ходили всякие слухи про них. А слухи были такими: результаты были невероятными и невозможными.

Их скорость вращения оказалась больше, чем скорость света.

Так не могло быть, но именно так и было.

— Какая у нас скорость, Сэм?

— О, вполне прилично плетемся вперед. Если подвинешь взгляд на пару миллиметров вправо, то и сам прочтешь все данные.

— Ты же знаешь, я не могу считывать показания инструментов и вести тяжеловоз в одно и то же время.

— Господи помилуй, а я-то собирался предложить тебе жевательной резинки...

— Кончай молоть чушь, Сэм.

— Ай-яй-яй, да разве так можно разговаривать с родным отцом? — Тут Сэм сочно фыркнул своим плавно-скрипучим голосом, если только можно так нелепо описать его голос.

Это, к сожалению, единственный способ, каким я могу его

описать, этот звук. Он никоим образом не напоминает голос моего покойного отца, разве что эмоциональной окраской и интонациями. У меня никогда не было времени записать голос Сэма, чтобы упорядочить схему звуковых волн после того, как я заказывал матрицу для компьютера.

А Сэм продолжал:

— Мы как раз на борозде. Забудь о цифрах. Я поставлю ее на постоянную скорость.

Я посмотрел на показатели различных приборов, строки цифр, которые висели в воздухе у меня перед глазами по обе стороны от моей линии взгляда. Они были расположены так, что могли спрятаться за слепыми точками сетчатки, и на первый взгляд не мозолили глаз. Однако если посмотреть на них прямо, они становились хорошо видны. Обычно я их выключал. Если только чуть повернешь голову, они больше всего напоминали вредных светлячков, которые мельтешат перед глазами.

— Ладно, замечательно. Все привязались?

Роланд Йи был на сиденье стрелка.

— Проверю,— сказал он.

— Мне кажется, нам тут вполне безопасно, я имею в виду сзади,— доложил Джон Сукума-Тейлор.

Я рискнул посмотреть назад. Сьюзен Дархангело и Дарья-Дарла Петровски, в девичестве Ванс, сидели в ремнях безопасности на заднем сиденье. Пятерых кабина вмещала без всякого неудобства. Я слышал крики и брань в кормовой кабине — там было маленькое жилое пространство, которое использовалось для длительных перегонов.

— Эй, Карл! — проорал я.— Лори там привязана?

— Пытаюсь скрутить ее, как свинку, которую тащат на базар... Да дай же ты мне свою чертову лапу!.. Такое ощущение, словно кошку связываешь!

— Лори! — заорал я.— Будь хорошей девочкой!

— Со мной-то все в порядке. Ради бога! Пустите меня...

— Поймал!

— Со мной все в порядке, говорю тебе!

— Послушай, у тебя была контузия,— сказал ей Карл.— А теперь веди себя как следует, потому что останется только завернуть тебя в пеленки и перевезти с остатками груза там, в трейлере.

— Пошел ты на...

— А ты думаешь, я не знаю, что означает это старинное выражение? Тебе постыдиться надо такого языка, ведь ты девушка...

— Долбала я тебя!

— Ай-яй-яй, как нехорошо! И ведь такая хорошенькая.

Я настоял на том, чтобы Лори привязали к моей койке, на время наших проскоков через портал. Она получила отвратите-

льный удар по голове на Плеске, во время нашего бегства из морского чудовища Фионы. Я не хотел никак рисковать. Проскок через портал иногда бывает не самым приятным и легким, а пока что нам совсем не было ясно, насколько Лори в порядке. Она жаловалась на головные боли. Вполне нормально, но я хотел быть уверен в том, что происходит. За ней нужен был глаз да глаз. Как бы там ни было, нам надо было спешно удирать с Плеска, а следующая планета на дороге, Снежок, вполне оправдывала свое название. Никто и практически ничто там не могло жить. Теперь мы находились на планете, которую поэма путешественников, прочитанная Винни, называла Землей-где-не-на-что-смотреть. Так, по крайней мере, перевела эти слова Дарла. Ну что, Винни, очень метко. Планета — по крайней мере, эта ее часть — была очень похожа на старые фотографии Марса, над которыми я часами в детстве проводил время. Это была планета огромных равнин, забросанных булыжниками и галькой, между которыми был насыпан песок. И так бесконечные километры. Кроме того, что песок был зеленовато-серый, а не сочный, инопланетный красный, очень похоже на Марс. Но тут жили и люди. Наверное, люди, такие, как мы, если почтовые купола могут с точностью сказать, что тут проживают гомо сапиенс.

Это была Консолидация Внешних Миров, лабиринт планет, связанных между собой Космострадой, но с них не было дороги обратно на земной лабиринт.

Нет пути домой.

Но я пока об этом не думал. Один из моих проклятых светлячковых приборов мигал желтым.

— Это что еще за черт, Сэм?

— А это проклятый левый передний роллер, Джейк. Каждый раз, когда мы переходим в режим прохода через портал, он упорно ведет себя не так, как надо. Так продолжается уже пару месяцев. Ты бы знал про это, если бы снизошел до того, чтобы время от времени посматривать на приборную панель.

— Я этого не заметил. Ты прав, я слишком полагаюсь на свое везение. Как тебе кажется, нам надо останавливаться?

— По книжкам — положено.

Я посмотрел через иллюминатор на холодную и неприветливую равнину.

— И что мы там будем делать?

— Я только говорю тебе, как положено делать по книжкам.

— Ну ладно, нам придется рискнуть. Пока что все получалось.

— Замечательно. Но если колесо завиляет и сомнется, как пончик с кремом, пока мы летим через портал, не говори, что я...

— ...не предупреждал, — закончил за него я. — Правильно, Сэм, у тебя есть алиби.

— Мне-то все равно, как ты понимаешь. Я уже помер.

Дорога впереди стала черной лентой, ведущей прямо через цилиндры. Они возвышались впереди, их верхушки были увенчаны облаками на зеленоватом фоне неба. Они были черными, абсолютно черными, их поверхности совершенно лишены были света. Становилось почти больно, если смотреть на них прямо. Больно не физически, а философски. Смотреть на Абсолют всегда неприятно. Мы слишком привыкли уклоняться от прямоты, искать убежища в щелях между вопросами, вещами и оттенками значений. Нам хорошо, если мы видим вселенную в оттенках серого. В категорической тьме можно увидеть всякие страшные возможности, если только остановиться и смотреть, и думать.

Одно хорошо: никому не хочется останавливаться и философски рассматривать портал. Тогда ты можешь слиться в абсолютном и весьма неприятном единстве со своим объектом философских мыслей.

— Дарла, как Винни описывает следующую планету на пути?

— М-м-м... Земля-как-дом-но-не-совсем-похоже. По-моему, так.

— Это что означает? Джунгли? Ну ладно, наверное, нет смысла ее расспрашивать,— ответил я наполовину сам себе.— Просто хотелось бы, чтобы там была хоть какая цивилизация. Мне хотелось бы, чтобы Лори прошла медицинское обследование.

— А Лори что-нибудь знает про эту часть внешних миров?— спросил Джон.

— Нет,— ответила Дарла.— Она сказала мне, что она мало что видела, кроме своей родной планеты и Плеска.

— Ну ладно,— сказал я.— У нее не будет никаких хлопот с тем, чтобы добраться на Плеск, если она сама того захочет. Разве что это тоже неизвестный портал.— Я посмотрел на монитор заднего обзора. За нами все еще было дорожное движение.— Но я не могу поверить, что все эти люди следуют за нами в неизвестность. Портал должен куда-то вести.

— Нам всем приходится принимать решение насчет того, куда мы направляемся,— сказал Джон.— Стоит только остановиться...

— Если впереди есть обочина, куда можно съехать, я обязательно это сделаю, чтобы мы могли обговорить наши дальнейшие планы.

— Я бы просто мечтала выйти и размять ноги,— простонала Сьюзен.— Мне кажется, что мы вот так едем целые века.

— А это просто были необыкновенно длинные перегоны между порталами,— сказал я.— Интересно, почему?

— Судя по силе тяжести,— вставил Роланд,— и очевидному

расстоянию до горизонта, я бы сказал, что Снежок и эта планета, куда мы едем, миры с низкой плотностью. Может быть, порталы должны быть расположены так, чтобы уравновешивать массу планеты,— он пожал плечами, посмотрел на меня.— Просто догадка.

— Может быть,— согласился я.— Мы в последнее время довольно много думали о порталах, Сэм и я... Космострада, цилиндры, как работает вся эта система. Никогда раньше на самом деле об этом не задумывались.

— Все принимают Космостраду, как должное,— сказал Джон.— Это просто часть ландшафта.

— Нельзя нам быть такими самодовольными и спокойными,— сказал смущенно Роланд.

— Правильно,— согласился я.

— Если бы я никогда больше в жизни не увидела этой чертовой дороги...— пробормотала Сьюзен, покачивая головой.

— Я этому полностью сочувствую,— сказал Джон.— Мне кажется, мы уже все устали от дороги,— он хохотнул.— Разве что кроме Джейка. А те, кто водят звездные тяжеловозы, когда-нибудь устают от путешествий? А, Джейк?

— Еще бы! Но после нескольких лет словно немеешь внутри. Однако по большей части мне это нравится. Мне нравится дорога.

Маркеры начала въезда уже появлялись на дороге. Тут они были сделаны в виде металлических столбов, покрашенных белым, по обе стороны Космострады. Строители Космострады не ставили их — это местное население решило таким образом отмаркировать, где именно начинается полоса, на которой опасно отклоняться от прямой линии или останавливаться. Там, дома, в земном лабиринте, да и в большей части лабиринтов, где мне приходилось бывать, маркеры были более тщательно выполнены — мигающие огни, голограммы и всякое такое.

Я проверил инструменты и приборы слежения. Все выглядело так, как надо.

Как раз в тот момент, когда я перевел глаза, чтобы посмотреть на тот сигнал, который мигал желтым, он внезапно замигал ярко-красным.

— Джейк,— тихо сказал Сэм.

— Вижу. Слишком поздно останавливаться. Черт...

— Нашел время...

— Что-нибудь случилось, Джейк?— спросил Джон.

— Да так, мелочи. С нами все будет в порядке.

Я на это честно и яростно надеялся. Красный огонек не означал, что колесо совсем отказывается слушаться — как мы говорим, засахаривается. Это означало бы, что с ним происходит мгновенная кристаллизация, которая превращает покрытие сверхмощного сцепления в белый плотный порошок. Одна-

ко это грозило нам в любой момент. Может быть, прямо сейчас. Может быть, через два дня. Невозможно было предсказать.

Мы пролетели мимо маркеров въезда и мчались к первой паре цилиндров. Коридор безопасности, узкая полоса земли, обрамленная широкими белыми полосами, разворачивалась перед нами. Попробуй только пересеки одну из этих линий — и ты покойник. Тяжеловоз трясся и стонал, пойманный в тонко сбалансированные гравитационные паутины вокруг нас.

— Держи ее ровнее, Джейк, держи машину! — предупредил Сэм.— Будь готов к тому, что резко занесет вправо.

Тяжеловоз задрожал и подбросил нас на сиденьях.

— Тяжелый портал,— откомментировал Сэм.— Просто нам так везет.

Я почувствовал рывок невидимой руки, которая потащила тяжеловоз влево. Я поправил движение, вдруг рука отпустила нас, отправив по инерции резко в противоположную сторону. Но в этих вопросах я был ветераном. Я не стал преувеличенно реагировать, не поворачивал руль бессмысленно резко. Портал был немного суровым, но нам попадались и похуже. Если только роллер нас не подведет.

Цилиндры промаршировали мимо нас, ровная процессия темных монументов. Между ними — я знал, но не мог посмотреть — вид всей равнины исказился, словно в зеркалах комнаты смеха.

Это была работа гравитационных полей.

Впереди был сам выход, расплывчатое пятно пустоты, которое сидело как бы верхом на дороге. Мы помчались прямо туда.

Глава вторая

Мы проскочили.

Больной роллер все еще не сделал нам пакости, был чист и нетронут, но красное предупредительное миганье осталось на панели управления по-прежнему. Я выключил приборы слежения. Потом сбросил скорость до пятидесяти километров в час, снял свой аварийный шлем с полки позади сиденья и надел его. Я редко надеваю его, хотя положено его носить. Эта штука нечто большее, чем просто шлем безопасности: там есть вубмикронные микросхемы почти на все случаи жизни — компьютерные, коммуникаторные, даже телеоператорная энцефалоподпрограмма, хотя остальную начинку я так и не купил. Мне больше нравится управлять машиной, когда я могу руками ее чувствовать. Мысль о том, что можно сидеть и управлять машиной просто своим капризом или альфа-волнами, заставляет меня нервничать.

Мы прибыли в мир, который совсем не был похож на родные джунгли дома у Винни, и мне стало казаться, что ее поэма путешествия содержит какие-то неточности, пока Космострада не вылетела с высокого плато, на котором мы были, и не стала вилять по сумасшедшим поворотам, снижаясь на равнину через горы. Я беспокоился насчет роллера, проходя повороты буквально на черепашьей скорости, мне не хотелось переключать сцепление роллеров с дорогой на большую величину, я все время помнил про то, что у нас неисправный роллер. На полной скорости и максимальном сцеплении с дорогой я пролетел бы туда с ревом на восьмидесяти километрах в час, но это означало бы, что у меня явно не все дома.

Лес был роскошным, но не тропическим. Деревья немного напоминали земные, но на расстоянии, однако листва была радикально другой, а цвета варьировали от глубокого бирюзового цвета до яркого аквамарина, причем кое-где в них вплетались краски алые и розовые, поэтому глаза не знали, какую длину волны принимать первой, и можно было окосеть, просто глядя на все это великолепие.

Однако у меня почти не было времени смотреть. Повороты становились все круче и забористее, и у меня были полные руки работы. Все остальные таращились из иллюминаторов, восторгаясь странной планетой необычных цветов.

Я заметил, что деревья были огромные, толстые прямые стволы возносились к небесам почти на сто метров.

— Замечательная страна для добычи древесины,— сказал Сэм.

— Надеюсь, тут есть лесорубы,— сказала Сьюзен.— И еще я надеюсь, что у них есть рестораны, где можно поесть, и гостиница, где можно остановиться, с замечательными большими кроватями, и...— тут она остановилась и вздохнула.— Не обращайте на меня внимания.

— Нам всем пригодился бы отдых, Сьюзен,— пожалел ее Джон.

Лори завопила что-то сзади, из кабины.

— Что такое, Лори?— позвал Джон.

— Я сказала, что я хочу писать так отчаянно, что у меня задние зубы шатаются!

— Эй, Карл,— начал я, потом сообразил.— Слушай, как твоя фамилия?

— Чейпин.

— А-а. Почему ты не отвяжешь Лори и не дашь ей пойти... О, черт! Сьюзи!

Сьюзи стала отвязывать ремни безопасности.

— Конечно.

Я замедлил ход почти до полной остановки, пока Сьюзи отправилась назад, чтобы убедиться, что Лори не шарахнется снова головой обо что-нибудь по дороге в туалет. Чейпин вы-

шел вперед из кабины, потому что там невозможно практически было уединиться.

Он совсем недавно присоединился к нашей компании. Собственно говоря, прошлой ночью. С тех пор он вел себя отменно, но почти не общался с нами, потому что следил за Лори. Я понятия не имел, насколько остальные сообразили, кто он такой и почему он с нами. Да я и сам не совсем понимал, что тут происходит.

Путешествие по Плеску заняло почти весь день, а дорога через Снежок и планету-на-которой-нечего-смотреть съела остальную часть времени. Все пытались время от времени поспать, и беседа как-то не клеилась. В тех разговорах, которые были, Карл почти не участвовал, за исключением самых общих замечаний. Все остальное время он переругивался с Лори.

— Настало время официально представить вас всем остальным, Карл. Как вам кажется? Вы уже всех видели?

— Вас-то я откуда-то знаю,— сказал он мне с усмешкой.

Я улыбнулся.

— А у меня сохранилось смутное воспоминание, что я спер вашу колымагу.

— О господи, та самая машина,— вспомнил Джон, ударив себя по лбу и закатив глаза к небу.— Где вы, во имя господа, раздобыли такое чудовище?

— А это Джон Сукума-Тейлор,— сказал я.— Джон, познакомься с Карлом Чейпином.

— Как поживаете? Немного поздно задавать такие вопросы, но я все равно очень рад познакомиться.

— Не вставайте. Я тоже рад познакомиться с вами, Джон. И... немного поздно говорить такое, но спасибо за то, как вы помогли нам прошлой ночью.

— Ради бога, на здоровье. Но за то, что все так хорошо прошло, скорее надо благодарить Роланда.

Роланд отстегнул ремни, встал и пожал Карлу руку.

— Роланд Йи. Рад познакомиться. Где вы, черт побери, приобрели такую машину?

Чейпин рассмеялся.

— Мне постоянно задают такой вопрос. Я купил ее у человека, который делает такие штуки на заказ.

— Это, наверное, не земная марка?

— Угу.

— А кто это делает такие машины?— спросил прямо Роланд.

— Ну...

— Технология просто фантастическая. Вы просто не могли получить такую штуку ни от одной известной расы на Космостраде.

Тон Роланда был даже немного обвинительским.

— Роланд,— сказал Джон,— мне кажется, ты немного того...

— Простите,— быстро поправился Роланд.— Просто все дело в том, что наши приключения с вашей машиной были, мягко говоря... ну, неприятными.

Джон кивнул.

— Да, это еще мягко сказано.

— Могу себе представить,— сказал Чейпин,— но вам не следует красть вещи, которые вам не принадлежат.

— Я угнал машину, Карл,— сказал я.— А их тоже похитил.

Чейпин поморщился и смутился.

— О! Простите.

— Довольно естественная ошибка,— сказал добродушно Джон.— Вы же не могли знать.

Я отъехал на обочину дороги, остановился, чтобы подождать, пока Лори там управится, а все остальные решат наконец сесть и продолжат свою болтовню. Нам не хватало сиденья и привязного ремня для Чейпина, но он всунулся позади моего сиденья, присел на ящик с инструментом и крепко ухватился за ременную петлю для рук. Сьюзи даже сумела уговорить Лори снова лечь. Лори на сей раз не протестовала, по крайней мере, если и протестовала, то не так активно.

Мне кое-что пришло в голову.

— Где Винни?— я не видел ее уже несколько часов.

Все стали кричать и звать ее.

Вдруг мы услышали, как открывается дверь сауны. Винни вылезла на свет божий, потирая глаза кулаками, почесывая свой волосатый животик, одаряя нас всех своей уморительной гримасой-улыбкой.

— Тут! Винни тут!

— Это Винни!— сказал я Чейпину, обернувшись к нему.— Винни, это Карл.

— Привет, Винни!

— Пьивет! Пьивет!

Чейпин протянул ей руку, и Винни ухватилась за нее, ее лапка с двумя большими пальцами крепко ухватила руку Карла.

— Откуда ты, Винни?— спросил Карл.

Винни показала большим пальцем себе за плечо, сделав универсальное движение, которое должно было означать «далеко-далеко».

Все рассмеялись. Мы все приехали очень издалека.

Винни уселась на колени Дарле, но как только она увидела, что Дарле трудновато будет держать на коленях ее вес, она перепрыгнула на колени Джону, прижавшись к нему. Маленький рост и хрупкость Винни были обманчивы. В ней было полно веса.

— Значит, ты встречалась с Карлом?— спросил Джон Дарлу.

— Да, мы с ним прошлой ночью разговаривали. Но я из него не много вытянула,— она улыбнулась Карлу.

— И я тоже,— сказала Сьюзен, пристегиваясь.

— Что-то мне сдается, он очень старался познакомиться с женщинами,— откомментировал я.

— Я совсем не хотел показаться таким скрытным,— сказал Карл. Однако ничего больше не объяснил.

— Ну вот, поехали,— объявил я и потихоньку стал набирать обороты мотора. Потом тяжеловоз сам тихонько покатился по крутому склону.

Движение свистело мимо нас, два спортивных автомобиля с шиком проносились на поворотах, блея клаксонами свое возмущение огромным тяжеловозом, который оказался у них на дороге. Чуть дальше вниз повороты стали полегче, и у меня появилась возможность посмотреть на окружающие нас пейзажи. Небо было темным, по нему ползла толстая пелена зеленовато-лиловых облаков. Тут и там крупные крылатые существа взмывали над вершинами деревьев, время от времени опускаясь на высокие ветви кроны. Вокруг никаких более крупных форм жизни.

Все это было очень красиво и абсолютно чужеродно. Дорога выпрямилась и пошла прямее, следуя длинным коридором, усаженным высокими деревьями по обеим сторонам. Между массивными черными стволами даже в смутном свете видно было, как рос обильный подлесок. И мне припомнились несколько строк...

Леса прекрасны и темны,
А мне не спать, не видеть сны:
Я еду, мили так длинны,
А грузы в кузове нужны
Для всей планеты, всей страны...

Если дорожные байки содержат хоть крупицы правды, ехать мне еще годы и годы. Световые. По какой-то необъяснимой и непостижимой причине я стал героем самой дикой и фантастической легенды на Космостраде. Я знал ее только в общих чертах, но никто не пересказал мне ее полностью. Это был рассказ о человеке, вашем покорном слуге, который преодолел Космостраду прямо до самого конца и вернулся обратно. Но, поступив таким образом, я парадоксально вернулся раньше, чем уехал.

В этом было и нечто большее. Я стал обладателем артефакта, карты Космострады, которая ясно и на все времена описывала все гигантские сложности Космострады и открывала дорогу, ведущую к потерянной цивилизации строителей Космострады и тайнам их феноменальной технологии.

И куда же вела Космострада, если я проехал по ней прямо до

ее так называемого конца? Как будто у системы дорог, связанных между собой в разных местах, может быть конец... она вела, как гласили байки, «к самому началу вселенной». Не к концу, понимаете ли, в прямом смысле — не в физическом смысле пределу вселенной, не к ее финалу, а к началу ее существования.

Когда я это услыщал — от Джерри Спаркса, старого друга и бывшего члена Гильдии Звездных Толкачей,— я спросил у него, есть ли там хороший мотель.

Начало вселенной.

Ба-бах!

Возьмите с собой солнечные очки. И еще не забудьте положить в чемодан кучу бутылок с лосьоном для загара. Первобытное солнце, пылая бешеным огнем, может вас прожечь прямо сквозь ваш новый пляжный костюмчик.

Как бы невероятно это ни было, теперь у меня была причина верить во все это. Совершенно верно, у меня были только уверения Дарлы, что она встретила меня раньше — встреча, которую я не помню,— но я еще и оказался теперь владельцем весьма странного объекта, природа которого была не ясна даже Дарле, которая мне его отдала. У меня был черный куб. Это все, что представляла из себя карта — черный кубик размером в ладонь, черный, словно сердце самого дьявола, происхождение и назначение неизвестны. Это могла быть пресловутая карта дороги, а могла и не быть.

Были и прочие доказательства. Там, на Голиафе, я осуществил свой побег из отделения милиции с очень своевременной помощью того, кого можно было посчитать только моим двойником во времени, моим парадоксальным «вторым я». Я был почти совершенно уверен в этом. Я его... то есть меня, видел. Верно, тоненькая ниточка сомнения все еще висела где-то на задворках моего сознания относительно того, видел ли я на самом деле лицо моего двойника, которое нависло надо мной, прежде чем я покинул камеру. Тогда я лежал в камере, а мне давали противоядие от эффектов ретикулянского жезла мечтаний...

Я уселся поудобнее на своем сиденье. Откуда мой двойник раздобыл жезл, которым он свалил всех, кто был в отделении милиции?

Я открыл ящичек под панелью управления. Там он и лежал, блестящий зеленый жезл с ярким металлическим кольцом вокруг одного конца.

Конечно. Вот как «он» оказался владельцем такого жезла. Теперь он у меня!

Я закрыл ящик снова. Господи, это было страшновато.

Может быть, в конце концов не надо было ни в чем сомневаться.

— Ура-а-а-а!

Возле дороги знак.

6 КМ ДО «ХЛИВКОГО ШОРЬКА»!!!!!!!
ЕДА!!!!
НАПЕЙСЯ ДО ПОТЕРИ СОЗНАНИЯ!!! МЫ ОТПРАВИМ ТЕБЯ ПО ПОЧТЕ ДОМОЙ, СОХРАНИМ ЗА ВАМИ ПОНРАВИВШУЮСЯ КОМНАТУ, КОТОРУЮ БУДЕМ КАК СЛЕДУЕТ УБИРАТЬ!!! СВЕРНУТЬ С КОСМОСТРАДЫ ЧЕРЕЗ 1 КМ И ЕХАТЬ ПО ДОРОГЕ № 22 НА ЗАПАД*

— О боже, постели...— сказала мечтательно Сьюзен.

— Знак на английском,— сказал Джон.— О, а вот и на интерсистемном. Странно, на интерсистемном он звучит совсем не так дружески и приветливо.

— Хливкий Шорек...— пробормотал Роланд.

«Дорога № 22» — я едва не пропустил ее, даже двигаясь на черепашьей скорости — оказалась грунтовой тропкой, которая пересекла Космостраду, а потом уходила дальше в лес. Я свернул и поехал по ней, подскакивая на ухабах и выбоинах, камнях и поваленных деревьях километров этак двадцать, и ни одного хливкого шорька не встретил. Ничто не попадалось на глаза, кроме леса, который казался совершенно заколдованным, словно в живых картинах, которые показывают в музеях, когда хотят рассказать вам о верованиях ваших старинных предков. Вот только ничего искусственного и придуманного тут не было: все было совершенно настоящим, инопланетным. Но не было никакого сомнения, что тут были владения эльфов, дриад, нимф и единорогов — или их инопланетных соответствий, которые из-за своей инопланетности наверняка стали бы еще чуднее, чем наша привычная нечисть.

Мы совершенно внезапно наткнулись на шорька. Это было крупное, приземистое здание в три этажа, которые были наставлены один на другой из огромных бревен и необработанных сырых досок, крытые дюжиной черепицы, а огромная веранда с навесом окружала все здание. На верхних этажах была масса маленьких окошек, и все сооружение, словно гвоздями, сбито десятком дымовых труб, которые кашляли тоненькими струйками черного дыма. Вырубка, сделанная в лесу, служила стоянкой для автомобилей, и вся она была заполнена необычными и странными машинами.

---

* Далее действие развертывается в мотеле, который стоит в местности, где писатель Льюис Кэрролл стал чем-то вроде национального героя. Мотель носит название странного существа из баллады Белого Рыцаря, которую Кэрролл поместил в книгу «Алиса в зазеркалье». Точно так же бар называется «Стрижающий меч», а братство Буджума и сестричество Снарка названы в честь героев «Охоты на Снарка», огромной поэмы, включенной в одно из изданий «Алисы». На русский язык переведены Н. Демуровой и И. Орловой. (*Прим. перев.*)

Но, в общем, во всем этом была бездна очарования. В тот момент для нас и дырявая палатка, в которой не было даже пола, показалась бы нам уютным домом. В воздухе носились запахи жареной пищи — я как раз собирался проверить приборы на панели насчет того, можно ли дышать нам этим воздухом, когда увидел двух здоровенных парней, которые с непокрытыми головами, пошатываясь, вышли из здания и направились к своей маленькой симпатичной, но странной машинке, вроде лендровера. Я опустил стекло иллюминатора и понюхал воздух. Приятные запахи, какие-то из них даже невозможно назвать, некоторые — вполне знакомые. Мне эта планета начинала нравиться.

— Кто-нибудь хочет есть? — спросил я.

— Можно что угодно, — сказала Сьюзен, поспешно отстегивая ремни, — и даже не беспокойся, есть ли соль.

Я и так уже устал от обедов в упаковках и лежалого провианта из холодильника Сэма.

Мы мгновенно выскочили из тяжеловоза, не теряя времени.

Скверный роллер выглядел весьма противно, на нем были, словно проказа, омерзительные белые пятна кристаллизации. С этого момента каждый метр, который он проедет, будет для него риском. Неважно, я был почти уверен, что неподалеку есть мастерская. Мы поставим запасной и не станем думать о том, каким плохим был прежний роллер.

Я стоял на краю стоянки, проверяя, как нам отсюда в случае чего бежать. Привычка. Еще одна автострада пересекала здесь дорогу № 22, еще одна дорога, связанная с лесопилкой, а может быть, это просто была, судя по виду, кроличья тропа. Мне трудно было сказать, что это было на самом деле. У Сэма была дорога, по которой он смог бы выехать в случае внезапной необходимости, но только в том случае, если никто не встанет рядом, блокируя ему дорогу. Судя, однако, по внешнему виду всех этих машинок, ему не составит труда спихнуть какую-нибудь из них в сторону, если понадобится. Чтобы оценить, насколько крупен Сэм, надо видеть его рядом с вашей маленькой четырехколесной машинежкой.

Я включил связь на ключе Сэма, продолговатой оранжевой коробочке, в которой есть радио среди всего прочего.

— О'кей, Сэм, похоже, мы тут останемся на ночь. С тобой все будет в порядке?

— Конечно, желаю хорошо провести время. И время от времени вызывайте меня. Оставь канал связи открытым.

— Хорошо. Я потом поговорю с тобой, когда мы поедим и проглотим пару кружек чего-нибудь холодненького, нам надо очень о многом поговорить.

— Отлично.

Я выключил пока что радио. Возле меня была Сьюзен, которая покачивала головой и цокала языком.

— Бедный Сэм,— сказала она.

— Чего?

— Он всегда остается на улице, ведь так? Это так грустно...

Я снова включил радио.

— Ты слышал, Сэм? Сьюзи думает, что тебе тут будет одиноко и скучно, если ты останешься один на улице. Она так беспокоится о тебе.

— Хм! О господи, что ей за меня тревожиться!

Сьюзен покраснела.

— Я не хотела... я имела в виду...

— У меня есть куча порнографических журналов, которые я еще не просмотрел, и еще... ну-ка, посмотрим... есть модель кораблика, которую я собираю в бутылке... надо еще написать благодарственные письма всем, кто прислал мне новые мыло и мочалку... надо бы и голову помыть... и, кроме того, я всегда могу заняться онанизмом...

Сьюзен с мукой поморщилась.

— Господи, вы оба совершенно невозможны! — она засмеялась и побежала прочь.

— Добро пожаловать на Высокое Дерево!

— Спасибо! — сказал я ширококостному крупному мужчине во фланелевой рубашке, который сидел у конторки в фойе.— Хорошее имя для этой планеты.

Глаза его блеснули.

— Мы целую ночь не спали, чтобы его придумать.

Я осмотрел вестибюль. Огромное помещение высотой в два этажа, потолок с открытыми темными балками. Ковры были сделаны из сшитых вместе шкур животных, мебель казалась вся ручной работы. Все украшения были вроде как деревенского стиля, но с большим вкусом.

— Шикарно вы тут все устроили,— сказал я.

Он раздулся от гордости и широчайше мне ухмыльнулся.

— Спасибо! Это моя гордость и радость. Построил большую часть того, что вы тут видите, своими руками.— Он подмигнул.— Конечно, мне немножечко помогли.

— Что и говорить, вы здорово с этим справились. Я-то ожидал что-нибудь гораздо более примитивное на такой маленькой планетке, как эта.

— Это одно из самых сложных бревенчатых строений на Высоком Дереве,— сказал он мне. Потом показал вверх.— Я придумал эти консольные балки сам. С местным деревом можно делать черт знает что, понимаете? Оно крепкое, как железо — высокая прочность на изгиб и разрушение.

— Интересно.

Постепенно вестибюль наполнялся людьми, по большей части это была молодежь. Ребята хохотали, шутили, орали и шутливо поддавали друг друга плечом. Они пили из глиняных кружек, выплескивая пиво на доски пола. Толпа показа-

лась мне избытком людей из бара, которые не нашли себе там места и выплеснулись в фойе. Бар назывался «Стрижающий меч».

— Я слышу, тут почти все говорят по-английски,— сказал я.

— У нас тут по большей части и живут потомки англичан,— ответил он.— Англичане, канадцы, австралийцы, куча ирландцев и прочие английские породы. Вы сами будете из американцев?

— Да, только уже так давно меня никто не называл американцем, и я сам отвык так думать о себе.

Он кивнул.

— Да, время идет вперед. Придет такой прекрасный день, и мы все станем «сабрами», как когда-то говорили в Израиле, то есть местными, аборигенами.

Он развернул ко мне регистрационную книгу.

— Как бы там ни было, я надеюсь, что вам понравится здесь, в «Хливком Шорьке». Если только распишетесь вот тут. Вы все вместе?

Я подписал страничку.

— Да. Какая тут местная промышленность?

Глаза его снова засверкали.

— Вас очень удивит, если я скажу, что лесная?

— Вовсе нет,— я посмотрел назад, через плечо на группку плотных молодых людей, которые пили пиво. Они все казались вылитыми из одной крепкой формы, которая вполне соответствовала типу лесоруба.

Мне отдали наши ключи от комнат. Они были сделаны из железа ручной поковки. Только два ключа: Винни и женщины в одной комнате, остальные в другой. Это была моя идея. Высокое Дерево было частью внешних миров, поэтому мои оставшиеся консоли были еще действительны, но я хотел сэкономить. У меня было небольшое количество золота, которое я мог обменять на свои деньги, поэтому надо было быть осторожным. Однако цены за комнаты были весьма ограничены и разумны.

— Есть возможность получить что-нибудь поесть?— спросил я.

— Еще слишком рано для нашей столовой, сэр. Наш повар за последнюю неделю преисполнился всяких фанаберий. Но у «Стрижающего меча» есть отдельная кухня, а там полным-полно еды. Большая часть тех, кто проживает в отеле, тут завтракают и обедают. Наверное, там сейчас полно народу.

— Что это такое?— спросил я, перекрывая шум голосов.— Это кто-то устраивает обед?

— Нет, сегодня праздник. Праздник Святого Чарльза Доджсона (настоящая фамилия Льюиса Кэрролла — *прим.*

перев.).— Он со знающим видом подмигнул мне.— Празднование началось довольно рано, дня три назад.

— Праздник Святого Чарльза...— начал Джон, потом взорвался хохотом. Мы все расхохотались. На многообразных национально-религиозно этнических мирах Космострады никто не мог согласиться с тем, какие праздники следует отмечать. Там, в земном лабиринте, те, которые официально установили колониальные власти, встречали самое пренебрежительное отношение к себе, и их отмечали только чиновники, которые в такие дни не работали. Возникла традиция отмечать спонтанные праздники, которые возникали из ниоткуда, просто так, от дурашливого настроения. Людям просто нужен был предлог повалять дурака, и в таких случаях годится самый прозрачный, самый невероятный предлог.

— Как только вы приведете себя в порядок,— продолжал парень за конторкой,— можете присоединиться к празднованиям, если хотите...

Я смотрел на веселящихся, потом повернулся снова к клерку, который смотрел на регистрационную книгу, в которой я только что подписал свое имя.

Он посмотрел на меня.

— Это вас действительно так зовут?

— Это то мое имя, которое я употребляю чаще всего.— Когда он не стал смеяться, я сказал:

— Я просто пошутил. Естественно, меня именно так и зовут.

— Вы Джейк Мак-Гроу? Тот самый Джейк Мак-Гроу?

Снова моя необъяснимая слава расписалась в этом мотеле раньше, чем я в него приехал.

— Я единственный Джейк Мак-Гроу, которого я знаю.

— У вас есть бортовой компьютер по имени Сэм?

— Угу.

— Понятно,— сказал он, задумчиво кивая. Он повернулся, но продолжал смотреть на меня искоса, словно не был уверен в чем-то важном.

Это была его проблема. А вот то, во что он в конце концов поверит — как бы не оказалось это моей проблемой.

Глава третья

Наши комнаты на третьем этаже были примитивны, но опять же, в грубой обшивке стен, маленьких оригинальных лампах и ручной работы мебели было сплошное своеобразное очарование, отдающее стариной. То же самое можно было сказать про каждый предмет в этих комнатах — кровати, ночники, ширмы и стулья.

Почему-то Сьюзен не понравилась ее кровать, хотя кровати

в целом были просто очаровательны. На изголовьях были вырезаны цветочные мотивы.

— Кровать вся в шишках,— жаловалась она,— и простыни серые.

— Потерпи, принцесса,— дразнил ее Роланд.— Мы потом вытащим горошинку из-под матраса.

— Почему-то все мои знакомые — комедианты. Пойдемте поедим.

Все они спустились вниз. На обратной стороне двери в комнату было большое зеркало, и я остановился, чтобы осмотреть себя в зеркале. На мне было то, что в моем понимании вполне можно считать официальным платьем: моя кожаная куртка звездного снабженца замечательного покроя, с кантами по всем швам, с маленькими карманчиками, по которым пущены всюду, где можно, молнии. Обычно я одеваюсь в средней степени неаккуратно, но все мои обычные тряпки нам пришлось бросить на различных планетах. Эта куртка и рабочие штаны составляли практически весь мой гардероб, если не считать шорты и всякие такие штуки, которые человек обычно надевает на себя, только когда у него свободное время и он один. Куртка заставила меня почувствовать себя слегка не в своей тарелке, потому что придавала мне смешной пижонский вид. Я выглядел как кадет космической школы.

Я прошел по узким ступеням к холлу, где вся остальная компания в полном сборе поджидала меня. Мы пошли в «Стрижающий меч». Теперь в холле было даже больше народу, чем раньше, они все пытались, но тщетно, пробраться внутрь бара. Как только мы присоединились к толпе, тот клерк, который сидел за конторкой, перехватил нас.

— У нас для вас и вашей компании есть столик, мистер Мак-Гроу. Если вы соблаговолите пойти за мной...

— Столик?— спросил я, не веря собственным ушам.— Там?

— Да, сэр, прямо тут.

Я повернулся к моим спутникам, но они совсем не были удивлены, поэтому мы послушно пошли за администратором, когда он прокладывал нам дорогу сквозь кучу людей, которые толпились вокруг входа в бар. Казалось, наш проводник знает все про тех людей, которых он или вежливо приветствовал и аккуратно отодвигал с дороги, или просто отталкивал, когда те, кого он просил посторониться, не слушались его немедленно. Его внушительные размеры, даже в сравнении с теми лесорубами, которых он отодвигал с дороги, давали ему все права, которые он мог потребовать, если бы даже он и не был в дополнение ко всему.

«Стрижающий меч» был темным, дымным, шумным, он весь пропах пролитым пивом и кулинарным жиром. Огромный бар занимал всю стену. Сами стены были сложены из ошкуренных бревен, которые постарались сделать плоскими с внутрен-

ней стороны, чтобы они потеснее прилегали друг к другу, а потолочные балки были оструганы так, чтобы сделать их квадратными и гладкими. Столов и стульев было великое множество, но и людей было уж что-то чересчур много. В основном это были лесорубы. Интерьер был украшен соответственно — стены были увешаны топорами, пилами, режущими инструментами всех мастей и сортов, парами альпинистских ботинок, ледорубами, веревками и прочим тому подобным барахлом. Место было весьма подходящее для глиняных кружек, запаха пота, кожи, место, которое омывается доброй дружбой и безобидным поддразниванием. Все пели, включая барменов, а они-то уж, поверьте мне, были очень и очень заняты.

У администратора действительно был для нас столик, против входа у дальней стены около бара. Он примыкал к каменному очагу. Мы все сели, я поблагодарил администратора и спросил его, как его зовут, думая в то же время, надо ли мне дать ему на чай. Я сунул было руку в карман.

— Зейк Мур, сэр. И оставьте чаевые для прислуги. Ешьте на здоровье.

— Спасибо большое, Зейк.

Уходя из зала, он подогнал к нам пухленькую официанточку, потом помахал нам рукой и ушел.

— Эй, люди! Привет! А что вам сегодня подать?

Остальные стали заказывать. Я обратил внимание на инопланетную структуру древесины. Она была почти правильной геометрической формы, странно пронизанная зелеными и лиловыми прожилками, но основной цвет дерева был темно-коричневый. Однако непохоже было, чтобы древесину протравливали морилкой, скорее всего, это был ее естественный цвет. Я постучал костяшками пальцев по стене. Чувство было такое, словно я ударил по металлу. Я повернулся и послушал, как поют в компании рядом. Странные стишата. Те, кто сидели у стола возле бара, пели, а остальные подхватывали припев, который был похож на что-то вроде:

Не может лесоруб жениться —
Один он, как в глазу зеница!
Но лучший друг его — сосна,
На кой же черт ему жена!

Каждая новая строфа становилась все цветистее и непристойнее. В каждом новом стишке намекали на самые разнообразные извращения, на непристойности и прочее. Отдельные рифмоплеты вставали и пели свои собственные куплеты, каждый из которых стремился перещеголять предыдущий в непристойности. Толпа выла от хохота. После последнего очередного куплета все пели песню снова, прибавляя еще и последний услышанный. Я спросил барменшу, откуда появилась тут эта песня. Она не знала, но ответила, что она слышала ее на Высо-

ком Дереве с той самой поры, как ребенком приехала сюда. Судя по ее внешности, это было не раньше прошлого четверга. Хотя, впрочем, черт возьми, может, просто я старею.

Мы все слушали песню, пока ожидали, когда принесут то, что мы заказали. К тому времени, как появилось пиво, Джон и Сьюзен катались в корчах от хохота, а Роланд и Дарла улыбались, хотя и немножко неуверенно. Карлу тоже песня понравилась, даже очень. Винни и Лори пытались переговариваться через царящий вокруг гвалт и шум.

Пиво было подано в английском стиле, темное, горькое, комнатной температуры, но высокое содержание алкоголя более чем возмещало безобразный способ его подавать. Я осушил свою кружку в несколько глотков и наполнил ее снова из глазурованного глиняного кувшина.

Только когда появилась еда, я подумал относительно Винни. Она уж точно не могла есть всю эту бурду — поджаренные свиные ребрышки в панировке, жареная домашняя курица, жареная картошка и овощи, нарезанный теплый хлеб и груды масла, причем свежего. Барменша сказала, что на этой планете не встречается ничего, что можно было бы есть без серьезной переработки, поэтому все, что нам подавали, растили на фермах местные фермеры.

Лори подошла ко мне и закричала мне в ухо:

— Винни хочет выйти на улицу! Она говорит, что может найти себе что-нибудь поесть.

— Тут? — я не должен был бы удивляться, однако все же удивился. — Ну ладно, хотя мне надо было бы пойти с вами.

— С нами ничего не случится. Вы давайте ешьте, я не очень голодная.

— Как твоя голова? Ты все еще чувствуешь головокружение?

— Не-а, со мной все хорошо.

— Ладно, только поосторожнее.

Мне очень не хотелось отпускать их одних, и я на миг подумал, что, может, стоит попросить Роланда присмотреть за ними, но я знал, что Лори для своего возраста очень независима, причем свирепо защищает эту свою независимость, а Винни я все больше и больше считал равной взрослому человеческому существу, которое вполне наделено зрелостью и разумом. Может быть, во многих отношениях Винни даже превосходила человеческих взрослых особей. Лори прекрасно могла со всем справиться сама. Но все-таки мне хотелось, чтобы ее посмотрел какой-нибудь компетентный медик, если тут можно было такого найти. Это была не самая большая проблема. Самая большая состояла в том, что теперь, черт возьми, с ней делать. Если принять во внимание, что «Лапута» или потонула или досталась пиратам, то ей некуда было деваться, только разве если к своим приемным родителям. Это было на планете Шлагвас-

сер, которая лежала на том же пути, который был описан в поэме Винни. К сожалению, Лори была не в очень хороших отношениях со своими приемными родителями, поэтому она сбежала от них, и все тут.

Но то, что «Лапута» потонула и стала пиратской собственностью, еще не было точно установлено. Это, может быть, было хорошо для Лори... но не так хорошо для меня. По меньшей мере, три группы людей на этом судне жаждали увидеть, какого цвета у меня кровь. В отношении инопланетян это можно было бы понимать буквально. Ретикулянцы занимались ритуальной охотой в бандах, которые они сами называли «командами Ловушки», а потом кончали со своей добычей путем церемониальной вивисекции. Если Кори Уилкс, их человеческого рода союзник, все-таки выжил, он еще будет связан с ретикулянцами с целью вырвать у меня карту и ею завладеть. Кроме того, существовал еще капитан «Лапуты», Прендергаст, который был в сговоре с отцом Дарлы, доктором Ван Вик Вансом, ныне покойным, а заговор состоял в том, чтобы переправлять лекарства против старения на внешние миры.

Тем, кто хотели бы оставить эти самые внешние миры, их консолидацию, в стороне от земного лабиринта и в независимости от колониальных властей, карта Космострады была прямой угрозой. Вне всякого сомнения, именно так к ней относился Прендергаст, но он все еще мог и не знать про предательство Уилкса. Уилкс хотел получить карту в свое единоличное владение, поскольку рассчитывал на то, что он отдаст ее властям в обмен на то, чтобы ему, среди прочего, предоставили бы и прощение за его участие в операции с нелегальными лекарствами. Прендергаст был не одинок в своем желании оставить внешние миры независимыми. Наверняка это желание объединяло его со всеми остальными жителями Консолидации Внешних Миров. В конце концов, каждый из тех, кто когда-то попал сюда, подвергся колоссальному риску, который состоял в том, что они пролетели через портал, ведущий в неизвестность. Существовал обратный путь в земной лабиринт по Космостраде. Вся проблема состояла в том, что он проходил по ретикулянскому лабиринту, куда очень немногие человеческие существа, разумеется, если им была дорога их шкура, осмеливались проезжать. Но, однако, существовала вероятность, что несколько храбрецов или, если хотите, дураков, которые осмелились проделать этот путь и выжили, могли рассказать, что находится по ту сторону портала, который находится на Космостраде Семи Солнц. Хотя это может быть всего лишь один из порталов, которые ведут на Консолидацию Внешних Миров.

Результат моих размышлений: если «Лапута» осталась жива и невредима, исчезает проблема того, что делать с Лори. Но могу также исчезнуть и я.

Проблемы, проблемы...

Что теперь станут делать телеологисты — Джон, Сьюзен, Роланд, — теперь, когда мы преодолели очередной этап в наших приключениях? Именно этим мы и займемся по расписанию, после того, как поедим.

Еда была потрясающей. Ребрышки пряные и поджаренные как раз так, как надо, домашняя птица с хрустящей корочкой, а внутри — вся совершенно сочная. Хлеб был золотисто-коричневый, нежный и пышный изнутри. Овощи были как раз кстати, чтобы провести время между заглатыванием закусок, причем кружка за кружкой пива провожали это все в желудки. Если это была та еда, которую подавали в баре, то я дивился тому, какие деликатесы предложила бы столовая-ресторан. Официантка продолжала приносить еще какие-то блюда — она говорила, что это заведение нас угощает и просит попробовать. Вместе с бесплатными кружками пива приходили миски порезанной маринованной свеклы, лука, маринованных яиц, огурчиков, салат из разных сортов бобовых, многочисленные сладости, горы хлеба с маслом.

На нас таращилась вся комната. Не то, чтобы у нас были плохие манеры за столом — в этом отношении мы вполне подходили и соответствовали остальной части посетителей. Разошлись слухи, как мне показалось, относительно того, кто я такой. Это немедленно вызвало у меня вопрос, а кто я, собственно, черт побери, такой. Джейк Мак-Гроу. Что я, нечто вроде олимпийского бога, который отправился в поток времени, чтобы принести тайну строителей Космострады человечеству или всего-навсего человек, который удостоился того, чтобы вокруг его головы уселось облако темного слуха и сплетен? Или меня просто путают с кем-то другим?

Нет, две последние возможности отпадали. Черный куб, парадокс Дарлы, остальные реалии весьма красноречиво говорили о том, что слухи эти правдивы. По крайней мере, какие-то из них. Это оставило меня в ситуации олимпийского героя. Эй, кто-нибудь, подайте фиговый листок, чтобы прикрыть античную наготу...

Наконец пение прекратилось, и вся еда была сметена. Я нажрался до неприличия и был наполовину пьян. Мне не нравится делать что-нибудь наполовину, поэтому я заказал еще пива.

— Господи, — выдохнул Джон, откинувшись назад и массируя свой живот, — не могу вспомнить, чтобы я столько ел за один раз. Надеюсь, мне... — тут он икнул и рыгнул, — ох-х-х... простите.

— Ну-ка, еще раз, тогда мы решим путем голосования, прощать ли, — сказала Лори, возвращаясь с Винни.

— Не могу поверить, что вы нашли ей пищу, — сказала Дарла.

Винни улыбнулась и помахала горстью розовых плодов

размером со сливу, которые все были покрыты голубыми крапинками. Лори бросила на стол кучу листьев и стеблей и уселась рядом с нами.

— Лопайте, ребята.

Все застонали.

— Слушай, лапочка, я тебе тут приберегла немножко цыпленка,— сказала Сьюзен, пододвигая к ней тарелку.

— Что-то маленькая для цыпленка птичка, но все-таки спасибо.

— Это ручная дичь, Сьюзен,— поправил ее Роланд.— Ее просто вырастили в доме, как домашнюю курицу.

— А, ладно, все равно, что это.

— А откуда Винни знала?..— Джон расплывчато обвел рукой гору растительности.

— Откуда Винни вообще все знает?— ответил вопросом на вопрос Роланд.— Включая довольно точное описание планет, которые она никогда не посещала?

— Придется поговорить с ней более подробно,— сказала задумчиво Дарла.— Видимо, в этой ее поэме гораздо больше информации, чем мне пока что удалось вытащить.

— Может быть, поэма и карта и эти сведения,— предложил свое объяснение Джон,— вроде того, что, возможно, есть по дороге, и всякое такое. Может, это можно посчитать как... ну, как это можно назвать? Путеводитель для туристов?

— Очень хорошо, Джон,— сказал Роланд.— Очень хорошо.

— Ребята, ну и страшно же в этих лесах, ну и жутко,— говорила Лори, взяв полный рот курицы.— Все время мне так дико становилось... не знаю, как сказать, но такое ощущение...

— А белых кроликов ты там не видела?— спросил Роланд.

— Не-а, на самом деле ничего такого не видела. Ух ты, вкуснотища!

— Тебе надо как следует поесть, лапушка,— сказала Сьюзен материнским тоном,— ты же в рот ничего не брала целый день.

— Я ем, ем!

— Извини, Лори, не хотела ничего наставительного говорить.

— Ох, все в порядке, извини.

Мы все смотрели на то, как Винни осторожно откусила кусочек плода, который держала в руке, покатала его на языке. Неплохо. Она стала деловито жевать и сунула остальной кусок в рот.

Мы все посмотрели друг на друга и пожали плечами.

Джон откинулся назад.

— Ну что ж,— сказал он, чтобы начать беседу.

— Да, вот именно,— повторил за ним Роланд.

— Что вы, ребята, собираетесь теперь делать?— спросил я.

— Я как раз думал,— начал было Джон.

— Мне кажется, запахло горелым,— пробормотала Лори. Мне подумалось, что она решила про себя, что Джон — надутый гусак, что, в какой-то степени, так и было.

Сьюзен хихикнула, а Роланд улыбнулся, прежде чем ответить:

— Я стою за то, чтобы оставаться с Джейком. Мне кажется, что если ты проанализируешь все наши возможности, то окажется, что это самый лучший вариант.

— Погодите-ка,— предостерег Джон, поднимая руку.— Почему нам не подумать про то, какие возможности у нас есть, а потом уже говорить?

— Тут все связи, какие можно себе представить,— твердо заявил Роланд.— Как мне кажется, все идет так, как записано в Плане.

— Я в этом не уверен.

— Но это же вполне очевидно.

— Боюсь, что для меня нет,— сказал мягко Джон.— Прости, Роланд.

Роланд вздохнул.

— Мне думается, что моя задача — показать тебе, как все задумано в Плане.

— Я очень хочу поучиться у тебя, Роланд. Честное слово. Но... пожалуйста, давай поучимся друг у друга взаимно. Хорошо?

Роланд кивнул.

— Ты прав. А я в последнее время что-то стал слишком назидателен.— Он примирительно улыбнулся Джону.— Давай посмотрим, какой выбор у нас в такой ситуации есть.

— Ну что ж, для начала...— Джон ударил ладонью по столу.— Мы можем попытаться найти планету, откуда риккси-ане запускают свои корабли. Мы сможем тогда попасть в земной лабиринт именно таким образом.

Еще один способ попасть обратно туда, откуда ты пришел, через портал, который, как полагают, ведет только в одну сторону: поехать туда через обычное пространство. Там, в земном лабиринте, никто об этом не знает, и риккси-ане, вероятно, очень постарались, чтобы и дальше их тайна оставалась тайной, видимо, чтобы защитить свою монополию в торговле с внешними мирами, хотя у них могли быть и другие причины. Я не знаю никакой другой расы, которая трудилась бы над созданием межпланетных кораблей. Космострада сделала их совершенно лишними. Риккси-ане, видимо, сохранили бы свою монополию в этой области, даже если бы все абсолютно знали, чем они тут занимаются.

— Это стоило бы разведать, даже хотя бы просто для того, чтобы испробовать все варианты и устранить остатки сомнений,— вставил я,— но я не стал бы все равно возлагать на это какие-либо надежды. Сколько у вас денег?

Джон бросил на меня кислый взгляд.

— Джейк...

— Прости. Просто хотел тем самым показать вам, что проезд на межпланетном корабле должен влететь в копеечку. Даже если они и берут пассажиров, в чем я начинаю сомневаться. Кроме того, если все-таки берут, очередь на эти корабли должна быть немалая. Из того немногого, что я знаю про строение космических кораблей, вес и пространство — это главные критерии.

— А разве Уилкс не говорил, что собирается именно так уехать? — спросил Джон.

— Я бы не стал принимать то, что говорит Уилкс, на веру, без не только крупицы соли, а целого вагона. Может, он врал, а может, и нет. Так что имейте это в виду. Он был, а если жив, то и остается, одним из самых влиятельных людей со связями, которых я знаю. Он мог вполне устроить себе особую сделку с кем-то из космонавтов.

— Может быть... — Джон побарабанил пальцами по столу. — Хорошо, не знаю точно, как быть, может, мы могли бы найти работу и отработать деньги на проезд, обратиться к риксианам и самим заключить с ними сделку. Попросить их справедливо рассудить наш особый случай.

Кончики рта Сьюзен кисло опустились.

— Да уж, у нас такая слезливая, страшно трогательная история.

— Я просто перечисляю наши возможности, Сьюзен.

— Да ну тебя, Джон. Ладно, не обращай на меня внимания.

— Пожалуйста, потерпи меня. Теперь, если вернуться на Плеск...

— Я бы не стал туда возвращаться, — вставил я.

— Ну хорошо, не Плеск, какое-нибудь другое место. Например, тут. Всегда есть возможность поселиться здесь или же на такой планете, где мы сможем основать колонию.

— Мы-то трое? — скептически сказал Роланд.

— Трое, или двое, или даже один человек, Роланд. Разве не в этом заключается суть телеологического пантеизма?

Роланд согласился с высказыванием, кивнув головой.

Джон еще пару минут размышлял, потом продолжил:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мы будем отрезаны от остальных. Никаких фондов, никакого общения, никакой связи с нашей группой на Хадидже или же с организацией на Земле. Будет трудно.

— Весьма. Нет денег, нет непосредственных возможностей их получить, нет места, где можно было бы жить, кроме как вместе с Джейком. Нам нужны припасы еды и литература для центра чтения...

Джон повернулся ко мне.

— Мне кажется, мы уже говорили тебе, что в наши правила

входит не обращать никого в нашу веру. Но в то же время одна из наших главных задач заключается в том, чтобы основать и поддерживать читальню и консультативный центр по вопросам нашей религии. Вот то, что мы собирались сделать, когда по несчастью связались с милицией там, на Голиафе. После того, как мы собирались посетить нашего друга в больнице, мы как раз хотели поехать в мэрию и поговорить о том, что хотели бы снять небольшой магазинчик с витриной в городе, чтобы там и основать читальню.

Сьюзен о чем-то напряженно думала.

— А как насчет того, чтобы отправить с космическим кораблем послание домой? Если бы только мы могли дать знать Стену или кому-нибудь из наших, что с нами случилось...

— Да,— сказал Джон, эта мысль осенила его в первый раз.— Да, это замечательная мысль! Не знаю, почему я сам об этом не подумал! Мы просто должны попробовать каким-нибудь образом сообщить нашей общине, что произошло. Если мы только сможем сообщить нашему обществу, что здесь, по другую сторону портала, что-то есть...

— Опять же,— сказал я,— вы можете попробовать, но я сомневаюсь, что из этого что-нибудь получится. Похоже на то, что риккси не хотят, чтобы кто-нибудь узнал про внешние миры. Они, возможно, вполне охотно перевезут обратно Уилкса, но это может быть лишь потому, что он принимал такое активное участие в операциях с лекарствами. И, кроме того, я всерьез сомневаюсь, что они занимаются почтовыми перевозками.

Джон и Сьюзен сразу обмякли и поникли.

— Я не стал бы на вашем месте терять надежду,— поспешил я добавить. Мне не хотелось слишком нажимать на них, потому что я знал, что те слова, которые мне придется говорить им дальше, очень ударят по ним.— Мы же ничего точно не знаем. А самое главное — мы не уверены в том, что кто-нибудь из нас находится в безопасности во внешних мирах.

Лицо Сьюзен резко побледнело.

— Что ты хочешь этим сказать, Джейк?

Хотя я почти был пьян, я все-таки думал над нашим положением.

— Прежде всего, мы не знаем, что случилось с «Лапутой».— Я повернулся к Лори.— Что произошло бы, если бы пиратские акватерранцы захватили корабль?

— Не знаю. Такого раньше никогда не случалось.

— Ты не представляешь себе, что произошло бы в таком случае с пассажирами?

— Нет, но я сказала бы, что от арфи можно ожидать в этом случае всего, чего угодно, даже самого ужасного. Некоторые из них вполне ничего, но есть и такие...

— Но корабль раньше всегда отбивал эти атаки, верно?

— Правильно.

— Значит,— продолжал я, поворачиваясь снова к Джону и его собратьям по вере,— существует вполне обоснованная возможность того, что все, кто был на борту этого судна и жаждал моей крови, в добром здравии и благополучии, и продолжают свои кровожадные намерения воплощать в жизнь. Все вы в опасности, потому что вы связаны со мной. И это относится и к Лори... и Карлу.

Джон медленно покачал головой, на лице его отразились усталость и бесконечное терпение.

— Но ведь наверняка во внешних мирах существует место, где мы могли бы спрятаться. Я просто не могу поверить...

— Спрятаться? От ретикулянцев?

Трое телеологистов переглянулись, потом посмотрели на меня.

— Мне очень не хотелось об этом говорить,— сказал я,— но мы должны исходить из предположения, что отныне мы все являемся священной добычей.

Это на несколько минут совершенно прекратило наш разговор. Я припомнил, что пока не связывался с Сэмом.

— Давно пора,— услышал я его голос.

— Прости. Мы обсуждали, что нам делать. Мне кажется, что все согласны, что пока нам надо держаться всем вместе.

— Хорошая мысль.

— И еще мы должны узнать, что случилось с тем кораблем, с «Лапутой». Есть ли тут какой-нибудь эфир в смысле новостей?

— Никаких коммерческих или правительственных станций. Но тут есть весьма неплохая развлекательная сеть и любительские радиостанции. Я все каналы прослушиваю. Насчет «Лапуты» пока ничего.

— Ну что же, между этой планетой и Плеском довольно много общения и торговли, а паром выполнял жизненно важную задачу. Если бы он затонул или пропал без вести, наверняка это составило бы сенсацию. Что-нибудь да сказали бы...

— Правильно. Я продолжу прослушивание. Оставь ключ на связи, ладно?

— Конечно.— Я положил ключ на стол и включил микрокамеру, чтобы ему было на что смотреть.

— Приятное местечко,— откликнулся Сэм.— Жратва приличная?

— Роскошная,— ответила ему Дарла.

Кто-то в толпе празднующих встал и держал речь. Он был как и все остальные: плотного сложения, растрепанные пышные волосы, фланелевая рубашка в клетку и джинсовые штаны.

— Джентльмены, джентльмены! И леди, если можно так сказать,— он двусмысленно ухмыльнулся и погладил свою жесткую рыжую бороду.

Неприличные звуки из толпы.

— Хочу призвать это собрание объединенного братства Буджума и сестричества Снарка к порядку!

Крики, возгласы, аплодисменты.

— Порядок! А ну-ка, потише! Эй, сержант-секретарь, будьте любезны проследить, чтобы со всеми нарушениями регламента поступали согласно уставу этой организации!

Что-то грузное и огромное в овчинном жилете встало и грозно обвело взглядом зал. Он не встретил сопротивления. Зал замолк.

— Благодарю вас, брат Флаэрти.— Туша уселась, а рыжебородый как следует приложился к своей кружке, осушив ее до конца.— Бар закрыт! — объявил он, стукнув кружкой по столу.

— Э-э-э-э!!!

— Вразумись, старина!

— Плевать нам на это! У нас три кувшина!

Он не обратил внимания на выкрики.

— Теперь приглашаю брата Финча прочесть отчет о последнем собрании.

Еще один лесоруб, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Долбаное дурацкое собрание призвал к порядку председатель брат Фитцгор. Были зачитаны отчеты о последнем гребаном дурацком собрании. Ничего нового, ничего старого. Долбаное дурацкое собрание было отложено, и мы все напились как гребаные скунсы-вонючки.

Брат Финч тяжело плюхнулся на место.

— Благодарю брата Финча за этот четкий, деловой отчет и подведение итогов наиболее важных событий последнего собрания. Ставлю на голосование вопрос о том, чтобы принять отчет брата Финча без поправок и дополнений.

— Поддерживаем!

— Поддерживаем!

— Предложение было поддержано, и таким образом постановляем занести отчет брата Финча в анналы общества без поправок. Могу ли я сделать это, не ставя вопрос на голосование?

Кто-то встал.

— Я возражаю против того, чтобы отчет о предыдущем собрании был точно таким, как и отчет о позапрошлом собрании, и вообще, чтобы отчеты были похожи, как близнецы! Собственно говоря, это вечно один и тот же отчет!

Фитцгор угрожающе поднял бровь.

— Вы ставите под сомнение точность отчета брата Финча?

— Да нет, отчет вполне правильный по сути. Я только возражаю против его оригинальности и литературного стиля.

— В обязанности брата Финча не входит быть оригинальным, ему вменяется в обязанность четко регистрировать факты без пристрастия! — проревел Фитцгор.— А что касается стиля,

мне думается, что брат Финч в своей прозе почти сравнялся с Гомером по части применения эпитетов!

— Почти с кем сравнялся?

— Кто такой Эпитет?

— Во всяком случае,— небрежно продолжал Фитцгор,— ваши возражения не принимаются во внимание.

— Это вам не суд. Я требую, чтобы мои возражения занесли в протокол.

— Пусть будет так,— согласился Фитцгор,— пусть наши протоколы отразят, что брат Маклэйрд возразил против литературного стиля брата Финча или отсутствия такового у брата Финча.

— У меня куда-то пропал гребаный карандаш,— сказал брат Финч.

Кто-то бросил в него карандашом. Финч аккуратно поймал его, разломил пальцами и бросил в того, кто ему швырнул орудие письма.

— Кто, черт возьми, эти пугала?— спросил Сэм.

— Есть новые вопросы на повестке?— спросил Фитцгор.

— У меня нарыв на заднице!

— Есть старые вопросы?

— Тот самый нарыв у меня на заднице!

Хохот и вой.

— Предлагаю отложить собрание или закрыть его!— прокричал кто-то.

— Поскольку никаких новых вопросов не было предложено членами общества, то я хотел бы предложить уважаемому собранию закрыть его, если уважаемое собрание ничего не имеет против.

— В соответствии с правилами регламента, председатель всегда должен ставить на голосование вопрос о закрытии собрания, если предложение о закрытии поступило только от одного члена общества!

— Только не тогда,— огрызнулся Фитцгор,— когда председатель может превратить задницу вышеуказанного члена общества в кровавую кашу в любой момент, когда ему будет удобно!

— Ты превратишь и целый эскадрон береговой охраны?

Тост в честь береговой охраны.

— Эти вопросы могут быть улажены потом, но что касается насущных моментов...

— Жду тебя снаружи через пять минут, Фитцгор.

— Почту за честь,— признал Фитцгор.— Как я говорил...

— Ну, только не снова — здорово. В прошлый раз они так надрались, что не видели друг друга, и толком замахнуться не могли.

— Как я уже говорил!!!— проревел Фитцгор. Потом он прочистил горло и вытер пот со лба рукавом.

— Братья и сестры! — сказал он тихо. — Не так уж часто... я хотел сказать, что для нас беспрецедентный случай, что среди нас есть гость... — он сделал паузу для вящего эффекта, видя, что головы присутствующих вертятся в поисках необыкновенной персоны, — ...нечасто среди нас появляется лицо такого эпического значения, но тем не менее оно здесь.

— Кто? — спросил кто-то из присутствующих, но все глаза устремились на меня.

— Космострада, — продолжал Фитцгор гнусавым голосом, — изобилует легендами, мифами, фантастическими рассказами, апокрифами и прочей белибердой, большую часть из которых нельзя не то что принимать на веру, но даже близко подпускать к своим ушам.

— У меня такое ощущение, что меня сейчас стошнит, — объявил Сэм по каналу связи.

— Но редчайшим случаем является, когда человек получает почетную возможность восхитительного наслаждения встречи с героем одной из таких легенд во плоти. Как бы там ни было, такая честь постигла и нас с вами, братие и сестрие. Могу ли осмелиться представить вам — и прошу, чтобы вы присоединились к моему тосту во здравие великого героя.

— Ты же сам закрыл долбаный бар, ты, козел!

Фитцгор наполнил свою кружку из ближайшего кувшина.

— Тогда я открываю его снова.

Все подняли кружки.

— Присоединитесь ко мне во здравие этого гиганта из легенд, короля Космострады, человека, который провел машину сквозь бушующие огни нарождающейся вселенной, и выжил, чтобы рассказать вам поразительную повесть...

Он повернулся ко мне лицом.

— Леди и джентльмены, могу ли представить вам... ДЖЕЙКА МАК-ГРОУ!

Глава четвертая

Честно сказать, я не помню всего того, что творилось тогда, той ночью. Я знаю, что дикое количество алкоголя проникло каким-то образом в мой организм. События, в моем восприятии, стали, как бы сказать... расплывчатыми. Фитцгор и его соотечественники оказались замечательными собутыльниками. Просто восхитительными собутыльниками. Они поставили всем выпивку. Потом мы им всем поставили выпивку. Потом все купили всем по стаканчику. И тогда только началась серьезная пьянка. В какой-то момент я понял, что в моем поле зрения очутилась кружка пива высотой в три ладони. Они называли ее Громовой Чашей Бробдингнега (сто-

лица страны великанов в книге Даниэля Дефо «Робинзон Крузо».— *Прим. перев.*).

Я ее выпил.

Это было уже довольно поздно — как мне кажется. А до этого мы все говорили и говорили. Они хотели знать все про меня, про карту Космострады, про все на свете. Я представил им Винни. Она и есть карта, сказал я им. Прекрасно, ответили мне они. Давайте-ка дадим ей карандаш и бумагу и посмотрим, что она может. Карандаш и бумага немедленно появились. Винни стала демонстрировать свое умение, при этом она очень походила на приготовишку в старшей группе детсадика, который только что учится писать. Розовый язычок ее торчал наружу, когда она заполняла страницу за страницей спиралями и прочими геометрическими фигурами, связанными между собой линиями.

— Господи,— сказал Фитцгор,— это же местная группа звезд! Так оно и должно выглядеть! — Он погладил буйную безумную поросль своей рыжей бороды.— Черт побери, если бы у нас на этой планете была библиотека, мы могли бы достать книги, чтобы это проверить.— Он опрокинул в глотку свою пивную кружку.— Если бы у нас на этой планете были книжки...

— Мне кажется, у меня есть несколько книг по астрономии в тяжеловозе, собственно говоря, там должен быть целый ящик. Правильно, Сэм?

— Угу, наша накладная на груз говорит мне, что у нас на борту целый ящик книг-кассет. Но ведь не хочешь же ты вытаскивать их все сюда.

— Естественно, хочу!

— Боже, да оставь ты все эти вопросы в покое!

— Джейк,— сказал Роланд,— может быть, попозже, когда мы все протрезвеем. Этот рисунок, должно быть, представляет местную группу звезд. Посмотри, вот Магеллановы Облака... и... посмотри... как раз тут должны были бы быть Андромеда и Мессиер 34...

— А кто не трезв?

— А эти две такие пушистые точки, вероятно, Леос 11 и 1. Вон там галактики Скульптора и Форнакса...

— Кому нужны всякие там книжки,— сказал беззубый лесоруб с сильным стриновским акцентом,— когда у тебя есть этот вот знайка?

— Роланд сам по себе книга.

— Спасибо, Сьюзи. А все эти линии,— продолжал Роланд,— это дороги Космострады. Но самый интересный вопрос сводится вот к чему. Что за крупная дорога, которая вливается вот отсюда и продолжается вот сюда? Кажется, это одна из главных артерий Космострады.

— Очень может быть,— сказал Фитцгор.— Посмотрите на

все эти штуки, которые нарисовала Винни. А могут ли все эти галактические группы быть соединены дорогой?

— Я бы сказал, что так и должно быть,— ответил Роланд.— А вот эти рисунки, похожие на облака...

— Метагруппы,— сказал я.

— А это что за зверь такой?— спросил меня кто-то из толпы.

— Группы групп. Супергруппы галактик, все они доступны с помощью единой дорожной системы.

— И куда она идет, интересно?— вслух подумал один из лесорубов.

— До самого предела, долбаного предела, парень.

— Чего-чего?

— Начала всех начал,— выдохнул Фитцгор.— Самая колыбель всего, что было рождено.

— Это как же так получается?

— Когда ты смотришь на вселенную,— читал ему лекцию Роланд, хотя и произносил слова что-то уж очень старательно, настолько он был пьян,— на слабые облака галактик, ты смотришь обратно сквозь время. Относительность, скорость света и все такое прочее. Когда ты смотришь действительно далеко-далеко, туда, куда самые изорщ... изрощ... извращ... словом, самые хитрые приборы могут достать...— он рыгнул.— Извините. Иными словами, если посмотреть в самый хитрый телескоп, то там особо много не увидишь. Ты просто смотришь в такие места, в такие времена, когда вселенная была совсем не такой, как раньше, когда она была радикально иной. До того еще, как сформировались галактики. Тебя словно отбрасывает к пределу видимой, постижимой вселенной, за тот предел, где все сдвинуто в красную сторону спектра настолько, что становится почти невидимым. Это и есть красный предел.

— Тут я что-то за тобой не поспеваю.

— Это азы космологии,— снизошел Роланд, причем его тон подразумевал, что любой шестилетний ребенок сочтет, что это просто мелочи и чепуха.

— Да, разумеется,— сказал Фитцгор больше себе самому, чем обращаясь к кому-либо.— Стоит проскочить сквозь портал, и ты идешь как бы обратно через время. Если ты едешь по дороге, которая ведет в самые дальние просторы космоса, дорога, которая ведет тебя прыжками быстрее скорости света...

— То в конце концов,— продолжил за него Роланд,— ты придешь к тому моменту, где начинается поток времени.

— Тот самый большой взрыв, который породил Галактику,— сказал один из лесорубов.

— Абсолютно верно, если Космострада простирается до такой степени.

— А как такое может быть?— спросил кто-то.

— Понятия не имею,— сказал Роланд,— но на Космостраде

поговаривают, что как раз Джейк и обнаружит, как это оно делается.

— Я никуда не еду,— сказал я.— Я слишком пьян, чтобы сесть за руль.

Вообразите себе, как поднимается тесто для буханки хлеба в четырех измерениях, хлеба с изюмом.

Вы этого не сможете сделать. Невозможно вообразить себе что-либо в четырех измерениях, но попробовать все-таки стоит.

По мере того, как тесто поднимается, расстояние между изюминками увеличивается, поскольку увеличивается объем теста. Представьте себе, что каждая изюминка — это галактика, и у вас будет прекрасная иллюстрация к теории расширяющейся вселенной, которую в первый раз выдвинули века полтора назад. Теперь представьте себе, что в раздувающемся объеме теста чем дальше изюминки друг от друга, тем выше их скорость удаления друг от друга. Это просто срабатывает в геометрической прогрессии. В настоящей вселенной происходит так, что эти галактики или группы галактик могут находиться на таком удалении друг от друга, что их скорости относительно друг друга можно измерить в процентах от скорости света. Благодаря эффекту Допплера, свет от этих отдаленных объектов сдвинут в красную сторону спектра, что означает, что длина волны света от этих объектов уменьшилась в смысле частоты к красному концу спектра. То же самое происходит, когда мы слышим звуковые волны от проезжающего мимо гудка автомобиля. Вы слышите, как тон гудка повышается с приближением и понижается с удалением автомобиля. Он словно уменьшается по частоте. Свет тоже приходит к нам со своими частотами. Видимая часть спектра построена таким образом, что голубой — это самые высокие частоты, а красный — самые низкие. Удаляющиеся от нас галактические скопления постепенно, благодаря эффекту Допплера, смещаются в пределы красного света. Красный сдвиг. Чем дальше они от нас, тем больше свет от них смещается в красную сторону спектра. Как сказал Роланд, астрономы могут в наши дни заглянуть довольно далеко, используя нейтринную астрономию и гравитационное сканирование. Как только минуешь протогалактические ядерные объекты, которые традиционно называются квазарами, вообще почти ничего нельзя разглядеть. Все, что находится на таком расстоянии, становится удаляющимся красным призраком, который стремительно убегает из наших пределов почти со скоростью света. На этих расстояниях человек может заглянуть за красные пределы вселенной. Если можно представить себе, что у вселенной есть граница, то это она и есть. Но есть и что-то за этими пределами.

Возьмите любую точку отсчета в сегодняшней вселенной, вообще любое место. Если оттуда начать путешествие в любую сторону — вот это надо все время помнить — на скорости, которая превышает скорость света — и вы начнете двигаться обратно во времени. Если достаточно далеко уехать, можно добраться до самого края. Если перевалить за предел — можно свалиться как раз в момент Создания Мира.

Я тщательно вглядывался в карты Винни. Действительно, существовала крупная артерия, которая соединяла метагруппы. Роланд и я стали с помощью Винни соединять листы в одно целое.

— Видишь, Джейк? Межгрупповая дорога вливается сюда на Андромеде и выходит обратно в том же месте. Давай назовем ее межгалактической сквозной Космострадой.

— А если ты по ней едешь,— сказал я,— то едешь... погодика. Местная группа соединена с другими галактическими скоплениями? Или мы просто едем своим собственным путем?

— Не знаю. У нас масса времени, чтобы это проверить. Может оказаться и так, что внутригалактическая дорога и межгалактическая на этом отрезке становятся одной и той же дорогой.

— О'кей. Тогда, чем бы ни была эта большая дорога, мы должны поехать по трансгалактическому расширению на Андромеду, чтобы на нее выехать. По дороге мы проезжаем через эти маленькие шаровидные галактики. Ты не знаешь, как их называют?

— Это просто номера в новом общем каталоге. Не могу запомнить, как их называют.

— Неважно. Ладно, вот тут ты выезжаешь на Андромеду. Видимо, в этот момент ты можешь сделать выбор — поехать ли по местным дорогам в эти галактики или перепрыгнуть в следующие группы или метагруппы, какими бы они ни были.

Роланд снова наполнил свою кружку.

— Да, похоже на то, если посмотреть.

Я откинулся назад и закурил большую глиняную трубку, которую кто-то мне протянул. Она была набита чем-то, но не табаком.

— Так что все это означает?

— Это означает,— сказал Роланд,— что, если ты путешествуешь по главной дороге между скоплениями галактик, то ты будешь скакать во времени назад прыжками в биллионы лет.

— Угу.— Я затянулся и пустил клуб дыма из трубки.— Угу. Но можно ли быть в этом уверенным?

— Нет. Но сложи вместе все то, что мы знаем о способах, какими действует Космострада, вместе с легендами, которые вокруг тебя сложились, и все это обретает свой смысл.—

Роланд был еще пьянее, чем я думал. У него закружилась голова, и он помотал ею, чтобы прочистить мозги.— Но я же ни черта не знаю,— признался он жалобно заплетающимся языком.

— Мне кажется, что во всем этом есть абсолютный смысл,— сказал Фитцгор.— И мне до чертиков хочется с вами поехать.

— А куда я еду?— осведомился я.

— К моменту сотворения мира, парень,— сказал один из лесорубов.

Я кивнул на карту.

— До конца этой дороги что-то уж больно долго.

Один из листов я пододвинул Фитцгору и показал пальцем.

— Посмотри на карту местной группы. На Андромеде надо выехать на большую дорогу. А вот отсюда это все должно означать, что надо выехать на галактическую опоясывающую Космостраду и проехать примерно 10 000 световых лет до края Млечного пути. Сколько кликов дороги это должно занять?

— А разве поэма-путеводитель Винни про это ничего не упоминает?— спросил Фитцгор.

— Дарла все еще работает над переводом,— сказал я.— Как бы там ни было, вот отсюда надо выехать на трансгалактическое расширение вот до этой маленькой кляксы вон тут. Эй, Роланд! Как ты думаешь, что это может быть такое?

— Э?

— Проснись. Что такое вот это маленькое облачко?

— А-а-а... это, скорее всего — ик! — неоткрытое галактическое звездное облако. Оно представляет собой миленький мостик для Андромеды.

— Да, но даже с учетом этого, прыжок составит около миллиона световых лет.

— Наверня...-ик!-ка... Дай-ка мне кувш-ш-шин, ладно?

— Слушай, сосиска, ты сможешь все это выпить?— спросил лесоруб размером чуть не с гору.

— Не называй меня сосиской, ты, лесоповальная балда.

— Полегче, сынок. Я тебя не хотел обидеть.

— Тогда заткнись... и дай мне этот... кувшин... а то я тебя научу застольным манерам...

— Что ж, во мне ты найдешь весьма понятливого и усердного ученика, парень, в любой момент, когда ты найдешь время.

— А по мне,— сказал Роланд, силясь подняться на ноги,— и сейчас неплохое время... не хотите ли выйти со мной на воздух, сэр?

— Куда, например?

— Ой, а это рифмуется,— сказала Сьюзен, морща нос в улыбке.— «Выйти. Со мною, сэр — куда, например?..» — она словно пропела эти слова.

— Ох, Роланд,— сказал Джон.— Сядь. Едва ли твоя честь была задета.

Сьюзен рассмеялась.

— Задета?— спросил я.— Интересно, почему говорят «задета», и не просто «побита»?— я затянулся из трубки и выдохнул дым.— Никогда не понимал такого высокого стиля.

Роланд и лесоруб ушли.

— Ну ладно, продолжим...

В другой части бара кто-то упал или кого-то швырнули через стол. Фитцгор сказал:

— Ты что-то начал говорить, Джейк?

— А? А, конечно. Я хотел спросить — слышал ли кто-нибудь о портальном прыжке на такое расстояние?

— Вряд ли. Но кто знает?

— Кой черт сидит в этой траве, которой вы набиваете трубку? Если, конечно, можно спросить.

— Травка путешествий, мы ее так называем.

— Травка путешествий. Я такое дерьмо уже вдыхал.

— Хорошая мысль.

— Замечательное дерьмо, если быть точным.

— Выпей еще пива, Джейк,— сказал Фитцгор, наливая пенистое пиво в мою кружку.

— Не возражаю, спасибо,— я снова зажег трубку длинной кухонной спичкой.— Э-э-э... твой приятель-то... он, по крайней мере, на пять кило больше Роланда.

— Лайем ему не причинит вреда. Он хороший парень, Джейк. Никогда еще никого не покалечил, насколько я знаю.

— Ну ладно, тогда все в порядке, как мне кажется,— я как следует затянулся из трубки.

Травка на свой лад была очень даже хороша. В горле от нее першило, но она доставляла удовольствие. Довольно, правда, перечного вкуса. Во всяком случае, я уже отправлялся от нее в путешествие.

— Если вернуться к нашим вопросам,— продолжал я,— то мне кажется, что мы говорим о миллионах километров дороги, может быть, даже биллионах, чтобы добраться до большой Космострады — или как там можно ее назвать. Космострады красного предела.

Глаза Фитцгора загорелись.

— Замечательное для нее название! — тут он покачал головой.— Не так много, Джейк. Разумеется, это был бы долгий путь, наверняка, но мне сдается, что он зависит от расстояний, которые каждый раз будут покрываться прыжками по галактической опоясывающей трассе.— Он откинулся назад и подсунул большие пальцы под подтяжки.— Может быть, где-нибудь там есть и дороги покороче, чтобы срезать расстояние?

Я кивнул.

— Может, и так. И все же...— я вынул трубку изо рта и по-

казал ею на один из рисунков Винни.— Как насчет самой Космострады красного предела? Сколько таких метаскоплений во вселенной?

Фитцгор рассмеялся.

— Космология — не моя епархия. Однако осмелюсь сказать, что считать эти галактики надо на биллионы.

— Я слышал цифру в сто биллионов,— сказал я.— Где-то. Это было про галактики? Не знаю. Ну хорошо, скажем, двенадцать биллионов... сто биллионов.

— Наверняка это заниженная цифра.

— Да, ну скажем, сто гигагалактик. Пусть мы примем, что в составе такого скопления...

— Ты имеешь в виду скопление или метаскопление?

— Правильно, метаскопление. Ладно, решим, что в одном метаскоплении в среднем тысяча галактик.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, Джейк. Но рассмотри такую вещь. Космострада красного предела — это дорога обратно во времени, не обязательно дорога, которая соединяет все крупные структуры во вселенной.

— А кто говорит, что она их не соединяет?

— А кто говорит, что не может оказаться и какой-нибудь третий вариант? — вставил кто-то.

— Хорошо сказано,— заметил я.

Фитцгор выпустил дым из трубки и скрестил на груди свои мясистые лапы.

— Ну что же, как дилетант, я полагаю, что все, что мы можем сделать — это строить гипотезы и контрогипотезы, пока кто-нибудь, кто знает точно, не появится на нашем горизонте и не установит все, как есть.

— Или пока Роланд не протрезвеет,— сказал я,— по-моему, он что-то про это знает.

— А у него ученое образование?

— Сьюзи, ты можешь ответить на этот вопрос?

— Роланд знает все,— сказала Сьюзи.— Но мне кажется, он изучал в школе политическую что-то там... он член партии, понимаете.

— Вот как? Интересно. Я так понял, что он где-то сменил свою политическую окраску по дороге.

— Ага,— она хихикнула,— или, может быть, он шпион. Подсадная утка. Приманка.— Она снова хихикнула.— А может быть, и не птица он вовсе, а просто растение.— Эта собственная шутка ее тоже рассмешила. Потом она вдруг протрезвела, посерьезнела и сказала:

— А тут можно даме курить трубку?

— Прошу прощения,— сказал Фитцгор, снимая еще одну трубку из резной деревянной подставки и заряжая ее из стеклянного ящика.— Как грубо с моей стороны даже не предложить вам. Дарла, а тебе не хотелось бы?..

— Нет, спасибо, Шон.

Дарла и Джон были необыкновенно тихими. Они оказались меланхоличными пьяницами. Карл болтал с Лори, которая все это время пила изрядное количество пива. Однако она оставалась практически трезвой и на ногах. Никто во всем баре, казалось, не заметил, что она еще не достигла совершеннолетия, и поэтому по закону пить не может. Винни все еще рисовала — не карту, а примитивные фигурки животных. Что же это было — пещерные фрески с помощью новых художественных средств?

Сьюзен продолжала издеваться над Роландом.

— Морковка,— сказала она, смеясь собственной шутке. Потом она заметила, что я гляжу на нее.— Роланд мой друг. Он мне нравится. Но иногда...

— Понимаю,— ответил я.

Она поморгала своими влажными карими глазами на меня и улыбнулась.

— И ты мне тоже нравишься, Джейк.

Под столом она взяла мою руку и пожала ее. Нежное пожатие убедило меня, что оно выражает нечто большее, чем дружбу. Я даже не знал, как мне к этому отнестись. Я попробовал выпить еще кружку пива, а потом попробовать еще раз, и узнать, как я к этому отношусь. Оказалось, пожатие Сьюзен мне очень нравится.

Лайем вернулся, таща по полу Роланда, словно мешок с грязным бельем.

— Он мог доставить мне массу неприятных минут,— сказал он.— Если бы был наполовину трезвее. Он мне и так хорошо врезал по ребрам, если уж на то пошло.

Лайем поднял Роланда на ноги одной рукой и бросил его на стул, потом вылил на него полкувшина пива.

Роланд поднял голову со стола, поморгал и сказал:

— Дайте пива, кто-нибудь,— он протер глаза.— Пожалуйста.

Лайем взял еще кувшин (на столе их скопилось с дюжину) и налил ему кружку.

— Спасибо,— сказал Роланд.

Эта травка путешествия в конечном итоге меня доконала. Если от пива вещи кругом стали расплывчатыми, то травка, когда день растаял в пиве и превратился в вечер, обратила вечер в палимпсест полузапомнившихся событий, записанных поверх еще каких-то происшествий. Я вообще не мог вспомнить три четверти того, что происходило.

Я все еще пытался представить себе буханку хлеба с изюмом в четырех измерениях. Естественно, это у меня так и не получилось, но я подумал о конусе, трехмерном, где простран-

ство было представлено двумя измерениями, параллельными друг другу и перпендикулярными основанию, а время бежало по вертикальной оси, причем настоящее занимало острие. В основании было начало времени, начало всего сущего, великий взрыв, который породил вселенную. Там все было пронизано блестящим светом. Чистая энергия. Постепенно она тускнела до темноты, по мере того, как время шло к острию конуса. Все темно. Неожиданно вспыхивают блистательные лучи — это квазары, бурные ядра новых молодых галактик, которые переживают гравитационный коллапс. Еще дальше они начинают приобретать свою привычную форму колеса. Вселенная расширяется и охлаждается. Энтропия взимает свою пошлину по мере того, как уменьшается плотность. Мы приходим к острию конуса и к сегодняшнему дню. Оглядываясь назад из этого замечательного момента, можно увидеть прошлое в виде расширяющегося туннеля, чей дальний конец слабо светится эхом создания мира. Если посмотреть в направлении, перпендикулярном оси времени, то ничего не увидишь. Относительность нам говорит, что мы не имеем никакого представления о вселенной в настоящем, поскольку к тому времени, когда световые волны добираются до нас с информацией — она становится вчерашним днем. Но можно посмотреть назад во времени, даже до первых секунд блистающей вспышки творения.

Дорожные сны...

Я не вполне уверен, когда Сьюзен и я занимались любовью. Где-то в ходе вечера, мне кажется, прежде чем меня приняли в братство Буджума. Это произошло где-то около английского обеденного времени, шести часов, и бар немного очистился. Мы более или менее одновременно извинились, вставая из-за стола, более или менее тем же самым путем поднялись наверх и там перехватили друг друга. Опять же говорю: более или менее. Мы нашли кровать и занялись любовью — пьяно, на ощупь, тихонько и заплетаясь. Но это было очень хорошо, так по-дружески, пусть и немного неуклюже.

Когда Сьюзи вырубилась, я тоже едва не уснул. Но почему-то триумфально все ж таки протопал вниз. Мне хотелось пить.

Именно тогда, как мне помнится, Шон объявил, что меня должны принять в братство. Меня спросили, не хочу ли я вступить. Я сказал, что, разумеется, хочу!

Потом последовала церемония, из которой я практически ничего не помню. В канделябрах потрескивали и шипели свечи, горели благовония, бормотали заклинания, напевы и прочее шарлатанство. Я что-то прочел наизусть, потом прочел что-то из того, что мне подсунули. Написано это, как мне кажется, было на пергаменте из овечьей шкуры. Но с тем же успехом это мог быть ролик сортирной бумаги. Что же касается содержа-

ния, по-моему, оно было полнейшей чушью, даже если бы я ее читал на трезвую голову. Потом меня снова свели с бробдингнегской громовой чашей. Велели мне ее выпить. Я выпил.

Потом, как помню, мы оказались в тех самых странных лесах. Из темноты раздавались странные крики, шорохи и встряхивание. Над деревьями огромные летучие силуэты хлопали крыльями. Что-то или кто-то явно подсматривал за нами, глядя из темного нутра леса. Мы пришли к просеке, и тут мне дали меч. Мои товарищи куда-то пропали. Они оставили меня, чтобы я наедине встретился со страшным Буджумом, когда пройдет полночи. Мне надо было тогда издать вопль, что-то вроде «аукаху-у-у-у!». Я попытался раза два изобразить этот звук, издал нечто приблизительно подобное, потом прекратил всякие попытки.

Я уселся на пенек и попытался думать про конус времени — который в действительности надо было бы называть конусом света, по причинам, которые я не мог вспомнить. И про дорогу. Дорогу, которая пронизывает тьму до самого сердца, до истоков, до невероятной скорости бытия или пустоты.

Вот до какой степени я был пьян. Когда человек начинает мысленно писать с большой буквы слова самого обычного содержания или же те, у которых содержание не поддается точному определению, ты либо какой-нибудь философ девятнадцатого столетия с дикими глазами из Германии и в пенсне, либо ты крепко пьян. А может, и то, и другое сразу.

Понятия не имею, сколько я так сидел. Я думал про Сьюзен, потом про Дарлу, про то расстояние, которое теперь нас разделяло. Потом мне в голову снова пришел парадокс, как это часто бывало с той поры, как началась вся эта петрушка.

Но я не так много времени провел за этим занятием. Мозговые клеточки визжали в предсмертной агонии. Алкоголь, это существо, которое всегда представляется тебе под контролем и на коротком поводке, снова набрасывался на меня.

Вдруг что-то продралось сквозь подлесок и с грохотом вылетело на просеку.

Мне показалось, что я увидел животное, какую-то помесь жирафа с кенгуру, с головой очень странной собаки. Оно не напоминало мне никакой инопланетной фауны, которую я видел в жизни. Ну да, голова собаки... ну хорошо, на самом деле не собаки. Уши у него были как рога по форме. Рога в смысле музыкальные инструменты, а не рога, как у коровы. Они торчали по обеим сторонам маленькой головы. Наверное, в нем было восемь или девять футов росту. На его желтой, точно пластиковой шкуре, были раскиданы пятна, розовые и лиловые. Животное это ходило на двух ногах, а передние лапы у него были хватательные и свисали впереди, качаясь, когда животное передвигалось.

А вот дальше начинается нечто, в чем я не совсем уверен.

Животное остановилось, как вкопанное, когда меня увидело. Оно как-то испуганно тявкнуло и сказало:

— Ой! Господи, господи помилуй! Ой-ой-ой! Батюшки светы!

Потом зверюга повернулась и удрала в лес.

Я подумал про увиденное. Этот Буджум, решил я про себя, оказался на самом деле Снарком.

Потом кто-то шарахнул меня по голове чем-то твердым и тяжелым.

Глава пятая

Я проснулся и почувствовал, что где-то в недрах моей головы зарыт кусок раскаленного докрасна металла. Я лежал на низкой койке в маленькой хижине, в которой была только одна комнатка. Надо мной было крохотное окошко. Снаружи было темно. Я очень медленно повернул голову и увидел двух лесорубов,— тут, похоже, все мужчины одеваются одинаково,— которые вяло играли в карты на грубом деревянном столе посередине комнаты. Их сонные и скучающие лица были освещены чем-то вроде масляной лампы, которая стояла почти на середине стола. Один из них был тощий и высокий, с цинично вздернутыми темными бровями и прилизанными назад волосами. Он посмотрел на меня и прикупил карту.

— Он пришел в себя.

Второй был светлый, жирный, и вообще — полная противоположность первого, только еще хуже. Он посмотрел на меня.

— Может, его привязать?

— Не-а. Он и так полудохлый.

Это верно. Я попытался подняться. Осколок раскаленного металла запульсировал в мозгу, и я со стоном повалился обратно.

Тощий хохотнул.

— Травка и алкоголь. Ай-яй-яй. Плохое сочетание, очень плохое.

Я курил травку, напивался в течение всего вечера, и еще вдобавок меня угостили чем-то твердым по башке. Для такого сочетания есть только одно определение — смертельное. Мой рот... о боже, мой рот. В нем витали зловонные миазмы, которые исходили из какой-то медного вкуса гадости, накопившейся где-то в глотке. Огромный ком ваты занимал то место, где когда-то был мой язык. Я сглотнул слюну, и меня чуть не вырвало.

— Одно могу про него сказать: хорошо держит в себе выпивку.

— Счастливчик. Иначе задохнулся бы собственной блевотиной.

Ничего, такой шанс у меня еще был. Это было не похмелье. Это была катастрофическая болезнь. Глаза мои вращались в глазницах словно на подшипниках. Казалось, они пощелкивали, когда я ими вертел. Я прикрыл веки, и мне показалось, что их внутреннюю сторону кто-то покрыл наждаком.

Это, очевидно, был просто плохой сон. Это травка. Я не мог принять тот факт, что за одну неделю я раз в восьмидесятый становился пленником. Мне очень не нравится, когда такие вещи происходят в регулярные промежутки времени. В первый раз за очень долгое время я постепенно становился очень и очень злым.

Черт побери, не настолько же я болен. Я со скрипом уселся и скинул ноги на пол. Горячий кусок металла в башке превратился в ацетиленовую горелку, которой производили выжигание в моем черепе. Я уперся головой в ладони, поставив локти на колени. Массируя лоб, я дождался, пока боль превратилась просто в адскую, но не больше, и посмотрел вокруг. Двое за столом рассматривали меня, как клинический случай.

— Чем бы ни кончилось теперешнее положение, я вас обоих убью,— прохрипел я.

— Полегче,— предостерег тощий.

Пухленький блондин рассмеялся.

— Плохо по утрам, а?

Я посидел так какое-то время, опустив голову на руки. Постепенно из глубины моего существа поднималась тошнота, словно ехала на медленном грузовом лифте. Когда она стала доходить до уровня груди, у меня начался кашель. Это был такой кашель, который говорил, что сейчас из меня что-то вылетит, что уже не остановить. Высокий показывал куда-то вправо от меня.

— Чтоб все — только в ведро. Хоть одна капля упадет на пол — языком подлизывать будешь.

На полу стояло деревянное ведро возле ножки кровати. Я подтянул его к себе в самый последний момент. Вылетело из меня море пива вместе с остатками ленча, но этого оказалось мало, чтобы изгнать из меня демона. Начались сухие спазмы, которые уже не могли прополоскать меня и разве что мучительно выворачивали мне кишки.

Хихиканье.

— Все-таки выпивку в себе не удержал.

Толстяк скорчил рожу.

— Меня от него тошнит.

— Погоди, а?

— Что-то в этих звуках такое гадостное... понимаешь? Когда я слышу, как с кем-нибудь такое происходит, я...

— Стоп!

Меня по-прежнему тошнило, но я преувеличивал все это, не зная, каким образом, но пытаясь повлиять на толстяка, чтобы

и его затошнило. Это был единственный козырь, который у меня был.

— Господи! — застонал я. — Мое брюхо... как в огне...

— Дай ему водички, — предложил толстяк.

— Мы тут чего, в больницу красного креста играем?

— Дайте воды, — умолял я. — Пожалуйста.

Они еще поиграли в карты. Потом толстяк снова поглядел на меня.

— Да ладно, Джофф, давай дадим ему воды.

Я до тех пор имитировал тошноту, пока Джофф не сжалился. Толстяк встал и подошел к раковине возле противоположной стены. На ней была древняя помпа с длинной ручкой, которая страшно скрипела, пока он ее качал. Потом он прошел через комнату с металлической кружкой, полной воды. Он осторожно подошел ко мне, ожидая внезапного движения с моей стороны. Мне было не до неожиданных движений. Он поставил чашку с водой примерно в метре от меня и, пятясь, отошел назад.

Я неуверенно поднялся на ноги, прошлепал вперед, нагнулся и поднял чашку. Когда я выпрямился, то увидел, что Джофф целится в меня из ствола.

— Спасибо, — прохрипел я толстяку.

— Не стоит благодарностей.

Я уселся обратно на койку и выпил несколько глотков. Потом вылил немного воды в сложенные руки и плеснул себе в лицо. Ощущение было замечательное. Я осушил чашку и поставил ее на маленький столик возле кровати.

— Ляг-ка снова, — сказал мне Джофф, все еще целясь в меня. — Тебе станет лучше. Кроме того, мне тогда не понадобится в тебе проделывать дырку.

Я послушался.

— Отлично, — сказал Джофф, положил пистолет на стол. — Так и лежи.

Они продолжали играть, пока я лежал и думал. Мне постепенно становилось лучше, но я все еще прикидывался совсем больным. Минут через десять я сел.

— Мне надо пописать, — объявил я.

Последовал еще один спор. Джофф сказал, что ему плевать, если я напущу в штаны. Толстяк запротестовал, что это его койка и что ему совсем не хочется терять замечательный новый матрас.

Они препирались и препирались.

Наконец Джофф бросил колоду карт на стол.

— Ну и ладно, если тебе хочется выступить в роли сиделки, то и выводи его.

Толстяк поднялся из-за стола и вытащил из кармана маленький биолюмовый фонарик.

— Погоди, — сказал Джофф. — Если он тебя попросит от-

крыть ему сортир, ты, чего доброго, дашь ему пистолет, чтобы двумя руками поскорее открыть сортир.

Он поднялся и направил на меня ствол.

— Выйди из двери, встань на крыльце и дуй оттуда.

— Мне надо побольше сделать, чем просто это,— ответил я.

Джофф нахмурился, думая, как ему быть. Невозможно спорить с природой.

— Ладно,— пробормотал он. Он взял фонарик у толстяка, подошел к двери, открыл ее и показал мне выходить жестом.

— Марш,— сказал он.

Я сделал вид, что мне страшно трудно подняться, что до определенной степени было правдой. Я прохромал к двери и вышел.

За дверью Джофф фонариком осветил мне тропинку между деревьями. Я пошел по этой тропинке. Джофф шел буквально за мной по пятам, так что он шел даже слишком близко, что его и погубило. Тропинка кончалась в маленькой рощице, где стояли удобства того типа, который мне больше не попадался с тех пор, когда мы сломали такой же сортир на нашей ферме на Вишну. Этот образчик был еще примитивнее. Наш-то был построен так, чтобы накопившуюся биомассу было легко использовать и извлекать для удобрений.

Я остановился, как вкопанный, притворяясь возмущенным.

— И мне придется воспользоваться этим?!

— Ах, извините, ваше королевское высочество, давай-давай, двигай,— он толкнул меня дулом пистолета, потом пошел почти рядом со мной, держа пистолет на прицеле, по мере того, как мы все подходили к будке.

Джофф был крутой парень, но не слишком умный. Собственно говоря, казалось, что он буквально нарочно облегчает мне мою задачу. Он встал под таким углом к двери, что... грех было не попробовать.

Он держал дуло пистолета почти у моего виска.

— Ну-ка, открой дверь пошире.

Я схватился за грубую деревянную ручку и потянул на себя. Дверь легко открылась.

— Хорошо,— сказал я и дернул дверь так, что она ударила его по другой руке и вышибла из нее фонарик.

Отвлечь его на мгновение — это все, что мне было нужно. Я вытянул вперед левую руку, одновременно отскочив вправо, и выкрутил пистолет у него из руки, почти вырвав ему и указательный палец в придачу. К счастью, оружие не выстрелило. Не было даже потасовки за пистолет. За секунду-две я оказался владельцем пистолета, а Джофф стоял в полном обалдении, баюкая свой покрасневший указательный палец. Я остановился, поднял фонарик и направил свет ему на лицо.

— Ну что, Джофф, на кого ты работаешь?

Он ничего не сказал, только заслонял лицо.

— Я хочу знать, на кого ты работаешь, а если ты мне не скажешь, то я тебя немедленно пристрелю.

— Мур,— ответил он быстро.— Зейк Мур. Я не...

— Это все, что я хотел знать.

— Пожалуйста, не убивайте меня.

— Я еще подумаю. Я встречал таких типов, как ты... Иисусе Христе, трудно даже вспомнить, сколько раз.— Я покачал головой и поцокал языком.— Почему такие, как ты, существуете? Меня это всегда поражало и озадачивало.

Он не стал мне на это отвечать.

— В корне всех великих тайн,— продолжал я,— вечно лежит молчание, они покрыты мраком неизвестности.— Я вздохнул.— Ладно, Джофф, заходи внутрь.

Он не двинулся.

— Заходи.

Он вошел в сортир и повернулся ко мне.

— Лезь в дыру.

— Что?!

— Еще одна тайна, Джофф. Мне всегда хотелось увидеть, можно ли это сделать.

— Ты с ума сошел!

— Возможно. Лезь в дыру. Сию секунду.

— Я никогда туда не смогу пролезть!

— Попробуй.

— Не стану!

— Джофф, помнишь, что я сказал там, в хижине? Я могу убить тебя сей момент и потом затолкать тебя вниз в мертвом виде. Лезь в дыру, и я могу еще подумать и не пристреливать тебя.

— Тебе придется меня застрелить.

— На здоровье,— я подошел поближе, чтобы как следует прицелиться.

— Погоди!— он дико озирался по сторонам.— Она слишком маленькая.

— Постарайся как следует.

Он, ей-богу, постарался. После примерно пятиминутных попыток он был в дыре уже по грудь.

— Я застрял!

— Ты довольно тощий. Попробуй как следует. Выдохни.

Плечи представляли собой действительные трудности, но с несколькими полезными советами, как ему лучше продвигаться и некоторого грубого давления, которые я осуществил своим сапогом, он смог просунуть левую руку между своими ребрами и краем дыры.

— Бр-р-р!.. ох-хх-х... господи!!!

— Чуть посильнее... ну-ну, выдохни и как следует протолкнись. Ты же можешь, если захочешь, Джофф!

После мучительной минуты или около того левое плечо Джоффа прошло в дыру. Я положил руку ему на голову, расставил пальцы и как следует толкнул. Это было поразительно долгое падение. Плеск долго отдавался от стен.

— Джофф?

Нет ответа.

Я пошел к хижине другой тропкой.

Посмотрев в крохотное заднее оконце, я увидел, как толстяк заваривает чай, стоя возле ржавой старой плиты, которая топилась дровами. Я прошел к парадному крыльцу и подождал у входа.

Много ждать не потребовалось. Он вышел из скрипучей парадной двери и встал на веранде, вглядываясь в ночь.

— Привет, толстяк.

Он завопил и подпрыгнул на полметра вверх. Потом он медленно повернулся.

— Слушай, приятель,— начал он.

Я направил на него пистолет.

— Я хочу услышать от тебя правду.

Он проглотил слюну.

— Ты и так все знаешь.

— Сколько времени вы должны были держать меня здесь?

— Пока Зейк не пришлет за тобой.

— Сколько времени бы это заняло?

— Не знаю. Он просто сказал какое-то время подержать тебя тут, и чтобы все было тихо.

— Ладно. Как далеко отсюда до «Хливкого Шорька»?

— Недалеко. Два километра, может, чуть больше.

— В каком направлении?

Он показал в направлении, прямо противоположном сортиру.

— Иди вот по этой тропинке. Когда выйдешь на дорогу, поверни налево и иди примерно полкилометра до развилки. Там поверни направо. Эта дорога приведет тебя прямо в «Хливкий Шорек».

— А сколько отсюда до дороги?

— Примерно десять минут хорошим шагом.

— И что, вы двое несли меня всю дорогу?

Он покачал головой.

— Нет, один из парней покрупнее перебросил тебя через плечо.

Я шагнул к нему.

— Ты уверен насчет того, куда мне идти?

Он решительно закивал головой.

— Сейчас я тебя не стану убивать,— сказал я спокойно.— Но если я обнаружу, что ты меня обманул, я вернусь.

— Клянусь, что не обманывал!

— Кстати, спасибо за воду, она была вполне ничего, а с твоей стороны это было вполне приличным поступком.

От облегчения лицо его обмякло.

— Да ладно, чего там. Джофф иногда бывает грубоват, он не...— толстяк посмотрел в направлении сортира с озабоченным выражением лица.— А что ты с ним сделал?

— Он обедает. Скажи мне, это здоровенное лиловое существо у тебя за спиной опасно?

Он рассмеялся, поворачиваясь, чтобы посмотреть.

— Не беспокойся на этот счет. После травки и не такое...

Я стукнул его рукояткой пистолета, и он упал врастяжку, прямо в грязь. Потом я снова заволок его в хижину. Когда я покончил с этим, голова у меня гудела так отчаянно, что я подумал, уж не идет ли из нее кровь. Но кровь не шла. Вот чаю бы действительно неплохо. Мне хотелось начать уносить отсюда ноги как можно скорее, но все же мне надо было немного прийти в себя. Я налил кипящую воду из ржавой кастрюльки в чайник и закрыл крышку. Тропинка через лес в ночи на незнакомой планете может оказаться очень и очень опасной, если не сказать, что браться за такое в моем теперешнем состоянии — форменная глупость, но мне надо было как можно скорее попасть в «Хливкий Шорек». Я очень беспокоился за Дарлу и остальных. Конечно, трудно было поверить, что Мур мог безнаказанно похитить и задержать где-либо у себя шестерых взрослых людей и инопланетянку, но надо было считаться с тем, что он мог владеть хоть всей планетой, и потому действовать безнаказанно.

Нет, я прекрасно понимал, чья незримая рука тут сработала. Прендергаст. Хозяин и капитан «Лапуты» представлял из себя такую силу, что с ней приходилось считаться во внешних мирах. Корабль, должно быть, каким-то образом прихромал в порт. Посыльные в быстрых, хороших автомобилях были немедленно разосланы с моим описанием и указанием перехватить меня и конфисковать ту «карту», которая у меня была. Мур, наверное, захватил Винни. Бедняга, должно быть, она напугана до смерти. И им обязательно нужна Дарла как переводчик. Может быть, для пущей безопасности, они захватят и остальных.

Связать толстяка оказалось трудным делом, поскольку поблизости не было никаких веревок. Это было странно для хижины дровосека, чтобы в ней не оказалось веревок. Видимо, толстяк не зарабатывал себе на жизнь. Мне пришлось разодрать простыни на полоски тупым кухонным ножом. Я связал его, как только мог — он все еще был совершенно без сознания, и похоже было, что он так и останется. Я подтащил его к койке и взвалил на нее.

То, что оказалось в чайнике, чаем явно не было, я такой травы не знал, и неизвестно, почему я ждал увидеть там именно

чай, но травка оказалась первосортной. Я выпил чашку, потом налил себе еще и выпил полчашки. Потом я обыскал всю хижину в поисках ключа от Сэма, хотя на самом деле совершенно не ждал, что найду его. Быстрый обыск карманов толстяка ничего мне не дал. Неужели ключ был у Джоффа? Я даже не подумал спросить его об этом. Потом из алкогольного тумана выплыло воспоминание, как Дарла предупреждала меня взять с собой ключ, когда я отправлялся в свой церемониальный поход. Я сказал ей, чтобы она оставила ключ у себя, чтоб я не потерял его, пока буду бегать по кустам, как заяц. Кроме того, я был пьянее скунса-вонючки.

Но если Дарла теперь была во власти Мура...

Ладно, поживем — увидим. Пора убираться отсюда к черту. Я покончил с чаем, заткнул пистолет за пояс, взял фонарик и пошел прочь.

Эти леса были такими дикими и странными. Теперь я вполне понял, что хотела сказать Лори, когда она говорила про «дикие ощущения». Пока я шагал по лесу, воспоминание о том, что я увидел сразу перед тем, как меня огрели по башке, становилось все отчетливее, хотя мне по-прежнему было трудно отличить эту реальность от видений, которые являлись мне, пока я приходил в себя на койке в хижине. Мне все-таки не хотелось думать над тем, что мне встретилось в лесу. Лучше сосредоточиться на том, куда я иду.

Тропинка начиналась именно там, где говорил толстяк. Я шел прямо несколько метров, потом петлял по подлеску и шел при этом почти все время под гору. Вокруг огромные древесные стволы стояли, словно колонны в огромном и темном храме. У меня было смутное чувство, словно за деревьями кто-то прячется и наблюдает за мной. Я беспокоился насчет фонарика. Мур и банда его сообщников вполне могут как раз сейчас идти мне навстречу по той же тропинке. Свет, который появится на тропинке и сразу же пропадет, наверняка выдаст человека, которому сейчас не хочется общаться с себе подобными. Они запросто догадаются, что это я и есть. Нет, мне придется идти в полной темноте.

Я остановился. Почему бы не испытать свои глаза прямо сейчас? Я выключил фонарик.

Лунный свет. Мне было вполне хорошо видно. Я прошел несколько шагов. Дальше на тропинке разрыв в тесных кронах давал возможность кусочку луны светить прямо на тропинку. Я стоял и смотрел на луну. Она была такой яркой, что глазам было больно. Вокруг меня призрачно светилась чужеродно окрашенная листва. Из темноты за деревьями раздавались странные свистящие и щебечущие звуки, резкие щелчки, жужжание. Чем больше я так стоял, тем больше звуков до меня доносилось, они слышались все дальше и дальше. Все и вся, казалось, пульсировало жизнью. Ужасающий вопль справа потряс

меня. В нем слышалось нечто очень человеческое. Жалобные плачи начались в противоположном направлении. Они раздавались довольно далеко и звучали уже не столь по-человечески. Мне это не понравилось, не в восторге я был и от приглушенного свинячьего хрюканья, которое слышалось позади.

Я пошел вперед, говоря себе, что свет только привлек бы те существа, которые тут обитают. Я сам себе не верил, но все равно продолжал идти в полумраке. Я такой. Иногда я могу быть таким невероятно упрямым дураком.

Физически мне стало получше. Я уже не был так стопроцентно уверен, что помру непременно. Мучительная головная боль, но все же знакомых, человеческих масштабов, прочно обосновалась в моей башке, а тошнота была средних размеров, только иногда превращаясь в средне-ужасную. Но мне с каждым шагом становилось все лучше. Ничто не помогает в таких случаях столь же хорошо, как прогулка быстрым шагом на свежем воздухе. Воздух был очень приятным, освежающим, но не морозным. Запахи были весьма разнообразны, словно множество духов, но они не отупляли, а взбадривали. Мягкий, молочный лунный свет падал сквозь ветки вниз. Ветра не было. Тропинка была плотно прибитая и протоптанная, она пружинила под ногами, словно мох. Все окружение было больше похоже на парк, чем на дикий лес. Я наполовину ожидал увидеть по дороге раскрашенные скамеечки и урны для мусора. Тропинка резко свернула направо, потом потихоньку стала взбираться в гору. Я шел дальше и дальше, ускоряя шаг, пытаясь не подпрыгивать при каждом чириканье и шорохе, которые звучали в кустах, когда я проходил. Черт побери, это был весьма оживленный лес. Главным образом, конечно, насекомые. Просто насекомые, сказал я, нервно улыбаясь.

Ох уж эти запахи... духи ночи. Они меня опьяняли, и трудно было сказать, успокаивали они меня или, наоборот, усиливали мои страхи. Может быть, они даже их порождали. Обычно я не боюсь темноты, и, уважая странности чужих планет, все-таки никогда не боялся ходить один ночью. Я много раз проделывал это раньше. Но тут, на планете Высокое Дерево, было что-то такое, что заставляло вспоминать самые первобытные, примитивные страхи... те страхи, которые слабыми угольками тлеют в подсознании человека. Это был археотип заколдованного леса. Страшный, да, но еще и волшебный, весь кишащий тайнами и секретами.

Черт возьми, развилка. Толстяк говорил о развилке, но он упоминал развилку на главной дороге, правильно? Тропинки расходились передо мной во тьме, и я на миг остановился, пытаясь понять, какая из двух была подвержена большему вытаптыванию. Та, которая вела налево, вроде была пошире и проторенная. Я быстро осветил ее фонариком. Ладно, попробуем влево.

Подлесок стал редеть, под ним оказались лужи воды и серебристого сияния луны, цветы с бледными лепестками словно купались в этом освещении. Направо от меня в небольшом подъеме серо-голубые скалы шли параллельно тропинке, показывая своими очертаниями то, что некогда могло быть руслом высохшей реки. Мне показалось, что я слышу поблизости запах воды. Конечно, тропинка спускалась к тихому узкому ручейку, который я перепрыгнул в два прыжка, используя в качестве опоры для второго плоский камень как раз посередине потока. Тропинка начала медленно подниматься в гору. Я все еще слышал сзади странное похрюкивание. Оно начинало помаленьку действовать мне на нервы, потому что тот, кто похрюкивал, тоже шел по тропинке. Но пока что непохоже было, чтобы это существо меня нагоняло.

— Bleu.

Я остановился. Что-то или кто-то там, в кустах, четко сказало по-французски «голубой». Заметьте, не красный, не серый, не обычно по-английски — «голубой», а именно вот так, «bleu», с замечательно правильной носовой интонацией.

— Bleu,— раздался другой голос. Он уже высказался вполне определенно, утверждая хорошо известный факт.

— Bleu,— подтвердил еще один голос с другой стороны.

— Ну хорошо, голубой, голубой,— сказал я.— И что такого?

На миг — полное молчание. Потом:

— Bleu!

Я снова начал идти, вглядываясь в темноту. Я не мог никого там разглядеть.

— Bleu?— теперь это прозвучало как вопрос.

— А черт его знает,— ответил я.

— Bleu,— подтвердил еще один голос.

Я шел посреди этого лаконичного диалога еще две или три минуты, а вокруг меня на разные лады голоса твердили «голубой» да «голубой» по-французски. Никто не приходил в экстаз от этих переговоров, только время от времени слышалось восклицание: «bleu!».

Что там такое говорил толстяк? Десять минут быстрым шагом? Я был уверен, что уж десять минут я наверняка иду. Я редко надеваю часы, и теперь я об этом пожалел. Настал момент, когда мне, наверное, надо было бы вернуться и пойти по другой тропинке от развилки. Ну ладно, пройду еще чуть-чуть. Кроме того, это хрюканье и сопенье раздавалось теперь немного поближе. Я был в этом уверен. А может быть, меня просто напугали? Очень легко напугать человека, если непрестанно говорить ему из темноты «голубой» по-французски. Со звуками я еще мог примириться. Мне было все равно до тех пор, пока говорящий так и оставался анонимным голосом. Сейчас мне было не до того, чтобы заводить новые знакомства.

Я остановился. Мне показалось, что я услышал плеск.

— Гр-р-рип!

Это прозвучало так близко, что я подпрыгнул. Я попятился на тропинке, потом повернулся и помчался поросячьей трусцой.

Сопенье и хрюканье стало громче и явно приблизилось, теперь оно стало угрожающим. Тот, кто производил такие звуки, теперь еще запыхался, что-то бормотал и, вполне вероятно, пускал слюну от предвкушения чего-то вкусненького.

Я побежал, а мне вслед поднялся целый хор, который вопил «гр-р-рип!» в подлеске. Тропинка все еще поднималась в гору, потом стала выравниваться. Вскоре я миновал ту территорию, на которой кричали «грип!» и вступил в полосу, где вопили другие голоса. Буль-буль, чирик, чити-чити, твит-твит, выбирай на вкус. Лес просто кипел сплетнями. «Он бежит! Хватайте его!» — казалось, говорили они. Издалека раздавались безумные военные кличи и жалобные вопли. Слухами полнился лес. Та тварь, что бежала за мной, теперь наверняка уткнулась рылом в мой запах. Нервное хлопанье кожистых крыльев в ветвях совпало с паническим криком где-то в небе. Передо мной на тропинке лежал какой-то круглый силуэт. Он жалобно заболботал и рванул удирать в темноту. Я слышал, как копытца колотили по мху справа от меня, а ветки ломались на пути какого-то перепуганного животного. Что ж, в компании и удирать не страшно. То, что мчалось за мной, было явно крупного размера, а по топоту казалось, что оно бежит за мной на двух ногах. Теперь оно действительно бежало за мной, что-то маниакально бормоча. Тропинка изогнулась диким зигзагом, потом выровнялась, потом резко повернула влево, пошла по склону крутого холма. Я пыхтел, взбираясь по ней, потом свернул в закоулок, прислушиваясь к звукам топочущих ног за своей спиной, чуть ниже тропинки. Эта тварь была крупных размеров, она словно пожирала расстояния, они были ей нипочем. Холм даже не замедлил ее топота. Я помчался дальше и выше по тропке. Звуки, которые издавала эта зверюга, могли присниться только в кошмарах, потому что они звучали очень по-человечески. Во всем этом была какая-то нотка безумного изголодавшегося злорадства, словно тварь наслаждалась погоней.

Еще несколько поворотов — я добрался до вершины холма. Тропинка продолжала идти по краю обрыва, потом уходила дальше в глубь деревьев. Я решил остановиться и передохнуть. Я понял, что перегнать эту тварь мне не под силу, а бег в гору и так вымотал меня. Сойти с тропинки показалось мне хорошей мыслью. Если эта зверюга была действительно крупная, между деревьями ей труднее будет меня преследовать. Так я надеялся.

Тропинка сворачивала вправо и шла по узкому гребню холма. Подлесок обильно рос по склонам этого холма. Что-то бо-

льшое лежало на тропинке впереди — упавшее дерево. Я вытащил пистолет, осмотрел его и прицелился на тропинку. Эта тварь приближалась. Она не замедлила ход, не поколебалась, она мчалась на всех парах, пуская слюни от удовольствия гонки. Лапы ее стучали по мягкому мху тропинки. Она рычала, хихикала, пыхтела и сопела. Она страшно шумела. Весь лес кругом визжал от нарастающего ужаса. Целые стаи насмерть перепуганных существ взлетали на шумных крыльях в ночь. Невидимые твари в сумраке лепетали, булькали и кричали по-французски «голубой!». Голоса в деревьях визжали и выли от негодования и страха. Тысячи крохотных существ мчались по подлеску. Зверь приближался ко мне все сильнее и сильнее. Дыхание его походило на взрывы пара. Я все еще не мог различить его. Плохо. Чтобы его застрелить, мне надо его увидеть.

Я вскочил и помчался, как черт. Мне, честное слово, не хотелось его убивать. Никогда нельзя ничего сказать про совершенно неизвестное тебе существо. Может быть, оно лопает пули на завтрак, и твои выстрелы его только разозлят. Может быть, его жизненно важные органы находятся в ногах. Может, у него броня толщиной в десять сантиметров. Что ты станешь делать, если после твоего самого лучшего выстрела зловредная тварь только поведет плечами? Как правило, стрелять в инопланетную неизвестную тварь можно только в самом крайнем случае. Но мне и этого не хотелось делать. Если я сперва сунусь в кусты, у меня может не быть шанса на четкий прицельный выстрел. Я был уверен, что тварь будет за мной гнаться, будь там тесный подлесок или нет. Сердце мое колотилось о грудную клетку так сильно, что могло ее разломать. Слишком много сидят водители за рулем, чтобы быть в хорошей форме. Я мчался на чистом адреналине. Я не думаю, что мои легкие вообще были в состоянии работать.

Впереди был свет — лунные лучи падали на тропинку. Я промчался по тенистой противоположной стороне. Я с трудом притормозил, но вернулся, присел и прицелился.

Тварь замедлила бег. Она остановилась как раз на краю залитого светом участка. Она стояла там, задыхаясь и скалясь. Я же все еще никак не мог ее увидеть.

Я прицелился в угадываемый мной центр всех этих страшных звуков и выпустил туда всю обойму пистолета. Бр-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р! Четыре секунды на то, чтобы выпустить туда весь запас своих сверхплотных металлических пулек. Мой лучший выстрел. Я отскочил с тропинки в подлесок рядом, размахивая руками, проложил себе путь меж широколистных колючих кустов, споткнулся, прорвался через другую сторону, скатился по крутому склону. Колючие усики растений вцеплялись в мою куртку, ветки хлестали по лицу, скалы царапали мне ребра. Я катился и катился, пока наконец не встал на ноги, давая инерции падения пронести меня подальше. Я скатился на

ровную тропинку, поскользнулся, упал и заполз за дерево. Прислушался.

Все, что я мог слышать — это рев и гудение собственной крови в ушах.

Тишина. Неожиданно все живые существа в лесу заткнулись.

Тишина продолжалась несколько минут, хотя, наверное, даже меньше. В какой-то момент я решил, что можно начать снова дышать. Я захлебывался воздухом, судорожно разевал рот, как рыба, потом наконец дыхание восстановилось. Я все слушал и слушал. Ничто не шевелилось, ничто не разговаривало. А потом...

— Борк? — спросил нерешительно кто-то справа от меня.

Я вздохнул и послушал еще немного.

— Борк? — спросили меня снова.

Я подперся руками, медленно поднялся на ноги и прислонился к стволу дерева. Потом глубоко вздохнул.

— Ага, — сказал я. — Борк.

Я стер с лица грязь, стряхнул ветки и листья с куртки.

— Определенно борк, — добавил я.

Еще один голос произнес впереди такое же «борк», потом остальные подхватили новый клич, обрадовавшись, что вопрос с борком решился. Постепенно лес снова ожил, но настроение теперь стало потише.

Я отдохнул, присев под деревом на несколько минут. Потом зашагал возле основания холма, разыскивая чистую и четкую дорогу, по которой можно было бы взобраться обратно на холм. Такого пути не было. Честно говоря, мне не очень хотелось забираться обратно на холм. Эта тварь могла быть только ранена и лежать теперь на тропинке. Или я вообще мог в эту сволочь не попасть. Мне ничего не было известно, да и не очень хотелось узнавать, как у нее дела.

Примерно через пятнадцать минут я должен был признать, что потерялся. Я было думал, что найти тропинку снова окажется легким занятием, однако недостаточно было просто идти вдоль основания холма, а потом забраться наверх и выйти к тропинке. Я сперва так и сделал. Мне даже сперва показалось, что я выбрался на ту тропинку, по которой шел раньше, но оказалось, что она идет в том направлении, откуда я пришел, и все окружение было мне незнакомо. На холме не было никаких закоулков, где я прятался, никакого ручейка, ничего подобного. Я прошел очень много вдоль основания холма, потому что хотел выбраться на тропинку как можно дальше от того места, где лежала раненая тварь. Наверное, я просто слишком много прошел. Территория оказалась куда сложнее, чем представлялась мне сперва. Я попал на тропинку, которая шла вдоль того же самого обрыва, возможно, это была ветка первоначальной тропинки.

Но увы, это было не так. Я несколько раз прошелся по ней в разные стороны, но не нашел никакой другой тропинки, которая пересекала бы эту. Собственно говоря, эта тропинка совершенно терялась в зарослях. Я совершенно потерял ориентацию и заблудился.

Я блуждал около часа. Теперь я успокоился. Лес стал знакомой местностью, пусть даже я и не знал, куда идти, в какую сторону. Он казался мне теперь только волшебным, но не угрожающим. Я слышал музыку, а может, мне просто показалось, что я ее слышал. Она была на самом пороге слышимости. Прелестная, чарующая музыка. Сперва я подумал, что я неподалеку от «Хливкого Шорька», но музыка была совершенно непохожа на ту, которую мне когда-либо доводилось слышать. С этой музыкой словно пел нежный женский голос. Эта женщина, как мне показалось, призывала меня.

Я уселся на пень и потер виски. Нет, не надо поддаваться старым штампам. Никакие сирены не зовут меня из скал, вернее, никакие дриады не зовут меня с деревьев. Что такое со мной было? Я был словно пьяный. Я и был пьяный. Господи, но с чего? Я не знал. Разумеется, не с пива — это все было много часов назад. Мое похмелье совершенно прошло, я чувствовал себя физически просто замечательно, только немного болели ребра и спина, там, где я катился. Я посмотрел на небо. Я сидел на краю просеки на пологом холме. Посреди просеки было что-то вроде муравейника, куча мха и папоротников. Выглядела она очень красиво. Я посмотрел выше. Небо было усеяно миллионами звезд. Я долго смотрел на небо. Потом движение внизу, замеченное краем глаза, заставило меня переключить внимание.

Нечто на двух ногах — бледный силуэт в лунном свете — выскочило на поляну, крутнулось вокруг холмика мха и снова исчезло. Все произошло настолько быстро, что я не смог даже разглядеть это существо. Оно не издало ни звука. Я покачал головой и пожал плечами. Потом встал и подошел к магической кучке мха. Снова посмотрел на небо. Звезды. Неважно, куда бы ты ни приехал в Галактике, звезды всегда кажутся одинаковыми. Я подумал над этим. Глубокая мысль. Потом потер лоб. Все-таки я еще был пьян.

Что-то летело на фоне звезд. Метеорит.

Нет. Это «что-то» поднималось вверх. Странный угол взлета...

Не может быть...

Что-то взорвалось, расцветая звездными взрывами красного, белого и голубого. Я сразу же слетел с тех высот, на которых парил. Странный сон, в котором я пребывал, исчез.

Сигнальная ракета Сэма! И он был близко!

Я рванул с просеки, словно олень, бросился в гущу деревьев. Пологий склон превратился в крутой спуск, на дне которого

была дорога, проложеная дровосеками. Я вытащил фонарик, зажег его и побежал влево. Я шел домой.

Труся вдоль дороги, я подумал о том ночном звере, который гнался за мной, и меня поразила полная невероятность этого происшествия. Разве ночные хищники не охотятся за своей добычей молча и бесшумно? А то существо там, на тропинке... оно же шумело, как черт. Он с восторгом объявлял свои кровожадные намерения всей округе. Но, может быть, у него просто такой стиль. И все же в этом не было ни малейшего смысла. Была, конечно, отдаленная вероятность, что я все это вообразил, но я не мог заставить себя отнестись к происшествию подобным образом. И потом, что означает слово «вообразил»? Что, у меня были галлюцинации? Нет, такой привычки у меня нет. В происшедшем не было никакого смысла, независимо от того, с какой точки зрения на это смотреть.

Я минут пять мчался, не разбирая дороги, потом увидел передние фары, которые выехали из-за поворота на дороге. Я услышал знакомое постанывание мотора Сэма и бросился навстречу, помахивая фонариком.

Глава шестая

Шон Фитцгор схватил мою руку и втянул меня в машину.

— Чего, маленько прогуляться пошел?— сказал он.— Замечательный для прогулки вечерок.— Он хлопнул меня по спине так, что синяк был мне обеспечен.

Джон поднялся с сиденья стрелка и заключил меня в свои объятия, причем его тощие руки больше всего напоминали бобовые плети.

— Джейк! Слава богу!

— Мы были в той хижине,— сказал Роланд.— Ты давно убежал?

Я плюхнулся на водительское сиденье, покачивая головой.

— По-моему, целые века назад. Не знаю, наверное, часа три. А что происходит? Что творилось?

— Сперва,— вставил Сэм,— расскажи, что случилось с тобой.

Вкратце я изложил события.

Шон серьезно кивнул.

— Я же знал, что Мур затевает что-то дьявольское. Я так понял, что ему нужен был ты, но Дарла и Винни...

— Вот черт,— я мрачно посмотрел на всех присутствующих. Друг Шона. Лайем. Его правый глаз немного заплыл.— Как это получилось? Когда?— Я оглянулся по сторонам.— Погодите, а где Карл и Лори?

Я сел попрямее.

— И Сьюзен — где Сьюзен?

— На них напали,— сказал Лайем.— Но мы это видели, и похоже, что теперь они в порядке.— Он ухмыльнулся.— Была тут такая потасовка...

— Маленькая Лори замечательно себя вела,— сказал мне Шон.— Почти отгрызла палец одному гаду.

— Вот тогда они и поймали Винни, как мне кажется,— сказал Джон.

— Где они?— спросил я.

— С друзьями,— сказал Шон.— Сьюзи хотела поехать с нами, но мы ее убедили этого не делать.

— Она совершенно всмятку,— сказал Роланд.— Сьюзен не часто пьет, но уж если это случается...

— Ты и сам показал себя на всех парах и заправился по всем параметрам под завязку,— прокомментировал я.

— Я вполне могу справиться с огромной дозой выпивки,— сказал он сухо, но слегка позеленел.

— А как насчет Дарлы?— спросил я.

— Мы не знаем,— ответил Джон.— Она пошла наверх, вероятно, зайти в туалет. Когда я сам пошел наверх, ее нигде не было, и мы с тех пор ее не видели.

— Замечательно,— сказал я.— Есть идеи?— спросил я Шона.

Потом я обмяк в кресле и еще раз посмотрел на всех.

— Она может быть в любом месте. Мы наконец догадались, где можешь быть ты, потому что я заметил, как на тебя смотрел Джофф Брандон, еще раньше, вечером. Мы отправились на ферму Джоффа, что заняло изрядно много времени, а потом я вспомнил, как видел жирного Тимми Мак-Элроя, который там тоже ошивался, в баре. Вот надо же было так случиться, что я не вспомнил раньше.

— Ты к тому времени давным-давно ушел,— сказал Лайем.— А она может быть везде, где угодно, Джейк. У Мура в его банде полно ребят.

— А Винни?

— О, скорее всего они станут держать Дарлу и Винни вместе,— рискнул выдвинуть гипотезу Шон.— И несомненно, они хотели, чтобы тебя с ними не было, по совершенно очевидным причинам. Ты хорошо себя показал, Джейк, мальчик мой.

— Совсем не так хорошо, как мог,— сказал я.— Я повел себя вопреки своим лучшим инстинктам.

— Нам всем придется взять на себя часть вины,— сказал смущенно Лайем.— Ведь это же мы протащили тебя через всю эту глупость с Буджумом. Это всегда считалось веселым занятием, но...— он безнадежно пожал плечами.

— Да это вовсе не ваша вина,— сказал я,— но давайте не тратить время на выяснение того, кто тут больше виноват.

— Ага, давайте-ка лучше действовать,— вставил Сэм.—

Давайте поколотим кого-нибудь до посинения, лучше всего немедленно. Любой, кто попадется, сгодится для этой цели.

— Не думаешь ли ты, что это несколько поспешное решение?— спросил Джон.

Роланд нахмурился.

— Ну, мы уже заявили в местную полицию.

— Да,— сказал Шон, издав издевательски-вежливое покашливание.— Они сказали, что будут «расследовать».

Лайем вставил:

— Я не стал бы доверять им настолько даже, насколько я могу плюнуть против ветра.

— Правильно,— согласился Сэм.— Поэтому нанесем-ка мы визит мистеру Муру и выбьем из него столько дерьма, что он просто вынужден будет отдать Дарлу и Винни.

— Мне кажется, что это лучший способ действий,— заметил Шон.

— Наверное, у тебя есть какие-то предположения относительно того, где могут прятать Дарлу и Винни,— настаивал на своем Джон.

— Какие-то догадки у меня, конечно, есть, но можно гоняться по ложному следу по лесу всю ночь и никого не найти.

Джон откинулся на сиденье и прикусил губу.

— Есть ли шанс, что они до сих пор в гостинице?— спросил я.

Лайем пожал плечами.

— Мы обыскали столько комнат, сколько смогли.

— А гостиница совсем не кажется такой большой,— заметил Сэм.

— Ну ладно,— сказал я,— давайте все равно поедем туда.— Я повернулся к приборам управления.— Мне хочется поговорить с Муром.

— Довольно поздно уже,— сказал Роланд.— Неужели он будет там?

— А он всегда там,— сказал ему Шон.

Я завел мотор.

— Кто-нибудь знает, сколько еще прочих постояльцев в «Хливком Шорьке»?

— Несколько человек там точно было,— сказал Лайем.— Но по будням тут особых посетителей нет.

Джон спросил:

— Что ты собираешься делать, Джейк?

— Шон, мог бы ты и Лайем пробраться с заднего хода и предупредить их, что намечается небольшая стрельба?

— Никаких проблем с этим нет. Если среди них окажутся дуботолы, которые не захотят нам посодействовать, мы их просто вырубим.

— Мур — хозяин этой гостиницы, так ведь?

Я осторожно провел тяжеловоз через глубокую канаву. В свете фар лес казался еще призрачнее и заколдованнее.

— Он частично владеет гостиницей, как мне кажется. Совладелец, которого здесь нет,— это какая-то компания на Морском Доме,— ответил Шон.

— Но у него в эту гостиницу вложены деньги?

— Да, конечно. Эта гостиница и еще несколько предприятий. У него делишки во многих злачных местах, у Мура. Но «Хливкий Шорек» — дитя его сердца.

— Тогда мы знаем, где его самое ранимое место,— ответил я. Мы подъехали к перекрестку, и я замедлил ход.— Куда нам отсюда ехать?

— Налево,— сказал Лайем.

— Вы думаете, удастся предупредить гостей без того, чтобы насторожить и разбудить Мура?— спросил я.

— Это будет трудновато,— ответил Шон,— но мы постараемся убедить их, что надо держаться максимально тихо. Да там не больше полдюжины людей в нескольких комнатах.

— В этой гостинице может оказаться охрана.

— Возможно, но я в этом сомневаюсь. Он же не знает, что ты на свободе и в полном вооружении, если уж на то пошло. Гостиница сейчас притихла, но в «Стрижающем мече» еще могут оставаться гуляки.

— Он открыт всю ночь?

— Никогда не закрывается.

— Хорошо. Значит, кроме нашей попытки аккуратно разбудить постояльцев, там и так будет довольно шумно.

— А что именно ты имеешь в виду, Джейк?

— Я собираюсь отдать ему его гостиницу в обмен на Винни и Дарлу.

Мы выпустили из машины Шона и Лайема примерно в четверти клика от гостиницы. Они получили четкое указание убедиться, что все гости успели выбраться из гостиницы и что Винни и Дарла не находятся в спальне Мура. Я сказал им вести себя очень тихо и немедленно сообщить, если что-либо пойдет не по плану. После того, как они выставят постояльцев из гостиницы, они должны были выгнать всех из бара, как только впереди начнутся беспорядки, потому что именно с парадного входа я и собирался действовать. Если гости отказались бы открыть двери или покинуть гостиницу, их надлежало честно предупредить. Мы подождем еще час, а потом кинемся в атаку.

Если только возможно, один из наших друзей должен был бы дать нам к тому времени отчет о том, как у них все получилось.

— Как ты думаешь, у них может все это получиться без того,

чтобы насторожить Мура и всю его команду? — спросил Джон, когда Шон и Лайем исчезли за деревьями.

— Не знаю, — ответил я. — Они больше знают про привычки старого Зейка, чем мы.

Я пошел в кормовую кухню заварить себе чашку кофе. Он был мне крайне нужен. Джон и Роланд пошли следом за мной.

— Кроме того, — продолжал я, — я подозреваю, что Мур расслабился и не стал охранять гостиницу. Насколько он знает, я под арестом в хижине, а вы все разбежались. И если Шон прав относительно его привычки выпить на ночь, то мы можем застать его, как говорится, без штанов.

— И если его приспешники пьют так же здорово, как он сам, — прибавил Джон.

— На этой планете все пьют как рыбы, — сказал Роланд.

— Твои плавники недаром виднеются, — сказал я.

Он ухмыльнулся мне, потом рыгнул. Потом потер живот.

— Моя будущая язва снова проснулась, — простонал он.

Я покопался в аптечке, пока не нашел для него снадобье.

— Лови, — сказал я ему, перебрасывая через кабину бутылочку пилюль. — Циметидин. Прими одну.

Он поймал пузырек и с восторгом покачал головой.

— Есть ли что-нибудь такое, чего у тебя нет в этом шкафчике с лекарствами?

— У меня там все есть, — сказал я, — для поднятия настроения, и снотворные, и все, что хошь — только назови.

— Верю.

— Кто бы мог подумать, что мое чадо вырастет торговцем наркотиками, — сказал Сэм.

Лайем вернулся через сорок пять минут.

— Не так много постояльцев, как нам казалось, — сказал он нам. — И некоторые из них сидели внизу в баре. Мы предупредили остальных, они вымелись оттуда без всякого протеста.

— Есть охрана?

— Двое дрыхнут в конторке. Мне кажется, у Мура один или два парня пьют с ним в его комнатах. Мне кажется, они ничего неожиданного не ждут.

— Отлично. Где Шон?

— В баре. Не беспокойся, когда что-нибудь начнется, они мигом выскочат через заднюю дверь.

— Отлично. Мне не хотелось бы никаких невинных жертв. Ты вполне уверен, что Винни и Дарла не там?

— Такой шанс есть, но я в этом сомневаюсь. Они, скорее всего, где-нибудь в лесу.

— Порядок.

Я завел мотор и поехал вперед. Ветки хлестали по крыше, они едва возвышались над машиной. Крохотные глазки поглядывали на нас из темноты — по крайней мере, мне так казалось, потому что стоило мне поглядеть внимательно прямо на

них, как они исчезали. Неужели я все еще был пьян, и мне мерещилось? Нет, я все-таки протрезвел, но все-таки еще не был до конца уверен, где реальность, а где галлюцинации. На самом деле не так уж это состояние отличается от реальности, если хорошенько подумать.

Дорога свернула вправо, и впереди появился свет. Я заставил мотор взреветь, чтобы его было слышно. Мне теперь не нужны были тонкость и незаметный подход. Это был мой роскошный спектакль, и мне нужна была аудитория. Я зажег фары высокой яркости, те, которые мы используем на дальних расстояниях и сфокусировал прожектор на окнах, которые были прямо рядом с офисом. Я прокатился по опустевшей стоянке и остановился метрах в пятнадцати от главного входа. Потом я включил усилитель на 5000 ватт, переключил на внешнюю связь, надел шлем и начал говорить.

— ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ,— я услышал свой собственный голос, который загремел в ночи.— Я обращаюсь к владельцу этого заведения, мистеру Зейкери Муру.

— Матерь божья, да ты мертвых разбудишь,— пожаловался Лайем, затыкая уши.

— Я снова повторяю: внимание, мистер Зейкери Мур. Вас просят выйти на парадное крыльцо и встать посреди него.

Я дал ему двадцать секунд.

— Мур, вытащи свою задницу на крыльцо, да поживее, не то я выпущу ракету прямо в окно твоей спальни.

В окне прямо возле офиса появилось на миг чье-то лицо и исчезло. Мне трудно было сказать, кто это.

— Сэм, давай-ка разбудим его музыкой.

— У меня есть как раз подходящая для побудки музычка,— сказал злорадно Сэм.

Мы оглушили гостиницу, обрушив на нее восхитительное исполнение «марша золотых орлов» примерно с полминуты. Потом парадная дверь открылась, и на крыльце появился Мур, закрывая глаза обеими руками. Он был одет в длинные серые кальсоны.

— Выключите этот чертов свет!— проревел он.

Я отклонил прожектор совсем чуть-чуть, но свет не выключал.

Он подслеповато прищурился. Он был наполовину сонным и смертельно похмельным.

— Что за долбаная чушь тут творится?

Джон сказал:

— Мне странно, что он вообще вышел.

— А он привык, что все делается по его велению,— сказал Лайем.— У него наглости хватает, это про него надо прямо сказать.

Я уменьшил громкость усилителя, но не до конца.

— Может быть, ты не узнал голос. Ты разговариваешь с Джейком Мак-Гроу.

Он попятился назад.

— Что тебе надо?

— Ты и сам прекрасно знаешь, черт возьми. Я хочу получить своих друзей обратно.

— Я не отвечаю за твоих гребаных друзей. Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он все еще пытался блефовать, но глаза его неожиданно забегали, выдавая тем самым его уязвимость. Он попался прямо в ловушку. И я знал, что так оно и будет. Он был из тех здоровенных сукиных детей, которые вечно всех расталкивают локтями и просто не могут вообразить себе, что может хоть что-то пойти не так, как они себе это представляют. Ему даже не пришло в голову сперва выглянуть из окна, увидеть, что перед крыльцом стоит тяжеловоз, и подумать: а ведь это пахнет неприятностями. Он, вероятно, решил, что это местная жандармерия приехала расследовать заявление о похищении нескольких человек, а он решил выйти и обругать их как следует. Как это они посмели разбудить большую шишку, вроде него, посередь ночи?! Ну-ка, мальчики, пошли вон, а утром приезжайте, и мы сразу же разберемся со всей этой ерундой.

— Ты знаешь, Зейк,— сказал я,— что я устал. Я не собираюсь спорить с тобой. Тут на твое пузо нацелена небольшая зажигательная пушечка. Ты будешь тут стоять и скажешь своим лакеям, чтобы они сию секунду привели нам тех, кто нам нужен, пока мы ждем. И нам сюда приведут наших друзей в добром здравии, нетронутых, за разумное время— скажем, минут за пятнадцать. Если нет, то я пожарю твои почки и скормлю их на завтрак собакам.

Он выпрямился и расправил плечи.

— А вот теперь,— сказал он размеренно,— даже не рассчитывай снова увидеть своих друзей.

— О, понимаю. Мы вдруг оказались на совсем другом уровне спора. Ты признаешь, что на самом деле похитил моих спутников и держишь их где-то против их воли?

— Ничего я не признаю,— ответил он и сплюнул на крыльцо,— почему это ты думаешь, что я кого-то похитил? Женщина и так бежит от правосудия. «Арест» был бы более подходящим словом.

— Чушь дерьмовая,— сказал я.— Какая разница вам, во внешних мирах? Если ты мне скажешь, что у вас тут существует экстрадиция, то я тебя к доктору пошлю провериться.

— Это не вопрос экстрадиции. «Предупредительное заключение»— вот как это называется. Кроме того, я тебе не обязан отвечать, как чего называется, приятель. Кроме одного: если немедленно не уедешь отсюда — ты мертвец.

Его наглость поразила меня.

— Я мертвец? Приятель, ты в нескольких наносекундах от того, чтобы стать сосиской на завтрак.

Он сложил на груди руки.

— Тогда начинай считать наносекунды.

Я установил подходящие параметры цели на панели управления и поставил ракетную установку так, чтобы она била по цели в пределах видимости. Потом я нажал кнопку «прицел».

— Сейчас начнем считать, малыш. Но сперва хотелось бы кой-чего узнать. От кого ты получал приказания?

— Я ни от кого не потерплю приказаний.

— Ну хорошо — советы? Предостережения? Давай, Мур, кто-то ведь навел тебя на меня и сказал тебе, что Винни — ценный объект. Это был Прендергаст?

— Похоже, что все слышали про тебя и твои героические походы. Ты говоришь, пропала твоя экзотическая зверюшка? Можешь подать заявление в местную охрану собственности утром, если хочешь. Твоя зверюшка наверняка заблудилась в лесу.

— Ай-яй-яй,— сказал я.— Теперь мы снова ничего не признаем. Ты тут сам себе противоречишь. Пропали как раз двое моих друзей — человек и инопланетянин. А ты сам признал, что ты их похитил.

Он фыркнул.

— Я ни в чем не признаюсь, а свои противоречия можешь засунуть себе в задницу.

Я дважды похлопал в ладоши, потом мой палец навис над кнопкой «огонь».

— Хорошо сказано, для человека, который вот-вот умрет.

— Неужели ты всерьез думаешь, что сможешь цел и невредим убраться с этой планеты, если со мной что-нибудь случится? — издевательски сказал он.— Меня очень хорошо знают в этих лесах, и если...

Я нажал на кнопку, и раздался свист, сверкнула вспышка, а потом последовал звук «бумп» от взрыва. Вокруг стоянки полетели осколки древесины и мусор.

Когда все попадало, Мур сошел с крыльца и посмотрел вверх.

— Ах ты, сволочь...

— Ага,— сказал я.— Замечательная была дымовая труба. Изумительная работа по камню. Это клали местные печники? Как жаль...

Он повернулся и боролся с желанием голыми руками броситься на тяжеловоз, а лицо его потемнело от ярости.

— Ах ты...— он с трудом сглотнул.

— Стой, где стоишь, Мур, или я тебя поджарю. Сэм, целься в него из зажигательной пушки, пока я тут повеселюсь от души.

— Отлично,— сказал Сэм.

— У тебя так много замечательных дымовых труб,— сказал я,— и они все такие хорошенькие...

Я прицелился и выстрелил еще одну ракету. На правом углу здания еще одна дымовая труба разлетелась на осколки. Мур пригнулся и снова спасся бегством на крыльцо.

— Давай посмотрим,— сказал я.— Может быть, я смогу попасть в тот, что дальше всего. И опять же, какие красивые украшения, вон те декоративные связки... какая хорошая цель для ракеты...

— Нет!— завыл Мур.

— А может быть, мне просто кинуть тебе в окошко бомбочку.

— Чтоб ты сдох!— он полиловел.

— Больно, правда? Мне нужны мои друзья, Мур. И Дарла, и Винни, обе живые и здоровые... и немедленно.

— Ладно! Ладно!

— Мне кажется, ты задел его за живое,— заметил Сэм.

— Очень хорошо, мистер Мур. Мы подождем прямо здесь, пока...

Из тьмы вылетел слева от гостиницы снаряд зажигательной пушки, попав в оболочку левого стабилизатора. Еще один снаряд тут же последовал за ним, ударив в роллер. От него поднялся гриб дыма. Теперь нам нечего волноваться за этот роллер насчет того, что он вдруг кристаллизуется в самый ответственный момент. Сэм немедленно ответил огнем на огонь. Я прижал педаль газа к полу и немедленно сдвинулся вправо, но и оттуда мы стали привлекать к себе огонь. Сквозь лобовое стекло прошел лазерный луч, едва не задев мою голову. Я, не прицеливаясь, выстрелил и попал в угол здания. Пылающие обломки усеяли машину, когда мы проезжали мимо. Я продолжал ехать. Поврежденный роллер пылал, но огнетушители очень старались, поливая его пеной.

— Сэм, надо убираться отсюда к чертовой матери,— заорал я.— Ты согласен?

— Правильно, мы упустили этот шанс. Нет никакого толку затевать с ними перестрелку.

— Но все же мы можем послать им последний выстрел.

Но как раз в тот момент, когда тяжеловоз с этой целью развернулся, я понял, что в этом не будет надобности. Вся гостиница пылала. Крыша уже горела буйным пламенем, потому что ответный огонь Сэма поджег огромный кусок здания.

— Наверное, эта древесина очень хорошо горит,— догадался Сэм.— Гостиница воистину горит, как спичка.

Лайем сказал:

— Очень трудно зажечь эту древесину, но если уж дерево с этой планеты занялось, то оно будет гореть адским огнем.

Пальба в нашу сторону прекратилась, поэтому я замедлил ход. Огромный столб дыма поднялся с крыши гостиницы.

Лайем свистнул.

— Ну все, гостиницу можно списывать на убытки. Они никогда не смогут потушить такой костер. Хорошо, что мы оттуда всех вывели.

Я кивнул. Как раз в этот момент прибыл трейлер с грузом. Я прибавил оборотов в моторе и выехал с ревом со стоянки — и чуть не задавил Шона. Я крепко притормозил, и он отскочил с дороги. Я остановился и приоткрыл ему люк. Шон залез туда, и я поехал по дороге.

Шон смотрел в параболическое зеркало сбоку.

— Жаль,— заметил он.— Но мы найдем другое место, где можно повеселиться.

— Черт возьми,— говорил я все время.— Черт побери все это.

— Спокойно, сынок,— утешил меня Сэм.— У нас не было достаточных человеческих и орудийных ресурсов, чтобы взять штурмом эту гостиницу.

— Могло бы сработать. Лайем говорил, что охранники дрыхнут.

— Да, могло бы сработать, но у нас были бы потери. Ты был бы наиболее вероятным кандидатом в мертвецы, ведь мы не рассчитывали на переносную зажигательную пушку.

— Можно было бы попробовать. Вот черт.

— Забудь об этом, Джейк. Наверняка там было больше охранников, чем думал Лайем.

— Он прав, Джейк,— сказал Лайем.— В платежной ведомости Мура по меньшей мере две дюжины веселых мальчиков, а в этой его крысиной норе полно коек, так что неизвестно, сколько человек там сегодня ночевало.

— И все же,— сказал я,— мы не вызволили ни Дарлу, ни Винни. А теперь...

— Мы найдем их, Джейк,— сказал Шон, ободряюще сжимая меня за плечо.— У нас есть несколько идей насчет того, где они могут быть.

— Но сколько времени это займет? А теперь, когда они знают, что я вышел на свободу, они будут настороже, и любой наш план окажется крайне трудно воплотить в жизнь.

— Мы их найдем,— сказал Шон.— Лайем и я знаем эти леса, как свои...

— Постой-ка,— перебил нас Сэм.— Тут у меня что-то вырисовывается.

Минуту спустя я сказал:

— Что такое, Сэм?

— Это наш сигнал. Я его потерял, но подожди минуту.

— Это Дарла!— завопил я.— У нее есть ключ!

— Заткнись и дай мне... Ну вот, снова. Вот ведь сукино отродье этот ключ. Ладно, я выпущу пташечку, и посмотрим, может, удастся получше настроиться.

Мы услышали шум и визг, когда из крыши машины вылетела маленькая реактивная штуковина, которая представляла собой беспилотное исследовательское и следящее устройство. Оно разогрелось, потом уверенно полетело в ночь.

Полминутой позже Сэм смог четко зафиксировать направление, откуда шел сигнал.

— Мы вообще-то едем правильно. Сигнал примерно чуть больше, чем в трех километрах, и направление — сорок пять градусов вправо от нашего теперешнего курса.

— Просто держись на этой дороге,— сказал Шон.— У меня такое чувство, что я знаю, где они находятся.

Мы подпрыгивали на ухабах и колдобинах минут пятнадцать, но продвигались мы медленно. Потом большой кусок все еще дымящегося роллера отвалился прочь, и машина резко качнулась, покосившись налево.

— Вот черт,— сказал я.— Можем и не добраться.

— Отсоедини его от питания и немного правее рули, чтобы выровнять перекос,— сказал Сэм.— Ничего страшного, я сам это сделаю.

Сэм так и сделал, и мы поехали дальше.

— Просто относись ко всему спокойнее,— посоветовал он.

— Тут надо повернуть вправо,— сказал Шон.— Видите эту маленькую тропинку?

— Не знаю, пролезем ли,— с сомнением сказал я.

Я потихоньку свернул вправо. Ветви зацарапали по трейлеру. Иллюминатор был немного открыт, поэтому мне хорошо были слышны ночные звуки: борк-борк, грип-грип, твит-твит.

— Это самый шумный лес из всех, где я когда-либо был,— проворчал я.

— Поживи тут месяц и перестанешь вообще это все слышать,— хохотнул Лайем.

— Оглохнуть можно,— сказал Роланд.

— Не обижайтесь, ребята,— сказал я,— но приглашение отклоняется.

— Высокое Дерево только для лесорубов, романтиков и прочих безнадежно поэтических личностей,— сказал Шон.— А вы, типы с ровными мозгами, вечно убегаете с воплями из таких мест.

— Знаешь, когда я сидел там, в лесу,— начал было я, но передумал.— Неважно. Сейчас нет времени на разговоры.

— Мы настроены прямо на сигнал. Он точно впереди нас,— доложил Сэм. Шон кивнул, лицо его стало хмурым.

— Это логово Томми Бейкера. Я знал, что, если только где-нибудь появляется женщина, Томми — первый в очереди.

Я выключил передние фары, стянул вниз обзорные окуляры общего назначения и сунул в них физиономию. Окуляры были настроены на температурное изображение. Я перенастроил их на ночное видение, включив световое увеличение. Полная луна

очень неплохо справлялась с заданием, поэтому дополнительная подсветка почти не понадобилась.

— Сэм, постарайся ехать бесшумно.

— Главный мотор под заглушкой,— ответил Сэм.— Включил вспомогательный мотор, дополнительные батареи питания. Мы идем бесшумно.

— Есть, сэр, и все такое,— ответил я.— Ладно, на сей раз постараемся сделать все, что в наших силах, правильно.

Мы постарались. Я остановился за пятьсот метров от источника сигнала. Вооружившись как следует, мы двинули в лес, идя следом за Шоном по тропинке, которая, по его словам, должна была привести нас на ферму Томми Бейкера. Мы должны были выйти прямо за домом.

Двадцать минут спустя среди деревьев появился огонек. Мы прокрались весь остаток пути, выйдя прямо на краю просеки. Шон и я расположились за деревом и выглянули во тьму. Тень надвое разрезала сад, показывая нам полосой света, как он заброшен. Всюду лежали мусор и отбросы. Потрепанный и, видимо, редко применяемый трактор был припаркован возле маленького сарайчика. Дом лежал в тени, но его силуэт легко было различить. Маленькое, квадратное оконце сзади слегка светилось желтоватым светом.

— Дай-ка я пойду на разведку,— прошептал мне на ухо Шон.

— Ладно. Только будь осторожен.

— Уж за это беспокоиться нечего.

Он выступил из-за дерева, остановился, потом на цыпочках прокрался через освещенное луной пространство в тень. Я быстро потерял его из виду и стал волноваться, что в темноте он может споткнуться о кусок железяки, загреметь и выдать все дело с головой. Но он действительно был осторожен.

Кто-то подошел и встал сзади меня. Это был Лайем.

— Как ты думаешь, у них тут радио есть?— спросил я.

— Я совершенно уверен, что есть. Почему ты спрашиваешь?

— Они могли получить предупреждение. Может быть, они перетащили Дарлу и Винни в другое место.

— Мне кажется, что у Мура до этого руки не дошли. У него и голова, и руки в первую очередь будут заняты тем, чтобы погасить пожар и вызвать пожарную бригаду. Кроме того, как насчет сигнала?

— Не знаю. Дарла могла выронить ключ или оставить его там. Может быть, кто-то просто стал в нем копаться и случайно активировал сигнал.

Мы ждали.

Шон вернулся минут десять спустя.

— Джейк, тебе лучше самому пойти и посмотреть,— сказал он.

Я взглянул на него.

— Честное слово, мне думается, что ты должен пойти и поглядеть сам,— сказал он, повернулся и сделал мне знак следовать за ним.

Я так и сделал.

Мы стали красться во тьме.

— Иди осторожнее,— прошипел Шон, пока мы пробирались сквозь мусор и металлолом.

Мы подкрались к окну. Шон присел под окном, потом показал вверх, приглашая меня посмотреть.

Ладно, я посмотрю. Прижавшись спиной к грубой бревенчатой стене, я по сантиметрам подтягивался вверх, пока, наконец, не смог заглянуть в окно сбоку. Сквозь большую дыру в порванной бумажной занавеске можно было увидеть все, что угодно.

Дарла была там. Она была голая и сидела на коленях у мужчины, который сидел ко мне спиной. Он сидел на огромной кровати с резной деревянной спинкой. Маленькая лампочка горела на ночном столике у дальнего конца кровати, тени сидящих ложились на побеленную стену. Они целовались, и он ласкал ее.

Через минуту губы их расстались. Она отпрянула и улыбнулась.

Он что-то сказал, проводя своими огромными ручищами по ее белым бедрам. Она рассмеялась и страстно поцеловала его.

С меня хватило того, что я видел. Я снова присел и посмотрел на Шона.

— Сукин сын,— сказал я.

Глава седьмая

— Ты знаешь, я, наверное, совершил большую ошибку,— сказал я Шону после того, как мы убрались восвояси за сарай.

— Может быть, в случае с Дарлой так оно и есть. В конце концов, никто не видел, чтобы ее увозили силой. Она могла уехать вместе с Бейкером по собственной доброй воле. Я же ее на самом деле не знаю.

Я кивнул.

— Я-то думал, что теперь-то я должен уже ее знать, но на самом деле, я, видимо, ошибался. Может, она и сама согласилась...— я обдумал то, что сам только что сказал, потом покачал головой.— Нет, черт побери. Может быть, в какой-то другой период в ее жизни, но не сейчас. Это трудно объяснить.

— А кто может объяснить поступки женщины?

— Нет-нет. Тут ничего общего с женским поведением нет. Это просто...

— Бейкер считает себя настоящим дамским угодником.

И мне придется признать, что к нему тянется больше баб, чем ему полагалось бы по чести,— он слабо улыбнулся и пожал плечами.— У некоторых есть это в крови, а у кого-то и нет.

— Пусть даже будет так. Но мы уверены насчет Винни. Мы же знаем, что она у них.

Я фыркнул.

— Тут может быть случай похищения домашней зверюшки.

— Трудно сказать, что может отчудить пьяный лесоруб, но мне думается, что вряд ли они пошли бы на такое.

— Мне тоже думается, что Винни им ни к чему,— ответил я,— но у меня начинают появляться сомнения насчет того, что в этом деле участвовал Мур. Может быть, что я просто был к нему несправедлив.

Шон выразительно покачал головой.

— Это категорически невозможно. Он полномочный представитель самого дьявола, этот тип, и он заслужил все, что ему сегодня пришлось пережить.

— Джофф и Толстое Брюхо — они работают на Мура, как ты считаешь?

— Большую часть времени, когда они не воруют оборудование с ферм и не шныряют в кладовых прочих поселенцев. За деньги они готовы сделать все, что угодно, для кого угодно. Но Мур их главный клиент.

Я вздохнул.

— А кто-нибудь еще тут есть?

— Занавески задернуты, но я слышал, как кто-то в парадной гостиной копошится. Наверное, Тупой Вилли Бенсон, батрак Бейкера.

— Тупой Вилли?

— Он немного замедленно соображает. Безобидный парень, но это когда не пьет.

Толстый Тимми, Тупой Вилли... это место сводило меня с ума.

— Я так понимаю, что у Бейкера нет подруги жизни.

— У Бейкера-то? — он расхохотался.— Нет, Бейкер не тот человек. Кроме того, женщин на Высоком Дереве немного. Не знаю, заметил ли ты...

— Заметил, заметил.

— Они приезжают, но почему-то никогда не остаются.— Он тяжко с сожалением вздохнул, уставясь в ночь.— Странное дело.

Я прислонился к стене сарая и стал думать.

Шон встряхнулся от своих размышлений.

— Что будем делать, Джейк?

Что-то ударилось еще обо что-то во дворе.

— Джейк? — раздался резкий шепот.

— Тут я,— ответил я.

Джон осторожно подошел к нам.

— Ах, вот вы где...

Лайем и Роланд шли следом.

— Что тут творится? — хотел узнать Роланд.

— Тут я не знаю, что тебе ответить,— сказал я.

После паузы Джон спросил:

— Где Дарла?

— Там,— ответил я,— с каким-то типом.

— С каким-то типом,— повторил бессмысленно Джон.

Роланд сказал:

— Ты хочешь сказать?..

— Это ее дело,— сказал я и выпрямился.— Слушайте, что именно вы заметили, когда Дарла пропала? Это было после того или до того, как увели Винни?

— Ну,— сказал Джон,— это было все примерно в одно и то же время. Я спустился вниз по лестнице, когда никого в наших комнатах не застал, пошел на улицу, чтобы найти Роланда. Я услышал крики...

— О'кей,— сказал я,— тогда она не знала, что Винни пропала, и она все еще не знает, как мне думается. Все дело в том, что очень странно, что она отправилась так вот, никому не сказав ни слова.

— Я согласен,— сказал Роланд.

— Ну и ладно, черт побери,— я застегнул куртку от ночного холода.— Это, конечно, может быть чертовски бестактно, но я собираюсь спросить Дарлу, знает ли она что-нибудь и видела ли что-нибудь.— Я почесал голову и пожал плечами.

Мы все потопали к дому.

Когда мы обходили угол, то услышали, как бьется стекло, а потом падает что-то тяжелое.

Я вытащил пистолет и подбежал к парадной двери. Она была не заперта и стояла полуоткрытой. Я пинком отворил ее до конца, прорвался в дверь, упал на пол и перекатился, финишировав на корточках.

— Привет, Джейк.

Дарла стояла у открытых дверей в заднюю комнату, держа в руках обломанную ручку чего-то, что в прошлом, наверное, было кувшином для воды из грубого стекла. У ее ног валялся ничком здоровенный тип, голова его была украшена фестонами битого стекла.

— Привет,— сказал я, выпрямляясь. Потом вошел в спальню.

Томми Бейкер лежал навзничь на кровати, намертво вырубленный. Рубашки на нем не было, а штаны собрались складками вокруг щиколоток. Она бесшумно с ним справилась. Наверное, быстрый удар ребром ладони по шее. Поймала его, вот уж действительно, как говорят, без штанов.

— Этот вот хотел меня изнасиловать,— сказала Дарла, по-

казывая подбородком на Бейкера, влезая в штанины своего комбинезона.— Но мне удалось его убедить, что, если он меня отвяжет, нам будет веселее. Он был вторым, кто за сегодняшнюю ночь хотел подобным образом развлечься.

— Мур?

— Да. В общем-то я не была бы так обижена, но мне не понравилось его отношение.

— А-а-а...

— Я укусила его туда, где больнее всего. Теперь есть сомнение, будет ли у него когда-нибудь потомство. Я хотела его пнуть, но он привязал меня за ноги к кровати.

— Понятно.

И я прекрасно мог представить себе Дарлу в дверях, улыбающуюся, нагую, так что дух захватывает, и она приглашает Тупого Вилли присоединиться к их развлечениям.

Я повернулся и увидел, что все остальные мужчины собрались в дверях и таращатся.

— Привет, банда,— сказала Дарла.

— Привет,— сказал Джон.

— Винни пропала,— сообщил я Дарле.

— Нет, никоим образом,— ответила Дарла, застегивая свой комбинезон. Она подошла к кровати, наклонилась и встала на колени, заглядывая под свисающие простыни.

— Винни, детка, выходи. Джейк пришел.— Она протянула руку и стала вытягивать кого-то оттуда.— Черт, ничего удивительного, что она не выходит. Этот поводок весь перепутался. Этот узел... ну вот, готово.

Винни выползла из-под кровати. На ее шее был собачий ошейник. Поводок тянулся за ней. Она увидела меня, бросилась мне на шею, едва меня не опрокинув. Она сдавила мою грудь в безумных объятиях.

— Ну, детка, все в порядке,— сказал я ей,— будет, будет...

Она зарылась лицом мне в плечо.

— С тобой все в порядке?— спросил Роланд у Дарлы.

— Конечно, хотя должно пройти время, прежде чем мне снова захочется увидеть мужские гениталии.

— Тебе не надо вдаваться в подробности, но...— сказал я.

— Но ты хочешь их услышать. Такова судьба жертвы. Мур подловил меня в гостинице, и мы как раз были заняты выяснением отношений, когда я аккуратно прокусила ему одно яичко. Никто не хотел особенно общаться со мной после этого. Кроме разве что Томми.

Она хмуро посмотрела на меня.

— Я была глупа, надо было послушаться Мура. Он чуть меня не убил. Его парни ему не дали, а так он уже поднял топор. Они ничего бы не смогли с ним сделать, но ему было так больно, что он немного ослабел.

— Надо думать,— сказал Джон.

— Они увели его оттуда, и тогда я видела его в последний раз. Они держали меня связанной часами. Время от времени какой-нибудь кретин приходил погладить меня и пустить надо мной слюни, но на большее они не осмеливались. Потом они привезли меня сюда.

Она уселась на стул и натянула свои высокие черные сапоги.

— Честное слово, со мной все в порядке,— сказала она.

— Когда они привезли тебя сюда?— спросил я, ставя Винни на пол.

— Часа два назад. Томми все набирался храбрости. У него были четкие указания со мной дела не иметь.

Из парадной гостиной донеслись звуки ключа Сэма, который вызвал меня. Я пошел и обнаружил ключ на кухонном столе. Тупой Вилли, видимо, крутил его в руках и случайно включил. Я кратко рассказал Сэму про нашу ситуацию и велел ему выезжать на главную дорогу. Все вышли из спальни.

— Интересно, почему они оставили тебе эту штуку?— спросил я Дарлу.— Разве они не знали, что ключ мог посылать наводящий сигнал?

— Я понятия не имела, что он здесь. В последний раз, когда я его видела, он лежал на туалетном столике в комнате Мура. Я думаю, Вилли его взял, когда Томми пришел забрать меня.

— Дурак,— сказал я.

Дарла бросила взгляд на Шона.

— Неужели все мужчины здесь настолько же глупы, как эти двое и остальное муровское отродье?

Шон поморщился.

— Весьма возможно.

— Что я хотел бы знать, Джейк,— сказал Лайем,— это то, каким образом тебе удалось заставить Джоффа Брандона пролезть в дыру в сортире.

— Да,— сказал Фитцгор, и лицо его аж напряглось от любопытства.— Расскажи, как.

Следующий день мы провели, зашившись на ферме Лайема и Шона. Эта ферма принадлежала Шону. Его жена оставила его, понимаете... и... ну да ладно, это совсем другая история. (Тут спутницы жизни звались по-старомодному «женами». Внешние миры с социальной точки зрения во многом были довольно отсталыми.) Как бы там ни было, а Сэм был в какой-то потаенной мастерской, где ему чинили кожух стабилизатора, ставили запасной роллер, но мы с ним не теряли связи. Тем временем отдел охраны, или как там называлась здешняя милиция, активно искал меня. Я был важным свидетелем и возможным подозреваемым в убийстве видного бывшего деятеля колониальных властей доктора Ван Вик Ванса. Убийство, якобы, произошло на борту «Лапуты», которая, кстати сказать, про-

шла через шторм и пиратов с небольшими потерями в живой силе, хотя и с тяжелыми повреждениями корабля. Новости по радио ничего не рассказывали о судьбе мистера Кори Уилкса и о его возможной связи с этим делом. Прекрасно. Как бы там ни было, полицейские были о двух мнениях касательно всего этого дела. Кое-кто был на постоянной оплате у капитана Прендергаста, а некоторые — главным образом, местные — не принимали его денег. Все дело запутывало и затемняло участие этого самого Прендергаста. Вот вам, пожалуйста, он участвовал в переправке и нелегальной торговле лекарствами против старения, что и тут было нелегальным бизнесом. Эта операция была, конечно, секретом Полишинеля, но расследование наверняка открыло бы массу нежелательных подробностей, а никто этого не хотел. А тем временем... все, я хочу сказать, абсолютно все знали, что творится под всеми предлогами и напыщенными фразами. Все знали про карту Космострады и Винни, а полиция сама не могла решить, как она к этому относится.

Мур гнал волну насчет того, что он потерял ценное имущество. Он утверждал, что выполнял свой гражданский долг, задерживая меня. Но почему он связал меня и запер в хижине в лесу? Почему он не вызвал немедленно надлежащие власти? Ну... того... как это... словом...

Меж различными заинтересованными лицами в лесу были многочисленные встречи. Приятели Шона в полиции согласились не арестовывать меня пока что и запрятали под сукно приказ об аресте, подписанный в Морском Доме. Вспыхивали юридические диспуты. Фракция, которая стояла за то, чтобы немедленно поймать Джейка и арестовать, решила обратиться к местному магистрату, но бургомистр как раз был на водах на лечении на какой-то курортной планете. Подагра, знаете ли. (Тут у них были такие болезни, которых сто лет уже не слыхали и не видали в земном лабиринте.) Состоялись еще встречи в лесу. Старый друг Зейк попытался было организовать крестовый поход против Шона, потом привлечь его к суду, но для этого ему надо было отправить своего прихлебателя на хорошей машине на столичную планету. Там, однако, лакей запутался в бюрократических гнусных уловках и прочем, а к тому времени, когда бумаги были рассмотрены, мы... но я забегаю вперед собственного рассказа.

Сэм был готов к тому, чтобы пробираться через ближайший портал, пушки наизготовку. Мне было очень трудно с ним спорить, но в конце концов я его переубедил, указав ему на то, что нам сейчас это не даст ничего хорошего. Честно говоря, мне это уже стало надоедать. Мне хотелось покончить с этим. У нас были основания подать в суд на Прендергаста, Мура и — если он остался в живых — Уилкса: похищение, нелегальное задержание, уголовное нападение, извращенное изнасилование — вернее, попытка такового, преступный сговор и — тут неболь-

шая ловушка — спаивание малолетних. Это насчет того, как Лори в баре лакала пиво. Вы только назовите еще какое-нибудь обвинение, и мы сможем подать на этом основании в суд. Кроме того, у нас было замечательное гражданское дело против корабельной компании, которой принадлежала «Лапута», и абсолютно замечательное обвинение против той компании, которая занималась деятельностью «Хливкого Шорька» и прочими делами, к которым имел отношение и Зейк Мур. Все это мы выяснили с помощью очень хорошего следователя и адвоката, который жил на этой захудалой планетке, и звался Холлингсворт, такой приземистый парень бочкообразного вида, у которого были бакенбарды до плеч. Он пил джин прямо из бутылки с того момента, как просыпался, и до того времени, как ложился спать. У него, кроме того, была еще цыплячья ферма.

Мы дали понять вышеупомянутым официальным лицам, что готовы подать на них в суд. Нервный смех от вышеупомянутых сторон. Наверняка вы шутите, сказали они. Испытайте нас в этом отношении, сказали мы. Бурчание и ворчание. Ладно, сказали они в ответ, а как насчет несовершеннолетней, которую вы перевезли через границу планеты? А мы ответили — а как насчет ваших законов о детском труде? Ладно, продолжали они, но неужели вам хочется впутываться во все эти дела? Законы о детском труде, спросили они. Какие законы о детском труде? А-а-а-а... Тут они сказали, что сами не хотят во все это впутываться.

— Почему они только время тут тратят? — спросил я Холлингсворта,— если никто не заинтересован в соблюдении законов?

— Вы что, шутите? — сказал он, показывая на полки переплетенных в кожу томов.— А зачем тогда бристы стали бы захламлять полки такими книгами, если бы никто не мог принудить людей соблюдать законы?

Такое юридическое фехтование продолжалось два дня, но в этот момент полиция была сыта по горло. Послушай, сказали они мне. Мы будем все смотреть вон в том направлении. А ты бери свой тяжеловоз, своих друзей и свою смешную мартышку и поезжай вон в том направлении. И не останавливайся, пока... словом, не останавливайся.

Замечательно, ответил на это я. Я приказал своим приготовиться к отъезду. Есть, хозяин, было мне отвечено. Но сперва мне надо было уладить все вопросы с Шоном и Лайемом.

— То есть что вы хотите сказать, когда говорите, что едете с нами? — спросил я как можно более невинным тоном.

— Мы все обсудили, Лайем и я. Мы бы хотели присоединиться к твоей экспедиции, если ты нас возьмешь.

— Ну послушайте. Вы двое — замечательные собутыльники, и вы хорошие ребята, когда дело доходит до потасовки, и, если бы мне решать, то...

— Мы как следует все обдумали, Джейк, не ошибайся насчет нас. Мы уже все приготовили к путешествию. Лайем и я планировали смотаться с этой волшебной планетки и сами, без твоего приезда. У нас были планы поехать на новооткрытую планету, которую только-только подготовили к колонизации. Не то, чтобы нам очень хотелось оказаться в числе первых поселенцев, знаешь ли...

— Но зачем вам покидать такое прелестное место?— спросил я его, обводя руками чудесно ухоженные грядки и ярко выкрашенные строения.— Это же так здорово ухожено.

Шон вздохнул.

— С тех пор, как Дейрдре смоталась от меня, мне тут все обрыдло. Кроме того, все оборудование принадлежит банку. Платежи довольно высоки и стали для нас обузой.— Он закинул ноги на перила крыльца и стал раскачиваться на стуле.

— Ах, Дейрдре, Дейрдре,— сказал он с тоской.

— Выпей, Шон,— сказал Холлингсворт, передавая ему бутылку с джином.

— Есть и еще одна проблема,— сказал я.— Нам уже и так в тяжеловозе тесно.

— Ох, это не проблема,— ответил Карл, влезая в разговор.— Они могут ехать на заднем сиденье моего шевроле.

— Шевроле?— сказал Лайем, ожидая, чтобы ему объяснили.

— У нас есть такая машина, Джейк, чтобы ездить по Космостраде,— сказал Шон после того, как выдул примерно одну шестую литра джина.

— Вот как?— спросил я.— Ну ладно, дорога бесплатная, если хотите, поедем вместе.

— Но мы не поедем, если ты не хочешь, чтобы мы ехали,— сказал мне Шон.

— А что такое, черт возьми, шевроле?— настаивал Лайем.

— Шон, дело не в этом. Просто...

— Конечно, вы поедете с нами,— тепло заверила его Сьюзен, усаживаясь Шону на колени и проводя пальцами по его запутанным оранжевым вихрам.— Ах вы, большие лохматые медведи— вы оба.

Глаза Шона сверкнули, и он рассмеялся:

— Вот это я понимаю!

— Джейк, я тебе удивляюсь,— сказала Сьюзен,— почему они не могут поехать за нами следом, если им хочется?

— Послушай, я ничего такого не говорил...

— Чем нас больше, тем нам лучше,— пробормотал Роланд,— в чем именно заключаются твои сложности, Джейк?

— Сложности? Да нет у меня никаких гребаных сложностей.

Я сошел с крыльца, топая ногами, и пошел на задний двор, где был припаркован Сэм. Иногда эти люди просто меня до-

ставали. Единственное, чего я не люблю — это быть назначенным на роль отрицательного героя в пьесе. Что, по их мнению, нас ожидало? Пикник, что ли?

Я забрался в кабину.

— Что происходит? — спросил Сэм.

— Давай убираться отсюда, — проворчал я. — Оставим тут всю их кодлу, и все тут.

— Ну-ну. Ты же отлично знаешь, что так поступить не можешь.

— Ей-богу, иногда мне кажется...

— А сколько раз я тебе говорил не подбирать на дороге тех, кто едет автостопом?

— Черт возьми, Сэм, еще и ты начинаешь!

— Спокойнее, сынок.

Я сидел на водительском сиденье и весь кипел, пока Сьюзен не пришла, не влезла в кабину и не уселась мне на колени.

— Джейк, прости, — она улыбнулась и нежно поцеловала меня. — Я не знала, что ты такой ранимый. Ты всегда такой сильный...

— Я? Ты просто шутишь.

Она не спорила. Вскоре температура в кабине поднялась.

— На случай, если ты про меня думаешь, — вставил Сэм, — я отвернулся.

Сьюзен хихикнула, потом снова сунула свой язычок мне в рот.

— Привет! О, простите.

Мы обернулись и увидели, как Дарла уходит прочь. Сьюзен посмотрела на меня, и какое-то сложное женское чувство начинало шевелиться в ее головке.

— Ты не... — начала она, потом прикусила губу.

— Я не... что, Сьюзи?

— Да нет, ничего, — сказала она тихим потерянным голоском. Вдруг она закинула руки мне на шею.

— Давай сегодня будем спать в кормовой кабине, а?

— Нам надо сделать кучу работы, Сьюзи.

— Неужели ты думаешь, что я не собираюсь помочь? Потом.

— Конечно.

Потом она обняла меня, поцеловала в ухо и сказала:

— Я тебя люблю, Джейк.

А я подумал: ничего себе!

Мы заложили в холодильники провизию на долгое путешествие. Шон и Лайем опустошили свою кладовку и забили трейлер кучей замечательных вещей: домашние соленья-варенья, копченое мясо, маринованные огурцы, колбасы, старомодные консервы, мешки картофеля, мука, банки с выращенными

на собственном огороде овощами, несколько ящиков замороженных обедов в саморазогревающихся упаковках.

— Мы держим эти штуки на тот случай, когда мы выпьем чересчур много — так, что никто из нас не в силах стоять у плиты,— сказал Лайем,— но не настолько пьяны, чтобы не чувствовать голода.

Кроме того — бесчисленное множество ящиков пива. Они варили собственное пиво, и весьма неплохое, если вам нравится темное, сиропистое пиво с содержанием алкоголя примерно процентов двадцать. К этому они добавили все оборудование и инструменты, которые у них были, кое-какую одежду и примерно две тонны туристического снаряжения, включая даже дрова.

Потом все они потопали вместе с Винни и собрали для нее еды. Она научила нас распознавать несколько видов плодов, овощей и корешков. Поскольку помогали все, то мы заложили для нее примерно годовой запас продуктов. С помощью Дарлы она сказала нам, что совсем не надо тащить с собой так много. Она всегда по дороге сможет найти себе, чем прокормиться. Я сказал, что запас карман не тяготит, втайне сомневаясь, что мы сможем в ближайшем будущем попасть на такую планету, где смогли бы найти подходящую еду для нас всех.

Прежде чем мы тронулись в путь, мы попробовали продумать маршрут, пытаясь скоординировать карты Винни и ее поэму для путешественников с тем, что Шон и Лайем знали про остальные планеты внешних миров. Дарла все последние два дня провела за переводами.

— Эта штука просто продолжается до бесконечности,— сказала она.— У меня уже, наверное, строф пятьдесят есть.

— Винни наверняка знает, куда мы движемся,— заметил Джон.

— По крайней мере, нам так кажется,— сказал Роланд,— и, по-моему, нам придется проехать еще пять планет внешних миров, прежде чем мы выедем из этого лабиринта.

— И, честное слово, мы и так были в нем слишком долго,— сказал я.— Иными словами, в этом месте мы снова должны будем проскакивать в неизвестный портал.

— Правильно.

— Шон, эти данные не расходятся с тем, что ты знаешь?

Шон кивнул.

— Похоже, все правильно, хотя описания планет у Винни немного схематичные.

— Неизбежные трудности,— сказала Дарла.— Они всегда попадаются в переводе, если переводить уже с переведенного текста. Поэма написана на языке Винни, который структурно очень отличается от человеческих языков. Я знаю на нем только несколько словесных групп — в нем нет слов отдельно, как таковых,— поэтому Винни помогает мне, переводя на ходу на

английский, который она знает хуже, чем испанский, который, в свою очередь, она знает очень плохо. Потом я должна из всего этого сделать какой-нибудь осмысленный текст.— Она глотнула темного пива и смущенно покачала головой.— Я, наверное, все время делаю массу ошибок. По большей части это одни догадки и больше ничего.

— При существующих обстоятельствах ты справляешься просто замечательно,— сказал Джон.

— Спасибо.

Я протянул руку и похлопал Винни по голове.

— Умница,— сказал я.

Винни схватилась за мою руку, подпрыгнула, перешла по столу и плюхнулась мне на колени. Она сомкнула руки у меня на шее и ухмыльнулась до ушей, крепко зажмурившись.

— Какая она нежная лапочка, правда?— сказала Сьюзен.

— Да, верно,— ответил я. Я зарылся в ее длинное лохматое ухо.— А вы когда-нибудь обращали внимание, что она всегда хорошо пахнет? Словно у нее духи такие тонкие.

— Это то, что далеко не всегда скажешь про большинство разумных существ,— сказала Сьюзен.

— Да. Ладно, как бы там ни было, давайте вернемся к теме...

— Послушай, Джейк,— сказал Роланд,— вот галактический пояс — дорога, которая ведет через ответвление Ориона в этой части Галактики. Ты видишь, как тут он перекрещивается с ответвлением Персея? Вот где мы снова оказываемся там, где можем выехать на знакомые дороги.

— А как мы узнаем, что добрались до этого места?

— Ну, тут ты прав — узнать довольно трудно,— Роланд положил карандаш и почесал в затылке, потом снова пригладил свои прямые черные волосы.— Вот что дьявольски трудно во всем этом. Нет никакой возможности близко соотнести карты и поэму Винни. Поэма — просто длинный список инструкций. Проезжай десять километров, потом поверни налево, невозможно ошибиться — и всякое такое. Если мы идем просто за указаниями, нам страшно трудно сориентироваться, где именно на карте мы находимся в настоящий момент. Если только мы не сможем вести астрономические наблюдения.

— Ну ладно,— сказал я,— в трейлере куча всякого астрономического оборудования, если хоть кто-нибудь из нас сможет сообразить, как им пользоваться.

— К сожалению,— ответил Роланд,— мое знание астрономии в основном сводится к теории,— он постучал карандашом по отполированному дереву стола.— И оно только местами правильное.

— Ты что-нибудь обнаружил в ящике с книгами-кассетами?

— Не то чтобы очень много. Они главным образом состоят из монографий и астрономических журналов. Разреженный

материал, главным образом, уравнения, целые страницы одних уравнений. Но я обнаружил один неплохой кусок, из которого можно выудить хоть какие-нибудь сведения. Местная группа действительно связана с метагруппой, а млечный путь находится на ее окраине. Ядром является галактическое скопление в созвездии Девы.

— Значит,— сказал я, почесывая шишковатое костяное образование между ушами Винни, что ей всегда очень нравилось,— это может означать, что большая дорога, которая вливается в Андромеду, и есть Космострада красного предела.

— Мне так не кажется, Джейк. Если это так, то местная группа изолирована от остального метаскопления и не имеет никакого доступа к сквозной Космостраде через все скопление. Нет, это должна быть сквозная Космострада, которая ведет на Андромеду.

— Почему бы не спросить Винни и не выяснить наверняка?— сказал я.

— Э?

— Вместо того, чтобы терять время на догадки о том, что могла сказать Винни, почему мы просто ее саму не спросим?

Винни выжидательно посмотрела на меня.

— Винни,— сказал я,— ты можешь поподробнее изобразить нам эту карту?

Я взял лист, где была нарисована местная группа, и положил его перед ней.

— Вот это место. Ты можешь врисовать туда что-то, чего там сейчас нет?

Винни пристально смотрела на карту, потом протянула руку к Роланду. Роланд дал ей карандаш. Неуклюже схватив его, она прорисовала линию, которая входила на рисунок справа и заканчивалась в Большом Магеллановом Облаке. Она посмотрела на рисунок, задумчиво пожевывая кончик карандаша. Потом она продолжила линию через Магелланово Облако и дальше, заканчивая ее как раз там, где «трансгалактическое продолжение» выходило за пределы Млечного Пути.

— Вот сквозная Космострада,— сказал я.— Трансгалактическое продолжение — просто ее часть.

— Почему она не нарисовала ее раньше?— удивился Роланд.

— Неважно,— ответил я.— И, кажется, я начинаю понимать, почему для нее это не было важно. Как сказал в прошлый вечер Джон, это же просто путеводитель для туристов. Мы на краю метаскопления. Мы хотим отсюда уехать, а не проехать в глубину, поэтому нам не понадобится сквозная Космострада.— Я протянул руку и собрал в нее все бумаги.— Все это, вся куча рисунков, вне сомнения, не является атласом вселенной. Они слишком неполные и фрагментарные. Эти карты дают ну-

тешественнику просто описание специфической трассы, которой можно доехать до определенного места.

— И где это место? — спросил Джон.

— Винни? — спросил я. — Куда мы едем?

— Домой.

— Ну да, она все время именно это и повторяет. — Роланд нахмурился и скрестил на груди руки. — Что бы это могло на самом деле значить?

Мы уехали на рассвете.

Но прежде я испытал настоящий шок, когда увидел, что именно Шон и Лайем называли «машиной, на которой можно ездить по Космостраде». Лайем вытянул ее трактором из сарая.

Это была крохотная спортивная машина, помятая, забрызганная заплатами эмульсионной краски поверх царапин, и больше всего она была похожа на гигантскую детскую игрушку.

— А где ключик, чтобы ее заводить? — спросил я.

— Очень смешно, — осклабился Шон. — Но не оригинально.

— А это что за цвет?

— Пурпурный.

Я поднял глаза к небу.

Потребовалось полчаса, чтобы завести эту штуковину. Потом она выдала из себя примерно двадцать пять процентов того, что было в нее заложено по конструктивному замыслу. Лайем повозился с мотором еще минут пятнадцать, после чего уговорил мотор работать на семьдесят пять процентов мощности.

— Вполне хорошо, — сказал Шон, — мы можем где-нибудь остановиться, и механик ее посмотрит.

— Угу, — ответил я.

Наконец мы тронулись с места. Хорошо было снова оказаться на Космостраде. Нет, все-таки лучше дороги ничего нет, подумал я. Эта черная лента, что разворачивается между колесами — это свобода. Мне не хотелось никаких обуз, никаких обязательств. Но у меня, разумеется, они были. Моя теперешняя ситуация была ловушкой, и чем больше я барахтался, тем глубже тонул. Ко мне прилипали люди, точно так же, как к старому свитеру прилипает всякий ватно-шерстяной мусор. Что они все от меня хотели? В чем состояло мое неотразимое обаяние? Я ничего не знал относительно потаенных желаний остальных, но я сам искал теперь только дорогу домой. Мне сейчас ничего больше не хотелось, как только доставить груз по назначению и отправиться обратно на Черму. Я целый год готов ни единой души не видеть. Я готов даже продать свою квартирку в городе. Вопреки мнению, сложившемуся среди населения, этот вот звездный толкач, этот ваш покорный слуга не собирается путешествовать к «началу» вселенной, равно как и к ее концу. Это равно абсурдные мысли. Мне хотелось порвать карты Винни на мелкие клочки, выбросить черный кубик из иллюминатора

и сказать «к черту все это». А потом поехать своей дорогой — только я и Сэм и больше никого. Оставить всех и пусть до дома добираются на попутках.

Конечно, Джейк. Конечно. Давай-давай, сделай именно так.

В течение двух километров я матерился про себя, и мне стало легче.

Я был так занят своими мыслями, что не заметил, как лес уступил место равнинам, бесконечным равнинам, и это произошло совершенно неожиданно. Над горизонтом возвышались вершины цилиндров.

Вдруг мне в голову пришла одна мысль, и я ударил по тормозам. Я скатился с дороги и остановился. Шевроле промчался мимо меня, а потом съехал на обочину сильно впереди. Когда я выбирался из кабины к вящему удивлению всех присутствующих, я увидел Карла, который высунул голову из окна с таким же удивленным выражением лица.

Я прошел назад, к спортивной машинке, в которую наши два здоровенных лесоруба втиснулись, как... словом, как два здоровенных лесоруба в смехотворно маленькую машинку.

Шон опустил весьма сомнительной герметичности окно.

— Что-нибудь случилось, Джейк?

— Слушай, мне просто необходимо тебя спросить, прежде чем все это окончательно выветрится у меня из головы. Что за дьявольская тварь была там, в лесу... ну, которую я видел... этот Буджум или как вы его между собой называете?

Шон подергал свои роскошные задорные усы.

— Трудно сказать. Это существо с тобой разговаривало?

— Да... оно...— я выпрямился.— Да, точно разговаривало.

— И что оно сказало?

— Ну... оно сказало что-то вроде «о господи» или «батюшки». А потом рвануло обратно в лес.

— Понятно.— Он задумчиво погладил бороду, потом медленно покачал головой и сказал:

— Значит, это был не Буджум.

Я бы его прямо на месте и задушил, если бы точно знал, что моих ладоней хватит, чтобы обхватить его шеину.

Глава восьмая

Когда я снова влез в кабину, желтый предупредительный сигнал нагло таращился на меня с панели управления.

— Запасной роллер,— сказал я.— Правильно?

— Правильно,— ответил Сэм.

Я выразил свое неудовольствие весьма цветисто и долго.

— Попридержи язык, парень. Тут дамы.

— Мои извинения, Сьюзен, Дарла.— Я оглянулся.— Винни,— добавил я.

— О, тебе можно гордиться,— сказала Сьюзен.— Ты почти достиг художественного уровня и создал без малого шедевр.

— Спасибо.

Я почувствовал себя даже лучше, чем после ругательной тирады. Потом усилил поток плазмы и выехал на дорогу.

Несколько следующих планет были просто голыми парами, едва годными для обитания, но даже там прилепились человеческие поселения. Они прилипли к скалам, как лишайники. Различные солнца разнообразных цветов висели на низком небе. На третьем навозном катышке я решил, что нам надо держать военный совет.

— Сэм, посмотри, можешь ли ты вызвать Шона и Карла.

— Ладно.

Я надел шлем, пока Сэм вызвал их на специально отведенной частоте, которую мы установили заранее. Мне нравятся старые шлемы и наушники. Не знаю, почему, но древняя технология всегда в таком смысле мне нравилась. Кроме того, я постоянно теряю эти новомодные штучки, которые прилепляются на мочку уха, а потом теряются, особенно если они состоят из двух частей и вторая лепится на горло. Я несколько раз думал о том, не установить ли мне проводник через кость, введя его в барабанную перепонку, но я не переношу всякие биомеханические пакости.

— Фитцгор слушает. Ты меня хорошо слышишь, Джейк?

— Отлично. Карл?

— Тут.

— Ладно, мы собираемся поехать по левому ответвлению впереди. Хорошо?

Утвердительный ответ.

— Роджер.

— Роджер?! — повторил я, недоумевая.

— То есть, утвердительно. Подтверждаю прием,— поправился Карл.

— Хорошо. Следующая планета на дороге — Шлагвассер. Карл, ты можешь спросить Лори...

— Это я, Джейк. И я тебе сказала, что больше не хочу видеть этих людей...

— Лори, то, что ты будешь делать после того, как я тебя высажу, это твое дело. Было бы слишком опасно отправить тебя обратно в Морской Дом, и с чистой совестью я не мог оставить тебя на той планете извращенцев алкоголиков— прошу прощения у присутствующих, которые к данной категории не относятся,— я говорю про Шона и Лайема...

— От имени всех извращенцев, алкоголиков или нет, спасибо.

— Извини, Лори, ты слишком молода, и...

— Плевать я на тебя хотела!

— ...и я... Лори? Лорелея, деточка, послушай меня, я же знаю, что тебе не более пятнадцати лет...

— Мне восемнадцать!

— Самое большее — нежные шестнадцать. Я просто не могу взять на себя ответственность позволить тебе поехать с нами. Мы не окончательно знаем, куда едем, и у нас нет на самом деле ни малейшего представления, как мы туда доберемся. У меня и так хватает хлопот, деточка, и я просто не собираюсь...

— Джейк, пожалуйста, возьми меня с собой. Пожалуйста!!! Я не буду вам причинять никаких хлопот, обещаю! Я могу сама о себе позаботиться, и я не стану...

— Лори, деточка, это как раз не проблема. Послушай меня. Тебе надо ходить в школу, сдавать экзамены, гулять с мальчиками, которые будут заезжать за тобой в своих спортивных машинах... все такое, понимаешь? Видишь ли, я не знаю, что за место — Шлагвассер, имечко, конечно, не того, плохая рекомендация для планетки, но тот факт, что у тебя там приемная семья, говорит, по крайней мере, в пользу того, что... Лори? Ты слушаешь?

По каналу связи мне слышно было, как она плачет.

— Замечательно. Типичная женская тактика.

— Джейк! — возмутилась Сьюзен. — Это несправедливо, ни на чем не основано и неправда. Она еще ребенок. Ты сам так сказал.

— Простите, простите. Похоже на то, что сегодня я обижаю все возрасты и полы. Лори, лапушка, не плачь, пожалуйста.

— Ты забываешь про ретикулянцев, Джейк, — сказал Роланд.

— Нет, — сказал я. — Если эти существа родом из ночных кошмаров снова нападут на след, они будут охотиться за мной. Я не могу поверить, что они станут тратить время и силу на Лори.

— Но разве она не была привязана к их ритуальному столу? Разве от этого она не стала их священной добычей? Они будут за ней гоняться, Джейк.

— Они гоняются за мной. Трудно поверить, что они станут охотиться за кроликом, имея перед глазами более крупную дичь.

— Я согласен с Роландом, — сказал Джон. — Мы не так много знаем про ретикулянцев, их привычки и обычаи, чтобы рисковать. Они, кажется, очень серьезно относятся к своим ритуальным обязанностям. Это нам кажется чудовищным, но в контексте их культуры... в конце концов, они же не человекообразные.

— Да, но это к делу не относится. Суть в том, что они гоняются за мной. И если она останется со мной, для нее это больший

риск, чем если она останется на своей родной планете, где ее семья может ее защитить. Ретикулянцы не станут в открытую сновать по планете, населенной людьми.

— Случалось, что такое бывало,— возразил Роланд.

Мне приходилось признать, что Роланд прав. И это выбивало почву из-под моих аргументов.

— Джейк?— это был голос Карла.

— Тут я.

— Лори не может отправиться обратно к своим приемным родителям. Она просто не может этого сделать.

— Мне надо знать, почему, Карл.

Пауза.

— Лори говорит, что можно тебе сказать.— Я услышал, как он набрал в грудь воздуха.— Ее приемный отец изнасиловал ее.

Чуть погодя я сказал:

— Ладно... э-э-э... Лори? Извини, пожалуйста.

— Ладно, чего там.

— Угу. Конец связи.

Похоже, что изнасилование — национальное любимое хобби на внешних мирах. Очаровательно.

Я положил наушники на полочку над панелью управления.

— Сэм, поведи вместо меня, ладно?

— Отлично, сынок. Не надо тебе чувствовать себя так мерзко. Ты же никак не мог этого знать.

— Мне надо было знать, что, когда ребенок плачет, это обычно означает, что что-то причиняет боль. Я иду в кормовую каюту. Можешь поднять свое сиденье: ведь тебе, двухдюймовому водителю, трудно разглядеть, что творится на дороге.

Я пошел и швырнул себя, мешок с тряпками, на койку и немедленно провалился в сон.

Получилось в конце концов так, что нам пришлось остановиться на Шлагвассере, чтобы Лайем и Шон могли заправиться. У Сэма были три четверти бака полные, но мы решили все-таки долить. Это может оказаться последняя заправочная станция перед Великим Взрывом, если уж на то пошло.

— Мне горючее не нужно,— сказал Карл.— Со мной все в порядке.

— Горючее?— спросил я.

— Ну, я имею в виду то, на чем машина едет. Дейтерий.

— А на чем же бегает твоя штуковина, на воздухе, что ли?

Сидя за рулем своего шевроле-импала 1957, Карл нахмурился и покачал головой.

— Ты знаешь, если сказать чистую правду, я, ей-богу, не знаю, на чем она бегает.

— Тогда как насчет всех этих приборов, которые показывают температуру плазмы и прочее?

— Ах, эти-то? Да это просто игрушки.

Все, что мне оставалось — это крякнуть и почесать в затылке. Карл и Лори вышли и прошлись вместе со мной по заправочной станции, чтобы размять ноги. Все остальные тоже прогуливались. Шлагвассер — эта часть планеты, по крайней мере,— была планетой болот и заболоченных лугов, над которыми на опорах пролегала Космострада. Небо было куполом грифельного цвета. Планета пахла стоялой водой и влажными вонючими водорослями. Что-то всасывало воздух и булькало в ближайшей грязной луже. Подлесок был смесью оранжевых и лиловых тонов, а над ним нависали большие плакучие деревья с лиловыми листьями.

— Эти планеты все меньше и меньше похожи на Землю,— сказал я.— А что, интересно, случится, когда мы выйдем за пределы территории, населенной людьми?

— По словам Винни,— сказала Дарла,— по всему пути всегда будут планеты, нормальные с точки зрения землян. Могут быть такие отрезки, где их будет немного и они будут попадаться редко, но время от времени мы будем попадать на такие планеты, а потом ехать дальше через непохожие на Землю. Можно будет иногда даже разбивать лагерь.

— Но нам надо быть готовыми к враждебной среде. Шон, вы упаковали герметичные скафандры?

— Ага, они в трейлере.

— Отлично. У меня есть два... Карл?

— Да, у меня один есть в багажнике.

— Где есть?— переспросил Джон.

— Ну, в отделении, где хранятся вещи, там, сзади.

— Ах, в хранилище.

— Ну, в хранилище,— повторил Карл.— Вы как-то странно разговариваете.

Все на миг посмотрели на Карла.

— Может быть, нам лучше потратить наличность, но каждого экипировать?— предложил Карл.— Просто на всякий случай.

— Хорошая мысль,— поддержал Роланд.

— Как у тебя дела с деньгами, Карл?

— У меня-то? У меня осталась куча консолей. Могу отдать вам всю гору, потому что они ни на что не пригодятся за пределами внешних миров.

— Но ведь,— сказал я,— ты мог бы снова обратить их в золото.

— Да ну их, у меня и золота вполне достаточно. Честное слово, со средствами у меня все в порядке. Пусть у всех будет все необходимое, чтобы потом не жалеть.

— Ну ладно, может, нам стоит поискать универмаг, чтобы удостовериться, что мы ничего не забыли...

Ключ Сэма загудел у меня в кармане.

— Да, Сэм?

— Джейк, у меня на экране вырисовываются три быстродвижущихся объекта, которые следят за нами по дороге.

— А ты не принял за них какие-нибудь помехи? А, понятно.

Я даже не заметил, как Сэм выпустил прибор слежения из крыши. Он висел примерно в ста метрах над нами.

— Не нравится мне, как они выглядят. Может быть, нам лучше удирать.

Механики заканчивали возиться с нашими машинами. Станция техобслуживания сидела на узенькой полосочке сухой земли посреди огромного болота. Не было никакой возможности свернуть с дороги и спрятаться.

— Правильно, Сэм. Давай двигать отсюда.— Я повернулся к своим сотоварищам по путешествию.— Вы его слышали, ребята. Нам надо драпать.

Мы и драпанули. Нас отсоединили от всех приборов немедленно, и, чтобы не терять времени, я заплатил маленький счет Шона вместе со своим.

— Спасибо, Джейк.

— Да ладно, за тобой пара кружек пива. Поехали!

Я поймал Лори за рукав ее хорошенького, но помятого матросского костюмчика.

— Джейк, пожалуйста, пусти меня поехать с Карлом.

— В кабину, лапуля,— сказал я твердо.

Ее отношение ко мне вроде как изменилось. Она не стала со мной препираться и начала осторожно подниматься по лестничке в кабину. Но тут я вспомнил поразительную способность шевроле поглощать без особого вреда для себя различные дозы орудийного огня и еще более поразительную способность карать за него. Я схватил Лори и стащил ее вниз.

— Извини, деточка. Ты была права. Поезжай с Карлом.— Я шлепнул ее по тощей попке, хотя она вполне прилично округлялась, если говорить о тощих попках. Она побежала к шевроле.

— Что заставило тебя выпустить птичку слежения, Сэм?— спросил я, оказавшись в кабине.

— О, просто интуиция. Мне показалось, что крутятся тут всякие за последний час или около того. Мне показалось, что они намеренно стараются остаться вне досягаемости радара или сканнера. У меня вырисовывается малюсенький приборчик в воздухе, который может оказаться их прибором слежения.

— Отличная работа. Это наверняка уж подозрительная штука.

Я надел наушники и стал выводить машину на Космостраду.

— Карл, я беру на себя нос, а ты — корму.

— Подтверждаю.

— Шон? Ты в спасательной шлюпке.

— Подтверждаю, и очень даже здорово, что я знаю немного ваш космострадовский жаргончик. Ничего себе, в спасательной шлюпке.

Я пристально смотрел на экраны заднего обзора, пока Шон и Карл перестраивались как условлено.

— О'кей, вот вам еще образчик нашего жаргона. Мы собираемся прижать водород так, чтобы нейтрино полетели.

— То есть, максимальное сцепление с поверхностью дороги, правильно.

— Правильно, только точный перевод: «Давай бог ноги».

— Ну что же, душа рвется, Джейк, но Ариадна сегодня не в себе.

— Ну, постарайтесь сделать все, что можете.

— Договорились.

Бог ты мой, их машинежку зовут Ариадна!

Я прижал педаль газа и смотрел, пока на спидометре не появилась цифра двести сорок километров в час. Хорошая скорость, но все-таки еще не безумная. Шон стал отставать, поэтому я снизил до двухсот десяти. Мне уже понятно стало, какой обузой станет Ариадна, если мы не возьмем ее на буксир, а еще лучше — не сунем ее в трейлер, если удастся уговорить Шона и Лайема. А теперь, поскольку мы собирались покинуть территорию, населенную людьми, возможность разобраться с Ариадной нам представится не скоро. Я сомневался, удастся ли мне снизить гордых лесорубов до такого уровня, чтобы они из самостоятельных владельцев автомобиля превратились бы в звездных попрошаек-которые-передвигаются-автостопом.

Наша единственная надежда заключалась в том, что, может быть, те, кто к нам приближались, не были враждебно настроены по отношению к нам.

Но — увы.

— Они втянули первый следящий самолетик и выпустили другой,— доложил Сэм,— что мне, кстати, кое о чем напомнило. Мне надо сделать то же самое.

Возвратить следящую птичку на лету — задача весьма сложная и неблагодарная. Сколько мы их потеряли, пробуя это сделать! А эта фигня — довольно дорогое удовольствие.

— Похоже на то, что их очень интересует, кто ездит по этой дороге,— сказал я.

— О, они выслеживают нас, это точно. Нас просто сканируют всем, чем только можно.

— Прендергастовы сыщики, как тебе кажется?

— Возможно, хотя, на самом деле, это может быть любой, кто угодно. Мы тут немало носов утерли.

— Правильно.

Космострада шла по прямой еще несколько километров,

скользя над лугами и болотами, время от времени прорезая куски сухой земли. Вода в болотистых участках была голубовато-зеленая, по ней плавали радужные маслянистые пятна. Высокие деревья на самом деле деревьями не были. Стволы состояли из массы отдельных волокон, переплетенных так, что больше всего они напоминали змеиную свадьбу. Из воды поднимались розовые и лиловые пучки травы. Овальные подушечки, на которых сидели зловещего вида цветы переливчато-желтого цвета, плавали в прудах.

— Эй, Карл! Спроси Лори, каково было здесь жить.

— Сам спроси. Она же тебя слышит.

— Лори?

— Жить тут — как в прямой кишке.

— Понятно.

— Джейк? — это снова Карл. — Лори сказала сейчас слова, которые я на интерсистемном в первый раз слышу. Они что, означают то, что я подумал?

— Да.

— Ничего себе!

За моей спиной Сьюзен сказала:

— Мне тоже сперва трудно было понять подобные ругательства на интерсистемном.

Дарла поневоле рассмеялась.

Я сказал:

— Сэм, что они сейчас делают?

— Я уверен, что их прибор слежения засек наш прибор слежения. Они немного опередили нас в этом смысле, но по-прежнему не могут нас догнать. Наверное, они ждут, чтобы мы оказались на твердой земле, чтобы начать атаку.

— Правильно, это будет на следующей планете, которая, по всем данным, пустынный мир. Правильно, Дарла?

— Да. И помни, Джейк, на развилке надо свернуть вправо.

— Понял. Скоро и развилка появится.

На панели приборов замерцал красный свет.

— Ах ты, вонючий сын проказной суки! Сэм, это запасной роллер!

— Угу.

— Черт возьми, откуда я знал, что он такой плохой!

— Ну, мне не хотелось бы тебе сейчас говорить, что я несколько раз тебя предупреждал...

— Так и не говори!

— ...Но я уговаривал тебя купить новый! Но нет, конечно, нет, на дороге, с рук всегда можно купить получше и подешевле, так ты мне отвечал. Да и времени у нас для этого навалом, как ты говорил.

— Так ведь, черт побери, я бы и купил за недорогую цену, если бы...

— Ну да, теперь тут, посреди пустыни, соберешься в магазин поглазеть на товары!

— Христа ради, Сэм, перестань меня кусать!

— Сын, дело в том, что время от времени ты забываешь...

— Сэм, да этот роллер просто вычистил бы все наши карманы! Ты только посмотри, сколько взяла с нас эта провинциальная барракуда за то, что починила кожух стабилизатора.

— Ну, ведь там, куда мы едем, мы не можем тратить консоли...

— Я говорю про наши резервы золота! Я мог бы купить половину тяжеловоза на те деньги, которые с нас взяли просто за пару новых подкрылков!

— Правый передний роллер тоже не в лучшей форме, ты же знаешь. Ты можешь себе представить, что произойдет на дороге, если и этот споет в последний раз?

— А-а-а, к черту все!!!

— Очень разумный ответ.

— Заткнись, Сэм!

— Ладно, заткнусь. Это лучше всего для тех, кто живет в компьютере.

Я почувствовал себя ужасно. Я не ругался с Сэмом уже... черт знает сколько времени. Недавние события явно подкосили меня. Я медленно выдохнул и попытался разложить в организме адреналин.

— Господи, Сэм, извини.

— Извини и ты, сын. Я виноват. Нет времени на мелкие уколы.

— Нет-нет, ты так запрограммирован, чтобы вовремя советовать, принимать те или иные решения, и ты был прав. Мне надо было решиться и купить новую пару — только вот если бы мы поменяли колеса на те, нового размера, то остались бы вообще без запаски, и я... — я почесал голову, вспоминая. — Ох, ты абсолютно прав, Сэм. Он обещал нам еще и запасное добавить, если мы купим два колеса, дал бы нам в запас то, которое он заново вулканизировал.

— Ладно, Джейк, забудь. Ты был прав относительно золота, а если бы люди перестали гоняться за нами по вселенной, может, у нас и были бы возможности продумать, как нам поступать. Собственно говоря, я и сам думал о том, что у нас будет возможность остановиться и купить то, что потребуется.

— Ну ладно, раз так получилось...

— Лучше надень-ка шлем, сынок.

— Да... Эй, это не развилка, там, впереди?

— Похоже на то.

— Ты знаешь, Сэм, я думал...

Однако я быстро забыл, что я такое думал, поскольку машина вдруг резко вильнула влево. Красный свет перестал мигать, а вместо этого зажужжал предупредительный сигнал.

Я боролся с рычагами управления, все это время нажимая, как бешеный, кнопки стабилизатора. Мы уносились с Космострады, а строители Космострады не считали нужным ставить заградительные поручни или столбики вдоль дороги. Нажимая изо всех сил на педаль газа, я перенес контроль сцепления с дорогой на правый рычаг. Развилка была прямо перед нами, а мы были прямо в крайнем левом ряду. Тяжеловоз выправился как раз вовремя, чтобы нам не улететь с дороги к чертовой бабушке. Нам нужна была дорога направо, но я понимал, что теперь мы до нее никогда не доберемся. С погибшим правым передним роллером я не мог развернуться вовремя на другую сторону дороги. Теперь я снова управлял машиной, но... я высунул голову из правого иллюминатора, чтобы увидеть погоревший роллер. Он превратился в кондитерский сахар, от него рассыпался белый кристаллический порошок. Слоистый кусочек оторвался от него, отлетел и чуть не ударил по кабине. Пришлось остановиться — выбора не было.

И мы пропустили разворот. Разворачиваться все равно было бы проблемой по двум причинам. Космострада имеет четыре ряда, включая два более узких по краям. Она широкая, но не настолько, чтобы тяжеловоз смог бы развернуться на ней без дополнительных маневров вперед-назад. Пришлось бы немного съезжать с Космострады. А тут некуда было съехать, потому что под Космострадой были два метра воздуха, а ниже — грязная вода. Даже если бы тут нашелся кусочек посуше, я не стал бы давать возможность нашим преследователям ловить нас в тот момент, когда мы повернулись бы бортом к дороге. Придется ехать дальше.

Однако и с этим теперь были сложности.

— Джейк! Джейк, ты меня слышишь?

— Да, Карл.

— Что случилось?

— Да ничего, просто у нас роллер засахарился. Прямо на дороге. Вот почему мне пришлось проехать развилку.

— Джейк? — это Шон.

— Да.

— Джейк, по нашим картам эта дорога ведет в неизвестный портал.

— Я знаю.

И на сей раз это был портал, которого не было в поэме про путешествия, которую знала Винни.

На сей раз он мог привести нас в небытие.

Глава девятая

— Не оборачивайся, чтобы не привлекать внимания,— сказал мне Сэм,— на нас летит ракета.

— Только одна? — спросил я.

— Что-то очень странное изображение... не может быть, чтобы одна. Нет. Вот хитрые дьяволы. Весьма изощренная машинка. Джейк, я не могу четко их зафиксировать.

— Попробуй их поймать правым зажигательным орудием.

— Уже так и сделал. Они немного не по курсу. Погоди-ка... ага, есть.

Прошло несколько секунд.

— Дерьмо! Не могу попасть! Они все приближаются.

Несколько минут спустя сзади раздалась серия приглушенных взрывов.

— Ты их прибил, Сэм?

— Кто-то. Но не я.

— Карл, — ответил я. — Не иначе, как он.

— Он не все приземлил. ДЕРЖИСЬ ЗА ВОЗДУХ!!!

В стороне от дороги, справа, чуть впереди, болото взорвалось гейзером грязи и воды, за этим последовал страшный взрыв, от которого задрожал тяжеловоз. Пока мы проезжали, все это обрушилось на нас дождем грязи и мусора. Кусок разбитого древесного ствола ударился о переднее стекло, но не разбил его.

— Они играют по-крупному, — сказал я.

— Это была неисправная ракета, а то всем нам можно было бы заказывать белые тапочки, — сказал Сэм.

— Слава богу, что за нами едет шевроле, хотя мне странно, что он позволил одной ракете пролететь мимо. Я начинаю думать, что эта машина — просто волшебная. — Я включил микрофон наушников. — Карл? Шон? С вами все в порядке?

— Порядок.

— Подтверждаю, Джейк. Правда, немного не по себе, а?

— Да, Карл. У меня было сложилось такое впечатление, что твоя машина всегда попадает в цель.

— Обычно так оно и есть. Наверное, ракета не шла точно по курсу.

— Вот тебе шанс доказать это, — сказал Сэм. — К нам летит целая стайка таких ракет.

На сей раз шевроле не пропустила ни одной. Семь быстрых взрывов, и экран очистился.

— Отлично стреляешь, Карл, — сказал я.

— Ты как думаешь, это самое худшее, что они могут на нас кинуть?

— Не знаю. Давай надеяться, что они разочаруются и повернут обратно.

— Ни малейшей надежды на это, — сказал Сэм. — Вон опять.

— Карл, — спросил я его, — можешь ты натравить на них бобика?

— На кого? Ах, на этих? Я их зову тасманийские дьяволы.

Мы пытались вытянуть из Карла все, что касалось таинственной системы вооружения волшебной машины, в особенности странного огненного смерча, который обозначался на панели управления как «взять их, бобик!». Карл, однако, сказал нам, что не имеет ни малейшего понятия относительно того, как работают эти системы, он умел только пользоваться ими.

— Как бы ты его ни называл, можешь ты стрелять из него на ходу, вот так, как сейчас?

— Да, конечно. Только у меня таких штук всего три. Ты сказал, что случайно выстрелил один там, на Плеске. Тут у меня только три огонька на панели управления.

— Ты хочешь сказать, что один этот страшный огненный смерч не управится со всеми тремя?

— Нет, можно направить только одну в цель. Когда они выполняют свою задачу, то исчезают. Не беспокойся, Джейк, у меня есть и другое барахло, которым я могу воспользоваться.

— Вопрос в том,— сказал Сэм,— что они станут в нас швырять дальше?

— Не знаю, Сэм,— ответил я.— Они теперь, вероятно, очень и очень даже будут осторожны насчет Карла. Они поняли, что у него мощная оборона. У меня такое чувство, что они захотят сохранить расстояние между нами. Они все еще подтягиваются к нам?

— Да, но похоже на то, что они маневрируют, чтобы занять какую-то позицию. Наверное, перестраиваются так, чтобы подвергнуть нас концентрированному огню. Наверное, это машины военного образца. На них больше оружия, чем на среднего пошиба спортивной машине.

— Это не земной лабиринт. Если у них тут и существуют дорожные правила, за их соблюдением не очень-то следят. Я готов поспорить, что там, сзади, Зейк Мур. Сэм, дай-ка мне канал связи по Космостраде.

— Вот, держи...

— Дорога, дорога,— заговорил я в микрофон, используя старый, как мир, условный дорожный пароль.— Вызываю тех замечательных ребят, которые там у нашей задней двери — вы кто?

— Привет, приятель,— отозвался голос Зейка Мура.— Это же Джейк Мак-Гроу, правильно? Странно, что мы тут встретились.

— Да, куда страннее. Зейк, старина, мы с тобой должны кое в чем посчитаться. Но давай-ка оставим моих друзей в покое, ладно? Они тут ни при чем. Это касается только исключительно нас двоих.

— Ответ отрицательный, Джейк. У меня есть личные счеты с несколькими из них. Особенно с высокой тощей сукой — как ее там? — Дарлой. Она что-то уж больно недружелюбно настроена. Ей надо преподать парочку уроков, а у меня тут с деся-

ток мужиков, которые прекрасно преподают такие уроки. То же самое относится и к твоей маленькой шлюшке, Сьюзен. Она вроде как тоже очень любит кусаться. А если ты слушаешь этот разговор, Шон Фитцгор, то знай, что у меня полный ассортимент развлечений запланирован для Лайема и для тебя.

— Ни в коем случае не хочу пропустить такой случай, Зейк,— сказал Шон приятным голосом.— Хотя тебе трудновато станет жонглировать, если я тебе обе лапы оторву по самые плечи.

— Насчет этого мы еще посмотрим. Джейк, это теперь просто вопрос времени. У нас тут машина военного класса. У тебя нет даже единственного шанса.

Я ответил:

— Зейк, я сожалею только об одном: что Дарла совсем не откусила тебе твой фитиль.

— Она еще будет иметь такую возможность, Джейк. А тебя приглашаю посмотреть.

— Мур, я решил, что я лично заткну твою дерьмоедную пасть.

— Пожалуйста, попробуй, но тебе это трудно будет сделать с твоим плохим роллером. Я прав? Мы видели, как ты внезапно завилял раньше, там, на дороге. Я же знаю, что ты уже и появился на Высоком Дереве, когда у тебя роллер стал засахариваться.

— Не-а, я просто вильнул в сторону, чтобы задавить противную гусеницу, которая ползла по дороге. Она была очень похожа на тебя, и я так и подумал, что это ты, только полоса слизи за ней была пouже...

— Ладно, Джейк, неплохо. А ты слышал когда-нибудь про лесоруба, у которого был такой огромный...

— Джейк,— сказал Сэм, прерывая передачу,— к нам почта!

— Шон! Карл! Немедленно начинайте вилять!

На экране заднего обзора появилось что-то вроде потока ярко-зеленого цвета, который выстрелил из крыши автомобиля Карла. Шон вилял по всей дороге. Сканнеры показывали, что в небе полно всяких снарядов, сотни, тысячи, как нам сперва показалось. Девяносто девять процентов из них были ложными, но наши сканнеры были достаточно современными, чтобы отличить ложные от настоящих. Беда в том, что у нас не было времени перестрелять их всех в небе, пусть даже Сэм был очень быстрым. Более того, очереди из нашей пушки не могли повторить нужную траекторию, по которой летели эти гаденыши. Ракеты были оборудованы специальными реактивными двигателями, которые позволяли им вилять, пока они не вопьются в цель. Сэм не мог с такой скоростью обрабатывать постоянно меняющиеся данные.

Но Карл помогал нам.

— Пятьдесят шесть настоящих ракет,— доложил Сэм.—

Давай, Карл! Ну-ка, вон тех, что на зените траектории! Сорок два... сорок один...

Карл постоянно стрелял из своего волшебного оружия — вне всякого сомнения, оно тоже находилось под каким-то компьютерным контролем.

— ...Восемнадцать... семнадцать...

Как раз в этот момент еще один кусок плохого роллера оторвался, пролетел мимо иллюминатора, словно гигантская снежинка, попал в воздушный поток и исчез. Машина рванулась вправо, и я боролся за то, чтобы снова поймать ее под контроль.

— Прости, Сэм,— завопил я.

— Двигай вперед! Осталось только три!

Справа от нас взорвалась ракета. Шрапнель отскочила от корпуса машины.

— Черт, одна все-таки попала внутрь,— сказал Сэм.— Наверное, одна отделилась от тех, что летели стаей, и ее сканнеры показали как фальшивую. Вот сукина дочь!

— Шон! С тобой все в порядке?

— Порядок, Джейк. Мы все еще с тобой, хотя, боюсь, старушке Ариадне совсем плохо. Мы очень быстро теряем мощность мотора.

— Вы что, совсем потеряли ядерную реакцию?

— Нет, не думаю. Погодите-ка.

— Еще залп, Джейк,— объявил Сэм.

— Хорошо. Шон, как там дела?

На экране заднего обзора я видел, как пурпурная спортивная машина быстро отстает от нас.

— Совершенно верно, Джейк, мощность почти на нуле. Мы идем на вспомогательном моторе с водородным сгоранием. Боюсь, что на таком мы от вас запросто отстанем.

— Продолжайте вилять по дороге! Сэм? Сколько там их теперь?

— Почти в два раза больше, чем раньше. Похоже на то.

Карл снова стал стрелять, с крыши его машины поднялась пылающая зеленая молния.

— Сэм, я хочу замедлить ход. У меня есть мысль.

— Пожалуйста!

Я замедлил ход, пока машинежка Шона не стала почти касаться нас сзади носом.

— Шон, послушай меня внимательно. Делай точно так, как я говорю. Сэм, я хочу, чтобы ты...

— Я понял, что ты задумал. Дверь открыта, и трап спущен.

— Шон, ты понял, что я имею в виду?

— Понял, Джейк. Мы попробуем.

— Держи тяжеловоз ровно, Джейк,— предупредил Сэм.— Пусть у меня хоть часть мозгов останется свободной от вождения, если только можно.

Экран заднего обзора показал, что Шон пристроился как следует, чтобы выполнить сложный маневр заезда в трейлер на этой невозможной скорости. Он сперва сбросил скорость, потом прибавил газу, потом снова приотстал, действуя что-то слишком робко.

— Шон! Давай быстрее заезжай! Это твой единственный шанс!

Он рванул быстрее. Я почувствовал, что трейлер на миг вильнул, когда машинежка в него заехала. Я переключил обзор на камеру внутри трейлера, чтобы убедиться, что все в порядке, потом протянул руку к выключателю, чтобы убрать трап. Тут страшный взрыв потряс нас.

— Сэм, мы что, получили удар в зад?

— Не знаю. Камера заднего обзора полностью вырубилась.

— Шон, ты меня слышишь? Шон? Лайем?

— Их сигнал не пройдет сквозь корпус, Джейк.

— Эта бомба прозвучала так, словно она вошла в трейлер и там внутри взорвалась. Ведь камера в трейлере тоже вырубилась.

— Боюсь, что ты прав. Сенсоры показывают, что ущерб нанесен трейлеру, что корпус пробит. Но может статься, что приборы дают такие показания, потому что трап заело и дверь не закрывается. У нас все приборы дают тревожные показания насчет трейлера.

— Джейк? Как вы там, парни? Все в порядке?

— С нами в кабине все отлично, Карл. Ты видел, как нам попали в трейлер.

— Я глядел назад. У вас там сзади повреждение.

— Угу. Ты видишь Шона или Лайема?

— Нет. Дверь наполовину открыта, и грузовой трап до сих пор волочится по дороге.

— Вот это плохо. Может, они получили все сполна. Карл, у твоей машинки есть какие-нибудь ракеты?

— Да вроде того. Тебе надо понять кое-что. На этом автомобиле оружие главным образом оборонного назначения, кроме тасманийских дьяволов. Да и насчет этих штук мне с ними пришлось поспорить.

— Поспорить с кем?

— С теми, кто делал машину. Не обращай на это внимания, мне сейчас не до этого. Не могу же я тебе прямо сейчас начинать рассказывать. Как бы там ни было, я не могу стрелять по машине, если она не находится в поле зрения и не стреляет прямо по мне.

— Вот черт. Может быть...

— Однако что я могу сделать, так это на несколько минут попортить им радар слежения.

— Э? Что? Ты можешь это сделать?

— Думаю, что да. Я никогда не пробовал эту хреновину раньше, но должно сработать.

— Господи, Карл! Почему ты до сих пор мешкал с этим?

— Я только сейчас понял, для чего может быть нужна эта штуковина. Джейк, ты как-то сказал, что моя старая колымага тебя совершенно сбивает с панталыку. Так вот, со мной временами происходит то же самое. Они так-таки мне и не объяснили до конца, как все эти штуки должны работать.

— А о какой такой штуковине ты только что говорил?

— Я ее зову зеленым шариком. Это так выглядит. Большой зеленый искрящийся шарик. Я как-то его включил и вышел из машины, чтобы посмотреть, что будет дальше. У меня все стало чесаться, а волосы встали дыбом, так что я понял, что это было какое-то электрическое явление.

— Похоже на то. Сэм, перепрограммируй ракеты на баллистическую траекторию. Все, что есть.

— Готово.

— Карл, ты можешь держать эту штуку пониже к земле, чтобы эффект не расходился особенно далеко?

— Он и так очень невысоко поднимается над землей, Джейк. Но эта штука может вывести из строя твой радар... то есть сканнер.

— Понимаешь, мне надо, чтобы только наводящиеся механизмы моих ракет остались в целости-сохранности.

— Этого я обещать не могу.

— Ладно, мы не много потеряем, если попробуем. Кажется, Мур сделал все, что мог, с нами и теперь будет только пытаться дальше. Если нам не помочь, то мы никогда не сможем попасть в Мура ракетой, потому что у него вооружение лучше. Поэтому будь готов выстрелить эту штуковину. Ладно?

— Порядок.

— Сэм?

— Я готов, Джейк. Все цели установлены.

— Огонь!

— Ракеты выпущены!

Серия громких звуков «пуфф» вылетела с крыши.

— Дай-ка мне снова связь по Космостраде и скажи Карлу, чтобы выстрелил зеленый шарик, когда ракеты выйдут в зенит траектории.

— Понятно.

— Дорога, дорога. Ты еще тут, Мур?

— Воистину мы тут. Что я могу для тебя сделать?

— Можешь посмотреть на свои сканнеры и увидеть там смерть.

— Джейк, эти старые твои шутихи нас вовсе не беспокоят. Мы просто ждем, когда этот твой роллер разлетится совсем на кусочки. Этого ждать недолго. Ты уже усеял полдороги кусками этой штуки.

— Скоро полдороги будет усеяно кусками тебя самого, приятель. Ты уверен, что видишь ракеты?

— Ясно, как божий день. А ты вовсе не обманул нас тем, что дал им баллистическую кривую вместо самонаведения. Собственно говоря, нет особой разницы...

Вдруг все пропало. Огоньки панели приборов вспыхнули и погасли, потом снова зажглись. Экраны сканнера на миг погасли. Мотор почти заглох, застонал, вздохнул, потом снова ожил.

— Мы поймали только краешек зоны, где это устройство работает,— сказал Сэм.— Я на миг тоже вырубился.

— С тобой все в порядке?

— Да. Ракеты, кажется, плотно легли на курс. Похоже на то, что наши приятели пытаются вилять на дороге, чтобы их не накрыло.— Сэм злорадно рассмеялся.— Нечего сказать, это им здорово поможет. Они ослепли, и похоже на то, что моторы у них тоже спели романсы. Они не смогут вовремя выкатиться из зоны зеленого шарика. Разве что...

— Что?

— Черт!

— Что, что там такое?— спросил я.

— Мы были на повороте, когда Карл выстрелил. У меня нет точного отчета о работе этой штуковины, хотя на экранах вырисовывается что-то расплывчатое, что может оказаться как раз этой штукой. Похоже, что это облако уплывает прочь. Они могут еще успеть выбраться из зоны эффекта как раз вовремя.

— Вот черт!

— Мы это узнаем через несколько секунд... угу, похоже, они снова едут на полной мощности, и они начинают стрелять... пять секунд до удара... четыре... три... две... э?

Я бросил быстрый взгляд в параболическое зеркало заднего обзора, но ничего не видел.

— Что произошло, Сэм?

— Вот хреновина с морковиной... эти ракеты сдетонировали до взрыва. Все сразу, в одном выстреле.

— Такого не может быть.

— Да? Тогда как же получилось, что это произошло? Я не вполне уверен, что они взорвались, но из поля зрения они исчезли моментально.

— Мур не мог этого сделать,— сказал я.— Он все-таки получил бы парой ракет по рылу, но все одним махом он убрать не мог.

— Мне кажется, ты прав. Их как раз должно было шарахнуть как следует, когда это все произошло. Еще две секунды — и мы бы их поймали. Вот незадача. Теперь еще изволь тратить энергию на птичку слежения. Мне придется вернуть ее обратно.

— Пошли птичку номер два,— посоветовал я ему.

— Она уже взмыла.

— Я собираюсь замедлить скорость,— я протянул руку к переключателю диапазонов.

— Карл?

— Тут я.

— Немного замедли ход. Я хочу увидеть, что там сзади произошло, а этот проклятый роллер готов скапутиться в любой момент.

— О'кей.

— Сэм, ты что-нибудь видишь?

— Они отстали.

— Может, все-таки мы в них попали?

— Не вижу, каким образом мы могли это сделать. Эти ракеты, взорвавшись над ними в воздухе, не могли причинить им никакого вреда.

— Ну, они не следуют за нами, и это все, что мне хотелось знать.

Я обратил внимание, что природа вокруг нас изменилась. Мы выехали из болот на развернутую равнину багряной травы. Цилиндры портала были черными пнями на горизонте. У нас еще было время проверить, как там Шон и Лайем, без того, чтобы останавливаться.

— Роланд! — завопил я.— Расстегни ремни, иди назад и отвинти люк, который ведет в переходную трубу к трейлеру. Быстро проберись в трейлер!

— Порядок!

— Минутку, Роланд! — завопил Сэм.— Что-то приближается к нам! Правильно, теперь я могу объяснить, что произошло с ракетами.

— «Дорожный жук»?

— Ну да, похоже.

— Ты думаешь, это он вмешался?

— Ага. Они не любят, когда на их дороге происходит подобный инцидент, и потасовки тоже не в их вкусе.

— Надеюсь, что сегодня они в милостивом настроении.

Трудно предсказать поведение «дорожного жука». Они что-то вроде дорожной полиции, теоретически у них только один закон, за соблюдением которого они тщательно следят: не сметь мешать дорожному движению или загромождать дорогу. Как и в любой другой системе законов, приговор очень часто зависит от интерпретации того, что произошло. Часто побоища на дорогах разрешались, и на них смотрели снисходительно, но в иных случаях «дорожный жук» мог взорвать одну или даже обе сражающиеся стороны, если он замечал нечто в их действиях, что подходило под его абстрактное представление о незаконной деятельности. Иными словами, нельзя ездить по Космостраде, стреляя наугад во что попало и в кого попало. Придет такой момент, и «дорожные жуки» пронюхают об этом — не было никаких сомнений, что они вели дела на многие

машины, которые часто появлялись на дороге. Некоторые даже считали, что у них заведены дела на все машины, которые ездят по Космостраде. Придет такой момент, когда тебя просто сотрут в порошок. Раскатают по дороге. «Дорожные жуки» были печально знамениты тем, что очень любили вершить скорый суд, взяв показания у свидетелей и подозреваемых, а потом вынося приговор. Эти их решения невозможно было обжаловать. Не было возможности подать апелляцию, поскольку не существовало более высокой инстанции.

Кто они были? Что такое они были? Машины строителей Космострады? Или они сами и были строителями Космострады? Никто этого не знал.

— Это жук, так и есть,— доложил Сэм.

Поскольку задняя камера у нас вышла из строя, я выглянул из иллюминатора в параболическое зеркало заднего обзора. Между сторонами дороги быстро вырастало серебристое пятно, принимая форму машины космострадовского патруля. Их скорость всегда была просто фантастическая. Иногда они проносились мимо с такой невероятной быстротой, что воздушная волна ударом могла почти что сбросить тебя с Космострады. Этот жук стал замедлять ход, как всегда, с такой скоростью, что если бы человек сидел там внутри, то кости его просто стерлись бы в порошок. Я замедлил ход. Вне сомнений, жук хотел поговорить именно с нами. Просто так, приятно убить времечко.

— Сынок, говори правду. Это всегда лучше всего, когда имеешь дело с «дорожным жуком».

— Да, папа.

— Не хами. Ну да, вот он нас вызывает. Я переключу его на громкоговоритель кабины.

— ЛИЦА, НАХОДЯЩИЕСЯ В ТОРГОВОМ АВТОМОБИЛЕ! НЕМЕДЛЕННО ПРОЕЗЖАЙТЕ ЧЕРЕЗ СЛЕДУЮЩИЙ ПОРТАЛ!

Голос «дорожного жука» — это как иголка сквозь барабанную перепонку. Вообразите все неприятные звуки, какие вы только знаете. Скрипение мела по доске, раздираемый металл, хруст кости, грохот от столкновения автомобилей, жужжание вибропилы. Возьмите все эти звуковые формы, усильте их до предела, потом поверх наложите замогильный, нечеловеческий голос. Описание будет, конечно, неадекватное мерзостной действительности. Я подавил дрожь и постарался ответить спокойным голосом.

— Если мы последуем вашему приказу, это причинит нам трудности и поставит нас в опасное положение.

Пауза. Потом:

— ОБЪЯСНИТЕ.

— Этот портал уведет нас прочь от нашего запланированного маршрута, и мы останемся в неизвестной местности.

У нас нет карт этого сектора. Кроме того, у нас роллер с опасным для жизни дефектом.

«Жук» пристроился возле нас. Он действительно выглядел, как огромный серебристый жук, его поверхность была блестящая и совершенно лишена каких-либо деталей. Заслонив от нас небо слева, он подъехал, чтобы осмотреть наш роллер. Как будто желая продемонстрировать, что творится, роллер немедленно сбросил с себя огромный кусок. Видимо, удовлетворенный результатом осмотра, «жук» откатился в сторону.

— ДЕФЕКТИВНАЯ ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВЫ ПРОЕДЕТЕ НА СЛЕДУЮЩУЮ ПЛАНЕТУ. МЫ ПОМОЖЕМ.

Я придавил микрофон.

— Черт возьми,— сказал я.— Сэм? Ты можешь что-нибудь придумать?

— Спроси его, почему,— посоветовал Сэм.— Спроси вежливо.

Я снова включил связь.

— Мы с уважением к стражам закона желали бы спросить причину вашего решения.

— ВАШЕ НЕДАВНЕЕ ПОВЕДЕНИЕ НА ЭТОМ УЧАСТКЕ ОКАЗАЛОСЬ АБСОЛЮТНО ВРЕДОНОСНЫМ ДЛЯ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, И ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТДЕЛЕНЫ ОТ ВАШИХ ОППОНЕНТОВ.

— В нас стреляли без повода и провокации.

— ЭТО НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, ПОЭТОМУ ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ НА СЛЕДУЮЩИЙ УЧАСТОК ДОРОГИ. ПРИБАВЬТЕ СКОРОСТЬ И БУДЬТЕ ГОТОВЫ К ПРОЕЗДУ. ВАШИ ОППОНЕНТЫ ЗА ВАМИ НЕ ПОСЛЕДУЮТ.

— Черт побери! Я же сказал, что в этом случае мы заблудимся!

— ЭТО НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ. КОНЕЦ СВЯЗИ.

— Твою мать!— иногда старый добрый мат предпочтительнее.

«Дорожный жук» отстал от нас, потом пристроился нам в хвост и до тех пор вилял, пока не уперся почти что в наш трейлер.

— И нам даже не дали позвонить нашему адвокату,— невесело пошутил Сэм.

Я кивнул и глубоко вздохнул. Нас приговорили, изгоняли по ту сторону неизвестного портала без всякой надежды исправить положение. Я слышал про то, как «дорожные жуки» делали такие вещи. Но я никогда не представлял, что это может произойти со мной. Я посмотрел назад на своих пассажиров. Ну что же, это происходило не только со мной одним. Я посмотрел на дорогу впереди цилиндра почти перед нами. Выбора у меня не было. Либо мне пришлось бы проскочить через неизвестный портал, а это своеобразный смертный приговор со сторо-

ны «дорожного жука», либо меня просто размазали бы по дороге.

Но еще оставался вопрос сломанного роллера. По мере того, как наша скорость нарастала, он стал сбрасывать с себя куски покрышки, а за ним тянулся снежно-белый вихрь порошка. В конце концов, это может оказаться действительно смертным приговором. Роллер был готов сломаться каждую секунду.

— Веди машину через портал на минимальной скорости, сын. И спокойнее с ней обращайся.

— Я так и собираюсь сделать. Но мне понадобится вся помощь, какую ты сможешь мне оказать.

— Я с тобой, сынок.

— Пап, мне кажется, что на этот раз мы не сможем проскочить.

— Я буду с тобой на каждом шаге этого пути, сын.

Панель управления бесилась от пляшущих красных огоньков. Ландшафт проносился мимо багровым смазанным пятном.

— Люди,— объявил я.— Я никоим образом не смогу протащить этот тяжеловоз через портал с неисправным роллером. Если только «жук» не окажет нам обещанной помощи — а я не понимаю, чем он смог бы нам помочь,— это может оказаться нашей последней попыткой. Мне кажется, я должен вам об этом сказать.

Я посмотрел назад. Сьюзен сидела с побелевшими губами и бледная, а Джон мрачно смотрел вперед, но глаза его были спокойны.

— Мы справимся, Джейк,— сказал мне Роланд.— Нам просто необходимо справиться.

— Сделаю, что смогу.

— Дарла...

Я повернулся назад еще раз. Дарла мне улыбалась! Эти ионосферные глаза сияли самым странным веселым светом. Я видел в них вечность. Мою судьбу.

Я моргнул, и улыбка пропала. Я посмотрел назад на долю секунды. Теперь я вовсе не был уверен, что действительно видел ее улыбку.

Машина вильнула вправо, и я стал бороться за то, чтобы удержать нас на дороге. Маркеры входа в портал — два металлических, выкрашенных в красный цвет прута по обеим сторонам белой линии посреди дороги — пролетели мимо, прежде чем я успел увидеть их как следует.

Теперь мне надо было выпрямлять машину... и немедленно!

Роллер стал ломаться, вдоль его поверхности появились линии разлома, из которых полетели фонтаны белого порошка.

— Пап! На другой стороне что-нибудь есть?

— На другой стороне чего? Портала?

— Нет! По другую сторону жизни!

Сэм не нашел времени мне ответить. И вдруг... все стало нормально.

Это было похоже на то, как если бы огромная рука схватила тяжеловоз и выровняла его на дороге. Предупредительные сигналы все еще мерцали, роллер продолжал ломаться, но наш курс был правильным и ровным. Мы были ровно на срединной линии дороги. Маркеры наводящей линии появились перед нами, и мы были в самой середине. Цилиндры промелькнули мимо, по двое, потом выход превратился в расплывчатое очертание выходного портала, сформировавшись из тумана впереди. Мы ровно вошли в него.

Тут нас отпустил «дорожный жук». Роллер разлетелся взрывом снега и льда, машина осела и метнулась к прочесанным ветром дюнам, которые обрамляли дорогу впереди. Мы ударились в песок, и внезапное торможение чуть не выбило наши глаза из орбит, чуть не раздробило нам грудные клетки. Я ударил по реактивным дюзам, чтобы ослабить влияние, поэтому мне удалось удержать нас на прямой метров на сто. Нас уже тянуло обратно на дорогу, но трейлер никак не хотел последовать за тяжеловозом. Машина перевалила через бровку дороги, но трейлер все еще тащился левее от нас, зарывшись в песок. Он либо перевернется, либо в конце концов отвалится. Я не стал ждать, когда трейлер надумает, что ему делать, я прибавил газу, откинул крышку, под которой был переключатель быстрого отцепления, и подсунул пальцы под кольцо. Постепенно трейлер выправился и встал ровно на колеса. Я затормозил — что было крайне сложно, потому что от скверного роллера почти ничего не осталось. Он был содран до своего желтого губчатого ядра. Он стонал и плюхал по дороге, плюх-плюх-плюх-плюх-плюх-плюх, и снова заставлял нас клониться влево. Я совершенно не собирался снова падать с дороги. Я отсоединил передние роллеры от системы торможения и подключил задний комплект. Но все равно, двигаться дальше все же было очень трудно. Машина вдруг перевалилась налево, и искры полетели, когда край кузова коснулся металла дороги. Я смог как-то справиться с перекосом, и мы почти совсем хорошо затормозили, когда «дорожный жук», потеряв терпение, пронесся мимо нас с невероятной скоростью.

Я не помню, что произошло дальше, если говорить точно. Мы перевалились с дороги, мы снова были в песке, потом нас вынесло из песка, потом мы снова в него плюхнулись. Кругом взмывали фонтаны желтого песка, закрыв переднее стекло.

Наконец мы остановились. Боковое стекло было чисто, и я смог увидеть, что мы стоим более или менее вертикально. Передний край машины зарылся в песок до половины аэродинамического кожуха мотора. Я включил дворники на переднем стекле, и скоро мы смогли увидеть, что произошло. Машина слетела с дороги смачно. Обычно это не представляет никаких

сложностей. С двумя хорошими передними роллерами мы спокойно могли бы отцепить трейлер, вытащить его, потом подать машину задним ходом без каких-либо проблем. Если бы у нас была еще машина, которая могла бы нас вытянуть, и два порядочных передних роллера.

Там, на дороге, Карл с визгом тормозов остановился и съехал на обочину.

— Джейк, с вами, ребята, все в порядке?

Я оглянулся. Никто, казалось, не пострадал. Все кивнули.

— Да, мы в порядке, если принять во внимание все обстоятельства.

— Как насчет Шона и Лайема?

— Мать честная!

Роланд уже расстегнул ремни и пробирался в кормовую каюту. Я содрал ремни с себя и последовал за ним.

— Роланд, погоди! — крикнул я. — Сэм! Как тут воздух?

— Нормальный для землян!

— Невероятно. Наконец удача. Роланд, ты иди через каюту, попробуй пробраться через заднюю дверь. Я пойду через пролаз в кишке. Там могут быть какие-нибудь повреждения.

— Договорились!

Я отвинтил люк, встал на четвереньки и пролез через гармошку, связывающую трейлер и трубу машины. Дальний люк был в полном порядке. Я открыл его, пробрался внутрь, кувыркнулся и встал на ноги. Было темно. Я почувствовал запах дыма. Однако там, в той секции, которую мы называли кассетой для яиц, потому что хранили там хрупкие вещи, не было заметно никаких повреждений. Я перепрыгнул через пару ящиков, проскользнул по лабиринту коробок, пробрался назад. Туда через пробоины проникал дневной свет.

— Хочешь пива, Джейк?

Шон и Лайем лежали вразвалку на куче ящиков и рассыпавшегося барахла. Бутылки с пивом разбились, пена текла повсюду. Их машинка была покрыта всякими обломками, но вообще-то не повреждена. Шон уселся, размахивая в знак приветствия целехонькой бутылкой пива.

Роланд вошел, переступая через побоище.

— Они в порядке?

— Привет, Роланд, друг мой, — воззвал к нему Шон. Он отбил горлышко бутылки о металлический ящик, приложился к отбитому краю и как следует глотнул.

Потом он приятно улыбнулся.

— Мы остановились пообедать?

Глава десятая

Насколько я мог судить, ракета взорвалась в метре или около того от задней двери, как раз тогда, когда она стала закрываться. Взрыв скособочил ее, и она заклинилась примерно в двух третях от пола. Трап был весь погнут, и вернуть его на место вручную не представлялось возможным. Ей-богу, это все мелочи, а не убытки, если принимать во внимание, что вообще могло произойти. Дверь поглотила большую часть взрыва, а Ариадна была уже совсем внутри трейлера, когда взрыв прогремел. Собственно говоря, тормоза у Ариадны были ничуть не в лучшем состоянии, чем у всех: Шону пришлось изрядно попотеть, чтобы затормозить, в результате часть груза была перераспределена по трейлеру. Тут тоже, к счастью, особого ущерба не было, если не считать нескольких разбитых ящиков пива. Астрономическое оборудование в секции для хрупких вещей, слава богу, было не тронуто.

Ну конечно, ущерб в тот момент не был для нас главным поводом для беспокойства. Мы были выброшены на богом забытую пустынную планетку, а когда пролетаешь через неизвестный портал, никто не дает тебе обратного билета.

Но у нас был еще один автомобиль, на котором можно было ездить — шевроле Карла, ну ладно, можно сказать, полтора автомобиля, если считать калеку Ариадну. После длительных споров мы решили выслать разведывательную группу, чтобы выяснить, обитаем ли этот мир, а если обитаем, то кто его обитатели. Если бы оказалось, что тут никого нет, нам пришлось бы оказаться перед весьма щекотливым вопросом, пролететь ли через портал назад, но еще предстояло выяснить: не в одну сторону в нем организовано движение? Нам пришлось бы проскакивать еще через многие порталы, прежде чем мы могли бы найти обитаемую планету и помощь. Великий спор на самом деле разгорелся только из-за того, кому оставаться, а кому ехать за помощью.

— Но никому не придется оставаться, если мы используем обе машины,— протестовал Шон.

— Беда в том,— возражал я,— что этот твой вспомогательный мотор дышит воздухом. Что, если мы попадем на планету с безвоздушным пространством?

— Ну да, тогда каюк, я об этом не подумал.

— Но мы все в шевроле не поместимся,— вставил Джон.— Разве можно? Нас десять человек.

— Если бы немного потесниться, то смогли бы,— сказал Карл,— и мне кажется, что это самый лучший способ.

— Может оказаться,— сказал я,— что мы сможем проехать только в одну сторону и не вернуться обратно. Я не хочу оставлять кого-нибудь здесь навеки... включая Сэма. Я остаюсь.

— Джейк, ты не можешь так поступить,— сказала Дарла.

— Забудь об этом, Джейк,— сказал Сэм.— Возьми просто мою матрицу и положи в карман. Ты ведь в конце концов найдешь, куда меня запихнуть.

— И оставить тут валяться все твои недешевые программы? Не говоря уже о тяжеловозе? Ничего не выйдет, Сэм,— сказал я.— Вы, ребята, влезайте в эту колымагу-шевроле и трогайте. Сэм и я вполне тут справимся.

— Ты что, хочешь, чтобы мы бросили вот так вожака экспедиции?— сказал с насмешливым возмущением Роланд.— Ничего не получится.

— Мне кажется, у меня просто талант заводить эту экспедицию из одной беды в другую,— сказал я.— Кроме того, если я действительно вожак, вам следует выполнять мои распоряжения без обсуждений.

— Любой приказ, кроме этого — закон,— сказал Джон извиняющимся тоном.— Извини, Джейк, но я наконец пришел к той же точке зрения, что и Роланд. Насколько я могу понять, все, что до сих пор происходило, развивалось в соответствии с Планом.

Опять-таки это священное слово телеологистов. Их постоянные ссылки на План меня замучили. Теперь же, в душной кабине, слово это вызвало у меня приступ раздражения.

— Знаешь,— ответил я,— почти по определению, все, что происходит, обычно бывает частью «Плана». Тебе никогда не приходило в голову, что твои соображения несколько произвольны, логически говоря?

— Если смотреть на вещи с традиционной точки зрения, то да. Может, мои соображения в этом случае лишены смысла. Но телеологический пантеизм — это религия, где человек учится приспосабливаться к различным точкам зрения. С другой перспективой, с другой точки зрения ты в конце концов убеждаешься, что вся история горячих споров и разногласий сводится на нет единственным выводом — что истина в конечном итоге превосходит разум.

— Странно, что ты использовал слово «вывод». Оно подразумевает, что идет некая дискуссия, что означает, что используется логика, то есть разум. Иными словами, ты воспользовался логикой, чтобы доказать, что логика ни хрена не стоит.

Джон на миг задумался.

— Может быть, я именно это и имел в виду. Опять-таки, это вопрос перспективы. Давай воспользуемся метафорой. Я использовал лестницу, чтобы подняться уровнем выше, но на этом месте я отбрасываю лестницу, потому что от нее уже не будет никакого толку. Она была мне полезна на определенном этапе, но он закончился.

— Интересно,— сказал я,— но любое сравнение хромает и может тебя подвести.

— А есть у нас время,— спросил Карл,— для всего этого философского навоза?

— И у нас столько времени, сколько мы сами захотим,— ответил я.— Впервые за много времени никто за нами не гонится. Давайте передохнем и продумаем, как нам быть дальше. У нас множество еды, масса энергии для систем жизнеобеспечения... собственно говоря, Сэм, тут становится довольно душно.— Я пододвинул свой стул к нише со столиком.— Снизь немножко температуру, ладно? И уровень углекислого газа, пока ты все равно этим занимаешься.

— Постараюсь, хотя десять человеческих тел изрядно перенапрягают систему кондиционирования воздуха, а это все, что я могу использовать. По местному времени как раз полдень, и температура тут тридцать семь с половиной градусов по Цельсию.

— Прости меня за это замечание, Джейк,— сказал Карл.— Просто...

— Забудь. Мы все были напряжены до излома, включая и меня. Я должен извиниться перед вами всеми за то, как я себя вел. На меня это не похоже, но я могу сослаться в данном случае на извиняющие меня обстоятельства.

— Ты прощен, Джейк,— сказал Джон.— Но Карл кое в чем прав. Нам надо все же заняться насущной проблемой — а она заключается в том, что разделяться нам на этом этапе неразумно.

— Ну, это, конечно, было бы нежелательно, в чем я с тобой согласен. Но это может оказаться необходимым. Карл, ты говоришь, что мы можем запихать всех нас десятерых в твою машинку...

— Я не говорю, что это будет комфортабельная поездка.

— Как насчет нагрузки на систему жизнеобеспечения?

— Мы справимся.

— Ты уверен? Ведь у всякой технологии есть свои ограничения.

— Это что же ты имеешь в виду?

— Ну, хотя бы то, что она не остановила ту ракету, которая в нас ударила.

Карл, который присел на корточки возле кухоньки, потер подростковую щетинку на подбородке.

— Ну да, я про это тоже думал. Но я склонен думать, что любые ограничения были намеренно встроены в машину.

— Что ты хочешь этим сказать?— спросил Роланд.

— Ну, то, что те, кто его сделал, хотели привлечь как можно меньше внимания к этой машине с точки зрения технологии.

— Поэтому они построили шевроле-импалу 1957 года. Интересно, как ты называешь тот цвет, в который она окрашена? «Леденцово-яблочный»? Очень неприметно,— сказал я.

Карл смущенно улыбнулся.

— Внешний вид машины — это моя идея. Психологические причины, главным образом. Меня терзала тоска по дому.

Мы все смотрели на него, ожидая объяснений.

Когда мы поняли, что такового не последует, я сказал:

— Карл, кто построил твою машину? И зачем?

Улыбка стала извиняющейся.

— Честное слово, я не уверен, что я готов рассказать историю своей жизни. Извините, но я просто не могу вдаваться в это прямо сейчас.

— Ну, что же, — сказал я. — Тебя никто не принуждает. Это твое дело.

— Спасибо, я очень ценю такт. — Он встал. — Мне кажется, что мне надо пойти к машине и проверить управление лучевого оружия. Знаете, может быть, что я просто изначально неправильно установил его. Как я уже вам говорил, в этой машине есть много такого, чего я просто не понимаю. Она все время преподносит мне новые сюрпризы. — Он потянулся. — Мне тут все равно тесно. Лори, ты пойдешь со мной?

— Естественно.

После того, как они ушли, Шон вышел из кабины в каюту.

— Шон, как ты думаешь, что такое этот парень? — спросил я.

Он погладил свои рыжие, похожие на червячка, усы.

— Странный малый. Странный.

— Это-то мы и сами знаем, — ответил Роланд.

— Ты имеешь в виду его машину? — Шон пожал своими массивными плечами и повернул руку ладонью вверх. — Я готов поспорить, что эта штука пришла из неизвестных нам лабиринтов Космострады, но кроме этого... — Он опрокинул себе в рот бутылку пива, потом вытер физиономию волосатой ручищей. — Он анахронизм ходячий, вот что я точно понимаю.

— Да, — согласился Джон. — Его акцент, манера говорить, выражения, — он повернулся ко мне. — Ты знаешь, Джейк, прежде чем я повстречал Карла, я сказал бы, что твой акцент — квинтэссенция того, как говорили американцы. Но Карл звучит, как персонаж какой-нибудь древней кинокартины. Хэмфри Боварт, кто-то вроде этого.

— Хэмфри Богарт, — поправил я.

— Ну, как бы там ни было...

— Он путешественник во времени, — выпалила Сьюзен.

— Ты хочешь сказать, что он пришел из 1957 года? — сказал Роланд.

Сьюзен пожала плечами.

— Конечно. А почему нет?

— А как он попал с земли возрастом около 1957 года сюда и в сейчас?

— Космическим кораблем.

— Космическим кораблем,— сказал Роланд, кивая и потом закатывая глаза.

— Ну да. Относительность, расширение времени и все такое.

— Ты хочешь сказать,— продолжал Роланд, голос его просто истекал иронией,— что он покинул землю в 1957 году... в космическом корабле?

— Не будь таким чертовски высокомерным. Почему бы и нет?

— Потому что в 1957 году не было еще никаких космических кораблей. И сейчас никаких нет.

— Может, его похитили рикксиане? Я не знаю! Неужели тебе надо прыгать на меня с когтями и зубами всякий раз, когда...

— Но мы говорим о времени, которое было сто пятьдесят лет назад, Сьюзен!

Я сказал:

— Рикксиане шляются по Космостраде примерно лет триста, Роланд. Невозможно сказать, когда они открыли для себя межзвездные путешествия.

Роланд скептически покачал головой.

— Я готов поклясться, что очень недавно.

— Почему бы нам просто не подождать,— вставил Лайем, просунув голову в люк из трейлера,— пока Карл сам нам не скажет? Каким бы ни было объяснение, готов побиться об заклад, что оно окажется сложным.

— Или, может быть, ему есть что скрывать,— сказал Роланд.

— Что именно?— поинтересовался я.

— Вот в чем вопрос, правда?

— Ну, если ты предполагаешь, что он шпион или что-то в этом роде...

— Может быть, не шпион...

— Тогда что он такое? Помни, что это не ему пришла в голову мысль увязаться за нами. Я втянул его во все это, угнав его машину.

Роланд опер подбородок на руку и стал кусать ноготь мизинца.

— У меня просто какое-то странное чувство к нему,— пробормотал он.

— Не знаю, почему,— ответил я,— мне он кажется вполне обычным заурядным парнем.

Сьюзен хихикнула, потом тихонько скользнула рукой по моему бедру, чтобы гладить его внутреннюю часть.

На миг воцарилась тишина.

— Ну хорошо,— прервал ее Джон.— Что станем делать?

— С Карлом?— спросил я.

— Нет, конечно. Насчет разведывательного отряда.

— Мне все-таки очень не хочется оставлять Сэма,— сказал я.

— Это я могу понять, Джейк. Я, разумеется, могу понять, какие чувства у тебя вызывает необходимость оставить твоего отца...— на миг он смущенно умолк и неопределенным жестом показал на кабину,— я... э-э-э-э...

— Отца.

— Да. Да, твоего отца. Иногда просто очень трудно...

— Все правильно. Кстати, Сэм находится примерно здесь,— сказал я, показывая на маленькую выпуклость в задней стене кабины.— Это ЦПУ, центральное процессорное устройство. Его вспомогательные банки памяти засунуты в стену между кабиной и каютой. И, конечно, по всему тяжеловозу разбросаны многочисленные вводы-выводы.

— Энтелехическая матрица,— сказал Роланд,— она в ЦПУ?

— Правильно. Прости, Джон. Ты как раз говорил...

— Я более или менее пытался сказать, что, если бы мы потеряли тебя, Джейк, для остальных пропала бы всякая надежда.

— Ну, мне кажется, что ты весьма преувеличиваешь.

— Но у тебя черный кубик.

Это был первый раз за все время, когда кто-то упомянул черный кубик, этот странный артефакт, видимо, потому, что никто не знал, что о нем сказать. Все, что уже произошло, все, кажется, чему еще предстояло произойти, вращалось вокруг загадки, которую представлял из себя кубик. Предположительно, это была карта Космострады, предмет всех вожделений, из-за которого и затевались все погони, все интриги, весь базар. В драме Парадокса этот кубик занимал на сцене центральное место. При упоминании Джона об этом ирония нашего положения наконец дошла до нас. Вот они мы, потерянные, заблудившиеся, без роллеров, но с ключом ко всей системе Космострады в нашем распоряжении... предположительно.

Ну ладно, если кубик и в самом деле легендарная карта Космострады, у нас не было никакой возможности прочесть ее. Не было даже никакого способа начать ее читать. Хотя мы даже не пытались копаться в этой штуковине, она выглядела страшно и интригующе сложной, кроме того — непостижимой. Ее непроницаемая чернота, казалось, говорила: даже и не думайте пробовать. Трудно было представить себе, что в этой вещице заключена просто полезная информация. Темные тайны — вот это может быть. Тайны, Которые Человеку Постичь Не Дано. Но карта дороги, которая просто показывает мотели получше, да пейзажи, которые стоит посмотреть? Не-а.

— Ты себе даже не представляешь, Джон,— сказал я,— как близок я был к тому, чтобы вышвырнуть проклятую дрянь через окошко.

Джон серьезно кивнул.

— Это как молния в руках.

— Вот именно. И нам уж слишком часто в последнее время приходилось ловить молнии голыми руками. Так почему же тебе кажется, что нам все равно лучше оставаться с этой штуковиной?

— Мне не хочется, как ты выразился... оставаться с этой проклятой штуковиной, но мне просто очень хочется проследить за каждым твоим шагом, пока ты не доставишь эту треклятую дрянь домой.

— Вот как? И что ты собираешься сказать своему двойнику, когда с ним встретишься?

— Моему дублю по Парадоксу? Мне кажется, нам очень даже будет о чем поговорить. Однако я не помню что-то себя самого, возвращающегося из такого путешествия. Поэтому, если я буду возвращаться обратно во времени, я не стану разыскивать себя самого. Я не сделал этого, поэтому можно утверждать, что не стану делать этого в будущем. Мне кажется, тут нет парадокса.

Роланд все это время думал.

— А что, если б ты пробовал, Джон? Что, если ты пытался разыскать себя самого?

— Я тогда потерплю неудачу.

Роланд ткнул в него пальцем.

— Но что, если ты сможешь себя разыскать?

— Но так не получится. Это уже история.

— Извини, Сьюзи,— сказал я, вставая.

— Конечно.

Я выбрался из ниши и прошел к сейфу, который был в стене возле койки, где растянулась Дарла. Она жаловалась на тошноту.

— Тебе получше?— спросил я, наклоняясь, чтобы приставить большой палец к считывающему отпечатки устройству в замке.

— Гораздо. Со мной практически все в порядке.

— Но у тебя есть добрая и свободная воля,— говорил Роланд, продолжая спор,— нет ничего, что могло бы помешать тебе отправиться обратно на Хадиджу и показаться там своему двойнику.

— Но я не стану.

— Я зато так сделаю.

Джон был искренне потрясен.

— Ты?

— Конечно. Я не смог бы от этого удержаться.

Джон с огорчением и изумлением покачал головой.

— Господи. Так искушать судьбу... это...— он передернулся.— На этот счет должен быть какой-то греческий миф.

— У греков не было машин времени.

— Нет, я имел в виду моральную аналогию. Эдип, может быть.

— Что же мне, глаза себе выколоть после того, как я это сделаю?

— Мне кажется, что у твоего двойника глаза сами из орбит выскочат.

— Объясни это,— сказал я Джону, плюхая перед ним черный кубик,— без парадокса.

— Не смог бы даже начать.

— А это еще что, черт побери, такое?— спросил Лайем.

— Хороший вопрос,— ответил я.

— Это штука, которая не может существовать,— сказал Роланд,— но, тем не менее, она существует.

— Это как?— поинтересовался Лайем.

— Это та штука, которую я, как говорят, привез из своего путешествия во времени и отдал кому-то... кто дал ее, в свою очередь, кому-то, кто вручил ее Дарле...

— Которая отдала это тебе. Понятно. Это карта Космострады.

— Может быть.

— Я в этом сомневаюсь,— сказал Роланд, поднимая кубик и вглядываясь в гладкие стены.

— Почему?— спросил Джон.

— Ну...

— Это самая чернейшая... чернота, которую я когда-либо видел,— сказал Лайем, который протолкался к столу мимо Шона, чтобы быть поближе.— Даже цилиндры...

— Ну, это...— ответил я.— Мы их всегда видим на большом расстоянии. А если посмотреть на них поближе, тоже становится не по себе.

— Это должен быть артефакт строителей Космострады,— сказал Шон,— что же это еще может быть? Они, кажется, предпочитали этот цвет.

— Если это не карта Космострады,— сказал Джон,— то что же это?

— Странно,— сказал Роланд, почти касаясь глазом поверхности кубика,— ведь тут почти невозможно увидеть поверхность. Это... я хочу сказать, невозможно как следует...

— Но, если это не карта Космострады,— продолжал Джон, почти разговаривая сам с собой,— тогда...

Эта мысль повергла его в глубокое размышление.

Дарла встала и подошла к столу. Она положила руку мне на плечо.

Роланд поставил кубик на стол, и мы все смотрели на него.

— Что же это за чертова штуковина?— сказал я наконец.

— Хм-м-м...— сказала Сьюзен.

После еще одного периода глубокомысленного молчания Джон сказал:

— Мы все время удаляемся от главной линии разговора.

— Ты прав,— сказала Сьюзен,— что нам делать?

— У меня есть предложение,— включился Сэм по громкоговорителю.

— Валяй,— сказал я.

— Пошли Карла, чтобы он исследовал эту планетку, посмотрел бы, есть ли кто кругом. Потом будете решать, что вам делать.

— Ты что-нибудь в воздухе засек?

— Нет, но это совсем не обязательно означает, что планета покинута или необитаема. Конечно, это уже само по себе многого не обещает, но просто на всякий случай сперва надо поглядеть, что к чему.

— Ты пробовал сканировать с птичкой?

— Да, но ничего не обнаружил.

— Мне кажется, не будет вреда, если Карл прокатится по окрестностям. Время у нас есть.

— Естественно, почему бы и нет? Как я уже сказал, надо использовать это время, чтобы все как следует продумать. Приятно так время от времени переключить скорость на самую малую. Нет никакого смысла улепетывать отсюда с вытаращенными глазами, если можно избежать...

Тут он осекся, потом сказал:

— Поспешил я высказываться.

— Кто-то пролетел через портал?

— Нет, кто-то идет по пустыне к нам. Похоже, человек.

Не было никакого пресловутого вздоха облегчения.

— И тут люди,— пробормотал Джон.— Мы повсюду.

— Сколько человек?— спросил я.

— Только один. Я наведу на него лучевую пушку трейлера, просто на всякий случай.

— Он выглядит так, словно у него враждебные намерения?

— Он что-то несет. Не могу сказать, что.

— Джейк? Ответь,— раздался голос Карла по рации.

— Соедини меня с ним, Сэм.

— Готово.

— Да, Карл?

— У нас тут появилось общество.

— Мы знаем, Сэм его заметил. Ты и Лори заперты в машине?

— Еще бы!

— У него есть что-нибудь, что походило бы на оружие?

— Он слишком далеко от нас, чтобы можно было сказать. На нем, однако, скафандр.

— Скафандр?

— Ну, какое-то подобие защитного костюма. Может, броня? Похоже на... вот черт, он только что взлетел.

Из пустыни донесся пронзительный посвист и вопль реактивных дюз. Мы все поднялись и вылетели в кабину.

— У него была какая-то ракета в рюкзаке за спиной. Иисусе Христе, он совсем как капитан Пауэр...

— Капитан кто? — спросил я, когда надел наушники. — Где он, черт возьми?

Я посмотрел в пустыню, обводя ее взглядом. Белая точка летела на фоне мглистого неба как раз над горизонтом примерно в полукилометре от нас. Облако пыли садилось над тем местом, где он, по всей вероятности, запустил себя в небо, словно ракету.

— Ты его видишь? — спросил Карл.

— Угу. Что он сделал перед тем, как сняться?

— Ничего особенного. Он выглядел так, словно что-то здесь разыскивал. У него какое-то странное оборудование на груди. Потом увидел нас и мгновенно рванул прочь. Правда, сначала внимательно на нас поглядел.

Белая точка исчезла за дюной.

— И что нам делать? — спросил Джон.

— Ждать, — ответил я.

Мы прождали десять минут. Потом существо вернулось, на сей раз управляя каким-то странным вариантом землепрыжки. Он мчался по пустыне на безрассудной скорости, подскакивая через скалы и выбоины, держась примерно в пяти-десяти метрах от земли. По звуку, который производило это устройство, я сделал вывод, что это довольно примитивные газотурбинные моторы. Машина была большая, неуклюжая, но места в ней было максимум на двух пассажиров и водителя.

— Он у тебя под прицелом, Сэм?

— Я навел на него все, кроме ракет, которых у нас нет.

Существо летело на нас, остановилось, потом зависло над ложбиной между дюнами и аккуратно опустило свой корабль вниз.

Вместо пассажиров он вез огромное количество барахла — коробки, мешки, различные пакеты. Он подобрал один из мешков и еще какую-то штуку, очень похожую на шкуру животного, и пошел к нам.

Теперь совершенно очевидно было, что наш посетитель — не человек. Он... он был слишком тощим, и у его рук были два локтя на каждой. Вообще-то он был человекообразным, но пропорции были все не такие, как у нас. На нем был белый отражательный костюм с какой-то штукой сзади, похожей на акваланг. Шлем был покрыт такой же отражающей тканью, что и костюм. Мне трудно было разглядеть лицо за стеклом шлема, потому что стекло было затемнено. Он остановился и оглядел тяжеловоз, сравнил его с шевроле, потом снова посмотрел на нас. Видимо, тяжеловоз показался ему слишком устрашающим, поэтому существо направилось к Карлу, нагнулось и по-

смотрело в окошко водителя. Существо было ростом с человека, вот что заставило нас принять его за человека издали.

Поразительно, но существо приветствовало Карла, подняв вверх правую руку. Я не видел, ответил ли Карл тем же жестом. Существо затем сунуло руку в один из мешков и вытащило оттуда что-то, что походило на лист бумаги, который оно развернуло и показало Карлу, указывая на самые разнообразные линии и отметки на листе.

— Эй, Карл!

— Слушаю.

— Что он пытается тебе продать?

— Мне кажется, что это Карта Дорог Планеты.

Глава одиннадцатая

Существа, которые колонизировали этот лабиринт, были известны под общим названием НОГОН, но нам пришлось познакомиться только с небольшой и не очень представительной их группой.

Они жили в пещерах и называли сами себя «ахгирр», слово, которое на их текучем, булькающем языке означало примерно «хранители». Одновременно религиозная секта и этническая группа, ахгирры предпочитали придерживаться старинных традиций и обычаев. Большая часть их расы, как здесь, так и на родной планете, жила в крупных поселениях, которые назывались «фальны», по имени гигантского, похожего на гриб растения, которое, однако, к грибам не относится. Ахгирры, однако, любили свои пещерные сообщества, веря в то, что существа, порожденные землей, должны держаться поближе к месту своего происхождения. Невзирая на все это, они не отвергли науку и технологию. Они отнюдь не были луддитами, эти ахгирры, и за долгую историю своей расы произвели немало блестящих ученых (луддиты — название английских рабочих-бунтарей против машин в Англии начала девятнадцатого века. Название происходит от фамилии Лудд, которую носил предводитель движения. Считая машины виновниками безработицы и понижения заработной платы, рабочие-луддиты ломали машины в знак протеста против технического прогресса.— *Прим. перев.*). Хокар, тот самый, который подобрал нас и привел в поселение, был геологом. Он как раз исследовал пустыню и был очень удивлен тем, что на этом столь мало посещаемом отрезке Космострады он увидел вдруг машины и людей. Он понял, что у нас не все в порядке, и поспешил с помощью. Ахгирры вообще таковы — теплые, дружелюбные, готовые всегда прийти на помощь и первыми завязать знакомство... и еще они очень похожи на людей. Их раса вообще больше всего соответствует людям из всех тех, которые мне приходилось встречать

на Космостраде. Они двуногие, млекопитающие, десятипалые, двуполые, дышат кислородом. Тот костюм, который мы видели на Хокаре, оказался просто защитой от прямых солнечных лучей, которые они не переносят. У них два глаза, один нос, один рот, немного волос на теле и множество — на голове. Словом, все, как у людей. Хотя есть и различия. Их невозможно принять за людей. У них суставы не там, где мы привыкли. Их кожа прозрачна, а их странная кровеносная система, просвечивая, придает их коже яркий розовато-лиловатый оттенок. Глаза у них огромные и розовые, структурно они отличаются от человеческих. Их длинные прямые волосы цветом и фактурой походят на волокна кукурузных рылец. (Кстати, не ахгирры — что означает, конечно, остальную часть расы — носят волосы в самых разнообразных прическах. Прически крайне важны в различении различных национальных и социальных групп, которых там весьма много.) Но по прошествии нескольких дней нам стало трудно думать про ахгирров иначе, чем как просто о необычной разновидности людей.

Самой первой задачей было вытащить Сэма из песка. У ахгирров почти нет тяжелого снаряжения и орудий, но они сделали вызов в ближайший фальн, как мы потом узнали, и запросили тягач. Очень скоро по Космостраде прополз странного вида тяжелый тягач и сделал все, что нужно. Мы отцепили трейлер, и тягач проволок Сэма по пустыне к входу в пещеру, где жила колония ахгирров. Ариадну пришлось оставить в трейлере, но машинка Карла проехала это расстояние собственными силами, что никого не удивило. Я уже ждал, когда эта штука полетит.

До сей поры все беседы между двумя расами велись с помощью обычных полупонятных жестов и рисунков, но, к счастью, ахгирры — компьютерные мастера, и, как только они разрешили проблему компьютерной совместимости, они нырнули прямо в языковые файлы Сэма — словари, словообрабатывающие программы, компиляторы и все такое прочее. Не успели мы оглянуться, как ахгирры разговаривали с нами по-английски, причем на языке, который был совершенно понятен, пусть даже немного педантичен.

Они дали нам комнаты, в которых мы жили, пока они трудились над преодолением языкового барьера. Как потом оказалось, мы прожили там пять недель, но никто ни разу не дал нам понять, что наше пребывание там кому-нибудь надоело. Ахгирры были очень рады подружиться с существами, которые были столь похожи на них. По планете понеслись слухи. Мы стали чем-то вроде сенсации.

Второй задачей стало раздобыть новый роллер. Это наверняка должно было стать проблемой. Мой тяжеловоз несколько необычной модели. Он был построен по землянской спецификации и чертежам, но его сделали на другой планете. У меня

всегда были страшные сложности с покупкой запасных частей к нему. Здесь, на расстоянии многих световых лет от земного лабиринта, это могло оказаться просто невыполнимым. Нам сказали, что в нескольких планетах отсюда был кусок Космострады, вдоль которого располагались склады металлолома и брошенных машин. Может, нам стоит попытать свое счастье там? Карл и Роланд вызвались ехать, а Хокар взялся быть их проводником. Их не было два дня. За это время остальные взялись за починку трейлера. Починить покореженную дверь труда не представляло, но все задние камеры и сенсоры были почти совсем выжжены, что означало необходимость покупать им на замену инопланетную технику. И все это означало, что придется приспосабливать все, что не подходит, к нашему тяжеловозу. Но нам придется это сделать, если мы не хотим совсем ослепнуть сзади. Нам придется поехать в фальн, чтобы сделать все необходимые покупки.

Однако, прежде чем дошло до этого, Хокар, Роланд и Карл вернулись с почти новой парой роллеров. Наконец-то долгожданный миг удачи.

— Мы шарили, как стервятники, во всех складах металлолома и свалках брошенных машин,— сказал Роланд за обедом в наших комнатах в пещерном городе ахгирров.— Ничто не напоминало даже отдаленно тех машин, которые обычно видишь в земном лабиринте или в соседних. Нас это сильно обеспокоило, но Хокар сказал, что видел такие же машины, как твой тяжеловоз, хотя его водили не человекообразные существа. И так оно и оказалось...

— Мы нашли брошенный тяжеловоз, правда, только кабинную часть, но очень похожий на твой,— вставил Карл.— Даже украшения на кузове те же самые, те же декоры.

— Хозяин этой брошенной колымаги сказал, что люди, которые тут бросили машину, выглядели совсем не так, как мы, имея в виду, что это был не человекообразный народ, конечно,— сказал Роланд.

— Передние роллеры были в очень хорошем состоянии,— продолжал Карл,— поэтому мы купили их. Кстати, очень выгодно получилось, потому что Хокар советовал нам, как правильно себя вести по этикету.

— Да уж, у ногонов странные ритуалы, когда дело доходит до торговли,— рассказывал Роланд.— Приходится обращаться к продавцу с тем, что ты готов купить все, чем он владеет, причем за ту цену, которую он назначит, а продавец, в свою очередь, должен притвориться, что просто невозможно, чтобы вам понравился тот не имеющий ценности мусор, которым он владеет, независимо от того, как низко он опустит цену.

— У бродячих торговцев тут просто лафа,— прокоммен-

тировал я, протягивая руку за второй порцией потрясающего овощного рагу, состряпанного Дарлой из свежих продуктов, которые Шон и Лайем принесли с собой.

— Как я уже сказал, все это сплошная поза. Весьма скоро на поверхность вылезают самые эгоистичные интересы всех, кто участвует в сделке, а тогда все приемы хороши.

— Ну, что же, звучит как нормальный, здоровый подход к делу,— сказал я.

— Очень уж много времени на это уходит,— сказал Карл.— Примерно час ушел на то, чтобы все-таки заключить сделку.

Я повернулся к Рагне, который посасывал жидкую кашицу через соломинку из красивого декоративного кувшинчика.

— Я так понимаю, что ущучивание каждого гроша — высокое искусство для вашего народа.

Рагна перестал прихлебывать, заморгал своими огромными розовыми глазами, потом дотронулся до голубого обруча, который на самом деле был прибором, родственным универсальному переводчику. Это был просто очень крупный для своих масштабов интегрированный компьютер, но программное обеспечение у него было просто замечательное. Однако время от времени моя не совсем правильная речь, жаргонизмы и сокращения ставили его в тупик. Кроме того, любой переносный смысл вызывал у программ головную боль. Но наши беседы вполне адекватно переводились в обе стороны.

— Я думаю, что ущучивание каждого гроша у моего народа воистину достигло статуса высокого искусства, если говорить в переносном смысле. Если же понимать это буквально или в денотативном смысле, то забудь про это, кореш.

Я подавил хихиканье.

— Рагна, твои языковые способности с каждым днем все лучше и лучше, не говоря уже о твоем владении английским. Я должен поздравить тебя с этим.

— Разумеется, я несомненно благодарен тебе.

— Мне кажется,— сказал Джон,— что через пару дней ты совсем забросишь этот обруч.

— О да, это вполне вероятная возможность, так я думаю. Даже сейчас вы имеете возможность увидеть...— осторожно Рагна снял гибкую ленту обруча с головы обеими руками и положил обруч на стол. Еле понятным заплетающимся языком, непрестанно побулькивая, он сказал:

— Не помогательная языковая возможность мозга вполне неплохо, а? Помогая биологическому аналогу быть способным функционировать обучение не есть то самое, что говорить не таком?

— А? Чего?— спросил Джон.

— Вопросительный ремарк, да?— тонкие белые брови Рагны нахмурились от напряжения.

Нам все-таки удалось убедить Рагну надеть обруч снова.

Остальная часть обеда прошла в болтовне. Когда мы откинулись от стола, попивая пиво и рыгая, Сьюзи серьезно посмотрела на меня.

— Что такое, Сьюзен? — спросил я.

— Ну и куда мы отправимся отсюда?

— Хороший вопрос,— я повернулся к Шону и Лайему.— Что у вас получилось по части карт, парни?

— Чертовски мало,— сказал Лайем, потом почтительно поклонился Рагне.— Разумеется, Рагна и Хокар и остальные очень старались помочь. Просто дело в том, что на какие бы здешние лабиринты мы ни смотрели, оказывалось, что все они нам не известны.— Он провел рукой по спутанным белокурым волосам, потом вздохнул и выпятил губы.— Мы и впрямь, черт побери, потерялись.

Я кивнул.

— Дарла, может ли Винни нам помочь?

Винни, которая сидела возле Дарлы, печально посмотрела на нас, прожевывая свои побеги и листья.

— Боюсь, что нет,— сказала Дарла,— мне кажется, теперь ясно, что познания Винни в области Космострады не универсальны. И она не сможет вывести нас как надо на правильную дорогу просто с помощью своих эмпатических возможностей.

— Ну что же, я этого никогда и не ожидал,— ответил я.— Роланд, мы уже нашли, в каком месте Галактики мы находимся?

— Это было довольно легко. Ахгирры в астрономии понимают примерно так же, как и люди. Однако мне весьма тяжко пришлось, пока я разбирал их карты...— Роланд посмотрел на Рагну, потом небрежно закатил глаза к потолку пещеры.

Я знал, на что он намекает. Каждая раса что-нибудь да делает плохо. С ахгиррами беда была в частности с картографией, а в общем — со всяким изобразительным искусством. Мне пришлось видеть их графику на экранах компьютеров — графики, карты и прочее. Я не мог понять, где тут начало, где конец. Можно было бы думать, что некоторые символы просто универсальны и одинаково будут поняты любой расой. Вот и нет. Нарисуйте стрелку на карте любому инопланетянину, показывая, куда ему надо идти, и он вам скажет: как красиво. И что бы это значило? Ахгирры тоже ничего не понимают в стрелках. Их символом направления, вектора и тому подобного служит кружочек в начале линии, а не в конце. Интересно, но глупо. Разумеется, я человеческое существо, поэтому я уже полон предрассудков. Для ахгирров все это имело абсолютно понятный смысл, но нам туго пришлось, пока мы разбирали их дорожные карты, как компьютерные, так и нарисованные на бумаге. (Что касается стрелок и стрел, так я выдвинул теорию, что, поскольку ногоны до недавнего времени были только пещерными жителями, они недавно изобрели лук и стрелы. Ро-

ланд, однако, не согласился, утверждая, что и стрелка на карте, и лук со стрелами — вообще недавнее человеческое изобретение.)

— Насколько мы смогли установить,— продолжал Роланд,— мы здорово отклонились от маршрута Винни, мы где-то на внутреннем краю ответвления Ориона. Нам надо ехать в противоположном направлении.

— Насколько далеко нам придется ехать в правильном направлении, пока мы не окажемся перед необходимостью проскакивать в неизвестный портал?

— Примерно тысячу световых лет, что при нормальной скорости получается около десяти тысяч километров по Космостраде.

Я досадливо поцокал языком.

— Чертовски длинная дорога, которую придется преодолевать только для того, чтобы в конце проскочить неизвестный портал. С тем же успехом можно проскакивать сквозь любой и рискнуть на этом, потому что мы и так настолько неудачливы...

Роланд нахмурился.

— Не нравится мне мысль проскакивать бесцельно и наугад в никуда. Мы можем потеряться уже безнадежно.

— А сейчас мы в каком положении?

Роланд пожал плечами.

— Верно.— Он задумчиво посмотрел на свою пустую тарелку, потом ударил по столу кулаком возле нее.— Черт. Если бы только можно было что-нибудь вытащить из этого черного кубика.

Я посмотрел на Рагну.

— Ваши ученые чего-нибудь добились от этой фигни?

Рагна скорбно посмотрел на меня.

— Боюсь, что удачи нам досталось количество, тождественное количеству дерьма.

Снова все закашлялись, подавляя хохот.

— Однако, как бы там ни было с другой стороны,— продолжал Рагна,— мы слегка сомневаемся, что это — карта.

Все за столом подняли брови, кроме Роланда.

— Что заставляет вас в этом сомневаться?— спросил Джон первым.

Рагна сделал царапающее движение пятью пальцами правой руки. Это у его народа был жест растерянности и сожаления.

— Ах, мои добрые друзья — этого я не имею возможности сказать. Я не ученый. Я не могу быть заставляющим вас понимать с одной стороны, если я сам не иметь представления о том, что мне говорят ученые — с другой стороны.

Джон на миг прищурился, переваривая сказанное, потом ответил:

— Понятно.

Статус Рагны в колонии был примерно равнозначен мэру, но положение его не было официальным, насколько мы понимали. Он просто был человеком, к чьему мнению прибегали в самых ответственных моментах или по вопросам чрезвычайной важности. Он не держал конкурса, чтобы занять это положение, не правил по принципу своего происхождения, власть его не считалась от божества. С его стороны это скорее была просто обязанность. Кому-то надо руководить.

— Но я могу говорить такое,— продолжал Рагна,— наши технические индивидуальности говорят мне, что там внутри нечто странное. И они говорят, что ничто не может войти в этот черный кубик. Наоборот, что-то должно из него выходить.

Я сказал:

— Ты можешь сказать нам, что, по их мнению, находится внутри кубика?

Снова он сделал царапающее движение.

— Ах, Джейк, мой друг, это и есть то, что трудно. Они говорят, что... внутри есть огромность пустоты,— он заморгал, его молочного цвета среднее веко закатилось вверх, прежде чем глаза его прикрылись веками.— Но это такое ничего, которое они не могут понять.

— Понятно.

Правильно.

Общий вздох за столом.

— Ну ладно,— сказал я после долгого молчания.— Остается сказать, что нам надо взять все эти дорожные карты и что-то придумать. Похоже, что каждый лабиринт обрастает легендами насчет того, что находится по другую сторону многочисленных неизвестных порталов. С помощью Рагны, может, нам удастся принять решение, основанное на этом.

— В таком случае,— сказал Роланд,— я стою за то, чтобы выбрать один наугад.

— Ты не можешь знать, Роланд, правильно ли твое решение,— ответил я,— а вот у слухов всегда есть хоть крупинка правды в основе. И у легенд тоже.

— Я согласен,— сказал Джон.

— Но ахгирры не так давно заселили этот лабиринт, чтобы у них появилась космострадовская мифология,— возразил Роланд, повернувшись к Рагне.— Как ты считаешь?

Рагна притронулся к своему головному обручу.

— Я не уверен... а, да. Мифология. Да, я могу ответить на этот вопрос утвердительно, что будет правдой. У нас есть такие истории и легенды.

— Ну что ж,— натянуто улыбнулся Роланд,— значит, я неправ.

Ремесленники-ахгирры помогли нам приделать Сэму новые роллеры. Я хотел было им уплатить, но они не желали и слышать про это. До сих пор никто не заговаривал об оплате за то, что они для нас сделали, никто не заговаривал и потом.

Новинки прекрасно сидели на Сэме, и я поехал назад, на дорогу, забрать наш трейлер. Это меня немного успокоило. Трейлер, который так просто сидел поперек дороги, был самым предательским моментом. Я считал маловероятным то, что Мур последует за нами через неизвестный портал, но никогда нельзя сказать наверняка. Он мог оказаться ровно настолько безумным. Кроме того, я волновался насчет тех, кто захотел бы поживиться этим добром, что осталось в трейлере, хотя этот портал весьма мало использовался.

Теперь, притащив трейлер ко входу в пещерный комплекс, мы стали заниматься починками всерьез. Оказалось, что причиненный ущерб больше, чем мы сперва думали. Маленький моторчик, который поднимал и опускал дверь трейлера, был совершенно бесполезен, а воздухонепроницаемая силиконовая прокладка вокруг дверей висела клочьями. Где нам найти замену? Карл и Роланд готовы были поехать и поискать брошенный трейлер на складах металлолома, и я готов был сказать им добро, но ремесленники-ахгирры велели нам успокоиться. Они преспокойно могли сделать в своих мастерских все механические детали, которые были бы нам нужны. Относительно электроники нам, скорее всего, придется все-таки поехать в фальн. Конечно, они могли бы сделать нам и самопальную электронику, но легче будет все-таки поехать и купить модули для всех устройств, которые нам нужны. Они предложили послать с нами технолога, существо женского пола по имени Тиви, чтобы она могла помочь нам купить именно то, что надо. Я чувствовал, что ехать надо самому. Местные ремесленники прекрасно знали свое дело, но я знал свой тяжеловоз, и я не хотел, чтобы им пришлось мотаться туда-сюда на случай, если мне не подойдут те детали, которые они купили. Кроме того, мне самому хотелось посмотреть, что это за такие комплексы — фальны.

Но наступил большой период праздников ахгирров, когда все бросали работу на неделю. Законы были очень строги — никакой работы, никаких покупок, ничего совсем в эти святые дни. Они назывались Временем Постижения Глубинных Уровней (это весьма несовершенный перевод). Эти праздники считались самыми священными в году.

— Не сомневаюсь, что и секса в эти дни тоже не полагается,— высказала свою догадку Сьюзен.— Очень жаль, что некоторые религии так устроены.

— Я даже не уверен, что то, что они исповедуют, можно назвать религией.— Я подумал и сказал: — Мне кажется, что и то, что исповедуешь ты, нельзя назвать религией.

— Телеологический пантеизм — это не религия. Это просто точка зрения на вселенную и ее процессы.

— Угу. Расскажи мне про это побольше.

— Потом. Давай-ка посмотрим, что тут вокруг.

Кроме просто прогулок, Сьюзен и я воспользовались свободным временем, чтобы исследовать некоторые части огромной пещерной системы, в которой ахгирры устроили свои дома. Это было потрясающее место. Во мне есть какая-то клаустрофилия, любовь к замкнутым пространствам. Я обожаю пещеры, и Сьюзен оказалась таким же восторженным спелеологом.

Поэтому мы отправились в мирную тишину необжитых регионов пещер. Мы ходили по гладкостенным залам, галереям, в которых была масса уровней, огромным пещерам с фантастическими скальными монументами, которые стояли во тьме, как часовые. Мы шли около потоков лавы, застывших миллионы лет назад, ползли по туннелям, похожим на влагалища, потому что прохождение по ним будило в психике воспоминания о рождении. Однажды мы пролезли по извилистому боковому ходу, который уперся в грот-мешок, где стены восхитительно сверкали огнями в свете наших фонариков. По гроту протекала подземная река, спускаясь небольшим водопадом. Мы там провели условную ночь, восхищаясь красотой места. Мы открывали в нем все новые и новые прелести.

Были и другие чудеса. Мы находили сферические залы, сотни их были раскиданы по всем пещерам. Видимо, их сформировали газовые карманы, замурованные кипящей лавой. Мы звали их куполами наслаждения. А в тех местах, которые не были затронуты вулканическими проявлениями, на каждом шагу попадались странные геологические формации. По большей части те процессы, которые тут проходили, были совсем не похожи на соответствующие земные. Там были залы, которые по стенам были словно заглазурованы слоем стекла толщиной сантиметров в десять, были там и залы, походившие на комнаты, которые архитекторы Баухауса могли бы придумать под влиянием мощных наркотиков, пещеры, которые выглядели так, словно были убранством кафедральных соборов, альковы, где наплывы лавы образовывали весьма интимные уголки, проходы со стенами в узорах и складках, пещеры с резными потолками, портики с тонкими изящными колоннами, и все это было безошибочно природным образованием. Прямых углов тут не было. Скалы были обточены, но не срезаны. Никаких следов резца, никаких обломков, которые свидетельствовали бы о том, что камень кто-то обрабатывал. Ничего подобного. Во всем этом была хаотичность природы.

И ни одного хоть плевого сталактита во всех пещерах.

— Я всегда забываю,— сказала Сьюзен,— это сталактиты свисают сверху, а сталагмиты торчат вверх? Или наоборот?

— Нет, по-моему, ты права.

— Я вечно их путаю.

— Ну и ладно, тут и так нет ни одного, чтобы ты могла их путать.

— Чтобы меня запутать, много не надо.

В первородной тьме, как в матке, Сьюзен прижалась ко мне теснее.

— Интересно, почему,— сказала она.

— Что — почему?

— Почему тут ничего этого нет?

— Ничего — это ты о чем?

Она куснула меня за ухо.

— Сталактитов, глупый.

— А-а-а. Нет извести, вот почему.

— Извести?

— Угу. Я думаю, причина в этом. Это же практически безжизненная планета. Так получается по словам Рагны. По большей части тут живут микроскопические организмы. Жизнь тут так никогда и не начиналась. А известняк — он получается из таких организмов, как кораллы, полипы, всякое такое. Там, на земле, все это есть. А тут — кто знает, какие тут процессы, если они тут вообще есть. Чтобы получились сталактиты, нужно, чтобы была вода, богатая карбонатами или еще чем-то в этом роде.

— И чтобы получились сталагмиты?

— И сталагмиты.

— Интересно.

— Нисколечко.

— Нет, я правду говорю. Меня всегда поражало, что ты так много знаешь для простого водителя тяжеловоза.

— Чой-то ты такое говоришь?

Она хихикнула.

— Прости, я не совсем то хотела сказать.— Она поцеловала меня в щеку.— Ты очень странный, такой странный.

— Это как же?

— Ну...— Она легла на спину.— У тебя, совершенно очевидно, было какое-то образование. Мне кажется, что даже очень неплохое. Правильно?

— Ну да, кое-чего набрался в жизни.

— Правильно. Университет Циолковскиграда, готова поспорить!

— Верно,— признал я.

— Я так и знала. Аспирантура?

— Кое-какая. Год, если правильно помню. Столько лет прошло.

— И что ты делал?

— Я собирался писать диссертацию по правительственному управлению.

Она страшно удивилась.

— Это каким же образом тебе удалось пробраться в эту программу? Ведь набор в нее был весьма и весьма ограничен!

— А я совсем туда не пробирался. Меня даже попросили поступить именно туда. Кто-то, видимо, решил, что я прекрасный материал для будущего бюрократа. Им время от времени нравилось набирать кадры из глубинки и всякое такое. Так, по крайней мере, было раньше.— Я повернулся на бок.— Ты должна помнить, это было почти тридцать лет тому назад. Университет Циолковскиграда был тогда захудалым институтом, кучка надувных куполов и сарайчиков из дюропены. Это был единственный университет в колониях.

— Наверное, требования на приемных экзаменах были весьма суровые.

— Так оно и было. Я признаюсь, что некоторый природный ум у меня был. Я был молод, мне нравилось учиться, я устал от фермы. Казалось, что на тот момент пойти учиться было неплохо.

— А ты бросил.

— Угу.

— Чтобы водить тяжеловоз.

— Нет, тогда я отправился обратно на ферму. К тому времени у меня открылись глаза.

Она повернулась на бок, чтобы смотреть мне в лицо.

— Ты отказался от очень многого. К сегодняшнему дню ты мог бы стать функционером администрации колоний высокого уровня, с доходом в шесть цифр величиной и дачей на какой-нибудь курортной планете, которую бы сам выбрал.

— Вместо этого у меня есть свобода дороги, очень немного обязанностей и чистая совесть. Никаких долбаных денег, никакой дачи, но все, что мне нужно.

— Понятно.

Мы долго молчали.

Наконец я сказал:

— Должны были бы быть сталактиты.

— Хм?

— Похоже на то, что нечто похожее на них тут должно было бы быть. Пещеры обычно появляются из-за того, что вода разъедает скалу из растворимого в воде минерала, вроде известняка. Я не знаю, что тут за камень — я совсем не геолог. Наверное, гипс, или что-то вроде того. Но в этом случае...

— А разве лава не проела эти пещеры, по крайней мере, какие-то из них?

— Да, в некоторых явно поработали вулканические процессы. Но самые диковинные формации наверняка должны быть результатом какой-то весьма экзотической геохимии.

— Ну что ж, ведь так и должно быть — это же другая планета,— сказала она.

— Угу. Но это мы тут чужие, лапочка.

— Пододвинься поближе, ты, страшное инопланетное существо.— Помолчав, она спросила:— Батюшки, а это что такое?

— Сталактит.

— Сталагмит,— поправила она, ложась на меня.

Мы даже потерялись там, внизу, что меня особенно не беспокоило. У нас была еда, реки свежей воды, больше тишины и покоя, чем доставалось на мою долю за последнее десятилетие. Это был первый настоящий отдых от дел, который мне удалось получить за... не знаю, за сколько времени. В конце концов Сьюзен стала немножко нервничать, предлагая мне постоянно начать серьезные поиски выхода наружу. Я сказал ей, что времени у нас для этого просто навалом.

— Но мы же все больше и больше теряемся,— запротестовала она.

— Вовсе нет,— сказал я, присев возле стены туннеля.— У меня тут замечательные данные на этом прелестном карманном сейсмометре, который нам дал Рагна. Помнишь тот зал, который мы назвали Чичестерским собором? Он, вероятно, не более чем в пяти метрах отсюда, по другую сторону стены.

— Но мы там были несколько дней назад.

— Позавчера.

— Как нам пробраться через пять метров скалы?

— О, есть другой путь обратно. Это просто означает, что мы не на самом деле потерялись. Мы все это время находимся, в общем, в одном и том же регионе. Нам надо сделать единственное — найти короткий обратный путь в Чичестерский собор. Оттуда мы сможем вполне легко найти по лучу последний оставленный нами передатчик.

— У тебя это так легко на словах получается.

— Кроме того, Рагна и его люди должны были уже пойти нас искать. Если ты помнишь, это все было задумано как однодневный поход с ночевкой. Они уже начали беспокоиться.

— Не говоря уже про Джона и остальных.

— Ну,— сказал я,— этим-то беспокоиться не о чем. Это не первая ситуация жизни и смерти, в которую мы попадаем за последние недели. В нас стреляли, нас бомбардировали, нас похищали, нас чуть не раздавил «дорожный жук», и мы мчались сквозь портал с бубликом в сахаре вместо роллера. Господи! Назови мне любую гадостную ситуацию — и я скажу, что мы в ней уже побывали. Как же ты можешь волноваться из-за такой мелочи, Сьюзи?

— Такая уж у меня натура, мне кажется.

— Сними одежду.

— Ладно.

Но прошло очень немного времени, прежде чем мне пришлось признать, что мы действительно потерялись. Сьюзен

была целиком за то, чтобы пытаться все-таки отыскать выход, но я твердо решил, что надо оставаться на месте, разбить лагерь и ждать поисковую партию. Я напомнил ей о ее же собственном предостережении, что дальнейшие блуждания приведут только к тому, что мы потеряемся еще больше. Она вспомнила и согласилась, тем более, что еда стала подходить к концу, а найти что-нибудь на замену совершенно не было шансов. Если мы ограничим нашу активность, то тем самым ограничим и потребность в еде, кроме того, поделим ее точно на порции. Мы весьма неплохо справлялись с ограничением деятельности, но не раз ловили друг друга на том, что шарили в сумке с провиантом. Никто из нас как-то не мог по-настоящему серьезно отнестись к нашему положению, но, по мере того, как проходило время, мы сообразили, что миновало уже четыре дня, мы постепенно протрезвели от беззаботности.

Потом стало еще хуже.

Это произошло в узком коридоре, стены которого были пронизаны боковыми туннелями, постепенно уходящими вверх, как дымоходы, через которые только Сьюзен могла протиснуться, чтобы посмотреть, не ведут ли какие-нибудь из них на более высокие уровни. Все последние дни, если верить показаниям приборов, мы постепенно спускались.

Я лежал, прислонившись к нашим рюкзакам и альпинистскому снаряжению, и только задремывал. Я был совершенно вымотан. Сьюзен надела свою ахгирранскую шляпу — шлем (который, кстати, замечательно ей шел) с фонариком на полях и, взяв биолюмовый фонарик, отправилась исследовать коридор-дымоход подходящего вида в конце короткого бокового туннеля. Она настояла на том, чтобы я остался и отдохнул, и я не беспокоился. Я все еще мог слышать, как поскальзывались и скрипели ее высокие сапоги в конце туннеля. Она сказала, что не станет забираться слишком высоко, просто ровно настолько, чтобы увидеть, куда ведет этот туннель и не расширяется ли он к середине.

Если ей встретится именно такой туннель, то она посмотрит, не смогу ли я пробраться через него, предварительно связав наши рюкзаки и привязав к ним веревку, чтобы потом можно было бы их втянуть.

Поэтому я просто лежал у стены, сосредоточив взгляд на интересных кристаллических узорах на потолке, которые своеобразно мерцали в свете моего фонарика, укрепленного на шлеме. Это был переливчатый узор, который менялся и сверкал в зависимости от того, как я поворачивал голову и как падал на него свет. Цвета были в основном индиго и фиолетовый. По краям мерцали иногда розовый и красный. Когда я смотрел, как то переливаются, то танцуют эти краски, я чувствовал, как они меня гипнотизируют. Я впал в странное состояние, думая главным образом про Дарлу и Сьюзен, пытаясь ра-

зобраться в собственных чувствах. Я, чуть погодя, увидел лицо Дарлы. Оно приняло свои очертания в танце кристаллов или просто наложилось на них. Лицо Дарлы было само совершенство. Если такое может вообще существовать. Если не считать слегка выступающей вперед нижней челюсти — а я находил это особенно привлекательным: ее нижняя губа приобретала совершенно соблазнительные и чувственные очертания. Симметрия ее лица притягивала, прелестные пропорции приближались к шедевру искусства.

Профиль: какая комбинация изгибов и линий могла бы быть столь же нежной и в то же время математически точной? Разница на миллиметр — и вся органическая правильность творения исчезла бы. Да — это вопрос математический, но это не уравнение, и никакое, даже самое загадочное уравнение, не в силах описать это. Такие лица, как ее, надо воспринимать как целое, одним вздохом. Все вместе замечательно сочеталось: скульптурный шлем темных волос, полные губы, приподнятые скулы, слегка раздвоенный подбородок... и глаза, конечно. Голубые глаза цвета какого-то девственного неба, если на него смотреть со стратосферных высот, словно из орбитальной станции. Голубой цвет, за которым едва прячутся звезды. Ее красота была красотой арктической. Но посмотрите поглубже в ее глаза — и что вы там увидите? Расплавленные, раскаленные точки, пылающие прожекторы. Изнутри она чем-то пылала. Я не знаю, чем. Может, ее идеей, своим диссидентским движением? Может быть, мною? В этом я сомневался. Она обманула меня, даже использовала меня, хотя она каменно-уверенно утверждала, что все это — для моей же пользы. Временами я склонен был согласиться.

Но иногда... все-таки неизвестно было, какие мотивы руководили Дарлой. Несомненно, она не желала мне никакого зла. Но у меня было сосущее чувство, что я просто был еще одним винтиком в огромном скрипящем механизме — причем она признавала, что не она создала или придумала этот механизм. Но она, однако, сама назначила себя на роль техника-смотрителя, который то смажет там поистершиеся шестерни, то протрет запылившиеся тросики. Она посвятила себя тому, чтобы все это держалось вместе, чтобы все это гремело и звенело так, как надо, пока не выполнит ту таинственную задачу, для которой создатели машины и предназначили ее. Это была Машина Парадокса, и она правила всем происходившим.

Я понял, что я глубоко люблю Дарлу. Невзирая ни на что. Это был один из тех фактов, которые таятся в тени, потом выскакивают из темной ниши и говорят:

— А я тут!

Словно вы про это и так все время знали. Невзирая ни на что.

Прекрасная дама без сострадания взяла меня в плен. И я не мог ничегошеньки с этим поделать.

Сьюзен?

Сьюзен. Я проиграл в памяти сцены последних нескольких дней. В каком-то смысле, это были просто порнографические видеофильмы. Если посмотреть на дело с другой стороны, то перед вами были два человека, которые наслаждались обществом друг друга, радовались тому, что могут доставить друг другу удовольствие. Тут были и теплота, и дружба своего рода... может быть, даже зачатки любви. Но я понял, что не могу сравнивать свои чувства к Дарле и Сьюзен. Они были несопоставимы. Остальное — просто семантика. Назовите то, что я чувствую к Дарле, страстью — вполне могло быть и так, но это была весьма разреженная страсть. Я просто интуитивно чувствовал, что каким-то непонятным образом судьбы Дарлы и моя неразделимы.

И я совершенно не был уверен в том, что Дарла мне нравится. Она все-таки стремилась к тому, чтобы людям с ней не было спокойно, причем делала она это странными и тонкими способами. Может, дело было только в ее поразительной красоте — большая часть людей, скажем прямо, не отличаются красотой, и совершенство во плоти рядом с нами порой пробуждает странные чувства. Но я подозреваю, что именно ее отстраненность, которая проявлялась время от времени, смущала меня больше всего. Она была сторонним наблюдателем событий. Ей не то, чтобы не было интересно все, что происходило, просто она словно не была заинтересована. Она была объективна и не скована никакими предрассудками. Я не скажу — холодна. Она просто была Хранителем Машины. Однако вот Сьюзен мне нравилась. Снова семантика. Хотя не всегда с ней удавалось как следует ладить, она все-таки в конце всегда поддерживала меня, поддерживала то, что я делал. Она доверяла мне, а я ей. Я мог ее понять. Ее слабости не были пятнами на во всех отношениях безупречной женщине, но словно они были отражением всего того, что нетвердо и непрочно во мне самом. Какая-то часть меня ничего этого не хотела. Что-то во мне хотело бежать... но не от чего-то, как раньше было, а к чему-то. Домой. Назад, в безопасность, ко всему знакомому. Я хотел бы выбраться из всего этого, избавиться от всякой ответственности. Я не был никаким героем, я понимал, что нечто внутри меня, глубоко-глубоко, иногда трусило так же отчаянно, как это выражала внешне Сьюзен.

Но это было нечестно. Сьюзен выдерживала под невыносимым напряжением — и не сломалась. Она не расклеилась.

Почему бы не сказать, что я любил Сьюзен?

Я снова проиграл свои воспоминания. Я любил ее чувственность, ее готовность принести мне наслаждение. Это то, что очень легко любить, может быть, но между мужчинами и женщинами те связи, которые соединяют две переплетенные нити, и есть главное, и это часть того, что привязывало меня к Сью-

зен. Эти объятия, полные теплого тела, гладкая кожа в темноте, глубокий колодец ее рта...

Что-то стояло как раз на границе лужицы света, которую отбрасывал мой фонарик на шлеме. Справа я просто уловил это как чье-то присутствие. Потом углом глаза я стал различать какой-то силуэт. Очень немного вариантов моего дальнейшего поведения представились мне. Я мог продолжать лежать здесь, надеясь, что, кем бы это существо ни было, оно перестанет значительно дышать вот так, в темноте, ему надоест это времяпрепровождение, и оно уйдет. Можно было еще вскочить и удрать обратно в туннель в безумной и тщетной надежде, что я быстрее него. Но что я стал бы делать в конце туннеля? Там глухая стена. Нет. Мне нужно было оружие. Рагна дал нам кое-какие инструменты для альпинизма, и один из них напоминал пику со странным крюком, который, как я знал, лежал возле моей левой ноги. Если я смог бы создать отвлекающий маневр...

Я швырнул свой шлем в существо, таящееся во тьме, перекатился, схватил пику, вскочил на ноги и стал ею размахивать. Шлем не попал в цель, отскочил от стены и упал вверх ногами за небольшим выступом стены. Я отстегнул биолюмовый фонарик от пояса и включил его, выхватив из темноты огромный силуэт с багровыми и розовыми пятнами на желтой шкуре, который стоял меньше чем в трех метрах от того места, где я только что лежал.

Мои действия потрясли не-буджума до крайности. Он отпрянул назад, размахивая своими тонюсенькими лапками так, словно хотел защититься от удара.

— Ой, мамочки! — провякал он странно знакомым голосом.— Господи! Батюшки светы!

Потом существо повернулось и помчалось по коридору, пропав в темноте.

Ошеломленный, с отвисшей челюстью я стоял и ждал.

Может, через пятнадцать-тридцать секунд, не зная почему, я бросился за ним. Через несколько метров от того места, где стояло это существо, туннель стал спускаться, расширяясь, пока не превратился в огромный зал, весь пронизанный туннелями по стенам. Я бросился в самый широкий из них, бешено галопируя во тьме. Я не остановился, чтобы подобрать шлем, а биолюмовый фонарик был весьма тусклым. Дорога извивалась, потом стала потихоньку выпрямляться. Многочисленные боковые проходы пересекали главный туннель, я же мчался от одного туннеля к другому, посылая во все проходы лучик фонарика. На девятом туннеле мне показалось, что я что-то вижу, и я, не задумываясь, бросился туда.

Через десять минут я сообразил три вещи: первое — очень глупо было так убегать. Второе — я потерялся. Третье — биолюмовый фонарик начинал садиться. Через десять минут

после этих просветлений я понял, что фонарик даже перестает светиться и что подземная тьма сгустилась вокруг меня. Трудно оценить абсолютную, категорическую тьму подземелья, пока ее не испытаешь. Только абсолютно слепые понимают, что это такое. Нет света вообще. Никакого. Я на ощупь пытался найти дорогу в том направлении, откуда, как мне казалось, я пришел. Как мне тогда померещилось, я это делал часами, все время призывая Сьюзен. Никакого ответа. Я медленно поворачивался, надеясь заметить в темноте свет фонарика Сьюзен, которая, несомненно, пошла меня искать. Но у меня не было никакой надежды, что она сама не потерялась. Я потерял счет времени, пока лежал в полудреме там, у стены туннеля, и теперь мне казалось, что я давно уже не слышал шарканья сапог Сьюзен, прежде чем не-буджум появился передо мной. У нее был еще один биолюмовый фонарик, но, если и этот сдох...

Я слишком устал, чтобы продолжать поиски, и уселся, привалившись к гладкой стене. В мозгу у меня не было места для того, чтобы думать про не-буджума, как он последовал за мной с Высокого Дерева и почему. Может быть, у них там, на этой планете, тоже были такие зверюги, не-буджумы. Мои мысли помутились от усталости, разум быстро заполнялся пульсирующей паникой. Я встал и пошел дальше. Если я только сяду, паника охватит меня, и все кончится.

Я был убежден, что провел во тьме целые дни. Я столько раз ударялся головой, что у меня было состояние боксера, которого добили до того, что он стал «грогги». Лодыжки у меня были все поцарапаны от многочисленных ударов в темноте о выступы скалы, пальцы были влажны и липки от крови. Я спотыкался на камешках, падал в ямы, скользил по кучкам гравия, плюхался в лужи застоявшейся воды, и с меня хватило. Я нашел плоский кусок скалы, похожий на стол, забрался на него и вытянулся.

Наверное, я проспал много часов. Я проснулся с испугом, потеряв представление о том, где нахожусь, яростно моргая глазами, чтобы увидеть хоть что-нибудь, но ничего, естественно, не было видно. Глотка моя превратилась в пыль, тело мое стало сетью взаимосвязанных болей.

Тем не менее, я резко сел. Мне показалось, что я что-то услышал. Может быть, шарканье подметок. Может быть, царапанье когтей по камню. Что, та самая тварь, которая не-буджум? Или как раз Буджум?

До моей сетчатки добрался тоненький луч света, пронизав ее, как вязальная спица. Я прикрыл глаза рукой.

— Сьюзен!

— Джейк! О господи, Джейк, дорогой!

Я встал и поплелся вперед. Свет разливался вокруг меня,

пока я не был вынужден заслонить глаза рукой. Сьюзен скользнула в мои объятия и сдавила меня в собственных объятиях.

Мы оба несколько минут бормотали что-то бессвязное. Она сказала, что любит меня. Я уведомил ее, что это взаимная эмоция. Между возгласами было множество объятий и поцелуев. Я все это время стоял, закрыв глаза, думая о том, что столько света не могло быть даже при сотворении мира. Неужели я пробыл в темноте так долго?

— ...Я все искала, искала и искала, потом сообразила, что сама потерялась,— говорила Сьюзен,— я села и заплакала, мне было так ужасно на душе, так кошмарно! Я потеряла тебя, и наше снаряжение, и еду, и все время думала, господи, как это типично с моей стороны, сидеть и паниковать, когда мне надо было бы думать, а я даю своим страхам управлять мною, и я...

— Все в порядке, Сьюзи, все в порядке...

— ...я сказала себе, черт возьми, надо взять себя в руки, так просто не годится, тебе придется...— она отпрянула от меня.— Джейк, что ты делаешь? Ты разве не видишь, что тут творится? Кто пришел?

Я был занят тем, что снимал с нее блузку. Я остановился, открыл глаза.

— Мои поздравления, мой друг Джейк,— сказал Рагна, слегка отводя свой мощный фонарик в сторону, чтобы высветить свое голубоватое лицо. Его длинные белые волосы струились из-под шлема. За ним к нам приближались другие огоньки.

— Правильно ли я понял, что ты собираешься совершить сексуальное единение прямо тут и сейчас?— спросил Рагна.— Если это действительно так, то мои сотоварищи и я счастливы будем удалиться. Если же противоположное правильно, то я извиняю себя. Но, если ты все же собираешься совершить именно это, то должен сказать, что для нас это представит огромный интерес, если большое количество сторонних наблюдателей тебя не смутит.

Он улыбнулся своими тонкими розовыми губами, розовые глаза его светились от отблесков фонарика.

— Может быть, да?— сказал он помолчав. Потом нахмурился и разочарованно протянул: — Нет?

Глава двенадцатая

В нашем неподвижном состоянии мы были очень уязвимы. Пещеры были теплые, темные и уютные, как чрево матери, но мне не хотелось, чтобы они убаюкали меня ложным чувством безопасности. Поэтому я был рад, когда праздник Постижения Глубинных Уровней закончился. Мне хотелось закончить ремонтные работы и начать поездку.

Все были готовы к поездке в фальн. Рагна поедет с Тиви, и они оба будут для нас переводчиками и советчиками.

Всем хотелось поехать, но я был непреклонен. Потом Сьюзен решила по-своему.

— Мне нужно кое-что купить,— заявила она.— Разве это так трудно понять?

— Но что ты можешь тут?..

— Я оставила мой рюкзак и большую часть своего туристического снаряжения в том проклятом отеле. Это уже третий рюкзак, который я теряю с тех пор, как началась вся эта сумасшедшая затея. Одежду, как я полагаю, мне заменить не удастся, но инопланетное снаряжение мне подойдет.

— Мне, ей-богу, кажется, что не так много нам придется разбивать лагерь, Сьюзен.

— Слушай, я стала заниматься автостопом на Космостраде не по своей воле, но все-таки мне хочется иметь полное снаряжение. Мне оно нужно. Кроме того, я уже целую вечность не ходила за покупками.

— Но это несправедливо по отношению к другим.

— Пусть ее едет, Джейк,— сказал Роланд.— Если ее оставить тут, она будет вести себя, как самая настоящая ведьма, весь день, а мы все будем глубоко несчастны.

Я окаменел.

— Ну вот что. Вы тут мне все трепали, что я предводитель этой экспедиции. Поэтому, богом клянусь, что приказываю вам...

Она прошла, задев меня плечом.

— Ох, замолчи и поехали.

— Да, дорогая,— я поплелся за ней.

Я предполагал, что фальны — крупные структуры городского типа, но они были просто... гигантскими.

Мы были сильно в стороне от Космостражды, отъехав от нее по местной дороге, поехали мы в одной из машин, которыми ахгирры владеют сообща, низкой машине с четырьмя сиденьями, с прозрачным куполом-крышей. Мимо нас катились бесконечные пустыни. Мы приятно беседовали, но скоро я стал впадать в задумчивое настроение. Я задумчиво глядел в зеркало заднего обзора машины Рагны. За нами на небольшом расстоянии следовала какая-то машина, но на горизонте она виднелась просто как зеленовато-голубая точка. Я почти загипнотизировал сам себя, глядя на нее. Я где-то уже видел точно такой же цвет... но нет. Дорога ушла с солнечной стороны, и цвет переменился, просто отражение, подумал я. Просто паранойя с моей стороны. Наконец я стал смотреть в сторону.

Сьюзен ахнула, когда фальн стал вырисовываться в колеблющихся потоках жаркого воздуха на равнине. На расстоянии

они были похожи на горы. Теперь, когда мы подъехали поближе, их даже трудно было с чем-то сравнивать.

Я наклонился вперед и спросил Рагну через плечо:

— Какое в среднем население у этих штук?

— О, несколько миллионов. Они очень переполнены, даже если говорить об их огромных размерах, их все равно не хватает.

Тиви сказала:

— Мы не предназначены, чтобы жить таким образом, то есть мы как раса. И тем не менее ахгирры — те немногие, которые соглашаются с таким суждением.

— Угу,— сказал я и откинулся на спинку.

— Господи,— прошептала Сьюзен,— если у них такое население на колонизированной планетке, и к тому же на провинциальной...

— Правильно, подумай о том, какое население на центральной планете.

— Послушай, вон еще фальны на горизонте. Тиви сказала мне, что на одной этой планете где-то около пятидесяти фальнов.

— Эти люди не могли оставаться в пещерах,— сказал я.— Иначе они скоро должны были бы ходить друг у друга по головам.

— А скопиться в таких гигантских поселениях — без малого единственный выход, чтобы не портить окружающую среду.

Я заметил, что Рагна подслушивает, пока ведет машину.

— Прости, Рагна,— сказал я.— Сьюзен и я просто рассуждали.

Он рассмеялся.

— О, все то, что вы говорите,— просто несомненная правда, частично. Ахгирры всегда верили в разумный контроль роста населения. Увы, это относится не ко всем культурам. Увы. Дерьмо.

Мы подъехали к краю огромной стоянки, забитой машинами. Рагна свернул с дороги и въехал на стоянку.

— Теперь нам придется встать лицом к лицу с душераздирающей задачей найти пространство, в которое нам предстоит втиснуть данное транспортное средство с целью парковки. Мне очень плохо при одной мысли.

Я поразился тому, насколько загромождена была стоянка.

— Откуда тут все эти люди?

— Ох, отовсюду,— сказала Тиви.— Много инопланетян. Это же один из главных торговых и коммерческих фальнов.

— Универсам для покупок! — рассмеялась Сьюзен.— Я не ходила по торговым рядам уже целую вечность.— Она повернулась ко мне: — Это у меня в крови, знаешь? Я провела детство, ошиваясь в торговых рядах.

— Так ты такая любительница делать покупки? Ты мне никогда этого не говорила.

— Да мне казалось, что это не стоит внимания. Нас таких миллионы.

— Ты родилась в таком торговом районе?

— Родилась и там же воспитана. Саутгейт Виллидж, очень близко от Пеории, Центральный Промышленный район.

— Я знаю. Там тоже стали создавать поселения вроде этих. Этому помогло множество факторов. Я могу продолжать и продолжать про историю торговых рядов. Каждый ребенок из таких торговых центров учит это в школе.

— Мне будет очень интересно про это послушать.

— Ладно,— она иронически отнеслась к моим словам.— Это уже история, к тому же земная история.

Рагна повернул машину, чтобы въехать в свободное пространство, но его опередили бросившиеся наперерез существа в ярко-голубом автомобиле в форме жука. Пассажиры, противные ящеричьи морды, извиняющимся жестом наклонили головы: мол, извините, но каждый за себя.

— Противные склизкие объекты,— прокричал Рагна и потом что-то пробормотал про себя на собственном языке.

Но чуть дальше впереди показалась еще одна незанятая ячейка, и Рагна проскочил внутрь с торжествующим кудахтаньем.

— Господи, хоть раз нам повезло!

Фальн все-таки был еще от нас на приличном расстоянии, его титанические грибообразные громады жарились на свирепом солнце. Цветом они были поразительно розовые, как лосось. Я насчитал шесть отдельных структур различной высоты, все они были связаны между собой паутиной мостиков и прозрачными куполами, которые меняли цвет в зависимости от освещения, притемняясь или светлея. Служебные строения, которые в сравнении с домами казались крохотными, толпились вокруг оснований крупных строений.

— Неужели нам придется идти?— спросил я.— Мне кажется, что тут до ближайшего здания здоровый кусок.

— Да нет,— сказал Рагна.— Мы можем поехать на гиррнафальн-наррог, подземном транспорте под фальном. Как он называется?— Он похлопал себя по голубоватому лбу.— Метро! Вот тут.

Он показал вправо на спускающийся вниз колодец. Он действительно был похож на вход в метро.

Ступеньки привели нас на площадку, с которой мы сели на спускающийся эскалатор, который, по крайней мере, был метров десять шириной. Прочие люди и несколько инопланетян спустились вниз вместе с нами, и мы обнаружили внизу толпу, которая ждала следующего поезда. Станция была просторная, чистая, хорошо освещенная и, казалось, совершенно новая.

Пока мы ждали, я кое-что заметил. В сравнении со своими собратьями, Рагна и Тиви были довольно бедно одетыми существами. Большая часть ахгирров, мужчины и женщины, предпочитали одеваться одинаково, причем излюбленной одеждой была облегающая туника серого или коричневого цвета, которая была перехвачена в поясе белым пояском. Остальные ногоны прохаживались в ярких, почти вульгарных одеяниях, тщательно скроенных, обильно покрытых вышивкой, вытканными и нарисованными узорами.

Прически варьировали от весьма фантазийных до абсолютно кошмарных (судя по человеческим стандартам в общем и моим личным в частности). Ахгирры, как казалось, были самыми скромными людьми своей расы.

Поезд оказался чудом красоты, формой напоминающий пулю, он скользил вдоль магнитного рельса. Ослепительно белого цвета с розовым ободком, он тихо скользнул на станцию и гладко проплыл до полной остановки. Двери с шипением открылись, и толпа стала вливаться внутрь. Мы вошли в ближайший вагон и устроились на удобных пухлых сиденьях.

Я спросил Рагну:

— Если от фальна до фальна можно добраться в этих замечательных штуках, зачем люди ездят на машинах?

— Есть и люди, которые не живут в фальнах. Нет, они живут вне фальнов и ждут, когда им будет разрешено в них поселиться. Пока для них нет места.

— А, значит, кто-то живет в пустынях, как ваш народ,— заметила Сьюзен.

— Да, таких много,— ответила Тиви,— но они совсем не хотят там жить. Привилегии жить в фальне передаются по наследству от родителей к детям. Их можно продать, но за них идет жестокая борьба. Происходит много баталий в судах, а также просто насилия и убийства. Охо-хо-хо...

— Странно, что вдоль дорог мы не видели никаких небольших поселений,— сказал я.

— О, на этой планете было построено их совсем немного. Это же пустыня, тьфу на нее. Люди приезжают с других, более гостеприимных планет. Этот торгово-коммерческий фальн обычно менее заполнен, чем остальные. Тут больше возможности поставить машину.

Сьюзен и я переглянулись.

Поезд поехал вперед, набирая скорость плавным, мощным рывком, потом скользнул в туннель.

— Почему-то всегда теряешься, когда соображаешь,— сказала Сьюзен,— что инопланетные культуры такие же сложные и сумасшедшие, как и наша.

— Ага. Наверное, всему виной те романы двадцатого столетия, изображавшие суперсуществ в серебристых ко-

стюмах, которые спасали коллективную задницу человечества, что-то в этом роде.

— Наверное, так и есть. Разумеется, я не читала ничего такого совсем старинного.

— Идеи вроде этих обычно плотно прилипают к массовому сознанию,— сказал я.

— Это прямо про меня,— жалобно сказала Сьюзен.

Я поцокал языком.

— У тебя привычка принижать себя — ты знаешь об этом?

— Просто еще одна из плохих привычек,— сказала она,— вот почему я так не люблю себя. Само собой разумеется.

— Ты сама себе вырыла изрядную яму.

— А есть у тебя лопата ее зарыть?

Вместо этого я поцеловал ее в щеку и обнял ее. Рагна и Тиви одобрительно нам улыбнулись. Правда, мы хорошенькие?

Кое-кто из ногонов таращился на нас. Большая часть прочих инопланетян нас не замечала. Рагна сказал, что весть о нашем приезде распространилась по всей планете и что нами очень интересовались. Мне это казалось весьма отдаленным любопытством. Я не мог представить себе, как можно взбудоражить публику известием о том, что открыта еще одна раса чужаков, неважно, насколько интересной она может быть.

Мы проехали три станции, на каждой оказывалось все больше народу, прежде чем мы доехали до конца линии, а к тому времени пассажиры стояли, тесно прижавшись друг к другу. Поезд остановился так же плавно, и мы присоединились к потоку пассажиров, которые рвались выйти.

Следующий час оказался скоплением зрительных, слуховых и прочих чудес. Сьюзен и я бродили с выпученными глазами среди таких пространств, которые просто невозможно описать. Масштаб был невероятным. Да, это был супермаркет. Кроме того, это был огромный карнавал, ярмарка с соблазнами и чудесами на каждом шагу. Тут — уличные музыканты и акробаты. Там — какое-то спортивное мероприятие, здесь — оркестр изливает какую-то душераздирающую какофонию... и везде какие-то действия, которые заурядному человеку ни описать, ни понять. Все время мы натыкались на праздники внутри праздников, церемонии и торжества по какому-то случаю, где-то мы наткнулись на встречу с личностями, которые орали друг на друга на платформе — политики? А может быть, это был дискуссионный клуб? Или драма? Везде были варьете, шоу и цирки, празднества, конкурсы и выставки, витрины и показы. Блошиные рынки, базары, агоры и меняльные конторы. Везде киоски, бутики, лотки, развалки, зазывалы, приказчики, оптовые продавцы и покупатели, разносчики, все виды торговцев, которых только можно себе представить. Можно было купить все, что угодно, за любую цену. Можно было есть, пить, курить, колоть наркотики и любыми другими путями поглощать своим

телом все, что угодно, если только такова была ваша воля. Можно было купить оборудование, программы, кухонную утварь и нижнее белье. Тут же были торговые ярмарки странных машин и приборов, неопределимых и неописуемых штуковин и фантастических приспособлений. Продавцы демонстрировали, потенциальные покупатели заглядывали внутрь. Огромные видеоэкраны беспрестанно гоняли рекламные ролики, которые восхваляли мириады продуктов. Везде были презентации, парады, шоу пони и собак и все виды соблазнов.

И все это происходило в сплетении взаимопроникающих пространств, чье сложное строение просто кружило голову. Уровни поверх уровней, серии уступов, спускающихся террасами, променады и балконы, все это связано между собой подвесными мостами, каскадами спиральных лестниц, эскалаторов, открытых лифтов и прочих средств транспорта. Стены и полы были разнообразно окрашены пастельными тонами и красками с металлическим отливом. Поверхности блестящего голубого металла составляли потолки и перегородки, облицовку лестничных клеток и платформ. Тут же были висячие сады, миниатюрные леса и водопады, маленькие резерваты животных и дичи, озерца, парки и игровые площадки. Висячие скульптурки-мобили катались над головами, высокие инопланетные скульптуры поднимались над нами из пола. Все было единым звуком, движением, цветом.

И шумом.

— Ох, как громко, правда?—сказал Рагна.

— Что?—ответила Сьюзен.—О, Джейк, это все так знакомо, хотя и невыразимо странно. Я никак не могу преодолеть чувство, что я почти дома.

— Что странно для меня, так это то, что весь этот хаос—в управляемой среде.

— Может быть, именно таким образом они избавляются от чувства, что они взаперти.

— Трудно поверить, что мы не на улицах. Откуда идет весь этот свет?

— Я готова поклясться, что тут есть небо,—сказала Сьюзен, показывая на высокую, еле различимую крышу.

— Они, наверное, качают сюда солнечный свет через систему зеркал,—стал гадать я.

— Вот это есть правда,—ответил Рагна.—Весьма удачный трюк, но от этого очень чертовски светло здесь.

Никто из наших проводников не потрудился снять с себя своих защитных капюшонов, и они до сих пор были в защитных, плотно прилегающих солнечных очках. Мне поневоле пришлось задуматься, уж не было ли их отвращение к солнечному свету больше психологическим, нежели физиологическим. Остальные ногоны чувствовали себя, как дома, хотя я за-

метил несколько человек, которые носили широкополые шляпы, и несколько ходили в темных очках.

— Что нам делать сперва? — спросила Сьюзен.— Куда пойдем?

— Ты сказала, что хотела экипировать себя как человек, которому приходится жить в экстремальных условиях,— сказала Тиви,— которому приходится разбивать лагерь и делать разные подобные вещи.

Сьюзен рассмеялась.

— Ну, не очень-то мне хочется иметь такое барахло, но...— она положила руку на плечо Тиви.— Извини. Да, конечно, мне хотелось бы купить туристское снаряжение. Может быть, рюкзак, если я смогу найти такой, который удобно ляжет на мою слишком человеческую фигуру. Еще хороший бы фонарик... и, э-э-э... мне бы еще скафандр для выживания во всех климатах... хотя нет, про это можно забыть — тут я никогда не найду ничего такого, что мне подошло бы.

— Наоборот,— сказала Тиви.— У них в фальне есть изготовители одежды, которые, возможно, смогут оказать услугу и тебе.

— Честное слово? Что, разработка моды по желанию?

— Прости, не поняла?

— Ты меня убедила. Мне бы действительно не помешала какая-нибудь новая одежда... ох, погоди...— Сьюзен повернулась ко мне.— Мы сперва должны были бы купить всю ту электронику, про которую ты говорил, правда?

— Да нет, можешь спокойно сперва насладиться своими новыми нарядами. У нас есть еще время.

— Как хорошо,— она вдруг нахмурилась.— Ах ты черт, досада какая.

— Что?

— Теперь я действительно чувствую себя виноватой, что остальные не поехали.

Я кивнул, потом оглянулся.

— Да, они немало потеряли. Но мне показалось, что в пещерах они будут в большей безопасности.

— Ты был прав. Нам не стоило рисковать.

— Хорошее соображение.

— Ох, не заставляй меня чувствовать себя более виноватой, чем я уже себя чувствую. Пошли.

— Можно ли мне предложить,— сказал Рагна,— чтобы мы тут разделили наши дороги. Тиви пойдет с Джейком, чтобы посоветовать и направлять его, а я могу быть провожатым Сьюзен.

Я сказал:

— Дайте мне сперва почувствовать это место. Оно такое огромное, и если мы сейчас разделимся...

— Есть очень малая необходимость в том страхе, который

ты сейчас испытываешь, друг Джейк. К сожалению, ахгирры вполне знакомы с этим прибежищем разврата и прочих негодных поступков, поскольку они суть вынуждены приезжать сюда за покупками, которые, к сожалению, черт побери, невозможно нигде больше сделать.

— Ну ладно, но все же я сперва с большим удовольствием пошел бы вместе с Сьюзи. Потом посмотрим.

Рагна сделал круговые движения своими длинными указательными и большими пальцами, что мы привыкли воспринимать как пожатие плечами, хотя у этого жеста были и другие значения.

— Как хотите, поэтому мы поплетемся за Сьюзен.

Мы отправились в толпу.

Нам пришлось пройти несколько уровней и прошагать через небольшой парк. Тут играли дети, которые бегали и визжали, совсем как это делают дети на остальных планетах. Тут было множество предметов, по которым можно было карабкаться, качаться, всякие шведские стенки, турники и прочее и прочее. Родители, которые сидели на скамейках, приглядывали за детьми. Сьюзен была права — все, что попадалось нам по пути, в своем роде было очень знакомо. Но каждый предмет, каждый аспект дизайна был абсолютно не человеческий. Все говорило: чужая планета.

Что-то странное происходило на другом конце парка. Толпа ногонов собралась посередине крупного пространства, вымощенного зелеными кафельными плитками. Все прыгали вверх и вниз, глядя на платформу, где были расставлены ряды странных предметов. Может быть, это была хозяйственная утварь. Может быть, предметы искусства. Кто может сказать? Прыгая, участники этого странного зрелища бросали в воздух цветные шарики и ловили их. Когда мы поравнялись с ними, я спросил Рагну, что происходит.

— Это большая трудность для объяснения,— сказал он, дотрагиваясь до своего обруча-переводчика.

— О-о-о... это аукцион?

— Аукцион...— он поправил обруч.— Аукцион... Нет. Это по своей сути есть протест.

— Протест? Против чего они протестуют?

— Опять же, очень много трудности для объяснения.

— Ладно.

Языковые барьеры — это одно дело, а вот культурные и идейные — совсем другое.

Мы вошли еще в один коммерческий отдел. Торговцы здесь принадлежали к четко выраженной этнической группе, их белесые волосы были завязаны в косы, которые еще и были притом украшены яркими лентами, цветами и бантами. Их костюмы были гораздо скромнее. Сьюзен остановилась, чтобы посмотреть на керамические изделия. Некоторые были на вид очень

хороши, хотя и трудно было угадать, для чего они предназначались.

Рагна хихикал.

— Прошли столетия с тех пор, как эти люди живут в фальнах, но тем не менее они выделывают свои национальные предметы и продают их весьма успешно. Они на этом делают хорошие деньги.

— Как индейцы, которые продают вампумы и одеяла,— сказал я.

— О, прости, пожалуйста.

— Ну, это трудно объяснить.

Сьюзен исхитрилась потратить впустую пятнадцать минут, решая, что она не станет покупать.

— Сьюзен.

— Прости, ты прав. Пойдем.

Рядом была утопленная ниже пола арена, где происходили какие-то спортивные события. Игра походила на помесь регби и мотогонок. Если вас это запутывает... тогда вам надо самим посмотреть, что это такое. Мы остановились ненадолго посмотреть, но я не стал спрашивать Рагну, может ли он прокомментировать игру.

Мы шли все дальше. После того, как мы прошли по тропинке маленького лесочка, мы вышли еще на одну рыночную площадь, на сей раз побольше, на которой продавались все виды продукции: мебель, средства транспорта, продукты — все, что угодно. Тиви потратила примерно десять минут, чтобы безошибочно отыскать лоток того торговца, который мог бы одеть Сьюзен. Это был инопланетянин, тощий двуногий, покрытый желтым мехом, который выглядел немного как кошка.

После разговора с коммерсантом Тиви сказала нам:

— Ну да, он раньше встречал вашу расу. Он может подладиться к вашим фигурам в том стиле, в каком вы сами выберете. Но он говорит, что вам вряд ли захочется тратить ваше время или ваши деньги на столь недостойные материалы и работу, как у него.

— Спроси его... ее...— ну, кто это существо,— спроси, где он видел существ вроде нас.

Тиви так и сделала.

— Оно говорит, что путешествовало по стольким планетам и видело столько существ — вашего рода, это точно, что не может, увы, вспомнить, где и когда это было. Поэтому оно очень боится, как бы не вызвать ваш гнев, если оно признается в своем недостойном беспамятстве и невнимании к столь высокородным существам.

— Это было недавно?

Инопланетянин все время делал извиняющиеся жесты.

— Оно говорит, что память его неточна и в отношении эле-

мента времени. Оно просит тысячи извинений и молит вас не убивать его.

— Ладно, скажи ему, что пока он в полной безопасности. Он, вероятно, врет насчет того, что когда-нибудь видел человекообразных. Просто хочет выгодную сделку.

Тиви продолжала говорить, пока инопланетянин мяукал дальше противно и гнусаво:

— Это существо все еще настаивает, что вы не можете интересоваться не имеющими никакой ценности предметами одежды, которыми он, убогий, торгует. Собственно говоря, он готов приплатить тем людям, которые избавят его от той гадости, которую он имеет.

— Скажи ему, что нет никакой необходимости проводить с нами весь ритуал ногонов по части торговли,— сказал я.

— До тех пор, пока я ваш переводчик,— сказала Тиви,— он побоится не выполнять положенные ритуалы.

— Как его зовут?— спросила Сьюзен.

— Оно протестует, что столь высокородная особа женского пола, как ты, вне сомнения, обладающая бесчисленными мужьями и слугами, не может интересоваться именем столь низкого существа, как это, которое мы видим перед собой.— Подумав, Тиви добавила:— Мне также кажется, что это существо женского пола, кроме того, похоже на то, что это ее собственное правило — так торговаться — это в законах и ее народа.

— Скажи ей, что мы заинтересованы в том, чтобы купить все, что она предлагает, и притом готовы щедро заплатить ей за эту привилегию,— сказала Сьюзен.

— Она снова протестует, что столь восхитительно прекрасная особа, как ты, только потеряешь, если тебя обслужит такое низкое...

Эта чушь продолжалась долгое время, и мне стало скучно. Чтобы убить время, Рагна и я прошлись по торговой площади.

Мы смотрели на то, что, как объяснил мне Рагна, действительно оказалось аукционом, однако больше напоминало митинг протеста. После этого мы прошли по отделу с закусками. Кое-что из этого выглядело вполне съедобным, даже аппетитным, но я знал, что если я что-нибудь съем, то, если даже не отравлюсь насмерть, болеть буду долго и упорно. Мы обнаружили, что не можем есть пищу ногонов, хотя пептидные связи были совсем не столь отличны от наших.

К тому времени, когда мы добрались обратно, Сьюзен уже вышла из примерочной.

— Мой костюм будет готов через час или два,— сказала она.— Я даже сама разработала фасон. Сшит на заказ — не каждый может этим похвастаться.

— Ну, ладно. Теперь...

— Ох, посмотри сюда! — сказала Сьюзен, отходя от нас в сторону.

Мы пошли за ней к прилавку, на котором был огромный ассортимент оружия.

— Пушки, — Сьюзен брезгливо сморщилась. — Я собираюсь купить себе такой.

— Это еще зачем? — спросил я.

— Все остальные вооружены до зубов. Даже Джон теперь носит пистолет. Черт, если учесть, что мы постоянно попадаем в переплет, просто глупо будет не завести себе такую штуковину, чтобы стрелять.

— Мне кажется, у нас столько оружия, что на всех хватит, Сьюзен.

— Нет, мне нужно что-то такое, что не убивало бы.

— А-а-а...

— Что-то, что могло бы остановить врага, но не убило бы его. Я не верю в то, что убивать — правильно.

— Это может быть почти невыполнимое желание, но давай посмотрим.

Торговец был ногоном, и мы обнаружили, что та степень способности торговаться, до какой дошел этот инопланетянин, не шла ни в какое сравнение с местными обычаями, правила ногонов были в сравнении с этим самым быстрым и деловым подходом. Настоящая сделка со всеми ритуалами и нюансами могла занять несколько часов. При резкости, почти грубости, с какой разговаривала Тиви, нам удалось сократить этот кошмар до двадцати минут. В то же время Рагна пошел купить фонарик для Сьюзи, а кроме того, какое-то туристическое снаряжение. Когда он вернулся, инопланетный торговец продал Сьюзен коробку, в которой были три части, из которых собиралось единое целое. По законам фальнов продавать в них цельное и собранное оружие было незаконно.

— Все время, пока мы тут находимся, скрытые камеры проводят сканирование на предмет обнаружения действующего оружия, — сказал мне Рагна.

Закончив продажу, наш торговец что-то прорычал и скрылся за занавеской, которая разделяла магазинчик надвое. Он не стал выходить снова.

— В чем дело? — спросил я Тиви.

— Он говорит, что такая демонстрация грубого материализма и жадности привела его к болезненному состоянию и что в настоящий момент от этого чувства он готов выбросить из себя содержимое своего желудочного мешка.

— А, ясно, — сказал я, повернулся и прокричал ему: — Извините!

— Интересно, работает эта штука или нет, — сказала Сьюзен, рассматривая содержимое коробки.

— Интересно, что эта штука делает, — сказал я. — Оно не

похоже на ружье, неважно, каким образом собирать вместе эти части. Что сказал продавец?

— А кто его знает... Тиви?

— Он говорил, что это оружие не убьет вашего противника. Однако он не упоминал о том, каким именно образом действует этот предмет.

— И что, это все, что удалось узнать в этой длинной беседе? — поинтересовался я.

— Очень много было сказано,— сказала Тиви,— но на самом деле очень немного дельного.

— Эти товары приносят тебе удовлетворение? — спросил Рагна, демонстрируя различные предметы, которые он купил для Сьюзен: фонарик, набор для походной кухни, что-то вроде спального мешка, туалетный набор, все это производства ногонов, но явно применимое и для людей.

— О, они просто замечательные. Большое спасибо тебе, Рагна. Ну, дай я тебе возмещу расходы.

— Мы можем уладить финансовые вопросы позже, пожалуйста, на здоровье.

Я сказал:

— Мы не сможем достаточно отплатить тебе за любезность, даже если поменяем свое золото на монеты. Кроме того, огромное спасибо за то, что поменяли наше золото вовремя.

Дело в том, что недавно Хокар рассказал нам, что золото в сравнении с валютой лабиринта обесценилось. Видимо, экономика ногонов переживала подъем.

— Не надо много думать об этом, друг мой Джейк. Такие вещи не говорятся много здесь.

— Ну вот, Джейк,— сказала Сьюзен, забрасывая меня кучей свертков,— теперь мне только зайти к портнихе, и мы...

— Послушай,— сказал я,— я собираюсь взять Тиви и поискать эти запасные части. Иди за своим нарядом, и встречаемся тут через час.

— Ладно. Давай только разделим эти свертки. Ты бери вот это и это... а я возьму вот это... разве у них тут не полагается выдавать пакеты вместе с покупками?

— Может быть, вам пригодится вот это? — спросила Тиви, разворачивая серый тканевый мешок, который она вынула из-под своего плаща.

Сьюзен покачала головой.

— А нам даже в голову не взбрело принести пакет или что-нибудь в этом роде.— Она набила маленький мешок, и коробка с оружием уже не вошла.— Какая здоровенная штуковина. Может быть, нам лучше вынуть все это из коробки, Рагна?

— Нет, я все-таки лучше сам возьму эту штуку,— сказал я.— Может быть, мне удастся установить, что это за оружие.

— Но тебе еще предстоит тащить запасные части.

— У меня два таких мешка,— сказала Тиви, вытаскивая еще один мешок.

— Тиви, дорогая, ты просто незаменима.

— Спасибо за то, что вы не можете меня никем заменить.

Наконец мы разделились.

Тиви провела меня через холл и вверх по пандусу во что-то вроде мезонина. Оттуда по коридору мы вышли на балкон, который опоясывал здание, по меньшей мере, на высоте пятнадцати этажей над центральным залом торговли, который кипел коммерцией и прочей деятельностью. Мы шли по балкону, пока он не перешел в лестницу, ведущую вниз, на платформу под балконом. Из пола выходили пучки прозрачных труб, которые внутри были снабжены платформами, двигавшимися вниз и вверх. Разумеется, это были просто лифты, но я никак не мог понять, по какому принципу они работали. Мы влетели в толпу покупателей, прежде чем успели добраться до платформы.

— Ох, какая толпа,— сказала Тиви.— Нам надо бы вернуться таким образом назад.

Мы прошли обратно по лестнице на балкон, потом по другому коридору и вышли на открытое пространство чуть поменьше, которое оказалось головокружительной архитектурной эклектикой. Идеи ногонов относительно архитектуры интерьера были просто ошеломляющие. Дороги и тропинки изгибались под самыми разными углами, они взмывали вверх без видимой опоры. Лестницы закручивались по спирали, стены то выпячивались, то втягивались внутрь, лестницы лезли наверх, мешая проходам, потому что головой можно было легко их задеть. Контроль, подумал я. Все эти фальны были задуманы с целью контроля над населением и облегчения управления. Но как быть со всем этим архитектурным безумием? Может быть, фальны сделаны просто для того, чтобы держать население в рамках?

Тиви вывела меня в боковой коридор. Мы остановились перед парой дверей, вделанных в стену.

— Этот грузоподъемный механизм не часто используется,— утверждала она.

Это похоже было на обычный лифт, но, когда мы в него влезли, он сперва пошел почему-то по диагонали, на миг остановился, потом пошел вертикально вверх. В общем и целом мы проехали около двадцати этажей.

Эти верхние уровни были отведены под товары не потребительского, а скорее, профессионального спроса, и тут было потише и поспокойнее. Тут тоже проводились «аукционы» вместе с тем толканием и потасовками, которые я уже видел внизу. Тут были и магазинчики-склады, причем нельзя было сказать,

где кончается один и начинается другой. Мы нашли участок, где друг на друге стояли ящики с чем-то, что, по словам Тиви, было электроникой всякого рода. Магазин был полон покупателей, но тут не было той давки и толпы, которые царили внизу.

— Я собираюсь привести продающую личность. Подожди, пожалуйста, тут.

— Отлично.

Тиви ушла, а я просмотрел, что тут за вещицы продаются. Теперь я понял, почему мой приход сюда совсем не был нужен. Я-то считал, что мой опыт по части инопланетных технологий там, в известных мне лабиринтах, помог бы мне разобраться здесь. Никакого шанса у меня не было. Это барахло сильнее всего напоминало мне сушеные фрукты. Просто целые коробки сушеных фруктов. Они прекрасно выглядели, надо сказать. Они бы очень пригодились в долгих перегонах, когда нельзя остановиться, чтобы нормально поесть.

Черт, как я устал. Я уселся на коробку замечательно аппетитных продуктов ногонской технологии и глубоко вздохнул. Неужели просто устал от покупок? Черт побери, старею.

Следующие несколько минут я провел, ни о чем в особенности не думая. Воспоминания нескольких прошедших недель были сплошным хаосом. Бежал, прятался, меня ловили, я сбегал и все такое снова и снова. Ничего не имело смысла, ни в чем нельзя было этого смысла доискаться. Вселенная была бессмысленной машиной, которая скрежетала, но без всякой цели. Я просто попал в ее шестеренки.

Такие вот мысли я некоторое время переваривал. В итоге меня слегка затошнило.

Где же это запропастилась Тиви?

Я встал и обошел магазин, пытаясь найти ее глазами. Ее нигде не было видно. Я прошел обратно в проход между магазинами, пошел до конца в одну сторону, потом в другую. Я снова обыскал магазинчик, уселся, подождал ее еще немного, встал, промерил шагами магазин, выглянул наружу, пробежался по проходу еще раз, потом вернулся и в отчаянии уселся. Тиви исчезла.

Следующие десять минут были просто самыми несчастными в моей жизни. Если бы я сам пошел искать Тиви, я наверняка бы заблудился. Я не мог никого спросить. Я знал только несколько слов на ахгиррском, но никаких слов официального ногонского диалекта. Я мог только ждать, ждать и ждать.

Еще десять минут. Пятнадцать.

Беспомощность, беспомощность.

Это был один из немногих моментов в моей жизни, когда мысль о том, чтобы запаниковать, показалась мне привлекательной. Паника, по крайней мере, была действием, и тем самым, освобождением, а просто так сидеть здесь оказалось невыноси-

мой пыткой. Само немыслимое расстояние между этим местом и домом ударило меня, словно молотом. Я просто потерялся. Трижды, четырежды потерялся. Я проскочил не через один, а через целых два неизвестных портала, а теперь внутри лабиринта — в лабиринте, я нашел еще один лабиринт, в котором потерялся.

Я встал. Ладно, хватит такого дерьма.

Место это, конечно, было большое и обширное, но ведь не бесконечное. Я мог идти, идти и идти, и рано или поздно Рагна и Сьюзен найдут меня. Они станут меня разыскивать, оповестят службу охраны. Меня достаточно легко было найти или заметить.

Но если что-то случилось с Тиви, могли ли Сьюзен и Рагна быть в безопасности?

Я был уверен, что тот самый грузовой лифт я смогу найти. Так и получилось.

Не было в нем, однако, никаких кнопок, которые можно было бы нажимать. Тиви вращала единственную ручку, похожую на верньер, пока нужный уровень этажа не высвечивался на экранчике. Мне это не могло ничем помочь. Я пытался вспомнить, какой символ был на экране, когда мы входили в лифт. Не мог. Ладно. Тогда все сводилось к манипуляции этой проклятой ручкой, спускаясь до тех пор, пока злосчастное устройство не опустится примерно этажей на двадцать. Я покрутил ручку, и эта штуковина тронулась с места.

Причем — вбок.

Потом она остановилась, и двери разъехались в стороны. Несколько ногонов, поджидающих неподалеку, решили было зайти, потом увидели меня и попятились. Двери закрылись. Ничего не произошло.

Я стал снова крутить ручку. Лифт пошел прямо вверх. Я покрутил ручку в другую сторону. Лифт остановился, застонал, пошел вниз по диагонали, направо. Я все время крутил ручку управления, и эта штуковина постоянно меняла направление, двигаясь в итоге в никуда. В отчаянии я повернул ручку так, что на экранчике засветился подходящий набор рунических знаков. Так я его и оставил.

Приспособление ухнуло вниз камнем. Что было просто замечательно, если не считать того, что эта штука не могла остановиться. Наверное, сперва я должен был дать ей какую-нибудь другую команду. Ладно, черт с ним, я просто прокачусь, куда она меня привезет.

Это было очень длинное путешествие прямо вниз и вниз. И еще ниже. В подвал — штучные товары — оборудование — остатки ковровых тканей — в седьмой круг ада.

Наконец лифт замедлил ход, слегка вздохнул и остановился. Двери открылись. Я выглянул наружу.

В сравнении с постоянным шумом торгового центра, тут царила абсолютная тишина. Из полутьмы до ушей донесся тихий трудолюбивый гул и жужжание машин. Это был совершенно самостоятельный мир. Трубы журчали, моторы жужжали, вибрировали, вентиляторы повизгивали. Придушенный вопль турбины донесся до меня справа. Но все было очень тихо и приглушенно.

Это место было джунглями трубопроводов и кабелей. Здесь и там слабые струйки пара поднимались от соединений и стыков. Капающая вода скопилась лужицей перед лифтом. Слабый желтоватый свет шел откуда-то слева. Сквозь мешанину труб и проводов я видел, что под самыми странными углами от этого коридора отходили в стороны соседние.

Это наверняка не был мой этаж. Я вращал огромную, матово-белую ручку управления по кругу, пока на экране не показались смутно знакомые символы. Однако лифт намертво стоял на месте. Эта штука станет подниматься наверх, если и вообще станет, только тогда, когда сама надумает. Я присел, привалившись к металлической стене кабины.

Снова потерялся. Все потерянное и потерянное.

Чтобы убить невыносимо медленно тянущееся в ожидании время, я осмотрел странное оружие Сьюзен. Вынув части из коробки, я попытался придумать, как их можно собрать вместе. Самый крупный компонент показался мне рукоятью, и я стал исходить из этого предположения, пытаясь собрать всю штуковину целиком. Самый маленький кусок вроде как был питающим элементом, второй кусочек вместе с первым вставлялись в третью часть, длинную палку с гибким зажимом на конце. Щелк, стук — и все было собрано.

Замечательно. Теперь понять бы, что это за фиговина и как она действует. Сперва второй вопрос. Значит, так. Надо взять ее за рукоять и прицелиться. Средний палец надо было согнуть и продеть вот в это колечко, и?.. Ничего. На рукояти были многочисленные круглые кнопки, и я некоторые из них пробовал нажать. Ничего. Я снова разобрал приборчик, осмотрел батарею, решил, что она поставлена не тем полюсом, перевернул ее и снова собрал странное приспособление. Потом я нацелил его на пол возле дверей лифта и нажал на кольцо.

Крохотный ярко-синий огонь вырвался из другого конца стержня. И все. Я покрутил переключатели и попробовал снова. Огонек стал ярче и пламя длиннее. Прочие попытки привели к тому, что пламя, наоборот, укоротилось и поблекло.

И это было абсолютно все.

Пол зато был в замечательном виде.

Это наверняка и очевидно было не оружие, а инструмент, скорее всего, типа ацетиленовой горелки или же абразивное устройство для шлифовки и полировки. Видимо, тот, кто торговался с нами, был здорово на нас зол. А почему Тиви не зна-

ла, что это не оружие? Наверное, потому, что это был для нее инопланетный предмет и явно не произведенный на экспорт для ногонов. Я видел, какими бывают орудия и инструменты ногонов. Я их повидал немало за эти дни.

Я нажимал переключатели, пока не дошел до такого, при нажатии на который инструмент переставал плеваться огнем. Что-то вроде предохранителя. Я сунул его в задний карман, встал на ноги. Я попробовал снова покрутить контрольную кнопку в лифте. Ничего. Я стал мерить кабину шагами от раздражения. Потом попробовал покрутить верньер снова. Никакого ответа. Я в ярости ударил по нему. Черт, не сломай, предостерег я сам себя. Я шагал кругами по кабине, каждый круг крутя или колотя по верньеру.

Примерно минут через десять я решил, что лифт так никогда и не соберется подняться. По крайней мере, если и соберется, то очень нескоро. Я поднял матерчатый мешок Тиви. Внутри был новый фонарик Сьюзен и еще одна штука, которая походила на набор для шитья.

Я взял фонарик, бросил мешок и пошел в джунгли трубопроводов, свернув в тот коридор, который поворачивал направо. Как только я отошел ровно настолько, чтобы не успеть бегом вернуться обратно, проклятый лифт захлопнул двери и снялся с места. Может быть, он специально ждал, когда я уйду.

Я блуждал примерно час в поисках дороги наверх. Никаких лестниц, никаких пожарных проходов, никаких больше лифтов. Бесконечные переходы между чащобами труб, проводов, кабелей и воздуховодов. Жизнь фальна сильно пульсировала в трубах вокруг меня. Ногоны никогда на самом деле не покидали своих пещер. На меня шипели струйки пара. Странные обозначения на стенах не давали мне никакого намека, как выбраться отсюда. Потеряннее и потеряннее. Желание запаниковать возвращалось.

Я остановился и сел на металлическую канистру, забытую кем-то в проходе, и прислонился головой к теплой трубе. Я не мог найти никакого выхода. Я стану бесконечно бродить в вечной жужжащей ночи, и никто меня не найдет. Никогда.

Эй, лучше прекрати такие мысли, предостерег меня внутренний голос.

Правильно, но я просто очень устал. У каждого человека есть точка перелома. Я устал от всего этого. Мне хотелось уснуть и перетечь в иной сон. Мне этот сон явно не нравился. Уирр-клик-бип, уирр-клик-бип... Что-то звучало рядом со мной. Уирр-клик-бип... уирр-клик-бип. Я был снова затерян в лесу звуков. Снова затерян в пещере. Те же самые последовательности событий повторялись циклически снова и снова.

И снова, и снова, и снова. Бежать, догонять, бежать, догонять... потерян, потерян... потерян...

Дорога никогда не кончается. Я бегу по ней в ночи, а шаги эхом отдаются в огромной пустоте, которая медленно и постепенно меня обволакивает, засасывает в свою темную пасть. Я бегу прямо в глотку ночи. Вечной ночи. Даже звезды пропали, их задули, их задушило то зловонное не-существо, которое заслоняет от меня впереди вселенную. Все, что осталось — это дорога, и мои ноги топочут по ней. Жесткий металл, от него сила уходит из ног, но мне надо бежать дальше, надо бежать. Это единственное, что у меня есть, единственное, что мне осталось. Я все время переставляю ноги, одну за другой, бегу, плетусь, рысцой-трусцой... то существо, что за мною, никогда меня не догонит, если только я смогу продолжать бег. Я должен — это вопрос жизни и смерти. Свет позади тускнеет, моя тень на дороге сливается с темнотой. Я один. Один. Бегом, бегом... я не чувствую ног. Тело куда-то пропало. Я превратился в сплошное движение, движение, бесцельное движение вперед, но у него есть неизбежное назначение. Я в темном туннеле, я бегу вперед, моя скорость нарастает, неумолимо нарастает разгон. Я несусь в беззвездные темные потоки черноты. Время сворачивается и перестает течь, пока я бегу, пока скорость моя нарастает. Я прорываю головой вечность, целясь в то сплетение, где сходятся все векторы силы, все нити бытия сливаются воедино. Я падаю. Меня сносит к центру, к цели в середине мироздания, к началу времени и пространства. Я скольжу по паутине, сплетенной из ночи, все нити ведут к ее сердцу. Я лечу. Но когда я почти достиг цели... внезапная вспышка света!!! Ослепительного света!!! Меня настигает ударная волна света, я растворяюсь в абсолютной энергии, меня сметает потрясающая сила...

Я дернулся, упал с канистры на жесткий, теплый пол.

Усевшись, я подождал, пока успокоится сердцебиение, потом встал на ноги. Я задремал — или, может быть, у меня снова повторились галлюцинации. Я настолько устал, что усталость гнездилась в самих моих косточках. Разумеется, я просто заснул. Надо идти. Если тут сидеть, меня никогда не найдут.

Ладно.

Я снова прошел вперед несколько шагов и внезапно остановился.

Что-то очень высокое стояло в сумраке чуть дальше от меня в проходе.

Я медленно вынул из заднего кармана фонарик Сьюзен. Я подумал, что это, должно быть, опять мой не-буджум. Неужели я никогда не избавлюсь от этого чудища, и оно собирается преследовать меня всю мою жизнь?

Я навел на него луч фонарика, и сердце мое упало прямиком мне в живот.

— Прррривет, дрррруг Джейк. Мы тебя наконец нашли.

Ночной кошмар в серо-зеленом хитине почти два с половиной метра ростом. Ретикулянец шагнул вперед. Я предположил, что это тввррррлл, тот самый, который всегда разговаривал со мной. Его глаза, похожие на несколько объективов кинокамер, слегка вращались, чтобы лучше меня рассмотреть. Сложный аппарат его пасти все время находился в движении, это было похоже на ритмичные подергивания швейной машинки. Тело его было тощее, семипалые руки и ноги огромны. На узком лице выдавались вперед выпученные глаза, они были мертвы, в них ничего не было — никакого чувства, никакого присутствия души, личности. Тонкий прут полового органа свисал из нижней части живота. Одежды на нем никакой не было, кроме портупеи из материала вроде кожи, в которую был закован его торс. Еще у него была крупная сумка, вроде ягдташа, которая свисала на ремне с плеча. И в ней что-то было.

Тввррррлл и его сотоварищи по охоте выследили меня через всю дорогу из земного лабиринта. Они были связаны с Кори Уилксом. По его словам, Кори Уилкс платил им за то, чтобы вернуться в безопасности через ретикулянский лабиринт, единственный способ добраться по Космостраде через этот лабиринт назад в лабиринт земных планет, если ехать из внешних миров. Но я подозревал, что ретикулянцам тоже нужна была карта Космострады. Она открывала бы для них новые охотничьи угодья, обеспечивала бы новую почетную дичь, их родная планета и планеты, которые они колонизировали на Космостраде, давно уже были лишены подходящих для них объектов охоты. Я также подозревал, что они могли и бросить мысль получить карту Космострады — уж больно много гончих охотилось за одной лисой. Единственное, что могло их сейчас гнать за мною — это сама охота. Для членов команды Ловушки ретикулянцев поймать жертву и отправить ее к праотцам с помощью самой чудовищной вивисекции было самой главной целью в жизни.

Я глубоко вздохнул. По крайней мере, опасность, то, чего мне надо было бояться, приобрела физическую форму. За мной гнались, теперь меня поймали. А теперь я буду сам расправляться с этим положением.

— Значит, вы меня нашли,— сказал я.— И что вы собираетесь делать?

— Наше намеррррение — прррредать тебя почетной смерррти, дрруг Джейк. Это наш прррямой долг. Ты священная добыча, почетная жерррртва. Ты должен умерррреть как следует, и мы прррисмотрим за тем, чтобы оно так и получилось.

— Спасибо, я-то ужасно волновался, что все пойдет как-нибудь не так.

— Вот как? — вопрос прозвучал без всякой иронии.— Тогда можешь успокоиться на этот счет.

Я показал на сумку, которая свисала с его плеча.

В ней было что-то большое.

— У тебя там что, охотничий завтрак?— спросил я.

— Завтрак?— он посмотрел вниз, на сумку.— Понял. Нет. Добыча не была почетная, поэтому я ее не съел.

Он сунул руку в мешок и вытащил оттуда голову Тиви, держа ее за прекрасные белокуро-желтые волосы.

От потрясения меня и парализовало, и затошнило. Это было такое небрежное, такое убийство походя, что ярость была практически недоступна мне. Вместо этого во мне разверзлась страшная бездна, пустота, беспомощность. Смысл событий, прошедших и настоящих, куда-то исчез, оставив только обостренное восприятие слепой и холодной жестокости вселенной.

— Почему?— только и смог спросить я.

— Это было...— ответил инопланетянин, не зная, как объяснить.— Это было необходимость.

В его словах словно бы прозвучала извиняющаяся нотка.

— Я убью тебя,— сказал я.

— Попрррробуй,— сказал тввррррлл.— Иначе ты не прррринесешь мне чести.

Ретикулянец снова засунул голову Тиви в сумку, потом вытащил нож с кривым черным лезвием и нефритово-зеленой рукоятью. Потом шагнул вперед.

Я повернулся и побежал, потом остановился, как вкопанный, когда увидел еще одного ретикулянца, который шел по проходу с противоположной стороны. Я скользнул в джунгли трубопроводов. Я полз, прыгал, проскальзывал между трубами, пока не прорвался в другой коридор. И там встретил еще одного из сотоварищей тввррррлла. Я убежал от него, нашел дверь, которая открывалась в коридор, и свернул в нее. Коридор шел примерно десять метров, потом расширился и превратился в зал, забитый машинами и трубами.

Выхода не было.

Я стал оглядываться в поисках оружия. В куче мусора, который лежал под стеной, я нашел огрызок пластиковой трубы. Я поднял ее. У нее, по крайней мере, была весьма значительная масса. Сойдет.

Ретикулянцы, с церемониальными ножами наперевес, приближались весьма хладнокровно по коридору. Тввррррлл повернул и шагнул в дверь за ними.

Я выбрал место на полу, где мог маневрировать, и встал насмерть.

— Итак,— сказал тввррррлл, когда они все оказались передо мной,— начнем соверрршение обррряда.

Инопланетянин слева присел и начал аккуратно подбира-

ться ко мне, размахивая широкими взмахами кинжалом с черным лезвием. Он попробовал зайти мне за спину, но я несколько раз взмахнул трубой и свел его намерения на нет. Я передвинулся вправо, сделал вид, что замахиваюсь трубой, и попытался двинуть его в рыло. Он вовремя отпрянул, пытаясь одновременно порезать мне ноги. Я подпрыгнул и попятился.

Он снова попытался зайти мне за спину; на сей раз уклоняясь от моих взмахов трубой и пытаясь порезать мне руки, но, хотя у самих ретикулянцев руки очень длинные, он промахнулся. Но он все же успешно зашел мне за спину. Теперь я вынужден был повернуться спиной к его товарищам, но они не сделали ни единого движения. Чтобы все-таки уберечься от неожиданностей, я прижался к стене так, чтобы мой теперешний противник оказался от меня справа, а остальные — слева. Инопланетянин скользнул вперед, и я поразился той легкости, с которой он передвигался. Он остановился за пределами досягаемости взмаха трубой и стал прыгать из стороны в сторону, то приближаясь ко мне, то удаляясь, пытаясь раздразнить меня так, чтобы я попробовал как следует замахнуться на него, а он тем временем бы схватил меня. Я противостоял этой тактике тем, что не поддавался соблазну. Вместо того я все время только делал вид, что хочу замахнуться, чтобы удержать его на расстоянии, и выжидая его следующего хода.

Он состоялся довольно скоро.

Его левая рука выстрелила вперед, схватив кончик трубы. Он бросился на меня, пытаясь одновременно правой рукой с кинжалом нанести мне удар в пах. Я отпрыгнул влево, перевернулся, занеся руку над головой, и тем самым вырвал трубу у него из рук, потом бросился ему за спину и нанес ему хороший удар по башке. Инопланетянин с грохотом повалился на кучу мусора, треснувшись лицом о твердые камни стены. Он вырубился только на миг, поэтому я не стал преследовать его. Развернувшись на двухсуставных ногах, он повернулся ко мне и успел вскочить на ноги, когда я бросился в наступление. Увидев, что я остановился, он медленно поднялся на ноги.

Сердце мое упало. Удар по голове, который он получил, надолго, если не насовсем, уложил бы любого человекообразного и девять из десяти инопланетян. Я вернулся в свое первоначальное положение. Твврррлл и третий все еще стояли у двери.

Инопланетянин рванулся ко мне снова, подойдя под самую трубу, когда я попытался схватить его лапу с ножом. Нож прошелся в дециметре от моих глаз. Я бросился вправо и ударил по его тоненькому предплечью. Нож с грохотом выпал на пол. Он бросился, чтобы поднять нож, и я рванулся за ним, ударив его по спине. Он упал врастяжку. Когда он попытался встать, я наступил на костистый гребень, который шел по всей его спине, перескочил поближе к голове и стал лупить по ней изо всех

сил. Я бил и бил. Инопланетянин поднял голову и стал подниматься, я ударил его снова, и снова, и снова. В хитиновом его черепе появились трещины, из которых стала сочиться розовая жидкость. Я снова ударил его трубой по голове. Кусок его черепа отскочил, обнажив розоватую мозговую ткань. Я все время колотил трубой, превращая мозг в кашу, розовые фонтаны ткани и крови взмывали вверх с каждым ударом. Инопланетянин крепко стоял на коленях. Он медленно стал поднимать одну ногу, чтобы встать. Я ударил его снова, а когда он поднял голову, я наотмашь нанес ему свирепый удар по лицу. Один глаз оторвался и со стуком отлетел прочь по полу, словно кусок кинокамеры. Он упал на бок. Я пнул его в лицо, и он покатился назад. Он перекатился на спину, а я вдогонку продолжал молотить его по позвоночнику и по голове. Он встал на колени и продолжал подниматься.

Я все лупил его и лупил. Он упал и попытался встать снова. Руки у меня устали, каждый удар становился слабее предыдущего, но его голова раскололась, а мозг постепенно превращался в розовую кашу. К концу трубы пристали розовые клочья. Я все наносил и наносил новые удары.

— Сдохни! — вопил я. — Сукин сын! — Я вопил это при каждом ударе. — Сукин сын! — Труба опустилась снова. — Сукин сын! — Опять. — Ах ты, незаконный сукин сын!

Он снова встал на колени.

— Ты сдох, сукин сын, сдох!!! — Я собрал все свои силы в одном дыхании, сел на его тело верхом и еще раз опустил трубу изо всех сил ему на голову. Тонкая струя розового пара поднялась вверх, и пенистая розовая жидкость бурным потоком хлынула из его черепа.

Но он стал подниматься снова.

Я заорал от отчаяния и отпрянул, чтобы передохнуть. Выждав, пока он поднимется на колено и поднимет голову, я ступил вперед, чтобы нанести еще один сокрушительный удар по затылку.

Словно жалящая змея, его огромная левая рука выстрелила и поймала конец трубы в железные тиски. Я тянул, но не смог высвободить трубу. Встав на ноги, он схватил трубу обеими руками. Я все тянул и крутил за второй конец, но безрезультатно. Он поднял свой конец трубы, скользнул правой рукой почти до середины и попытался вырвать ее у меня. Труба стала стонать и гнуться. Я отпустил ее и попятился. Он согнул трубу кренделем и отбросил, потом снова зашагал ко мне. Я отступал, пока не оказался прижатым к раскаленному докрасна трубопроводу. Я завопил и отпрыгнул вперед, невольно положив руку на то место сзади, где горячая труба обожгла меня. В этом движении я наткнулся на странное не то оружие, не то инструмент, кото-

рый купила Сьюзен. Он все еще лежал у меня в кармане. Я вытащил его. Инопланетянин бросился на меня и согнул свою огромную лапищу, ухватив меня за шею, а другой рукой — за голову. Я двинул его стволом в морду, выколов последний глаз, потом пнул его в низ живота, там, где гениталии. Он там не был уязвим, он вообще был неуязвим. Он давил меня все сильнее и сильнее. Голова моя готова была расколоться. Вонь скипидара и миндаля забивала мне ноздри. Я стал давиться, с трудом пытаясь глотнуть воздуха, потом стал молотить пистолетом по его хитиновой морде. Он стал сжимать меня все сильнее, его уцелевшие куски глаза дико вращались. Я вдохнул последний раз перед тем, как мне перекроют воздух.

Я терял сознание. Я поднял инструмент на уровень глаз, нажал что-то, что, как я надеялся, было правильной, нужной кнопкой, и закинул руку со стволом так, чтобы его шея оказалась прямо на прицеле. Я нажал на курок, и яркий огонек вспыхнул у меня перед глазами.

Башка ретикулянца отвалилась прочь, упав со стуком у моих ног.

Но он не отпустил меня. Схватившись за запястье гада, я протянул руку и резанул инструментом по его предплечью. Бешеное голубое пламя, словно ацетиленовая горелка, прорезало хитин и плоть. Я повернул инструмент, прорезая по кругу. Рука отделилась от туловища, и я рванул ее с шеи и бросил. Давление на мою голову ослабело. Я надавил на предплечье ретикулянца, и рука его опустилась. Я снова был свободен.

Я отступил прочь и смотрел, как тело шагнуло три шага назад, на миг зашаталось, потом упало навзничь. Даже лежа в агонии на полу, тело все еще дергалось, ноги словно хотели идти, оставшаяся рука конвульсивно сжималась и разжималась. Завороженный, я смотрел. Наконец ноги утихли и стали просто подрагивать.

Я поднял глаза на двух оставшихся ретикулянцев, которые все это время бесстрастно наблюдали.

Потом я упал на колени, дыхание вернулось ко мне всхлипами и судорожными вздохами. Приступ кашля охватил меня. Если твврррлл и его сотоварищ решили бы в этот момент взять меня, это можно было бы сделать голыми руками.

Но они просто стояли и смотрели.

— Замечательно, дрррруг наш Джейк,— сказал твврррлл.— Очень ккрасиво. Если бы мой брррат мог говорить, он бы поблагодарррил тебя за порразительно крррасивую и почетную смерррть. Прими и нашу благодарррность.

— Счастлив...— попытался было сострить я, но очередной приступ потряс все мои внутренности до основания. Когда он прекратился, я выдохнул:

— Счастлив помочь.

Второй ретикулянец выступил вперед, потом остановился. Тввррррлл сунул руку в сумку и вытащил из нее что-то, что передал своему собрату по охоте.

Инопланетянин встряхнул эту штуку, и она развернулась. Это была прозрачная сеть, изготовленная из крепко свитых между собой зеленых нитей. Он стал медленно приближаться ко мне, держа кинжал в левой руке, а сеть — в правой.

Я глубоко вздохнул.

— Черт,— сказал я.

Я встал.

Второй ретикулянец стал медленно приближаться, держа сеть наготове и рисуя в воздухе узоры взмахами кинжала. Я схватил обеими руками свое режущее оружие и рванулся вперед ему навстречу. В этот миг я почувствовал в теле щекотание адреналина, что означало, что мое тело перешло на второе дыхание и было готово к сражению.

Инопланетянин бросился на меня, пытаясь порезать мне ноги на бегу. Я отскочил в сторону. Он закружил на месте, попробовал снова достать меня, на сей раз отвлекая мое внимание кинжалом, и достал сеть, пытаясь ее бросить. Я отступил и ждал настоящего нападения. Он тянул время. Он стал кружить вокруг меня по более широкой дуге, пытаясь загнать меня в ближайший угол зала. Я дал ему это делать несколько минут, потом прорвал его блокаду и выбежал снова на середину пола. Тввррррлл был не более чем в трех метрах от меня. Я увидел в этом свой шанс и бросился на него.

Эта его сумка была весьма вместительна. Он навел на меня маленькое ручное ружье. Это мог быть и автомат, стреляющий дротиками,— его бы сканнеры в фальне не заметили.

— Мне не хотелось бы использовать против тебя такое недостойное оружие,— сказал мне тввррррлл,— но я это сделаю, если ты будешь действовать бесчестно.

Я отпрянул и от противоположной стены. Второй ретикулянец пересек комнату и стал патрулировать уже большой кусок зала. В конце концов он загонит меня в угол, и тем самым я стану мишенью для сети. Если я не нападу первым. Но, если я окажусь поближе к нему, что необходимо для моего нападения, он наверняка успеет набросить на меня сеть. Мне нужно было еще какое-нибудь оружие. Я скользнул к куче мусора, которая лежала у дальней стены, поглядывая на нее в поисках чего-нибудь подходящего. Я увидел длинный кусок металла, наверное, алюминия, который был погнут и на одном конце зазубренный. Я отступил вправо и поднял его. Инопланетянин смотрел на меня как всегда, бесстрастно, но мне показалось, что в его позе что-то изменилось, словно он перестраивал свою стратегию на ходу.

Я тоже подумал. Я сообразил, что большая часть нападе-

ний первого ретикулянца, так же, как и моего теперешнего противника, была направлена против тех частей моего тела, которые не были жизненно важны. С дрожью я понял, почему. Цель состояла в том, чтобы ранить меня и взять живым, оставив меня для окончательной почетной смерти на вивисекционном столе. И это было моим преимуществом. Я бы наверняка не выиграл первый раунд.

И на сей раз можно было крепко сомневаться, что я смогу победить, если не использую это преимущество как следует.

Я продолжал отступать вправо, когда он стал прижимать меня поближе к правому углу. Я дал ему возможность подойти, слегка разворачиваясь, чтобы начать пятиться, шагнул два раза к углу, потом внезапно прыгнул вперед, отталкиваясь одной ногой. Он было занес сеть для броска, но увидел зазубренный конец металлического прута, который был готов запутать и порвать сеть, и передумал. Я набросился на него, размахивая своим оружием. Несколько шагов он отступал. Потом он наклонился и попытался резануть меня по верхней части бедра. Я едва сумел увернуться и замахнуться на его руку, выпустив заряд из горелки, но не попав в него. Конец светящегося прута провел черту в воздухе, светясь в полутьме.

Он дважды отступил назад, потом бросился, фехтуя кинжалом, сделал три шага влево от меня и хлестнул сетью, словно кнутом, мне по ногам. Ее конец ловко обвился вокруг моей икры. Я увернулся, чтобы освободиться от сети, но сперва он успел дернуть и свалить меня с ног. Я упал на бок и покатился, упустив из рук алюминиевый стержень. Я крутнулся на коленях, чтобы найти его, но на сей раз не успел, и ретикулянец оказался надо мной. Влажная, липкая ткань сети окутала меня. Словно это было живое существо, живущее собственной жизнью, она немедленно стала сжиматься, окутывая меня словно теплой тянучкой. Я боролся и попытался встать, растягивая ткань сети всеми мышцами. Она стала упругой и немедленно начала стягиваться обратно, сжимаясь, словно напряженная мышца. Я почувствовал пылающую боль в колене, завопил и свалился. Я перекатился и постарался убрать руку с горелкой подальше от лица. Включив ее, я прорезал в ткани сети небольшое отверстие, через которое просунул руку с горелкой. Горелку я поднес к самому лицу ретикулянца. Он наклонился надо мной, пытаясь просунуть лезвие ножа в сеть, чтобы хирургически точно перерезать сухожилия моих ног. Он уклонился от горелки, схватив мою руку возле плеча, его хватка была крепкой, словно тиски. Я вывернул руку и стал тыкать ему горелкой в морду, всякий раз включая ее. Я схватил сеть в пригоршню и рванул на себя, его нож распорол сеть и проделал в ней здоровую дыру. Я вытащил из сети левую ногу и пнул как следует вверх, пяткой попав ему по глазам. Он упал, пытаясь

удержать меня за плечо, но я вывернулся, достал до него и горелкой прочертил длинную дугу на его теле. Я перекатился, встал на колени и стал резать сеть. Я освободил и вторую ногу и встал, собрав липкую массу сети вокруг тела, пока бежал в другой конец зала.

Это заняло у меня много времени, но я все же освободился. Руки, одежда, лицо — все было покрыто липкой массой от сети. Ретикулянец лежал неподвижно, но постепенно он стал подниматься, я бросился назад к нему, но он уже встал на колени, когда я к нему подбежал. Я подступил к нему поближе, размахивая включенной горелкой прямо у него перед лицом. Он встал, одна рука была прижата к обуглившейся прорези в хитине груди и живота. Из раны текла пенистая розовая жидкость. Он стал отбивать горелку своим ножом, пытаясь одновременно порезать мне руку или предплечье. Я загнал его в дальний угол, размахивая перед ним горелкой, причем не выключал ее ни на миг. Он врезался спиной в цилиндрической формы машину, отступил влево, ударился головой о трубу наверху, нагнул голову. Я попытался хватить его за шею, промахнулся и задел горелкой вертикальную трубу слева от себя. Труба стала плеваться и шипеть. Я вовремя отступил — струя кипящей желтой жидкости рванула из трубы, выстрелив на длину всего зала невысокой дугой. Инопланетянин успел использовать этот момент, чтобы выбраться из путаницы труб и проковылять подальше. Я нырнул под струю жидкости, чувствуя, как несколько кипящих капель все-таки упало мне на шею, и бросился за ним. Я поймал его и ударил пламенем горелки по спине, на ней тут же появилась еще одна обугленная рана. Он остановился и стал слепо молотить воздух рукой с кинжалом. Я ушел от удара и снова выпрямился, включив горелку. Еще одна полоса прорезала его торс, пересекая первую рану, нанося невозместимые повреждения всему телу. Я отступил, перенес вес тела на одну ногу и снова бросился в атаку. Ретикулянец согнулся пополам от боли. Я попытался зажать его шею в захват, но он отбил горелку в сторону. Я попробовал нагнуться пониже и прорезал ему левое бедро, отскочил и быстро ударил пламенем в лицо, а потом нанес крестообразную рану в грудь. Хитин на груди с треском распался и упал обломками на пол. Внутри было сплетение органов, больше похожих на механизм какой-нибудь машины, которые стали выпадать ретикулянцу в руки. Какие-то трубки, почти прозрачные, истекающие розовой жидкостью, выползли наружу, из отрезанных кусков вытекала розовая жидкость. Множество оранжевой сиропистой массы вытекло вместе со странным органом, который был похож на шестиугольный браслет с подвесками. Розовая пена лужами скапливалась на полу. Я ударил пламенем горелки его сложенные на брюхе руки. Масса его внутренностей выпала с плеском на пол. Упал и нож с черным лезвием.

Я расчленил его. Сперва руки. Потом одну ногу. Он повалился, и я методично порезал его на кусочки, словно ракапереростка, каким он в моих глазах и был. Это заняло несколько минут.

Когда я с этим покончил, я посмотрел в зал и увидел, что он весь полон дыма. Дальняя сторона зала вся была охвачена пламенем, и дымящаяся жидкость покрывала пол.

Я посмотрел на дверь. Твврррлл шел ко мне, зажав в руке нож. Я рванул в облако дыма и пара, зажав нос и рот и размахивая зажженной горелкой. Я слепо кружил, пока не наткнулся на дверь и не выбежал наружу.

(*Продолжение в девятнадцатой книге*)

Джон де Ченси

КОСМИЧЕСКИЙ ДАЛЬНОБОЙЩИК

Зарубежная фантастика

Лицензия ЛР № 040390 от 11.03.92 г.
Подписано в печать 11.10.94. Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 27. Гарнитура Таймс. Заказ 2347. Тираж 25 000 экз.

ГФ «Полиграфресурсы», Москва, Петровка, 26

Отпечатано с готовых диапозитивов в
АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5

МВ

Д. ДЕВЧЕНСИ · КОСМИЧЕСКИЙ ДАЛЬНОБОЙЩИК